

ПЛАНИРОВАНИЕ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Под общей редакцией Бодрунова С.Д.

2021

УДК 30.3(075.8)
ББК 65.013я73
Б75

Б75 **Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем** / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте : Центркаталог. — 2021. — 544 с.

25–26 марта 2021 г. состоялась Международная конференция «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем», приуроченная к 100-летию Госплана СССР, организованная Институтом нового индустриального развития им. С.Ю. Витте при поддержке Вольного экономического общества России, МГУ имени М.В. Ломоносова, Института экономики РАН, Московского финансово-юридического университета (МФЮА), Академии труда и социальных отношений.

В работе конференции приняли участие более 500 участников: ведущие ученые-экономисты университетов и научно-исследовательских центров России, представители государственных структур, а также зарубежные коллеги из Бразилии, Великобритании, Дании, Канады, Китая, Кубы, США, Франции.

В книге представлены материалы на основе докладов конференции.

Тексты, графики и таблицы публикуются в авторской редакции.

УДК 30.3(075.8)
ББК 65.013я73

ISBN 978-5-00020-093-3 (ИНИР им. С.Ю. Витте)
ISBN 978-5-903268-59-7 (Центркаталог)

© Коллектив авторов, 2021
© ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Планирование — это понятие и система практик, которые еще десятилетие назад ассоциировались с экономикой Мировой социалистической системы, и прежде всего СССР. Но кризис рыночного фундаментализма, который становится все более очевидным, а в еще большей степени — глубокие трансформации технологий, экономики и общества показали, что такое отождествление неправомерно, хотя опыт народно-хозяйственного планирования в нашей стране и странах «реального социализма» — как в положительных своих аспектах, так и в проблемных — безусловно, ценен и требует критического анализа и использования.

Это все более фундаментальное понимание в среде экономистов необходимости исследования и развития института планирования в современной рыночной экономике, на наш взгляд, неслучайно совпало со столетним юбилеем Госплана СССР — государственного и научного центра разработки и реализации народно-хозяйственных планов в нашей стране. Неслучайность этого совпадения лежит в тех практиках последних десятилетий, которые и в мире, и в России наглядно показывают, что неолиберальная модель экономики подходит к пределу своей эффективности вплоть до полного исчерпания себя в условиях генезиса качественно нового типа общественного производства — знаниеемкого, основанного на развитии новой индустрии, в которой задействованы НБИКС-технологии, предполагающего в качестве и работника, и потребителя — нового человека, уходящего от ориентации на возгонку симулятивных потребностей и все более нацеливающегося на творческое развитие и личностный прогресс.

Все это, вообще говоря, обуславливает необходимость реализации больших стратегических проектов общенационального и международного масштаба, а значит – применения планирования. Не менее важно и то, что глобальные угрозы, одним из симптомов возрастания опасности которых стала пандемия вкупе с мировыми экономико-финансовыми кризисами XXI века (первым, 2008–2010 гг., и вторым, начавшимся накануне эпидемии коронавируса), показали: нужны новые формы и методы координации, рынок сам по себе, вне дополнения стратегическим планированием, не работает.

В этих условиях особенно актуальным становится обращение к опыту СССР. Сразу подчеркнем: его повторение не только нецелесообразно – оно невозможно. Но многое из достижений той поры может и, уверен, должно быть использовано с учетом возрастающих возможностей современных технологий, новых знаний и изменившихся экономических и социальных реалий.

На этот круг проблем и была ориентирована Международная научная конференция «Планирование в рыночной экономике: воспоминание о будущем», организованная Институтом нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте при участии Вольного экономического общества (ВЭО) России, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Института экономики РАН, Московского финансово-юридического университета (МФЮА) и Академии труда и социальных отношений. В конференции приняли участие более 500 ученых, общественных деятелей, представителей государственных и бизнес-структур из стран Европы, Азии, обеих Америк.

По итогам данного широкого международного обсуждения проблематики планирования и подготовлена настоящая монография, в которую включены тексты наиболее значимых докладов, представленных на конференции.

Хотелось бы обратить внимание читателей на то, что в основе исследования будущности института планирования лежит развернутый анализ глубоких трансформаций, затрагивающих прежде всего технологические основы общественного развития. Главная линия этих трансформаций – развитие наблюдаемых тенденций, формирование Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2). Это – система общественных отношений, возникающая на базе «умного», становящегося все более безлюдным индустриального производства. На этой технологической платформе формируются новые, постэкономические отношения, путь к которым прокладывает научно-технический прогресс, генерирующий необходимость диффузии собственности, растущей социализации общества,

развития отношений солидарности, а не только рынка. Именно на этой основе и развивается новое, адекватное для условий НИО.2, планирование. Сохраняя свое институциональное назначение, этот институт, безусловно, приобретает в новых условиях новый облик, отражающий его существенное преобразование, позволяющее эффективно сочетать плановые методы с механизмами рынка. Этим проблемам посвящены публикуемые в первом разделе тексты видных экономистов, выступавших на пленарных заседаниях конференции.

Два последующих раздела книги исследуют уроки и опыт планирования в XX веке как в нашей стране, так и в других странах мира. Еще один раздел книги посвящен глобальным контекстам развития планирования.

Специально подчеркну, что книга содержит и мемориальные тексты, показывающие вклад Госплана СССР и его руководителей в развитие института планирования. Редактор полагает, что это будет актуальным вкладом монографии в анализ событий, связанных с распадом Советского Союза, поскольку книга приурочена в том числе и к 30-летию этого эпохального события — и в мировой геополитике, и в истории института планирования.

*С.Д. Бодрунов,
Директор Института нового
индустриального развития им. С.Ю. Витте,
Президент Вольного экономического
общества России (ВЭО),
Президент Международного Союза экономистов,
эксперт Российской академии наук,
доктор экономических наук, профессор*

Раздел 1

ПЛАНИРОВАНИЕ В 21 ВЕКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ

С.Д. Бодрунов¹

S.D. Bodrunov²

СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ТРЕБУЕТ ПОВОРОТА К ПЛАНИРОВАНИЮ³

Modern Development Strategy Requires a Turn to Planning

Рассматривается возможность использования исторического опыта планирования, начало которому было положено созданием в СССР Госплана в 1921 г. Практика доказала, что плановые методы могут с успехом применяться в странах с рыночной экономикой. Они особенно эффективны при необходимости обеспечить ускоренное развитие и глубокие структурные преобразования в экономике. Современное экономическое развитие сталкивается с серьезными противоречиями, прежде всего — с очевидным разрывом между возможностями, которые предоставляют новейшие технологии, и нарастанием рисков и угроз развитию человеческой цивилизации. Традиционная рыночная модель, особенно в ее неолиберальном варианте, не разрешает эти противоречия, а нередко и усугубляет их. Для преодоления кризиса современной цивилизации необходим переход к социально-экономической модели, опирающейся на новейшие тенденции в технологиях. Такая модель рассматривается с точки зрения концепции ноономики — неэкономического способа удовлетворения потребностей людей. Плановые методы при этом выступают как один из инструментов, необходимых для перехода к такой модели.

Ключевые слова: планирование, стратегическое планирование, Госплан, ноономика, реиндустриализация.

The possibility of application of the historical experience of planning is under analysis, which originated as a result of the Gosplan (The State Planning Committee) establishment in the USSR in 1921. That practice has proven that planning methods can be successfully applied to countries with a market economy. They are especially effective at providing accelerated development and profound structural transformation in the economy. Modern economic growth is faced with deep-rooted contradictions, primarily the obvious gap between the capabilities presented by the latest technologies and the escalation of the risks and threats to the advancement of human civilization. Not only the traditional market model, especially in its neoliberal form, does not contribute to working out those contradictions but also exacerbates them at times. To overcome the crisis of modern civilization it is necessary to transition to a socio-economic model based on the latest tendencies in technologies. Such a model is being considered through the lens of the noonomy concept — a non-economic approach to satisfaction of human needs. Planning methods in this case serve as one of the necessary tools for making a shift to this economic model.

Keywords: planning, strategic planning, Gosplan, noonomy, reindustrialisation.

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент, Вольное экономическое общество России, президент, Международный Союз экономистов.

² Sergey D. Bodrunov, Doctor of economics science, Professor, Director of S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists.

³ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. № 3 (69). С. 5-13.

Введение

В наши дни существенно возрастает интерес к институту планирования. Применение неолиберальных рецептов развития в течение последних нескольких десятилетий привело экономику к тупику «новой нормальности». Темпы экономического развития замедляются, инвестиционная активность падает, волатильность рынков возрастает, стандартные приемы макроэкономического регулирования теряют эффективность. Поэтому закономерно обращение к планированию как институту, позволяющему структурировать и организовывать человеческую деятельность для достижения поставленных целей (без идеологических штампов и навязанных предыдущими практиками коннотаций).

Таким, очищенным от идеологических наслоений, является один из крупнейших мировых экспериментов по внедрению плановых методов в экономику целой страны — создание 100 лет тому назад, 22 февраля 1921 г., Госплана, функционировавшего первоначально как Государственная общеплановая комиссия при Совете Труда и Оборона РСФСР¹. Отметим, что потенциал института планирования оказался настолько мощным, что и сегодня Госплан воспринимается преимущественно как орган, ставший на долгое время символом советской экономической модели. Более того, экономику СССР и остальных стран мировой социалистической системы, охватившей во второй половине XX в. треть населения Земли, неслучайно называли плановой — институт планирования составлял ядро экономической модели этой системы.

Мировая система социализма ушла в прошлое, но плановые методы живут. Они, как оказалось, вовсе не атрибут исключительно советского социализма. Различные виды планирования использовали в разные периоды (особенно на этапах модернизации экономики, мобилизации ее на достижение национальных целей) многие страны — от Франции до Южной Кореи, и это позволило им осуществить быстрый и эффективный рывок в развитии. Плановые методы и сегодня широко используются, наиболее яркий пример — Китай, становящийся по ряду параметров уже не второй, а первой экономикой мира.

И далеко не случайно именно сегодня, во время глобальной трансформации нашей цивилизации, обусловленной переходом

¹ Декрет Совета Народных Комиссаров (1921/1944). Положение о Государственной Общеплановой Комиссии. 22 февраля 1921. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР. 1944. С. 161–162. URL: <http://istmat.info/node/45925> (дата обращения: 16.08.2021).

к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2), к новому мирохозяйственному укладу на базе нового технологического уклада, все чаще научная общественность, бизнес-структуры и власти обращаются к опыту применения института планирования. Назад? Или — вперед? Полагаем вперед. План становится востребованным в грядущей жизни общества. В чем же «тайна» плана? Почему он не уходит в прошлое?

Чтобы понять, почему планирование оказалось востребованным не только в советской экономике и почему потребность в нем становится все более актуальной, рассмотрим ряд теоретических и методологических предпосылок. Без их анализа невозможно оценить значение тех современных тенденций развития экономики, которые делают плановые методы регулирования более чем востребованными.

Теория и практика

Обратимся к глобальным трансформациям последних десятилетий, в частности к проблемам генезиса ноономики как неэкономического способа удовлетворения реальных потребностей людей в ходе развития НИО.2. Мы посвятили этой теме немало работ [1—3 и др.] и сейчас выделим лишь ключевые аспекты.

Сегодняшний мир захлестывают проблемы: нищета сотен миллионов и бедность миллиардов; беспрецедентное неравенство в доступе к общественным благам не только отдельных страт населения, но и целых стран; искусственное торможение и искажение развития человека-личности; чувствительность мировой экономики к шокам различной этиологии и многое другое. Проблема устойчивости общественного развития стала настолько весомой и очевидной, что вызвала к жизни известные документы ООН по достижению целей устойчивого развития¹, множественные дискуссии различного уровня — от Давоса до Пекина², от саммитов «семерки» до всемирных

¹ United Nations. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 16.08.2021); United Nations. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года Резолюция 70/1, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 16.08.2021).

² NewEconomyForum.Beijing, November 20-22, 2019. URL: <https://www.neweconomyforum.com/2019-new-economy-forum-beijing/> (дата обращения: 16.08.2021); World Economic Forum. Annual Meeting. Davos-Klosters, Switzerland, 21—24 January 2020. URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2020> (дата обращения: 16.08.2021).

социальных форумов¹. При этом мировой уровень общественного производства, отражающий реалии и достижения современного научно-технического прогресса, позволяет хоть сегодня приступить к решению большинства этих проблем. Однако — воз и ныне там.

Это — глобальное противоречие современности, и оно обостряется в ходе прогресса технологий при сохранении устаревающих, на глазах архаизирующихся экономических моделей, в рамках которых технологические достижения служат не решению упомянутых проблем, а, наоборот, ускоряют их. В полной мере к таковым следует отнести господствующую неолиберальную модель современного капитализма, регрессирующего в направлении консерватизма.

Эскалация противоречий этого процесса чревата множественными глобальными рисками. Уже давно, со времен докладов Римскому клубу, стали очевидны угрозы нарушения глобального экологического равновесия в погоне за безудержным и далеко не всегда разумным наращиванием объемов потребления. Но сейчас масштаб этих угроз стал просто пугающим² [4]. Менее очевидными, но не менее опасными являются угрозы бездумного вмешательства с помощью новейших технологий в образ жизни и в саму природу человека. Замедление экономического роста при растущем имущественном неравенстве и неравенстве доходов чревато возгонкой социальных конфликтов [5, 6].

Однако негативное разрешение противоречия между накопленным экономическим и техническим потенциалом и нарастанием нерешенных глобальных проблем не безальтернативно. В недрах современного способа удовлетворения потребностей, который многим кажется естественным и вечным, объективно таится его финал — переход к неэкономическому способу удовлетворения потребностей, при котором производственная деятельность человека ориентируется не на наращивание объемов производства и потребления в денежном выражении, а на степень удовлетворения конкретных потребностей, определяемых по критериям не выгоды, а разума и культуры.

Генезис ноономики — это объективный процесс, зреющий в недрах современной экономической системы и указывающий на воз-

¹ G7 Summit. Video Teleconference Meeting. March 16, 2020. URL: https://www.mofa.go.jp/ecm/ec/page4e_001055.html (дата обращения: 16.08.2021); World Social Forum. Opening and closing of the Virtual World Social Forum. From January 23 to 31, 2021. URL: <https://wsf2021.net/> (дата обращения: 16.08.2021).

² United Nations. UN Report: Nature's Dangerous Decline "Unprecedented"; Species Extinction Rates "Accelerating". May 6, 2019. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2019/05/nature-decline-unprecedented-report/> (дата обращения: 16.08.2021); Earth Overshoot Day. Global Footprint Network. URL: <https://www.footprintnetwork.org/our-work/earth-overshoot-day/> (дата обращения: 16.08.2021).

можный (хотя и не единственный) и оптимальный вариант решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Его четыре реперные точки — научно-технический прогресс и новое, знаниеинтенсивное производство; растущая социализация общества; усиливающийся процесс диффузии собственности и солидаризм как платформа реализации консолидированных глобальных целей развития. Эти направления детально обсуждались в декабре 2020 г. на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе, крупнейшем международном форуме, организованном Институтом нового индустриального развития им. С.Ю. Витте¹.

Выводы

Объективно необходимый переход к новому типу общественного устройства и производственной деятельности человека не происходит сам собой. Без целенаправленной работы по поддержке этого процесса не обойтись. Следует сменить нынешнюю траекторию развития, чреватую тупиками, и проложить курс, позволяющий разрешать нарастающие противоречия и шаг за шагом двигаться к ноономике. Такой курс и задает план. План — в рамках стратегии перехода к новому состоянию общества.

При этом нужно понимать: есть важные компоненты такого перехода. Одна из них — общая концепция развития, другая — стратегия, определяющая долгосрочные перспективы, глобальные цели и основные средства их достижения в рамках принятой концепции. А план следует рассматривать как институт, определяющий систему правил, последовательность шагов, действий, поворотных точек на пути к стратегической цели, на современном этапе дополняющих и корректирующих рынок, чья «невидимая рука» нередко указывает в сторону не прогресса, а финансиализации и регресса. План определяет русло экономической реки, позволяя рынку самостоятельно развиваться в рамках проложенного русла.

Может ли план как институт быть востребован в нынешних условиях? Полагаем, что да. С нашей точки зрения, в текущей ситуации план — это объективно обусловленное дополнение рыночного саморегулирования, но не исключительная альтернатива ему. Плановые

¹ Объединенный международный конгресс СПЭК-ПНО-2020 «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм». 2–4 декабря 2020 года. Видеоматериалы конгресса. URL: <https://inir.ru/spec-pno-2020-info/> (дата обращения: 16.08.2021).

методы позволяют сочетать плюсы рыночного саморегулирования и планомерности. При этом, с одной стороны, повышается эффективность бизнес-моделей в экономических процессах, с другой — это позволяет ставить и целенаправленно решать задачи редуцирования негативных эффектов применяемых бизнес-моделей в интересах социума и стимулирования развития ноотенденций в экономике. И именно сейчас это становится насущной потребностью и полагаем — объективным условием выживания и разумного развития социума. Этим и объясняется возрастающий интерес к плановым методам управления экономикой.

В этом плане у России богатейший опыт. В то же время Россия сейчас, как никогда, нуждается в определении своего пути в меняющемся глобальном мире и целей развития, а также в применении рациональных способов достижения этих целей.

Поэтому нам важно осознать необходимость поиска таких способов. Формирование концепции развития, плюс формулирование стратегии развития страны на перспективу, плюс использование института планирования для достижения этих целей, на наш взгляд, — это та триада, реализация которой поможет вывести нашу страну на передние рубежи цивилизационного развития. Есть ли у нас инструменты для такой работы? Многое (но — не все) есть.

Отметим, что практически весь постсоветский период страна развивалась без ясно обозначенной стратегии и без добротных инструментов ее реализации.

Сейчас у России есть закон (при всех его недочетах) о стратегическом планировании. Установлены цели национального развития, из которых можно понять, что в стране намерены строить социально ориентированное общество с развитой экономикой, базирующейся на новом технологическом укладе. Определены многие подцели этих национальных целей. Есть национальные проекты. И немало отраслевых, региональных и прочих стратегий. Есть множество различных «планов». Однако качество нашего стратегического планирования оставляет желать лучшего [7, с. 55–57]. О его проблемах и необходимых направлениях совершенствования достаточно подробно рассказано в недавно вышедшей книге [8]. Назрела острая необходимость выработки главной, базовой стратегии — стратегии развития страны и использования для ее реализации планирования в качестве главного инструмента. Скажу шире — возрождения института планирования с учетом современных условий.

На последнем остановимся подробнее. Правительство по поручению Президента РФ работает над проектом Стратегии развития России. Горизонт стратегии — 2035 г. и более отдаленная перспек-

тива вплоть до 2050 г.¹ Создано несколько рабочих групп, анализируются варианты, механизмы, ресурсы. Предполагается, что будут определены цели и выработаны направления «главного удара».

Следуя призыву Президента России включиться в конструктивную дискуссию по этой важнейшей проблеме, эксперты ВЭО России (весьма представительная группа крупнейших макроэкономистов страны) в ходе сложных дискуссий и непростых консультаций подготовили и направили в Правительство России документ под названием «Новые пути России (к вопросу о Стратегии развития России)»².

Документ ориентирует в выработке стратегии на пять основных направлений:

Первое — новая социальная модель развития. Здесь в качестве главной обозначена конкретная цель: сокращение доли малообеспеченного населения и увеличение доли среднего класса. В числе мер — не только обширный пакет традиционных, радикально усиленных мер по поддержке малообеспеченных и нуждающихся страт и социальных групп, но и введение на достаточно высоком уровне общероссийского стандарта услуг общественного и бюджетного сектора и оплаты труда при значимом повышении доли затрат на оплату труда в национальном продукте; меры по снижению межрегиональной и межотраслевой дифференциации в оплате труда; корректировка денежно-кредитной политики; меры налогового регулирования материального неравенства граждан.

Второе — переход от отставания к научно-технологическому прорыву и занятию лидирующих позиций в мировом научно-техническом соперничестве. Целевой ориентир — удвоение темпов технологического развития и вхождение к 2035 г. не в десятку (как предполагалось ранее), а в пятерку мировых научно-технических лидеров по базовым направлениям 6-го технологического уклада; важнейшие инструменты в этом направлении — технологическое перевооружение промышленного сектора экономики, вложения в инфраструктуру и т.д.

Третье — экологически ориентированное развитие и создание каркаса экономики природосбережения. При этом (обращаю особое внимание!) в качестве приоритета обозначено не столько сокращение «углеродного следа» (при всей важности этого вопроса), сколько

¹ Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Комитет Совета Федерации по экономической политике. Стенограмма парламентских слушаний на тему «Реализация Федерального закона "О стратегическом планировании в Российской Федерации" в субъектах Российской Федерации». 28 мая 2019 года. URL: <http://council.gov.ru/media/files/75Yfi7H4uLDDUQkiZLZ7SQON64FUH1Ml.pdf> (дата обращения: 16.08.2021).

² Новые пути России (к вопросу о стратегии развития России) // Вольная экономика. 16.04.2021. URL: <http://freeeconomy.ru/vazhnoe/idti-svoim-putem-k-voprosu-o-strategii-razvitiya-rossii.html> (дата обращения: 16.08.2021).

комплексное использование природных ресурсов при принятии и реализации высоких норм природосбережения в рамках концепций «чистый воздух», «чистая вода», «рациональное лесопользование»; решение проблемы промышленных, бытовых отходов и других при поддержке внедрения экологически чистых технологий в традиционной для России энергетике.

Четвертое — новая модель пространственного развития, направленная на подъем срединной России и новый поворот на Восток и к Арктике, а также инфраструктурные решения по повышению связности территорий. Предлагается создание новых уровней и механизмов территориального управления и финансирования регионального развития; поэтапный переход от нынешней, практически полностью дотационной, на нормальную систему финансирования — самокупаемость, самофинансирование и — на этой основе! — самоуправление, формирование бюджетов развития регионов и территорий, перераспределение налогов и другие меры.

Пятое направление связано с евразийским вызовом. Глобальные центры мирового экономического развития неизбежно в ближайшие десятилетия переместятся на Восток, Азиатский континент, что необходимо учитывать. При этом идет мощная экономическая реструктуризация и реинтеграция евразийского пространства, и Россия должна внести свой вклад в этот процесс и получить определенные бенефиции. Отсюда — задачи по формированию Россией в странах — наших азиатских соседях и экономических партнерах — центров экономического, образовательного, научного, социального сотрудничества с созданием и развитием соответствующих институтов, ныне отсутствующих либо слабо функционирующих.

Дискуссия

В целом Стратегия развития России, по мнению экспертов ВЭО России, должна быть направлена на формирование привлекательной модели жизни граждан, на реализацию возможности (а она — есть!) сбалансированного, устойчивого развития, обеспечивающего гармонизацию целей существенного прогресса в экономике, связанного с переходом к новому состоянию общества, с одновременным ростом человеческого богатства и природосбережением.

Очевидно, такая стратегия потребует возрождения института планирования. Необходима разработка системы прогнозирования

и индикативного планирования социально-экономического развития страны в соответствии с законом о стратегическом планировании. При этом, исходя из особенностей и закономерностей нынешнего этапа научно-технического прогресса и уровня социально-экономического развития страны, перспективные прогнозы и форсайты должны быть разработаны на 15...20 и более лет, плюс — уточненные среднесрочные (на срок до 10 лет) и конкретизированные краткосрочные — на 1...3 года. Последние могли бы стать основанием для формирования годовых и трехлетних индикативных планов развития страны, включающих характеристики всех основных макроэкономических параметров и инструментов реализации государственной политики и программ развития госсектора, под которые должен формироваться госбюджет. Как справедливо отмечал академик РАН С.Ю. Глазьев, рекомендательный характер индикативного плана должен сочетаться с его директивностью для чиновников и органов государственного управления всех уровней [9].

Что же необходимо для создания системы планирования, контуры которой здесь обозначены? Многие специалисты полагают уместным воссоздать, реинкарнировать, дать вторую жизнь (в адекватной сегодняшней ситуации форме) «новому Госплану» — некоему органу, координирующему эту работу. Такого рода идеи выдвигались и ранее [7, с. 52; 10, с. 90], что является логическим выводом из исторического опыта СССР и других стран, применявших плановые методы. Наличие экономической стратегии предполагает использование института стратегического планирования как инструмента ее реализации. Применение инструментов стратегического планирования невозможно при ведомственной разобщенности государственных органов, осуществляющих разработку и ресурсное обеспечение планов, принимающих меры целеориентирующего экономического стимулирования бизнеса и отвечающих за достижение стратегических целей.

В порядке дискуссии отметим, что долгое время не только идея планирования, но даже идея активной промышленной политики предавалась в нашей стране анафеме. Считалось, что рыночное саморегулирование является универсальным и наиболее эффективным способом решения всех проблем всегда и при любых условиях, а государственное вмешательство только искажает рыночное равновесие [11, 12]. Мы полагаем, что эти идеи подлежат серьезному пересмотру.

В завершение подчеркнем: России нужен модернизационный рывок. Мифы рыночного фундаментализма и постиндустриализма оказались нежизнеспособными. Однако, не отказываясь от рынка в России, целесообразно дополнить механизмы реализации стратегических экономических задач плановыми методами. Только так

можно обеспечить решение задач реиндустриализации экономики на новой технологической основе (в первую очередь на основе знаниеинтенсивного, адекватного для перехода к НИО.2 производства) на первом этапе модернизации и продвижение к социально ориентированному государству, более справедливому устройству общества и ноономике — на последующих этапах.

■ Список литературы

1. *Бодрунов С.Д.* Концепция нового индустриального развития России / С. Д. Бодрунов. СПб.: ИНИР имени С. Ю. Витте, 2013. С. 171.
2. *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С.Д. Бодрунов. М.: Культурная революция, 2016. С. 328.
3. *Бодрунов С.Д.* Ноономика / С.Д. Бодрунов. М.: Культурная революция, 2018. С. 432.
4. *Zalasiewicz J., Williams M., Colin N., Barnosky A., Palmesino J., Rönnskog A.-S., ... Wolfe A.* (2017) Scale and Diversity of the Physical Technosphere: a Geological Perspective. *The Anthropocene Review*. Vol. 4(1). P. 1–12.
5. *Piketty Th.* (2014) *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press. P. 686.
6. *Bodrunov S.D., Galbraith J.K.* (2017) *New Industrial Revolution and Inequality Issues: Study guide*. Ed. by S.D. Bodrunov. М.: Plekhanov Russian University of Economics. P. 122.
7. *Клепач А.Н.* Поворот к стратегическому планированию: тернии и перспективы // *Вопросы политической экономии*. 2016. № 1. С. 44–63.
8. *Квинт В.Л.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика / В.Л. Квинт, С.Д. Бодрунов. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2021. С. 351.
9. *Глазьев С.Ю.* Выбор будущего. М.: Алгоритм, 2005. С. 350.
10. *Орешин В.П.* Потенциал планирования экономики // *Вопросы политической экономии*. 2016. № 1. С. 44–63.
11. *Ясин Е.Г.* Нерыночный сектор. Структурные реформы и экономический рост. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 88.
12. *Ясин Е.Г.* Новая эпоха — старые тревоги: Экономическая политика. М.: Новое издательство, 2004. С. 456.

А.Г. Аганбегян¹

A.G. Aganbegyan²

О НЕОБХОДИМОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ В НОВОЙ РОССИИ³

On the need for planning in new Russia

В статье обосновывается необходимость использования механизмов планирования для снижения воспроизводственных дисбалансов в российской экономике. Это касается в первую очередь социальной сферы и задач внедрения передовых технологий в производство. Стратегическое планирование должно быть ориентировано на перестройку модели отечественной экономической модели, отхода от чрезмерной сырьевой составляющей. Рыночный механизм самостоятельно такую задачу решить не способен. Кроме того, иллюстрируется исторический опыт планирования в различных странах, который может быть востребован в наше время.

Ключевые слова: государственное народнохозяйственное планирование, пятилетние планы, директивное и индикативное планирование, стратегическое планирование, целевая направленность плана, преодоление стагнации и современного кризиса, условия для перехода к социально-экономическому росту, стимулирование и структурные реформы, инвестиции в основной капитал, сфера «экономика знаний», инвестиционный низкопроцентный кредит, использование золотовалютных резервов, заимствования государства.

The article substantiates the need to use planning mechanisms to reduce reproductive imbalances in the Russian economy. This applies primarily to the social sphere and the tasks of introducing advanced technologies into production. Strategic planning should be focused on restructuring the model of the our economic model, moving away from an excessive raw material component. The market mechanism is not capable of solving such a problem on its own. In addition, the historical experience of planning in various countries is illustrated, which may be in demand in our time.

Keywords: state national economic planning, five-year plans, directive and indicative planning, strategic planning, the target orientation of the plan, overcoming stagnation and the current crisis, conditions for the transition to socio-economic growth, stimulation and structural reforms, investments in fixed assets, the "knowledge economy", low-interest investment loans, the use of foreign exchange reserves, government borrowing.

¹ Абел Гезевич Аганбегян, доктор экономических наук, академик Российской академии наук, заведующий кафедрой экономической теории и политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

² Abel G. Aganbegyan, Doctor of Economics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Economic Theory and Policy of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

³ Статья опубликована в журнале «Вопросы политической экономии». 2021. № 2. С. 27–45.

Необходимость возникновения системы народнохозяйственного планирования в СССР

Необходимость стратегического планирования как основного метода управления народным хозяйством связана с задачей коренного преобразования экономики страны для того, чтобы вырваться из отсталости и стать вровень с развитыми странами мира. Первый стратегический план — долговременный план ГОЭЛРО — был нацелен на выполнение этой задачи.

Условием перехода к планированию является наличие сильной государственной власти, необходимой как для разработки народнохозяйственного плана на перспективу, так и особенно для его выполнения. При переходе к социализму для этого создавались благоприятные условия в виде формирования общенародной (государственной) собственности как основы экономической системы.

В 1920-е гг. система планирования, ее теория, методология, инструментарий и механизмы успешно разрабатывались, и с 1928 г. страна перешла к развитию с помощью пятилетних планов.

На основе этих пятилетних планов в небывало короткий исторический срок СССР сделал огромный рывок в индустриализации страны, и прежде всего в создании тяжелой промышленности, особенно машиностроения и развитой оборонной промышленности. Для того чтобы решить эту задачу в столь короткое время, во многом пришлось пожертвовать благосостоянием значительной части населения, прежде всего крестьянства, а также использовать в широких масштабах подневольный труд заключенных. На этом пути было совершено немало трагических ошибок и принесено в жертву 7–8 млн жизней, в основном от голода в начальный период индустриализации.

В то же время без этого коренного преобразования вряд ли наша страна смогла бы устоять в Великой Отечественной войне против фашизма.

В послевоенный период благодаря государственному планированию удалось достаточно быстро восстановить разрушенное войной хозяйство, а в послесталинский период поднять сельское хозяйство и жизненный уровень населения, приступив с конца 1950-х гг. к массовому жилищному строительству.

В 1950–1960-е гг. удалось совершить новый мощный рывок в атомной промышленности и авиационно-космической сфере, а также в здравоохранении (достигнув в 1964–1965 гг. ожидаемой продолжительности жизни в 70 лет — на уровне развитых стран) и образовании, качественный уровень которого в России был выше большинства

развитых стран (3-е место в международном рейтинге по качеству образования). В развитии высокотехнологических отраслей мы развивались фактически в этот период вровень с развитыми странами. По объему валового внутреннего продукта СССР прочно закрепился на 2-м месте в мире после США.

Этот подъем продолжился в 8-й пятилетке (1966–1970 гг.), когда, благодаря косыгинской реформе в промышленности, мы заметно ускорили наше развитие за счет показателей эффективности. В конце 60 — начале 70-х гг. СССР достиг наивысших международных рейтингов, поднявшись до 40% уровня ВВП США.

Тогда удалось в значительной мере сочетать директивное планирование по основным показателям работы предприятий с возросшей их хозяйственной самостоятельностью. Не удалось тогда заменить материально-техническое снабжение оптовой торговлей, подчинив производство работе на потребителя. Не удалось также хотя бы частично, как это было в Венгрии и в Польше, либерализовать цены, разрешить мелкую частную собственность и кооперативы, сформировать малый и средний бизнес, в значительной мере работающий для удовлетворения потребностей возрастающего населения.

Напротив, вместо того, чтобы продолжить развитие рыночных отношений в экономике и двигаться в сторону либерализации при сохранении сильного государства и развитой правовой системы, произошло ужесточение централизации, расширение административных методов управления взамен экономических, и темпы социально-экономического развития от пятилетки к пятилетке стали угасать. Наступил десятилетний «брежневский застой». Страна стала отставать по технологическому уровню, показателям эффективности здравоохранения и образования. Ее удельный вес в мировой экономике стал снижаться.

Попытка выправить положение после смерти Л.И. Брежнева и в период перестройки при М.С. Горбачеве не удалась, несмотря на выдающиеся достижения по прекращению холодной войны и проводимые меры по демократизации и ослаблению диктатуры и авторитаризма.

Стихийный процесс демократизации постепенно перерос во вседозволенность. Государственная власть ослабла, начались разногласия между союзными республиками, в том числе РФСФР и общесоюзной властью. И все это привело к распаду СССР в 1991 г. в ходе глубокого не только политического, но и социально-экономического кризиса, связанного с всеобщим дефицитом, стихией частных рынков с возрастающими ценами, нарастанием долгового кризиса в стране. С 1990 г. начал падать объем экономики, промышленности, уровня жизни при повышении скрытой инфляции и обесценения денег.

Этот кризис был усугублен шоковым переходом к рынку, наступившей гиперинфляции, ростом государственного долга, стихийной конверсией военного производства, процессами растущей бедности, увеличивающейся безработицы, начавшейся депопуляции населения, когда смертность с каждым годом стала все больше превышать рождаемость. В результате огромная Россия была втянута в десятилетний трансформационный кризис, последней кульминацией которого был государственный дефолт в результате финансового кризиса 1998 г. со взлетом инфляции, четырехкратной девальвацией рубля, банкротством крупнейших российских банков, падением реальных доходов населения на 27% при трехкратном обесценении сбережений населения и т.п.

Новое руководство страны при переходе к рыночной экономике со второй половины 1991 г. «вместе с водой выплеснуло и ребенка» — отказались от планирования. И все это происходило в период, когда десятки других стран с успехом взяли на вооружение пятилетнее планирование, модернизировав его применительно к рыночным условиям.

Использование пятилетних планов в странах мира

Развитые и развивающиеся страны мира с преобладающей рыночной экономикой используют пятилетние планы в первую очередь в тех случаях, когда им нужно преобразовать экономику страны, в обозримый срок ее перестроить и перейти от отсталой страны к передовой в технологическом, экономическом и социальном направлении. Первой страной такого рода из развитых стран была Франция, экономика которой была разрушена в ходе Второй мировой войны, и ей было нужно быстро восстановиться. Благодаря нескольким пятилетним планам Франции удалось буквально за 10–15 лет опередить Великобританию по объему валового продукта, уровню экономического и социального развития. А когда Франция отказалась от пятилетних планов, ее развитие затормозилось. Англии под руководством М. Тэтчер благодаря реформам приватизации и финансовой системы удалось ускорить развитие, опять воссоздать главный финансовый центр Европы в Лондоне и вновь опередить Францию.

Другой яркий пример — полуразрушенная войной отсталая Япония в послевоенный период. С помощью пятилетних планов при усиливающейся экономической роли государства за 15 лет Япония опередила все европейские страны и поднялась на второе место в мире

после США. При этом по технологическому уровню в период конца 70-х — начала 80-х гг. прошлого века ей удалось встать вровень с США, а по отдельным технологическим направлениям даже опередить Америку.

Еще нагляднее опыт Южной Кореи — одной из самых отсталых в прошлом юго-восточных стран с малограмотным населением и к тому же с необходимостью крупные средства отвлекать на оборону против угрозы со стороны Северной Кореи. Ей тоже удалось в кратчайший срок вырваться из отсталости благодаря пятилетним планам и по показателям достигнуть уровня западноевропейских стран, заняв лидирующие места в мире по ряду высокотехнологических отраслей.

Интересный пример Турция, которая в настоящее время осуществляет 11-ю пятилетку. Будучи в прошлом отсталой страной, она сегодня по уровню экономического развития приблизилась к новым странам Европейского союза (ряду постсоциалистических стран) и вплотную к показателям России.

Отсталая Индия никак не могла нарастить темпы социально-экономического развития и остро нуждалась в многократном увеличении экспорта, который далеко отстал от импорта, тоже перешла на пятилетние планы и несколько лет назад завершила 12-ю пятилетку, подняв темпы своего развития до уровня Китая, в 3–4 раза превывсив средние темпы прироста развитых стран мира во главе с США, Японией и Германией.

Самый наглядный пример — пятилетние планы Китая, который успешно завершил 13-ю пятилетку и недавно принял 14-ю пятилетку с 2021 по 2025 г. По размерам экономики, рассчитанному по паритету покупательной способности Китай недавно превзошел США, отставая по ВВП, если его подсчитать по рыночному курсу доллара. По уровню экономического развития по этому курсу (ВВП на душу населения) Китай в 2019 г. превзошел нашу страну. Число бедных в Китае, по критериям ООН, за последнее десятилетие сократилось на 600 млн человек. При этом был сделан крупный рывок к формированию в Китае обширного комплекса высокотехнологичных отраслей, по которым Китай конкурирует с развитыми странами.

В период после 2-й Мировой войны примерно 20 стран мира совершили крупный технологический, экономический и социальный рывок, развиваясь 10–20 лет сверхбыстрыми темпами по 5–10% ежегодно. При всей несхожести и различии этих стран им свойственно ряд общих закономерностей, одна из которых — использование программирования или планирования в своем развитии при дирижерстве со стороны сильного государства. Рывок был обеспечен финансовым форсажем, при котором доля банковских активов,

уровень монетаризации и объем кредитования, особенно инвестиционного, как минимум увеличился в 1,5–2 раза. При этом инфляция и процентные ставки за кредит сократились до 3–5% и ниже. Ставка почти повсеместно делалась также на растущий экспорт и открытости экономики при использовании.

Главный упор при этом делался на развитие частной собственности и рыночных сил от жесткой государственной политики, на первом этапе страны прорыва постепенно увеличивали индикативное планирование и становились на путь экономической либерализации для стимулирования частной собственности, снижались налоги, вводились разнообразные льготы, расчищалось поле конкуренции. Все это способствовало росту благосостояния людей при приоритетном увеличении всей сферы «экономики знаний». Многие страны прорыва перешли от индустриального развития в постиндустриальный период инновационного роста.

На наш взгляд, эти страны демонстрируют нам путь к желаемому будущему.

Почему России необходимо перейти к стратегическому планированию?

При сложившейся системе управления без стратегического плана Россия за 30 лет своего существования по уровню экономического и социального развития в основном топчется на месте. Валовой внутренний продукт России в 2019 г. составил только 115% к показателям РСФСР 1990 г. За эти 30 лет экономика США и европейских стран увеличилась в 1,5–2 раза, а развивающихся стран — в 3–5 раз. Только за последние 10 лет шесть стран, отстававших от России, превысили ее уровень экономического развития (ВВП на душу населения). Объем промышленного производства при этом немного ниже 1990 г. главным образом из-за значительного сокращения производства вооружения. Так что по объему гражданской продукции мы немного превысили показатели советского времени. Объем сельскохозяйственного производства в основном соответствует показателям 1990 г. — по растениеводству немного больше, а по животноводству превышен уровень советской России по производству мяса птицы (куры и индейки), но большое отставание по производству молока и говядины, а также яиц. Соответственно, снизилось потребление указанных трех продуктов в расчете на душу населения.

Немного превышен максимальный объем жилищного строительства, достигнутый в России.

Лучше обстоит дело по среднему показателю реальных доходов. Дело в том, что фонд потребления населения в составе ВВП вырос в связи с тем, что вдвое (с 40 до 20%) снизилась доля фонда валового накопления основного капитала и сократилась в составе ВВП доля вооружения. К тому же численность населения России сократилась на 2 млн человек. Поэтому в расчете на душу населения реальные располагаемые доходы населения увеличились примерно на одну треть. Но увеличились они в подавляющей своей части за счет высокого роста доходов 20% наиболее богатых семей, которые сосредотачивают почти 50% всех доходов и 70% всех активов и недвижимости. Разница в среднем душевом доходе 10% самых богатых семей (120 тыс. руб. в месяц) и 10% самых бедных семей (8 тыс. руб.) в 2019 г. составила 15,4 раза, в то время как в советской России в 1980-х гг. эта разница составляла 3 раза, а к 1990 г. достигла 4 раз. Коэффициент социального неравенства Джини был в советской России менее 0,2, а сейчас составляет около 0,4. Поэтому число относительно бедных россиян, душевой доход которых вдвое ниже среднего, составил в 2019 г. более 30%, и их социальный уровень по сравнению с советской Россией не увеличился. При этом речь идет о количественных показателях потребления товаров и услуг.

Вместе с тем жизнь населения улучшилась из-за более богатого выбора товаров и услуг, отсутствия дефицита, более широких возможностей использования зарубежных товаров. Увеличилась свобода личности в поездках, выборе места отдыха, образовании и многом другом. Хотя для бедных слоев населения все это крайне ограничено из-за низкого дохода и высоких материальных затрат — переезда, смены жилья, трудностей получить высокооплачиваемую работу вблизи места жительства и т.п.

Отставание от других стран по показателям здоровья населения, и прежде всего ожидаемой продолжительности жизни, намного увеличилось. В конце 1960-х гг. это отставание составляло 1–2 года, в 1990 г. — до 5 лет, а сегодня — до 10 лет. В 2020 г. ожидаемая продолжительность жизни в России составила 71,1 года в сравнении с 81 годом в развитых странах мира. Причем по мужчинам эта разница составляет 13 лет. По уровню образования в советские годы Россия меньше отставала от других стран, чем сегодня, хотя она сохраняет достаточно высокое 30-е место. Вдвое по паритету покупательной способности Россия уступает зарубежным странам с таким же уровнем экономического развития. Показатели минимальной зарплаты, средней пенсии, пособия по безработице, доходы на душу населения в сельской местности и в малых городах в России здесь ниже в 2–3 раза.

Этот обзор показателей современной России в сравнении с советским временем показывает, что отставание России по основным рейтингам экономического и социального развития среди стран мира увеличилось от других стран. Мы переместились на более низкие позиции.

Еще большее отставание в России по уровню технологического развития. Здесь есть разные рейтинговые показатели, но в основном из 170 стран Россия занимает 70-е места. По уровню экономического развития (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности) занимает 40-е места, а по среднему размеру реальной заработной платы — 50-е. Еще выше в международных рейтингах место России по образованию и качеству человеческого капитала.

Две трети предприятий страны нуждаются в коренном техническом перевооружении, чтобы встать вровень с показателями развитых стран. В 4 раза ниже в России доля высокотехнологических отраслей в народном хозяйстве. Высокоинтеллектуальная сфера «экономика знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение) составляет 14% ВВП, в Китае — 22%, в Западной Европе — 30%, в США — 40%. Огромное отставание. 23% всех машин и оборудования страны работает свыше сроков амортизации, давно устарели и должны были быть заменены современным оборудованием. Хуже всего обстоит дело с транспортно-логистической инфраструктурой. В России почти нет современных двусторонних автострад и пока не построена ни одна скоростная железная дорога. Практически отсутствуют в России региональные аэропорты или хотя бы взлетно-посадочные полосы. Хотя в советской России их было больше тысячи. Огромный разрыв в благоустройстве жилья. 23% жилья в России не имеет холодной воды, 21% — туалетов, 38% не имеет ни ванны, ни душа, а 40% — горячей воды. Такое помещение не соответствует современному понятию жилья. А в них проживают десятки миллионов семей. Много еще проживающих в коммунальном заселении и в аварийном и не приспособленном жилье.

Почему все эти вопросы за 30 лет новой России не решены? Потому что сформирована своеобразная социально-экономическая система государственно-олигархического типа с незрелой рыночной экономикой и неразвитой частной собственностью, которая не имеет встроенного механизма социально-экономического роста. В нашей незрелой рыночной системе отсутствует двигатель, толкающий экономику вверх: не сформирован рынок капитала, и во многих ключевых отраслях отсутствует эффективная конкурентная среда в отличие от большинства других рыночных стран, где рыночная экономика стимулирует социально-экономический рост. И постсоциалистические страны Европы

и Прибалтики, которые стали новыми членами ЕС, за это время поднялись в 1,5–2,5 раза, прежде всего на рыночной основе.

Как видно, наша страна нуждается в коренном повороте в сторону технологического, экономического и социального развития. Перед нами стоит дилемма — или «в гору», или «под гору»? С 2013 г. мы постепенно катимся «под гору»: реальные доходы с того времени сократились на 10%, розничный товарооборот и платные услуги в расчете на душу — на 9%, конечное потребление домашних хозяйств с учетом кризиса 2020–2021 гг. тоже сократилось на 11%.

Одновременно снизились валовое накопление основного капитала за 2014–2020 гг. на 10% и уменьшилась с учетом кризиса сфера «экономики знаний». То есть два главных драйвера социально-экономического развития страны оказались подорваны. К тому же с 2015 г. снизился ввод жилья и на 20% сократился экспорт. А это дополнительные важные драйверы социально-экономического роста.

На наш взгляд, только с помощью стратегического плана, направляемого сильным государством, каким является наша страна, можно качественно изменить, развить нашу социально-экономическую систему, создать механизмы социально-экономического роста, одним из которых является народнохозяйственное планирование, а другим, не менее мощным, рыночный двигатель экономики. При этом, чтобы решить наши задачи, мы должны развиваться ускоренными темпами роста — по 3–4% в год в 2022–2025 гг., 4–5% в 2026–2030 гг. и 5–6% в 2031–2035 гг. Только в этом случае в предстоящие 15 лет мы сможем войти по основным экономическим и социальным показателям в число развитых стран мира. В этих предстоящих преобразованиях роль народнохозяйственного стратегического планирования трудно переоценить. Без него, пытаясь его подменить отдельными заданиями, частными программами, разрозненными мероприятиями, все это, как показывает опыт, общего позитивного результата, которого мы ожидаем, не дает. Напротив, время от времени приводит к провалам, в чем мы сможем убедиться в следующих разделах этой статьи.

Негативные последствия в социально-экономическом развитии и в управлении экономикой при отсутствии народнохозяйственного планирования

Народнохозяйственное планирование — во многом стандартизированная деятельность: оно требует прежде всего качественного прогноза, который лежит в основе плановых заданий,

систематического мониторинга результатов деятельности в сопоставлении с плановыми заданиями при ежегодной достаточно детальной отчетности с анализом причин и последствий, с учетом которых проводится корректировка плана на следующий год, поощрения, в том числе материального при выполнении и перевыполнении плана и, напротив, лишение премий и разбор причин невыполнения плана вплоть до увольнения из-за серьезной виновности в этом деле. Все это базируется на серьезном экономическом анализе и поэтому требует привлечения для разработки плана научных, проектных и конструкторских организаций и многочисленных экспертов.

Как я покажу на нижеследующих примерах, при существующем управлении экономикой столь высокие требования к качеству выдаваемых заданий, к их невыполнению или большому перевыполнению из-за заниженности не предъявляются. В целом научно обоснованный уровень управления, качество аналитической работы при этом, мягко говоря, оставляет желать много лучшего.

■ Пример № 1 Как страна попала в стагнацию?

С первого квартала 2012 г., когда прирост ВВП составил 4,7% к соответствующему периоду прошлого года, темпы экономики стали катастрофически падать из квартала в квартал, и в первом квартале 2013 г. составили 0,7%, т.е. сократились почти в 7 раз. Если бы был план, то, очевидно, что он бы предусматривал экономический рост более-менее равномерно по кварталам в размере 3,5–4%. И как только этот прирост стал сильно отличаться от планового начала, неизбежным при планировании было бы внимание к этому, анализ причин, как это могло случиться, и выработка предложений, как можно поправить дело и возвратиться к намеченным плановым показателям или скорректировать план. Ничего этого сделано не было, так как системы планирования не было.

А почему с 4%-ного ежегодного роста в 2010–2012 гг. мы его снизили в 2013 г. в 3 раза, а в начале 2014 г. в 6 раз — до 0,6? Заметьте, что все это было до присоединения Крыма, применения санкций против России, при рекордно высокой цене на нефть, которая позже стала снижаться. Никаких видимых негативных процессов. Напротив, самые благоприятные условия: небывало низкий уровень инфляции — 5,1% в 2012 г., минимальная ключевая ставка ЦБ (5,5%) и самые низкие в новой России кредитные ставки, огромный заем прежде всего корпоративного сектора, особенно крупных корпораций, контролируемых государством (Газпром, Роснефть, Аэрофлот и др.) — в 2010–2013 гг. предприятия и организации страны заняли по низким

ставкам на мировом финансовом рынке около 270 млрд долларов, небывалую сумму!

Почему же при всем этом страна от значимого социально-экономического роста, который был в 2–3 раза выше, чем в развитых странах, на уровне мировых показателей, мы угодили в стагнацию? Главная причина этого 25–30%-ное сокращение инвестиций в основной капитал за 2013–2015 гг. со стороны государственных инвестиций, в том числе по всем видам бюджета и крупных концернов, контролируемых государством, и в первую очередь Газпрома, РЖД и Росатома, крупное сжатие инвестиционного кредитования основного капитала со стороны государственных банков, имеющих основные активы. И только частный бизнес увеличил инвестиции в основной капитал за это время на 10%. Но поскольку сократилась сумма инвестиций по государственной линии, составляющая около половины от их общего объема, суммарные инвестиции упали на 11%. А ведь инвестиции в основной капитал в индустриальной стране, какой является Россия, к тому же с устаревшей технологической базой, отсталой инфраструктурой и жилищным строительством, являются главным источником социально-экономического роста.

Но беда не приходит одна. Ухудшились условия инвестирования в стране. И часть предприятий и организаций, в том числе занявших валютные средства на мировом финансовом рынке, не вложили достаточных инвестиций в развитие своей страны, а отправили эти средства на хранение за рубеж, в том числе в офшоры. Все эти годы шел отток капитала из страны. И этот отток был лишь частично компенсирован возросшим экспортом из-за повышения цен на нефть и газ — экспорт вырос примерно на 50 млрд долларов. Если бы был план, таких действий со стороны государственных организаций и организаций, контролируемых государством, которые имели бы директивные задания по увеличению инвестиций, трудно себе представить. Ведь их руководители и акционеры в этом случае ничего бы не получили, а многие были бы освобождены от должности, если бы они ввергли страну «на пустом месте» в стагнацию.

Затем, в конце 2012 г. высшие органы власти спохватились бы и стали выяснять причины и последствия такого падения инвестиций. И они нашли бы и средства. К тому времени во многом были возмещены потраченные в кризис 2008–2009 гг. золотовалютные резервы, и можно было бы их позаимствовать. Государство не допустило бы такой отток средств предприятий и организаций за рубеж и массовую покупку зарубежных ценных бумаг на привлеченные иностранные инвестиции. К тому же значительно выросли банковские активы

в период трехлетнего послекризисного подъема. И можно было бы за счет увеличения инвестиционного кредитования возместить падение инвестиций по отдельным предприятиям и организациям, если они были вызваны какими-то значимыми причинами, например отказом от строительства газопровода по «Южному потоку», «Северному потоку-2» и т.п.

Стагнация в полной мере была рукотворной и шла в вопиющем разрезе с заданиями Указа Президента РФ В. В. Путина от 7 мая 2012 г. о переходе к форсированному росту инвестиций и повышению их доли с 21% до 25% в 2015 г. и 27% в 2018 г. Все было сделано наоборот — доля инвестиций в ВВП сократилась на 17%.

■ **Пример № 2 Почему при сокращении экономики на 3% в период рецессии реальная зарплата и доходы населения упали на 10%?**

После присоединения Крыма Евросоюз и США ввели против России серьезные экономические и административные санкции. Во второй половине 2014 г. были введены ограничения для доступа России на мировой финансовый рынок и ограничили импорт в Россию товаров двойного назначения (для использования на военные и гражданские цели) и запретили ввоз в Россию оборудования для добычи нефти и газа на шельфе из сланцевых пород и др.

В это же время со второй половины 2014 г. Саудовская Аравия и члены ОПЕК приняли решение снизить экспортную цену на нефть, чтобы помешать США ускоренно развивать новую технологию добычи нефти из сланцевых пород, что привело к резкому сокращению объемов импортируемой в США нефти из этих стран. Цена на нефть со 110–115 долларов сначала снизилась до 60, а в 2015–2016 гг. — до 20–30 долларов. Все это вызвало переход стагнации в России в рецессию в конце 2014-го и вплоть до начала 2016 г. ВВП России в стагнацию сократился менее 3%, а промышленность — на 3,4%.

Но совершенно неожиданно реальная зарплата в 2015 г. снизилась сразу на 9,5%, в то время как до и после она ежегодно возрастала. Это снижение произошло из-за двукратной девальвации валютного курса рубля, значительного повышения из-за этого импортных цен, а за ними и розничных цен на 15,5% в 2015 г. А прирост денежной зарплаты сократился в 2–3 раза в 2015 г. по сравнению с 2013–2014 гг. и составил всего 4,6%, поэтому так сильно и рухнул прирост реальной зарплаты. При этом прибыли предприятий и организаций России в годы рецессии значительно увеличились.

В то же время реально располагаемые доходы населения, розничный товарооборот, платные услуги и конечное потребление домашних хозяйств в 2014–2016 гг. тоже снизились на 10% и более.

Если бы было планирование, то такую несуразность трудно себе представить. Как можно главный показатель жизненного уровня сокращать втрое больше, чем снизилась экономика? При планировании трудно представить составление плана со снижением прироста зарплаты, когда розничные цены вдвое возрастают и намного больше увеличиваются предпринимательский доход и дивиденды. Но, даже если это было сделано, то при подготовке итогов выполнения плана в конце 2015 г. все это было бы выявлено и исправлено.

А что произошло на деле? Реальные доходы, розница и конечное потребление домашних хозяйств и в 2016 г. продолжили снижение и не были выправлены до 2019 г., до конца стагнации. Поэтому при некотором увеличении валового внутреннего продукта за 7 лет стагнации указанные показатели благосостояния сократились в 2019 г. по сравнению с 2012–2013 гг. на 10% и более.

■ **Пример № 3 Рекордный рост смертности и подрыв сохранности народа России в кризис 2020–2021 гг.**

Наступление коронавирусной пандемии потребовало концентрации медицинских сил и средств для борьбы с пандемией. Если бы был план, то эта концентрация сил и средств осуществлялась бы с таким расчетом, чтобы не допустить значительного повышения смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, от которых в России гибнет 47% от всех умерших. Но это перераспределение делалось огульно, без расчетов. Просто у сердечно-сосудистых клиник забрали койки, врачей, медсестер, резко ухудшилось обслуживание скорой помощью сердечно-сосудистых больных и т.п. И Россия оказалась единственной страной, где резко выросла смертность лиц, не больных коронавирусом. Из всего дополнительного прироста смертности на 500 тыс. человек с апреля 2020 г. по апрель 2021 г. почти половина граждан умерла не заразившихся коронавирусом. В других странах такой процент был меньше 30, а часто — 10–20%. До пандемии смертность в России сокращалась примерно по 30 тыс. человек за год.

В итоге из 20 крупнейших держав мира, представленных на мировом саммите, в расчете на тысячу человек населения дополнительная смертность в России оказалась выше других стран. Причем выше не на проценты, а в разы. Даже в Америке с высшей зараженностью населения коронавирусом и высокой смертностью в расчете на ты-

сячу человек населения дополнительная смертность оказалась вдвое ниже, чем в России, а в Германии — впятеро ниже.

И это притом, что у России были в избытке средства для недопущения такого прироста смертности: наблюдался профицит бюджета, рекордно накопленные золотовалютные резервы, превысили 600 млрд долларов (это больше, чем в США), сохранялся нетронутым Фонд национального благосостояния в размере 13 трлн руб.

Насколько непрофессионально действовали министерства, свидетельствуют прогнозы. В августе, когда все уже было ясно, и эксперты предсказывали более-менее реальные показатели, Минэкономразвития обнародовало свой прогноз на 2020 г. о том, что население России сократится на 152 тыс. человек. Через два месяца, в октябре, они обнародовали новый прогноз — 350 тыс. человек. Когда кончился год, и легко было посчитать, что же случилось, они опубликовали новую цифру снижения населения на 510 тыс. А в итоге Росстат насчитал 583 тыс. человек — сократившаяся численность населения России — самый высокий показатель в мире.

Между тем, даже 11 июля 2020 г., когда естественная убыль населения страны набирала силу, был принят Указ Президента РФ В.В. Путина о перспективах до 2030 г., где первой высшей целью страны был объявлен естественный прирост населения, повышение здоровья людей и уровня жизни. Это триединая цель — главное, ради чего осуществляется социально-экономическое развитие страны. Она оказалась подорвана неумелыми действиями отдельных органов власти.

Высокая дополнительная смертность привела к снижению ожидаемой продолжительности жизни в России со сравнительно низкого показателя по отношению к другим странам — 73,4 в 2019 г. Этот показатель составил по итогам 2020 г. 71,1 года, на 10 лет ниже средних показателей по развитым странам мира. Сократился и без того крайне низкий уровень ожидаемой продолжительности здоровой жизни — с 60 лет 4 месяцев в 2019 г. до 58 лет и 11 месяцев в 2020 г. Этот показатель у развитых стран выше 70 лет. Кстати, в Москве, казалось бы, в центре медицины, ожидаемая продолжительность здоровой жизни снизилась на 3,5 года и теперь лишь немного превосходит 61 год, на 10 лет ниже, чем в развитых странах Европы, и на 5 лет ниже, чем в Польше, Венгрии, балтийских странах и других постсоциалистических странах Европы — новых членах ЕС.

■ **Пример № 4** **Выполнение заданий, принятых в 2018 г. национальных проектов**

Не буду писать о результатах 2020 г., ведь никто не мог предугадать наступление коронавирусной пандемии. Возьмем выполнение зада-

ний 2019 г., нормального, хорошего года с высокой ценой на нефть (63,4 доллара) без каких-либо негативных потрясений. Страна в 2017–2018 гг. преодолела рецессию и добилась самых высоких показателей прироста в годы стагнации — 2,5% прирост ВВП, более 5% прирост инвестиций в основной капитал, профицитный бюджет, массовая закупка золота, евро и долларов на финансовом рынке со стороны Центрального банка и Правительства России, быстро растущий фонд национального благосостояния, куда перечисляются дополнительные доходы от дорожающей нефти. И вот наступает 2019 г. Кажется, небольшой рывок и мы перейдем к социально-экономическому росту. Но не тут-то было. Основные показатели приросли даже меньше, чем в 2017 и 2018 гг. Валовой внутренний продукт, например, увеличился всего на 1,3%, вдвое снизил прирост. Еще больше сократился прирост инвестиций, зато продолжился небывалый рост прибыльности предприятий и организаций. За 2018–2019 гг. финансовый результат (прибыль минус убыток) предприятий и организаций поднялся на 72%, а прирост инвестиций из прибыли предприятий и прирост зарплаты оказался в 5–10 раз меньше. Если бы был план, возможно ли такое?

Сбербанк перевел своим акционерам рекордную сумму дивидендов, на чем он заработал — на закабалении населения, которому кредиты выдавались по высоким процентным ставкам и на чрезмерных ставках кредитов для предприятий. Если бы был план и соблюдалось трехстороннее соглашение между предпринимателями, трудящимися и государством, то прибыльность и зарплата росли бы примерно одинаковыми темпами, как это принято в большинстве стран мира. Такие диспропорции нигде не допускаются.

Теперь о заданиях по национальным проектам. В 2018 г. Министерство жилищного строительства установило задание ввода жилья на 2019 г. — 88 млн кв. метров. А итог — около 79. Как можно так ошибиться? Конечно, при планировании тоже бывают ошибки, бывают, что планы не выполняются, но они не выполняются на 1–2%, а то и на десятые доли процентов.

Берем национальную программу «Здравоохранение». Сокращение смертности трудоспособного населения в расчете на 100 тыс. человек. Задание было — 435. А в итоге — 475. Небо и земля. Это — не год кризиса, никакой пандемии еще не было. Это хороший 2019 г. Также катастрофически не выполнено задание по снижению смертности от сердечно-сосудистых заболеваний. Лучше всего обстоит дело по показателям борьбы с новообразованиями. В 2019 г. онкологи немного недотянули до задания, но уже в первом квартале 2020 г., когда пандемия еще не началась, это задание было перекрыто. И в отличие от многих других патологий, смертность от онкологии в 2020 г. сократилась.

Парадоксально выглядит задание по снижению младенческой смертности. Эта смертность в России ежегодно значительно сокращается. И тем не менее это был единственный показатель по здравоохранению в Указе Президента от 7 мая 2018 г. с заданиями на 2024 г., где было установлено явно заниженное задание — достигнуть в 2024 г. показателя младенческой смертности 4,5 на тысячу родившихся живыми. Любой, кто занимается этим делом, справедливо бы сказал — это можно сделать уже на следующий год, в 2019 г., в крайнем случае в 2020 г. Так оно и вышло. В 2020 г. мы достигли показателя 2024 г., единственного, просто из-за того, что его составляли непрофессионалы.

Если серьезно начать анализировать взаимосвязь медицинских показателей, то неграмотность станет очевидной. Ведь даны показатели сокращения смертности по основным видам патологии, которые напрямую выводят вас к показателю средней продолжительности жизни, зависящей от уровня смертности. Показатель сокращения смертности по трудоспособному населению и сердечно-сосудистым заболеваниям, а это наиболее крупные контингенты населения, они никак не корреспондируют с фантастически высоким, практически недостижимым заданием по увеличению ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет в 2024. Я не говорю уже о том, что все эти цифры совершенно не увязаны с бюджетными статьями расходов на здравоохранение, где они почти не растут.

Есть международный рейтинг ООН финансирования здравоохранения в процентах к ВВП. Россия в рейтинге из 189 стран занимает 140-е место. Наверное, это худший из всех социально-экономических показателей нашей страны. Потому что, например, по уровню экономического развития (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности) Россия в разных рейтингах занимает 40-е места, а не 140-е. Как может быть такой разрыв? Аналитикой тут даже не пахнет.

Таких примеров можно приводить много, но важно до конца осознать необходимость улучшения качества всей работы по управлению экономическим развитием. Планирование при эффективном применении это качество обеспечит.

Пятилетний план на 2021–2025 гг. жизненно
необходим России для возобновления
устойчивого социально-экономического роста

Речь идет о стратегическом народнохозяйственном планировании на 2021–2025 гг. с ключевыми заданиями до 2030 г. Я убежден, у России есть все основания с 2022–2023 г. перейти к 3%-ному

росту ВВП, а с 2025 г. — к 4%-ному росту. Все зависит от темпов прироста основных драйверов, обеспечивающих наше развитие. Два главных драйвера — инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал, точнее, в его основную составную часть сферу «экономика знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение). Прирост ВВП напрямую зависит главным образом от доли инвестиций в основной капитал в ВВП и доли «экономики знаний» в ВВП. В России эти доли предельно низкие. Доля инвестиций — 17%, в то время как в развитых странах — 20, в развивающихся — 30–35, в Китае — 45%. Доля «экономики знаний» в России — 14%, в Европе — 30, в США — 40, в передовых развивающихся и постсоциалистических странах — 20–25, в Китае — 22%. При таких показателях развитые страны имеют прирост ВВП в среднем 2–3%. Но главным источником их роста являются не инвестиции в основной капитал, а сфера «экономики знаний», поскольку они перешли в период постиндустриального развития.

В развивающихся странах главный источник — инвестиции в основной капитал и высокая их доля, обеспечивает приоритетные темпы роста экономики развивающихся стран — 4–6% ежегодно. Китай с рекордно высокой долей инвестиций в ВВП в среднем развивался 7% в год. Россия закономерно в годы стагнации показывала социально-экономический рост, близкий к нулю, поскольку ее доли по инвестициям 17% и по «экономики знаний» — 14% хватает только на простое воспроизводство. Экономический рост в индустриальной стране начинается устойчиво, ежегодно, если доля инвестиций составит 20–22%, а «экономика знаний» — не менее 20%. Темп будет минимальный, в лучшем случае — 3%.

Если мы перейдем к форсированному приросту инвестиций в основной и человеческий капитал по 10–15% ежегодно, то мы увеличим эти доли в ВВП к 2025 г. до 25%. И это обеспечит уже 4%-ный рост. После этого сверхвысокие темпы прироста инвестиций можно сбавить до 8–10% в год. И это позволит к 2030 г. повысить долю инвестиций в основной капитал и долю вложений в «экономику знаний» до 30%, что может обеспечить 5%-ный и даже 6%-ный прирост ВВП ежегодно.

Примерно 20 стран мира совершали в течение 10–20 лет во второй половине XX в. и в XXI в. прорывы в технологическом, экономическом и социальном уровне. Этому посвящены две замечательные книги под редакцией Я.М. Миркина. Это — Япония, Китай, Индия, Южная Корея, Тайвань, а сегодня — Малайзия и ряд других стран в Юго-Восточной Азии, Объединенные Арабские Эмираты, Израиль и Тур-

ция, а в Европе — послевоенная Франция, Италия, Испания, Ирландия и Польша. В Латинской Америке наиболее яркий пример — Бразилия. Эти страны в среднем в год увеличивали ВВП по 5–10%. Они использовали программирование и планирование, вначале довольно жесткое, с нажимом государства на бизнес, а со временем открыв простор рыночному развитию. Эти прорывы всегда сопровождались финансовым форсажем, прежде всего по линии инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал, всегда были связаны со снижением инфляционной ставки Центрального банка в размере 3–5% и ниже. При этом в 1,5–2 раза, как минимум, возрастали в период прорыва суммы, и поворот банковской системы к задачам социально-экономического развития. Прорыв, естественно, сопровождался ростом доходов и потребления населения, усилением его заинтересованности в труде.

Страны, организующие прорыв, часто делали ставку на экспорт, открытость экономики к технологическим новшествам, притоку капитала. К концу прорыва подавляющая часть стран проводила либерализацию экономической политики. России надо взять пример с этих стран и, кроме того, использовать идеи «рейганомики» в США и «тэтчеризма» в Англии. Америка, как известно, во второй половине 1970-х гг. и начале 1980-х была в глубокой стагнации и кризисе. Попытки президента Форда, а затем Картера преодолеть стагнацию не увенчались успехом, и они не были переизбраны на второй срок. И только президенту Рейгану удалось вернуть американцам утраченную мечту, обеспечить 4%-ный рост экономики, второе сократить безработицу, вчетверо инфляцию. Он снизил налоги на 700 млрд долларов, в том числе максимальную ставку подоходного налога с 70% снизил до 28, освободив от налога малообеспеченных. Он снизил налог с прибыли с 44 до 34%. Вдвое он сократил сроки амортизации, увеличил значительно фонд амортизации и, соответственно, инвестиции этого фонда. Более резко он снизил так называемый капитальный налог с доходов граждан, которые они тратили не на личные цели, а вкладывали в ценные бумаги, паевые фонды, в развитие производства. Высвобожденные средства в значительной мере были направлены на инновационное развитие, в массовом масштабе проводилось технологическое перевооружение предприятий и быстрый рост высокотехнологических отраслей. США без кризиса развивались 25 лет, до 2007 г. На одну треть повысились доходы и потребление населения в период «рейганомики». Массовый опрос населения США в 1985 г. показал, что, по рейтингам, президент Рейган стал лучшим президентом США за всю историю.

В России источником финансового форсажа могут стать активы банковской системы, которые в кризис 2020 г. увеличились на 12%

и превысили валовой внутренний продукт при высокой прибыльности крупных, прежде всего государственных банков. Их нужно повернуть лицом к задачам социально-экономического развития. Пока в России самая низкая доля инвестиционных кредитов в основной капитал — около 1,5 трлн руб., или 7% от всех инвестиций. В Европе инвестиционный кредит в основной капитал составляет от 30 до 50% всех инвестиций, в развивающихся странах 20–30% при вдвое высшей, чем в России, доле инвестиций в ВВП. В России эта доля может быть повышена в 3–5 раз.

Другой крупный источник — часть золотовалютных резервов. Кроме Фонда национального благосостояния, объем которого около 14 трлн руб., можно использовать на развитие страны, лучше на возвратных условиях еще 150 млрд долларов из 600 миллиардных золотовалютных резервов, оставив в неприкосновенности для финансовой безопасности 300 млрд долларов — больше, чем в любой европейской стране, и близкой по сумме ко всем золотовалютным резервам.

Третьим глобальным источником могут быть займы государства. Внешний долг российского государства минимален — менее 5% ВВП против 80% в ЕС и более 100% в США. А если считать с внутренними долгами, то госдолг России 19%, а в Китае и Японии, например, — 250% при наличии, правда, крупных золотовалютных резервов. К 2025 г. долг государства мог бы быть доведен до 30%, а к 2030 г. до 45%. А это сотни миллиардов долларов дополнительных средств, которые можно занять у стран с нефтедолларами, у Китая и Японии, а также у инвестфондов и крупных банков. Заметим, что Россия имеет высший рейтинг в возврате, в том числе досрочно, своих зарубежных долгов.

Так что средств у России может быть больше, чем нужно. Важно их эффективно использовать. Для такого использования в первую очередь нужно поднять долю частного бизнеса, сделав его основой экономики страны, для чего провести массовую приватизацию тех государственных предприятий и организаций, которые выполняют не государственные функции, а занимаются коммерцией, а точнее самообогащением. Частная собственность должна быть объявлена священной и неприкосновенной, как в других рыночных странах.

Чтобы заинтересовать предприятия и организации в технологическом развитии и вложении средств в основной капитал и «экономике знаний», целесообразно:

- освободить от налога ту часть прибыли, из которой черпаются инвестиции, что обеспечит прирост инвестиций до 1 трлн руб. в год;

- сократить амортизационные сроки в 1,5–2 раза, как в «рейганомике», и из увеличенного амортизационного фонда поднять инвестиции еще на 1 трлн руб.;
- установить налоговую паузу, льготы по предоставлению низкопроцентных кредитов под 3–5% годовых на технологическое перевооружение и создание новых мощностей высокотехнологических производств.

Условием социально-экономического роста является повышение доходов и потребления населения, рост платежеспособного спроса. В период стагнации и кризиса реальные доходы снизились на 15%, розничный товарооборот, конечное потребление домашних хозяйств — на 11%. Чтобы восстановить высший уровень 2012–2013 гг., предстоит осуществить всеобщие мероприятия по подъему доходов: поднять минимальную зарплату до 12 до 20 тыс. руб. в ближайшее время, в 2024 г. до 25 тыс. руб. за счет средств предприятий и организаций, утроить пособие по безработице, средний размер которого ниже прожиточного минимума в России, поднять средний размер пенсий в соответствии с рекомендациями МОТ до 40–60% заработной платы вначале с 15 до 20 тыс. руб., а потом до 25–30 тыс. руб. — в 2025 г.

Следовало бы провести мероприятия для более быстрого увеличения низких доходов на селе и в малых городах, где среднедушевой доход 20–25 тыс. руб. в месяц при среднем доходе в России 35 тыс. руб., и крупных городах — 45 тыс. руб. Для этого надо отобрать несколько сот тысяч крепких личных подсобных хозяйств и дать льготы в виде низкопроцентных кредитов, превратив их в крестьянские фермерские хозяйства. Эти фермерские хозяйства нужно объединить в промысловые кооперативы, создав при них тысячи предприятий по переработке сельхозпродукции, и создать в России торговую продовольственную сеть КООП, как в ряде других стран.

Целесообразно освободить значительную часть семей от кабальной зависимости от банков. Ведь 40 млн человек имеют задолженность более 20 трлн руб., а это более половины их годового дохода. Эти кредиты были предоставлены в основном по ростовщическим процентам, особенно от микрофинансовых организаций. Надо пересчитать долги, скажем, по 10%-ным ставкам и отсрочить дату их возврата. Для особо нуждающихся долги должны быть списаны или приобретены по низким ценам. Это можно сделать за счет разбогатевших в кризис крупных банков.

Важная и необходимая структурная реформа — реформа финансов, в том числе переориентация банковской системы, о чем говорилось, совершенствование налоговой системы, бюджетного финансирования, развитие внебюджетных «длинных» денег и др.

Третья реформа — управление региональным развитием. 70% регионов России в центр выделяет налогов намного больше, чем составляет трансфер из центра в эти регионы. Поэтому они могут быть переведены на самокупаемость, самофинансирование и самоуправление. Так организована региональная система управления в Канаде и Германии, не говоря уже о США.

В реформе нуждается и ряд сфер социального развития — пенсионная система, финансирование здравоохранения и образования, перевод ЖКХ в частный сектор. Эти реформы должны быть проведены с индексацией заработной платы и других доходов без снижения уровня жизни. Следует добиться социально-экономического роста, и лучше проводить реформы в условиях этого роста без особой спешки.

Россия — страна огромных возможностей, и она может и должна стать государством с достойным уровнем технологического, экономического и социального развития, сопоставимым с развитыми странами. Этого можно добиться к 2030–2035 гг.

■ Список литературы

1. *Аганбегян А.Г.* Новой России — 30 лет. Достижения и упущения (социально-экономический анализ). М., 2021. С. 48.
2. *Бахтараева К.Б., Жукова Т.В., Комова А.В., Миркин Я.М.* Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика; под ред. Я.М. Миркина. М.: Магистр. 2018. С. 480.
3. Государственное стратегическое планирование: состояние, перспективы и пути развития. Сборник аналитических материалов фракции Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, 2020. С. 80.
4. *Добашева И.В., Кудинова М.М., Левченко А.В., Миркин Я.М.* и др. Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика; под ред. Я.М. Миркина. М.: Магистр, 2014. С. 496.
5. *Клименко А.В., Королев В.А., Двинских Д.Ю., Рычкова Н.А., Сластихина И.Ю.* Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Ч. 1. С. 68.
6. *Леонтьев В.* Экономическое эссе. М.: Политиздат, 1990. С. 415.
7. *Ольсевич Ю.А., Грегори П.* Плановая система в ретроспективе. М.: ТЕИС, 2000. С. 159.
8. *Струмилин С.Г.* Планирование в СССР. М.: Госполитиздат, 1957. С. 98.

Д.Р. Белоусов¹

D.R. Belousov²

ПЛАНИРОВАНИЕ В НОВОМ ВЕКЕ: ЗАДАЧИ, ВОЗМОЖНОСТИ, СИСТЕМНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ^{3,4}

Planning in the new century: challenges, opportunities,
system constraints

Рассматриваются задачи планирования в новом веке и пределы целесообразности стратегического управления экономикой. Выделяются области, планирование в которых нежелательно, а иногда чревато потерями и конфликтами. Подчеркивается и доказывается актуальность планирования в настоящее время. Показана важность удлинения горизонтов планирования и управления для повышения темпов роста до 3...5% в год в целях обеспечения сбалансированного развития. Утверждается, что сегодня потеря темпов экономического развития равноценна потере будущего.

Ключевые слова: задачи планирования, стратегическое управление, системные ограничения, обеспечение сбалансированного развития, повышение темпов экономического роста.

The issues of planning and the limits of the expediency of strategic management of the economy in the new century are considered. Spheres in which planning is undesirable, and sometimes fraught with losses and conflicts are highlighted. The relevance of planning at the present time is emphasized and proved. The importance of lengthening planning and management horizons for increasing growth rates up to 3 ... 5% per year in order to ensure balanced development is shown.

Keywords: planning goals, strategic management, systemic constraints, ensuring balanced development.

В Советском Союзе достаточно богатый опыт планирования, в Российской Федерации за последние 15–17 лет также накоплен немалый опыт в этой сфере.

¹ Белоусов Дмитрий Рэмович, кандидат экономических наук, руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов, Институт народнохозяйственного прогнозирования, Российская академия наук.

² Dmitry R. Belousov, PhD in Economics Head of Analysis and Forecasting of Macroeconomic Processes at the Institute of Economic Forecasting of the RAS, PhD in Economics

³ В работе используются результаты проекта Т3-16, выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

⁴ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. № 3 (69). С. 20–24.

При этом мы видим пределы, в которых меры стратегического управления, воздействия на экономику целесообразны, и те, где этого делать категорически не следует.

Зачем и когда нужно планирование

1. Оно, безусловно, необходимо, когда в силу изменения внешних условий развития, выводящих деятельность за рамки «business as usual», и государству, и обществу, и бизнесу нужно выйти за пределы сложившегося тренда, создать новые сектора и новые источники роста.

Проблема в том, что экономика — ее институты, соотношение экономических сил субъектов и т.д. — самонастраивается на сохраняющуюся в течение достаточно длительного времени воспроизводственную и технологическую структуру. Возникает эффект «институциональной инерции» — сами институты обеспечивают устойчивость воспроизводственной структуры, мешая ее трансформации в соответствии с возникающими ограничениями и вызовами развитию. Поэтому нужны целенаправленные и скоординированные усилия, чтобы переломить сложившиеся тренды, если за ними стоят интересы игроков и инерция институтов.

2. Обычно при этом необходимо создание новых субъектов экономики, которые будут и агентами, и «интересантами» изменений. В свою очередь, если мы хотим создавать новых игроков и новые сектора, мы должны обеспечить для них пространство в экономике и соответствующие институты, пространство реализации их интересов с достаточно умеренными рисками.

3. Этим можно заниматься только в рамках долгосрочных действий. Однако, согласно нашему исследованию поведения игроков, у большого числа компаний горизонт планирования — год, у части — три, в основном — не более 5 лет. Для более масштабных изменений нам нужно искусственным образом создавать для компаний (участников этих изменений), граждан и самого государства просматриваемую перспективу на 10–15 лет — на весь горизонт, на которой мы можем реально обеспечить управление. В силу этого государство с его плановым характером деятельности (хотя бы в силу логики бюджетного планирования) берет на себя риски, связанные с низкодоходной и высокорискованной деятельностью; приватизация 1990–2000-х гг. четко показала, что в первую очередь при приватизации крупных предприятий за периметр выводят «НИРовские» подразделения, заводскую науку и т.д. — те подразделения, которые не создают потока доходов

«прямо сейчас» (и могут не создать его в ближайшие три года). Отсюда — вынужденное принятие подобных структур (в большей степени госкорпораций) государством «на себя», чтобы заполнить воспроизводственный разрыв, связанный с поведением бизнеса.

4. И главное — планирование крайне востребовано, когда необходимы комплексное решение, взаимная системная увязка разноплановых видов деятельности (например, структурной политики, маневра занятыми между отраслями и развития территорий; структурной политики, стратегии развития инфраструктуры и региональной политики). Если мы хотим создавать новые отрасли при довольно жестких ограничениях по количеству занятых, то нам необходим управляемый маневр между отраслями производства и соответствующими территориями (это предполагает наличие грамотной образовательной политики, строительство дешевого жилья в принимающих регионах и т.д.), чтобы избежать социального кризиса.

Когда заниматься планированием не стоит

1. В зоне риска (иногда — надо, иногда не стоит). Это попытки задавать избыточно конкретные приоритеты в быстроменяющихся условиях. Пример — развитие науки. В первой половине 2000-х гг. в ходе создания первых стратегических документов в сфере научно-технологического развития мы сталкивались с тем, что ситуация меняется быстрее, чем длится цикл планирования. Пока разрабатывали систему приоритетов, возникали новые научные направления, например, оптогенетика, которая не попала в приоритеты, потому что она возникла и дала результаты как раз в период создания и согласования документов.

2. Чего вообще лучше не делать. Прежде всего — это планирование обычной деятельности компаний «as usual». Для ученого, особенно занимающегося достаточно абстрактной деятельностью (философа, математика, экономиста), возникает масса соблазнов спланировать всю экономику от начала до конца. Но практика показывает: если это планирование находится вне конкретных интересов тех, кто осуществляет деятельность, и не подкреплено соответствующими стимулами и ресурсами, возникнут конфликты с бизнесом, и субъекты найдут способ уклониться от навязываемых решений. Напомним историю последних 20 лет советской власти: сложный диалог Госплана с директорами предприятий (скорее торг и взаимные уговоры, чем выполнение распоряжений). Особенно это

касалось «низкостатусных» подразделений Госплана, не усиливавшихся весом секторов ЦК КПСС, отвечавших за оборонную и смежные отрасли (об этом много писал Юрий Васильевич Яременко).

3. Еще более слабая идея — управление потребительским поведением, деятельностью домохозяйств. Попытки определить выбор домашних хозяйств ни к чему, кроме отставания в развитии определенных сфер, не приведут. Заметим, что домохозяйства, определяющие 40% спроса на ВВП, являются достаточно мощным драйвером развития экономики. Попытки «рационализировать потребление» или определять характер производства в личных подсобных хозяйствах ведут к хозяйственным потерям и бессмысленным конфликтам.

4. И наконец, это попытки жесткого диктата в сфере «ризоматической» творческой деятельности и научного поиска. Как можно регулировать деятельность, конкретные форматы которой еще не оформились.

Почему планирование актуально сейчас

1. Сегодня по инерции темп роста у нас порядка 2% с неясными перспективами в дальнейшем, а для сбалансированного развития нужно 3...3,5% и выше.

2. Этого можно достичь, только осуществив маневр в пользу новых зон и секторов роста, фактически создав новые сектора (ср.: «отрасли НТИ») и территориальные кластеры роста.

3. Для этого необходимы переток доходов и занятых между секторами, создание механизмов научно-технологического развития, ориентированных на потребности развития.

4. В свою очередь, это требует удлинения горизонтов планирования и управления компаний, для чего необходим набор масштабных и понятных для бизнеса, населения и науки государственных программ (инфраструктура, территориальное и научно-технологическое развитие).

Сегодня потеря темпов экономического роста равноценна потере будущего.

Перед коронавирусом кризисом Россия находилась в состоянии вялого, но довольно устойчивого роста, с характерным темпом 1,5...2% в год. При этом на устойчивость тренда не очень сильно влияли ни санкции, ни даже колебания курса: после шоков динамика восстанавливалась довольно быстро.

Для сбалансированного развития стране нужен экономический рост на 3...3,5% в год и выше. «Стабильность» с умеренными темпами роста сегодня означает:

- накопление потенциала несбалансированности (невозможность одновременно решать социальные и инвестиционные задачи). Расчет показывает: если мы хотим одновременно осуществлять более-менее быстрое валовое накопление основного капитала в соответствии с задачами, поставленными президентом, развивать социальную сферу приличными темпами, ликвидировать бедность и обеспечить обороноспособность, 2% недостаточно. Улучшая благосостояние населения, мы не впишемся с инвестициями, а повышая финансирование инвестиций, будем вынуждены экономить на благосостоянии населения и развитии социальных институтов;
- нарастающее отставание от основных конкурентов (и потенциальных противников) в экономике. Если в 2011 г. прирост российского ВВП составлял 12% от китайского, то к 2019 г. — 4% от китайского по паритету покупательной способности. То же самое с США и даже с Польшей, которую мы опережали в разы, а теперь вышли практически на уровень прироста, соответствующий польской экономике.

При этом условия развития (демографические, структура мировых рынков) будут в перспективе, скорее, замедлять развитие российской экономики. По итогам нынешнего кризиса мы видим, что цены на нефть могут быть экстремально низкими. По данным основных мировых прогнозно-аналитических агентств, рынки нефти, газа и пр. (опорные для нашего экспорта) по меньшей мере не будут быстро расширяться.

При этом в несырьевых отраслях сложился замкнутый круг: избыточная занятость — низкие зарплаты (чтобы удержать трудовые издержки) — бедность и недопотребление — низкий спрос на отечественные товары.

В рамках долгосрочной политики развития предстоит выдержать «тройной баланс»:

1. *Между стимулированием роста и социальной стабильностью:*

- высвобождение занятых должно обеспечиваться соответствующими по масштабам программами переобучения;
- развитие новых секторов и зон экономического роста — расширением жилищного строительства;
- развитие малого бизнеса, поглощающее занятость, — обеспечением финансовой устойчивости регионов, снижающим давление на малый бизнес.

2. *Между развитием новых технологий и модернизацией ядра производства:* нельзя допустить, чтобы новое ядро технологического развития, замкнутое на внешний рынок и по ресурсам, и по выходу,

уничтожило традиционные производства (вместо технологического облагораживания).

3. *Между стимулированием роста (инвестиционного и потребительского спроса) и обеспечением конкурентоспособности российской продукции:*

- для этого необходим акцент на эффективность использования трудовых и инвестиционных ресурсов;
- сохраняется требование бюджетной и макрофинансовой стабильности.

Чтобы выйти за пределы этой стратегически тупиковой структуры экономики, нам необходимо осуществить многосторонний маневр:

- повысить производительность труда. Целевые параметры экономического роста (3...3,5% в год по ВВП) предполагают с учетом сокращения численности трудоспособного населения (будет отнимать из роста порядка одного проц. пункта) рост производительности на 4...4,5% в год по ВВП на 1 занятого. При этом очевидных перспектив ускоренного наращивания производительности (сверх 1...1,5% в год) в сырьевых отраслях нет. Отсюда в ядре экономики — в нерентных отраслях и вне бюджетного сектора — производительность должна расти на 5...6% в год с выходом на средневропейский уровень. Чтобы удержаться на траектории интенсивного роста, нужна модернизация в одних секторах и привлечение занятых и капиталов в новые. Это может сопровождаться высвобождением занятых, трансформирующих скрытую «аграрно-промышленную» безработицу в ресурс для развития новых секторов и производств;
- требуется соответствующая по мощности система образования взрослых — порядка миллиона — полутора миллионов переподготовки в год.

Одновременно необходимы соответствующие масштабы жилищного строительства в новых районах экономического роста (порядка 80...100 млн м² в год).

Наконец, рост производительности труда подразумевает требования к инвестициям со стороны государства и госкомпаний (развитие инфраструктуры, инноваций и т.д.), прежде всего частного бизнеса. Необходимо вовлечение бизнеса, имеющего интересы в конкретных стройках, в планирование инфраструктурного развития (в режиме формирования «дирекций проектов»). Для этого требуется удлинение бизнес-планирования: сегодня проработанные планы развития в пределах 3...5 лет есть только у крупнейших корпораций и в значительной мере у государства.

В конечном итоге речь идет об управлении самой архитектурой управления, обеспечивающей баланс между жестким порядком, основанным на планировании, и проектах, обеспечивающих реализацию поставленных целей и конкретных задач, и развитием творческой ризомы, саморазвитием в областях, которые находятся вне сферы планирования. Очень важно умение не только достигать поставленных целей, но и создавать следующие.

А.В. Бузгалин¹

A.V. Buzgalin²

А.И. Колганов³

A.I. Kolganov⁴

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ПЛАНИРОВАНИЯ: ПРАКТИКИ И ТЕОРИЯ (СТОЛЕТИЮ ГОСПЛАНА ПОСВЯЩАЕТСЯ)⁵

Past and Future of Planning: Practices and Theory
(Dedicated to the Centennial Anniversary of Gosplan)

В статье исследуется совокупность практик планирования в XX веке и в настоящее время. Особое внимание уделяется историческому опыту планирования в СССР, где эта система отношений была развита в наиболее широких масштабах, хотя и имела глубокие противоречия и носила во многом бюрократический характер. Показываются специфика, потенциал и пределы развития

The article examines the totality of planning practices in the twentieth century and at the present time. Special attention is paid to the historical experience of planning in the USSR, where this system of relations was developed on the widest scale, although it had deep contradictions and was largely bureaucratic. The specifics, potential and limits of planning development in a market economy are de-

¹ Бузгалин Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, вице-президент ВЭО России.

² Alexander V. Buzgalin, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Director of the Center for Modern Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Vice President of the VEO of Russia.

³ Колганов Андрей Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник, Центр методологических и историко-экономических исследований, Институт экономики Российской академии наук.

⁴ Andrey I. Kolganov, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Laboratory for Comparative Research of Socio-Economic Systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Head Researcher, Center for Methodological and Historical and Economic Research, Institute of Economics RAS.

⁵ В основу статьи легли следующие статьи авторов: Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике XXI века // Вопросы политической экономики. 2016. № 1; Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // Вопросы экономики. 2016. № 1; Планирование в экономике XXI века: какое и для чего? // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 1; и др.

планирования в рыночной экономике, показывается, что плановая и рыночная системы — противоположны по своему содержанию, но отношения рынка и плана противоречиво совместимы на этапе заката капитализма и генезиса социализма. Особое внимание уделяется проблемам и путям развития селективного планирования в современных условиях, показывается, какими могут и должны быть его цели, субъект, методы и т.п.

Ключевые слова: планирование в СССР, планирование в рыночной экономике, Госплан, противоречия планирования, Россия.

scribed. It is justified that the planned and market systems are opposite in their content, but the relations between the market and the plan are contradictory compatible at the stage of the late capitalism and the genesis of socialism. Special attention is paid to the problems and ways of selective planning in modern conditions development. The possible and needed what its goals, subject, methods, etc. are described.

Keywords: Planning in the USSR, planning in a market economy, Gosplan, planning contradictions, Russia.

Слово «планирование» в современном общественном сознании часто ассоциируется с советскими пятилетками и деятельностью Госплана. Это и правильно, и неправильно.

Планирование в советской экономике: Госплан СССР и его руководители

Это правильно, ибо сто лет назад в СССР был принят план ГОЭЛРО, а затем началось составление так называемых «Контрольных цифр...» и это был первый в мире опыт макроэкономического (общенационального) индикативного планирования. Напомним, что 22 февраля 1921 г. была создана Государственная общеплановая комиссия — прообраз Госплана, который предназначался для разработки и реализации единого общегосударственного хозяйственного плана.

Только через много лет этот опыт стал (и в гораздо менее масштабных формах) использоваться наиболее развитыми странами мира, и лишь после Второй мировой войны индикативное планирование стало одним из важнейших инструментов стимулирования промышленного роста в странах Европы, Азии и др.

Более того, на базе индикативного планирования в смешанной экономике эпохи НЭПа (Новой экономической политики, проводившейся в СССР в 1920-х гг. и предполагавшей использование регулируемых государством товарно-денежных отношений, не только государственной и кооперативной, но и частной собственности и др.) выросло народнохозяйственное планирование, ставшее главным

механизмом координации в экономике СССР. Это планирование было формой качественно нового, пострыночного способа взаимосвязи производителей и потребителей, формирования и поддержания пропорций, обеспечения технологического и социально-экономического развития, формой того, что в СССР справедливо назвали «планомерностью»¹.

Эти отношения обеспечивали советской системе возможность мобилизации и концентрации ресурсов на ключевых направлениях экономического и социального развития. Так были решены задачи ускоренной индустриализации и создания материально-технической базы, позволившей СССР разгромить армии не только гитлеровской Германии, но и практически всей оккупированной ей или присоединившейся к ней Европы, обеспечить переориентацию производства на нужды войны, восстановить в кратчайший период экономику после массового ее разрушения в 1941–1945 гг., реализовать космическую, ядерную и иные программы, обеспечить приоритетное развитие науки, образования, культуры и т.п. (заметим: в XX в. и в странах с рыночной экономикой космические и иные проекты реализовывались преимущественно на плановой основе).

С другой стороны, директивное планирование носило во многом бюрократический характер и это (а также ряд более фундаментальных причин, на которых мы в данном тексте останавливаться не будем) приводило к развитию так называемой экономики дефицита.

Эти проблемы в СССР стремились решать путем соединения плана и рынка при главенствующей роли первого. При этом и в академической среде, и в высших кругах руководства советской экономикой споры о соотношении плана и рынка и мере использования товарно-денежных отношений не утихали на всем протяжении развития советской плановой экономики.

Эти дискуссии были сугубо не случайны: становление качественно новой (по сравнению с рыночно-капиталистической) экономической системы не могло происходить путем одномоментной, революционной смены одной системы отношений координации (товарного производства и обмена) на другую (планомерную). Первая должна была сосуществовать и сосуществовала в противоречивом единстве со второй на протяжении долгих десятилетий. Более того, развитие элементов планомерной координации в рамках рыночно-капиталистической системы является такой же закономерностью,

¹ Подробнее см.: Хессин Н.В. Планомерность как экономическая клеточка социализма // Вопросы экономики. 1964. № 6; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985.

как и сохранение товарных отношений в рамках планомерной. Другое дело, что противоречия этих отношений могут и должны разрешаться (и воспроизводиться в новой, более эффективной форме) в процессе формирования институтов как существующей сейчас капиталистической, так и прошлой (советской) и будущей социалистической системы.

Эти противоречия были характерны и для советского планирования, причем разрешались они далеко не всегда оптимально. Проблема создания системы планирования, сочетающейся с рынком и эффективной не только с точки зрения создания стратегических технологических, социальных и т.п. прорывов в экстремальных условиях, но и с точки зрения обеспечения сбалансированного, бездефицитного развития всей экономики, включая сферу производства потребительских благ и услуг, в СССР в полной мере так и не была решена. Все это свидетельствует как о высоком потенциале той системы планирования, так и о том, что буквальное копирование этого опыта в условиях принципиально иной социально-экономической системы (не просто рыночной экономики, а позднего капитализма¹) невозможно.

Оставляя за пределами данного текста проблему перехода к социализму XXI в., поставим более частный вопрос: о возможностях и путях развития планирования в рамках господствующей в настоящее время в мире и в РФ экономической системы.

Возвращаясь к отмеченной в начале текста дилемме — справедливо или нет отождествление планирования с прежде всего советской системой, — мы можем дополнить «да», с которого мы начали наши размышления, тезисом «нет», не правомерно отождествление планирования только с экономикой СССР и других стран «реального социализма». Не правомерно, так как *в экономике позднего капитализма вот уже более полувека широко используются некоторые формы планирования* — прогнозирование и согласованное с ним селективное регулирование экономических пропорций, составляются и реализу-

¹ Категория «поздний капитализм» достаточно широко используется в мировой марксистской и близкой к марксизму литературе (в частности, но не исключительно, в рамках Франкфуртской школы), для характеристики специфических черт капитализма, укрепившихся в XX веке. Авторы, продолжая традиции Эрнеста Мандела и близких к нему ученых (см.: Mandel E. *Late Capitalism*. London: Humanities Press, 1975; Jameson F. *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, Duke University Press, 1991 и др.), определяют поздний капитализм как такой этап в развитии капиталистического способа производства, когда его прогресс (технологическое развитие, экономический рост) требует использования элементов посткапиталистических отношений (сознательное регулирование экономики, бесплатное для потребителя предоставление широкого спектра благ и услуг в таких сферах, как образование, здравоохранение и др., перераспределение части прибыли капитала в пользу наемных работников и социально незащищенных слоев и др.). Подробнее см.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Глобальный капитал. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы. («Капитал» re-loaded)*. Изд. 5-е. М.: ЛЕНАНД, 2019.

ются значимые государственные программы, значительные (объемами в десятки и даже сотни млрд долл.) проекты производства общественных благ осуществлялись и осуществляются на основе государственных инвестиционных программ. По этому пути вот уже более полувека развиваются многие сферы здравоохранения, образования, науки, культуры, обороны, деятельность по рекреации природы и общества. Вопрос, следовательно, должен быть переведен в несколько иную плоскость: а может ли эта практика быть названа планированием? И если да, то будет ли это просто новым именем для регулируемой рыночной экономики или чем-то новым по существу и практически актуальным?

Все эти проблемы можно было бы считать плодом ностальгии авторов по временам, когда они писали свои докторские диссертации, если бы не «пустяк»: мировой экономический кризис, переросший в большинстве развитых стран в фазу скорее депрессии, чем развития, а также очевидно депрессионная ситуация в отечественной экономике, — все это недвусмысленно ставит вопрос о необходимости качественных изменений в экономической политике, и, далее, институтах, и, еще далее, системе социально-экономических отношений.

Так не пора ли вспомнить о планировании?

Планирование в рыночной экономике: практики и их теоретическое осмысление

Сегодня планированием (оставим в стороне отношения внутри предприятий) принято называть очень разные явления¹. Во-первых, с середины XX в. планирование стало широко используемым именем для обозначения экономики «реального социализма» («плановая экономика»), во-вторых, социально-экономические прогнозы, которые разрабатываются почти во всех развитых (и не только) странах уже более полувека.

В России недавно прошедшая волна скандально-сенсационного интереса к новому закону о планировании² была связана именно с этим

¹ Подчеркнем, что здесь и ниже авторы рассматривают только практики планирования в экономической сфере и на национальном уровне, не вторгаясь ни в сферы теории разработки программ, ни в область планирования технических и т. п. проектов, ни в сферы внутрифирменного планирования...

² Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/. Газета «Известия» отреагировала на этот абсолютно нейтральный документ, предполагающий исключительно некоторое упорядочивание прогнозирования, статьей с броским, но абсолютно неадекватным названием: «В России вводятся плановые «пятылетки» (Известия, 02.07.2014. URL: <http://izvestia.ru/news/573185>).

феноменом: правительство обязывают разрабатывать прогнозы развития экономики, что, впрочем, оно делало и ранее (вспомним хотя бы печально известную своей несбыточностью «Программу 2020»).

Продолжением традиций прогнозирования можно считать практики разного рода форсайтов¹. Если оставить в стороне частое использование этого слова для придания модной коннотации хорошо известным старым феноменам (тем же прогнозам, научно-техническим, образовательным и т.п. программам и просто посвященным видению будущего текстов), то для нас форсайт будет интересен прежде всего тем, что он делает акцент не на предсказание будущего, а на его «строительство», ориентирован на широкое использование «человеческого фактора» (широко применяются экспертные оценки) и открыт не только для специалистов, но и для широкого круга представителей общества и власти².

В-третьих, государственные индикативные планы, которые широко использовались в 1960-1970-е гг. во Франции, Скандинавских странах, Японии, Южной Кореи, Индии, ряде стран латинской Америки, в последние десятилетия — Китае.

Оставим на время в стороне прогнозы и директивные планы и посмотрим на послевоенную Францию. Эта страна, ведомая президентом де Голлем, оставалась одной из ведущих рыночных экономик, но при этом использовала индикативные планы и активную промышленную политику с целью укрепления своей национальной мощи и независимости (в частности, вышла из военной организации НАТО), имела сильные профсоюзы и левые партии, демократическую политическую систему и социальные гарантии³. Для нас этот опыт интересен прежде всего тем, что показывает потенциальную возможность соединения планирования с (1) мощным национальным модернизационным рывком, (2) политической демократией и (3) социально-ориентированным развитием.

Азиатская модель планирования была реализована в принципиально других условиях. Так, в Японии индикативное планирование

¹ Приведем одно из типичных определений Форсайта, данное Беном Мартином и приводимое А. Соколовым: это «систематические попытки оценить долгосрочные перспективы науки, технологий, экономики и общества, чтобы определить стратегические направления исследований и новые технологии, способные принести наибольшие социально-экономические блага» (Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1. С. 10).

² См.: Кинэн М. Форсайт приходит в Россию // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1. С. 6–7.

³ Подробнее об особенностях индикативного планирования во Франции см.: Rosser J. B., Rosser M. V. Whither indicative planning, the case of France // *Comparative Economics in a Transforming World Economy*. 2004. P. 179-201; Cazes, Bernard. Indicative Planning in France // *Journal of Comparative Economics*. 1990. Vol. 14. Issue 4. P. 607-619; Estrin, Saul, and Peter Holmes. *French Planning in Theory and Practice*. London, 1983; Cohen, Stephen S. *Modern Capitalist Planning: The French Model*. Berkeley: University of California Press, 1977.

развивалось в стране, потерпевшей сокрушительное поражение во Второй мировой войне и сочетавшей черты развитой и периферийной экономики, традиционно-полуфеодального и демократически-буржуазного общества¹. Южная Корея вообще была страной периферийного, зависимого от США капитализма с очень жестким авторитарным режимом, однако и там индикативное планирование использовалось как один из важных механизмов модернизации².

Примечательно, что при всех существенных различиях названных экономик институты планирования во всех этих случаях были весьма схожи и использовались для достижения во многом аналогичных — модернизационных — целей.

Здесь, однако, в полный рост встают как минимум два вопроса. Во-первых, почему этот опыт завершился отказом от широкого использования методов косвенного регулирования и индикативного планирования. И, во-вторых: может ли вообще быть применен опыт полувекковой давности в новых условиях — условиях глобализации, информатизации и т.п.³

Итак, вопрос номер один: почему капиталистические страны отказались от широкого использования индикативного планирования и селективного регулирования?

Прежде чем дать на него ответ, заметим: отказа как такового не произошло: и Франция, и Скандинавские страны по-прежнему используют названные выше механизмы. Более того, ***именно в последние десятилетия планирование стало одним из важнейших институтов ускоренного развития Китая, Индии и ряда государств Латиноамериканского континента***. И все же некоторый отход и от использования плановых механизмов, и от термина «планирование» налицо. Причина понятна и проста: в исторических условиях резкого отставания национальной экономики определенная часть крупного национального капитала заинтересована в ускоренной модер-

¹ Систематический анализ опыта планирования в Японии представлен в: Sato K. Indicative Planning in Japan // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14. No.4. P. 635-641; Хлынов В. Общегосударственное планирование рыночной экономики: опыт Японии // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 8.

² Подробнее см.: Шипаев В.И. Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М., 1986; Kuznets, Paul. Indicative planning in Korea // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14. Issue 4. P. 657-676.

³ Несколько забегая вперед, заметим, что, например, авторы работы «Государство после этатизма: новые формы деятельности государства в эпоху либерализации» (The state after statism: New state activities in the age of liberalization / J. Levy (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006) также подчеркивают, что такие явления, как глобализация и развитие новых технологий, не приводят к отмене необходимости государственного регулирования, а создают новые запросы и возможности для участия государства в экономике.

низации, импульс которой позволяет к тому же консолидировать интересы такого капитала, большей части населения и государственного аппарата. Эта консолидация может принимать формы демократического консенсуса или авторитарного режима, но она «работает». По завершении модернизационного рывка национальный капитал обретает достаточный потенциал для того, чтобы выйти «на равных» в конкурентную глобальную среду. В результате, он стремится отказаться от государственных ограничений вообще и от планирования в частности, ибо они заставляют капитал делиться (властью, прибылями...) то ли с государственной бюрократией, концентрирующей ресурсы в отраслях прорыва, то ли с населением (с целью радикального повышения качества жизни и формирования «среднего класса»), то ли с теми и другими. С этого момента вопрос об использовании такой формы, как планирование, переходит в плоскость «кто — кого»: бюрократия (возможно, в блоке с большинством населения) или транснациональный капитал (прежде всего — финансовый).

В Европе, Японии, Южной Корее и т.п. в 1990-е выиграл капитал. В Китае, Вьетнаме и др. — государство в блоке с национальным капиталом и активной частью населения.

Для России использование опыта индикативного планирования и активной промышленной политики оказывается актуально в той мере, в какой мы собираемся всерьез решать задачи существенной структурной перестройки экономики в пользу высокотехнологичного материального производства, образования, науки, здравоохранения и культуры.

Если мы посмотрим на практики нашей страны, то легко заметим, что нынешнее руководство РФ ставит перед собой цели, до удивления напоминающие те, что выдвигали руководители той же Японии или Франции полвека назад. Это и создание мощной отечественной промышленности, и импортозамещение, и развитие собственного военно-промышленного комплекса... Более того, геополитический контекст ныне все более инволюционирует к имперским порядкам прошлого: началась региональная диффузия казавшейся незыблемой глобальной сети, США постепенно утрачивают положение «империи доверия»¹, а реальный сектор и человеческие качества как бы (это не оговорка: постмодернистский дискурс реиндустриализации как

¹ Концепция «империи доверия» изложена в книге: Madden T. Empires of Trust. How Rome Built — and America is Building — a New World. N.Y.–L.: Penguin Press, 2009. Аргументированную критику ключевой идеи автора, что имперская мощь США зиждется прежде всего на доверии, а не на силе капитала и армии этой системы, дал В. Иноземцев (Великая ложь // Свободная мысль. 2010. № 2. С. 195–200).

симулякра — реальность) вновь становится основой мировой конкурентоспособности.

В этих условиях и большинство населения РФ, и ее государственно-бюрократический аппарат, и та часть бизнеса, которая, несмотря ни на что, продолжает сохраняться в несырьевом производственном секторе — все они объективно заинтересованы в развитии более активного государственного селективного регулирования и индикативного планирования. И об этом много лет регулярно пишут сторонники данного курса¹.

Переход к этому типу экономической политики труден. Причем не столько технически, сколько социально-политически: смена курса потребует серьезного ущемления экономических и политических интересов крупнейших корпораций РФ (преимущественно — сырьевых и интегрированных с ними финансовых), сращенной с ними политической «элиты» и обслуживающей их части так называемого среднего класса, т.е. правящего экономико-политического альянса.

Планирование в рыночной экономике: цели, методы, потенциал

Сказанное позволяет нам поставить вопрос о развитии планирования в современной экономике вообще и в российской экономике в частности.

Реализация потенциала планирования предполагает наследование отечественного и международного опыта планирования в *рыночной смешанной экономике* (на марксистском языке следовало бы выразиться точнее — полупериферийной модели позднего капитализма). Это опыт

¹ О необходимости проведения в России более активного государственного регулирования, и в частности промышленной политики для России, говорится в многочисленных публикациях отечественных авторов. Этому были посвящены два московских экономических форума, в рамках которых многие ведущие ученые страны высказались в поддержку данного положения (см.: Гринберг Р.С. Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014; Пороховский А.А. Ключевые принципы рыночного развития: двадцать лет в России // Там же; Сорокин Д.Е. Приоритетность национально-государственного интереса // Там же; Татаркин А.И. Промышленная политика как основа системной модернизации России // Там же; Цаголов Г.Н. Как преодолеть либеральной застой // Там же; и др.). Это подчеркивают и некоторые представители федеральной власти (см.: Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010). Систематически об этом говорится в статьях, публикуемых в журналах «Российский экономический журнал» (главный редактор — А.Ю. Мелентьев), «Экономист» (главный редактор — С.С. Губанов), «Экономическое возрождение России» (главный редактор — С.Д. Бодрунов) и др.

(намеренно повторим в исторической последовательности) плана ГОЭЛРО и «контрольных цифр» в СССР 1920-х, индикативного планирования в Европе и Азии 1960-1970-х, программ структурной перестройки экономики Китая и Скандинавских стран 1990-2000-х и др.

Во всех выше перечисленных и массе других, не упомянутых нами случаев используется система отношений и институтов, которые мы (с целью избежать отождествлений, с одной стороны, с прогнозами, а с другой — с директивным советским планированием) назовем селективным (*т.е. избирательным и ограниченным по методам и сферам применения*) планированием. Его системное качество — определение обществом и утверждение государством на определенный период четко зафиксированных целей и основных «правил игры» в области косвенного (для частного сектора) и прямого (для общественного сектора) регулирования той части национальной экономики, на которую распространяется общественное регулирование.

Существенно, что такое планирование осуществляется в остающейся по преимуществу рыночно-капиталистической, базирующейся главным образом на частной собственности экономике, и двояко ограничено: как по масштабу, так и по кругу средств воздействия (в сфере частного бизнеса они остаются только косвенными).

Такое планирование есть (1) нечто принципиально меньшее, чем советский план, адресованный общественным предприятиям и имеющий по преимуществу обязательный (директивный) характер. Но оно есть вместе с тем (2) нечто принципиально большее, нежели план-прогноз или индикативный план, ибо включает четко определенную систему¹ «правил регулирования» (средств своей реализации), утверждаемую обществом и обязательную для реализации в том пространстве национальной экономики, на которое распространяется регулирование. Кроме того, оно (3) критически синтезирует разрозненные практики прошлого и использует достижения сетевого информационного общества и в этом смысле идет дальше всех прежних опытов планирования.

Что же необходимо для формирования системы отношений селективного национального планирования?

Для начала не так уж много:

- реализовать всем известные требования наведения в экономике институционального порядка;

¹ На системном подходе как в понимании экономики, так и в использовании плановых инструментов воздействия на нее, давно настаивает Г.Б. Клейнер. См.: Клейнер Г.Б. Стратегическое планирование: основы системного подхода / Г.Б. Клейнер // Модернизация экономики и общественное развитие: В 3 кн. Кн. 2. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008; Клейнер Г.Б. Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 4–27.

- критически интегрировать существующие механизмы государственного регулирования, превратив их в целостную систему, где четко связаны цели социально-экономического развития и средства их достижения (стабильные «правила игры» в сфере национального регулирования);
- дополнить их некоторыми существенными инновациями;
- сформировать адекватный субъект селективного планирования и регулирования (и в этом пункте особенно востребованным окажется опыт Госплана СССР и деятельности его руководителей).
Рассмотрим все по порядку.

Что касается упорядочивания институтов, то здесь потребуются меры, на которых настаивают и либералы, и регуляционисты, и которые необходимы для реализации любого сценария выхода из существующей стагнации. Это высокий уровень спецификации, стабильность и гарантированность прав собственности и условий осуществления контрактов, а также стабильность финансовой системы¹. Собственно, с тем, что эти задачи должно решать любое государство, не спорит вообще никто из теоретиков. Другое дело, что в России с ее высоким уровнем концентрации экономико-политической власти в руках олигархического капитала, сращенного с государственной бюрократией, нет политико-экономического субъекта, заинтересованного в ее решении. Но об этом, как и о преодолении других мутаций капитализма в нашей стране, — позже.

А сейчас о системе институтов, которые праволиберальные теоретики считают не просто излишними, но вредными и разрушительными для экономики. Причина для этого существенна: мы далее предложим те «правила игры», которые способствуют выработке отношений сознательного регулирования пропорций и многих других параметров процесса производства (на языке классической политэкономии следовало бы сказать «воспроизводства»), что, в свою очередь, выведет их из-под власти отношений рыночно-капиталистического саморегулирования. Более того, некоторые из этих шагов не примут не только неолибералы-монетаристы, но и нео- (не пост-) кейнсианцы и теоретики социал-демократии, ибо мы предлагаем уйти и от фундаментального постулата, развиваемого социал-демократией на протяжении вот уже более полувека: производство должно быть частным, а его параметры должны формироваться «невидимой рукой» рынка; дело государства — лишь некоторое перераспределение ресурсов с целью обеспечения большей социальной справедливости.

¹ Мы к этому добавили бы и еще один пункт: прозрачность не только государства, но и бизнеса.

Авторы, однако, предлагают пойти дальше по сравнению с не только неолиберальной моделью регулирования как системой «поддержания рынка», но и с регуляционистской моделью «управления рынком»¹. ***Наша модель — выделение в экономике двух подпространств координации: одно — регулируемо-рыночное, второе — планово-рыночное***².

Специфика первого в том, что там царят законы рынка, которые лишь «поддерживаются» и несколько ограничиваются обществом. Второго — в том, что там сознательно регулируется не рынок, а социально-экономическое развитие. И различие здесь не только в словах: второе подпространство имеет другие, нежели чисто рыночные, (1) цели и критерии прогресса; (2) иных — преимущественно не рыночных по своей природе и мотивации — субъектов регулирования; (3) и иные объекты воздействия — технологические, производственные, социальные, а не только рыночные параметры.

Что касается собственно ***селективного планирования***, как одного из двух ключевых способов координации в этом подпространстве, то его основными слагаемыми могут стать, *во-первых*, системы народнохозяйственного средне- и долгосрочного прогнозирования, уже существующие в нашей экономике. Оно требует совершенствования и развития, но это второй вопрос.

Во-вторых, и это гораздо более сложный шаг, — ***планирование целей*** — определение приоритетов социально-экономического развития национальной хозяйственной системы, или, несколько огрубляя, «контрольных цифр», достижение которых адекватно реализации общенародных интересов. Механизмы формирования таких целевых установок известны в отечественной и международной практике, но они требуют критического обновления, «перезагрузки».

Один из путей — более демократическое и открытое обсуждение в гражданском сообществе и экспертной среде основных средне- и долгосрочных целевых установок, нежели это практиковалось

¹ Такая характеристика эволюции форм государственного участия в экономике стран позднего капитализма, как переход от «управления рынком» (market-steering orientation) к «поддержке рынка» (market-supporting orientation), приводится в упоминаемой выше работе «Государства после этатизма: новые формы деятельности государства в эпоху либерализации» (The state after statism: New state activities in the age of liberalization / J. Levy (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006). На языке этой работы мы бы назвали наши новые интенции регулированием, в большей или меньшей степени выводящим определенные подпространства экономики по ту сторону воздействия рыночных механизмов формирования параметров производства, обмена и потребления.

² См.: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество: пер. с англ. М.: Прогресс, 1969; Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012; Теория капитала и экономического роста; под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004; Цаголов Г.Н. Как преодолеть либеральный застой // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.

ранее, причем существенно не только количественное расширение пространства и круга авторов, но и качественное обновление — переход к использованию *сетевых принципов и типичных для сетей механизмов диалога и комплиментарности*. Прообразом такой организации могут быть механизмы формирования проектов в режиме краудсорсинга, некоторые технологии открытых форсайтов, а также принципы викиномики, к сути которых мы вернемся ниже.

Собственно, *форсайт* может быть применен в рамках селективного общенационального планирования с целью соединения в рамках некоторых целостных и результативных процедур усилий экспертного сообщества, гражданского общества, профессионалов-плановиков и государственных органов. (Заметим, что некими отдаленными прообразами таких «форсайтов» могут с известной долей приближения служить дискуссии, которые шли в СССР в 1920-х гг. Они, кстати, стали одной из причин образования внутрипартийной оппозиции в ВКП(б) с последующими чистками и т.п., вплоть до репрессий, и это важный негативный урок нашего прошлого, указывающий на необходимость интеграции планирования и базисной демократии. Отметим, завершая наше отступление, что некоторые примеры такой интеграции можно найти в западноевропейских странах и в недавнем прошлом, и в настоящее время.)

Последующие шаги также хорошо известны. В той же Франции это — законодательное утверждение выработанного проекта «контрольных цифр» Федеральным собранием и президентом.

Как бы заранее предвосхищая упрек в возврате к «сталинизму», вновь подчеркнем: данные «цифры», являясь законом, *не являются обязательными для частных производителей*. Но они законодательно фиксируют интересы общества, которое всеми доступными ему легитимными методами будет содействовать их достижению в предстоящем средне- (в перспективе и долго-) срочном периоде.

В-третьих, планирование и утверждение на определенный период «правил игры» в подпространствах, охватываемых селективным планированием. Цель этой важнейшей процедуры проста: превращение существующих разрозненных институтов косвенного воздействия различных государственных органов на экономику (налоговых, кредитных и т.п.) в *систему средств реализации планов — взаимосогласованных институтов селективного регулирования социально-экономического развития в плановом подпространстве национальной экономики* (такая настройка данной системы институтов отчасти совпадает с тем, что сегодня принято называть «промышленной политикой»). Конечным итогом «выращивания» этой системы должно стать наличие согласованной во всех своих параметрах и для всех входящих в плановое подпространство сфер экономики системы «правил игры»,

позволяющих различным органам государства и гражданского общества сознательно воздействовать на пропорции и остальные параметры воспроизводства с целью реализации общественно выработанных средне- и долгосрочных приоритетов.

Существенно, что подпространство плановой системы, «по определению» включая ряд базовых государственных объектов, по отношению к частному бизнесу, выступает как открытая сеть, присоединение к которой есть сугубо добровольное дело этих акторов. Они сами выбирают между стабильностью, гарантиями, престижем, низкими налогами, дешевыми кредитами, но относительно невысокой прибылью в случае присоединения к сети и высоким риском + высокими налогами и т.п., но вероятностью быстро получить большую прибыль в случае ориентации на рыночное подпространство.

А теперь об основных «правилах игры» в подпространстве плано-рыночного развития (по большей части они хорошо известны). Это:

- ❑ варьирование для различных сфер экономики в зависимости от того, в какой мере их деятельность отвечает задачам реализации общенародных приоритетов таких параметров, как: (1.1.) размеры и правила выплаты налогов; (1.2.) величина, ставка и условия кредитования; (1.3.) внешнеэкономические условия деятельности; (1.4.) предоставление других государственных преференций;
- ❑ государственный заказ на производство благ и услуг (прежде всего, общественных), трансформируемый в «твердое ядро» плана: после заключения контракта, производитель (как и при любой рыночной трансакции) обязан его выполнить, либо вернуть стоимость заказа плюс заплатить штрафные санкции и т.п.; в этой своей части план подобен директивному, и это опыт, известный всем странам мира;
- ❑ система норм и нормативов качества производства; их задача — не только недопущение производства вредной продукции, но содействие «выдавливанию» экологически грязных, технологически отсталых, социально неэффективных (например, использующие преимущественно ручной неквалифицированный труд) технологий и производств, уничтожающих национальное богатство (например, экспорт леса-кругляка), нарушающих международно-признанные права работников и т.п.;
- ❑ система правил ценообразования (вплоть до лимитов цен) для тех сфер экономики, которые прямо определяют доступность для населения жизненно важных товаров и услуг (базовые продукты питания, основные лекарственные препараты, услуги ЖКХ;
- ❑ развитие зон, закрытых для частного бизнеса (государственных монополий);

□ идейно-политическая и культурная поддержка ключевых сфер развития экономики при помощи находящихся в руках государства институтов искусства, образования, природоохранной деятельности и других хорошо известных мер селективного регулирования.

Подчеркнем: эта система косвенных регуляторов нами не придумана: они все в большей или меньшей степени присутствуют в мировой практике и использовались в нашей стране в период НЭПа.

Более того, рассматриваемые нами отношения не случайно названы селективным планированием. Оно может охватывать очень незначительную часть экономики, а может распространяться практически на все ее сферы, — мы обсуждаем не масштаб государственного воздействия, а задачи его переформатирования из совокупности теневых (или даже открытых) волонтаристских действий в единую систему регуляторов, реализующих реальные интересы общества хотя бы в некоторой части экономики.

В-четвертых, важным блоком селективного планирования должна стать система институтов, устанавливающих «правила игры» для производства в общественном секторе экономики. Логика здесь предельно проста и ничем не отличается от логики частного собственника: предприятия, которые нам принадлежат, должны делать то, что нам нужно, так, как нам нужно, и в установленный нами срок. Большая часть этого сектора должна работать, ориентируясь прежде всего не на рыночные критерии, а на реализацию общенародных интересов (это касается в первую очередь общественного сектора в таких сферах, как здравоохранение, образование и др.) **по модели неприбыльных организаций**.

В этой своей части план будет «всего лишь» агрегировать осуществляемые на протяжении данного периода общественные заказы (только основные, или большую часть, или все — это мы, опять же, не обсуждаем) и общественные инвестиции. Сказанное, опять же, не фантазия авторов. Это (с теми или иными особенностями) практики ряда стран, как «центра», так и «периферии» (наиболее типичный пример — оборонный заказ), о чем мы писали в начале текста.

Существенно, что все эти институты прогнозирования, целеполагания, прямого и косвенного формирования параметров общественного воспроизводства могут и должны быть объединены в систему общенародных целевых программ. Последние и станут конкретной формой отношений координации, противоречиво (избежать противоречий плана и рынка нам по определению не удастся и к этому надо быть готовыми) интегрирующих сознательное средне- и долгосрочное общественное регулирование (планирование) и рыночно-капиталистическое саморегулирование.

В очередной раз подчеркнем: сколь значимым может и должно быть место этих отношений в той или иной национальной системе — этот вопрос должны решать сами граждане данной страны. Дело ученых — показать, что такие отношения есть, раскрыть их природу, противоречия, потенциал, перспективы, возможные позитивные и негативные результаты их развития.

Собственно, (1) эта системность, соединение в рамках целевых общенациональных (и более локальных) программ всех институтов государственного воздействия на экономику вкупе с (2) обновлением многих его методов и процедур (в частности, путем использования не только традиционных, но и новых, сетевых методов формирования субъекта планоно-регулирующей деятельности и осуществления самого процесса планирования), а также (3) снятием основных «провалов государства» (бюрократизма и т.п. — о чем ниже) и составят суть «перезагрузки» института «планирование» на первом этапе его генезиса в рамках рыночной экономики. Это будет «всего лишь» маленький, скромный шаг, ничего в сущности не изменяющий в природе «позднего капитализма», но большее и невозможно сделать без качественной трансформации всех производственных отношений этой системы. Тем не менее даже такой шаг окажется важным сдвигом в стратегически перспективном направлении.

Более радикальная «перезагрузка» планирования связана с переходом в сферу качественно другой по своему содержанию социально-экономической модели.

Поскольку этот сюжет лежит отчасти в стороне от нашего основного предмета, позволим себе лишь краткую ремарку. Хорошо известно, что современная экономика — это не только материальное производство, но и сфера услуг. Последняя, поглощая более 75% занятых развитых стран, в свою очередь, включает (1) сервис, обслуживающий утилитарные потребности, (2) сферы, обслуживающие движения собственно рыночных форм (финансовые рынки, страхование, маркетинг и т.п.) и (3) креатосферу — пространство и время, где создаются культурные ценности и, прежде всего, личностные качества человека, его креативный потенциал. Это хорошо всем известные области массовой деятельности «низших» слоев креативного класса — образование, включая воспитание и просвещение, а также все многообразие его форм — от яслей до повышения квалификации ученых; здравоохранение и спорт; научное и инженерное творчество; искусство; рекреация природы и общества и т.д.

Именно эта, третья в нашем перечне, подсистема сферы услуг — креатосфера должна становиться в современной экономике главным пространством развития реального сектора, ибо (1) в ней производится главный ресурс развития — креативный потенциал человека,

и реализуется высшая цель развития — прогресс человеческих качеств. И именно в этой сфере возможна и необходима качественно новая модель координации, идущая дальше, чем собственно планирование — в подпространство горизонтальной сетевой координации. В этом мире экономическая задача, которую должно решать общество (государство, институты гражданского общества) состоит «все-го лишь» в предоставлении материальных и финансовых ресурсов для жизнедеятельности акторов креатосферы. Далее она может развиваться по модели викиномики: свободная добровольная деятельность без расчета на вознаграждение (но с гарантированным государством содержанием «человека творческого»), без рыночной конкуренции (но с конкуренцией талантов), без централизованной иерархии и без интеллектуальной частной собственности (но с фиксацией имени творца, как это спокон веку происходит в науке, педагогике или искусстве, где все знают, кто создал теорию относительности или написал «Войну и мир»). Конечным результатом деятельности в этом подпространстве становится культурная ценность, доступная каждому в режиме «собственность каждого на все»¹.

Эта модель еще недавно казалась абсолютно фантастической (хотя отчасти в таком режиме едва ли не столетия жили и живут общественные школы, университеты, библиотеки, академические научные центры, экологические объединения, ассоциации социальных работников и др.). Но создание Википедии — едва ли не наиболее мощного (хотя и — признаем — имеющего массу недостатков) информационного ресурса современности — показало, что викиномика — это реальность.

Развитие такой системы координации станет существенной пезагрузкой планирования, по сути его снятием, но этот сюжет мы в данном тексте оставим в стороне и вернемся к проблемам селективного планирования в тех отраслях, где создаются материальные продукты и утилитарные услуги, и поставим самый сложный вопрос «выращивания» селективного планирования. Это, как ни странно, проблема формирования его субъекта.

Планирование в рыночной экономике: Госплан XXI века

Как мы уже отметили, самым сложным аспектом задачи развития селективного планирования является даже не создание

¹ См.: Межуев В.М. Социализм — пространство культуры // Социализм — 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009.

соответствующих институтов, обеспечивающих формирование средств реализации планов, а выработка целей, которые бы действительно отвечали интересам общества как конкретно-всеобщего целого — так называемым общенародным интересам, или хотя бы интересам большинства граждан (при защите прав меньшинства), переводит нас в плоскость политико-экономического исследования, открывая целый спектр новых проблем.

Во-первых, проблема согласования различных, а во многих случаях и противоположных объективно обусловленных экономических интересов разных социально-экономических страт (в основе которых лежат еще более глубокие — классовые — интересы) и общественно-политических сил, претендующих на их представительство. В конкретной политико-экономической ситуации РФ этот вопрос стоит как проблема соотношения интересов как минимум таких слоев, как (1) государственно-бюрократическая номенклатура, сращенная с верхушкой олигархического (преимущественно сырьевого) капитала и обслуживающего его деятельность (вариант — использующего его ресурсы) квази-среднего класса, (2) несырьевого среднего и малого бизнеса, (3) «рядовой» креативный класс (десятки миллионов российских преподавателей, медицинских работников, инженеров и т.п.), (4) индустриальный рабочий класс города и деревни и (5) патриархальные слои. Кроме того, в нашей стране постепенно формируется и такой класс, как прекариат. Все эти слои, к тому же в реальном политико-экономическом пространстве, представлены широким кругом фантомных институтов. Формирование приоритетных направлений развития ключевых сфер национальной экономической системы, отражающих интересы всех этих акторов, априори невозможно.

Так, казалось бы, сугубо экономический вопрос целей планирования приобретает сугубо политическую окраску, превращаясь в проблему разрешения сложного клубка социальных противоречий. Опыт стран, развивавших в той или иной мере планирование, показывает, однако, что у этой проблемы есть решение. Как правило, оно подразумевало опору на интересы сил, поддерживающих национальный модернизационный рывок в ущерб социальным слоям, ориентированным на максимизацию частного непроизводительного потребления и накопления, а также социально-пассивным стратам.

Во-вторых, задачи разработки целевых ориентиров плана упираются в проблемы меры (1) демократизма государства и (2) бюрократизации его экономических органов. Первый аспект предполагает наличие процедур мирного и эффективного согласования различных социальных и политико-экономических интересов, второй — прео-

доления угроз вырождения плана в механизм реализации интересов аппарата государственного экономического управления и в той или иной степени соединенного с ним связями бизнес-структур.

Решение этой проблемы возвращает нас к вопросу о снятии «провалов государства» — проблеме, в решении которой равно заинтересованы как сторонники активного развития государственного регулирования, так и наши оппоненты, представляющие неолиберальный тренд в экономической теории и практике, и не заинтересованы теоретики и практики, представляющие унию государственно-бюрократического аппарата и олигархического капитала. И здесь мы можем совместно с нашими оппонентами из неолиберального лагеря вместе активно бороться за максимально полное развитие демократии и институтов гражданского общества, максимально полную реализацию гражданских (и социальных — добавим мы вслед за европейскими и латиноамериканскими социал-демократами) прав человека, ибо это — ключевые средства решения проблем очищения и рынка, и плана от коррупции и других форм теневого государственного регулирования, волюнтаризма и бюрократизма чиновничества.

При условии существенного продвижения по пути снятия «провалов государства» решение вопросов технологии формирования целевых установок селективного плана окажется не слишком сложной, особенно в условиях развития механизмов форсайтов и сетевой интернет-демократии.

Учитывая существующий международный и отечественный опыт, можно выделить четыре основных этапа разработки целевых ориентиров селективного плана, превращаемых на конечном этапе в «контрольные цифры» плана и систему институтов, обеспечивающих их достижение.

Первый — разработка экспертными сообществами альтернативных сценариев планового развития с выделением ключевых стратегических векторов и их форсайт-оптимизация.

Второй — открытое демократическое обсуждение различными институтами гражданского общества (образовательными, научными и иными сообществами, профсоюзами и организациями потребителей, органами местного самоуправления и т.п.) целевых ориентиров и сценариев, представленных экспертными сообществами в рамках хорошо известных по опыту ряда стран Западной Европы и латинской Америки процедур.

Третий — обсуждение в рамках государственных институтов проектов, получивших наибольшую поддержку и принятие одного из них (или некоего компромиссного, синтетического или другого) как закона парламентом.

Четвертый — превращение плана-закона в систему конкретных подзаконных актов функциональных, отраслевых и региональных органов государственного управления.

Координатором этого процесса, равно как и институтом, обеспечивающим реализацию целей, может стать особый орган — Госплан XXI в.

Столь многосложная процедура неслучайно выдвинута нами на первый план: субъектом целеполагания планов, чем дальше, тем больше, должно становиться... гражданское общество. Подчеркнем: институты гражданского общества, которые могут и должны включаться в процесс планирования, это, прежде всего, *профессиональные экспертные сообщества, научно-исследовательские и аналитические центры и т.п.* Эти организации, в свою очередь, могут и должны опираться на *научные и образовательные сообщества, органы местного самоуправления, профессиональные и бизнес-ассоциации, потребительские, экологические и т.п. сети.*

Собственно государственные органы в данном случае могут и должны «всего лишь» (1) обеспечивать материальную базу этой работы и координировать ее, (2) предоставлять итоговые результаты для публичного обсуждения, (3) утверждать в соответствии с установленной процедурой (например, парламентом) «контрольные цифры» и «правила игры» для регулируемого подпространства национальной экономики, (4) обеспечивать реализацию принятых решений (соблюдение плановых «правил игры») и (5) контролировать их претворение в жизнь.

Эти механизмы, нарочито повторим, в принципе хорошо известны. Даже в СССР, при всем его бюрократизме, планирование во многом было именно научной деятельностью. Снятие бюрократической формы, решение сверх задачи преодоления «провалов государства» — такова фундаментальная причина сформулированного выше и кажущегося парадоксальным вывода о гражданском обществе как основном субъекте планирования. Если же регулирование и планирование будут проводиться исключительно оторванными от общества бюрократическими органами, то либо нам придется идти к авторитаризму, либо так называемые провалы государства (волюнтаризм, коррупция, клановость) сведут на нет все возможные преимущества этой системы.

Отсюда два вывода.

Первый. Чтобы планирование, пусть селективное и ограниченное, было эффективным, его должна осуществлять команда интеллектуалов с очень высокими профессиональными качествами. Но для того чтобы эта команда не превратилась в бюрократов, т.е. привилегированный и замкнутый клан работающих на свои, а не общественные интересы управленцев, необходимо нечто большее.

Посему *второй вывод*: для предотвращения этого, для того, чтобы «провалы государства» были минимальны, необходим названный нами выше «пустяк» — некоторый круг участвующих в общественном управлении и контроле социально-активных граждан, соединенных сетями гражданского общества. Пусть это будет меньшинство, но меньшинство достаточное значимое по численности и активное настолько, чтобы стать основой для формирования при помощи государства институтов общегосударственного планирования и регулирования на демократической основе.

Этот путь сложен, но при определенных условиях (в частности, при соответствующей внешне- и внутривнутриполитической ситуации и при активной поддержке со стороны тех, кого принято называть «политическим классом») первые минимально необходимые реформистские шаги о этому пути могут быть проделаны в течение нескольких лет. Опыт многих экономик Латинской Америки показывает, что по этому пути можно идти даже в странах с гораздо менее интеллигентным населением, нежели то, что все еще сохраняется в современной России.

Подчеркнем: речь идет именно о выращивании, а не искусственном конструировании таких институтов — и «правил игры», и «игроков».

Начинать здесь можно с тех сфер, где высок уровень квалификации «рядовых» работников, есть материально-техническая база и не забыт опыт реализации успешных долгосрочных целевых программ. А это, между прочим, ключевые отрасли современной экономики: образование (а это не только обучение, но еще и воспитание, и просвещение), НИОКР, крупные высокотехнологичные производства (авиакосмическая сфера, микробиология, информационные технологии, точное машиностроение и др.).

Сказанное позволяет дать, наконец, ответ на ключевой для данной статьи вопрос: *а для чего вообще нужно «огород городить», какие цели не могут быть достигнуты и какие задачи не могут быть успешно решены без использования механизмов планирования в современной экономике вообще и российской в особенности?*

Цели и задачи планирования в экономике XXI века

Ответ на поставленный выше вопрос принципиально известен. Если мы исходим из той задачи, которая была поставлена авторами в начале статьи, т.е. из необходимости значительных изменений технологической структуры, экономических и социальных институтов национальной экономической системы (а без этого, как

показал опыт последних пятнадцати лет, Россия не вырвется из ловушки экстенсивной эволюции/стагнации), то эту задачу без использования как минимум селективного планирования не решить.

Но на самом деле перед нами — прежде всего нами — россиянами — стоит более важная задача — переход от решения задачи минимум (выхода из стагнации) к реализации более сложных проектов — обновления экономической стратегии, для чего, в свою очередь, потребуются как минимум значительное реформирование всей экономической системы с целью создания институтов, позволяющих переориентировать ее на реализацию эко-социо-гуманитарных приоритетов (хотя в той мере, в какой это возможно в рамках социал-демократической модели позднего капитализма), а не просто экстенсивный рост.

Подчеркнем: для решения как тактических (преодоление стагнации и минимальная модернизация), так и стратегических реформационных задач развитие планирования — условие необходимое, но далеко не достаточное. Его должны сопровождать соответствующие реформы в области отношений собственности, распределения дохода, воспроизводства и др., направленные, намеренно повторим, на формирование в России хотя бы более прогрессивной, нежели нынешняя, олигархо-бюрократическая, модели позднего капитализма¹. Обо всех этих реформах авторы писали уже не раз², поэтому укажем только на некоторые реперные точки сценария таких преобразований и покажем, почему для этого необходимо, в частности, планирование.

Речь идет о стратегии, принципиально отличной не только от траектории «рыночного фундаментализма» (свободная конкуренция сама выстроит оптимальную структуру экономики), но и от консервативной модели реиндустриализации (восстановления массового промышленного производства).

То, что первый сценарий ведет в тупик, мы убедились в 1990-е. Но и второй ненамного лучше: Россия — не Китай. У нас все еще

¹ Такая характеристика природы нынешней экономической системы России дана в работах С.М. Меньшикова, Г.Н. Цаголова и авторов этого текста. См., например, Меньшиков С.М. *Анатомия российского капитализма*. М.: Международные отношения, 2008; Цаголов Г.Н. *Модель для России*. М.: Международные отношения, 2008; Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Российская экономическая система: некоторые итоги «реформ» // Проблемы теории и практики управления*. 2014. № 8; Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственное регулирование // Проблемы теории и практики управления*. 2014. № 9; Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутри-корпоративного управления // Проблемы теории и практики управления*. 2014. № 10.

² Одно из последних обращений авторов к этой проблеме можно найти в книге: Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Глобальный капитал*. В 2-х т. Т. 2. *Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded)*. Изд. 5-е. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 745–759.

более половины граждан — интеллигенция. Плохая ли, хорошая ли, но достаточно образованная, культурная, самостоятельно мыслящая. И модернизация нам нужна принципиально отличная от того, что делал Китай 30 лет назад, начиная свой рывок. В России требуется не массовое сборочно-швейно-разливное производство, а приоритетное развитие человеческих качеств и новых технологий плюс решение застарелых и донельзя глубоких социальных и экологических проблем.

Для реализации таких приоритетов необходимы качественные подвижки в структуре общественного воспроизводства. Среди основных: приоритетное развитие уже названных сфер — высокотехнологичное производство и НИОКР, фундаментальная наука, образование, культура. Один из уже известных путей решения задачи — целенаправленное развитие кластеров, интегрирующих крупные высокотехнологичные производственные комплексы с научно-образовательными центрами, и с широким спектром открытых инновационных сетей, объединяющих «игроков» самого разного типа — от гениев-фрилансеров и студенческих КБ до малых частных предприятий и инновационных кооперативов. Сама по себе «невидимая рука рынка» в России — стране полупериферийного капитализма, где частный капитал еще долго может паразитировать на природных ресурсах и относительно дешевой рабочей силе, — еще долго не будет указывать в стороны таких приоритетов. Селективное планирование же, при всей его ограниченности, сможет «направить» эту указующую длань в нужном направлении, создав систему среднесрочных программ с четко заданными целями и системой стабильных стимулов их реализации для частных фирм, и обязательных к выполнению государственных заказов для предприятий общественного сектора. Остальная же часть экономики будет развиваться по-прежнему в рамках минимально регулируемой (в соответствии с мечтами монетаристов) рыночной среде.

Ну а что до экспертного мнения о сфере распространения селективного планирования, то, на наш взгляд, в национальной экономической системе, ставящей задачу целенаправленно и упорно, на протяжении как минимум двух десятилетий, «выращивать» экономику, обеспечивающую близкие к лучшим мировым стандарты социального, гуманитарного и научно-технического развития, система отношений планирования может и должна распространяться как минимум на большую часть образования (включая воспитание), здравоохранения, культуры, рекреации природы и общества, научно-технического развития, эксплуатации природных ресурсов, инфраструктуры, обороны, нескольких крупных международных высокотехнологичных проектов (например, аэрокосмических).

■ Список литературы

1. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. В 2-х т. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 5-е. М.: ЛЕНАНД, 2019.
2. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Планирование в экономике XXI века: какое и для чего? // *Terra Economicus*. 2017. Т. 15. № 1. С. 29–43.
3. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // *Вопросы экономики*. 2016. № 1. С. 63–80.
4. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике XXI века // *Вопросы политической экономии*. 2016. № 1. С. 21–43.
5. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Российская экономическая система: некоторые итоги «реформ» // *Проблемы теории и практики управления*. 2014. № 8. С. 8–19.
6. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственное регулирование // *Проблемы теории и практики управления*. 2014. № 9. С. 8–16.
7. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // *Проблемы теории и практики управления*. 2014. № 10. С. 8–17.
8. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985.
9. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
10. *Гринберг Р.С.* Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое // *Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума*. М.: Культурная революция, 2014.
11. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество: пер. с англ. М.: Прогресс, 1969.
12. *Дзарасов С.С.* Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012.
13. *Иноземцев В.* Великая ложь // *Свободная мысль*. 2010. № 2. С. 195–200.
14. *Кинэн М.* Форсайт приходит в Россию // *Форсайт*. 2007. Т. 1. № 1. С. 67.
15. *Клейнер Г.Б.* Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) // *Вопросы экономики*. 2013. № 10. С. 4–27.

16. *Клейнер Г.Б.* Стратегическое планирование: основы системного подхода // Модернизация экономики и общественное развитие: В 3 кн. Кн. 2. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008.
17. *Межуев В.М.* Социализм — пространство культуры // Социализм — 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009.
18. *Меньшиков С.М.* Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2008.
19. *Пороховский А.А.* Ключевые принципы рыночного развития: двадцать лет в России // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.
20. *Соколов А.В.* Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1. С. 8—15.
21. *Сорокин Д.Е.* Приоритетность национально-государственного интереса // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.
22. *Татаркин А.И.* Промышленная политика как основа системной модернизации России // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.
23. Теория капитала и экономического роста; под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004.
24. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.
25. *Хессин Н.В.* Планомерность как экономическая клеточка социализма // Вопросы экономики. 1964. № 6.
26. *Хлынов В.* Общегосударственное планирование рыночной экономики: опыт Японии // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 8.
27. *Цаголов Г.Н.* Как преодолеть либеральный застой // Экономика для человека. Социально ориентированное развитие на основе приоритета реального сектора. Материалы Московского экономического форума. М.: Культурная революция, 2014.
28. *Цаголов Г.Н.* Модель для России. М.: Международные отношения, 2008.
29. *Шипаев В.И.* Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М., 1986.
30. *Cazes B.* Indicative Planning in France // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14. Issue 4. P. 607—619.

31. *Cohen S.S.* Modern Capitalist Planning: The French Model. Berkeley: University of California Press, 1977.
32. *Estrin S. and Holmes P.* French Planning in Theory and Practice. London, 1983.
33. *Jameson F.* Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, Duke University Press, 1991.
34. *Kuznets Paul.* Indicative planning in Korea // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14. Issue 4. P. 657–676.
35. *Mandel E.* Late Capitalism. London: Humanities Press, 1975.
36. *Rosser J.B., Rosser M.V.* Whither indicative planning, the case of France // Comparative Economics in a Transforming World Economy. 2004. P. 179–201.
37. *Sato K.* Indicative Planning in Japan // Journal of Comparative Economics. 1990. Vol. 14. No.4. P. 635–641.

С.Ю. Глазьев¹

S.Y. Glazyev²

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ³

Strategic planning as an integrative element
in the development management system

Обеспечение темпов экономического роста выше среднемировых с опережающим инвестированием в опорные отрасли и производства нового технологического уклада требует кардинального пересмотра всей системы стратегического управления (СУ). Эта система, наряду с входящими в нее экономическим прогнозированием, индикативным планированием и программированием, опирается главным образом на стратегическое планирование, необходимое для увязывания всех элементов системы управления экономикой в единое целое. Стратегическим управлением предусматриваются прогнозы изменения условий функционирования экономики, общие направления достижения поставленных целей социально-экономического развития, которые разворачиваются в задачи и целевые программы. Последние реализуются в инвестиционных и инновационных проектах. Важнейшей составляющей СУ является наличие обратной связи для осуществления контроля, без которого система нежизнеспособна.

Ключевые слова: стратегическое планирование, экономическое прогнозирование, технологические уклады, финансирование инвестиций, управление научно-техническим развитием.

Ensuring economic growth rates above the global average with advanced investment in key industries and the production of a new technological structure requires a radical revision of the entire system of strategic management (SU). This system, along with its economic forecasting, indicative planning and programming, relies mainly on strategic planning, which is necessary for linking all elements of the economic management system into a single whole.

Strategic management provides forecasts of changes in the conditions of economic functioning, general directions for achieving the set goals of social and economic development, which are then developed into tasks and target programs. The latter are implemented in investment and innovation projects. The most important component of the SU is the availability of feedback for monitoring, without which the entire system is not viable.

Keywords: strategic planning, economic forecasting, technological structures, investment financing, management of scientific and technical development.

¹ Глазьев Сергей Юрьевич, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук, член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК).

² Sergey Y. Glazyev, Doctor of Economics Science, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission.

³ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. № 3 (69). С. 14–19.

Я с большим удовольствием выслушал все выступления, особенно вдохновляющим стало напутствие Абеда Гезевича Аганбегяна. Сергей Дмитриевич Бодрунов представил системный взгляд на проблему восстановления планирования в управлении экономическим развитием.

Формально планирование у нас восстановлено законом «О стратегическом планировании». Насчитывается порядка 60 тысяч документов стратегического планирования, подготовленных в соответствии с этим основополагающим законом. Кроме того, у нас есть национальные проекты, а до этого были программы. Однако вся эта система не работает из-за отсутствия механизма исполнения, инструментов и институтов, несущих ответственность за реализацию этих документов стратегического планирования. Первый такой документ — Концепция долгосрочного развития (2008 г.) — был провален с точки зрения поставленных в нем целей и задач.

Планирование является стержнем системы управления в успешно развивающихся странах. И новый мирохозяйственный уклад, который формируется сегодня в Юго-Восточной Азии (его элементы мы видим и во многих других странах), предполагает целевое планирование. Это планирование — стратегическое, оно ориентирует хозяйствующие субъекты на рост народного благосостояния на основе внедрения новых технологий и скорейшего перехода к новому технологическому укладу. Государство при этом концентрирует ресурсы, чтобы помочь хозяйствующим субъектам осваивать передовые технологии.

Нам необходимо проанализировать, почему при наличии федерального закона, принятого в 2014 г., достаточно развитого госсектора, государственных корпораций, государственной банковской системы, контролирующей почти 70% банковских активов, целого ряда программ и национальных проектов документы стратегического планирования не исполняются, а экономический рост остановлен.

Существуют разные типы планирования. Тип планирования, который сформировался в Советском Союзе, был директивным. Перед тем как планирование было сформировано в период нэпа, в стране шли дискуссии: каким оно должно быть — индикативным в рыночной среде или директивным в никому не известной административной среде. Думаю, что решающий аргумент был тогда за Сталиным, который произнес: «Мы отстали на 100 лет, нам нужно пробежать эту дистанцию за 10 лет, иначе нас сомнут». Под этим лозунгом страна развернулась в сторону индустриализации на основе директивного планирования.

Система показала себя очень эффективной, хотя были большие потери, включая человеческие. Огромные потери понесло зажиточ-

ное крестьянство в связи с коллективизацией. Было множество перегибов, тем не менее индустриализация была совершена. И к концу 1941 г., когда враг захватил основные традиционные индустриальные районы, потенциал, которым располагала советская система директивного управления, был, по моим оценкам, в 10 раз ниже, чем в объединенной Европе (накануне войны он был в три раза ниже). Тем не менее система управления народным хозяйством в СССР оказалась более эффективной, чем вся система объединенной фашистами Европы. Затем она показала свою эффективность в период восстановления народного хозяйства, хотя большой минус заключался в том, что мы во многом воспроизводили старые мощности. Восстанавливались старые предприятия, практически слабо шло обновление, в то время как в Европе и Японии экономика восстанавливалась на основе нового технологического уклада.

Тем не менее успехи советской системы директивного планирования были очень серьезно восприняты мировым сообществом, и, как показал Абел Гезевич, после войны практически все ведущие страны мира начали использовать планирование. Первыми предприняли попытку организовать централизованное планирование рыночной экономики в Японии, опыт, который примечателен. Первые два года были неудачными, экономика сорвалась в высокую инфляцию, эксперимент был заморожен... Затем японцы нащупали технологию индикативного планирования, в которой на основе рыночной экономики государство научилось управлять денежными потоками и ставить задачи перед частными компаниями через соответствующие механизмы стимулов и санкций. Частные компании приучились совместно с государством решать задачи социально-экономического развития, прежде всего научно-технического прогресса и повышения уровня жизни населения.

Общим между индикативным и директивным планированием, с моей точки зрения, является не только целеполагание при разных механизмах реализации, но и управление деньгами. Во всех странах, которые преуспели в сфере планирования и добились высочайших результатов, государство научилось управлять денежными потоками. В Советском Союзе такой вопрос не стоял: был финансовый план, и Госбанк «создавал» столько денег, сколько требовалось для реализации плана, но прежде всего капитальных вложений. В рыночной экономике, где правительство само по себе, а центральный банк — сам по себе, не всегда удается координировать действия с частным сектором экономики, который часто управляется иностранным капиталом. Как все это совместить, скоординировать в общей системе планирования — вопрос очень непростой.

Анализируя опыт стран, внедривших индикативное планирование в рыночной среде после войны, можно сказать, что главным инструментом координации была целевая денежно-кредитная политика. В послевоенной Европе деньги создавались центральными банками под запросы производственных предприятий через систему переучета их векселей, и коммерческие банки (государственные и частные) являлись важнейшим элементом этой системы стратегического планирования. Именно денежные потоки, управляемые государством, выстраивали частный сектор экономики в соответствии с заданными приоритетами. Уверен, если поместить в послевоенную Германию наш Центральный банк с его советом директоров, Германия до сих пор лежала бы в руинах (как и Япония). В Японии денежно-кредитная политика также обеспечивала целевую кредитную эмиссию под реализацию индикативных долгосрочных и среднесрочных планов. Все сбережения населения одновременно через сберкассы собирались под контролем министерства финансов и распределялись по государственным институтам развития. То есть — была создана система, которая и денежную эмиссию направляла на финансирование капитальных вложений, и сбережения населения под контролем денежных властей направляла на финансирование приоритетных инвестиционных проектов.

Китай на наших глазах совершил переход (чего мы не смогли сделать) от директивного планирования к индикативному стратегическому планированию с одновременной перестройкой всей системы управления на рыночных началах. Давайте посмотрим, чем отличается предприятие, которое является главным исполнителем плана, в директивной системе от предприятия в рыночной системе. Вспомним советских директоров крупных научно-производственных объединений: за каждым из них стояли десятки, а то и сотни тысяч человек. Директора госпредприятий в Советском Союзе были наиболее уязвимы с точки зрения методов директивного управления, они несли ответственность за все, но вместе с тем они пользовались огромным влиянием, могли отстаивать и доказывать свою позицию вплоть до ЦК КПСС. После войны, когда мы перешли на гражданские рельсы, экономика стала очень разнообразной, а с научно-техническим прогрессом разнообразие производимых товаров достигло десятков миллионов позиций номенклатуры, система директивного планирования стала давать сбой. Сбой был обусловлен тем, что в этой интерактивной системе, несмотря на наличие приоритетов, госпредприятие, получая директиву из центра расти на 5% в год, просто наращивало производство от достигнутого уровня. Планирование от достигнутого — главный недостаток и главная проблема системы

директивного планирования: приоритеты, которые задавались сверху, в основном исходя из гонки вооружения и каких-то политических задач, сталкивались с планированием от достигнутого снизу, и в этой системе отсутствовал механизм отбраковки устаревающих производств. Затратная система ценообразования приводила к тому, что новая техника оказывалась дороже старой, а в рыночной экономике — все наоборот, и в конечном счете система стала быстро терять эффективность. Она стала технологически многоукладной, отсутствовали механизмы перераспределения ресурсов из устаревшего технологического уклада в новый. Это воспроизводство на одной ресурсной базе производства технических систем разного уровня эффективности в начале 1980-х гг., перед перестройкой, привело к нарастанию структурных диспропорций.

Были попытки изменить систему, обеспечить ускорение научно-технического прогресса, активнее начали применяться целевой подход, продовольственная программа, конверсия... Однако, то ли времени не хватило, то ли система оказалась слишком инертной, но мы не смогли совершить тот маневр, который совершили китайцы, сохранив госсектор и одновременно создав условия для внедрения рыночных механизмов.

Переходя к тому, как предприятие в условиях планирования чувствует себя в рыночной экономике, могу сказать, что здесь диалог между государством и предприятием выглядит не менее эффективно, чем в директивной системе. Частное предприятие, которое находится в достаточно жестком правовом поле, которое работает в системе государственных регуляторов и платит налоги, получает кредиты от государственных институтов развития, сталкивается с государственным регулированием цен и не менее чувствительно к управляющим воздействиям государства, чем предприятия в государственно-директивной системе. У частного предприятия нет таких возможностей, какие были у научно-производственных объединений в Советском Союзе. НПО могли дойти до ЦК КПСС, отстоять свою позицию на уровне Совета министров и доказать, что нужно планировать так, а не иначе. Частники же вынуждены выстраиваться под государственные задания, потому что они рискуют всем своим бизнесом. Японский опыт показал, что была очень распространена ситуация, когда японские корпорации исполняли плановые установки министерства торговли и промышленности в ущерб себе, своим доходам. Они теряли прибыль, но выкладывались для того, чтобы осуществить инвестиции в соответствии с планами, которые они согласовали с государством. Замечу, что японские банки сегодня работают с отрицательным капиталом, при этом они обеспечили финансирование

всех поставленных государством задач. Иными словами, государство в условиях рынка может эффективно планировать развитие экономики, в том числе вовлекая в процесс планирования частные предприятия, но должна работать система. Попытаюсь кратко охарактеризовать эту систему.

Наряду с координацией, которой занимается государство в интегральном мирохозяйственном укладе, объединяя все хозяйствующие субъекты вокруг стратегического плана развития, важнейший элемент — управление деньгами. У нас денежно-кредитная политика осуществляется сама по себе, никакого отношения к стратегическим планам ни государства, ни отраслей она не имеет, действует по рекомендациям Международного валютного фонда и фактически давно уже не выполняет функцию предоставления кредита экономической системе, а значит — и авансирования экономического роста. Наоборот, начиная с 2014 г., с переходом к таргетированию инфляции, Центральный банк стал изымать деньги из экономики. И те чудовищные цифры падения инвестиционной активности, о которых говорил Абел Гезевич, — это результат перехода к так называемому таргетированию инфляции, когда ЦБ, взвинтив процентные ставки, сделал кредит недоступным для предприятий. Последние начали массово банкротиться или возвращать кредиты, лишаясь оборотных средств; сворачивать производства и, самое главное — прекращать инвестиции. После перехода в кавычках к таргетированию инфляции с резким повышением процентных ставок и освобождением курса рубля в свободное плавание в интересах финансовых спекулянтов те предприятия, которые делали инвестиции, в значительной части обанкротились. Такая политика наказала тех, кто занимался долгосрочными инвестициями, кто поверил, что государство будет реализовывать концепцию долгосрочного развития.

Центральный банк располагает всем арсеналом средств и инструментов целевого кредитования, в частности специальными инструментами рефинансирования. Они были опробованы: у нас шло рефинансирование под федеральные приоритеты, под поручительство Минфина, у нас шло (и продолжается) такое централизованное финансирование малого бизнеса с относительно низкими процентными ставками через Корпорацию поддержки малого бизнеса. То есть наш Центральный банк умеет создавать кредиты для определенных целей, используя специальные механизмы рефинансирования коммерческих банков. Уполномоченные коммерческие банки должны следить за целевым использованием денег, которые создаются для малого бизнеса, или для жилищного строительства, или для финансирования госпрограмм, или для импортозамещения, или, наоборот, для поддержки экспорта.

А дальше предприятия должны заключать с государством контракт — у нас в Законе «О промышленной политике» есть соответствующие правовые инструменты. Мы давно работаем со специальными инвестиционными контрактами, появилось несколько новых инструментов многосторонних контрактных соглашений между государством, которое поручает предприятию решение определенных задач по наращиванию производства, внедрению новых технологий, созданию рабочих мест, и предприятием, которое соглашается это делать — не в ущерб себе, а под определенные льготы, предоставляемые государством. Но самое главное (чего сегодня нет) — государство должно предоставлять целевые кредиты, чтобы проекты, согласованные бизнесом в рамках государственно-частного партнерства с соответствующими ведомствами, были реализованы.

Современные цифровые технологии, в частности блокчейн, позволяют легко проконтролировать целевое использование денег, так что эта система вполне реалистична. Для ее создания не нужны новые законы, они есть: законы «О стратегическом планировании», «О промышленной политике», накоплен опыт специальных инструментов рефинансирования и государственно-частного партнерства.

Сегодня все экономики мира реализуют стратегическое планирование, прибегая к активной денежно-кредитной политике в поддержку государственных приоритетов. Объем денежной массы в ведущих мировых валютах за последние 12 лет в среднем вырос. Только в России и государствах-партнерах по ЕАЭС центральные банки изымают деньги из обращения — вместо того, чтобы создавать деньги, они их изымают!

Поэтому у нас такая картина. В Китае происходит колоссальное кредитование инвестиций, норма накопления в Китае — почти 45%. С чем это связано? Можно математически доказать, что целевой функцией Банка России является обслуживание валютно-финансовых спекулянтов, поэтому у нас и нет инвестиций, нет целевых кредитов. Таргетирование инфляции, помноженное на экзотический режим курсообразования, плюс завышенная процентная ставка провоцируют переток капитала из реального сектора в валютно-финансовый. Резко возрастает скорость обращения денег, что провоцирует инфляцию.

В отличие от банковской системы Китая, ориентированной на целевую кредитную эмиссию в целях финансирования инвестиций, наш ЦБ банк организует денежное обращение в интересах валютно-финансового спекулятивного сектора. При этом прибыли банков, в том числе государственных, растут, как и количество миллиардеров, собирающих сверхприбыли на валютных спекуляциях. На глазах

у всех происходит манипуляция рынком, где ведущую роль играют американские хедж-фонды.

В ситуации рассогласованности, когда президент ставит задачу, например, наращивания нормы накопления, правительство формирует программы, а денежно-кредитная политика ориентирована на обслуживание валютно-финансовых спекулянтов, телега, как в известной басне о лебеде, щуке и раке, стоит на месте. Это при том, что мы располагаем всеми возможностями для ежегодного прироста ВВП на 8%, для выхода на траекторию опережающего развития, которую демонстрируют Китай и Индия на основе нового технологического уклада. Российская экономика стагнирует, потому что нет инструментов реализации стратегических целей и ответственности за исполнение документов стратегического планирования.

Подчеркну, что для внедрения стратегического планирования в систему управления экономическим развитием нам не нужны никакие структурные реформы. Надо просто обеспечить исполнение уже принятых нормативных актов, подчинить денежно-кредитную политику задачам стратегического планирования и вовлечь хозяйствующие субъекты, в том числе частного сектора, в разработку и осуществление стратегических планов через многосторонние контрактные соглашения.

Г.Б. Клейнер¹

G.B. Kleiner²

СИСТЕМНО-ОРИЕНТИРНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: РОССИЯ, XXI ВЕК³

System-oriented planning: Russia, XXI century

В статье анализируются проблемы и перспективы реализации стратегического планирования российской экономики. Рассматриваются исторические предпосылки и методологические перспективы расширения стратегического планирования как фактора консолидации отечественной экономики. Обосновывается целесообразность развития нового вида стратегического планирования — системно-ориентированного планирования, базирующегося на применении неколичественных ориентиров вместо числовых показателей развития социально-экономических систем.

Ключевые слова: стратегическое планирование, экономика России, ориентирное планирование, Росплан.

The article analyzes the problems and prospects for the implementation of strategic planning of the Russian economy. The historical prerequisites and methodological opportunities for the development of strategic planning as a factor of the domestic economy consolidation are considered. The expediency of developing a new type of strategic planning — system-oriented planning, based on the use of non-quantitative targets instead of numerical indicators of the development of socio-economic systems is substantiated.

Keywords: strategic planning, Russian economy, system-oriented planning, Rosplan.

¹ Клейнер Георгий Борисович, доктор экономических наук, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, заведующий кафедрой системного анализа в экономике, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, заведующий кафедрой институциональной экономики, Государственный университет управления.

² George B. Kleiner, Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Advisor, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS), Head of the Department of System Analysis in Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Head of the Department of Institutional Economics, State University of Management, Moscow, Russia

³ Статья опубликована в журнале «Вопросы политической экономики», 2021. № 2. С. 45-57.

Вопрос о планировании деятельности сложноорганизованных социально-экономических систем имеет давнюю историю и сохраняет свою актуальность по сей день. Это касается и понятийно-категориального аппарата планирования, и целевой направленности, и методологии, и организационных механизмов, и инструментальных средств планирования. Особую значимость эти вопросы приобретают применительно к экономике России. Наша страна является двойным рекордсменом в сфере планирования. Максимальный уровень по степени детализации и степени директивности планирования был достигнут в 1970-х гг. в Советском Союзе; минимальный уровень — в новой России 1990-х гг.

В настоящее время вновь активно обсуждаются в экономической литературе вопросы выбора наиболее адекватных для отечественной экономики видов планирования (стратегическое, долгосрочное, директивное, индикативное, коммуникативное и др.) [2, с. 63–80; 9, с. 158–160, 179–201]. Страна подошла к этапу, когда определение форм, механизма и архитектуры планирования экономики является настоятельным императивом. Ни период «гиперпланирования», ни период «гипопланирования» не привели к созданию условий, позволяющих России выйти на путь устойчивого инновационного развития. В этой ситуации задача выбора оптимальных форм, методов и объектов планирования в условиях многоуровневой административно-политической иерархии, сложной структуры экономических и информационных взаимодействий разноуровневых подразделений экономики становится одной из первостепенных задач экономической науки. При этом многие понятия и положения традиционной теории планирования должны быть пересмотрены в соответствии с особенностями информационно-коммуникационных технологий, возникших сравнительно недавно и прогнозируемых на долгосрочную перспективу.

В данной статье исследуются проблемы модернизации стратегического планирования российской экономики. Такая модернизация должна, по нашему мнению, затронуть сферу теории стратегического планирования, особенности стратегического видения экономики со стороны субъектов планирования, механизмы согласования стратегий взаимодействующих подразделений народного хозяйства. Обосновывается целесообразность и актуальность введения нового вида качественного стратегического планирования — ориентирного планирования, оперирующего не столько количественными характеристиками целевой траектории, сколько качественными, хотя и не всегда четко очерченными, ориентирами системной динамики в пространстве и во времени.

Стратегия и гармония

24 марта 2021 г. исполнилось ровно 100 лет со дня рождения седьмого чемпиона мира по шахматам Василия Васильевича Смыслова. Его место в истории шахматного искусства является исключительным. У каждого из шахматных олимпийцев, кроме таланта, было свое особое оружие, благодаря которому они становились победителями. Здесь и железная логика в сочетании с целеустремленностью, и неудержимая фантазия, и особый шахматный темперамент, и мертвая хватка, и многое другое. Для В.В. Смыслова таким оружием, если верить шахматным специалистам, была гармония. Чувство гармонии и вера в гармонию помогали не просто выбрать лучший ход в каждой позиции, но проложить путь от начала партии к ее победному финалу. Планирование на основе гармонии — так можно выразить не только шахматное, но и жизненное кредо седьмого чемпиона мира. Ключевым звеном здесь является стратегический подход, при котором каждая партия представляется не просто чередованием ситуативных решений, но целостной системой, функционирующей на ограниченном пространстве шахматной доски в течение неопределенного жизненного цикла на необозримом фоне десятков тысяч сыгранных шахматистами всего мира партий. Пытаюсь извлечь из творческого наследия В.В. Смыслова уроки для построения механизмов планирования экономики, мы можем выразить квинтэссенцию его подхода в виде трех ключевых слов: системность, планомерность, гармония.

Подобный взгляд на экономику можно обнаружить и в трудах полного тезки В.В. Смыслова — Василия Васильевича Леонтьева, седьмого лауреата Нобелевской премии по экономике. Стратегическая гармония взаимодействия отраслей и подразделений экономики нашла свое воплощение в знаменитой модели «затраты — выпуск» В.В. Леонтьева. Эта модель легла в основу планирования, в том числе и стратегического, как в нашей стране, так и во многих странах мира, причем не только на уровне страны в целом, но и на уровне предприятий и их устойчивых групп.

Отметим, что мнение В.В. Леонтьева о плановой экономике в СССР было сродни восхищению: отечественный экономический фольклор приписывает ему характеристику нашей экономики как говорящей лошади: «когда лошадь говорит, не так уж важно, что именно она говорит». Такую фразу, в которой удивление и восхищение смешаны в равных долях, фольклор вкладывает в уста В.В. Леонтьева.

Мы видим, что в ментальных образах крупнейших интеллектуалов XX в. стратегия и гармония существовали нераздельно друг от дру-

га, а объединяющим их концептом стало понятие системы. Следует ожидать, что именно системы станут основными объектами и субъектами планирования в XXI в.

Попытки внедрения стратегического планирования в структуру управления отечественной экономикой на современном этапе, как известно, пока не нашли удачного воплощения. Этот факт представляется тем более парадоксальным, что именно наша страна была родоначальницей всеобъемлющего и всепроникающего планирования социально-экономического развития. Можно ли, однако, искать прецеденты стратегического планирования в экономической истории СССР?

Было ли в СССР стратегическое планирование?

Здесь необходимо уточнить содержание понятий, о которых идет речь. Под планированием мы понимаем интеллектуально-организационную деятельность по определению целей и управляющих решений по основным направлениям функционирования данной экономической системы. В общем случае такая система может быть объектной (пример: предприятие), проектной (пример: реализация проекта по выходу на новый рынок), процессной (пример: распространение новшества) или средовой (пример: институт). Поэтому общая теория и методология планирования должна охватывать не только объектные системы типа предприятия, региона, отрасли, экономики государства в целом, но и системы других типов. В частности, предметом планирования должны быть не только процессы производства материальных благ, но и различного рода проекты по изменению или созданию новых социально-экономических институтов. Как правило, социально-экономические системы имеют естественную структуризацию, что вызывает необходимость разработки и согласования планов как для рассматриваемой системы, так и для ее подсистем.

Часто планирование рассматривается как средство реализации целей, формируемых за пределами планируемой системы и поступающих извне. На наш взгляд, такое представление необоснованно сужает понятие планирования, поскольку органичное целеполагание относится, как правило, к числу функций самой системы. Подлинно системный подход не исключает целеполагание из сферы деятельности системы, но ищет средство описания генезиса и апоптоза (отмирания) целей исходя из особенностей систем.

Стратегическое планирование следует рассматривать как один из видов планирования, результатом которого должна стать совокупность всех взаимоувязанных стратегических решений по основным направлениям деятельности и развития объекта планирования, рассматриваемого как целостная система в пространстве и во времени. К числу стратегических решений относятся подлежащие реализации плановые решения, имеющие значимые долгосрочные и трудно обратимые последствия для объекта планирования [4]. Важно подчеркнуть, что стратегия должна отражать весь корпус стратегических решений, относящихся к объекту планирования. Это означает, что разработке стратегии должно предшествовать комплексное описание объекта стратегии как системы, способной к относительно автономному функционированию в экономическом пространстве-времени. Так, стратегия предприятия должна включать не только решения, относящиеся к объему, структуре и качеству выпускаемой продукции, но и решения, определяющие поведение предприятия на рынке исходных ресурсов, технологий, рынке труда и т.п. В противном случае соответствующий документ не может называться стратегией предприятия, если под предприятием понимается целостная и обособленная экономическая система.

Стратегический план (стратегия) должен стать стержневым элементом всей совокупности планов функционирования субъектов экономики и экономических систем. В стратегии должны отражаться качественные черты (ориентиры), определяющие в целом образ данного экономического субъекта как объекта планирования в пространстве и во времени. Стратегия представляет собой своеобразную квинтэссенцию желаемого, возможного и своевременного. Формирование стратегии как совокупности качественных характеристик развития экономического субъекта позволяет преодолеть разрывы в цепочке «миссия — стратегия — цели — задачи — действия». В стратегии синтезируются тем самым образ будущего, образ настоящего, образ прошлого и образ траектории движения. При таком понимании разработка стратегии должна включать системный анализ экономического субъекта, выделение инвариантов и вариантов его движения, включая анализ потенциала, а также анализ возможного развития и использования данного потенциала.

Таким образом, стратегическое видение объекта планирования означает восприятие его как единого целого в многомерном пространственно-временном континууме. При этом предполагается, что факторами, определяющими траекторию движения объекта в пространственно-временном окружении, являются взаимоувязанные стратегические решения.

Заметим, что предложенная концепция стратегии близка к концепции системного описания объекта планирования. В настоящее время известны два определения системы. Хронологически первое определение было сформулировано в рамках общей теории систем Л. фон Берталанфи. Согласно этому определению, под системой понимается комплекс взаимосвязанных элементов [1, с. 30–54]. Второе по хронологии определение возникло в контексте новой теории экономических систем. Согласно этому определению, система рассматривается как относительно устойчивое в пространстве и во времени образование, характеризующееся внешней целостностью и внутренним многообразием [5, с. 794–808]. Два определения системы позволяют рассматривать ее «изнутри» (определение общей теории систем) и «извне» (определение системной экономической теории). В совокупности это позволяет сформировать объемное представление об объекте планирования. Такой дуальный подход к понятию системы является естественным для систем, имеющих определенные пространственные границы (отметим, что подобный дуальный подход может быть применен и к системам, не имеющим определенных пространственных границ, но имеющим известные временные границы).

Приведенное выше определение стратегии отражает, как легко видеть, именно такой двойственный подход к объекту планирования как к системе. С одной стороны, речь идет о стратегическом видении объекта как целого, с другой — как результата принятия комплекса стратегических решений, взаимоувязанных между собой. Следовательно, стратегия может рассматриваться как системная модель объекта планирования.

Для исследования перспектив стратегического планирования в России необходимо ответить на вопрос: было ли стратегическое планирование в Советском Союзе? Несомненно, Советский Союз был и остается лидером среди мировых держав по уровню, глубине и детальности социально-экономического планирования. Пик системного планирования в СССР приходится на 1979–1980 гг. 12 июля 1979 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 695 «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы», которое предусматривало создание стройной многоуровневой системы всеобъемлющего планирования социально-экономического развития на срок до двух десятилетий. В качестве основных документов, определяющих образ будущего страны, были созданы:

- Комплексная программа научно-технического прогресса, КП НТП (разработчики: АН СССР, Государственный комитет СССР по науке и технике, Госстрой СССР; срок — 20 лет);

- ❑ Генеральная схема развития и размещения производительных сил (разработчики: Госплан СССР, Совет по изучению производительных сил, СОПС; срок — 15 лет);
- ❑ Основные направления социально-экономического развития (разработчики: Госплан СССР, министерства, ведомства; срок — 10 лет);
- ❑ Пятилетний план социально-экономического развития (разработчики: производственные и научно-производственные объединения, организации, министерства, ведомства; срок — 5 лет);
- ❑ Баланс народного хозяйства (разработчики: Госплан СССР, Госнаб СССР, Министерство финансов СССР; срок — 1 год);
- ❑ Целевые программы (разработчики: министерства, ведомства; сроки — различные).

Тем не менее, по нашему мнению, полноценное стратегическое планирование не было реализовано в СССР, что, возможно, и стало одной из причин распада государства. Чрезмерно детализированное и долгосрочное количественное планирование в условиях ускорения НТП в стране и в мире стало тормозом социально-экономического развития страны. Отсутствие качественного структурного и структурно-функционального пространственно-временного планирования в сочетании с падением мировых цен на нефть привело к фрагментации экономики и в конечном итоге к ее системному коллапсу.

Можно сделать вывод о наличии на тот период достаточно полной системы документов, включающих в сферу планирования практически все организационные подразделения народного хозяйства (пространственный разрез) и практически все обозримые промежутки времени (временной разрез). Однако все эти документы, включая так называемые контрольные цифры, ориентировались главным образом на количественные показатели социально-экономического развития, оставляя на заднем плане качественные характеристики состояния экономики в пространственном и временном разрезах. Это означает, что мы не имеем возможности опереться на примеры регулярного стратегического планирования, рассматривая историю плановых проектировок в России. Трудно найти подобные примеры и в стратегическом планировании экономического развития в западных странах. По сути дела, внедрение подлинно стратегического планирования в систему традиционных количественных механизмов управления российской экономикой представляет собой не менее трудную задачу, чем включение качественной составляющей в описание перехода от количества к качеству в ходе протекания тех или иных явлений материального, духовного или социального мира.

Новое стратегическое планирование: понятие, цели, методология

К середине 2010-х гг. необходимость перехода к стратегическому планированию стала очевидной. Это выразилось в принятии в 2014 г. Федерального закона от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». За прошедшие годы, однако, операционализации этого закона не произошло, и его влияние на экономику России оказалось незначительным. Это связано не только с общей низкой эффективностью управления в России, но и с недостаточной методической проработанностью самого закона, в том числе уходом теории стратегического планирования из сферы наиболее актуальных проблем развития экономической науки. Застой в теории стратегического планирования выглядит особенно заметным на фоне стремительных изменений в технологическом развитии в связи с внедрением достижений информационно-коммуникационных технологий. Какие компоненты стратегического планирования должны подвергнуться модернизации в первую очередь?

1. *Объект стратегического планирования.* Традиционными объектами стратегического планирования являются самостоятельные предприятия, отрасли и подотрасли, регионы (субъекты Федерации), экономика страны в целом. В настоящее время роль центрального элемента организации и координации экономической деятельности все чаще переходит от отдельных экономических агентов к социально-экономическим экосистемам — пространственно локализованным комплексам неконтролируемых иерархически организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных систем, взаимодействующих между собой в ходе создания и обращения материальных и символических благ и ценностей, способным к длительному самостоятельному функционированию за счет кругооборота указанных благ и систем [7, с. 5–14]. Регулирование развития экосистем на основе стратегического планирования имеет свою специфику в связи с отсутствием единого органа управления во многих экосистемах. Как разработка стратегических планов (стратегий), так и их реализация требуют в этих условиях неадминистративных методов координации, включая обмен информацией о планируемых и достигнутых результатах деятельности. Здесь должны использоваться формальные и неформальные институты, обеспечивающие зависимость положения каждого участника в общей конфигурации экосистемы от его репутации как лояльного члена внутриэкосистемного сообщества. Примеры эффективных репутационных институтов

легко просматриваются при анализе взаимодействия экономических и социальных агентов в западных странах [10].

Специфическими объектами стратегического планирования являются организации с фиксированным жизненным циклом, в частности, инвестиционные проекты и процессы распространения инноваций. Экстраполяция социальной и экономической ответственности на период после окончания жизненного цикла таких систем требует модернизации понятия ограниченной ответственности. Сегодня ограниченная ответственность понимается как жесткая локализация ответственности в рамках вклада участника деятельности организации в корпоративную собственность. Для успешной реализации системной методологии стратегического планирования в современной экономике такая жесткая локализация должна быть заменена мягким взаимодействием участников экономической деятельности, распространяющимся вне рамок жизненного цикла на нематериальные активы репутационного характера.

В целом размывание границ экономических агентов и переход управления их деятельностью к различным социально-экономическим и социально-политическим системам, характерные для современной экономики и отмеченные в [6, с. 56–74], ставят серьезные и далекие от решения вопросы перед экономической теорией в целом и теорией стратегического планирования в частности.

2. Субъект стратегического планирования. Размывание границ предприятия как объекта стратегического планирования отражается и на утрате определенности в идентификации субъекта стратегического планирования. Каждая стратегия появляется в результате совместной деятельности неопределенного множества физических и юридических лиц, а также социально-политических систем на разных уровнях управленческой иерархии. Снижение уровня субъектности стратегических планов сопряжено с потерей их регулирующего авторитета и рисками превращения их в необязательные, а порой и разноречивые рекомендации. В условиях дальнейшего превращения экономики агентов в экономику сети фундаментальная экономическая теория должна подвергнуться ревизии не только выводы и положения, но и понятийно-категориальный аппарат, а также традиционные взгляды на структуру экономики как свободной среды функционирования производственных систем в пространственно-временном континууме.

3. Цели стратегического планирования. В условиях турбулентности как мирового, так и локального социально-экономического развития основными целями стратегического планирования должны стать снижение гетерогенности социально-экономической среды как

во времени, так и в пространстве. Иными словами, речь идет о повышении устойчивости траекторий социально-экономического развития и выравнивании основных показателей состояния ключевых участников экономической деятельности. В общем случае цели стратегического планирования социально-экономического развития страны могут быть сформулированы как обеспечение макроэкономической стабильности, мезоэкономической интеграции и координации, микроэкономического развития при условии низкобарьерного межуровневого взаимодействия. Наиболее актуальным для социально-экономического развития России в настоящее время является перенос центра тяжести стратегического планирования на мезоэкономический уровень. Именно этот уровень является системообразующим, поскольку призван содействовать укреплению целостности экономики, преодолевать межуровневое расслоение экономики, лакуны, возникающие в территориальном и отраслевом пространствах, а также чрезмерную дифференциацию соседствующих периодов развития экономики. В 2000-х гг. были предприняты попытки активизировать стратегическое планирование на уровне субъектов Федерации, в том числе путем разработки региональных стратегий и докладов о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования на трехлетний период. В настоящее время эта деятельность минимизировалась и потеряла связь со стратегическим планированием. Вместе с тем разрабатывается большое число отраслевых стратегий¹. Основными проблемами являются слабая координация региональных стратегий друг с другом, координация отраслевых стратегий между собой и, наконец, синхронизация региональных и отраслевых стратегий. Корень «зла» — отсутствие единой системной стратегии социально-экономического развития России. В сложившейся ситуации мезоэкономика не может выполнить своей интеграционно-координационной миссии по отношению к многоуровневой и полиструктурной экономике России.

Ориентирное планирование как основа разработки стратегических планов

Современная информационная среда, доступная для экономических агентов, является, с одной стороны, разреженной, с другой — перенасыщенной. Неопределенность будущего развития,

¹ Отраслевые документы стратегического планирования // Сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/625/events/> (дата обращения: 12.05.2021).

возрастающая по мере роста сложности и фрагментированности экономики, соседствует с переопределенностью такого развития для каждого субъекта, связанной с влиянием на него мощных, но разнонаправленных сил. Борьба этих двух начал определяет специфику стратегического планирования в XXI в. В то время как современное планирование на всех уровнях экономики базируется на цифровых количественных показателях, центральное место в методологии стратегического планирования должно занять качественное планирование и прогнозирование, основанное на неколичественных смысловых признаках. Такие признаки должны играть роль ориентиров в непрозрачной «туманной» информационной среде, указывающих общее направление движения. Этот вид планирования можно назвать ориентирным. Развитие ориентирного планирования находится в русле расширения модельного инструментария стратегического управления. Такое расширение связано с вовлечением в процессы планирования ряда видов ресурсов, имеющих главным образом качественное измерение. К числу таких ресурсов относятся организационный капитал, интеллектуальный капитал, когнитивный капитал, институциональный капитал и т.п. Основой ориентирного стратегического планирования является человеческий потенциал субъекта планирования. Исходными факторами здесь являются представления лица или группы лиц, осуществляющих планирование, относительно связки «субъект планирования — объект планирования». Эти представления в значительной мере носят образный характер. Поэтому методы формирования и анализа ориентирных стратегических планов должны базироваться на технике идентификации анализа и синтеза информационно-метафорических образов и операций с ними. По сути дела, должна возникнуть и активно применяться в стратегическом ориентирном планировании своеобразная алгебра образов, в которой операции сравнения, соединения, наложения образов будут сочетаться с топологическими и метрическими характеристиками близости образов. Слово «образ» здесь следует трактовать скорее как «художественный образ», чем как «изображение».

Неточные измерения в социально-экономических системах в принципе позволяют построить более точные модели таких систем по сравнению с использованием точных числовых измерений. Так называемые точные измерения в социально-экономической сфере являются, как правило, иллюзией, поскольку их получение опирается на многочисленные и обычно не вполне определенные предпосылки. Например, точное измерение затрат ресурсов предприятия на производство одного изделия (а, следовательно, и точное определение его рентабельности) практически неосуществимо, поскольку разне-

сение общефирменных расходов на отдельные изделия неизбежно носит субъективный или конвенциональный характер. Неопределенность количественных планов растет не только по мере проникновения аналитики «вглубь» предприятия, на уровень исследования операций, но и при выходе за пределы предприятия, в неопределенную в принципе внешнюю среду. Примерно то же самое имеет место и во временной перспективе: неопределенность измерений и оценок растет по мере удаления как в прошлое, так и в будущее от момента составления плана. В итоге математические модели стратегического и в особенности ориентирного (качественного) планирования должны строиться скорее на основе ассоциативных образов и соотношений между ними, чем на основе числовых величин и функций. Соответственно, методология ориентирного планирования требует существенного развития информационно-математического аппарата, обеспечивающего качественные оценки и измерения.

Заключение

100 лет назад на заре XX в. Россия стала родиной детализированного всеобъемлющего количественного планирования. Центром этой деятельности стал Госплан СССР — уникальное в своем роде учреждение, сосредоточившее огромный объем информации. Сегодня назрела потребность создать орган, концентрирующий необходимую для стратегического планирования информацию, включая как формальные, так и неформальные знания и образы, обладающий профессиональным стратегическим интеллектом и наделенный правами и обязанностями стратегического агрегатора. Такой орган мог бы стать центром стратегического планирования многоуровневой экономики России.

21 год назад в марте 2000 г., полемизируя с В.А. Мау, предостерегавшим от необоснованных, по его мнению, и даже опасных в смысле скатывания к тоталитаризму попыток создания системы стратегического планирования в стране (Мау, 2000), я писал: «Не видел бы ничего априорно «тоталитарного» и в существовании государственного учреждения (назовем его условно Роспланом), свободного от «ведомственных интересов» и профессионально занимающегося сбором, хранением, обобщением и переработкой соответствующей стратегической <...> информации» [3, с. 8]. К сожалению, «а воз и ныне там»... И вместе с тем на различных участках «стратегического поля» России за последние два десятилетия заметны ростки и компоненты стратегического планирования, пробивающиеся сквозь

пелену неопределенностей, скепсиса и опасений. Эти компоненты необходимо поддерживать, гармонизировать и развивать. Есть надежда, что XXI в. в России станет веком системного стратегического планирования.

■ Список литературы

1. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30–54.
2. *Бузалин А.В., Колганов А.И.* Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 63–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-63-80.
3. *Клейнер Г.Б.* Защита от агностицизма // Эксперт. 2000. № 10 (233). С. 8.
4. *Клейнер Г.Б.* Стратегия предприятия. М.: Дело, 2008. С. 568.
5. *Клейнер Г.Б.* Новая теория экономических систем и ее приложения // Вестник РАН. 2011. Т. 81. № 9. С. 794–808.
6. *Клейнер Г.Б.* От «экономики физических лиц» к системной экономике // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 56–74. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-8-56-74.
7. *Клейнер Г.Б.* От «экономики физических лиц» к системной экономике // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 56–74. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-8-56-74.
8. *Клейнер Г.Б.* Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы // Системный анализ в экономике — 2018: сб. трудов V Международной научно-практической конференции (Москва, 21–23 ноября 2018 г.). М.: Прометей, 2018. С. 5–14.
9. *Мау В.А.* В защиту от агностицизма // Эксперт. 2000. № 4 (217).
10. *Полтерович В.М.* Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 7. С. 158–160.
11. *Шарков Ф.И.* Константы гудвилла: стиль, паблисити, репутация, имидж и бренд фирмы. М.: Дашков и К, 2019. С. 272.
12. *Rosser J.B., Rosser M.V.* (2004). Whither indicative planning, the case of France. In: Rosser J. B., Rosser M. V. Comparative economics in a transforming world economy. Cambridge, MA: MIT Press. P. 179–201.

Дэвид М. Котц¹

David M. Kotz²

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И РЫНОЧНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ В ЭКОНОМИКЕ XXI ВЕКА

Economic Planning and Market Allocation
in the Economy of the XXI Century³

На сегодняшний день рынок играет главную роль в экономических системах по всему миру. Хотя экономическое планирование также практикуется, оно играет относительно небольшую роль в большинстве стран. В настоящей статье приводятся аргументы в пользу того, что страны должны со временем увеличивать роль планирования и снижать роль рыночного распределения. В статье рассматриваются сильные и слабые стороны советского централизованного планирования. В ней утверждается, что демократический тип планирования на основе участия был бы наиболее эффективным и позволил бы избежать проблем, которые возникли в ходе советского централизованного планирования. Такой переход необходим для создания экономики, способной удовлетворить нужды и потребности человека экологически устойчивым образом.

Ключевые слова: планирование, рынки, распределение ресурсов, советская экономика.

Today the market plays the major role in economies throughout the world. While economic planning also takes place, it plays a relatively marginal role in most countries. This paper makes a case that economies should move toward an expanding role for planning and a reduced role for market allocation over time. The paper reviews the strengths and weaknesses of Soviet central planning. It argues that a democratic and participatory type of planning would be most effective and would avoid overcome the problems that arose in Soviet central planning. Such a transition is necessary to build an economy that can satisfy human wants and needs in an environmentally sustainable manner.

Keywords: Planning, markets, allocation of resources, Soviet economy.

¹ Дэвид М. Котц, почетный профессор экономики, старший научный сотрудник Массачусетского университета в Амхерсте (США). Автор книги «Взлет и падение неолиберального капитализма».

² David M. Kotz, Professor Emeritus of Economics and Senior Research Fellow at the University of Massachusetts Amherst. He is the author of *The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism*, Harvard University Press, 2017.

³ This paper was written for the journal *Economic Revival of Russia* and is based on a presentation at the conference «Planning in the Market Economy: Memories of the Future», in Moscow, March 25–26, 2021.

Введение

На сегодняшний день рынок играет главную роль в экономических системах по всему миру. Хотя экономическое планирование также практикуется, оно играет относительно небольшую роль в большинстве стран. В настоящей статье приводятся аргументы в пользу того, что страны должны со временем увеличивать роль планирования и снижать роль рыночного распределения. Такой переход необходим для создания экономики, способной удовлетворить нужды и потребности человека экологически устойчивым образом.

Тема данной статьи — рыночное распределение и экономическое планирование — тесно связана с вопросом о роли частного и государственного участия в собственности предприятий. Однако этот вопрос выходит за рамки данной статьи.

Что такое рыночное распределение и экономическое планирование?

Люди всегда жили и производили товары в группах. Это неизбежно порождает конфликт между индивидуальными желаниями и потребностями группы. Поскольку люди не могут выжить в одиночку, для жизнеспособного общества требуется как удовлетворение индивидуальных материальных потребностей, так и обеспечение благополучия и воспроизведения группы.

Характеризуя любую самовоспроизводящуюся группу, от сообщества охотников-собирателей до большого современного национального государства, обычно говорят о трех экономических решениях, которые необходимо принять: 1) Что будет производиться? 2) Как доступные производственные ресурсы (рабочая сила, капитальные блага и природные ресурсы) будут использоваться для получения результата производства? 3) Как эти произведенные блага будут распределяться между членами общества? Экономисты называют результат этих трех решений «распределением ресурсов» в обществе.

Распределение ресурсов также включает решения о хронологии производства и потребления. Часть произведенного в текущем периоде результата может быть направлена на инвестиции в виде товаров и услуг, которые увеличат выпуск продукции в будущем, например увеличение объема производства капитальных благ или повышение их качества, а также образование и профессиональную подготовку.

При анализе распределения ресурсов часто делается упрощающее допущение, что конечный результат производства поступает к от-

дельным потребителям. Однако не все конечные товары напрямую распределяются между отдельными потребителями в обществе, поскольку некоторые сначала поступают к коллективному субъекту, который должен решить, как распределить товары среди конечных потребителей. Например, окончательные решения о распределении части произведенных товаров индивидуального потребления, таких как продукты питания, одежда и жилье, принимаются семьями, ресторанами, школами, благотворительными организациями и учреждениями коллективного проживания, такими как монастыри. Каждый из вышеперечисленных институтов следует определенному принципу окончательного распределения товаров. Что касается «общественных благ», таких как парки и дороги, правительства решают реализовать часть конечного результата экономической деятельности в виде таких благ и определяют, как сделать их доступными для пользователей.

В современном обществе существует две системы распределения ресурсов: рыночное распределение и экономическое планирование¹. Система рыночного распределения — это нечто большее, чем просто наличие рыночного обмена в экономической системе. Рыночный обмен — это покупка товаров/услуг за деньги. Общество может участвовать в рыночном обмене, не полагаясь на рыночные силы, как первичный фактор распределения ресурсов. Система рыночного распределения в самовоспроизводящей группе — это система, в которой вышеупомянутые решения о распределении мотивируются погоней за прибылью со стороны производителей как продавцов товаров и покупателей ресурсов. Эта система также включает потребителей, действующих исходя из личных интересов, но движущей силой в этом способе распределения является погоня производителей за прибылью.

Экономическое планирование — это система распределения, в которой коллективный орган или группа органов составляет план распределения ресурсов и контролирует этот процесс, направленный на достижение запланированного результата. Фактические результаты неизбежно отличаются от намерений в любой системе распределения ресурсов; система экономического планирования не означает, что фактическое распределение строго «запланировано» в том смысле, что оно точно соответствует намерению. Тем не менее именно план определяет процесс, на конечный результат которого также влияют непредвиденные факторы, точно так же, как в случае рыноч-

¹ Ранее общества использовали другие механизмы распределения, основанные на обычаях/традициях или социальном статусе.

ных сил процесс приводится в движение стремлением к прибыли, несмотря на возможное несоответствие фактической прибыли ожиданиям.

Обычное толкование терминов «план» и «рынок» может вызвать путаницу и создать впечатление, что эти две системы не являются обособленными. В системе рыночных сил отдельные лица и организации строят планы исходя из собственных интересов. В системе экономического планирования отдельные лица и подгруппы могут участвовать в рыночном обмене, чтобы получить потребительские товары и(или) найти работу. Однако эти аспекты не умаляют различия между двумя совершенно разными способами распределения.

Рыночное распределение

Согласно неоклассической экономической теории рыночное распределение является оптимальной системой для обеспечения эффективности, справедливости в распределении доходов, экономического роста и технического прогресса. Основное требование заключалось в достижении оптимальной эффективности¹. Однако после того как в течение десятилетий ведущие теоретики неоклассики пытались доказать оптимальную эффективность конкурентного рыночного распределения, они пришли к выводу, что это невозможно доказать на основе какого-либо разумного и обоснованного набора допущений (Askerman, 2002). Максимум, что можно сказать о системе рыночного распределения, — это то, что она порождает некую «приблизительную» эффективность, поскольку производители стремятся минимизировать те производственные затраты, которые они фактически должны понести, и должны производить товары, которые кто-то захочет купить.

Система рыночного распределения включает в себе три ключевые проблемы. Во-первых, она не принимает во внимание нерыночные взаимозависимости между отдельными лицами и подгруппами, которые не играют никакой роли в принятии решений о рыночном распределении. Учитываются только потребности покупателя и затраты продавца. В системе рыночного распределения в целом не принимается во внимание влияние на третьих лиц или сообщество.

¹ Неоклассическая теория не приводит последовательного анализа, показывающего превосходство конкурентного рыночного распределения для технического прогресса. Традиционный неоклассический аргумент в пользу справедливого распределения результатов конкурентных рынков никогда не был убедительным и в основном был удален из учебников.

Во-вторых, рыночное распределение неизбежно порождает неравные соотношения сил. В обычной теоретической модели конкурентного рынка нет соотношений сил между участниками. Каждый потенциальный покупатель просто решает, покупать или не покупать товар по текущей цене, а каждый продавец просто решает, продавать или нет товар по текущей цене. Однако на самом деле все иначе. Некоторые производители обладают значительной властью над потребителями, и не только в случаях монополии из-за ограниченного числа производителей продукта. Производители часто имеют больше информации о продукте, чем потребители, что дает производителю преимущество.

Неравенство сил встречается еще чаще в отношениях между работниками и работодателями. Обычно в рыночной экономике наблюдается значительный уровень безработицы, который дает производителю преимущество над потенциальными продавцами рабочей силы, что может привести к увеличению неравенства доходов между работниками и работодателями¹. Вдобавок, как указывал Маркс, продавец рабочей силы продает некое качество, которое является неотъемлемым от личности продавца. В результате покупатель получает во владение и контролирует личность продавца в течение рабочего дня и имеет право отдавать приказы, которые работник должен выполнять.

В-третьих, рыночное распределение порождает систематическую необходимость принятия решений, наносящих ущерб окружающей среде. Погоня за прибылью ведет к тому, что к окружающей среде относятся как к месту бесплатного захоронения отходов. Способ производства, защищающий окружающую среду, обычно обходится производителю дороже, чем способ, наносящий ей ущерб. Ущерб окружающей среде влечет за собой различные краткосрочные и долгосрочные издержки для общества, которые не принимаются во внимание в системе рыночного распределения. Самый серьезный пример — глобальное изменение климата в результате экономической деятельности, которое в ближайшем будущем грозит обернуться огромными издержками для общества.

Сторонники рыночного распределения с более реалистичными взглядами признают, что система должна отводить определенную роль государственному планированию, которое помогло бы решить некоторые из вышеупомянутых проблем рыночного распределения.

¹ Мы используем удобное различие, введенное Марксом (1867), между «рабочей силой», которая представляет собой способность к труду, который рабочий продает производителю, и «трудом», который представляет собой процесс производства результата.

Распространено мнение, что лучшая система — это рыночное распределение в сочетании с вмешательством государства для решения таких проблем, как крайнее неравенство доходов, монополия и внешние последствия деятельности, например экологически вредная практика. Однако при этом не учитываются проблемы, возникающие из-за поддержки стремления производителей к максимальной прибыли.

Один из способов получения высокой прибыли — переложить производственные затраты на других лиц, которым производитель не обязан платить. Это означает, что у производителей есть мощный стимул к нанесению вреда, включая ущерб окружающей среде. Кроме того, система рыночного распределения дает производителям возможность противостоять ограничениям на применение вредных практик. В условиях неизбежного противоречия между индивидуальными желаниями и потребностями группы даже система рыночного распределения с некоторым вмешательством государства не может быть эффективной для удовлетворения потребностей всего общества в долгосрочной перспективе. Это серьезная проблема в свете угрозы изменения климата.

Экономическое планирование в СССР¹

Сегодня экономическое планирование подвергается жесткой критике, в значительной степени основанной на общепринятых интерпретациях эффективности советского централизованного планирования. Критики утверждают, что экономическое планирование по своей сути неэффективно, отрицает индивидуальный выбор и ведет к экономической стагнации и технологической отсталости. Сторонники рыночного распределения часто характеризуют экономическое планирование как систему «командования», которая противопоставляется «свободному выбору» в рыночной экономике. Советское централизованное планирование, действительно, было во многом неэффективным и ограничивало индивидуальный выбор потребителей, хотя оно не приводило к застою в течение примерно пятидесяти лет после его внедрения. Однако система экономического планирования необязательно должна иметь эти две проблемы, которые возникают, если система планирования лишает отдельных лиц и подгруппы их прав.

¹ Источником данных о советской экономике и ее развитии является работа Kotz and Weir (Котц и Вейр) (2007).

Из анализа советской системы централизованного планирования можно извлечь уроки, позволяющие избежать подобных проблем при экономическом планировании в будущем. Советское централизованное планирование, действительно, привело к значительным экономическим успехам. Оно обеспечивало интенсивное экономическое развитие в течение 50 лет. После его внедрения в 1928 г. советское общество к 1940 г. превратилось из сельского и сельскохозяйственного в городское и индустриальное. На тот момент это была самая быстрая индустриализация в истории, за исключением, возможно, Японии. После Второй мировой войны экономический рост СССР возобновился, и в советской экономике было построено городское общество потребителей со скромным уровнем материальных потребностей. В 1960 г. около половины советских семей имели радио, каждая десятая — телевизор и только одна из двадцати пяти — холодильник. В 1985 г. все эти устройства были уже в каждой среднестатистической семье. К 1975 г. объем производства необработанной стали и проката, цемента, металлорежущих и металлообрабатывающих станков, комбайнов, тракторов, пшеницы, рыбы, свиней, молока и хлопка в Советском Союзе был больше, чем в США. К 1980-м гг. в Советском Союзе на душу населения приходилось больше врачей и больничных коек, чем в США.

Согласно оценкам Центрального разведывательного управления США, в 1950–1975-х гг. экономика СССР росла значительно быстрее, чем экономика США. Если бы темпы экономического роста СССР и США в период 1950–1975-х гг. сохранились, валовой национальный продукт СССР в 2011 г. превысил бы аналогичный показатель США. При централизованном планировании технологии быстро развивались, и СССР стал мировым лидером в ряде ключевых областей, включая освоение космоса, вооружение, промышленное оборудование и оборудование для глазной хирургии. Западные транснациональные корпорации закупали советские металлургические технологии. В системе метро Вашингтона, округ Колумбия, построенной в 1970-х гг., для строительства путей использовалось оборудование для бесшовной укладки рельсов советского производства.

В 1960–1970-е гг. американская элита была обеспокоена тем, что советская плановая экономика должна была догнать экономику США и превзойти ее. Обычно ученые утверждают, что, хотя централизованное планирование способствовало более быстрому экономическому росту, оно действовало в ущерб независимости потребителей и свободе личности.

Быстрое развитие Советского Союза до середины 1970-х сопровождалось полной занятостью и стабильными ценами. Централизо-

ванное планирование обеспечивало высокую степень индивидуальной материальной защищенности с гарантированными рабочими местами и универсальной пенсионной системой. Стоимость аренды городских квартир в среднем составляла менее 10% дохода. Здравоохранение и среднее и высшее образование были бесплатными. Плановая экономика произвела множество высококачественных общественных благ, таких как система московского метро, станции которого напоминают художественные музеи.

В тот период у советской экономики было много проблем, включая потребительские товары низкого качества, ассортимент потребительских товаров, не соответствующий желаниям потребителей, нехватку многих товаров и другие недостатки. Быстрый рост сопровождался серьезным экологическим ущербом. Советские чиновники имели преимущественный доступ к товарам более высокого качества, что раздражало трудящихся. Однако до тех пор, пока система продолжала обеспечивать быстрый экономический рост и повышение уровня жизни, эти проблемы не были угрозой для ее стабильности.

Многие хорошо известные проблемы советского централизованного планирования были результатом его высокоцентрализованного и нисходящего характера в рамках недемократической политической структуры. Эти особенности советской версии экономического планирования также объясняют резкое замедление советского экономического роста и технического прогресса после 1975 г. В период с 1975 по 1985 г. советский ВВП рос примерно на 2% в год, медленнее, чем экономика США. Реформы, предпринятые в 1985–1989 гг., не привели к улучшению экономических показателей. Котц и Вейр (Kotz and Weir, 2007) утверждают, что эффективная реформа советского социализма могла бы восстановить быстрый экономический прогресс, а также решить давние экономические проблемы. Однако в этот процесс вмешались политические события, и в 1990–1991 гг. централизованное планирование было устранено, а вместо него новый эффективный механизм введен не был. Это привело к первому реальному снижению объемов производства с 1928 г., за исключением периода Второй мировой войны.

Демократическое планирование на основе участия

Альтернативный тип экономического планирования, называемый демократическим планированием на основе участия (партисипаторным или соучаствующим планированием, ДСП), по-

звонил бы избежать проблем, которые были присущи советскому централизованному планированию. ДСП — это форма экономического планирования, основанная на всестороннем участии в принятии решений представителей тех, на кого влияет такое экономическое решение. Подробная модель такой системы предоставлена Девайном (Devine, 1988)¹.

ДСП включает в себя сочетание центральных, региональных и местных органов планирования, при этом экономические решения принимаются на самом низком возможном уровне, учитывая необходимость включения в решение всех затронутых сторон. Каждый орган планирования должен иметь в своем составе совет, включающий представителей групп, интересов которых касаются планы, включая «представителей» социальных аспектов, таких как экологическая устойчивость и гендерное равенство. На самом низком уровне производственной системы в совет каждого предприятия будут входить представители рабочих, заказчиков и местного сообщества. Система предусматривает участие нескольких производителей каждого продукта для того, чтобы воспользоваться преимуществами экономии за счет масштаба; также для каждой отрасли будет сформирован совет из представителей предприятий отрасли наряду с представителями других затронутых групп.

Система ДСП основана на признании того факта, что конфликтующие интересы неизбежно присущи крупномасштабному обществу, а значит, экономическое планирование не может быть чисто техническим процессом, которым управляют беспристрастные эксперты. Каждый взрослый человек является работником, потребителем и членом сообщества, и в каждой роли интересы человека будут разными. В качестве рабочего каждый человек хочет хорошей оплаты труда; чтобы рабочий день не был слишком утомительным; чтобы рабочий процесс был безопасным, здоровым и полезным. Как потребитель, каждый человек хочет получить продукт высокого качества по доступной цене. Как член сообщества, каждый человек хочет, чтобы местные предприятия не наносили ущерб окружающей среде. При неизбежном конфликте интересов не существует «оптимального» набора решений. ДСП призывает затронутые стороны к переговорам и достижению компромиссов, приемлемых для всех сторон, в рамках процесса, который побудил бы каждую сторону с пониманием и сочувствием относиться к потребностям других, а также уделять внимание собственным потребностям. Этот процесс принятия решений называется «согласованная координация».

¹ Еще одна широко обсуждаемая модель ДСП, которая в ключевых аспектах отличается от модели Девайна, была предложена Альбертом и Ханелем (Albert and Hahnel, 1991). Обсуждение в этой статье основывается на модели Девайна (1988).

При ДСП не должно возникнуть проблем, присущих централизованному планированию советского типа, а также проблем, свойственных системе рыночного распределения. Это сделает внешние факторы, такие как экологический ущерб, внутренними. Будут внедрены производственные методы, которые снижают затраты за счет повышения эффективности, а методы, которые снижают затраты предприятия за счет их передачи третьей стороне или нанесения ущерба окружающей среде, будут исключены. Представители общества отвергнут экологически вредные методы производства. Представители рабочих отвергнут небезопасные методы производства. Представители потребителей отзовут небезопасные продукты.

ДСП поможет достичь баланса между индивидуальными и общественными благами на основе выраженных пожеланий участников процесса планирования. Это обеспечит высокую степень индивидуальной экономической безопасности. Это могло бы привести к быстрому экономическому прогрессу за счет государственных инвестиций в науку и технологии наряду с программами по предоставлению финансирования тем, кто хочет разработать новый продукт или производственный процесс. Актуальные достижения в области технологий связи и обработки информации сделают ДСП более эффективным, чем это было бы несколько десятилетий назад. ДСП может способствовать быстрому экономическому росту, направляя значительную часть результатов экономической деятельности общества в инвестиции и стимулируя предприятия постепенно повышать производительность. Однако это не приведет к структурному принуждению производить все больше товаров независимо от желаний и потребностей людей, которое возникает в процессе конкуренции в погоне за прибылью — движущей силы рыночного распределения. Устранение структурного принуждения к бесконечному производству все большего и большего количества товаров имеет большое значение, если мы хотим предотвратить катастрофическое глобальное изменение климата, чтобы человеческая цивилизация могла выжить на этой планете.

Заключительные комментарии

Будущее человечества требует перехода от рыночного распределения к распределению посредством экономического планирования. Чтобы экономическое планирование было эффективным и устойчивым, оно должно принимать форму ДСП. Мы не можем избежать конфликта между индивидуальными желаниями и коллек-

тивными потребностями. Каждый человек также является членом коллектива и на него влияет степень удовлетворения коллективных потребностей.

Потенциальной проблемой системы ДСП является возможность развития неравного соотношения сил. Власть может перейти к лицам, участвующим в принятии решений в центре, которые могут превратиться в доминирующий класс в обществе. Чтобы предотвратить такое развитие событий, потребуется институционализация демократии и внедрение восходящего принципа власти. Для этого потребуются независимые средства массовой информации, способные держать общественность в курсе событий. Не в последнюю очередь это потребует бдительности со стороны населения, которое активно защищает свои права и полномочия.

■ Список литературы

1. *Ackerman, Frank*. 2002. Still Dead after All These Years: Interpreting the Failure of General Equilibrium Theory. *Journal of Economic Methodology* 9(2), P. 119–139.
2. *Albert, Michael, and Robin Hahnel*. 1991. *The Political Economy of Participatory Economics*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
3. *Devine, Pat*. 1988. *Democracy and Economic Planning*. Cambridge: Polity Press.
4. *Kotz, David M., and Fred Weir*. 2007. *Russia's Path from Gorbachev to Putin: The Demise of the Soviet System and the New Russia*. London and New York: Routledge.
5. *Marx, Karl*. 1967. *Capital*, volume 1. New York: International Publishers.

Е.Б. Ленчук¹

L.B. Lenchuk²

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УСКОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ³

Strategic planning as tool of acceleration
of socio-economic development of Russia

Затрагиваются проблемы укрепления стратегических и проектных подходов в экономике для реализации стратегической цели — перехода России к инновационной модели развития. Стратегическое планирование во многих зарубежных странах является неотъемлемым элементом формирования эффективной экономической политики. В российской практике, хотя и принят соответствующий федеральный закон ФЗ-172 «О стратегическом планировании», его имплементация явно затягивается. Из-за отсутствия целого ряда базовых документов стратегического планирования процесс целеполагания в стране реализуется в виде указов президента и нацпроектов. Отмечается узость такого подхода, предлагаются меры по совершенствованию государственной политики в области стратегического планирования, направленные на превращение данного инструментария в драйвер социально-экономического развития.

Ключевые слова: стратегическое планирование, государственное управление, система целеполагания, национальный проект, экономическая политика, стратегия социально-экономического развития.

The article deals with the problems of strengthening the strategic and project approaches for the realization of strategic objectives — transition to an innovative model of development in Russia. Strategic planning as a management tool is able to ensure the coordinated interaction of the state, business and society in solving the assigned tasks, and it becomes an integral element of the creation of an effective economic policy for many countries. At the same time, although the corresponding Federal Law No-172 “On the strategic planning in the Russian Federation”, has been adopted in 2014, its implementation is clearly delayed. A number of basic documents of strategic planning are absent and goal-setting process in the country is implemented in the form of the President’s decrees and the national projects. Emphasizing the narrowness of this approach, the author proposes priority measures to improve state policy in the field of strategic planning, to turn this tool into a driver of socio-economic development.

Keywords: strategic planning, public administration, goal-setting system, national project, economic policy, strategy of socio-economic development.

¹ Ленчук Елена Борисовна, доктор экономических наук, директор, Институт экономики, Российская академия наук.

² Lena B. Lenchuk, Doctor of Economic Sciences, Director, Institute of Economics of the RAS.

³ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. № 3 (69). С. 25–30.

Количество внутренних и внешних шоков и вызовов, с которыми сталкивается Россия в последние годы, стремительно возрастает. Прежде всего, отметим кризис, связанный с пандемией коронавируса, падение цен на энергоносители на мировых рынках, ухудшение геополитической обстановки, растущее санкционное давление и технологическое отставание. В сложившихся условиях российское правительство пытается противостоять кризисным явлениям, обеспечить поддержку занятости, доходов населения и восстановление экономической активности. Но, как говорил Л.И. Абалкин: «Тушить пожар нужно, но не утрачивая при этом умения видеть перспективу» [1, с. 7]. Речь идет о поиске новой модели развития, которая обеспечит устойчивую динамику экономического роста в постковидный период. Не надо забывать, что в преддверии текущего кризиса мы находились практически в состоянии стагнации. Новая модель развития базируется на структурной модернизации, возрождении реального сектора экономики, формировании новых точек роста на основе внедрения новых технологий и активизации инновационной и инвестиционной деятельности [2, с. 46]. Сложность и масштабность поставленных задач требуют последовательной экономической политики, обеспечивающей согласованное взаимодействие государства, бизнеса и общества в рамках общей стратегической цели. Это возможно только при повышении эффективности государственного регулирования, укреплении стратегических и проектных начал в экономике, прежде всего их ядра — стратегического планирования [3, с. 24].

В мировой практике дискуссия «рынок или план» давно отошла на второй план. Мировой опыт подтверждает, что достижение долгосрочных целей невозможно без использования методов стратегического планирования, которые прочно вошли в практику управления ведущих стран (США, Франции, Японии, Китая, Южной Кореи). Опираясь на инструменты стратегического планирования, среднесрочного и долгосрочного прогнозирования, системной оценки рисков и программного управления, эти страны достаточно эффективно решают важнейшие социально-экономические задачи, задачи ускоренной реиндустриализации на новой технологической основе и инновационного развития.

В России в 2014 г. принят Федеральный закон №172-ФЗ «О государственном стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — ФЗ-172), который пока не стал концептуальной основой для формирования экономической политики государства и выстраивания системной работы органов государственной власти. В последних до недавнего времени преобладало мнение, что в сложившихся геополитических и геоэкономических условиях

целесообразно принимать антикризисные стабилизационные планы с краткосрочным горизонтом планирования, а не заниматься стратегическим планированием.

И вообще, когда экономическая политика государства продолжает строиться на принципах обеспечения макроэкономической стабилизации и поддержания бюджетной сбалансированности, а бюджетная политика выступает приоритетом по отношению к задачам экономического роста, структурной и технологической модернизации, стратегическое планирование как инструмент решения структурных проблем национального хозяйства уходит на второй или третий план.

Во многом из-за этого через шесть лет после принятия ФЗ-172 так и не удалось сформировать взаимоувязанный пакет документов, определяющих перспективы развития страны на период до 2030 г. До сих пор отсутствуют базовые документы стратегического планирования (Стратегический прогноз, Стратегия социально-экономического развития РФ на долгосрочный период), которые должны быть ориентирами для разработки стратегий (доктрин) и программ развития важнейших секторов и отраслей национального хозяйства и регионов страны. При этом число документов стратегического планирования, преимущественно муниципального уровня, стремительно растет и уже перевалило за 54 тысячи. Все они слабо увязаны между собой по целям и реализуемым задачам.

До сих пор не отработаны методология последовательной разработки цепочки документов стратегического планирования (прогноз — стратегия — программа (план) — проект (конкретное задание)) и их реализация. Отсутствуют сквозные взаимоувязанные целевые индикаторы таких документов. Не понятно, как должна происходить увязка разрабатываемых документов стратегического планирования с имеющимися ресурсами.

Таким образом, сегодня не реализуется главный принцип планирования — принцип системности, предполагающий сопряженность разрабатываемых документов стратегического планирования по основным этапам стратегического планирования и во временном интервале [3, с. 26].

В настоящее время процесс целеполагания в стране перенесен на президентский уровень и реализуется в виде указов Президента РФ и национальных проектов. Национальные цели развития страны закреплены в Указе Президента РФ № 474 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Однако указ президента не может в полной мере заменить полноформатную стратегию долгосрочного социально-

экономического развития. Заявленные в указах цели, безусловно, важны, но вряд ли достаточны, чтобы обеспечить динамичный рост экономики в будущем. Указ затрагивает главным образом бюджетные сферы деятельности, за развитие которых государственные органы власти несут непосредственную ответственность. Это не более 40% ВВП страны. Национальные проекты практически не касаются развития производственного потенциала национальной экономики как основы роста экономической динамики и глобальной конкурентоспособности страны. Кроме того, в указе нет обоснования основных реформ и программ, механизмов и мероприятий, необходимых для достижения национальных целей развития РФ.

Сегодня в срочном порядке разрабатывается Стратегия социально-экономического развития до 2030 г. (далее — Стратегия), которая должна быть представлена к 14 мая 2021 г. Этот документ призван вписать цели указов и нацпроектов в Стратегию, хотя должно быть ровно наоборот. Стратегия должна определять содержание указов и нацпроектов. Уже сейчас очевидно, что документ разрабатывается не в логике ФЗ-172, согласно которому Стратегия должна опираться на научно обоснованный прогноз, дать точную оценку того, где мы сейчас находимся, и быть увязанной со стратегией национальной безопасности.

Направления и задачи Стратегии, обозначенные в рамках рабочих групп модными креативными формулировками, вызывают опасения. А что если мы опять не будем иметь четких приоритетов развития, в том числе связанных с возрождением реального сектора экономики, где формируются предпосылки экономического роста? Прежде всего, речь идет о машиностроении, которое является базой воспроизводства инновационной экономики. Не исключено, что вместо Стратегии мы получим очередной План действий Правительства РФ.

Таким образом, проводимая государственная политика в области стратегического планирования требует перенастройки и комплексной работы по реализации в полном объеме ФЗ-172. Первоочередными задачами в этом направлении должны стать следующие:

1. Процесс стратегического планирования предполагает наличие четко выстроенной архитектуры всех входящих в него документов, обеспечивающей их содержательное и временное сопряжение на всех уровнях (федеральном, региональном, отраслевом, муниципальном). Документы стратегического планирования (прогноз — стратегия — план — программа — проект) должны последовательно дополнять и конкретизировать основные цели и задачи друг друга. По сути, речь идет «об индикативном планировании, подразумевающим выстраивание комплекса действий государства и бизнеса, согласованных по задачам,

времени и ресурсам, без которого в современном мире не обходится ни одна крупная экономика» [4, с. 212].

2. Необходимо обеспечить наличие всех базовых документов стратегического планирования, предусмотренных ФЗ-172. Прежде всего следует завершить разработку Стратегии долгосрочного социально-экономического развития до 2030 г., в рамках которой нужно определить стратегические структурные приоритеты развития, обеспечивающие экономический рост. Вспомним Л.И. Абалкина, который еще в конце 1990-х — начале 2000-х гг. писал, что стратегия социально-экономического развития должна включать элементы промышленной и инвестиционной политики, рассчитанной на 10–15–20 лет [5, с. 23].

Стратегия социально-экономического развития РФ на долгосрочный период должна мобилизовать страну на решение важнейших структурно-технологических задач, обеспечить переход к инновационной модели развития. Как справедливо отмечает А. Клепач: «В настоящее время в мире происходит конкурентная борьба не только товаров, технологий и компаний, но и моделей и стратегий развития. Достаточно взглянуть на планы развития Китая и содержание долгосрочной стратегии построения страны среднего достатка и мирового научно-технологического лидера. Мы пока не смогли сформировать и реализовать стратегию, имеющую преимущество перед нашими партнерами и соперниками» [6, с. 91].

3. Развертывание системы стратегического планирования должно обеспечить системное использование имеющихся у государства ресурсов для проведения модернизации и новой индустриализации экономики на базе очередного технологического уклада. Это требует сквозной увязки Стратегии научно-технологического развития с остальными документами стратегического планирования. К сожалению, разработанная Стратегия научно-технологического развития практически никак не увязана с другими документами. В отсутствие общей Стратегии социально-экономического развития, определяющей основные контуры новой модели развития, она ограничивается общими институциональными подходами к организации науки, причем далеко не однозначными.

В 2021 г. на апрельской конференции в НИУ-ВШЭ был представлен доклад, авторы которого указывали на риски для России «навсегда отстать» в технологиях от развитых и многих развивающихся стран, ссылаясь на то, что страна «пока остается малозаметным участником мирового рынка передовых технологий. В период 2002–2018 гг. доля России в мировом экспорте продукции ПП варьировалась в пределах 0,2–0,5%, а в мировом импорте — в пределах 0,3–1,6%.

Характерно, что импорт осуществляется в основном из развитых стран, а экспорт — преимущественно на постсоветское пространство» [7, с. 5]. Это взбудоражило прессу, хотя о нарастании технологической зависимости говорят давно. Об этом свидетельствуют статистические данные, ежегодно приводимые российской таможенной статистикой, международной организацией экономического сотрудничества и развития, Мировым банком.

Вместе с тем отметим, что сегодня происходит структурная перестройка мировой экономики, обусловленная прежде всего изменением технологического фундамента ее развития. В условиях трансформации традиционных рынков товаров, капиталов, технологий появляются принципиально новые рынки и сектора экономики, которые ведут к изменению роли отдельных стран и регионов в мировом экономическом пространстве и появлению новых центров силы. И если Россия хочет оставаться одним из центров силы, то она должна сделать мощный рывок в технологическом развитии. Россия как разработчик многих критических технологий имеет все предпосылки для укрепления своего технологического суверенитета, но для этого важно четко понимать, куда и в каких направлениях надо двигаться.

4. Необходимо обеспечить встраивание в процесс стратегического планирования долгосрочной финансовой и бюджетной политики. Целью бюджетной стратегии и стратегии денежно-кредитной политики должно стать определение финансовых ресурсов, которые могут быть направлены на достижение национальных целей социально-экономического развития.

5. Выстраивание процесса стратегического планирования невозможно без формирования специального органа управления этим процессом. Сегодня эти функции возложены на Минэкономразвития. Но у работников, занятых текущим регулированием и постоянной корректировкой показателей, и у разработчиков стратегических программ разный подход к видению проблем. Стратегия и тактика — это необходимые, но разнородные элементы. Нельзя объединять в одном органе власти научное предвидение и прогнозирование с решением оперативного регулирования хозяйственной жизни [5, с. 26].

Мы рассмотрели лишь часть мер по ускорению имплементации инструментов стратегического планирования в процесс формирования и реализации экономической политики, которые, на наш взгляд, являются ключевыми. Они создают предпосылки экономического роста в посткризисный период.

■ Список литературы

1. *Абалкин Л.И.* Проблемы современной России. М.: Институт экономики РАН, 2011. С. 110.
2. *Ленчук Е.Б.* Новые возможности и риски в осуществлении научно-технологического развития России // Экономическое возрождение России. 2019. № 1. С. 46–51.
3. *Ленчук Е.Б.* Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения // Инновации. 2020. № 2. С. 24–28.
4. *Аганбегян А.Г., Порфирьев Б.Н, Широков А.А.* О преодолении текущего кризиса и путях развития экономики России // Научные труды ВЭО России. 2021. №1. С. 194–213.
5. *Абалкин Л.И.* Стратегия: выбор курса. М.: Институт экономики РАН, 2002. С. 210.
6. *Клепач А.Н.* Социальный и инновационный поворот российской экономики: планы и реальность // Научные труды ВЭО России. №1(227). М., 2021. С. 30–91.
7. Россия на рынках передового производства: докл. НИУ-ВШЭ / Ю.В. Симачев (рук. авт. кол.), А.А. Федюнина, М. А. Юревич [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 112.

Д.Ю. Миропольский¹

D.Yu. Miropolsky²

БАЛАНСИРОВКА ОБЪЕМОВ КАК ПРИНЦИП ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЛАНА

Volume balancing as a principle of the plan operation

Исходной идеей статьи является утверждение о том, что «экономической клеточкой» плановой экономики выступает не плановмерность, а номенклатура. Номенклатура представляет собой единство номенклатурной формы потребительной стоимости и номенклатурной формы стоимости. Движение «экономической клеточки» происходит путем агрегирования и дезагрегирования ее номенклатурно-объемных параметров. В статье предложена модель балансировки объемов, которая в простейшем виде показывает, как осуществляется данное агрегирование и дезагрегирование. Все более сложные формы планирования вытекают из этих элементарных номенклатурно-объемных отношений.

Ключевые слова: плановмерность, номенклатура, номенклатурная форма потребительной стоимости, номенклатурная форма стоимости, сбалансированный объем.

The initial idea of the article is the statement that the “economic cell” of the planned economy is not planned, but nomenclature. The nomenclature is the unity of the nomenclature form of use value and the nomenclature form of value. The movement of the “economic cell” occurs by aggregating and disaggregating its nomenclature and volume parameters. The article proposes a model of volume balancing, which in its simplest form shows how this aggregation and disaggregation is carried out. Increasingly complex forms of planning follow from these elementary nomenclature-volume relationships.

Keywords: regularity, nomenclature, nomenclature form of use value, balanced volume.

В настоящее время существуют две основные теории рынка — марксистская и маржиналистская. В рамках этих теорий по-разному, но формулируются исходные принципы функционирования рыночного хозяйства. В марксистской теории данные принципы отливаются в известные формулы: Т-Д-Т; Д-Т-Д; в маржиналистской — в еще более известную сегодня модель спроса-предложения.

¹ Миропольский Дмитрий Юрьевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

² Dmitry Yu. Miropolsky, doctor of Economics, Professor, Head of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics.

Проблема плана как хозяйственной системы состоит в том, что у него, в отличие от рынка, нет теории. Есть работы, которые посвящены плановой экономике, но ни в одной из известных нам не формулируются исходные принципы работы плана.

Например, Я. Корнаи пишет о некоем регулирующем механизме, определяющем уровень напряженности плана [3, с. 78]. Он также справедливо заявляет, что «в социалистической экономической литературе ... явления, связанные с напряженностью плана, обычно называют количественным подходом или погоней за валом» [3, с. 32]. Но в чем состоит простейший смысл отмеченного регулирующего механизма и погони за валом, Я. Корнаи не разъясняет. Известным экономистом, основательно исследовавшим феномен погони за валом, является Д. Валовой. Но, раскрывая частные стороны этой «погони», он тоже не формулирует исходные принципы работы плановой экономики [1]. Другой исследователь, П.А. Игнатовский, пишет: «План — своеобразный свод потребностей общества, сбалансированный с ресурсами, в известной мере гарантированный план. Следовательно, не только ресурсы, но и потребности должны полнее учитываться в планах и обеспечиваться путем планирования номенклатуры и ассортимента продукции ...» [2, с. 37]. П.А. Игнатовский совершенно справедливо обозначает важные элементы простейшего механизма планирования: балансировка, номенклатура. Но, называя элементы, не формулирует сам принцип.

Я.А. Кронрод выдвинул идею о двух формах планомерных экономических отношений — безэквивалентной (главной) и эквивалентной (дополнительной). Однако, анализируя безэквивалентную форму, он ничего не может сказать кроме того, что общество «... прямо определяет соотношение производства и потребления ...» [4, с. 385]. Школа оптимального планирования также не формулирует простейшие принципы функционирования плана. Например, А.Л. Лурье и И.В. Нит предлагают «... теоретически рассматривать процесс народнохозяйственного планирования как некоторую динамическую экстремальную задачу. Наличные хозяйственные ресурсы, состояние технических знаний в исходный момент и дальнейший научно-технический прогресс определяют условия — ограничения, которым должны удовлетворять показатели плана, а требование максимального соответствия общественным целям представляет собой критерий качества планов ...» [5, с. 60].

Однако, конечно, основной теоретической школой, которая претендует на адекватную интерпретацию планомерности и плана, является школа Н.А. Цаголова. К.А. Хубиев справедливо отмечает: «Школа Цаголова получила в наследство от классической политической

экономии идею «экономической клеточки» и плодотворно ее использовала для обоснования генетического метода восхождения от абстрактного к конкретному при создании системы категорий политической экономии» [7, с. 122]. Такой «экономической клеточкой», из которой вырастает социализм, как известно, Н.А. Цаголов и его последователи считали планомерность. Но как она реализуется? «В планомерности ... находит выражение специфический, непосредственно общественный характер социалистической экономики» [8, с. 128]. То есть дальше заявлений о неких непосредственно общественных отношениях школа Н.А. Цагорова не идет. Каков конкретный механизм осуществления непосредственно общественных отношений, остается загадкой.

Понятно, что, не зная, как устроена исходная клеточка плановой экономики, невозможно системно осмыслить более конкретные и сложные формы планирования и их перспективы в XXI в. Мы уже заявляли свою позицию по данному вопросу [6, с. 67—70]. Простейшей категорией рыночного (капиталистического) хозяйства является товар; исходным принципом функционирования рынка — торговая сделка между индивидуальными частными собственниками, а основными параметрами торговой сделки выступают товарная форма потребительной стоимости и товарная форма стоимости (цена).

В плановой экономике простейшей категорией является номенклатура, соответственно, мы имеем номенклатурную форму потребительной стоимости и номенклатурную форму стоимости (объем), а исходный механизм — дезагрегирование и агрегирование номенклатурно-объемных переменных, совершаемое внутри единого частного собственника (бюрократии) (рис. 1).

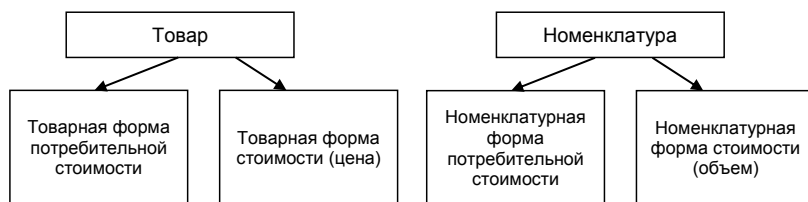

Рис. 1. Основные параметры товарно-денежных и номенклатурно-объемных отношений

Простейшей «клеточкой» плановой экономики является не планомерность, а номенклатура. Однако простейшей «клеточкой» номенклатуру можно называть лишь в том смысле, что она как элементарная форма продукта зародилась в древности и развивается, и услож-

няется до наших дней. Если же сравнивать номенклатуру с товаром, то это не клеточка, а гигантская «клеть», вмещающая в себя все производимые и потребляемые продукты данной хозяйственной системы.

Маржиналистская теория, как отмечалось, описывает торговую сделку посредством модели спроса-предложения конкретного товара, где формируется его цена равновесия. Не будем спорить о том, насколько адекватна данная модель. Ее главное преимущество, в том, что она есть. Для плановой экономики даже такой вульгарной модели нет. Между тем такого рода модель нужна как исходная точка исследования. Можно в дальнейшем сколько угодно погружаться в сущность процесса планирования, но сначала надо дать его простейшее описание наподобие модели спроса-предложения или марксистских формул.

Рассмотрим вариант такой модели (рис. 2).

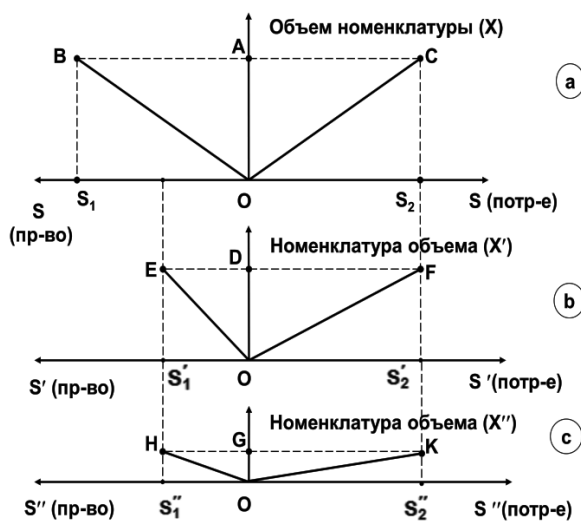

Рис. 2. Балансировка объемов в ходе дезагрегирования объема в номенклатуру

Во-первых, на рис. 2а устанавливается функциональная зависимость между количеством производящих определенную номенклатуру экономических субъектов (S пр-во) и стоимостным объемом выпуска ($X=f(S$ пр.)). Во-вторых, устанавливается зависимость между количеством потребляющих данную номенклатуру продукции экономических субъектов (S потр-е) и стоимостным

объемом потребления ($X=f(S \text{ потр.})$). Происходит балансировка двух полученных объемных переменных. Таким образом, вместо цены равновесия (неравновесия) появляется сбалансированный объем производства и потребления (ОА, рис. 2а).

Объем номенклатуры продукции X дезагрегируется в номенклатуру продукции X_1 и X_2 , где каждая номенклатурная позиция, имеет в свою очередь объем. Деагрегирование объема продукции X в номенклатуру X_1 и X_2 показано посредством рис. 2в и 2с.

Номенклатурные позиции X_1 и X_2 потребляются всеми субъектами S_2 . Поэтому $S_2 = S_2' = S_2''$. Функции $X_1=f(S_1' \text{ потр.})$ и $X_2=f(S_2'' \text{ потр.})$ определяют объемы потребления номенклатурных позиций X_1 и X_2 , которые равны величинам ОД и ОЕ. Объем потребления ОА оказался дезагрегированным на две объемные величины ОД и ОЕ.

Хозяйствующие субъекты, занятые производством номенклатурных позиций X_1 и X_2 , численно равны друг другу. Поэтому дезагрегированные объемы выпуска указанных номенклатурных позиций определяются функциями вида $X_1 = f(S_1' \text{ пр.})$ и $X_2 = f(S_2'' \text{ пр.})$.

Модель на рис. 2 показывает принципиально иной тип отношений, нежели торговая сделка. Здесь начинают выстраиваться не горизонтальные отношения между капиталистами или капиталистами и рабочими, а вертикальные отношения внутри бюрократической иерархии.

Функциональная зависимость между производящими данную номенклатуру экономическими субъектами и стоимостным объемом выпуска определяется, во-первых, количеством этих субъектов (имеющими мощностями) и, во-вторых, производительностью субъекта. Производительность может иметь два основания. Первое основание — научно-обоснованные средние нормы выработки на единицу затрат. Однако, если научно обоснованные нормы не выполняются, вступает в силу второе основание: эмпирические нормы выработки как частное от деления объема выпуска на объем затраченных ресурсов.

Функциональная зависимость между экономическими субъектами, потребляющими данную номенклатуру продукции, и стоимостным объемом потребления также определяется количеством этих субъектов и нормами потребления.

Рассчитываются средние научно обоснованные нормы. Однако, если продукции для выполнения научно-обоснованных норм не хватает, переходят к опытно-статистическим нормам. Для этого выпущенную номенклатуру делят на количество потребляющих субъектов.

Если изначально сбалансированности объемов нет, как это изображено на рис. 2, планирующий центр добивается сбалансиро-

ванности, манипулируя либо количеством экономических субъектов, либо нормами производства и потребления.

В масштабах всей экономики количество производящих субъектов можно изменить, лишь планируя и осуществляя определенный объем инвестиций.

Однако в отдельных отраслях количество производящих субъектов может быть изменено за счет размещения заказов на непрофильных предприятиях.

Что касается производительности, то вполне возможна ситуация, когда научно обоснованные нормы производительности достижимы, но недостаточны для балансировки объемов. Тогда производительность каждого субъекта определяется как частное от деления потребного объема продукции на фактическую сумму затрат. Такая производительность, превышающая научно обоснованную норму, может быть достигнута за счет снижения качества продукции. Все потребители получают необходимое количество данной продукции, но низкого качества.

Количество потребляющих субъектов может меняться за счет исключения (или включения) тех или иных субъектов из номенклатуры потребителей данной продукции. Нормы потребления тоже могут изменяться вверх и вниз.

Итак, на место цен равновесия в рассматриваемой модели заступили сбалансированные объемы. Цены в приведенных выше рассуждениях присутствовали, но как твердые, счетные единицы, не оказывающие влияния на процесс балансировки.

Есть еще одно принципиальное отличие модели балансировки объемов от модели спроса — предложения. В модели балансировки объемов для планирующего центра существуют усредненные производящие и потребляющие субъекты, так же определяются усредненные нормы производства и потребления. Затем в процессе планирования идет индивидуализация этих изначально средних параметров. В условиях рыночной торговли процесс протекает противоположным образом. Каждый выходит на рынок со своими изначально индивидуальными ценами и затратами. И лишь затем, в процессе конкуренции, формируется рыночная цена как усредненный, единый для всех норматив.

Таким образом, посредством модели, изображенной на рис. 2, показана «экономическая клеточка» плановой экономики.

■ Список литературы

1. *Валовой Д.* Экономика в человеческом измерении. М.: Политиздат, 1988. С. 384.
2. *Игнатовский П.А.* Экономическая жизнь социалистического общества. М.: Экономика, 1983. С. 248.
3. *Корнаи Я.* Дефицит. М.: Наука, 1990. С. 607.
4. *Кронрод Я.А.* Законы политической экономики социализма. Очерки методологии и теории. М.: Мысль, 1966. С. 581.
5. *Лурье А.Л., Нит И.В.* Экономико-математическое моделирование социалистического хозяйства. М.: МГУ, 1973. С. 284.
6. *Миропольский Д.Ю.* Товар, номенклатура и всемирно-историческая противоположность капитала и плана / IV Российский экономический конгресс (РЭК–2020). Том I. Тематическая конференция «Политическая экономия» (сборник материалов). <http://www.econorus.org/pdf/volume01REC-2020PDF>.
7. *Хубиев К.А.* Преемственность — закон развития научного знания (введение к публикации работ Н.А. Цаголова) // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 119–124.
8. *Цаголов Н.А.* Актуальные вопросы методологии политической экономии // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 119–129.

А.А. Пороховский¹

A.A. Porokhovsky²

ПЛАН И РЫНОК: БРАК ПО РАСЧЕТУ³

Plan and market: marriage of convenience

Рассмотрено возникновение, становление и развитие плана и рынка на различных этапах человеческой цивилизации. Особое внимание уделено взаимосвязи и взаимодействию плана и рынка по мере развития национального рыночного хозяйства. Раскрыта функция рынка как механизма функционирования экономики путем обеспечения обмена и распределения ресурсов, товаров и услуг. Показана эволюция рынка и его видов на основе разделения труда и в процессе промышленных революций. Представлена смешанная экономика современного капитализма как сочетание внутрифирменного планирования, государственного регулирования и общенационального и мирового рынка. Выявлена объективная обусловленность использования плана всеми компаниями для обеспечения своей эффективности и выполнения заказов потребителей, а также государствами для реализации общенациональных программ и целей.

Ключевые слова: рынок, эволюция рынка, виды рынка, рыночная экономика, план, планирование, смешанная экономика, внутрифирменное планирование, государственное регулирование, стратегия развития национальной экономики.

The article considers the emergence, formation and development of the plan and the market at various stages of human civilization. Special attention is paid to the relationship and interaction of the plan and the market as the national market economy of individual countries develops. The article reveals the function of the market as a mechanism for the functioning of the economy by ensuring the exchange and distribution of resources, goods and services. The evolution of the market and its types on the basis of the division of labor and in the process of industrial revolutions is shown. The mixed economy of modern capitalism is presented as a combination of intra-company planning, state regulation, and the national and global market. The objective conditionality of the use of the plan by all companies to ensure their efficiency and fulfill customer orders, as well as by states for the implementation of national programs and goals, is revealed.

Keywords: market, market evolution, market types, market economy, plan, planning, mixed economy, intra-company planning, state regulation, national economy development strategy.

¹ Пороховский Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономики экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН.

² Anatoly A. Porokhovsky, Doctor of economics since, Professor, head of the Political Economy Department, Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Principal Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences.

³ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. № 3 (69). С. 46–52.

Введение

Тридцатилетие рыночного развития России совпало со столетием создания первого в мире общенационального государственного органа по организации и обеспечению планирования функционирования и развития народного хозяйства — Госплана СССР. Этот исторический повод возвращает исследователей и практиков к вопросу соотношения плана и рынка на разных этапах развития экономики как в России, так и в других странах. Однако, если в странах с развитой рыночной системой давно признано существование так называемой *смешанной экономики*, то в России с 1990-х гг. господствует либеральный вектор экономического развития в соответствии с принципами «вашингтонского консенсуса», предложенного американским профессором Дж. Уильямсоном для решения долговых проблем в странах Латинской Америки и достижения их макроэкономической стабильности [6]. Не случайно в российских государственных и деловых кругах, а также в образовательной сфере до сих пор процветает *рыночный фетишизм*, активно пропагандируемый среди населения. Наделение *невидимой* руки рынка сверхъестественной силой, способной решать все экономические и социальные проблемы страны, тормозит ее развитие в условиях вызовов XXI в.

Одним из таких вызовов, на который рынок не может дать адекватный ответ, стало стремление развитых экономик восстановить сбалансированное развитие материального индустриального производства и высокотехнологичной сферы услуг. «Эта система, где определяющую роль играет материальное производство, предполагающее постоянный прогресс технологий, имеющее свои объективные законы, и, — подчеркивает известный российский экономист С. Д. Бодрунов, — любое игнорирование этих законов, ведущее к деиндустриализации, вызывает деградацию экономики и общества. Это фундаментальное положение в конце XX в. было объявлено устаревшим, но не прошло и несколько десятилетий, как «свободное шествие» так называемой постиндустриальной экономики обернулось для наиболее развитых стран глубочайшими проблемами, заставив поставить в повестку дня задачи *реиндустриализации*» [2, с. 6].

Защита климата и окружающей среды; борьба с бедностью и ликвидация неравенства в доходах и уровне жизни большинства населения планеты; противостояние эпидемии Ковид-19 и другим вирусным инфекциям на национальном и международном уровнях возможны только при совместных усилиях правительств разных стран. При этом ниша для рынка и его конкурентных сил остается довольно обширной, ибо воспроизводственный процесс в рыночной экономике включа-

ет рынки разного уровня (локальные, местные, отраслевые, географические, региональные, национальные и мировые), что во многом зависит от потребительских свойств товаров и услуг. Из комплекса вопросов, относящихся к избранной теме, рассмотрим следующие:

- расцвет рынка в национальном хозяйстве;
- воспроизводственная роль рынка;
- план и планомерность.

Расцвет рынка в национальном хозяйстве

Исторически рынок и деньги появились не одно тысячелетие назад. Однако именно развитие рынка способствовало формированию национального рыночного пространства и становлению государств на базе рыночной экономики. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась с началом первой промышленной революции, когда машинное производство стало постепенно вытеснять ручной ремесленный труд — в результате рыночное развитие получило промышленную основу. Разделение труда между работниками дополнилось разделением труда между машинами внутри фабрики или завода, что потребовало внутрифабричной четкой организации работы наемного персонала, обособленной от рыночной стихии во всей экономике. Чем больше становилось компаний, тем больше образовывалось островков внутрифирменного планирования в национальной экономике.

С одной стороны, частная собственность сыграла ключевую роль в становлении и развитии рынка и национальной экономики, а с другой — эволюция самой частной собственности способствовала возникновению и распространению нерыночных отношений внутри крупных производственных единиц. Вместе с тем для новых капиталистических отношений громадное значение имело появление наемного труда, свободного от личной зависимости от кого-либо и от места проживания. Благодаря этому сформировался рынок труда и получил «животворную» силу капитал. В результате рынки товаров и труда привели к образованию рынка капитала, что способствовало расширению промышленной революции и укрупнению производства. Капиталистический промышленный прогресс опирался на мощь крепнущего рынка и надежное детальное планирование внутри корпораций. Крепла диалектическая взаимосвязь между рынком и планом: чем больше рос рынок, тем больше он нуждался в поддержке плана как инструмента деятельности разных фирм. Насытить рынок товарами компании могли, только планируя свою работу. План влияет также на повышение конкурентоспособности фирмы. Иными

словами, уже в период первой промышленной революции между рынком и планом возник своеобразный *брак по расчету*. Выяснилось, что капитал не может обойтись как без рынка, так и без плана. Только рынок — общенациональный и мировой, а план — внутрифирменный, опора капитала на рынке.

С теоретической точки зрения *рынок, наемный труд и капитал* имеют экономическое содержание, не зависящее от специфики отдельной страны или какого-либо национального хозяйства. В равной мере это относится и к экономическому содержанию *плана и планирования*. Однако из экономической литературы и хозяйственной практики хорошо известно, что социально-экономические отношения каждой страны формируют так называемый *национальный мундир* не только для капитала, но и для всех явлений и процессов, подчиняя развитие экономики и общества национальным «правилам игры». Это особенно очевидно при обострении межстрановых противоречий и усилении конкуренции между странами за ресурсы и рынки сбыта на мировой арене. Наглядным примером влияния национальной специфики является история формирования Европейского союза, где за 60 лет не удалось снять все межстрановые барьеры и распространить единую валюту *евро* на всех участников союза. Европейский континент богат историей формирования национальных рыночных соперничающих хозяйств.

Воспроизводственная роль рынка

Индивидуальные капиталы связываются в общественный капитал страны национальным рынком, который представляет собой сложное сочетание различных видов рынков, возникших в ходе эволюции капиталистической экономики — *рынков товаров, труда, капитала, услуг, информации, а также государственного и политического рынков*. Точно так же, как общественный капитал не является арифметической суммой индивидуальных капиталов страны, национальный рынок — это не простое сложение существующих видов рынка. Более того, каждый вид рынка имеет немало подвидов и модификаций. К примеру, рынок капитала представлен фондовым, денежным рынком, рынком производных финансовых инструментов и другими подобными рынками. То же самое можно сказать о рынке услуг, который в последние десятилетия охватывает почти 75% национальной экономики в денежном выражении.

Ни один рынок не работает сам по себе, независимо от других рынков. Система разделения труда на всех уровнях национальной экономики и существующая инфраструктура способствуют взаимос-

вязи и взаимообусловленности всех рынков при одновременном взаимодействии с общественным капиталом, отражающим через индивидуальные капиталы отраслевую структуру экономики. Так складывается общественное воспроизводство и воспроизводство каждой компании, формируется равновесие на отдельных рынках и обеспечивается экономический рост.

В ходе промышленных революций в развитых странах набирали экономическую мощь крупные компании. Хотя по количеству фирм большой бизнес сильно уступает средним и малым компаниям, по объему выпуска, размеру прибыли и числу занятых крупные корпорации намного опережают всех в стране, фактически выступая локомотивом национальной экономики [2, с. 157–180]. Громадный экономический комплекс такой корпорации насчитывает порой десятки и даже сотни различных предприятий и других структурных подразделений, нередко расположенных в разных странах. При этом обороты отдельных гигантов превышают валовые внутренние продукты даже небольших государств Европы.

В таких обстоятельствах управлять бизнесом можно, только активно используя методы планирования и жесткой координации деятельности всех звеньев корпорации. В середине прошлого века всемирно известный американский ученый, профессор Гарвардского университета Дж. К. Гэлбрейт в своем исследовании «Новое индустриальное общество», опубликованном в 1967 г., показал, что американская экономика состоит из двух подсистем: индустриальной, представленной большим бизнесом, и рыночной, включающей всех остальных предпринимателей [1, с. 45]. При этом корпорации строят свою внутрифирменную работу строго на плановых началах, всячески оберегая внутрифирменный механизм управления от прямого влияния рыночных сил, которые по-прежнему властвуют над средним и малым бизнесом. Подтверждается сложившаяся закономерность: чем крупнее становится капитал, тем активнее и шире он использует плановые рычаги в управлении своими предприятиями. Понятно, что большой бизнес — это не единая плановая система. Планирование служит каждой корпорации индивидуально, и корпорации конкурируют друг с другом, добиваясь своих целей. При этом большая часть экономики оказывается так или иначе изолированной от рынка и его регулирующей роли.

Активное воздействие на рыночную экономику оказывают не только крупные корпорации. Много в экономическом развитии зависит от государства, которое способно влиять как на динамику экономического роста, так и на рыночное ценообразование. Поэтому даже в учебниках по экономической теории уже давно *чистая рыночная*

экономика, предполагающая свободное конкурентное рыночное ценообразование, рассматривается только теоретически, поскольку развитые страны фактически имеют *смешанную экономику*. Лауреат Нобелевской премии по экономике 1970 г. профессор Массачусетского института Пол Самуэльсон выпустил в 1948 г. свой учебник по экономикс, который стал самым распространенным и авторитетным в мире — он выдержал более двадцати изданий. Во вводной части П. Самуэльсон готовит студентов к тому, что реальная рыночная экономика далека от теоретических представлений и не является ни чисто рыночной, ни командной: «Ни одно из современных обществ нельзя полностью отнести к одной из этих крайностей. Скорее всего, все страны — это общества со *смешанной экономикой*, с одновременным присутствием элементов как рыночных, так и командных механизмов ее организации. В истории человечества никогда не было 100%-ной рыночной экономики (хотя Англия XIX столетия и была весьма близка к этому» [3, с. 52].

Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития и Всемирного экономического форума в Давосе в последние годы регулярно выпускают исследования о роли правительств в решении современных экономических, социальных и глобальных проблем, сравнивая достижения стран в разных областях¹. Отдавая должное рынку, его способности устанавливать локальное равновесие между спросом и предложением, эти работы на первое место ставят государство, которому отводится решающая роль и в цифровую эпоху. Государство должно помогать рынку решать проблемы не только индустриального, но и всего общества, мотивируя большой бизнес к социальной ответственности. В мировом масштабе обостряется проблема как между крупными компаниями, так и между отдельными странами за выживание, ресурсы и рынки сбыта. В этой конкуренции имеют значение не только экономические факторы. Применение плановых методов позволяет в условиях работы с большими данными находить оптимальные пути и для компаний, и для государств.

План и планомерность

Когда читаешь современную литературу, складывается впечатление, что прогресс человеческой цивилизации целиком обязан рынку. На самом деле, во все исторические периоды, начиная

¹ Global Technology Governance Report 2021: Harnessing Fourth Industrial Revolution Technologies in a COVID-19 World // World Economic Forum, December 2020. P. 67; OECD (2018). OECD Regulatory Policy Outlook 2018. OECD Publishing, Paris. P. 255 /<https://doi.org/10.1787/97892664303072-en>

с древних времен, жизнь государства и простого человека не обходилась без элементарного планирования своей деятельности. Конечно, в основном это было примитивное целеполагание своей работы в натуральном хозяйстве, когда еще деньги и рынок прокладывали себе дорогу в обмене и торговле исключительно продуктами труда или природными ископаемыми. Поэтому можно сказать, что прогресс самого рынка в определенной мере опирался на повсеместное развитие разделения труда и планирования как неотъемлемой части человеческой жизни.

С тех пор, как в 1825 г. после начала первой промышленной революции в Англии случился первый общенациональный экономический кризис, сопровождавшийся громадным перепроизводством товаров, мир вступил в эру промышленного рыночного развития. Постепенно рыночная экономика появилась почти во всех странах. Именно индустриальное развитие дало активный толчок применению планирования предпринимателями и менеджерами в любом бизнесе как обязательного инструмента для достижения поставленной цели. Понятие и явление *бизнес-план* столь же естественно для капитализма, как воздух, солнце и вода для жизни человека.

Выше мы упоминали систему мер «*Вашингтонского консенсуса*» [6]. Международный валютный фонд настоятельно рекомендовал его развивающимся странам, получающим займы МВФ, как принципы государственной экономической политики и деятельности центральных банков. Однако финансовый кризис 1998 г., особенно сильно ударивший по России, ряду стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, развеял миф о чудотворной силе этого *консенсуса*. Даже в американской экономической литературе стали отмечать узкие места в рекомендациях МВФ, неспособность *консенсуса* учесть особенности каждой национальной экономики и предлагали отправить его в архив неудачного опыта¹. Между тем западные сторонники монетаризма продолжают выискивать позитивные результаты внедрения *Вашингтонского консенсуса* и настаивать на его универсализме, хотя в самих развитых странах господствует практицизм в разработке макроэкономической политики [4]. «*Вашингтонский консенсус*», по сути, выступает как вариант государственных плановых мер, призванных нивелировать нежелательные последствия финансового рынка для национальной бюджетной и монетарной политики. Остается вопрос: какую цену заплатят экономика и население за такую политику? Получается, что взаимодействие плана и рынка в совре-

¹ OECD Regulatory Policy Outlook 2018. OECD Publishing, Paris. P. 255. /https://doi.org/10.1787/97892664303072-en

менном капиталистическом развитии не всегда приводит к результатам, повышающим эффективность экономики и улучшающим благосостояние граждан.

План превращается в *планомерность* только тогда, когда он становится особой формой воспроизводства валового национального продукта в целом, в то время как просто план участвует в деятельности всех звеньев, наполняющих ВВП страны. Только в СССР при господствующей роли общенародной собственности можно было применять государственное директивное планирование, которое придавало общественному воспроизводству планомерный характер. С точки зрения абсолютного большинства граждан, планомерность выступала наиболее справедливой формой распределения общественного продукта, обеспечивая полную занятость населения и социальные гарантии.

В КНР также используются пятилетние планы социально-экономического развития при активном участии крупного и мелкого национального капитала. Можно сказать, что китайский вариант взаимодействия плана и рынка учитывает национальную специфику и господство рынка в мировом хозяйстве, через которое реализуется значительная часть товаров и услуг предприятий и компаний КНР. Поскольку параметры развития зависят от государства, его политики и инвестиций, китайская планомерность стала действительно общенациональной, а рынок служит реализации плановых индикаторов. План и рынок по-китайски по-настоящему *заключили брак по расчету*. И рынок действует, и план работает, и стратегическая перспектива определена. Все это происходит в государственной политической системе, нацеленной на китайский социализм. КНР не копирует опыт СССР, а применяет его наиболее эффективные черты, дополняя современными методами, учитывающими повсеместное распространение цифровизации и новых технологий.

Выводы

Рассуждения о противостоянии плана и рынка поддерживаются в России теми, кто до сих не избавился от *родимого пятна рыночного фетишизма*, кто переводит в сферу идеологии чисто экономические процессы, не считаясь с реальностью современного капитализма, где производство на заказ стало обыденным явлением (в отличие от работы на неизвестный рынок), а экономические кризисы сопровождаются не перепроизводством товаров, а незагруженностью производственных мощностей. Общенациональная ры-

ночная модель задает только своеобразный каркас развития, подтверждает роль частной собственности на средства производства и значение рыночных процедур преимущественно на локальных и местных рынках товаров каждодневного спроса и индивидуального потребления, в то время как массовое производство в крупных компаниях давно сопровождается соответствующим планированием как составной частью внутрифирменного управления. Да и на государственном уровне критерии расходования бюджетных средств давно не определяются рынком, а формируются национальными программами и другими проектами.

Законодательное подтверждение в России важности стратегического планирования стало началом формирования видения стратегического развития страны в современном мире, дает уверенность бизнесу и населению, повышает устойчивость национальной экономики и ее конкурентоспособность. Динамика четвертой промышленной революции такова, что мобилизовать национальный экономический потенциал Россия сможет, только когда добьется оптимального сочетания стратегического плана и рыночных стимулов.

Брак по расчету между планом и рынком означает также оптимизацию взаимосвязи национальных и частных интересов, обеспечение в капиталистических условиях элементарной социальной справедливости, без которой трудно рассчитывать на движение вперед.

■ Список литературы

1. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество: пер. с англ. М.: Прогресс, 1969. С. 369.
2. Гэлбрейт: возвращение; под ред. С.Д. Бодрюнова. М.: Культурная революция, 2017. С. 424.
3. *Самуэльсон П.Э., Нордхаус В.Д.* Экономика: пер. с англ. 18-е изд. М.: Издат. дом «Вильямс», 2007. С. 1360.
4. *Easterly W.* (2019). In Search of Reforms for Growth: New Stylized Facts on Policy and Growth Outcomes// NBER Working Paper 26318. 50 p. <https://www.nber.org/papers/w26318>
5. *Rodrik D.* (2006). Goodbye Washington Consensus, Hello Washington Confusion? // Journal of Economic Literature, XLIV, December. P. 969–983.
6. *Williamson J.* (1990). What Washington means by Policy Reform // Latin American Adjustment: How much has happened? Washington, Institute for International Economics, Chapter 2.

Раздел 2

ПЛАНИРОВАНИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Н.И. Белоусова¹

N.I. Belousova²

О МЕТОДОЛОГИИ СИНТЕТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СФЕРАХ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

On the Methodology of Synthetic Planning in Natural Monopolies Spheres under Market Transformation

Рассмотрены особенности формирования методологии синтетического планирования для условий централизованной экономики — как основы для создания мощного инфраструктурного потенциала страны. Представлены некоторые вопросы анализа опыта подготовки кадров соответствующей квалификации. Выявлен ряд негативных ретроспективных тенденций в рассматриваемых сферах, вызванных недофинансированием инфраструктуры. Для условий рыночной трансформации определены подходы к стратегическому планированию применительно к структурному реформированию естественно-монопольных/инфраструктурных подсистем. Показано, что в процедурах плановых обоснований в рассматриваемых сферах необходимо учитывать существенные свойства подпадающих под госрегулирование объектов, их естественно-монопольную специфику. В числе методологических направлений синтеза рассматривается усиление информационных и модельных взаимосвязей, включение в плановые ориентиры по различным

The features of the methodology formation of synthetic planning for the centralized economy conditions are considered — as a basis for creating a powerful infrastructure potential of the country. Some issues about training of the appropriate qualifications are presented and analyzed. Several negative retrospective trends in the spheres under consideration, caused by underinvestment of infrastructure, have been identified. Under market transformation conditions, the approaches to strategic planning in relation to the structural reforming of natural monopoly/infrastructure subsystems are defined. It is considered that in the procedures of plan substantiations in the spheres, it is necessary to take into account the essential properties of the objects for state regulation, their natural monopoly specifics. Among the methodological directions of the synthesis, the focus on strengthening information and model interconnections is considered as well as incorporation in the projects the system of demand assessment for different time horizons and regions, formation of reasonable price alternatives in the

¹ Белоусова Наталья Ивановна, доктор экономических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление», Российская академия наук.

² Nataliya I. Belousova, Doctor of Econ. Sc., Senior Research Scientist, Leading Researcher, Federal Research Center "Informatics and Control" of Russian Academy of Sciences.

временным горизонтам и регионам системы оценок спроса, формирование обоснованных ценовых альтернатив в практике госрегулирования с учетом социальных приоритетов и т.п.

Ключевые слова: госрегулирование, синтетическое планирование, методологические подходы, централизованная экономика, рыночная трансформация, инфраструктурные подсистемы, структурное реформирование, естественно-монополярная специфика, информационные и модельные взаимосвязи.

practice of state regulation, taking into account social priorities, etc.

Keywords: state regulation, synthetic planning, methodological approaches, centralized economy, market transformation, infrastructure subsystems, structural reforming, natural monopolies specifics, information and model interconnections.

Синтетическое планирование изначально связывается с моделью народнохозяйственного планирования и управления, реализуемой применительно к условиям централизованной экономики и охватывающей — в рамках установленных взаимосвязей и взаимных согласований — систему планов (соответствующих плановых показателей) различных временных горизонтов, иерархических уровней, включая народное хозяйство в целом, отрасли/подотрасли и регионы (территориальные образования), предприятия и объединения. Ключевая роль в плановых обоснованиях отводилась определению макроэкономических темпов и пропорций развития экономики, технического прогресса, оптимальному размещению и специализации производства; соответственно — нормативно-балансовому методу, системе нормативов, на основе которых строились плановые показатели. При реализации задач целевого планирования существенное место на определенных этапах становления плановой методологии занимали методы межотраслевого анализа и построения системы межотраслевых народнохозяйственных балансов, а также теоретико-прикладные подходы с использованием методов оптимизации.

План ГОЭЛРО — выдающийся пример формирования комплексного перспективного плана развития страны [11]. Этот 10–15-летний план может рассматриваться как результат разработок, основанных на традициях и достижениях российской электротехнической школы, ориентированных на индустриализацию и опережающее развитие электроэнергетики в системе экономики, с привязкой к планам развития территорий (в разрезе экономических районов). Предусматривалось развитие транспортной системы страны и магистрализация железнодорожного транспорта.

Развитие транспортных, энергетических и других инфраструктурных предприятий, осуществляемое в соответствии долгосрочными, среднесрочными и текущими планами, схемами размещения производства, определением соответствующего ресурсного обеспечения — основа для создания мощного инфраструктурного потенциала, прежде всего сетей магистрального характера.

Так, динамика основных показателей развития и работы транспорта России как важнейшего инфраструктурного элемента, в том числе за советский период (с включением данных за 1928–1990 гг.), представлена в табл. 1.

При этом в масштабах территории СССР общая протяженность железных дорог в 1990 г. составила 145,6 тыс. км. Данные таблицы показывают, что в советский период удалось обеспечить значимую динамику, уровень развития транспортной сети и работы транспортных инфраструктурных подсистем — как основы для дальнейшего развития и интенсификации, явно недостаточно реализованных в представленных временных рамках.

Нельзя не отметить, что в конце 1960-х — начале 1970-х гг. на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова на кафедре «Организация и планирование народного хозяйства СССР» была налажена подготовка специалистов широкого многоотраслевого профиля с квалификацией «экономист, плановик-синтетик». Они ориентировались на работу в плановых организациях, научно-исследовательских экономических институтах в системе Госплана СССР и Академии наук СССР на базе использования современных методов планирования и экономико-математического моделирования. У истоков этой деятельности — яркие личности, замечательные ученые-экономисты и экономисты-математики, преподаватели кафедры: Л.Я. Берри, А.И. Анчишкин, С.С. Шаталин, Э.Б. Ершов, А.М. Загороднева, А.А. Соколов и другие. Большим коллективом авторов (под редакцией Л.Я. Берри) был подготовлен университетский курс и учебник [12], синтезирующий различные направления плановой работы и предлагающий основы методологии народнохозяйственного планирования в целом и отдельных ее ключевых элементов, включая единую транспортную систему.

Несмотря на усилия ученых и потенциально высокий уровень методологической обоснованности, в практике народнохозяйственного планирования и управления накапливались проблемы, в определенной мере связанные с расстановкой приоритетов и недостаточным финансированием определенных «узких мест», в том числе объектов сетевой инфраструктуры. В результате имело место проявление ряда негативных ретроспективных тенденций, вызванных недофинансированием и опре-

Таблица 1
Динамика основных показателей развития и работы транспорта России за период 1928—2019 гг.*

	1928	1940	1990	2000	2019
Эксплуатационная длина путей сообщения общего пользования (на конец года), тыс. км	51	59	87	86	87
железнодорожные пути в т.ч. электрифицированные	-	1,3	37	41	44
автомобильные дороги с твердым покрытием**	20	68	657	752	1198
Магистральные трубопроводы (нефте- и нефтепродуктопроводы)***	0,7	1,7	68	63	70
Перевезено грузов транспортом, млн т					
железнодорожного	89	334	2140	1047	1399
автомобильного	12	533	15 347	5878	5735
трубопроводного (нефть и нефтепродукты)	0,4	5	558	318	608
Грузооборот транспорта, млрд ткм					
железнодорожного	59	287	2523	1373	2602
автомобильного	0,1	6	299	153	275
трубопроводного (нефть и нефтепродукты)	0,1	1,5	1240	745	1368

* Источник данных — <http://www.gks.ru/>;

** С 2010 г. — включая дороги местного значения, с 2013 г. — включая протяженность улиц;

*** С 2013 г. — включая нефтепродуктопроводы по территории иностранных государств.

деляющих долгосрочные и устойчивые диспропорции в развитии инфраструктуры, в том числе межрегиональные. По сути дела, к 1990-м гг. сложился преимущественно «запаздывающий» тип развития инфраструктурных отраслей по отношению к народному хозяйству в целом (о чем свидетельствуют и соотношения динамики показателей развития инфраструктуры и макроэкономических показателей) [1, 13].

Переход к рыночной системе хозяйствования в нашей стране на достаточно длительный трансформационный период определил отказ от системы планирования в сложившемся понимании, прежде всего от формирования планов в их достаточно жесткой взаимосвязи.

В части инфраструктурных отраслевых подсистем произошли существенные изменения, связанные в том числе и с корректировкой понятийной системы представлений в данной сфере, выделением и легализацией (путем отражения в законодательной практике — прежде всего, в Федеральном законе «О естественных монополиях» [8] термина «естественная монополия». Специфическая особенность «преломления» в законе этого термина — оперирование технологическими и рыночными характеристиками в определенной их взаимосвязи. Так, указывается, что «в силу технологических особенностей производства (в связи с существенным понижением издержек производства на единицу товара по мере увеличения объема производства...)», а также невозможности замены товаров, производимыми субъектами естественной монополии, на другие товары, удовлетворение спроса на данных рынках в условиях конкуренции неэффективно. Отметим, что вопрос о типе конкуренции при этом никак не включается в рассмотрение, хотя, согласно теории вопроса (и в заметной мере, мировой практике [3]), спектр потенциально эффективных типов конкуренции, в том числе совместимых с естественной монополией, может быть расширен [2—4, 14] в сравнении с традиционной типологией рыночных сред. Не менее спорным — с позиций теории, является и вопрос об оценочных свойствах индикаторов, используемых в формулировках закона и оперирующих показателями динамики снижения средних издержек, т.е. экономии от масштаба производства. Так, согласно положениям современной теории, экономия от масштаба для общего многопродуктового случая не является ни необходимым, ни достаточным условием для идентификации естественной монополии. Корректная идентификация предполагает использование системы технологических детерминант/естественно-монопольных индикаторов деятельности, включая экономию от структуры и средние приростные издержки [5, 14]. Проведение таких оценочных процедур может обеспечить учет естественно-монопольной специфики, сущностных свойств подпадающих под

госрегулирование объектов и выделение собственно естественно-монопольных элементов в конгломерате видов экономической деятельности инфраструктурной корпорации. Это в значительной мере не характерно для существующей плановой и регуляторной практики, более ориентированной на бюрократические процедуры администрирования и имеющей тенденцию к унификации [6].

Естественные монополии рассматриваются в качестве неотъемлемой составляющей госрегулирования в период трансформации, причем основополагающая законодательная база реформ в этих сферах, действительно, носит упреждающий характер. Импульс к реформированию в сферах естественных монополий был дан в середине 1990-х гг., с принятием соответствующего Закона, и далее — пакета материалов по структурным реформам [9, 10], предусматривающему реализацию комплекса мероприятий, преимущественно организационного характера по расщеплению/объединению видов экономической деятельности и субъектов хозяйствования. В определенной мере можно говорить о «запаздывающем» характере рыночных реформ в этих сферах — в сравнении с экономикой в целом, наличии временных лагов, что некоторым образом может «демпфировать» последствия далеко не всегда должным образом обоснованных мероприятий по реформированию на макроуровне. Вместе с тем не вполне оправдываются ожидания, связанные с усилением стимулов к инвестициям, их диверсификацией из различных источников и способствующих преодолению проблемы недофинансирования [7]. Соответственно, ход реформ и перспективы развития в этих сферах в значительной мере определяются (и периодически корректируются) в рамках федеральных отраслевых стратегий развития транспорта, электроэнергетики и др. на долгосрочную перспективу, национальных инфраструктурных проектов.

В процессе рыночных структурных реформ в сферах российских естественных монополий на различных его этапах разрабатывались стратегические планы/программы развития крупных корпораций (ОАО «РЖД» и др.). Потенциальная основа для их построения — официальные и альтернативные варианты плановых макроэкономических и отраслевых индикаторов деятельности. Значимое место в корпоративных программах развития отводится прогнозам рыночных долей и поэтапному развитию конкуренции (опять же, без указания типа конкуренции) на отдельных сегментах отраслевого рынка. По ряду позиций построение в ситуации структурного реформирования стратегических планов развития крупных инфраструктурных корпораций может рассматриваться как некоторая реакция на установки управляющих воздействий госрегулирования, во многом до-

статочны формальные, без должного учета естественно-монопольной специфики.

Дальнейшее развитие плановой методологии в рассматриваемых сферах применительно к условиям трансформации может быть связано с ориентацией на усиление системы информационных и модельных взаимосвязей — как внутренних, так и внешних. Так, предполагается включение в систему плановых проектировок по различным временным горизонтам экзогенных оценок спроса — на основе соответствующего мониторинга, интеграции информации и синтеза сформированных модельных оценок по видам экономической деятельности, в региональном разрезе. Проведение мониторинга особенно существенно в условиях интенсивных структурных преобразований в сферах естественных монополий.

В качестве элементов мониторинга целесообразно включение оценок эластичности спроса на инфраструктурные услуги по ценам, затратам, времени, типу поездок, уровню комфорта, безопасности, влиянию на занятость, на индикаторы регионального развития и т.п. Оценки взаимосвязи спроса и воздействия на экологию могут быть диверсифицированы с учетом видов экологического влияния (шума, загрязнения) на элементы природного комплекса: фауну, флору, водные ресурсы, климат, ландшафт. Учитывая масштабы страны и различия в уровне инфраструктурной обеспеченности, необходимо включение в оценки тенденций изменения связности территории, транспортной доступности. Формирование информационной базы оценки предполагает учет особенностей инфраструктурных проектов различного масштаба и временных горизонтов, относящихся к развитию местной, региональной и (или) магистральной транспортной сети и т.п.

Массивы данных об оценках спроса на инфраструктурные услуги — основа для обоснований на регулируемых сегментах естественно-монопольных рынков рамок приемлемых уровней цен, выработки адекватных ориентиров ценообразования, прежде всего в части цен доступа к инфраструктуре [2, 14, 15]. Разработку обоснованных ценовых альтернатив в практике госрегулирования (как на основе модельных проектных и плановых расчетов, так и развернутых экспертных процедур) целесообразно производить в терминах следующих оценок: приближает или удаляет намечаемое управленческое решение по ценовому регулированию к уровню цен, отвечающему принятой модели эффективного ценообразования с учетом социальных приоритетов. Необходимо обеспечение ценовой устойчивости принимаемых решений, когда участникам естественно-монопольного рынка (реальным и потенциальным) нецелесообразно выходить за рамки установленных ценовых границ.

В условиях цифровой экономики и взаимоувязанного использования информационных систем на различных уровнях управления частично возможно преодоление проблемы конфиденциальности корпоративной информации — за счет формирования единой системы обобщающих и детализированных оценок с разной степенью доступности по промежуточным и выходным ретроспективным и перспективным индикаторам деятельности. Предполагается использование возможностей построения альтернативных вариантов плановых ориентиров — преимущественно в рамках оценочных процедур индикативного планирования — с детализацией на регулируемых сегментах рынков, использованием нормативного и поведенческого подходов и с включением элементов оптимизации.

В целом предлагаемые подходы могут рассматриваться как некоторый вариант адаптации к современным условиям хозяйствования при формировании методологии синтетического планирования в сферах естественных монополий на новой основе.

■ Список литературы

1. *Белоусова Н.И., Васильева, Е.М., Лившиц, В.Н.* Системный анализ транспорта России в современных условиях. М.: Эдиториал УРСС. 2001. С. 70.
2. *Белоусова Н.И., Васильева Е.М.* Вопросы теории государственного регулирования и идентификации естественных монополий. М.: КомКнига, 2006. С. 320.
3. *Белоусова Н.И.* Практика проведения реформ и теоретические модели государственного регулирования естественных монополий. М.: Книжный дом «Либроком», 2008. С. 112.
4. *Белоусова Н.И., Васильева Е.М., Лившиц В.Н.* Модели идентификации естественных монополий и государственного управления ими (возможности расширения классической теории) // Экономика и математические методы. 2012. Т. 4. № 3. С. 64–78.
5. *Белоусова Н.И., Васильева Е.М.* Естественно-монопольные индикаторы деятельности: теоретические и прикладные аспекты анализа // Труды ИСА РАН. 2018. Т. 68. Вып. 3. С. 69–82. DOI: 10.14357/20790279180307.
6. *Белоусова Н.И.* Об оценке тенденции к унификации в государственном регулировании естественно-монопольных подсистем // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 2. С. 1251–1260. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.2.1251-1260>.
7. *Белоусова Н.И.* Структурное реформирование в сферах естественных монополий: условия новой реальности и старые проблемы // Научные Труды Вольного экономического общества

- России. Материалы Московского академического экономического форума. 2020. Т. 223. Вып. 3. С. 339-346. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-339-346.
8. «О естественных монополиях». Федеральный закон от 17.08.1995 №147-ФЗ (с изм. и доп.).
 9. «Об основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий». Указ Президента РФ от 28.04.1997 № 426.
 10. «Об утверждении Программы мер по структурной перестройке, приватизации и усилению контроля в сферах естественных монополий». Пост. Правительства РФ от 07.08.1997 № 987.
 11. План электрификации РСФСР. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. С. 667.
 12. Планирование народного хозяйства СССР: учебник для экон. фак. ун-тов; под ред. Л.Я. Берри. М.: Экономика. 1968. С. 727.
 13. Системный анализ инфраструктуры как элемента народного хозяйства; под ред. В.Н. Лившица. М.: ВНИИСИ. 1981. С. 61.
 14. *Baumol W.J., Panzar J.C., Willig R.D.* Contestable Markets and the Theory of Industry Structure. N.Y.: HBJ, 1982. P. 497.
 15. *Laffont J.-J., Tirole J.* Access Pricing and Competition // *European Economic Review*. 1994. Vol. 8. P. 1673–1710.

В.В. Доржиева¹

Valentina V. Dorzhieva²

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ

Strategic planning as a tool for ensuring the formation
and development of a new industrial society
of the second generation

Стратегическое планирование является одним из системообразующих факторов государственной политики, направленной на обеспечение высокой динамики экономического роста и структурно-технологической модернизации. Для России новая индустриализация, по сути, является ключевым условием преодоления стагнационного тренда в развитии экономики, повышении ее конкурентоспособности и создании условий для перехода к НИО.2. Анализ стратегий новой индустриализации стран-лидеров показал, что в качестве научно-технологических приоритетов выделяются поддержка исследований, создание новых производств и отраслей на базе новых прорывных производственных технологий.

Ключевые слова: стратегическое планирование, стратегия развития обрабатывающей промышленности, технологические приоритеты развития, новая индустриализация, новое индустриальное общество второго поколения.

Strategic planning is one of the system-forming factors of state policy aimed at ensuring high dynamics of economic growth and structural and technological modernization. For Russia, the new industrialization is essentially a key condition for overcoming the stagnant trend in the development of the economy, increasing its competitiveness and creating conditions for the transition to a new industrial society of the second generation (NIO.2). The analysis of the strategies of the new industrialization of the leading countries showed that the scientific and technological priorities are the support of research, the creation of new industries and industries based on new breakthrough production technologies.

Keywords: strategic planning, manufacturing industry development strategy, technological development priorities, new industrialization, new industrial society of the second generation.

¹ Доржиева Валентина Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра инновационной экономики и промышленной политики, Институт экономики, Российская академия наук.

² Valentina V. Dorzhieva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

В последние годы сложился консенсус, что сегодняшний мир все более оказывается под влиянием глубоких социально-экономических, экологических и технологических тенденций, которые, превращаясь в многомерные мегатренды, будут определять направления и темпы технологических изменений и научных открытий, влиять на будущую политику в области науки, технологий и инноваций. Определены и контуры научно-технологического развития, за счет которых будут происходить такие революционные изменения.

Происходящие глобальные научно-технологические тренды позволяют сформировать представление о некоторых характеристиках будущего нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), основным производственным звеном которого является принципиально отличающийся от предыдущих парадигм индустриального производства индустриальный комплекс нового поколения, так называемое знаниеинтенсивное («умное») производство на базе новых ключевых НППТ и технологических процессов, позволяющих быстрее удовлетворять рост потребностей [1]. Проникновение новых прорывных производственных технологий (НППТ) в реальный сектор экономики является одним из основных драйверов перехода к «умному» производству.

Страны – технологические лидеры уже сегодня реализуют целый пакет документов стратегического планирования (стратегий, программ и проектов) в сфере промышленности, рассчитанных на запуск новой промышленной революции (Индустрии 4.0) и радикальное укрепление конкурентных позиций на глобальных рынках. И, несмотря на особенности национальных экономик, реализовав их, эти страны достигают конкретных результатов.

Следует также отметить, что помимо документов стратегического планирования в сфере промышленного и инновационного развития национального уровня реализуется ряд профильных межведомственных и частных инициатив. Например, в США межведомственная «Инициатива генома материалов» (Materials genome initiative, MGI).

Сравнительный анализ национальных стратегий и программ новой индустриализации и научно-технологического развития, принятых в США, ЕС, Германии, Японии и Китае, показал, что цели и задачи тщательно разработаны, они в первую очередь ориентированы именно на высокотехнологичное развитие (табл. 1).

Выводимое развитыми странами в документах стратегического планирования в качестве одного из ключевых национальных приоритетов новой индустриализации на базе технологий Индустрии 4.0 способствовало появлению новых исследований в данной области и их внедрению в реальный сектор экономики.

Национальные стратегии новой индустриализации и научно-технологического развития стран — технологических лидеров

Страна	Название документа стратегического планирования	Год запуска	Цели	Приоритетные отрасли/ключевые перспективные производственные технологии
1 США	2 «Стратегия американских инноваций» (Strategy for American Innovation: Driving Towards Sustainable Growth and Quality Jobs)	3 2009	4 Развитие передовых производств; увеличение финансирования НИОКР в сфере высоких межотраслевых технологий; создание национальной сети институтов, занимающихся производственными инновациями	5 Авиакосмические и оборонные проекты, переломные производственные технологии в медицине, производство тепловой энергии и систем управления окружающей средой, производство современных композитов и светодiodов в интересах министерства обороны, разработка и производство новых легких металлов, а также цифровых производств и технологий проектирования
	«Программа «Национальная сеть инноваций в обрабатывающей промышленности» (Network for Manufacturing Innovation)	2012	Повышение конкурентоспособности американской обрабатывающей промышленности и увеличение внутреннего производства; стимулирование завоевания США лидирующих позиций в передовых промышленных исследованиях, инновациях и технологиях; ускорение подготовки квалифицированных производственных работников	Прорывные направления научно-технического развития, способные привести к революционным изменениям в производственном базисе, нанотехнологии для производства и преобразования солнечной энергии, промышленности будущего на основе нанотехнологий, нанoeлектроника на период до 2020 года, нанотехнологические инфраструктуры, нанотехнологии для сенсоров
ЕС	Европейская рамочная программа исследований и инноваций «Горизонт—2020» (H2020)	2014—2020	Генерирование передовых знаний для укрепления позиций ЕС среди ведущих научных держав мира (Excellent science); достижение индустриального лидерства, поддержка инноваций и бизнеса, включая малые и средние предприятия (Industrial leadership)	Информационно-коммуникационные технологии; массовое использование автоматизации и обмена данными, облачных сервисов и киберфизических систем, так называемые key enabling technologies (KET); микро- и нанoeлектроника, фотоника; нанотехнологии и новые материалы; биотехнологии; эффективные процессы производства; космос

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
	За европейский промышленный ренессанс	2014		Высокоэффективные технологии – эко-, био- и информационные технологии, ориентированные на решение ключевых социально-экономических проблем (развитие «зеленой» энергетики, транспорта, изменение климата и старение населения)
Германия	Расширенная стратегия развития высоких технологий	с 2014	Возрождение промышленности, создание новых высокотехнологичных секторов. Удерживать свои преимущества в традиционных отраслях промышленности, определяющих промышленный профиль стран ЕС, и захватить лидерство в некоторых отраслях нового технологического уклада (Индустрия 4.0)	Безуглеродные, энергоэффективные и высокоэкологичные технологии городского хозяйства; интеллектуальные системы энергоснабжения; возобновляемое сырье как альтернатива нефти; усовершенствованные методы лечения на основе персонализированной медицины; индивидуализированные методы профилактики и питания; обеспечение независимости жизненного процесса в преклонном возрасте; устойчивые транспортные системы; идентификация в целях безопасности; интернет-услуги для бизнеса; индустрия 4.0
	Стратегия развития высоких технологий (Промышленность 4.0)	с 2006	Интеграция традиционных сильных позиций в области индустрии с новейшими достижениями в области информатизации и искусственного интеллекта, поддержки инновационного развития экономики, содействие кластерному развитию, формирование нового типа экономики, ориентированной на массовое использование автоматизации и обмена данными, облачных сервисов и киберфизических систем	Цифровая экономика и общество, устойчивая экономика и энергетика, биотехнологии, технологии для развития электромобилей, электроники, энергетики, ИКТ, аэрокосмоса, судостроения, медицинской техники, микросистем, нанотехнологии, технологии в оптике, производственные технологии, транспортные технологии и технологии систем
Япония	Комплексная стратегия научно-технического и инновационного развития	2013–2030	Реиндустриализация на основе технологий четвертой промышленной революции, «ро-бономика» — существенное расширение производства и использование интеллектуальной робототехники в промышленности, энергетике, на транспорте, в сельском и домашнем хозяйстве	Приоритетные технологии подразделяются на четыре большие группы: экология и переход к новым источникам энергии, здравоохранение, новые виды транспорта, цифровые технологии. Технологии 3D-печати, искусственного интеллекта, интеллектуальной робототехники, регенеративной медицины, зеленой энергетики

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
1	Пятый Базовый план научно-технологического развития (The 5th Science and Technology Basic Plan)	2016–2021	Новая индустриализация на основе технологий четвертой промышленной революции, создание Super Smart Society 5.0 («сверх интеллектуального общества» или «Общества 5.0»)	Математические исследования, разработка новых методов обработки и анализа больших массивов данных, технологии искусственного интеллекта и разработка систем обработки данных на основе искусственного интеллекта, формирование различного рода сетей таких систем («сетевые технологии»), исследования в области кибербезопасности, робототехника; разработка и улучшение характеристик различного рода сенсорных устройств; создание новых инновационных управляющих блоков и систем, биотехнологии; разработка новых материалов и нанотехнологии; технологии, обеспечивающие более эффективное взаимодействие с пользователями (дополненная реальность, инжиниринг эмоциональных восприятий, нейробиология и др.); оптические и квантовые технологии, используемые для передачи энергии и информации
Китай	Национальная стратегия создания конкурентной высокотехнологичной экономики / План среднесрочного и долгосрочного развития науки и технологий	2006–2020	Создание конкурентной высокотехнологичной экономики, развитие ключевых отраслей обрабатывающей промышленности, достижение мирового лидерства в рамках глобальной инновационной системы. Селективная поддержка исследований и разработок. Вхождение в первую пятерку стран по числу выдаваемых патентов	Информационно-коммуникационные технологии нового поколения, новая энергетика, новые материалы, авиация и космос, биологическая фармацевтика, интеллектуальное производство и др.
	Стратегия «Следано в Китае – 2025» (Промышленность 4.0)	2015–2025	Модернизация национальной обрабатывающей промышленности, в том числе за счет технологических прорывов в ключевых отраслях. До 2025 г. — попасть в группу наиболее развитых в экономическом отношении стран	Информационные технологии нового поколения, программируемые станки и роботы, аэрокосмическое оборудование, океанографическая техника, морское судостроение, биомедицина и медицинские инструменты, автомобили на альтернативных источниках энергии, оборудование для рельсового транспорта, разработка и производство новых материалов, электротехническое оборудование, аграрная техника

Источник: составлено автором и опубликовано в [4].

Для России реализация стратегии новой индустриализации также приобрела статус ни кем не оспариваемой необходимости. По сути, заложенные амбициозные планы в принятых ранее программных документах, реализация которых должна обеспечить возрождение России в качестве одного из технологических лидеров мирового рынка, нашли отражение в Стратегии национальной безопасности РФ, Стратегии научно-технологического развития РФ, отраслевых стратегиях и государственных программах, и проектах. Так, например, приоритеты новой индустриализации регламентированы и стратегией развития обрабатывающей промышленности, в которой отражены сегменты прорывного развития в отраслевом разрезе (табл. 2). Продвигается в отраслевом разрезе и тезис о приоритете инновационности. Благодаря реализации данной стратегии к 2035 г. предполагается, что производство обрабатывающих отраслей промышленности должно вырасти вдвое, а инвестиции должны составить 27% валовой добавленной стоимости¹.

Вместе с тем, несмотря на декларируемый в федеральных программных документах последних лет курс на структурные преобразования, инновации и диверсификацию производства, в России отсутствуют четко сформулированные приоритеты промышленной политики и промышленного развития, в том числе в контексте задач структурно-технологической модернизации на основе технологий цифровой экономики. Их разработка постоянно затягивается и не понятно, какие отрасли промышленности будет затрагивать цифровая экономика, кто, что и для кого будет производить [7]. Так, за четверть века построения рыночной экономики обрабатывающей промышленности России так и не удалось войти в число мировых лидеров [6]. Основные индикаторы развития обрабатывающих производств в последнее десятилетие свидетельствуют об отсутствии существенных положительных изменений и недостаточном уровне развития отечественного сектора обрабатывающей промышленности [5, 9]. В 2020 г. валовая добавленная стоимость России (ВДС), произведенная обрабатывающей промышленностью, составила 14,179 трлн руб. (14,7% ВДС), что составляет 13,3% ВВП². Россия продолжает занимать довольно скромные позиции в международных рейтингах в сфере промышленной конкурентоспособности. Доля России в глобальной (мировой) обрабатывающей промышленности составляет 1,6%, тог-

¹ Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 06.06.2020 № 1512-п - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354707/

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts>

Таблица 2

Приоритеты новой индустриализации в стратегии развития обрабатывающей промышленности России

Приоритетные отрасли	Приоритеты инновационности	Целевые параметры до 2035 г.
Авиационная промышленность	Производство электрических самолетов, беспилотных воздушных систем для связи, мониторинга и транспортировки грузов, скоростных вертолетов, конвертируемых винтокрылых летательных аппаратов	Планируется увеличить объем производства на 85% к уровню 2020 года, довести долю гражданской продукции до 42%, нарастить присутствие российских производителей самолетов и вертолетов на мировых рынках до 10,5% и 16,4% соответственно
Судостроительная промышленность	Строительство ледокольного флота нового поколения	Рост загрузки мощностей минимум до 80% и увеличение выпуска в 2,2 раза
Электронная промышленность	Создание беспилотной авиации, нейроинтерфейсов, интеллектуальной энергетики, автоматизированного транспорта, развитие робототехники и сенсорики, а также на виртуальной реальности	Рост выручки до 7 трлн рублей и повышение выпуска отрасли в ВВП до 5,1%
Медицинская промышленность	Развитие телемедицины, биомеханики, включая создание экзоскелетов, роботизацию, печать органов на 3D-принтерах для лечения онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний	Увеличение объема производства до 320 млрд рублей и ежегодная регистрация не менее 150 российских медицинских изделий
Фармацевтическая промышленность	Внедрение цифровых технологий, прорывных научно-технологических компетенций и поддержка исследований для ускорения технологического развития фармацевтической отрасли	Повышение доли российских инновационных лекарств в общем объеме производства в РФ до 92%
Автомобильная промышленность	Выведение на рынок продуктов с принципиально новыми свойствами в области электродвижения, автономного вождения; развитие технологий электрификации транспортных средств (электромобили, гибриды); развитие технологий автономизации и роботизации транспортных средств, внедрение интеллектуальных систем безопасности и управления, а также телематических транспортных систем; развитие технологий информатизации и компьютеризации	Создание новой линейки автомобилей с темпами роста продаж 40–50% в год, в частности беспилотников и электромобилей

Окончание табл. 2

Приоритетные отрасли	Приоритеты инновационности	Целевые параметры до 2035 г.
Транспортное машиностроение	Стимулирование разработки и производства инновационного подвижного состава нового поколения для обеспечения развития высокоскоростного и тяжеловесного движения, а также внедрения интеллектуальных систем при эксплуатации грузового подвижного состава («умный вагон»)	Увеличение доли российских производителей на внутреннем рынке минимум до 80%
Станкоинструментальная промышленность	Развитие конкурентоспособных технологий в импортозависимых сегментах	Увеличение доли российской продукции в РФ до 55%, или до 82 млрд рублей, обеспечение темпов роста не ниже 15%
Промышленность по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов	Оптимизация системы управления, регулирования и обеспечения эффективности функционирования создаваемой инновационной отраслевой инфраструктуры по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов	Повысить долю утилизированных либо обезвреженных отходов до 98%

Источник: составлено автором по Распоряжению Правительства РФ от 06.06.2020 № 1512-р «Об утверждении Сводной стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354707/

да как доля США составляет порядка 17–19% [2, с. 35]. Это объясняется снижением способности к инновациям и падением доли обрабатывающей промышленности в общем объеме производства [3, с. 7].

Таким образом, формулирование правильных целей в стратегиях еще не означает их автоматического (безусловного) достижения. Важно понимать, что для широкомасштабного освоения технологий Индустрии 4.0 должна быть готова сама технологическая база производств. В частности, необходимо изыскание финансовых средств на их реализацию, обеспечение согласованного взаимодействия государства и бизнеса в решении поставленных задач, подготовки ответственного кадрового обеспечения.

■ Список литературы

1. *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: монография. 2-е изд., исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. С. 328.

2. *Варнавский В.Г.* Глобальная конкурентоспособность обрабатывающей промышленности США // *Мировая экономика и мировые отношения.* 2015. № 2. С. 34–46.
3. *Гурова И.П.* Промышленная конкурентоспособность стран ЕАЭС // *Наука без границ.* 2017. № 3(8). С. 5–10.
4. *Доржиева В.В.* Анализ моделей новой индустриализации в условиях эколого ориентированной инновационной экономики / В сборнике: *Экономика и экология: тренды, проблемы, решения.* Материалы Международной научно-практической конференции. 2017. С. 294–302.
5. *Доржиева В.В.* Современные тенденции развития обрабатывающей промышленности России и ее конкурентоспособность в условиях новой промышленной революции // *Экономика: вчера, сегодня, завтра.* 2019. Т. 9. № 5–1. С. 194–202.
6. *Доржиева В.В.* Структурная модернизация российской экономики в контексте новой индустриализации // *Аудит и финансовый анализ.* 2017. № 5–6. С. 450–458.
7. *Доржиева В.В.* Цифровизация обрабатывающей промышленности как ключевой тренд четвертой промышленной революции и новый приоритет промышленной политики в контексте задач структурно-технологической модернизации // *Экономика: вчера, сегодня, завтра.* 2019. Том 9. № 11А. С. 147–156. DOI: 10.34670/AR.2020.93.11.017
8. *Ленчук Е.Б.* Формирование промышленной политики России в контексте задач новой индустриализации // *Журнал новой экономической ассоциации.* 2018. № 3 (39). С. 138–145.
9. Россия в глобальном производстве: докл. к XXI Апр. Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Ю.В. Симачев (рук. авт. кол.), А.А. Федюнина, М.Г. Кузык и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 148.

П.С. Лемещенко¹

P.S. Lemeshchenko²

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Institutional planning as a specific form of economic management

В статье раскрывается содержание институционального планирования, его необходимость, предпосылки, инструменты и направления развития. Анализируются условия институциональных изменений и критерий их эффективности.

Ключевые слова: планирование, институциональное планирование, матрица, институциональное равновесие, доверие, робастная политэкономия.

The article reveals the content of institutional planning, its necessity, prerequisites, tools and directions of development. The conditions of institutional changes and the criterion of their effectiveness are analyzed.

Keywords: planning, institutional planning, matrix, institutional balance, trust, robust political economy.

Постановка проблемы

Человеческий выбор своего поведения всегда находится в диапазоне между желаемым и возможным, необходимым и достаточным. И в этом проявляется ум и мудрость индивида, его опыт и способности адаптации к обстоятельствам и изменяющимся условиям. Для общества, государства с его определенным политико-экономическим устройством, историей и культурой выбор вектора раз-

¹ Лемещенко Петр Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международной политэкономии, Белорусский государственный университет.

² Pyotr S. Lemeshchenko, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of International Political Economy, Faculty of Economics, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

вития более сложный, более противоречивый и даже часто бывает драматичным. Но в любом случае он зависит опять-таки от понимания возможностей, условий и целей страны, опосредованных как личными интересами, так и интересами классов, социальных слоев и групп. Распределение ресурсов от земли до денег как было ранее, так и сейчас осуществляется неравномерно, способности, вкусы, предпочтения людей также различны: кому в первую очередь нужна свобода, справедливость, а кому деньги, другие материальные ресурсы, власть и влияние. Исторический опыт показывает, что в одних условиях предпочтительно организовывать директивное планирование, ориентирующее наделенными ресурсами предприятия на выпуск определенного количества и качества товаров, в других лучше организует фирмы и население индикативное планирование, в-третьих — установленные институциональные рамки и правила обеспечивают наибольшую реализацию способностей и талантов фирменной и человеческой деятельности.

Институциональное планирование: содержание и сущность явления

Итак, институциональное планирование — это сознательное формирование таких норм, правил, порядков, которые, отражая закономерности противоречивых современных тенденций, позволяют оптимизировать отношения и интересы различных социальных групп и классов, достигая компромисса интересов как на международном уровне, так и на уровне национально-государственного устройства. Современная мир-система существенно видоизменилась, обострив проблему как изучения, так и институционального проектирования, планирования и регулирования. С изменения институтов, по существу, начинается эволюционная динамика любой социально-экономической системы, придавая последней силу или же усиливая тенденцию к стагнации. Именно в институтах проявляются качественные изменения социально-экономической системы. Это с одной стороны. С другой — возникающие новые институты фиксируют (!) с той или иной степенью полноты устойчивости и эффективности, генерируемые эндогенно и экзогенно новые изменения, создавая новые предпосылки и возможности. Однако экономическая литература, формирующаяся в традициях мэйнстрима, имеет существенный пробел по социально-экономическому развитию. А в этой проблеме — проблеме развития — именно институтам принадлежит, если и не первоочередное, то уж, по крайней мере, решающее значение.

Скажем так, экстенсивный тип производства и воспроизводства себя исчерпал. Поэтому обострились серьезно следующие свойства.

Во-первых, произошел распад или «разлом» институционально-го «порядка» как мировой системы, так и в большинстве национальных государств (нравственно-культурного, политического, экономического, пр.). В XXII—XVIII вв. именно мораль на основе теологии выступала своеобразным «скрепом» в хозяйстве на земле; XIX в. дополнился влиянием права, а точнее буржуазным правом. Этим мы хотим сказать, что право не бывает абсолютно беспристрастным или нейтральным. XX в. характеризуется переходом силы или власти влияния от производительного капитала к силе и морали (своеобразной морали) денег, к силе и морали финансов/виртуальных финансов. Именно они уже начали задавать нормы экономики (рентоориентированность) и права, и культуры, и нормы поведения домохозяйств, быта и пр. Демократические процессы, где существовал принцип «один человек — один голос», перешли к принципу «один доллар — один голос». И поэтому, во-вторых, нарушен социальный контракт в странах и между ними, следствием чего произошел распад социального капитала, снижение доверия различных типов, обусловившие, в свою очередь, рост транзакционных издержек отношений общения мира и в мире. Сила права перешла к праву силы. Это подтверждается стремительным ростом военных расходов стран основных геополитических игроков, которые осуществляют в большей степени это право силы под риторику «о защите своих интересов от мнимой внешней угрозы». Доля прямых военных расходов в мире составляет почти 3% от мирового ВВП. Страны, мало влияющие на формирование международных институтов и не уверенные в своей безопасности, тоже начинают вооружаться. В-третьих, обострилась борьба за новый передел мира. И к этому подталкивает низкая норма рентабельности капитала, о чем заметил в своей книге Т. Пикетти «Капитал в 21 веке», обнаружив такую же низкую норму рентабельности перед Первой и Второй мировой войнами. В-четвертых, возникло более глубокое неравенство — неравенство стран и людей в доступе к информационному ресурсу к ощущению человеческой статусности. Возникла проблема информационной дискриминации, нарушено институциональное равновесие, которое проявляется в снижении социальной и политической активности, усилении депрессии и, к сожалению, росту суицидов, терроризму в разных формах. Эксплуатация приобрела более изощренные формы, усиливая неравенство населения, беднейшая часть которого уже составляет около 40%. В-пятых, covid-19 за короткий период заставил людей разного статуса, доходов и пр. пересмотреть житейские ценности

в структуре «рационального индивида» и отношений эгоизм-альтруизм, индивидуализм-коллективизм. Оказалось, что деньги мало влияют на главную ценность — жизнь, а банкиры и пр. уважаемые работники нуждаются в ученых, медиках и пр. Пандемия заставила также пересмотреть и критерии эффективности хозяйственных моделей и далеко не в пользу частного капитала и генерирующих им экономических, политических, социальных и других норм. Есть и другие важные изменения в современной мир-системе. Но, представляется, этого вполне достаточно, чтобы, с одной стороны, показать, что институциональная система имеет широкий спектр того, из чего складывается и в чем живет, существует человеческое общество. С другой — сориентировать в первом приближении на то, что институциональные изменения или реформы не должны примитивно быть нацелены только на изменения формальных институтов.

Общий мировой кризис (!) текущего столетия объединил практически все страны своими масштабностью и острим проблем, последствия которых еще, правда, никто серьезно не осознал и выводов не сделал. Идет весьма противоречивая риторика без какого-то определения реперных точек к согласию даже по второстепенным политико-экономическим вопросам. Но, по сути, все страны стали переходными от кризисных проявлений к новой фазе цикла. И та страна выйдет на эту траекторию развития первой, которая преодолет инертность и рутину нынешнего хозяйственного мышления, т.е. главную институцию человеческого поведения, и перейдет на новый уровень теоретического освоения и практического применения более эффективных политико-экономических форм применительно к уже произошедшим и планируемыми изменениям.

Парадокс в том, что так называемые развитые страны уже не могут быть образцом для подражания новым формируемым государствам, поскольку именно эти страны и породили, по существу, своими политико-экономическими стратегиями еще и кризис веры в рынок, его философию и его базовые институты. Собственно, мировой кризис прогнозировался двадцатью годами раньше (Фукуяма, Сорос, Нэбит, Тоффлер и др.), однако именно кризис социалистического сообщества ослабил его в целом и, соответственно, страны, не знающие правил рыночной игры, чем и продлил за свой счет существование капиталистического хозяйства. Статистика, хотя и не очевидно, но все же подтверждает, кто выиграл, а кто проиграл в процессе известных трансформаций. Мир-система же проиграла в целом, поскольку кроме известного кризиса достаточно остро проявляет себя проблема стратегии мирового развития: причины развития, механизмы, направления и сферы, институты и пр. Таким образом,

принципиальное проявление мирового кризиса — это, прежде всего, кризис институциональной системы мир-экономики с ее идеологией, институтом собственности, денежной единицей и соответствующими структурами, принципами ценообразования на стратегические ресурсы и продукты, формами и правилами доминирующей конкуренции политико-экономических игроков за распределение глобальной ренты и совокупных транзакционных издержек [1, с. 59–76]. Существенным изменениям будут подвержены и силы влияния, т.е. мировой политической рынок по формированию нового «глобального порядка». Поэтому и понимание причин происходящего, и принимаемые меры по намечаемым изменениям, и осознание своего места в мировых политико-экономических процессах, и прогноз будущего зависит в первую очередь от того, каким багажом знаний мы располагаем об институтах, их структуре, политэкономии институтов и их эволюции, практическом освоении и умении, как на мировом, так и национальных уровнях управлять институциональным строительством и соответствующими изменениями.

Институциональное планирование включает в себя исследование и прогноз, деятельность и контроль, определение параметров поведения и коррекцию институциональных изменений. Принципиальное отличие институционального планирования от директивного, таким образом, состоит в обеспечении децентрализованных решений при установлении общих институциональных рамок. Планируются не действия экономических агентов, а соответствующие структуры, отношения, обеспечивающие этим агентам и обществу в целом снижение издержек. Общественный прогресс и развитие в конечном счете обеспечивается через «порядки» институтов. Они могут способствовать проявлению инициативы населения, фирм, и наоборот.

Институциональное планирование как инструмент исследования, так и национального управления может использовать институциональную матрицу (рис. 1). Институциональная матрица представляет собой устойчивую систему однозначно взаимосвязанных, системообразующих, экономических, политических и пр. институтов. Главная проблема в формировании такой матрицы заключается в разработке и создании такой институциональной структуры, которая отражала бы действительную реальность той или иной страны. Теория институтов, к сожалению, и на Западе, и в постсоветских рамках не накопила соответствующего для прикладного анализа инструментария и коэффициентов. Но, отметим, что основная диагональ матрицы отражает состояние институционального равновесия. Однако в переходный период существует противоречие «старых» и «новых» институтов, которое выражается в явной и неявной формах.

Сопоставление же «старых» и «новых» институтов, представленных матрицей, позволяет формировать правильную стратегию проектирования институтов, с учетом эффектов их разрушения и создания. Структура новых институтов не обязательно должна совпадать со старой по вполне понятной причине необходимости ее изменения. Такая матрица упреждает типичную ошибку импорта институтов, которые неадекватны условиям страны. Данная ошибка проявляется в росте социальных и транзакционных издержек, что создает дополнительные трудности для осуществления реформ. Точкой отсчета, своеобразным индикатором эффективных/неэффективных институциональных изменений, выступает институциональное равновесие. Это категория для отражения ситуации, когда ни один из основных политэкономических и социальных игроков не находят для себя возможным тратить свои ресурсы и усилия без уверенности в возможных выгодах для себя после каких-то изменений.

Институциональное равновесие устанавливается тогда, когда совокупность (рыночных и нерыночных) формальных институтов находятся в состоянии равновесия, и при этом не изменяются формальные институты. Это тоже можно выразить более простой матрицей, представив состояние соотношения формальных и неформальных институтов. Как показывает практика, эластичность формальных институтов более динамичная, чем неформальных.

В нашей республике (РБ) и других подобного рода транзитивных экономиках затраты на создание новых институтов пока превышают их полезный эффект. Более того, эти новые формальные институты часто обособляются и реализуют свой интерес через изъятие институциональной ренты группой лиц, осуществляющих эти специальные интересы. Важно видеть хотя бы три верхних позиции основного запроса населения: эффективность, свобода и(или) справедливость. Парадокс в том, что невозможно обеспечить эти три целевых показателя одновременно, как бы мы ни хотели и ни старались. В XXI в., как видится, и в России, и в Беларуси свобода и справедливость вышли на первый план в государственном и общественном строительстве. В Беларуси почти забыли уже о 500 долларах, которых были неким таким экономическим ориентиром, а справедливость со свободой вышли на первый уровень предпочтений.

Конечно, составить такую матрицу на базе реальных институтов, институций и отношений — достаточно трудоемкое и далеко не просто занятие. Но всякое познание трудно, но вполне возможное и практичное. Сопоставление, таким образом, «белорусских» и «российских» институтов, представленных матрицей, позволяет формировать правильную совместную стратегию проектирования институтов,

с учетом эффектов их инерции действия, разрушения и создания. Например, никто не будет отрицать, что «старое наследие» прошлого сопровождается современными отношениями в двух странах, хотя, возможно, и в разной степени (см. рис. 1).

Структуры страновых институтов могут не совпадать и не обязательно должны совпадать по понятным причинам отличительных особенностей стран. Такая матрица упреждает типичную ошибку импорта институтов из одной страны в другую, которые неадекватны историческим условиям страны. Данная ошибка сопровождается ростом социальных и транзакционных издержек, что создает дополнительные трудности для осуществления реформ как в странах, так и при формировании союзов. В нашей республике (РБ) и других подобного рода транзитивных экономиках затраты на создание новых институтов пока превышают их полезный эффект. Скептикам предложим обратить внимание не на темпы роста ВВП, а на динамику производительности труда, уровень рентабельности, динамику цен, продолжительность жизни, в конце концов. Более того, эти новые формальные институты часто обособляются и реализуют интерес инициаторов институциональных изменений через изъятие институциональной ренты. Собственно, это и есть основа бюрократизма, имеющего, к сожалению, уже место и в ... новом Союзном государстве. В этом нет ничего удивительного и странного. Как заметил известный С. Паркинсон, если появляется новая властная структура, то она тут же имеет тенденцию к обособлению и удовлетворению своего интереса.

Далее. Как бы мы ни занимались риторикой о «социально ориентированной модели развития» и «общенародном благе» следует достаточно прочно усвоить, что национальная социально-экономическая структура не является однородной и в будущем никак таковой не просматривается. У каждого класса, слоя, «элиты» есть свой интерес, свои затраты и результаты, критерии оценки эффективности своей деятельности и своих инициатив. Определение этих слоев и классов, формулировка их интересов, установление субординации между ними имеет крайне практический смысл, ибо позволяет установить движущую силу нынешнего экономического строя, например, определить соответствующую уровню развития производительных сил форму производственных отношений или найти оптимальную налоговую нагрузку и пр. Правда, какой это политико-экономический строй России или Беларуси? Какова его структура и каковы тенденции развития? Ориентироваться просто на рынок даже социально ориентированный без понимания интересов капитала, его технико-ресурсной основы и противоречивых последствий, мягко говоря, наивно и не прагматично.

Российские институты	Системообразующие: А), Б), В) ...	а1 в1	Системообразующие: А), Б), В) ...	Экономические: А), Б), В) ...	Политические: А), Б), В) ...	Морально-этические: А), Б), В) ...	Переходные: А), Б), В) ...	Формальные: А), Б), В) ...	Метаинституты: А), Б), В) ...
Белорусские институты	Системообразующие: А), Б), В) ...	а1 в1	Производные, второстепенные, третичные и пр.: А), Б), В) ...	Экономические: А), Б), В) ...	Политические: А), Б), В) ...	Морально-этические: А), Б), В) ...	Переходные: А), Б), В) ...	Формальные: А), Б), В) ...	Метаинституты: А), Б), В) ...
	Производные, второстепенные, третичные и пр.: А), Б), В) ...	а2 в2	Экономические: А), Б), В) ...	Политические: А), Б), В) ...	Морально-этические: А), Б), В) ...	Переходные: А), Б), В) ...	Формальные: А), Б), В) ...	Метаинституты: А), Б), В) ...	
	Экономические: А), Б), В) ...	а3 в3	Политические: А), Б), В) ...	Морально-этические: А), Б), В) ...	Переходные: А), Б), В) ...	Формальные: А), Б), В) ...	Метаинституты: А), Б), В) ...		
	Политические: А), Б), В) ...	а4 в4	Морально-этические: А), Б), В) ...	Переходные: А), Б), В) ...	Формальные: А), Б), В) ...	Метаинституты: А), Б), В) ...			
	Морально-этические: А), Б), В) ...	а5 в5	Переходные: А), Б), В) ...	Формальные: А), Б), В) ...	Метаинституты: А), Б), В) ...				
	Переходные: А), Б), В) ...	а6 в6	Формальные: А), Б), В) ...	Метаинституты: А), Б), В) ...					
	Формальные: А), Б), В) ...	а7 в7	Метаинституты: А), Б), В) ...						
	Метаинституты: А), Б), В) ...	а8 в8							

Рис. 1. Институциональная матрица двух стран

Исследования на политико-экономическую тематику приводят к пониманию того, что в современной мир-экономике «правят бал» институты в целом и международные в частности. И даже при крайне ограниченном национальном суверенитете для малой страны все же весьма важным является участие в формировании или выработке институциональной среды мир-системы. Это ориентирует на возможность присвоения части глобальной ренты. Причина — возникновение нового объекта и, следовательно, субъекта собственности — права на формирование институтов. Институциональная конкуренция, таким образом, является в современном мире доминирующей в отличие от, скажем так, конкуренции на рынке пиццы, станков, машин или даже технологий. Есть и цена этого вопроса со знаком плюс или минус. Поэтому формирование такого нового института, Союзного государства не может не настораживать мировую политическую «элиту», поскольку новое объединение может выступить серьезной конкурирующей силой на международном политическом рынке (!). К сожалению, именно рынке с его всеми коммерческими устремлениями и последствиями. И если новая институциональная единица заявит реально о себе на мировом политико-экономическом рынке, то тогда глобальной рентой придется делиться с этим новым структурным образованием. Напомним, что конкуренция на рынке товаров сегодня носит подчиненный характер по отношению к главенствующей политической конкуренции. В современной архитектонике геополитики влияние данного союза, т.е. союза Беларуси и России как серьезного конкурента, просматривается, но реально из-за внутренних противоречий пока маловлиятельно.

К тому же формирование новой системы институтов сопровождается довольно значительными затратами (и времени тоже), психологических издержками от «перестройки» старой систему в новую. Это тоже инвестиции, как материальные, так и интеллектуально-нравственные. Но участники союзов далеко не всегда это понимают и ориентируются на эффект «безбилетника». К тому же отдача же от новой системы институтов имеет свой цикл, временной лаг и целевую направленность. «Институциональные пустоты» создают условия для резкого снижения социального потенциала, не позволяющего в конечном счете реализовать имеющийся производственно-технологический потенциал, например, рассматриваемых государств. Таким образом, кривая «институционально-социальных возможностей» SF (рис. 2) может выступать, с одной стороны, и препятствием реализации кривой производственных возможностей — PF, и с другой — расширять такой потенциал за счет создания новых «правил игры» в новом государственном образовании, основанных на специализации, кооперации и взаимовыгодном обмене научными идеями, технологиями, товарами (см. рис. 2).

Рис. 2. Кривая производственных (PF) и социальных (SF) возможностей

Широкому взаимовыгодному обмену между экономическими агентами двух стран сегодня мешают не только высокие производственные издержки из-за низкой специализации, кооперации, а также увеличивающиеся транзакционные издержки, порождаемые разными нормами и правилами ведения бизнеса, таможенной и другой политикой внешнеэкономических отношений. С нашей точки зрения, активной интеграции между государствами, фирмами препятствует низкий уровень ... доверия между основными политэкономическими игроками, руководителями фирм. Следствием этого выступает низкая эффективность используемых факторов производства, не обеспечивающая высокотехнологичного прироста ВВП ни в Беларуси, ни в России. Иначе говоря, созданные новые институты (SF'), которые отражают систему производственных отношений, в долгосрочном периоде могут обеспечить рост и развитие совместной политико-экономической системы при тех же запасах физического и финансового капитала. Как показывает практика, требуются разработки способов, не просто методов взаимодействия государства и экономики на разных уровнях, а адекватной и непротиворечивой институциональной системы. Институциональные инновации, таким образом, это то важное условие, которое закладывает фундамент для реального процесса социально-экономической динамики.

Итак, институциональные инновации — это важное условие, фактор, который следует учитывать, планируя изменения и реформы. Но базовым условием все-таки выступает доверие [2]. Швеция выступает лидером по уровню доверия и имеет высокоэффективную хозяйственную систему. Речь идет об обобщенном доверии или доверии

к большинству людей и друг к другу. Совсем недавно два известных французских экономиста, Ян Алган и Пьер Каюк, посчитали, что если бы уровень доверия в разных странах был такой, как в Швеции, то валовой продукт на душу населения в Англии был бы больше на 7%, а в России на 69%. Конечно, это очень огромный ресурс развития, но к нему в наших странах несерьезно относятся, полагая, что это выдумки экономистов и социологов. Но факты вещь упрямая.

Институциональное планирование должно стать прерогативой не только государства, но и *адекватных общественных органов*, чтобы исключить присвоение *институциональной ренты* частными лицами. Последнюю можно проиллюстрировать примером из истории, когда кто-то лоббировал установление арки, которая давала за определенную плату исключительное право на въезд в город. Лицензирование и разного рода сборы являются из этой же серии. К сожалению, государство и его служители мало чем отличаются в поведении от обычных граждан с эгоистическим мышлением. Но если последние могут увеличить свой доход за счет оказания дополнительных услуг, то государственные чиновники увеличивают «свои» доходы за счет создания новых организационных структур, инструкций, форм, правил и пр. Финансируются же такие нововведения из госбюджета, «обоснованных» внебюджетных фондов и лицензионно-сборовых платежей. Для переходного периода характерны резко увеличивающиеся расходы содержания формальных институтов и возникновения людей, присваивающих трансформационную ренту. Последняя, может и является демократическим видом дохода, но его происхождение однозначно не выступает доходом предпринимательским, характеризующим «экономику рынков».

Опыт транзитивных экономик подтверждает неэффективность многих созданных в Беларуси, России и других молодых демократических государствах формальных институтов, заимствованных из других стран. Скорее, наоборот, если обратиться к многим экономическим показателям: растут трансакционные издержки и практически не повышается резко снизившаяся с началом «перестройки» эффективность экономики. Отсюда политика модернизации в России, например, и либерализации в Беларуси. Но и то и другое, с нашей точки зрения, имеет крайне небольшой теоретический опыт. Политическая же составляющая должна (!) заранее просчитываться теорией институционализма.

Чтобы заметить необходимость институциональных изменений, спрогнозировать их динамику, спланировать этапность и все необходимые мероприятия для практического осуществления этих перемен (реформ), необходимо как к каждому институту в отдельности,

так и к их целостной системе подходить с четырехмерной позиции, например: X , Y , Z и t . Первая сторона системы координат (X) позволит построить набор предпочтений потребностей, например, белорусского человека, от простого утилитаризма до уровня социальных потребностей, одной из которых является потребность в самореализации способностей индивида (примерно по пирамиде А. Маслоу). Вторая линия (Y) фиксирует набор неформальных общественных ценностей и ограничений, от обычаев и простых нравов до осознания научных и культурных ценностей. Линия Z отражает набор формальных правил от простых (межличностных, групповых) до конституционных. В позиции t получает классификацию функциональный аспект институтов. Примером последнего может служить институт страхования, который необходим любой системе, но который принципиально отличается по целям, организации, механизму осуществления. Кстати сказать, именно институт страхования принципиально отличает любые экономические модели. В одних системах общество взамен на некоторые уступки от индивидов защищает их от рисков, в других — это обязанность самих индивидов и других игроков системы.

Необходимо делать расчеты затрат на нововведение институтов и выгод (индивидуальных, коллективных, общественные) от их функционирования... Идея сравнения затрат и выгод от институциональных нововведений вполне может быть использована как на национальном, так и на уровне фирмы, которая заключает контракты. Сравнение в данном случае идет в направлении затрат на подготовку и заключения контракта и получаемого от его заключения дохода. В результате установления новых правил и ограничений, кроме всего прочего, должны снижаться неопределенность и риск совершаемых операций и действий для всех участников сделки. Это достигается установлением порядка, который просчитывается каждым субъектом экономических отношений. Здесь принимаются в расчет и возможные санкции за нарушение вводимого нового порядка. Поэтому, взвешивая все «за» и «против», участники институциональной сделки могут принять или же не принять новые правила поведения. Реальная практика формирования новых институтов состоит в том, что далеко не всегда эти новые правила распространяются на лиц, которые их планируют и вводят. Не совпадают также источники покрытия затрат на институциональные нововведения с инициаторами последних. Иначе говоря, новые правила, законы и пр. вводят одни, например, законодатели, которые получают за это деньги и другие льготы, а издержки по их внедрению и функционированию несут совершенно другие лица. Здесь сказывается элементарное «несце-

пление» вводимых новых формальных институтов с существующими традициями, культурной средой той или иной страны. Таким образом, *институциональная инновация*, кроме того, что требует немалых затрат на ее введение, может создавать условия для роста производственных, транзакционных и социальных издержек при проведении различного рода сделок. Представляется, что устойчивая и глубокая депрессия в большинстве реформирующихся государств является именно следствием вышеуказанного противоречия. Вводимая институциональная рыночная инфраструктура в этих странах «не вписывается» в социокультурный контекст исторически сформированных традиций, норм и правил поведения. Скорость проведения реформ («политика шоковой терапии») заменяет элементарную рациональность и целесобразную эффективность в институциональных преобразованиях. Созданная таким образом квазирыночная институциональная инфраструктура создает условия лишь для небольшого количества лиц, извлекающих *институциональную ренту*, ибо эти нововведения абсолютно гетерогенны для интересов и мотивов всего населения страны. Очевиден и теоретический парадокс, который не замечается ортодоксальной неоклассикой. Его суть состоит в том, что экономическое равновесие, являющееся контрапунктом экономического анализа, имеет всегда политические, экономические, социальные и другие виды издержек. За нарушенным равновесием скрываются неэффективные сделки, имеющие разные выгоды для сторон контрактных отношений. Также необходимо учитывать затраты и выгоды в самом процессе достижения равновесного состояния рынка, что, к сожалению, упускается наукой, и тем более практикой.

Важно видеть то, что проблемой институциональной динамики сегодня озабочены буквально все страны. Институциональная среда — дело дорогостоящее, а также конкурентна, хотя проявление ее механизмов очень специфическое и, естественно, более сложное для изучения. Экономическая теория (политэкономия не является здесь исключением) пока еще не создала соответствующего методологического и технического инструментария исследования этой сложной сферы человеческой деятельности и отношений. Даже на такой стадии процедуры, как принятие какого-то отдельного закона, весьма трудно распознать действительное стремление реализовать, например, государственный интерес от элементарного эгоистического группового интереса узкого круга лиц, лоббирующих нормативный документ. Но рано или поздно противоречие, опосредованное созданием неэффективного института, приобретает особую остроту и потребует своего правильного решения. В частности, проблема взаимосвязи транзакционных издержек и роли государства в спецификации и ох-

ране прав собственности находится в начальной стадии, но, несомненно, является тем фокусом, на котором должны быть сосредоточены усилия экономистов. Для современного этапа системной реформы сама практика выделила необходимость рассмотрения *трансформационных ловушек*, которые стали неожиданностью и серьезной проблемой для политиков, руководителей фирм, населения.

Новые вехи и новые задачи науки политэкономии. Важные изменения в теории вносятся влиянием «новой экономики». Формирование новой экономики, соответственно, связано с циклами технологических укладов, структурой производственных отношений хозяйственных связей и форм. Свойственные для новой экономики проявления стали доминирующими как в общей стратегии развития, так и в традиционных отраслях, отношениях, связях. Теория новой экономики должна строиться на методологическом подходе, принимающем во внимание принципиально иные гносеологические компоненты. Первый — признание в познавательном объекте активно-сознательного начала, уже владеющего в какой-то степени информацией и располагающего комплексом психологических свойств, адекватных современному экономическому социуму, позволяющих последнему реагировать на изменяющуюся в том числе и конкурентную среду. Второй аспект теории относится к тому, что экономисты игнорировали до самого последнего времени, — это признание в людях свойств и целей, выходящих за узкие утилитарные пределы, которыми традиционно экономисты ограничивают свои аналитические конструкции, и включение активных рефлексивных моделей сначала в познавательную деятельность, а потом и в управленческие решения. Третий — влияние возникшей новой нормы, регламентирующей не только поведение хозяйствующих субъектов, но и придающей целостность современной экономической системе — институциональной ценности. Последняя есть не что иное, как в высшей степени субъективированная категория, приходящая на смену стоимости. Но она фокусирует мышление на доминирующей категории «информационной экономики», где норма прибыли высокотехнологичных отраслей определяет критерий равновесности и эффективности системы. Таким образом, информация, информационные технологии делают не только предметом труда, но и экономической науки, сознание человека, проявляющееся в различных общественных формах. Это, следовательно, также должно попасть и в предмет науки. Названия предлагаются для новой теории — разные. В нашей версии — теоретическая экономика как следующий виток политической экономии — это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы, выработка оптимальных

хозяйственных «порядков», определение норм, принципов и форм координации взаимоотношения людей, социальных групп, классов, реализующих в процессе своей деятельности определенные цели и интересы. Если учесть многие эпистемологические дискуссии, то парадигма современной науки об экономике будет иметь несколько уровней, или же, образно говоря, «фильтров»: онтологический, языковой, риторический и методологический. Современный этап развития экономической науки, вышедший на четвертый уровень рациональности, требует уже переосмысления самой теории, реализованной непосредственно в текущей хозяйственной и политико-экономической системе. Речь идет о том, насколько нынешний мирохозяйственный порядок отвечает экономической цели — развитию человека, мир-системы в целом и всех вытекающих отсюда проблем.

При всей своей важности в условиях современности исследовательская программа институционализма все же будет частным случаем политэкономии. Объект и предмет анализа институционалистов выходит за привычные ограниченные объектно-субъектные рамки «ресурсы-результаты» и производственные отношения. Институциональная программа исследований обращается к кумулятивному началу общества как целого, так и различных его составных элементов. Это дает хозяйственной практике основу для прогнозирования, планирования и проектирования институтов развития страны, формируя иной арсенал инструментов не госуправления, а общественного регулирования, предполагающего привлечение к этому процессу как других социальных институтов, так и отдельных лиц, имеющих необходимую подготовку в этой сфере.

Определение же верной «формулы» экономической идеологии для этих условий является крайне важной теоретической и практической проблемой, замыкающей различные стороны человеческой деятельности, включая отношения собственности на неформальном и формальном уровнях, обеспечивающей повышение конкурентоспособности экономик, социально-экономического развития и роста, их источниками, факторами и условиями. В частности, институциональная среда может как ограничивать, так и расширять границы производственных возможностей за счет формирования социального капитала, имеющего сложную структуру и механизмы деятельности в пространстве и во времени. Но это связано прежде всего с институциональными изменениями, имеющими дискретную волнообразную траекторию эволюции и, в свою очередь, сопровождаются неравномерным распределением издержек на создание новых институтов, извлечением и присвоением инициаторами реформ разного рода трансформационной ренты. Изменение величины издержек

и рентных доходов между членами общества создает условия для поддержки или же торможения проводимых политико-экономических мероприятий. Как показывает анализ истории и теории реформ, любая институциональная система имеет свой предел положительной отдачи от своего функционирования, поскольку затраты на ее поддержание в прежнем качестве будут превышать общий полезный эффект. Поэтому крайне важно заниматься институциональным планированием и проектированием, выявляя историческую обусловленность и предпочтения стран в возможном выборе своих правил и норм координации, определяя путь и механизмы закрепления неформальных отношений в формальные эффективно действующими институтами. Институциональное планирование должно стать прерогативой не только государства, но и общественных органов, чтобы исключить присвоение трансформационной ренты государством или частными лицами. Собственно, вышеназванные проблемы можно обобщить как политэкономия институтов. Критерием смены одних институтов другими выступает соотношение затрат и выгод, общественной пользы от институциональных инноваций. Переходные институты в эпоху системных трансформаций играют роль общественно-экономических стабилизаторов, а посему должны занять в экономической политике особую значимость. Экономическая политика в свою очередь приобретает на данном этапе решающее значение для результатов системных трансформаций, поскольку ее главной целью является создание не просто иной, а более эффективной институциональной системы для нового технологического и социально-политического уклада развития.

Сегодня даже, скажем так, системные либералы [3] понимают, что сложившаяся система далеко не безупречна по многим своим параметрам. Противоречия эти нарастают и имеют очень серьезные сигналы, чтобы не принять их не попытаться что-то поменять. Так вот, даже либеральные здравомыслящие люди для решения обострившихся проблем предлагают развивать робастную политэкономия. Своим предметом, как полагают авторы, выступают такие институты, которые будут сдерживать негативные свойства и устремления людей, регулировать «плохие институты», ограничивая их действия и масштабы. Сложившиеся распределение и другие отношения обострили запрос на социальную справедливость, которая не может реализоваться в рамках нынешних базовых институтов и институций. Таким образом, политэкономия сегодня — это учение об общих законах институционального устройства и развития мирохозяйственной системы, о выработке оптимальных хозяйственных «порядков», определении норм, принципов и форм координации взаимоотношения людей, социальных

групп, классов, реализующих в процессе своей деятельности определенные цели и интересы. Раскрыть код России, других стран — исходная теоретическая задача современной политэкономии, чтобы заложить основы институционального планирования.

■ Список литературы

1. *Лемещенко П.С.* Экономический кризис как институциональная форма и ступень отрицания капитала // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 4. С. 59–76.
2. *Лемещенко П.С.* Отношение доверия как исходное условие социально-экономического развития. В кн.: Альтернативы коммерциализации и бюрократизации, науки и культуры; под. ред. Н.Г. Яковлевой. М.: Культурная революция, 2019. С. 125–138.
3. *Пеннингтон М.* Классический либерализм и будущее социально-экономической политики: пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2014. С. 452.

В.Н. Расторгуев¹

V.N. Rastorguev²

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И СИНХРОНИЗАЦИЯ, ВРЕМЕННЫЕ ГОРИЗОНТЫ И РИСКИ³

Political and Economic Planning: Interconnection
and Synchronization, Time Horizons and Risks

Экономическая политика — далеко не то же самое, что реальная политика. В условиях советской системы, общественной собственности на средства производства и централизованного управления эти различия были стерты. Но в настоящее время между этими сферами существует пропасть, причем не заполненная соответствующими институтами, координирующими и аналитическими центрами, хотя именно в сфере публичной политики может осуществляться межотраслевое и транссекторальное планирование и прогнозирование. В настоящем докладе предмет анализа — причины недостаточной разработанности проблем политического планирования, его недостаточная эффективность и вызванные этим диспропорции, а также анализ перспектив разработки стратегии устойчивого развития и непротиворечивой теории стратегического политического планирования.

Ключевые слова: политическое планирование, политическое непланирование, стратегическое планирование, стратегия устойчивого планирование.

Economic policy is far from the same as real politics. Under the conditions of the Soviet system, public ownership of the means of production and centralized management, these differences were erased. But at present, there is a gap between these areas, and it is not filled by the relevant institutions, coordinating and analytical centers, although it is in the sphere of public policy that intersectoral and transsectoral planning and forecasting can be carried out. In this report, the subject of analysis is the reasons for the insufficient elaboration of the problems of political planning, its insufficient effectiveness and the resulting disproportions, as well as the analysis of the prospects for developing a sustainable development strategy and a consistent theory of strategic political planning.

Keywords: political planning, political non-planning, strategic planning, strategy of sustainable planning.

¹ Расторгуев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

² Valery N. Rastorguev, Doctor of Philos. science, Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law. Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University.

³ Текст подготовлен в рамках Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Связь политического планирования в сфере публичной политики и экономического планирования — тема, которая, как ни странно, остается абсолютно не разработанной, в результате чего возникает множество противоречий и парадоксов. При этом функциональные различия глубинных функциональных целей каждого из звеньев отраслевой и межотраслевой политики с реальной экономикой ни у кого не вызывают сомнений и учитываются при составлении экономических планов и прогнозов. Что же касается публичной политики — как национальной, так и международной, то здесь наблюдается удивительная диспропорция: с одной стороны, море исследований по политической и геополитической прогностике, а с другой стороны, практически никакой литературы по методологии и технологии планирования в этой области. Существует множество причин, которые мы частично затронем, по которым эта тема или замалчивается, или игнорируется, в том числе в силу узко дисциплинарных границ, но в любом случае почти полностью отсутствует как в научном, так и в политическом дискурсе. Вместе с тем даже чисто теоретически трудно оторвать одно от другого, поскольку планирование включает в себя на всех этапах различные типы прогнозирования, а даже академическая и независимая прогностика полностью базируется на реконструкции планов, в том числе и разнонаправленных.

Все это создает массу сложностей в современном мире и препятствует устойчивому развитию, что отчетливо проявляется в условиях общей дестабилизации. Свидетельством этому, в частности, служит тот факт, что сегодня в зачаточном состоянии пребывают институты и методология транссекторального планирования, а следовательно, отсутствует и сколько-нибудь надежная основа для долгосрочного устойчивого развития в нашей стране. Вместе с тем экономическое планирование должно рассматриваться в двух срезах: с одной стороны, это собственно экономическое планирование отраслей и направлений, и другое — это экономическая составляющая планирования в других отраслях политики — от социальной и экологической до военной включительно. Транссекторальный характер должен быть присущ и каждой отрасли, без исключения. Не менее важным свидетельством дестабилизации служит состояние многолетних разработок в области геостратегического планирования и прогнозирования, ведущихся известными мозговыми фабриками, и прежде всего, в ведущих западных странах, которые также переживают сегодня не лучшие времена. Они, по сути, обнулены до такой степени, что придется все начинать сначала, обращаясь по мере сил к уникальному опыту планового ведения хозяйства во всех без исключения отраслях производства и потребления. Но этот опыт, вершиной которого была

деятельность Госплана со всеми его грандиозными возможностями и пороками, только фрагментарно может быть применен в условиях частной собственности. А все рассуждения о сколько-нибудь масштабных экспериментах в этой сфере сводятся, как правило, к поиску паллиативов. Вывод о тупиковом характере методов долго- и тем более дальнесрочного планирования как во внутренней, так и в международной политике (различия между этими секторами политики условны) во многом связан с феноменом стратегической нестабильности.

Его суть, казалось бы, несовместима с логикой, поскольку стратегия — это инструментарий преодоления нестабильности и хаоса. Но, как демонстрирует теория А.С. Панарина, в настоящее время политика ряда ключевых игроков на поле геополитического планирования строится на модели управляемого хаоса, на который обречены целые регионы планеты: «Мы сталкиваемся, таким образом, не с естественной изначальностью ситуации нестабильности, а с ее общественным производством. В чем-то это напоминает гегелевскую диалектику «раба и господина», развернутую в «Феноменологии духа». Причем как в том, так и в другом случае речь идет о модели, претендующей на универсальность: с ее помощью может быть описана как глобальная стратегическая нестабильность современного мира в целом, так и стратегическая социальная нестабильность, связанная с современными реформами и модернизациями в отдельных странах, в том числе и в России» [1, с. 582].

В результате этой политики и множества иных причин многие зоны стратегического планирования и целые направления, по сути, обнулены. В чем же причина столь кардинальной смены уже не только декораций, но и самой сцены нового геополитического пространства? Причин много, и одна из базовых и непреходящих — цикличность смены власти во всех верхних эшелонах, связанная с избирательными циклами. Типичный пример — приход к власти партии с иными, а иногда и подчеркнута противоположными установками (живой иллюстрацией к этому тезису может служить хаос, который сопровождал ломку основных ориентиров, вызванный победой Трампа, и еще больший хаос, произведенный его поражением на очередных выборах и победой Байдена). Не менее сильный фактор — изменение баланса сил в пользу потенциального стратегического противника, как это произошло в случае отрыва России в гонке вооружений. Этот отрыв, как известно, был связан с созданием нового поколения вооружений, относимых к классу «оружия судного дня», которое получило совсем другие характеристики в связи с появлением новых, не имеющих аналогов средств доставки, что сдела-

ло совершенно неэффективным не только системы эшелонированной защиты, но и все стратегии нанесения первого и безответного удара.

Но намного более важной проблемой, чем констатация тупика, в который вошли стратегии и доктрины ведущих стран мира, исповедующих принцип монополярности, является вопрос о том, в каком состоянии находится стратегическое политическое планирование. Специально о сущности, специфике и методологии политического планирования в современном мире смотри работы автора [1, 2]. Это касается ситуации и в международных отношениях, и в нашей стране. Первое, что бросается в глаза, — обилие источников, в т.ч. и фундаментальных исследований по проблемам экономического, финансового или военного прогнозирования и планирования на фоне, как уже отмечалось, почти полного отсутствия исходного интереса к теме собственно политического стратегического планирования в публичной сфере политики — и международной, и национальной. Это противоречие выглядит довольно странно, поскольку именно планирование в высших эшелонах власти по логике вещей должно предопределять характер практического планирования и, следовательно, прогнозирования в каждой конкретной ситуации как в военной и в экономической деятельности, так и во всех других сферах отраслевой политики. Что же стоит за этим парадоксом?

Первое, что следует отметить, — уровень закрытости, который, как ни странно, характеризует именно публичную сферу политики, которая, с одной стороны, полностью соответствует такому названию, поскольку является наиболее открытой и притягательной для масс-медиа, да и все фигуры в этой сфере являются медийными фигурами, но, с другой стороны, отличается запредельно высоким уровнем закрытости. Он намного выше, чем в самых засекреченных сферах деятельности, что связано с особенностями политической деятельности, призванной демонстрировать открытость, но требующей во всех своих звеньях, и в первую очередь на всех стадиях подготовки и принятия решений строгой конфиденциальности уже по той причине, что любая несанкционированная утечка информации может повредить делу.

Но что особенно важно, любой публичный политик отличается от любой другой медийной фигуры тем, что, прежде чем озвучить какой-либо тезис, он десятки раз подумает о последствиях этого шага: слишком велика степень ответственности и слишком значимы риски, в том числе личные. И чем выше статус политика, тем сильнее самоцензура. По этой же причине и тот факт, что почти все речи ведущих политиков пишут специально подготовленные специалисты — спичрайтеры, которые работают в тесной связи с множеством узких спе-

циалистов, никого не удивляет и воспринимается как совершенно естественный. Еще И. Кант, говоря об этой особенности публичной политики, указывал, что она даже не скрывается, поскольку в случае нежелательных последствий какого-либо озвученного лидером решения вся ответственность ляжет на тех, кто его готовил, так же как в случае успеха все лавры достанутся политику, сумевшему подобрать хороших советников. Уже по этой причине необходимость планирования и «встроенного» прогнозирования в этой сфере во многих своих звеньях всеми осознается как норма, но в то же время как норма воспринимается и технологическая закрытость этого процесса.

Но это объяснение, хотя и кажется исчерпывающим, в действительности объясняет очень не многое, а главное, выводит из поля зрения вопрос о самом наличии стратегического планирования именно в тех вопросах, где речь идет о долгосрочных и дальнесрочных временных горизонтах. А именно здесь и возникают самые большие сомнения в самом существовании планирования. Дело в том, что в большой политике, как уже отмечалось, вступают в силу не только такие факторы, как регулярная кадровая ротация в верхних эшелонах власти, обязательная при смене правящих партий, что характерно для демократического общества, но и вполне ожидаемая смена политического и внешнеполитического курса. Это обстоятельство делает принципиально недостижимым не только долго- и тем более дальнесрочное планирование и прогнозирование, но и среднесрочное.

Совершенно иначе формируется экономическая, социальная и военная политика, да и все другие отрасли политики, где включается такой фактор, как «длинные деньги». Стабильная направленность и преемственность отраслевой политики объясняются фактором «длинных денег», т.е. многомиллиардных и отсроченных на долгие годы инвестиций во все циклы разработки, производства и размещения средств производства и вооружений, колоссальных вложений в экономическую, социальную или военную инфраструктуру, в развитие соответствующих отраслей науки и производства, и т.д. В результате закладываются глубинные и не имеющие разрешения диспропорции и противоречия между стратегическим политическим планированием, где зияют невидимые, но вполне реальные и опасные пустоты, и отраслевым стратегическим планированием. Таким образом, формируется некоторая автономия отраслей государственной политики от ее публичной сферы при внешнем подчинении ее национальным интересам, что чревато самыми опасными последствиями.

Такая ситуация в силу многих причин не фиксируется сознанием. Одна из таких причин — тот факт, что в политической аналитике, которая обслуживает политические структуры, она воспринимается

как данность, что делает бессмысленным углубленный анализ. А в независимой (конечно, относительно независимой, т.е. не встроенной в структуры власти) аналитике анализ представляется малодоступным из-за дефицита достоверной информации и, что важнее, из-за отсутствия интереса в массовом сознании к этой достаточно сложной и неоднозначной проблематике, затрагивающей базовые основы и ценности, принятые в обществе. Другими словами, даже фиксация этого противоречия может быть воспринята как покушение на основные институты и принципы демократии, что недопустимо в условиях господствующей политкорректности. И это еще один фактор, объясняющий «заговор молчания» вокруг стратегического политического планирования.

Вообще же политическое планирование — и долгосрочное стратегическое, и среднесрочное, и краткосрочное (это деление требует специальной коррекции, так как эти формы деятельности осуществляются одновременно и синхронно и(или) параллельно), как и многие другие сферы специализированной деятельности во властных структурах, напоминает айсберг. Взору доступны лишь внешние проявления планирования на уровне так называемой публичной политики — это, во-первых, «белая сторона» выборов кампаний и, во-вторых, «политическая навигация», позволяющая отрегулировать движение во времени и пространстве «политических звезд» разной величины и их спутников, а также «политического мусора», который представляет реальную угрозу для безопасности «опекаемых» объектов планирования.

При этом основная толща нерешенных, никем не решаемых и даже не осмысленных должным образом проблем, напрямую касающихся жизни миллионов людей, за которых, но якобы от имени которых, принимаются решения, остается почти не доступной. Хуже того, жизненно важные проблемы скрыты не только от широкой аудитории, не только от независимой научной аналитики и экспертизы, но зачастую и от самих политиков. Последнее не удивительно, поскольку заботы и ритм жизни крупных деятелей не позволяют им погружаться в детали, где, как известно, и кроется дьявол, т.е. скрыты источники чрезмерного риска.

Политическое планирование, с одной стороны, составляет сердцевину политической деятельности (политика в целом и в каждой из своих форм — чьи-то частично реализованные планы), а с другой стороны, как бы выпадает за горизонт явлений, доступных для анализа и контроля. Более того, почти в полном неведении о подлинных проблемах и механизмах политического планирования остаются даже те специалисты, которые непосредственно включены в сам процесс

политического планирования на разных его направлениях и этапах, поскольку этот процесс напоминает конвейерное производство, где каждый должен работать в рамках своей — и довольно узкой — компетенции. Это особенно зримо проявляется на государственной службе. Для того чтобы пояснить этот вывод, достаточно даже беглого знакомства с функциональными обязанностями государственных служащих. Их функции определяются и конкретизируются в соответствующих документах вовсе не для того, чтобы расширить полномочия исполнителей на всех ступеньках властной вертикали, и тем более не для того, чтобы прояснить суть происходящего...

Что же представляет собой деятельность, подменяющая политическое планирование? В наши дни именно политическое непланирование стало едва ли не важнейшей функцией государственных структур на всех этапах власти. Феномен политического непланирования никто специально не изучал, но он никогда еще не приобретал такого размаха, как в наше время. И действительно, непланированием не кичатся, хотя опытные чиновники хорошо понимают, сколь высоко ценится профессионализм в этой деликатной сфере. Более того, никто не обменивается еще опытом в этом уникальном политическом искусстве. Попробуем сделать если не полноценный портрет, то хотя бы рабочий эскиз политического (государственного) непланирования, поскольку нам с ним придется жить еще долго.

Во-первых, политическое непланирование — это особая форма политического планирования, которая заключается в целенаправленном (и планомерном!) сужении и даже свертывании ряда неотъемлемых функций государства, что может быть самоцелью, связанной с идеологической зависимостью от идеологии рыночного фундаментализма — самой радикальной формы либерализма и по совместительству могильщика либерализма и свободомыслия. По мнению Дж. Сороса, именно рыночный фундаментализм сделал систему мирового капитализма ненадежной: «Такое положение дел возникло сравнительно недавно. В конце Второй мировой войны международное движение капитала было ограничено, в соответствии с решениями, принятыми в Бреттон-Вудсе, были созданы международные институты с целью облегчения торговли в условиях отсутствия движения капитала. Ограничения были сняты постепенно, и только когда примерно в 1980 г. к власти пришли Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган, рыночный фундаментализм стал господствующей идеологией. Именно рыночный фундаментализм предоставил финансовому капиталу управляющее и руководящее место в мировой экономике» [4, с. 10]. Кроме того, следует учитывать не афишируемую и, как правило, далеко не бескорыстную поддержку (протекцию) деструк-

тивных тенденций, за которой скрывается либо лоббизм, либо организованная преступность, либо деструктивная деятельность, направленная на подрыв конкурентоспособности страны и ее безопасности. Не менее важный фактор — использование скрытых форм внешнего управления (феномен «инопланирования»), в основе которого лежит конкретный план, не подлежащий обнародованию (иногда — до этапа его полной реализации). Все эти характеристики могут присутствовать по отдельности или сочетаться в разных комбинациях.

Во-вторых, политическое непланирование с точки зрения мотивации — это сознательное и легко оправдываемое логикой постмодернизма поведение политиков, в функциональные обязанности которых входит инициация проектных работ и контроль за их осуществлением. Эта логика диктует идеологически мотивированный отказ от «больших рассказов», т.е. от разработки и реализации великих проектов, которые объявляются утопической социальной инженерией (определение К. Поппера, относящееся, в частности, к опыту создания социалистических государств и, прежде всего, к плановой экономике). Сценарная прогностика резко сузила свои возможности после ликвидации государственной монополии на отраслевое планирование и, соответственно, Госплана, поскольку она позволяла выявлять слабые звенья механизмов планирования при осуществлении больших и долгосрочных проектов, не ограниченных установкой на сугубо коммерческие результаты.

И в заключение несколько тезисов о том, что представляет, а точнее, должно представлять собой государственное стратегическое политическое планирование и прогнозирование. По своей сути это высоконаучная деятельность по определению целей и задач внутренней и внешней политики, построению средне- и долгосрочных, а также дальнесрочных стратегий с предварительной разработкой механизма их построения и осуществления. В первую очередь речь идет об определении четкого правового статуса соответствующих документов, в частности законодательства и политических доктрин — «лоций», без которых невозможно проложить собственный курс.

Очевидно, не все страны в настоящее время имеют или сохранили опыт такой деятельности в полном объеме. И это неудивительно, поскольку для ее осуществления необходим, как минимум, неповрежденный суверенитет, что является раритетом в условиях глобализации и так называемой турбополитики, когда никто не в состоянии отделить зерна политической реальности от плевел — информационных событий, производимых под заказ. В качестве такого заказа может быть очередной и часто анонимный политический проект, не имеющий отношения ни к политическому курсу страны, ни к пра-

вовым механизмам его легитимации, ни к национальным и государственным интересам, но связанный с жизненными интересами каких-либо бизнес-структур и международных корпораций.

Механизмы и логика стратегического планирования отличаются от многообразных имитаций этой деятельности тем, что включает в себя выявление и мониторинг тенденций, трендов и закономерностей в режиме текущего времени с учетом накопленного опыта, наличных ресурсов и ожидаемых рисков, «точек роста» и «болевых точек», альтернатив и ожидаемых отдаленных последствий. При этом определение целей развития и алгоритмов поведения не должно сводиться к произвольному целеполаганию, как это часто практикуется, а предполагает телеологический контекст, то есть осмысление «функциональных целей» той или иной сферы жизнедеятельности, отрасли или политики в целом. Среди таких «функциональных», то есть неизменных, метаисторических целей, «оправдывающих» государственную политику, да и существование самих государств, особое место занимают природосбережение, в том числе и сбережение стратегических природных ресурсов жизнедеятельности грядущих поколений, и народосбережение (имеется в виду не только сбережение численности населения, но и сохранение отдельных народов как «исторических личностей»).

В политическом планировании, составной частью которого на всех стадиях является стратегическое прогнозирование, участвуют наряду с политическими деятелями специализированные аналитические структуры, а также армия «профильных» специалистов, обеспечивающих функционирование политических институтов. Особую роль в политической жизни играют центры политического планирования — «мозговые центры», или «фабрики мысли», существующие либо автономно, либо при органах исполнительной и законодательной власти, либо при неправительственных и международных организациях. Примером служат аналитические центры политического планирования во многих странах мира, в том числе соответствующие подразделения в Администрации Президента России и Министерстве иностранных дел РФ. Ответ на вопрос о том, включает ли их деятельность разработку реальных политических планов, научно обоснованных и востребованных прогнозов, зависит от особенностей политической системы и сложившегося режима, от расстановки сил и конъюнктуры, от геополитического контекста и множества других факторов. Среди них не последнюю роль играет востребованность субъектами политики фундаментальной теории, в том числе и методологии политического планирования.

■ Список литературы

1. *Панарин А.С.* Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
2. *Расторгуев В.Н.* Философия политики. Методология политического планирования: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2017.
3. *Расторгуев В.Н.* Политическое планирование и прогнозирование: идеологические рамки и цивилизационный контекст // Вопросы философии. 2012. № 2.
4. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.: ИНФРА-М, 1999. С.10.

Э.Н. Рудык¹

E.N. Rudyk²

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДИРЕКТИВНО-ДОГОВОРНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИИ XXI ВЕКА — ИМПЕРАТИВ МОДЕРНИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

The revival of directive-contractual planning in Russia in the 21st century is the imperative of modernizing the domestic economy in the face of modern geopolitical challenges

В статье обосновывается настоятельная потребность возрождения централизованного государственного планирования. Выделены препятствия на этом пути и предложены меры по их преодолению: определение допустимых пределов открытости российской экономики, ограничение сферы действия рыночных механизмов, национализация жизненно важных компаний, ограничение иностранного участия в активах компаний, имеющих стратегическое значение, обеспечение цифрового суверенитета страны, подготовка плановиков, способных эффективно в национальных интересах осуществлять регулирование экономики страны, используя прямой и косвенный его инструментарий и ряд других.

Ключевые слова: индикативное планирование, директивно-договорное планирование, внешнее управление, национализация, цифровой суверенитет.

The article substantiates the urgent need for the revival of centralized state planning. Obstacles on this path are highlighted and measures are proposed to overcome them: determining the permissible limits of the openness of the Russian economy, limiting the scope of market mechanisms, nationalizing vital companies, limiting foreign participation in the assets of companies of strategic importance, ensuring the country's digital sovereignty, training planners who can effectively, in the national interest, to regulate the country's economy, using its direct and indirect tools and a number of others.

Keywords: indicative planning, directive-contractual planning, external management, nationalization, digital sovereignty.

¹ Рудык Эмиль Николаевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры цифровой экономики и управления, Институт системного анализа и управления Государственного университета «Дубна», главный научный сотрудник, Институт социэкономки. Московский финансово-юридический университет.

² Emil N. Rudyk, Doctor of Econ. Sc., Professor, Professor of the Department of Digital Economics and Management of the State University «Dubna», Chief Researcher of the Institute of Socioeconomics of the Moscow University of financial and law.

Настоятельная потребность модернизации российской экономики на путях возрождения централизованного государственного планирования в конце первой четверти XXI в. определяется рядом обстоятельств.

Обстоятельство первое. Российская промышленность в ее нынешнем состоянии не может считаться современной, отвечающей геополитическим вызовам. В стране неэффективно работают более половины компаний различных видов собственности и организационно-правовых форм (за исключением относящихся к «трубе», ОПК, АПК, атомной промышленности и «теневому» сектору национальной экономики). Наблюдается деградация отечественной промышленности. В частности, она выражается в физическом и моральном устаревании основных производственных фондов, ничтожной доле высокотехнологичной промышленной продукции в экспорте России (около 0,3%) как следствие деиндустриализации страны. По многим важнейшим отраслям зависимость от импорта близка или превышает 90%. Сегодня наша экономика отстает от ведущих стран мира примерно на один технологический уклад. Производить товары шестого технологического уклада, к которому переходят страны Запада, отечественная экономика пока не способна [2, с. 63—64; 90, с. 111—112; 11, с. 259]. Страна стала сырьевым придатком, технологической периферией развитых государств. В этих условиях императивом становится проведение реиндустриализации. Она не должна стать «вторым изданием» советской индустриализации или копией зарубежных образцов в рамках стратегии «догоняющей модернизации». Цель новой индустриализации — восстановление во многом утраченного в «постперестроечные» времена промышленного потенциала страны на новой технологической и управленческой основе, используя возможности зарождающейся, хотя и робко, экономики мобилизационного типа. Потребность перехода к такому виду экономики резко возрастает с началом новой «холодной войны» США и ее союзников против России, грозящей перерасти в «горячую» фазу.

Обстоятельство второе. Неспособность «свободного рынка», воспламеняемого обслуживающими власть адептами рыночного фундаментализма, провести столь масштабную и затратную операцию без вмешательства в этот процесс государства [3, с. 8], игнорируя при этом тот факт, что в реальной жизни свободного рынка не существует. Разумеется, если не принимать в расчет случаи торжества принципов «социального дарвинизма», когда в условиях рыночного саморегулирования выживают только «сильнейшие». Наличие «свободного рынка» правомерно лишь в качестве теоретической конструкции в рамках «идеальных моделей» хозяйствования на ры-

ночных началах. Кроме того, рынок, как институт, в принципе не нацелен на решение социальных проблем (социальное неравенство, бедность, безработица, подобный перечень можно продолжить). Наконец, он имеет известные в экономической теории «дефекты» как собственного происхождения (например, игнорирование морально-этических норм, социальных нормативов, экологических проблем), так и вызванные действиями извне (излишние или некомпетентное вмешательство государства в действия рыночных механизмов и ряд других). По этой причине российская власть, представители которой в своем большинстве продолжают оставаться «рыночниками» или делают вид, что таковыми являются, вынуждена (жизнь — «тетка суровая») использовать чуждые рынку административные методы управления. В частности, ограничивать тарифы естественных монополий, либо вводить ручное управление хозяйственными процессами в явном или теневом исполнении.

Обстоятельство третье. Неспособность российского частного капитала своими силами осуществить в обозримом будущем широкомасштабную и весьма затратную операцию по проведению новой индустриализации посредством модернизации производственных мощностей и создания массива принципиально новых производств и передовых технологий без государственной финансовой и иной поддержки, а нередко без проведения государством санации предприятий в качестве нового собственника. По крайней мере, временно. Без государства — национально и социально ориентированного (насколько этому критерию соответствует нынешнее российское государство — отдельный вопрос), ставшего полноправным, нередко главным субъектом принятия экономических и социальных решений, невозможно сохранить остатки технологического и экономического суверенитета страны, тем более его существенно нарастить.

Обстоятельство четвертое. Сомнения в способности паллиатива — индикативного планирования провести реиндустриализацию страны, оперативно отвечая на современные геополитические вызовы с положительным результатом, для достижения которого необходимо совершить рывок, мобилизовать все отечественные ресурсы — человеческие, производственные, финансовые, природные, воздействуя на поведение экономических агентов, используя исключительно косвенные инструменты. В частности, предоставление налоговых льгот, льготных целевых кредитов, экспортных и иных преференций тем компаниям, которые выражают готовность следовать плановым ориентирам. Налицо прогресс с точки зрения преодоления фетишизации рынка, движения неизвестно куда, без руля и без ветрил. Происходит частичное ограничение сферы рыночного саморегулирова-

ния. Однако, многолетний опыт использования рыночных инструментов в качестве единственного или главного средства решения важнейших проблем России показал их низкую экономическую и социальную результативность.

Обстоятельство пятое. В этих условиях настоятельной потребностью стало возрождение в нашей стране государственного централизованного планирования. Его целеполаганием должна стать триада: (1) Сбережение страны и отечественного социума, а не привилегированной малой его части. (2) Наполнение реальным содержанием характеристики российского государства как социального. (3) Обеспечение в ходе проведения новой индустриализации экономического и технологического суверенитета страны в полном объеме. Достижение столь амбиционных целей требует **перехода от индикативного к директивно-договорному планированию**, вытесняющего в существенных масштабах рыночные механизмы регулирования хозяйственных процессов.

Объекты использования директивных средств реализации среднесрочных и долгосрочных государственных планов, дополненные их финансовым обеспечением:

- ❑ госкомпании (предприятия). Прежде всего, являющиеся естественными монополистами в своей сфере деятельности, входящие в нерыночный подсектор государственного сектора и производящие однородные продукты: уголь, сталь, нефть, газ, электроэнергия и ряд других. В отношении таких хозяйствующих субъектов плановики могут располагать достоверной информацией о том, что потребителям нужно, а что — нет;
- ❑ государственные бюджетные учреждения, включая нерыночные по определению. Прежде всего, учреждения образования, науки, здравоохранения, насильственно вовлекаемые в сферу оказания платных услуг.

Объекты договорного планирования:

- ❑ часть госпредприятий, входящих в рыночный подсектор государственного сектора экономики страны;
- ❑ экономически и социально значимые субъекты частного и коллективного хозяйствования. В этом случае в договоре прописываются плановые показатели деятельности предприятия, а также определяется перечень льгот: налоговых, кредитных, иных и преференций (получение госзаказов, госгарантий и др.) при их достижении и санкций в противном случае, за исключением форс-мажорных обстоятельств. Это уменьшает степень возрастающей неопределенности в стране и мире при принятии предприятиями управленческих решений.

Что касается остальных компаний, в первую очередь производящих товары либо оказывающие услуги, спрос на которые испытывает сильные колебания, например по причине изменения моды, ведение их хозяйственной деятельности представляется целесообразным в режиме «дозированно» регулируемого рынка, используя, например, французскую практику установления так называемых индикаторов тревоги — экономических и социальных плановых показателей. Выход за их границы приводит в действие арсенал косвенных средств госрегулирования деятельности компаний [9, с. 40–62].

Субъектами директивно-договорного планирования, участвующими и контролирующими разработку и реализацию директивно-договорных планов на принципах общественно-государственно-частного партнерства, должны стать представители: предпринимательского сообщества; профсоюзов работников; государственных и муниципальных органов на национальном, региональном и местном уровне; госпредприятий и учреждений; негосударственных стратегически и социально-значимых компаний и организаций, экологических и иных неправительственных институтов с привлечением экспертов.

Ряд факторов снижают эффективность директивно-договорного планирования в РФ. Прежде всего:

(1) Чрезмерная открытость ее экономики вкупе с вхождением страны в ВТО, которое предполагает свободу перемещения в мире капиталов, рабочей силы и товаров, без анализа негативных последствий для большей части отраслей и регионов страны.

(2) Сокращение объектов директивно-договорного планирования в ходе продолжающейся приватизации экономически и социально-значимого госимущества.

(3) Наличие режима внешнего управления немалой частью экономикой в явном или неявном виде. Основные его проявления:

- ❑ согласие до принятия летом 2020 г. Конституции РФ в новой редакции (Ст. 15) на вывод спорных вопросов, включая сферу хозяйствования, из-под юрисдикции страны под предлогом приоритета принципов и норм международного права над национальными;
- ❑ вхождение нерезидентов в капитал отечественных компаний с последующим наращиванием их участия нередко при помощи подставных лица российского происхождения. По подсчетам много лет возглавлявшего НИИ статистики Госкомстата России В. Симчера, иностранцам принадлежит не менее 65% собственности в сфере крупного промышленного производства, расположенного на территории РФ. Так, в руках у иностранных физических и юридических лиц оказались: почти все энергетическое

- машиностроение страны (более 95%), почти 77% компаний цветной металлургии и более 67% черной металлургии [1];
- ❑ установление внешнего **контроля** над формально отечественными компаниями — государственными и частными, используя коррупционные схемы;
 - ❑ требование иностранных инвесторов и властей враждебных России государств полного или частичного изменения персонального состава топ-менеджмента формально отечественных компаний под угрозой «замораживания» зарубежных активов их владельцев и даже конфискации в случаях, если западными судами будет доказана сомнительность их происхождения;
 - ❑ понуждение нерезидентов в рамках санкций, введенных против РФ со стороны США и ее союзников, временно прекращать работу подконтрольных им российских компаний до снятия санкций или даже их закрывать;
 - ❑ признание Россией принципа абсолютного иммунитета имущества иностранных государств на территории РФ. В том числе приобретенного в ходе внешнего управления;
 - ❑ использование или копирование программного обеспечения и цифровых платформ, на которые оно ставится, являющихся преимущественно разработками США — нашего главного геополитического противника и мирового лидера в этой области. Имеет место «цифровая колонизация» России. Она, в частности, проявляется в доступности для США отечественного массива оцифрованных данных в сфере экономики (и не только), в возможном нахождении в импортных микросхемах различного рода «сюрпризов». В частности, в виде закладок, с помощью которых возможен как вывод формально российского цифрового оборудования из строя в час «X», так и незаметное считывание имеющейся в нем информации. Также возможен отзыв американских лицензий на используемые в РФ программное обеспечение и платформы. В результате отечественные их пользователи не смогут хранить и обрабатывать имеющиеся у них данные, что чревато утратой Россией своего суверенитета даже без фактического, более дорогостоящего силового захвата извне ее экономики и территории [5, с. 90–111; 6, с. 68–81; 7, с. 91–101];
 - ❑ уход российских капиталов за границу, главным образом в офшоры. По состоянию на конец 2020 г. размеры легально или незаконно вывезенного капитала, хранящегося в зарубежных банках, обескровливающие отечественную экономику и обогащающие недружественные России страны, составили в рублевом эквиваленте свыше 13 триллионов рублей [10].

(4) Отсутствие достоверной информационной базы планирования в королевстве кривых зеркал официальной экономической статистики, не отличающейся, как и ее предшественница — советская, правдивостью. Речь, прежде всего, идет о регулярном обновлении Росстатом, переданного в подчинение Минэкономразвития (нонсенс!), методологий статистического учета, без раскрытия их содержательных характеристик, а также посредством удалений, старых данных и замены их новыми, более удобными для власти [8, с. 71—88]. Примером ловкости Росстата, использующего новые методики, может служить тройной пересчет в 2018 г. темпов экономического роста страны в сторону увеличения, а также рост количества компаний, которые осуществляют технологические инновации с 8 до 20% [8]. Реальная картина представляется иной. Так, удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, таков: Россия — 8,5%, США — 65%, Бельгия — 68%, Финляндия — 65%, Норвегия — 71% [4].

(5) Отсутствие необходимого кадрового обеспечения. Это ахиллесова пята директивно-договорного планирования в РФ. Нынешний российский чиновничий корпус, как в сфере политики, так и экономике, в своем большинстве продолжает исповедовать рыночную идеологию, нередко в ее крайнем варианте — рыночного фундаментализма. Кроме того, в верхних эшелонах власти немало агентов влияния геополитических противников России (под ними понимаются лица, действия или бездействие которых осознанно или неосознанно отвечают интересам другой страны).

В качестве мер, по преодолению «помех» выполнения директивно-договорным планированием своей миссии предлагается:

Во-первых. Определение допустимых пределов открытости российской экономики, вплоть до установления госмонополии внешней торговли — полностью или частично, а также принятие комплекса мер по защите отечественного производителя («умный протекционизм»). Что касается присутствия в ВТО, представляется оправданным выход из этой организации или, как минимум, игнорирование ее требований. По крайней мере, до снятия санкций против России. Заметим, что правила самого ВТО их формально запрещают.

Во-вторых. Ограничение сферы действия рыночных механизмов и развитие нерыночных, а также формирование общественных фондов потребления в ходе становления так называемой социальной экономики — альтернативной рыночной. Главной целью образующих ее субъектов является не извлечение прибыли, а решение социальных проблем в стране, регионе, территории.

В-третьих. Прекращение процесса приватизации имущества крупных госпредприятий.

В-четвертых. Принятие закона о национализации имущества жизненно важных компаний (точнее, социализации, обеспечивающей приоритет учета интересов и потребностей всего социума страны как «внутри» хозяйствующих субъектов, так и «вне» их). Возможность национализации допустил В.В. Путин. В тумане пока остается ее порядок, размеры компенсаций владельцам компаний, подлежащих национализации, и ряд других «частностей».

В-пятых. Разработка закона об имуществе, которое может находиться исключительно в государственной или муниципальной собственности.

В-шестых. Отказ от принципа абсолютного иммунитета имущества иностранных государств на территории РФ, что делает возможным обращение такого имущества в российскую собственность. Тем более, что в ряде стран (США, Канада, Великобритания, Австралия и др.) действует принцип так называемого ограниченного иммунитета.

В-седьмых. Ограничение иностранного участия в активах крупных отечественных компаний.

В-восьмых. Запрет вхождения нерезидентов, а также лиц с двойным гражданством в коллективные органы управления Центробанком РФ, госбанков, банков с госучастием и компаний с 100% или преобладающим участием государства в их капитале.

В-девятых. Обеспечение цифрового суверенитета страны путем создания оригинальных информационных технологий, не только не копирующих западные образцы, но и способных обеспечить их надежную информационную защиту от атак наших геополитических противников.

В-десятых. Демократизация процедур выработки плановых контрольных цифр в ходе согласования позиций всех «заинтересованных» в этом сторон. Например, в выработке I плана «Модернизации и оснащения французской экономики» (1947–1953 гг.) принимали участия представители профсоюзов, партий и других организаций гражданского общества [12, р. 237–238].

В-одиннадцатых. «Нейтрализация» деятельности агентов иностранного влияния в коридорах власти.

В-двенадцатых. Подготовка новых кадров плановиков, способных эффективно в национальных интересах решать проблемы регулирования экономики страны, используя прямой и косвенный его инструментарий.

■ Список литературы

1. *Алексеев Ю.* Вернутся ли в Россию деньги из офшоров? // Столетие. 05. 11. 2020 (дата обращения: 07.05.2021).
2. *Бодрунов С.Д.* Общая теория ноономики. М.: Культурная революция. 2019.
3. *Лившиц В., Швецов А.* Мифотворчество в российском реформировании // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 5.
4. *Ленчук Е.Б.* Доклад «О качестве государственного управления научно-технологическим развитием» на Объединенном Международном конгрессе «СПЭК-ПНО-2020»: «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» // <https://iniir.ru/spec-2020-info/> (дата обращения: 07.05.2021).
5. *Рудык Э.Н.* Переформатирование цифровой власти в России (эскиз программы минимум) // Альтернативы. 2021. № 1.
6. *Рудык Э.Н.* Формирование цифровой экономики в России: «Кадры решают все!» // Альтернативы. 2020. № 1.
7. *Рудык Э.Н.* Формирование цифровой власти в России: постановка проблемы // Альтернативы. 2020. № 4.
8. *Рудык Э.Н.* Формирование цифровой экономики в королевстве кривых зеркал государственной статистики (постановка проблемы) // Вопросы политической экономии. 2018. № 3.
9. *Рудык Э.Н.* Переход от индикативного планирования к директивно-договорному императив модернизации российской промышленности в современных геополитических реалиях // Альтернативы. 2018. № 1.
10. *Соколов А.* ФНС сообщила о колоссальных деньгах на счетах россиян за границей // Столетие. 19.01.2021 (дата обращения: 07.05.2021).
11. *Ханин Г.И., Фомин Д.А.* Инвестиционные, финансовые и институциональные предпосылки возрождения российской промышленности. // Журнал институциональных исследований. 2019. Т. 11. № 1.
12. *Reynaud J-D.* Les syndicats en France. Paris, 1963.

С.А. Толкачев¹

S.A. Tolkachev²

А.Ю. Тепляков³

A.Y. Teplyakov⁴

Ю.В. Нормова⁵

Y.V. Normova⁶

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА К НИО 2.0⁷

Planning and industrial policies in the era
of transition to NIO 2.0⁸

¹ Толкачев Сергей Александрович, доктор экономических наук, профессор, первый заместитель заведующего кафедрой макроэкономического прогнозирования и планирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

² Sergey A. Tolkachev, Doctor of Economic Sciences, Professor, First Deputy Head of the Department of Macroeconomic Forecasting and Planning, Financial University under the Government of the Russian Federation.

³ Тепляков Артем Юрьевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований долгосрочных закономерностей развития экономики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

⁴ Artyom Y. Teplyakov, Candidate of Economic Sciences, Researcher at the Center for Research on Long-Term Patterns of Economic Development, Financial University under the Government of the Russian Federation.

⁵ Нормова Юлия Валерьевна, аспирант, лаборант-исследователь Центра исследований долгосрочных закономерностей развития экономики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

⁶ Yuliya V. Normova, Graduate student, Laboratory assistant at the Center for Research on Long-Term Patterns of Economic Development, Financial University under the Government of the Russian Federation.

⁷ Статья написана в рамках фундаментальной научно-исследовательской работы «Цикличность развития мирохозяйственных укладов» по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ на 2019-2021 гг. Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №3 (69). С. 72–81.

⁸ The article was prepared with financial support of the fundamental research work "Cyclical development of world economic structures" on the state order of the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2019-2021.

В период становления нового индустриального общества инструментом развития индустриальных структур становится планирование как осознанная целенаправленная деятельность на разных хозяйственных уровнях. В данной работе авторы рассматривают принцип реализации стратегического планирования промышленного развития страны, опираясь на функционирующие нормативные правовые акты и реализуемые на практике цели и задачи в данной сфере. На основе разработанной концепции цикличности технологического, мирохозяйственного развития рассматривают основные типы промышленной политики, характерные для них инструменты народнохозяйственного планирования. Был проведен анализ мер государственной поддержки на федеральном уровне страны для отраслей промышленности с помощью информационной системы промышленности (ГИСП) в соответствии с технологическими укладами, в результате которого авторы пришли к выводу, что меры поддержки в своем большинстве не имеют выраженного акцента в сторону развития шестого ТУ и НИО 2.0, а система государственной поддержки исследуемой сферы характеризуется ярко выраженным дисбалансом.

Ключевые слова: новое индустриальное общество 2.0, планирование, промышленная политика, стратегические прогнозы, технологический уклад, циклическое развитие экономики.

During the formation of a new industrial society, planning as a conscious purposeful activity at different economic levels becomes a tool for the development of industrial structures. In this paper, the authors consider the principle of implementing the strategic planning of the country's industrial development, relying on the functioning normative legal acts and the goals and objectives in this area being implemented in practice. On the basis of the developed concept of the cyclical nature of technological, world economic development, the authors consider the main types of industrial policy, their instruments of national economic planning. An analysis of measures of state support at the federal level of the country for industries was carried out using the information system of industry (GISP) in accordance with technological paradigms, as a result of which the authors came to the conclusion that support measures for the most part do not have a pronounced emphasis towards the development of the NIO 2.0, and the system of state support for the area under study is characterized by a pronounced imbalance.

Keywords: New Industrial Society 2.0, planning, industrial policy, strategic forecasts, technological order, cyclical development of the economy.

Затяжной глобальный экономический кризис, тянущийся с 2008 г., вызван объективными закономерностями долгосрочного циклического развития экономики, переходом к шестому технологическому укладу [1] и модели нового индустриального общества (НИО 2.0) [2]. Переживаемый кризис настолько глубок, что многие интеллектуалы мира уже серьезно говорят о «конце капитализма», вместо недавно еще популярной концепции «конца истории», предполагавшей вечную модель либеральной экономики образца начала 1990-х. Еще совсем недавно вера во всемогущество рынка, избавляющего людей от целенаправленного планирования, была настолько крепка среди апологетов мизес-хайкевской ортодоксии, что явно выходила за пределы научного познания в сторону религиозных догматов. Рынок,

действительно, воспринимался как главный инструмент управления обществом, заменяющий собой коллективную осознанную запланированную деятельность.

В настоящее время уже любой вменяемый сторонник либеральной экономики соглашается, что пресловутый «рыночный механизм» не способен осуществлять те функции, которые на него возлагаются в учебниках экономики — распределение ресурсов по отраслям и рынкам, регулирование рыночных цен, балансирование спроса и предложения и пр. Планирование как осознанная целенаправленная деятельность не только на корпоративном, но и отраслевом, межотраслевом, региональном и народнохозяйственном уровнях становится естественным инструментом становления и развития новых индустриальных структур. Экономика прогнозов и планов приходит на смену экономике рынка. Глобальная экономическая реальность уже не может быть объяснена в форме неких «объективных закономерностей и тенденций рыночного развития», на чем строится до сих пор система экономического образования.

В период глобальных трансформаций и мучительного становления НИО 2.0 отмирают закономерности и тенденции, выявленные в предшествующую стабильную эпоху. В настоящее время идет острая борьба глобальных проектов развития, основанных на планово-прогнозной деятельности по навязыванию своих проектов конкурентам. Планирование экономического развития в современных условиях становится единственным способом выживания национальных экономических систем. В связи с этим во многих странах повышается значение государственных органов, отвечающих за разработку стратегических прогнозов и планов. Например, в Казахстане создано, а во Франции воссоздано существовавшее длительное время Агентство стратегического планирования.

Становление НИО 2.0 в России невозможно без реиндустриализации и активной промышленной политики (далее — ПП), о чем уже написано немало, в том числе автором этих строк в статье 2015 г., обозначившей контуры мобилизационной модели экономики и недостатки только что принятого в то время Закона о промышленной политике [3, с. 87—99]. За прошедшее время в стране произошли некоторые весьма незначительные улучшения в плане реализации ПП. В основном они связаны с финансированием государственных программ и национальных проектов, где промышленности уделяется минимальное внимание. Незначительной отдушиной выглядят проекты Фонда развития промышленности, но объемы финансирования совершенно несерьезны для воздействия на макроструктурные параметры экономики.

Но важнейшая теоретическая проблема о соотношении планирования и ПП на этапе формирования НИО 2.0 остается нерешенной. Является ли народнохозяйственное планирование необходимым инструментом ПП для НИО 2.0 или для этого достаточно традиционных финансовых инструментов содействия бизнесу в его инновационной деятельности? Мы намерены внести ясность в эти вопросы на основе разработанной нами концепции цикличности технологического, мирохозяйственного развития и соответствующего типа промышленной политики [4, с. 155—162].

Но вначале отметим, что в настоящее время вызывает большие вопросы оформление и реализация стратегического планирования промышленного развития страны. Можно считать, что в рамках недолго существовавшего Указа Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹ вопросам промышленного развития в русле НИО 2.0 отвечали следующие цели:

е) ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа;

и) создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Данным целям по Указу 2018 г. соответствовали национальные проекты «Производительность труда и поддержка занятости» и «Международная кооперация и экспорт». Правительству Российской Федерации поручалось достижение следующих целевых показателей:

В рамках нацпроекта «Производительность труда и поддержка занятости»:

- ❑ рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5% в год;
- ❑ привлечение к участию в реализации указанной национальной программы не менее 10 субъектов Российской Федерации ежегодно;
- ❑ вовлечение в реализацию указанной национальной программы не менее 10 тыс. средних и крупных предприятий базовых несырьевых отраслей экономики;

¹ Указ утратил силу в части пункта 1, формулирующего основные цели, в связи с принятием Указа о национальных целях развития России до 2030 года от 21.07.2020 .

- В рамках нацпроекта «Международная кооперация и экспорт»:
- формирование в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг глобальных конкурентоспособных несырьевых секторов, общая доля экспорта которых составит не менее 20% ВВП;
 - достижение объема экспорта несырьевых неэнергетических товаров в размере 250 млрд долл. США в год, в том числе продукции машиностроения — 50 млрд долл. США в год и продукции агропромышленного комплекса — 45 млрд долл. США в год, а также объема экспорта оказываемых услуг — 100 млрд долл. США в год.
- Осложнение финансово-экономической ситуации в связи с ковидной пандемией поставило под вопрос возможность выполнения поставленных целей к 2024 г. и вынудило руководство страны скорректировать стратегический план в виде Указа № 474 от 21.07.2020 «О национальных целях развития России до 2030 года». В данном указе количество заявляемых целей развития было заметно сокращено, и вопросы промышленного развития практически не упоминаются.

Однако на уровне Правительства стратегическое планирование промышленного развития получает развитие в виде принятой Распоряжением Правительства РФ от 6 июня 2020 г. № 1512-р Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года (далее — Стратегия), определяющей основные направления государственной ПП в отношении совокупности видов экономической деятельности, относящихся к обрабатывающему производству и находящихся в сфере ведения Министерства промышленности и торговли Российской Федерации.

Стратегия имеет непосредственную связь с нацпроектом «Международная кооперация и экспорт», поскольку отмечает, что «возможности расширения присутствия на российском рынке в основном успешно использованы в 2014–2018 гг. в рамках реализации программ импортозамещения. Масштабы потребительского спроса ограничены низким в сравнении с развитыми странами уровнем доходов и общей численностью населения России. Спрос бизнеса на средства производства потенциально высокий, но фактически невелик из-за наблюдаемой инвестиционной паузы. В то же время внутренний рынок является привлекательным для апробации и первичных продаж продукции, поскольку здесь сохраняется преимущество в конкурентоспособности, определяемое близостью к потребителю» [5].

Действительно, Минпромторг России еще в октябре 2018 г. официально заявил о новом векторе ПП — экспортно ориентированном импортозамещении. 9 октября 2018 г. рамках форума «Инвестиции

в регионы — инвестиции в будущее» заместитель министра Минпромторга России Василий Осьмаков рассказал о стратегических приоритетах в сфере промышленности. Он отметил, что в условиях ограниченности внутреннего рынка на первый план выходит экспортная направленность инвестиционных проектов в промышленности. Замминистра пояснил, что дальнейшее углубление процессов локализации может осуществляться только на базе экспорта. Проекты, изначально ориентированные на внешние рынки и производство глобально конкурентоспособной продукции, станут приоритетным направлением господдержки [6].

Стратегия рассматривает экспорт как магистральное направление развития обрабатывающей промышленности в интересах решения задач по импортозамещению, несмотря на резкое усложнение условий конкуренции на внешнем рынке. Разумеется, в условиях продолжающегося перехода не только к новому технологическому укладу, но и к новому технологическому мегациклу [7], крупнейшие страны мира все чаще применяют инструменты протекционизма. Объективная закономерность становления на длительное время системы мирового протекционизма, как это не раз бывало в экономической истории, вызвана переходом к новому глобальному циклу накопления капитала на основе освоения базисных технологий производственной сферы. Вступление мировой экономики в новый технологический мегацикл и новый мирохозяйственный уклад начинается с коренного реформатирования производственной и инфраструктурной базы, для чего необходимо отказаться от сложившейся системы мирового разделения труда, финансовой и тесно связанной с ней информационной инфраструктуры (война США против китайской компании Huawei). На основе базисных инноваций¹, или близких по смыслу технологий широкого применения [8, с. 83—108] в сфере промышленного производства в рамках формирующегося нового технологического мегацикла будет происходить постепенное, но радикальное изменение промышленной базы и инфраструктуры. В этих условиях происходит замедление мирового товарооборота промышленной продукции, что станет серьезным препятствием для экспортной экспансии российской продукции.

Стратегия отмечает еще одну фундаментальную причину усложнения международной конкуренции в сфере производства промышленной продукции — это усиливающаяся «технологическая конкуренция, в том числе выходящая за рамки технических характеристик

¹ Термин, введенный немецким ученым Герхардом Меншем: Mensch G. *Stalemate in Technology*. Cambridge, Mass.: Ballinger Publishing Company, 1979.

продукции. Последствием цифровизации стало сокращение циклов разработки и продажи продукта. Во многих отраслях произошел переход к сервисной модели поставок (объединение товара и обслуживающих услуг) с дальнейшей ориентацией на «кастомизацию» потребительского решения без перехода прав собственности. Сформировавшиеся цифровые платформы привели к смещению рентабельности из сферы производства в сферу продаж и обслуживания сначала в потребительском секторе, а затем и на наиболее востребованных отраслевых рынках» [9]. Действительно, процессы внедрения инфокоммуникационных технологий в обрабатывающую промышленность приводят к радикальной перестройке цепочек поставок, переходу к сервисно-ориентированной модели функционирования предприятий обрабатывающей промышленности [10] и в итоге к смене индустриальной парадигмы от «локальный дизайн — глобальное производство» в эпоху третьей (по классификации Клауса Шваба) промышленной революции к «глобальный дизайн — локальное производство» в эпоху наступающей четвертой промышленной революции [4, с. 155—162].

Тем не менее, Стратегия связывает развитие обрабатывающей промышленности с экспортной экспансией и заявляет, что главной целью является «формирование в Российской Федерации промышленного сектора с высоким экспортным потенциалом, способного конкурировать в глобальном масштабе, обеспечивающего достижение национальных целей развития. Цель Стратегии непосредственно обеспечивает достижение национальной цели развития — создание в обрабатывающей промышленности высокопроизводительных экспортно ориентированных секторов, развивающихся на основе современных технологий и обеспеченных квалифицированными кадрами» [9].

Стратегия определяет 13 так называемых интегральных индикаторов, подразделяя их на показатели достижения цели Стратегии — Индекс производства обрабатывающей промышленности, в процентах к базовому 2019 г.; показатели решения задач (достижения национальных целей) — всего 9; дополнительные показатели реализации мероприятий — всего 4. Смысл «интегральности» ассоциируется с неким единым показателем, вбирающим в себя все частные показатели, характеризующие отдельные результаты. А в Стратегии в качестве интегральных фигурируют целых 13 показателей, характеризующих и производительность труда, и индексы промпроизводства, и объемы экспорта, и затраты на НИР и прочие показатели, что представляется не вполне логичным.

Да, среди показателей решения задач мы видим уверенное наращивание более чем в два раза таких показателей, как Объем экспорта промышленной продукции, млрд долларов США, и Объем экспорта продукции машиностроения, млрд долларов США. Оба этих показателя отражают конкурентоспособность продукции на зарубежных рынках и содержат в себе свойства интегральности, но не учитывают вышеупомянутые новые особенности международных рынков (цифровизация, сервисизация, кастомизация, сдвиги в цепочках поставок), о которых было заявлено в пункте «Ключевые вызовы и возможности для развития обрабатывающей промышленности» раздела II Стратегии.

Но главный недостаток представленной Стратегии заключается в том, что она игнорирует меняющийся характер ПП, подчиненной циклическим особенностям длинноволнового развития экономики. Горизонтальный тип ПП с отсутствием инструментов народнохозяйственного планирования был адекватен эпохе 5-го (информационно-коммуникационного) ТУ и господствовавшей тогда мирохозяйственной системе глобалистского типа. Главным вектором ПП тогда было «встраивание» национальных производителей в существующую сложную систему глобального производства с многоуровневым разделением труда. Горизонтальная ПП создает институциональные условия для технологического развития экономики, т.е. использует исключительно косвенные методы воздействия на хозяйствующих субъектов. Она адекватна такой экономической ситуации, когда:

- страна обладает лидирующими позициями в сфере производственных технологий;
- дальнейшее технологическое развитие (понимание того, какие отрасли станут «драйверами» экономического роста) в значительной степени неопределенно;
- обществу целесообразно «довериться» частной предпринимательской инициативе в поиске и коммерциализации новых технологических возможностей.

В противоположность горизонтальной вертикальная ПП использует прямые методы государственного вмешательства в экономику и опирается на народнохозяйственное планирование. Очевидно, такой подход целесообразен в тех случаях, когда технологические и отраслевые «контуры» осуществляемой экспансии довольно отчетливо осознаются на уровне органов государственной власти. Это возможно в условиях:

- посткризисного восстановления;
- послевоенного восстановления;
- «догоняющего развития»;
- развернувшейся промышленной революции.

Если в XIX в. в странах первого и второго «эшелонов» капиталистического развития преобладали преимущественно элементы горизонтальной ПП, то XX в. продемонстрировал и откровенно «жесткие» сценарии реализации вертикальной ПП, и самые различные сочетания двух упомянутых подходов. В начале XXI в., без преувеличения, весь мир столкнулся с такими вызовами, когда прежние инструменты стимулирования экономического развития перестают работать, а значит, снова на повестку дня выходит вопрос о том, какой должна быть эффективная ПП.

Ранее нами была обоснована необходимость перехода к так называемой сетевой ПП в соответствии с логикой развертывания нового технологического уклада [11] или формирования НИО 2.0. Сетевая ПП, к которой переходят страны-лидеры мирохозяйственной гонки, соединяет организационные наработки сетевых структур, сформировавшихся в ходе завершающегося этапа инфокоммуникационной волны, с задачами реорганизации промышленной базы. Среди новых инструментов ПП гибридного характера необходимо выделить программы формирования сетей инновационного развития [12, с. 4] со смешанным финансированием. Они появились сравнительно недавно — на рубеже 1990–2000-х гг. — в первую очередь в США — хотя ранее уже существовали их менее организованные аналоги. Данные сети, как правило, образуются вокруг ядра профессионалов при поддержке базовой сети менторов или брокеров, а также «разветвленной» сети поставщиков услуг и отраслевых экспертов.

В Германии одним из институтов реализации сетевой ПП является деятельность Общества Фраунхофера (далее — ОФ) (Fraunhofer-Gesellschaft) [13, с. 2]. Это одна из ведущих в мире организаций, специализирующихся на прикладных исследованиях и сосредоточивающих фокус своей работы на ключевых технологиях будущего и их коммерческом использовании в экономике в целом и промышленности в частности.

В ОФ междисциплинарные исследовательские группы работают с партнерами, представляющими как отдельные отрасли, так и правительственные учреждения, координируя их деятельность, реализуя ключевые исследовательские проекты и превращая новые идеи в инновационные технологии. Международное сотрудничество позволяет ОФ «выйти» на исследовательские организации и компании из тех регионов, для которых характерны высокие темпы научного прогресса и экономическое развитие. Основанное в 1949 г., ОФ в настоящее время управляет 75 институтами и исследовательскими учреждениями по всей Германии. Большинство из примерно 28 тыс. сотрудников организации — это ученые и инженеры. О признаках именно

сетевого характера ПП, реализуемой ОФ в целях перехода к НИО 2.0, говорят следующие факты.

Во-первых, годовой бюджет (2019) ОФ составляет около 2,8 млрд евро. Это около 250 млрд руб., что примерно в 3 раза больше, чем ежегодный объем средств, планируемых к выделению на цели инновационных институтов развития в России в 2021–2023 гг. (примерно 270 млрд руб. на три года) [14]. При этом РФ и ФРГ имеют сопоставимый ВВП по ППС (2019): 4,3 и 4,7 млрд долл. соответственно [15], а кроме ОФ ФРГ имеются другие организации, выполняющие функции институтов развития.

Во-вторых, доля финансирования деятельности ОФ из бюджетов различных уровней составляет около 34%, остальное — это внешние источники. При этом доля государственного финансирования в зависимости от группы развиваемых технологий варьируется от 25% по производственным инновациям до 32% по оптическим технологиям. В-третьих, доля общих расходов на центральный управленческий аппарат равна примерно 18%.

Наконец, можно говорить и о приоритетах в финансовой поддержке развития. Так, на первом месте по объемам финансирования находятся проекты, связанные с инновациями в сфере производства новых материалов (24%). Далее «идут» затраты на развитие сектора микроэлектроники (22%), на совершенствование производственных процессов (14%), на инновации в сфере ИКТ (12%), на «зеленые технологии» и сектор биотеха (9%), на развитие оптических технологий (8%).

В целом такое распределение в очередной раз подтверждает нашу базовую гипотезу о том, что в настоящее время наиболее развитые государства осуществляют на базе инструментов сетевой ПП активную модернизацию производственно-технологической структуры экономики в направлении шестого ТУ НИО 2.0.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российская экономика, имея определенные заделы для формирования производств на базе шестого ТУ, не получает необходимых стимулов со стороны государства для решения поставленной сверхзадачи. Изменение государственной экономической политики, на наш взгляд, должно происходить в соответствии со схемой, представленной на рис. 1.

Россия в настоящее время, как показывает наш анализ мер государственной поддержки на федеральном уровне для отраслей промышленности с помощью информационной системы промышленности (ГИСП) [16], не демонстрирует выраженного акцента в сторону развития шестого ТУ и НИО 2.0. На сегодняшний день в ГИСП представлено 244 активные меры поддержки федерального уровня,

Тип промышленной политики / Тип внешне-экономической политики	1. Вертикальная промышленная политика	2. Горизонтальная промышленная политика	3. Сетевая промышленная политика
1. Фритредерство	IV ТУ		
2. Глобализм	Россия	V ТУ	
3. Протекционизм			VI ТУ

Рис. 1. Эффективная экономическая политика в зависимости от формирующегося технологического уклада (источник: составлено авторами: С.А. Толкачев, А.Ю. Тепляков)

из которых 83% — финансовая поддержка; 9% — регуляторная поддержка (налоговые, таможенные, инвестиционные льготы и т.д.); 4% — консультационная (информационная) поддержка; 2% — поддержка внешнеэкономической деятельности; 1,5% — образовательная поддержка; 0,5% — имущественная поддержка. Среди финансово-кредитных мер наиболее часто встречается субсидиарная поддержка для обозначенных отраслей.

Нами был проведен анализ мер поддержки в разрезе отраслей, составляющих каждый ТУ (см. табл. 1).

Финансовые меры поддержки в наибольшей степени (63%) характерны для IV ТУ, VI ТУ включает в себя 18% финансовых мер поддержки, по 7% для III и V уклада, наименьшие значения для II ТУ — 5%.

В результате проведенного анализа заметим, что наибольшее количество мер поддержки на федеральном уровне являются универсальными и могут быть применены для всех рассмотренных укладов. Для IV технологического уклада характерно количественное преобладание отраслей промышленности, соответственно, и мер поддержки. Отрасли VI ТУ пользуются субсидиарной поддержкой со стороны государства, но заметно уступают четвертому ТУ.

Таким образом, для существующей системы государственной поддержки сферы промышленности, характеризующейся дисбалансом, необходимо выравнивание между финансово-кредитными

Таблица 1

Распределение федеральных мер поддержки в соответствии с технологическими укладами

ТУ	Финансовая поддержка			Регуляторная поддержка (налоговые, таможенные, инвестиционные льготы и т.д.)	Консультационная (информационная) поддержка
	Субсидиарная	Возвратная (заем, кредит)	Гарантии (поручительства)		
II	3	1	-	-	-
III	4	-	-	-	-
IV	35	2	-	-	-
V	4	-	-	1	-
VI	8	2	2	-	1

и организационно-управленческими мерами. Так как неравномерное распределение мер государственной поддержки может свидетельствовать о взаимодействии друг с другом в одно и то же время устаревших укладов с укладами более высокого ранга. В этих условиях формируется слабый прогресс в развитии V и VI укладов.

■ Список литературы

1. *Глазьев С.Ю.* Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // *Экономическое возрождение России.* 2020. № 2 (64).
2. *Бодрунов С.Д.* Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты // *Экономическое возрождение России.* 2015. № 4 (64).
3. *Сорокин Д.Е., Толкачев С.А.* Условия и факторы эффективной реиндустриализации и промышленной политики России // *Экономическое возрождение России.* 2015. № 4 (64). С. 87–99.
4. *Толкачев С.А.* Сетевая промышленная политика в эпоху новой индустриальной революции // *Журнал новой экономической ассоциации.* 2018. № 3 (39). С. 155–162.
5. Распоряжение Правительства РФ от 6 июня 2020 г. № 1512-р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности РФ до 2024 г. и на период до 2035 г.». URL:

- <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74142592/> (дата обращения: 24.05.2021).
6. Поддержка инвестиций в экспорт станет «мейнстримом» промышленной политики на ближайшие годы // Минпромторг России. URL: http://minpromtorg.gov.ru/presscentre/news/#!/podderzhka_investitsiy_v_eksport_stanet_meynstrimom_promyshlennoy_politiki_na_blizhayshe_gody (дата обращения: 24.05.2021).
 7. *Толкачев С.А., Тепляков А.Ю.* Концепция отраслевого распространения базисных технологий: новый технологический мегацикл // *Экономист*. 2020. № 1.
 8. *Bresnahan T.F., Trajtenberg M.* General Purpose Technologies: «Engines of Growth»? // *Journal of Econometrics*. 1995. Vol. 65. № 1. P. 83–108.
 9. Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74142592/> (дата обращения: 24.05.2021).
 10. *Быков А.А., Глухова Н.М., Толкачев С.А.* Неоиндустриализация и сервисизация: есть ли противоречие // *Мир новой экономики*. 2019. №3.
 11. *Толкачев С.А., Тепляков А.Ю.* Технологический мегацикл и промышленная политика // *Экономист*. 2021. № 1.
 12. Венчурные акселераторы: Сети инновационного развития / ОАО «РВК» и Всемирный банк. М., 2013. С. 4.
 13. Fraunhofer Annual Report 2019. URL: <https://www.fraunhofer.de/en/media-center/publications/fraunhofer-annual-report.html> (дата обращения: 24.05.2021).
 14. *Соколов А.* Институты развития провалили инновации // *Ведомости*. 02.03.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/03/01/859742-institut-i-razvitiya> (дата обращения: 24.05.2021).
 15. GDP based on PPP valuation of country GDP / The World Bank (01.07.2020). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTR.PP.CD> (дата обращения: 24.05.2021).
 16. Государственная информационная система поддержки. URL: <https://gispr.gov.ru/gisplk/> (дата обращения: 24.05.2021).

Раздел 3

ПЛАНИРОВАНИЕ:
УРОКИ СССР

А.И. Амосов¹

A.I. Amosov²

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И УРОКИ ПРАКТИКИ ПЛАНИРОВАНИЯ В СССР И В США

Comparative analysis and lessons of planning practice
in the USSR and the USA

Статья посвящена сопоставлению уровней развития централизованного планирования в СССР и США в довоенный период и в послевоенные годы. Выявлены причинно-следственные связи между распространением индустриальных технологий, созданием рынков для массовых потребителей и централизованным государственным и корпоративным планированием. Обоснован вывод о том, что США, опережая дореволюционную Россию, а затем и СССР в индустриализации производства, опережали СССР в развитии стратегического и программно-целевого планирования. Показаны бесспорные достижения и слабые места советской системы планирования и ценообразования.

Ключевые слова: практика централизованного и индивидуального планирования, индустриализация производства, рынки для массовых потребителей.

The article is devoted to comparing the level of development of centralized planning in the USSR and the USA in the pre-war period and in the post-war years. Revealed causal relationships between the spread of industrial technologies, the creation of markets for mass consumers and centralized government and corporate planning. The conclusion is substantiated that the USA, ahead of pre-revolutionary Russia and then the USSR in industrialization of production, was ahead of the USSR in the development of strategic and program-target planning. The indisputable achievements and weaknesses of the Soviet planning and pricing system are shown.

Keywords: practice of centralized and individual planning, industrialization of production, markets for mass consumers.

В современных условиях ухудшения международной обстановки и усиления угроз безопасности государства актуально обратиться к историческому опыту СССР в планировании и управлении экономикой и социальной сферой в довоенный период и в послевоенные

¹ Амосов Александр Ильич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук.

² Alexander I. Amosov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Economics RAS.

годы мирного соревнования с мировыми державами, объявившими нам холодную войну [9]. Изучение методов планирования и управления объективно носит междисциплинарный характер. В процессе изучения используется терминология и понятия различных научных дисциплин, включая экономическую историю, политическую экономию, микроэкономику, макроэкономику, организацию управления, ценообразование, налоговую и бюджетную политику финансирования оборонного комплекса, фундаментальной и прикладной науки, образования и здравоохранения.

В марксизме-ленинизме капиталистический способ производства представлялся как обреченный на отмирание общественный строй, который должен погибнуть в результате неизбежных кризисов, обусловленных господством стихийного рынка. Подробностей о коммунизме и социализме в трудах основоположников марксизма не содержится. Маркс и Энгельс не брались за описание будущего общественного строя, заявляя, что это проблемы, которые будут решаться через столетия, когда для этого созреют соответствующие условия. Говоря о коммунизме как высшей стадии развития человечества, Энгельс сформулировал лишь общее положение о том, что при новом общественном строе на смену стихийному рынку придет централизованное планирование.

В этой связи следует уточнить некоторые важные детали. Во-первых, стихийного рынка никогда не было и не могло быть, поскольку торги, денежное обращение и финансы всегда регулируются централизованно. Во-вторых, планирование было изобретено еще в первобытные времена задолго до появления государства и рынка. Человека создал труд, это верно. Но труд в земледелии и в скотоводстве коренным образом отличается от поведения обезьян при сборе плодов или поведения хищников при охоте за травоядными животными. И это отличие состоит в том, что земледельцу и скотоводу, чтобы успешно трудиться, требуется планировать свою деятельность. В экономической литературе это называется индивидуальным планированием [5, с. 72—78]. Понятие «индивидуальное планирование» относительное, его нельзя трактовать как абсолютное. Планирование правомерно считать индивидуальным относительно централизованного или корпоративного планирования. Но земледельцы и скотоводы не имеют ничего общего с абсолютными «индивидами», придуманными в либерализме.

Первобытные земледельцы возглавляли полигамные семьи-коммуны, по-русски называемые родовыми общинами. С момента образования ранних государств и до XX в. на смену родовым общинам пришли патриархальные (традиционные по-русски) семьи. Таким

образом, изначально и до наших дней целью индивидуального планирования является обеспечение воспроизводства семьи, а не индивида. Государства в определенном смысле представляют собой большую семью народов. Соответственно, ни одно государство не может обойтись без централизованного планирования воспроизводства государства как единого целого.

При капитализме, как и при любом общественном устройстве, необходимо иметь не только индивидуальное (семейное), но и централизованное государственное планирование. И различия между формациями состоят не в том, что при феодализме или капитализме не было централизованного планирования, а в усложнении форм планирования при переходе от одной формации к другой.

В постсоветское время стало модным с пренебрежением относиться к понятию «директивное планирование». На практике любое планирование всегда является преимущественно директивным, и ничего плохого в этом нет. В переводе на русский язык слово «директивное» означает «прямое». При обсуждении в американском конгрессе вопроса о выделении бюджетных средств на проект создания новой атомной подводной лодки речь идет именно о прямом директивном планировании постановки на вооружение конкретного типа подводных лодок. Такой же смысл имело директивное планирование и в Советском Союзе.

Сейчас стало модно критиковать использование преимущественно натуральных показателей при разработке плановых балансов производства и потребления в СССР. При этом «натуральное» планирование противопоставляется индикативному. Прежде всего, следует заметить, что при индикативном планировании тоже широко используются натуральные показатели. То же самое наблюдается и в программно-целевом планировании. Современная Российская Федерация является единственной страной в цивилизованном мире, в которой планируется лишь увеличение бессмысленного стоимостного показателя валового внутреннего продукта. Такой бессмыслицы во времена СССР не допускалось.

Есть еще два словосочетания, употребление которых вызывает недоумение у специалистов, которые знакомы с практикой планирования производства и реальными отношениями по реализации продукции и организации оптовых и розничных рынков. Я имею в виду выражения «плановая экономика» и «рыночная экономика». В «Капитале» Карла Маркса рынок предстает как исключительно стихийный. На самом деле, абсолютно стихийный рынок — это абстракция, которая зародилась в головах идеологов марксизма под влиянием ранее возникшего либерализма. На практике цены при

сделках купли-продажи произведенной продукции не колеблются в результате торгов между розничным покупателем и товаропроизводителем. Между розничными покупателями и товаропроизводителями находятся посредники. И эти посреднические структуры планируют в своих интересах уровень закупочных и розничных цен. Существуют и другие варианты рыночного планирования цен. Наконец, на уровне государств во все времена проводилась и проводится централизованная ценовая и денежная политика.

При создании американской или советской системы планирования в XX в. разрабатывались методы и механизмы централизованного планирования, позволявшие решать два типа задач. Первый: обеспечение ресурсами строительства новых крупных предприятий по индустриальному производству средств производства и предметов потребления для массовых потребителей. Второй: создание системы реализации продукции для массовых потребителей, включая подсистемы контрактов, платежей, оптовых и розничных рынков [4]. Другими словами, распространение индустриальных технологий по производству продукции для массовых потребителей привело к созданию, наряду с существовавшими ранее рынками для привилегированных потребителей, принципиально иных рынков для массовых потребителей. Никакой отдельной плановой или рыночной экономики никогда не существовало и в принципе не могло существовать.

В политической экономии XX в. появились термины «капиталистические» и «социалистические» страны. В методологическом аспекте это типичные классификационные термины, в которых не содержится глубокого смысла. Дело в том, что коммунистические отношения, существовавшие десятки тысяч лет, единожды возникнув, в последующих веках трансформировались в коммунальные и иные формы. Социалистические отношения возникли при образовании патриархальных семей, базирующихся на частной семейной собственности. Во времена Маркса и Энгельса идеи социализма были хорошо известны семействам Ротшильдов и других владельцев семейной частной собственностью на финансовый капитал. В XX в. в США и в СССР тоже существовал смешанный общественный строй.

В советское время признанию этого факта препятствовал партийный запрет на проведение научных дискуссий по поводу строительства социализма и коммунизма. В 1961 г. на XXII Съезде КПСС приняли новую Программу партии. В ней предусматривалось до 1980 г. «создать в основном материально-техническую базу коммунизма». Следует подчеркнуть: никакой «Программы строительства коммунизма» в СССР в 1961 г. не принималось. Более того, в указанной Про-

грамме партии содержался отдельный пункт, где ставилась задача «всемерного развития товарно-денежных отношений до 1980 г.».

Ленин в условиях военного коммунизма 1919 г. призывал «перевоспитывать» трудящихся в «сознательных рабочих», готовых трудиться бесплатно. Малограмотный «партокрлат» Хрущев всегда был готов «перевоспитывать» трудящихся. Сразу после принятия Программы создания материально-технической базы коммунизма в октябре 1961 г. Хрущев, не дожидаясь создания этой базы, дал указание повысить нормы выработки на промышленных предприятиях. Повышение норм выработки без перехода на новую технологическую базу означало снижение оплаты труда рабочих. На большинстве предприятий грамотные руководители «спускали на тормозах» повышение норм выработки. Но были директора заводов, стремившиеся выслужиться, выполняя очередную авантюристическую директиву. В Новочеркасске и в ряде других мест это привело к демонстрациям рабочих и их семей с требованиями отставки Хрущева. Против рабочих были приняты жестокие репрессивные меры, что наряду с другими «инициативами» существенно подорвало авторитет Хрущева. В 1964 г. его отправили в отставку. Но необходимого экспертного и научного обсуждения стратегического планирования строительства социализма в СССР не было проведено, чем воспользовались наши противники в холодной войне.

В США в общественной мысли допускались критика существующего общественного строя и научные дискуссии по его социализации. В результате, еще в начале XX в. в США принимались антитрестовские законы и развивалось демократическое законодательство. Что не менее важно, в США уже в начале XX в. начали осуществляться масштабные проекты по распространению промышленных технологий. В частности, уже в 1920 г. объем производство легковых автомобилей только на заводах Форда достиг уровня 1 миллиона автомобилей в год. Генри Форд, будучи сыном фермера, организовал массовое производство не только автомобилей, но и тракторов. Именно на тракторах «фордзонах» обрабатывали землю в первые годы коллективизации сельского хозяйства в СССР. А в США десятью годами раньше федеральные власти из бюджета финансировали обучение фермеров работе на тракторах и оказание им технической и иной поддержки в механизации работ.

Централизованное планирование в США начиналось с отраслевого и корпоративного планирования раньше, чем это происходило в нашей стране. Первый пятилетний план был разработан в США в 1928 г. В нем ставилась задача создания впервые в мире гражданского авиастроения и, соответственно, гражданского авиационного

транспорта. Благодаря четкому законодательному регулированию процедур планирования американцы свою пятилетку авиастроения выполнили точно в срок. В дальнейшем в США от разработки пятилеток отказались. С 1933 г. в США начало действовать законодательство о программно-целевом планировании. Первой масштабной программой стала программа электрификации долины реки Теннесси. Функции государственного органа централизованного планирования в США выполняет высший законодательный орган власти — Конгресс США. Ежегодно в течение 6 месяцев в году Конгресс США не занимается ничем, кроме обсуждения на комиссиях конгресса бюджета США на следующий год. Примерно 50% средств федерального бюджета направляются на реализацию долгосрочных целевых программ и проектов.

В законодательстве США четко разделены функции и права законодательной и исполнительной власти, а также научно-экспертного сообщества в обсуждении бюджета. Исполнительная власть в лице чиновников или президента не вправе принимать решения, по существу, какой-либо программы или проекта. В законе прописана процедура публичного обсуждения целевых программ на комиссиях конгресса с привлечением независимых экспертов и с публикацией в специальных изданиях конгресса сумм, запрашиваемых и выделяемых на ту или иную программу, включая проекты создания новых видов вооружений. Таким образом, США изначально опережали Советский Союз по развитию планирования и централизованного управления, и на пике индустриального развития СССР в 1960—1970-х гг. отставание СССР в планировании и управлении лишь увеличивалось.

Обычно считается, что во главе планирования в СССР стоял Госплан СССР. На самом деле, все было намного сложнее. Главным органом планирования после революции 1917 г. и до конца существования СССР было политбюро ЦК во главе «с лично» Первым лицом. При «разоблачении» культа личности Сталина в 1956 г. в докладе, зачитанном Хрущевым, репрессивные методы управления Сталина противопоставлялись «ленинским» методам «коллективного руководства». Опубликованные с тех пор исторические материалы свидетельствуют о том, что между Лениным и Сталиным было обычное в политике разделение ролей. Например, Ленин декларировал предоставление права на самоопределение наций и других прав местным партийным органам власти. Сталин же, как бы «самовольно», подвергал репрессиям тех партийных руководителей, которые были склонны к «самоопределению». Сталин прибегал к репрессиям по тем же принципам, что и другие обладатели культа личности в лице Ле-

нина, Троцкого и Хрущева. Вместе с тем Сталин превосходил названных руководителей партии по умению решать практические задачи управления народным хозяйством. В конечном счете только ему удалось добиться того, чтобы подчиненные стали называть его «Хозяином». Но «Хозяином» Сталин стал далеко не сразу.

В 1925 г. на съезде партии приняли решение об индустриализации. Созданные к тому времени плановые органы во главе с Госпланом СССР приступили к разработке первого пятилетнего плана. Привлечение небольшого числа оставшихся в стране «буржуазных специалистов» позволило разработать достаточно обоснованный первый пятилетний план. На пути его успешного выполнения встало вмешательство «лично генерального секретаря ЦК» Сталина, который внес волонтаристские поправки в плановые задания. В частности, в проекте плана предусматривалось построить два металлургических комбината, Сталин дал партийное указание увеличить число металлургических комбинатов до восьми. В 1929 г. заложили фундаменты для восьми металлургических комбинатов. Это было напрасной растратой средств и ресурсов, поскольку в конечном итоге удалось ввести в строй только два металлургических комбината, как и намечалось специалистами.

Полный обвал произошел с выполнением заданий по сплошной коллективизации сельского хозяйства. У крестьян, принудительно вступивших в колхозы, вначале отобрали лошадей и коров в общее стадо, а затем, когда в 1930 г. был собран первый урожай зерновых, приехали и забрали весь колхозный урожай в распоряжение государства. Колхозники потеряли стимулы работать в колхозе. В 1931 г. в зерновых регионах колхозники саботировали посев зерновых культур. В 1932 г. в этих регионах разразился голод. Сталин опубликовал статью «о головокружении от успехов». Колхозы освободили от работ по возделыванию зерновых, передав эти работы машинно-тракторным станциям.

В 1933 г. Сталин, чтобы скрыть провал первой пятилетки, объявил о ее досрочном выполнении. Во второй пятилетний план, разработанный поднабравшимся опыта Госпланом СССР, Сталин уже не вносил партийные поправки. Благодаря этому второй пятилетний план выполнили в намеченный срок. Сталина обвиняют в том, что он использовал жесткие и даже жестокие методы командно-административного управления. Это правда. Но правдой является и то, что Сталин сумел понять специалистов в области ценообразования и денежного обращения, которые благодаря его поддержке сумели создать лучшую в мире систему ценообразования уже в годы довоенных пятилеток.

Заслугой Сталина является проведение с помощью советских экономистов суверенной денежной политики и поддержка создания лучшей в мире системы ценообразования, обеспечившей самые низкие в мире тарифы на железнодорожные перевозки и предельно низкие цены на энергоносители. В послевоенный период удалось добиться повышения жизненного уровня в масштабах исторических достижений. Это произошло благодаря проведению политики сохранения неизменных цен на товары в течение нескольких десятилетий. Советские экономисты, разработавшие систему социально ориентированного ценообразования, руководствовались не марксизмом, а теорией общего экономического равновесия Леона Вальраса (1834–1910). Вальрас разработал экономико-математическую модель экономического равновесия в виде системы уравнений спроса и предложения. Расчеты по системе уравнений на условных цифрах позволили сформулировать фундаментальное положение: максимальный объем реализации на рынках всех видов произведенной продукции достигается при условии нулевой рентабельности у всех участников рынка [2, с. 214–218].

На практике при нулевой рентабельности производства продукции или услуг товаропроизводители не имеют собственных средств для инвестиций в расширение производства. В хозяйственной практике СССР указанные проблемы рыночного экономического равновесия уже в 1930-е гг. решались следующим образом. В торговле и промышленных производствах с быстрым оборотом капиталовложений допускалась высокая рентабельность. А в электроэнергетике, на железнодорожном транспорте и в других капиталоемких отраслях устанавливалась нулевая рентабельность с условием строительства электростанций, железных дорог и других объектов за счет капитальных вложений, финансируемых из бюджета.

В 1961–1987 гг. масштабы индустриальной экономики возросли, появились новые производства и отрасли, сложились новые формы товарно-денежных отношений. В социально ориентированной экономике СССР были созданы мощные системы оптовой и розничной торговли [4]. Разделение труда после перехода на индустриальные технологии достигло предела. Это привело к развитию вертикальной и горизонтальной интеграции производства. В частности, между ведущими развитыми индустриальными странами, включая СССР, в 1960–1970 гг. развернулось соревнование по освоению передовых макротехнологий [6, с. 360–364]. Корпоративное централизованное планирование в рамках макротехнологий и межотраслевых комплексов отнюдь не исключало объективной необходимости использования товарно-денежных отношений на основе долгосрочных контрактов

между поставщиками и потребителями сырья, материалов, энергоносителей, деталей, приборов и т.д.

В оборонно-промышленном комплексе требования использования рациональных товарно-денежных механизмов не соблюдались, что вело к излишнему расходованию бюджетных средств [7]. В агропромышленном комплексе они начали соблюдаться лишь в 1960-х гг. и соблюдались не полностью. Существовали и другие проблемы совершенствования планирования производства и механизмов реализации продукции, но в целом система работала успешно благодаря Госплану СССР и другим плановым органам.

В 1960–1970-е гг. на пике индустриального развития Советского Союза Госплан СССР уже был укомплектован квалифицированными кадрами. Госплановские научно-исследовательские институты разработали методологию и методические указания по планированию [3]. Для проведения экспертиз инвестиционных проектов в Госплан СССР привлекались эксперты из ведущих научно-исследовательских институтов. Системным недостатком централизованного планирования в СССР было то, что в отличие от США, где были разделены функции и полномочия исполнительной и законодательной власти, в Советском Союзе Генеральный секретарь ЦК КПСС проводил на Политбюро решения по выделению ресурсов на помощь зарубежным странам или отдельным ведомствам, республикам и регионам.

Например, Прибалтике, Грузии и другим регионам выделялось больше средств на строительство дорог и предприятий, чем областям Российской Федерации. Льготные условия для выделения материальных средств и денежных ресурсов предоставлялись и Украинской социалистической республике. В частности, во Львове за счет средств союзного министерства был построен крупный завод по выпуску телевизоров, хотя технологии производства телевизоров были разработаны в конструкторских организациях Российской Федерации и данный завод вполне мог быть построен на территории РСФСР [8]. Мне довелось посетить указанный телевизионный завод во время экскурсии для участников всесоюзной конференции по использованию электроники, проходившей во Львове. В качестве экскурсовода нам выделили заводского инженера, прекрасно владевшего русским языком. Никто из участников всесоюзной конференции не владел украинским языком. Неожиданно для гостей из Москвы, Ленинграда и других научных центров за пределами Украинской республики, заводской инженер начал вести экскурсию на украинском языке. Когда его спросили, почему он решил вести экскурсию на украинском языке, инженер ответил, что завод построен на Украине, и он гордится этим. Участники конференции потребовали заменить экскур-

совода, после чего он перешел на русский язык. Таким образом, еще в советское время во Львове после передачи Украинской республике технологий в подарок от Российской Федерации украинские «западенцы» «переходили с русского языка на украинский».

Централизованное планирование в СССР существенно ослаблялось из-за того, что не было демократического обсуждения вопросов распределения бюджетных средств. В отличие от США, в Советском Союзе реальный бюджет страны знали только несколько человек, включая Генерального секретаря. Это создавало обстановку бесконтрольного распределения средств и принятия стратегических решений. В 1986 г. я опубликовал монографию по программно-целевому планированию. В ней обосновывалась необходимость перехода на американскую систему публичного программно-целевого планирования в сочетании с сохранением годовых плановых заданий со стороны Госплана СССР, а также отраслевых министерств и ведомств [1, с. 37–44].

Следует пояснить: плановое задание — это важнейшее звено в организации рынков для массовых потребителей. Для крупных индустриальных предприятий выполнение плановых заданий было выгодно и удобно. Например, Минскому тракторному заводу устанавливалось плановое задание по производству ста тысяч тракторов в год. Под это задание заводу выделялись «фонды» на поставки деталей, узлов, материалов, энергоносителей по государственному низкому ценам. Директору Минского тракторного завода также не требовалось беспокоиться о реализации сотни тысяч тракторов. Этим занимались посреднические организации типа «Союзсельхозтехника», которые имели средства, чтобы оплачивать трактора сразу после их отгрузки по адресам, указанным посреднической организацией. Аналогичная ситуация была в легкой промышленности СССР. Крупные предприятия производили около 700 миллионов пар кожаной обуви в год. На обувные фабрики в плановом порядке поставлялись по низким государственным ценам кожа и другие материалы. Обувным фабрикам не нужно было создавать службы по реализации десятков и сотен тысяч пар обуви. Этим успешно занимались бесперебойно функционировавшие крупные организации оптовой и розничной торговли, работавшие по самым передовым методам организации рынков.

В конце 1980-х гг. мне, как и многим другим академическим ученым-экономистам, казалось, что следует по примеру западных стран отказаться от государственной собственности и централизованного планирования в сфере услуг. Нам казалось, что парикмахеры желают освободиться от плановых заданий по количеству стрижек

в месяц. Но когда я рассказал своему парикмахеру о предложениях приватизировать парикмахерские и отменить плановые задания по стрижкам, опытный мастер, к моему удивлению, высказался категорически против приватизации парикмахерских и отмены плановых заданий на стрижки. Оказалось, что работа в муниципальной парикмахерской и выполнение плана стрижек была для парикмахера удобной и выгодной. Квалифицированный парикмахер без особого напряжения мог выполнить профессионально обоснованный план стрижек. Плату клиентов за услуги парикмахера в объеме плановых заданий следовало перечислять в доходы города. За это городские власти предоставляли бесплатно помещение для парикмахерской, парикмахерская бесплатно снабжалась инструментами и всем необходимым для обслуживания клиентов. Парикмахер получал гарантированную заработную плату. В плюс к заработной плате деньги за сверхплановые стрижки можно было оставить себе. В результате при централизованном планировании стрижек в советское время все парикмахеры работали до пенсии. Причем гарантированная советская пенсия начислялась по понятным правилам и была достаточна для спокойной старости в условиях бесплатного здравоохранения и других социальных льгот. Работа до пенсии создавала условия для повышения квалификации парикмахеров, что в свою очередь служило полному удовлетворению потребностей клиентов. В 1992 г. планирование сферы услуг в Москве отменили, парикмахерские перешли в частную собственность, парикмахеры вынуждены стали платить за аренду помещений и за коммунальные услуги. Цены за стрижки возросли. Количество клиентов резко снизилось. Большинство прежних парикмахерских закрылись. То же произошло и с многочисленными прачечными, небольшими мастерскими по ремонту, пельменными, пирожковыми и т.д.

На уровне Политбюро при Горбачеве вместо совершенствования централизованного планирования и перехода к программно-целевому планированию по примеру США был взят курс на ликвидацию советской системы планирования и ценообразования. Переломным моментом стал июньский пленум ЦК КПСС 1987 г., на котором генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев «протащил» решение о принятии закона о предприятии, отменявшим бесперебойно работавшую систему пятилетнего и годового планирования производства на предприятиях. Пока Госплан существовал, его специалисты еще пытались сохранять какие-то связи между предприятиями по поставкам. Но уже были запущены механизмы повышения цен и неисполнения контрактов. Кооперативам разрешалось повышать цены, а руководителям колхозов и совхозов Горбачев лично угрожал судом,

если они не сдадут зерно сразу после сбора урожая в 1991 г. по советским ценам. Когда в 1992 г. первым указом Ельцина была разрешена полная либерализация цен, сельхозпредприятия, сдавшие зерно по ценам 1991 г., лишились средств для покупки горючего и удобрений по ценам 1992 г. в период посевной кампании. Это свидетельствовало о разрушении созданной в СССР системы планирования и управления. В США в постсоветский период Конгресс и другие органы управления продолжали осуществлять стратегическое и программно-целевое централизованное планирование в полном объеме.

■ Список литературы

1. *Амосов А.И.* Программно-целевое планирование интенсивного воспроизводства агропромышленного комплекса. М.: Наука, 1986. С. 129.
2. *История экономических учений: учебн. пособие; под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой.* М.: ИНФРА-М, 2000. С. 784. ISBN 5-16-000173-5.
3. *Методические указания к разработке государственных планов экономического и социального развития СССР.* М.: Экономика, 1980. С. 776.
4. *Нешиной А.С.* Торговля в России: развитие и проблемы. М.: Информационно-издательский центр «Маркетинг», 2006. С. 408. ISBN 5-7856-0456-5.
5. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики: пер. с нем. М.: Прогресс, 1995. С. 496.
6. *Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики.* М.: Экономика, 1999. С. 793. ISBN 5-282-01937-X
7. *Рассадин В.В.* Оборонно-промышленный комплекс. Генезис. Конверсия. М.: МАКС Пресс. 2002. С. 320. ISBN 5-317-00425-X.
8. *Шокин А.А.* Министр невероятной промышленности СССР. Страницы биографии. М.: Техносфера. 2007. С. 456. ISBN 978-5-94836-151-2.
9. *Экономическая история СССР: очерки; рук. авт. колл. Л.И. Абалкин.* М.: ИНФРА-М, 2007. С. 496. ISBN 978-5-16-003124-8.

В.Л. Вайнгорт¹

V.L. Vaingort²

УРОКИ СОВЕТСКОГО ФОРМАЛИЗОВАННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СИМБИОЗЕ С ЛАТЕНТНЫМ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕМ РЕСУРСОВ И НЕОБХОДИМОСТЬ ПЛАНИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Lessons from Soviet Formalized Planning in Symbiosis with
Latent Resource Redistribution and the Need for Human
Development Planning in a Post-industrial Economy

Исследовать деятельность института советской системы планирования необходимо во взаимосвязи с институтом латентных бартерных отношений в сфере материально-технического обеспечения хозяйственного комплекса и институтом черного рынка товаров и услуг. Необходимо также выделять подсистему программно-целевого планирования и управления (по космосу, военно-техническому комплексу, Олимпиаде-80 и т. п.). По мере роста и усложнения хозяйственных связей снижалась результативность планового механизма (росли объемы незавершенного строительства, неустановленного оборудования, материальных запасов). Госплан СССР мог превратиться в эффективную госструктуру только в качестве органа целеполагания. А государственное планирование вполне совместимо с постиндустриальной экономикой для развития человеческого капитала.

Ключевые слова: симбиоз формальных и латентных институтов в планово-распределительной экономике, факторы снижения эффективности инвестиционного комплекса СССР, планирование человеческого развития в экономике знаний.

It is necessary to study the activities of the institute of the Soviet planning system in conjunction with the Institute of latent barter relations in the field of material and technical support of the economic complex and the Institute of the black market of goods and services. It is also necessary to allocate a subsystem of program-target planning and management (for space, military-technical complex, Olympic Games' 80, etc.). With the growth and complexity of economic relations, the effectiveness of the planning mechanism decreased (the volume of unfinished construction, unidentified equipment, and material stocks increased). The State Planning Committee of the USSR could turn into an effective state structure only as a goal-setting body. And state planning is quite compatible with the post-industrial economy for the development of human capital.

Keywords: symbiosis of formal and latent institutions in the planning and distribution economy, factors of reducing the efficiency of the investment complex of the USSR, planning of human development in the knowledge economy.

¹ Вайнгорт Владимир Леонтьевич, доктор экономических наук, член правления Консалтинг «Кардис».

² Vladimir L. Vaingort, Doctor of economics sciences, member of the Board of Consulting «Kardis».

Госплан «в натуре»

Исследование функционирования позднесоветской планово-распределительной экономики необходимо осуществлять в комплексе с исследованиями латентного перераспределения материально-технических ресурсов производственного назначения на основе бартера, а также черного рынка материалов и услуг для индивидуального пользования. Без симбиоза этой триады деятельность хозяйственного комплекса СССР оказалась бы невозможной. Их взаимосвязь обеспечила согласование детерминированного государственного планирования с вероятностным (стохастическим) характером функционирования реального сектора экономики.

Нельзя также не учитывать наличия в плановой системе (действовавшей на основе методологии межотраслевого баланса) подсистемы программно-целевого планирования и управления (действующей на принципах управления проектами), обеспечившей все советские достижения — начиная с ГОЭЛРО, атомного проекта, космоса и до Олимпиады-80, где «нам нужна одна — Победа, Одна на всех — мы за ценой не постоим!»

Принципы деятельности Госплана содержатся в Методических указаниях к составлению государственного плана развития народного хозяйства СССР [2]. О практике реализации этих принципов рассказал Э. Б. Ершов¹, заметивший, что Госплан работал как заводоуправление. По его мнению, «реальное воздействие Госплана <...> проявлялось через капитальные вложения <...>. Через них можно было воздействовать на распределение ресурсов. Все остальное перераспределял не Госплан, а Госснаб. Вот там уже работал советский, другой рынок, где влияли не деньги, а связи, постановления <...> и т.д.» [4]. Ершов разъясняет: «Рубли капитальных вложений <...> различались по материалоемкости <...> и ведущим группам материальных ресурсов <...>, т. е. рубль капитальных вложений, идущий в сельское хозяйство, был для экономики в разы дешевле, чем рубль <...>, идущий в добывающие отрасли, в машиностроение <...>. Поэтому за этой борьбой за лимиты капитальных вложений скрывалась борьба за реальные ресурсы» [4]. Такая методика опиралась на так называемый миллионник, то есть базу данных о расходе основных материальных ресурсов на 1 млн стоимости строительства по отраслям, подотраслям, назначению объектов. Рассчитывался «миллионник» специальным сектором НИИ экономики строительства Госстроя СССР на основе усреднения спецификаций к реальным проектам.

¹ Ершов Эмиль Борисович с 1973 по 1986 г. заместитель директора ЦЭМИ АН СССР, с 1986 по 1989 г. заместитель директора Института прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР.

Иллюстрация 1 из собственной практики автора. Начиная с 1970-х гг. примерно в феврале большую шашлычную на Садовой в Ленинграде заполняли серьезные немолодые люди с большими папкам в руках, съезжавшиеся со всего Северо-Западного региона СССР. Из Эстонии обычно приезжали специалисты, ведавшие обеспечением строительной отрасли республики металлопрокатом и трубами. Основную массу участников встречи в шашлычной, естественно, составляли ленинградцы. Так происходила латентная корректировка обеспечения капитального строительства. Шел обмен правами на получение «всего железного» (нарядами, фондами и т. п.) напрямую от металлургических и трубных заводов.

Несовпадение фондов с реальной потребностью было результатом параллельной работы Госплана (годовые лимиты капитальных вложений) и Госснаба (годовая программа поставок ресурсов). Формально материальные потоки составлялись на основе заявок (со спецификациями по типам и сорта размерам) конечных потребителей, теоретически разрабатываемых на основе чертежей и смет объектов под согласованные строителями и заказчиками титульные списки строек. Но этот поток информации не увязывался с «защитой» организациями фондов в отраслевых министерствах, где учитывался не только «миллионник», но и ожидаемые остатки ресурсов и база прошлого периода. Работа по трем направлениям шла одновременно: подача специфицированных заявок на ресурсы — распределение фондов — лимиты капитальных вложений. Первые два потока обрабатывал Госснаб. Третий — Госплан.

Иллюстрация 2 из собственной практики автора. Узвзка пообъектных инвестиций и плановых заданий строительным организациям на основе согласованных (или не согласованных) «титульных списков» между заказчиками и строителями завершалась обсуждением разногласий в кабинете заместителя председателя Госплана, опытного строителя, милейшего человека, Леонида Алексеевича Бибина, за несколько недель (а то и дней) до начала планового года. Планирование поставок ресурсов было уже завершено. Все участники трех плановых процессов понимали их несогласованность. Но ритуал соблюдался неукоснительно. Шло «научно обоснованное государственное планирование».

Черный рынок

Отдельная тема (и второй урок) — планирование обеспечения ресурсами индивидуального жилищного строительства, игравшего немалую роль в исполнении жилищной программы. Толь-

ко по РСФСР, например, с 1976 по 1980 г. введенная площадь индивидуальных домов составила 21,9 млн кв. м, или 7,2% от общего ввода жилья. В 1981–1986 гг., соответственно 19,2 млн кв. м, или 6,2 % общего ввода жилых площадей [3, с. 204]. В меньшем соотношении, но некоторое количество строительных материалов на эти цели планировалось. Однако совершенно не планировался получивший огромный размах как раз в эти две пятилетки объем дачного строительства. «Двудомность» (квартира + дача) стала нормой жилищных условий горожан по всей стране, и распространялась она на все слои общества.

Как-то, отстаивая необходимость увеличения выделения фондов на металл и цемент для нормального обеспечения розничного рынка сборными железобетонными элементами (панелями перекрытий, перемычками, элементами фундаментов и т. п., что вообще не бралось в расчет), я в сердцах бросил: «Такое впечатление, что Госплан планирует специально деятельность черного рынка».

То же можно было сказать о существовавшей в реальной жизни армии «толкачей», без которых инвестиционный комплекс просто бы остановился. Снабженцы-толкачи не только хорошо знали людей в службах сбыта предприятий-поставщиков, но знали также цеховой управленческий персонал и понимали, когда надо оказаться на территории металлургических и трубных предприятий, например, потому что на следующей неделе пойдут «катанные» или «бесшовные» трубы и т. п. Знали они, что в третью неделю на другом металлургическом комбинате «катают» тонкий лист и с вагонами там «напряженка». Кроме «толкачей» в отделе сбыта предприятий-изготовителей навевывались инструктора разного уровня партийных комитетов, в руках у которых были пачки телеграмм с красным верхом и словом «правительственная», полученных от ЦК компартий республик и обкомов с требованиями срочной отгрузки куда-нибудь чего-нибудь (в рамках фондов, естественно).

Разговоры о том, что существовавшая в последние советские годы модель согласования интересов поставщиков и потребителей ресурсов оказалась неэффективной из-за растущей размерности системы, а при нынешних способах обработки информации модель сработала бы — нельзя считать серьезными. Хороший снабженец знал, какая номенклатура материалов по типоразмерам должна у него быть на складе и сильно бы удивился, если ему бы объяснили, что он интуитивно использует экономико-математические модели расчета запасов для вероятностного (детерминированного) спроса. Снабженцы-практики понимали то, чего — получается — не понимали методологи плановой системы: невозможно «встык» увязать производство матери-

альных ресурсов и их потребление без образования запасов. Они должны быть или у производителя (что нерентабельно), или у потребителя (что затратно для экономики), либо у торгового посредника (что было бы абсолютно разумно в советской системе). А в результате, по мере усложнения экономики, оборотные средства в товароматериальных запасах строительной отрасли росли чудовищными темпами. Если на конец 1970 г. в целом по СССР в стоимостном выражении они составляли объем в 10 688 млн рублей, то на конец 1985 г. — 81 230 млн рублей [3].

Не многим отличалось от обеспечения материалами рынка жилья ресурсное обеспечение колхозов. В уже цитированном интервью с Э.Б. Ершовым говорилось: «Академик Т. Заславская с сотрудниками выяснили, что чуть ли ни 50 % материальных ресурсов, которые получали колхозы, выменивалась ими за свою продукцию» [4]. Хотя Госплан, конечно, не планировал специально латентный институт бартера. Одну из причин такого положения Ершов видел в том, что «типичными сотрудниками Госплана <...> в подотделах и отделах <...> в основном были люди, приходившие из производственной сферы, бывшие заводчане <...>. Естественно, что такие специалисты не обладали системным взглядом на экономику в целом» [4].

И последний урок Госплана. Технический и технологический прогресс обеспечивался в прорывных государственной важности направлениях, планирование которых (как выше отмечено) велось по методологии управления проектами. Но отраслевое развитие новых технологий практически не шло (хотя утверждались пятилетние и годовые планы новой техники).

Иллюстрация 3 из собственной практики автора. У Довлатова в одном из рассказов герой ищет в таллинском универмаге длинную молнию для куртки, спрашивая продавца — где ближайший магазин с такими молниями. Продавец отвечает — ближе всего в Хельсинки. На моей памяти 15 лет в планах новой техники Минстроя СССР были сборно-разборные трубчатые леса, которые все эти годы собирались и разбирались совсем недалеко от здания эстонского Министерства строительства — примерно за 60 км, в Финляндии. Плановая система ликвидировалась до выполнения этого пункта, переходившего из пятилетки в пятилетку (миллионник не предусматривал труб для этой цели).

Еще пример из того же ряда. Необходимая для балансировки ресурсов нормативная база превратилась в прокрустово ложе для проектировщиков и архитекторов. В Берлине, возле Александерплац, до сих пор стоят интересные по архитектурным решениям панельные дома с галереями I этажа по периметру, образованными сборными

панелями-арками. У этих же домов похожие на средневековые щепцы — треугольные завершения торцевых стен.

Архитекторы Таллина вместе с зампредом Совета министров Эстонии специально ездили в Берлин, чтобы узнать: кто сделал нестандартные формы для производства панелей? Оказалось — специализированный днепропетровский завод (который изготавливал формооснастку для всех ДСК). О формах для домов на Александр-платц договорились Хонеккер с Брежневым, а их аппараты контролировали исполнение.

Госплан умер, но планирование требуется

Сегодня в странах постсоветского пространства нарастает необходимость планирования (которое — по данным академика Аганбегяна — успешно действует в разных формах в 39 странах). Этого требует (как показывает опыт Эстонии) усложнение структуры общества в связи с цифровизацией, искусственным интеллектом и роботизацией постиндустриальной экономики.

Требуются институты, способные исследовать модификации социальных процессов в быстро меняющихся условиях экономики услуг. Практика, например, показала, насколько были наивны жюльверновского типа предсказания об ожидаемом росте «лишних рук» на рынке труда и насколько прав оказался член-корреспондент РАН Ростислав Капелюшников, утверждавший, что число рабочих мест, наоборот, растёт. Но и он не понял, что эти новые места малооплачиваемы. И проблема постиндустриального общества не в безработице, а в падении покупательной способности стремительно беднеющей и в то же время растущей численно части работающего населения. Меняется структура общества. Исчезает средний класс (синие и белые воротнички, офисный планктон и т.д.). Вместо гомогенного среднего класса возникает слой креативного высокооплачиваемого меньшинства и малооплачиваемого большинства (вроде французских «желтых жилетов»). Отсюда идеи базового дохода. Или vs идея увеличения доли общественных фондов потребления.

Принципиально меняется структура городов, требуется новый взгляд на судьбу «спальных районов» (до сих пор развиваемых из-за непонимания новой урбанистики) [1].

Требуется плановое управление рынками труда в условиях их полного межгосударственного открытия.

Все это задачи развития человеческого капитала, который становится главным ресурсом постиндустриальной экономики знаний. Оче-

видно, что современное планирование в условиях усложнения структуры общества и модификации характера рынка труда должно состоять, во-первых, в целеполагании (в привязке к срокам) и, во-вторых, в планировании пожизненного обучения (переобучения) в увязке с прогнозом потребности в знаниях. Возможно, на основе методологии индикативного планирования или сценарной методологии. При этом сохраняется необходимость в проектном управлении для решения крупных государственных задач. Необходимы методы «игры в долгую» на государственном уровне. То есть умение формулировать долговременные цели и определения, пошаговое движение к ним.

■ Список литературы

1. *Вайнгорт В.Л.* Новое культурное зонирование городской среды в Эстонии вследствие трансформации структуры постиндустриального общества // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 1. С. 170–195.
2. Методические указания к составлению государственного плана развития народного хозяйства СССР. М.: Экономика, 1969. С. 781.
3. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. С. 592.
4. Три интервью с Э. Б. Ершовым (февраль-март 1999 г.) / Частный сайт Григория Сапова [Электронный ресурс] // URL: <http://www.sarov.ru/staroe/si06.html> (дата обращения: 10.05.2021).

А.Е. Варшавский¹

A.E. Varshavsky²

НЕОБХОДИМОСТЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ИНДИКАТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ — ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА РАЗРАБОТКИ КОМПЛЕКСНОЙ ПРОГРАММЫ НАУЧНО- ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

The Necessity of Restoring the System of Indicative Planning — Using the Experience of Developing the Complex Program of Scientific and Technological Progress

В статье кратко, на основе опубликованных ранее автором работ, рассказывается об опыте разработки Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий (КП НТП), которая была исходным индикативным, предплановым документом, содержала прогноз и обоснование направлений развития науки, техники и технологии, их влияния на социально-экономические процессы, а также предложения о комплексе целевых научно-технических программ и мероприятий. Рассмотрены вопросы, связанные с организацией работ, принципом подбора руководящих специалистов, методологией разработки, согласованием научно-технических и социально-экономических аспектов развития, подготовкой отраслевых прогнозов. Отмечается, что подобные работы индикативного характера проводятся и в развитых странах и что для выполнения столь масштабных работ необходимо создание сетевой структуры, объединяющей ведущих специали-

The article briefly, using published earlier papers by the author describes the experience of developing the Complex Program of Scientific and Technological progress and its socio-economic consequences (CP STP), which was the initial indicative, pre-planned document, contained a forecast and justification of the directions of science, technology and technology development and their impact on socio-economic processes, as well as proposals for a set of targeted scientific and technical programs and activities. The issues related to the organization of work, the principle of selection of senior specialists, the methodology of development, coordination of scientific, technical and socio-economic aspects of development, preparation of industry forecasts are considered. It is noted that such works of an indicative nature are also carried out in developed countries and that to perform such large-scale work, it is necessary to create a network structure that unites the country's leading specialists under the direction of some council, which could

¹ Варшавский Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель лаборатории, Центральный экономико-математический институт, Российская академия наук.

² Alexander E. Varshavsky, Doctor of Ec. Sc., Candidate of Techn. Sc., Professor, Head of the Laboratory, Chief Researcher at the Central Economics and Mathematics Institute (CEMI) of the Russian Academy of Sciences.

стов страны и подчиняющейся некоторому органу, которым мог бы быть Научный совет по прогнозированию при РАН.

Ключевые слова: комплексная программа, научно-технический прогресс, социально-экономические, индикативный.

be the Scientific Council for Forecasting at the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Complex program, scientific and technological progress, socio-economic, indicative.

Начало разработки КП НТП

Почти 50 лет тому назад, за 20 лет до начала перестройки в 1972 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О разработке долгосрочного перспективного и пятилетнего (на 1976—1980 гг.) планов развития народного хозяйства СССР. В соответствии с ним АН СССР и ГКНТ СССР с привлечением АН наук союзных республик, ВАСХНИЛ, академий педагогических и медицинских наук СССР, Госстроя СССР, отраслевых НИИ было поручено разработать к декабрю 1972 г. и представить в СовМин СССР в Госплан СССР Комплексную программу научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий (КП НТП) на 15 лет (1976—1990 гг.).

Затем Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» было установлено, что КП НТП будет разрабатываться на 20 лет (по пятилетиям) и представляться в Совет Министров СССР и Госплан СССР не позднее, чем за два года до очередной пятилетки, причем каждые 5 лет в КП НТП вносятся необходимые дополнения и уточнения, и она составляется на новое пятилетие.

Разработка КП НТП обеспечила расширение горизонта планирования с учетом ожидаемых достижений научно-технического прогресса (НТП). Исходя из социально-экономических задач и результатов КП НТП, разрабатывался Госпланом СССР проект основных направлений экономического и социального развития на 10 лет. КП НТП была государственным индикативным документом — ориентиром будущего развития и содержала формулировку основных проблем, решаемых с помощью целевых научно-технических программ.

Почему об этом очень важно говорить? Потому что сейчас имеет место ориентация на быстрое получение прибыли и отсутствует ответственность перед будущими поколениями. А как раз долгосрочный прогноз КП НТП давала. Естественно, можно сравнивать Россию с Японией, указывая на быстрое развитие последней после войны, но не надо забывать, что у Японии был американский план Доджа, который помогал ей развиваться после 1945 г. Корею и Тайвань американцев подтягивали для того, чтобы они стали конкурентами Японии. Китай поднялся не только благодаря своему планированию, а благодаря жадности капиталистов наиболее развитых стран, которые погнались за дешевизной труда в Китае. А нам надо надеяться на себя. Поэтому особенно важно смотреть, что будет впереди.

В создании КП НТП принимали участие ученые и специалисты из всех областей науки и техники. В ней рассматривались не только перспективы развития отдельных технологий, производств и отраслей, но также проводилась оценка социально-экономических последствий НТП. Большое внимание уделялось развитию человеческого капитала (развитие науки, образования, здравоохранения), проблемам природопользования и охраны окружающей среды [1—4].

Организация работ по КП НТП

Какова была организация работ? Здесь не было эффективных менеджеров, здесь не было неспециалистов или специалистов только в экономике, а для руководства и координации работ по КП НТП был создан Научный совет по проблемам научно-технического и социально-экономического прогнозирования (1976 г.) при Президиуме АН СССР и ГКНТ СССР. Его возглавил виднейший советский ученый в области радиотехники и электроники, первый вице-президент АН СССР В.А. Котельников. На разных этапах к работе над КП НТП подключались президенты Академии наук СССР — вначале академик М.В. Келдыш, а впоследствии — академик А.П. Александров. Центральную роль в разработке КП НТП играл академик А.И. Анчишкин.

Сводные и проблемные комиссии возглавляли ученые с мировыми именами: академики В.А. Котельников (сводный раздел «Основные направления развития науки» и проблемный раздел «Развитие фундаментальных исследований»), А.П. Александров (проблемный раздел «Топливо-энергетический комплекс»), В.А. Кириллин (сводный раздел «Основные направления научно-технического прогресса в народном хозяйстве»), Б.Е. Патон (проблемный раздел «Черная

металлургия»), А.И. Целиков (проблемный раздел «Машиностроительный комплекс») и другие, являвшиеся гордостью отечественной науки. Это не были эффективные менеджеры, это были ведущие специалисты мирового уровня в соответствующих областях.

Всего были разработаны четыре КП НТП

Методология разработки КП НТП

Методология прогнозирования научно-технологического и социально-экономического развития предполагала выявление взаимосвязей между научно-техническими, экономическими и социальными показателями, широкое использование экономико-математических методов и моделей. Методические принципы разработки КП НТП были подготовлены коллективом ученых и специалистов под руководством академика А.И. Анчишкина. В соответствии с ними выделялись пять важнейших задач:

- ❑ определение основных перспектив развития научного потенциала страны, в том числе обоснование приоритетов главных направлений научных исследований и прогноз формирования и распределения ресурсов науки;
- ❑ обоснование распределения ресурсов производства по направлениям технического прогресса исходя из целей социально-экономического развития страны и системы приоритетов, направлений и масштабов внедрения важнейших достижений науки, техники и технологии в отраслях народного хозяйства;
- ❑ прогнозы удельных технико-экономических показателей для оценки влияния сдвигов в технологической структуре на эффективность и структуру производства;
- ❑ обоснование рекомендаций по совершенствованию хозяйственного механизма и организационной структуры народного хозяйства, позволяющим создать более благоприятные условия для проведения единой технологической политики;
- ❑ разработка первоочередных мероприятий, включение которых в пятилетний план также является одним из важнейших условий проведения долгосрочной политики в области развития науки и техники.

Эти задачи в большой степени определяли главную методологическую проблему КП НТП — согласование научно-технических и социально-экономических аспектов развития общества [5, 6].

Большое внимание уделялось отраслевым прогнозам. Методические принципы разработки отраслевых разделов КП НТП были

основаны на выделении, как минимум, трех уровней прогнозирования: а) отрасль в целом; б) укрупненные технологии, виды продукции и услуг; в) отдельные технологические процессы, модели изделий и частные виды услуг. Исходной основой для реализации многоуровневого подхода был перечень технологических процессов, видов продукции и услуг и их технико-экономических показателей. Этот перечень был подготовлен в ЦЭМИ АН СССР с участием специалистов и ученых из отраслей экономики как на основе ретроспективного анализа развития соответствующих отраслей, производств и технологий, так и с учетом тех изменений, которые подготавливались в то время и ожидалось в будущем. В перечне по каждой отрасли народного хозяйства были приведены укрупненные технологии и виды продукции, по которым, в свою очередь, были определены важнейшие частные технологические процессы, продукты и виды услуг, а также соответствующие экономические, технико-экономические и технические показатели.

В дальнейшем в 1985 г. на базе этих методических указаний были подготовлены Методические рекомендации по разработке уточнения Комплексной программы научно-технического прогресса СССР на 1991—2010 гг., которые определяли ее задачи, структуру, исходные принципы, порядок и организацию разработки, а также основные требования к организации ее разделов (ответственные исполнители — академик А.И. Анчишкин, А.Е. Варшавский).

Принципы разработки КП НТП

Комплексный характер разработки научно-технических и социально-экономических прогнозов, единство применяемых в КП НТП методов и моделей обусловили необходимость использования следующих основополагающих принципов, предложенных академиком А.И. Анчишкиным:

- ❑ системность прогнозирования — народное хозяйство рассматривалось как единый объект и одновременно как система, состоящая из блоков;
- ❑ принцип адекватности — создание практически реализуемых экономико-математических моделей, правильно описывающих происходящие в экономике процессы;
- ❑ принцип альтернативности — в КП НТП должно разрабатываться несколько вариантов будущего развития, т.е. оптимальный, средний, пессимистический и ряд других.

Эти принципы реализовывались в КП НТП с помощью двух подходов:

- генетического (основан на информации о развитии в предшествующий программе период и предполагает использование эконометрических моделей и экспертных методов);
- и нормативного (предполагающего использование «дерева целей» социально-экономического развития и последующую разработку прогнозов ресурсного обеспечения).

КП НТП была основана на согласовании этих подходов. Это хочется особенно подчеркнуть для тех, кто пытается создавать стратегии будущего развития — тем, кто раньше разрабатывал КП НТП и был связан с системой планирования, ясно, что сейчас многое упускается и упрощается.

Структура КП НТП

Структура КП НТП предполагала разработку сводного документа на основе оценки социально-экономических, региональных и международных аспектов ожидаемого развития страны исходя из перспектив, обеспечиваемых НТП. Так, в 3-й КП НТП были подготовлены:

- сводный документ;
- 5 сводных отдельных разделов по основным направлениям развития науки, НТП, важнейшим проблемам социально-экономического развития, региональным и международным проблемам;
- 50 отдельных разделов, в том числе:
 - 8 разделов по направлению «наука»,
 - 17 — по направлению «технический прогресс»,
 - 7 — по направлению «экономика»,
 - 15 региональных разделов,
 - 3 международных раздела.

Центральным звеном КП НТП были прогнозы развития науки и направлений технологического прогресса в отраслях народного хозяйства. В частности, в рамках третьей КП НТП в 1983 г. был завершен прогноз развития фундаментальной науки на основе проведенного при подготовке раздела «Развитие фундаментальных исследований» масштабного опроса экспертов — более 100 членов АН СССР. Вице-президент АН СССР академик В.А. Котельников, председатель комиссии Научного совета по проблемам научно-технического и социально-экономического прогнозирования АН СССР и ГКНТ «Развитие фундаментальных исследований» (заместителем председателя комиссии по научно-организационной работе был заведующий лабораторией ЦЭМИ А.Е. Варшавский), часто с удовольствием вспоминал, что подготовленный в 1983 г. прогноз разви-

тия фундаментальной науки во многом оправдался — в нем, например, впервые говорилось о возможности получения результатов в области высокотемпературной сверхпроводимости. Автору было поручено проводить опрос экспертов (сейчас это называется форсайтом). И чтобы уровень этого форсайта почувствовать, необходимо сказать, какие у нас были эксперты. В состав группы экспертов по выбору важнейших направлений научных исследований входили всемирно известные ученые: лауреаты Нобелевской премии В.Л. Гинзбург и П.А. Черенков, академики М.М. Дубинин (физик и химик, Герой Социалистического Труда), Н.Н. Исанин (конструктор надводных и подводных кораблей многих типов, дважды Герой Социалистического Труда), Л.С. Понтрягин (один из крупнейших математиков XX века, Герой Социалистического Труда), Е.И. Чазов (кардиолог, министр здравоохранения СССР в 1987—1990 гг., Герой Социалистического Труда), В.Н. Челомей (конструктор ракетно-космической техники, дважды Герой Социалистического Труда), В.А. Энгельгардт (один из основоположников молекулярной биологии в СССР, Герой Социалистического Труда), А.С. Яковлев (советский авиаконструктор, дважды Герой Социалистического Труда). О серьезности этой работы говорит и состав комиссии: председатель комиссии — вице-президент академик В.А. Котельников, члены комиссии — нобелевские лауреаты академики В.Л. Гинзбург и А.М. Прохоров, академики Н.Н. Боголюбов, Л.М. Бреховских, Н.М. Жаворонков, М.А. Марков и др. Высочайший уровень экспертов подчеркивает ту серьезность, с которой относились и руководящие органы, и правительство к созданию научно обоснованных документов, дающих представление о возможных направлениях будущего развития.

Определяемые в первом разделе перспективы развития науки были исходным материалом для разработки раздела, посвященного прогнозированию технического прогресса в отраслях народного хозяйства, который, в свою очередь, базировался также на отраслевых прогнозах научно-технологического и социально-экономического развития.

Перспективы развития отраслей народного хозяйства анализировались в разделе, в котором обосновывались основные направления развития народнохозяйственных комплексов и народного хозяйства в целом. Прогнозы, разрабатываемые в этом разделе программы, различались не только уровнями агрегирования, но и аспектами развития народного хозяйства. В соответствии с делением по уровням разрабатывались макроэкономический, межотраслевой и межрегиональный прогнозы, прогнозы развития комплексов и крупных отраслей народного хозяйства, а также прогнозы регионов. Различные аспекты развития отражались в прогнозах уровня жизни населения, воспроизвод-

ства основных фондов и капитальных вложений, воспроизводства трудовых ресурсов, занятости и подготовки кадров, социально-экономических предпосылок и последствий НТП, экономического использования природных ресурсов, финансовой политики, внешне-экономических связей. Все эти прогнозы взаимно согласовывались.

Наиболее сложным этапом работы над этим разделом было согласование научно-технологического и социально-экономического аспектов развития с помощью, специально разработанной системы показателей, которые характеризовали предполагаемые социальные и экономические результаты, а также основные направления развития науки и техники. Процедура согласования была итеративной и предполагала поочередное уточнение результатов научно-технических и социально-экономических прогнозов [7].

Важное место в комплексной программе отводилось также вопросам регионального развития.

Наконец, большое внимание уделялось проблемам международного разделения труда в области науки, техники и технологии.

Основные результаты работы

В КП НТП были осуществлены:

- ❑ обоснование мероприятий, обеспечивающих наиболее эффективное использование научно-технических достижений в перспективном периоде;
- ❑ разработка рекомендаций по распределению и перераспределению трудовых, материальных и финансовых ресурсов по направлениям научно-технического развития; по объему и структуре затрат на развитие науки и образования; по совершенствованию хозяйственного механизма, организации и управления с целью ускорения НТП в избранных приоритетных направлениях.

Таким образом, являясь исходным индикативным, предплановым документом, КП НТП содержала прогноз и обоснование направлений развития науки, техники и технологии, и их влияния на социально-экономические процессы, а также предложения о комплексе целевых научно-технических программ и мероприятий, которые должны быть учтены при разработке основных направлений развития народного хозяйства на десятилетнюю перспективу и пятилетних планов, см. подробнее в [4, с. 10—12].

Аналоги за рубежом

Следует отметить, что подобные работы индикативного характера проводятся и в развитых странах. Так, во французской

системе планирования около 3 тыс. человек, распределенных по примерно 300 рабочих группам, сотрудничают в комитетах, занимающихся отдельными секторами экономики [8]. В США также понимается необходимость индикативного планирования. Как отмечал в 2013 г. Д. Хескетт (Гарвардская школа бизнеса), концепции долгосрочного стратегического планирования будут по-прежнему оставаться неотъемлемой частью управления, учитывающего особенности развития отраслей, характера конкуренции, скорости изменения внешней среды. При этом он подчеркивал, что серьезной является проблема подготовки соответствующих управленческих кадров [9].

Исполнители разработки КП НТП

В СССР в работе над КП НТП принимали участие примерно 2 тыс. ученых, специалистов и практиков, которые представляли более 500 научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций [4]. Очевидно, подобную работу нельзя выполнить силами двух-трех приправительственных вузов и, тем более, одного центра.

Практика последних лет показывает, что для выполнения столь масштабных работ необходимо создание сетевой структуры, объединяющей ведущих специалистов страны и подчиняющейся некоторому органу. Это мог бы быть Научный совет по прогнозированию при РАН в составе крупных ученых России, на который были бы возложены функции объединения многочисленных, различной численности коллективов исполнителей, их научного и методического руководства, а также финансирования.

■ Список литературы

1. *Котельников В.А.* Проблемы перспективного планирования научно-технического прогресса // Плановое хозяйство. 1979. № 7. С. 44—49.
2. *Фальцман В.К.* Комплексная программа научно-технического прогресса: достижения, уроки и перспективы. В сб.: А.И. Анчишкин о развитии науки, технологии и техники. Очерки о жизни и научной деятельности академика А.И. Анчишкина. М.: ИНФРА-М, 2013.
3. *Варшавский А.Е.* Комплексная программа научно-технического прогресса. Международная монография «Управление науч-

- но-технического развитием в условиях социализма». М.: Прогресс, 1982. Гл. 2. С. 100—127.
4. *Варшавский А.Е., Яркин А.П.* Ведущая роль ЦЭМИ АН СССР в организации, управлении и разработке комплексных программ научно-технического прогресса // Экономика и математические методы. 2018. Т. 54. № 3. С. 68—89.
 5. *Анчишкин А.И.* Научно-технический прогресс и интенсификация производства // Известия АН СССР. Серия: Экономическая. 1981. № 2. С. 18—28.
 6. *Анчишкин А.И.* Наука, техника, экономика. М.: Экономика, 1986.
 7. *Анчишкин А.И.* Методология прогнозирования развития народного хозяйства // Вопросы экономики. 1980. № 1. С. 15—26.
 8. Long-Range Planning. https://en.wikipedia.org/wiki/Long_range_planning.
 9. *Heskett J.* (2013). How Can Strategic Planning Be Adapted to Changing Needs? Harvard Business School. 4 Sep. <http://hbswk.hbs.edu/item/how-relevant-is-long-range-strategic-planning>.
 10. *Варшавский А.Е.* Методические проблемы разработки отраслевых научно-технических прогнозов // Известия АН СССР. Серия: Экономическая. 1982. № 2. С. 41—50.
 11. *Варшавский А.Е. А.И. Анчишкин о развитии науки, технологии и техники (К 80-летию академика А.И. Анчишкина) // Концепции. 2013. №1 (30). С. 56—72.*
 12. *Варшавский А.Е., Яркин А.П.* О долгосрочных программах научно-технического и социально-экономического развития. Опыт разработки Комплексных программ научно-технического прогресса. Глава 15. «Экономические проблемы развития революционных технологий: нанотехнологии»; В.Л. Макаров, А.Е. Варшавский (рук. авт. коллектива). М.: Наука, 2012. С. 379—395.

М.И. Воейков¹

M.I. Voeikov²

ПЛАН И РЫНОК 100 ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ³

Plan and Market 100 Years Ago and Current Days

В статье рассматриваются проблемы совмещения плана и рынка в России на протяжении 100 лет. Показывается, что в 1920-е гг. было оптимальное сочетание плана и рынка и советская экономика успешно развивалась и выдержала испытание Великой Отечественной войны. Была создана плановая система, которая обеспечила успешное проведение индустриализации, развитие в стране науки, техники, культуры и достаточный уровень благосостояния людей. Однако сворачивание рыночных начал в 1960-е гг. повело к затуханию экономического роста. Либеральные реформы начала 1990-х гг., которые означали отмену системы народнохозяйственного планирования, повели вообще к прекращению экономического роста. Таким образом, для современной экономики требуется оптимальное сочетание плана и рынка.

Ключевые слова: плановая система, рыночные отношения, индустриализация, советская экономическая модель, цифровая экономика.

The article deals with the problems of combining the plan and the market in Russia for over 100 years. It is shown that in the 1920s there was an optimal combination of plan and market, and the Soviet economy developed successfully and withstood the test of the Great Patriotic War. A planning system was created that ensured the successful implementation of industrialization, the development of science, technology, culture in the country and an adequate level of people's well-being. However, the curtailment of market principles in the 1960s led to the attenuation of economic growth. The liberal reforms of the early 1990s meant the abolition of the system of national economic planning, led to a general cessation of economic growth. Thus, a modern economy requires an optimal combination of plan and market.

Keywords: planned system, market relations, industrialization, Soviet economic model, digital economy.

Вспоминая сегодня 100-летие НЭПа и Госплана, можно сделать ряд выводов. Известно, что НЭП и Госплан были созданы в один год — 1921. Это два противоречивых начала (рынок и план), которые большевики 1920-х гг. сумели органично сочетать. По большому

¹ Воейков Михаил Илларионович, доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором политической экономии, Институт экономики Российской академии наук.

² Mikhail I. Voeikov, Doctor of Econ. Sc., Professor, Head of the Sector at Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

³ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. №3 (69). С. 38–45.

счету НЭП не был теоретической платформой большевиков, В.И. Ленин на целый год оттянул принятие НЭПа. А вот единый народно-хозяйственный план естественным образом составлял ядро концепции социализма. Но переходить к социализму сразу после гражданской войны было невозможно ввиду миллионов частных крестьянских хозяйств, которые требовали нормального рыночного обмена. Таким образом, нужно было сочетать и рынок и план.

Однако суть советской экономической системы состоит именно в плановом хозяйстве. Именно плановая система позволила Советскому Союзу осуществить в 1930-х гг. индустриализацию, создавшую мощную промышленную базу для обеспечения Красной армии всем необходимым (оружие, боеприпасы, транспортные средства и т.д.). Плановая система способствовала четкой и организованной эвакуации промышленных предприятий из западных и центральных районов страны на Урал и дальше, что заложило основу для восстановления промышленного потенциала, достаточного для обеспечения победы.

Большевики вплоть до середины 1930-х гг. советскую хозяйственную систему рассматривали в качестве государственного капитализма. То есть совмещение товарного производства и рыночных отношений с социалистическими ценностями большевики воспринимали как враждебные начала экономического развития, но для тех условий как объективно необходимые. Это, например, хорошо видно на примере двух регуляторов Е.А. Преображенского. Так, центральная категория Преображенского «закон первоначального социалистического накопления» есть по сути дела необходимость мобилизации ресурсов на определенные цели экономического развития, прежде всего на индустриализацию. Этот закон, по мнению Преображенского, является «центральной пружиной всего советского государственного хозяйства». И вот его формулировка: закон первоначального социалистического накопления определяет «в борьбе с законом ценности, и распределение средств производства и распределение рабочих сил, и размеры отчуждения прибавочного продукта страны для расширенного социалистического воспроизводства» [12, с. 107]. Таким образом, в советском хозяйстве действуют два закона, которые находятся в состоянии борьбы.

Главная проблема тогда заключалась в оптимальном сочетании рынка с государственным регулированием экономики, т. е. с народнохозяйственным планированием. Позднее в советской экономической литературе закон первоначального накопления Преображенского стали называть законом планомерного развития (даже сам Преображенский иногда писал «плановое начало»), а проблему, на которую указал Преображенский, — проблемой сочетания плана и рынка.

Надо сказать, что эти два начала (рынок и план) уже в 1960-е гг. разрабатывал советский политэконом Я.А. Кронрод в теории о двух формах связи. Вот наиболее емкая его цитата по этому вопросу: «Прямая безэквивалентная экономическая связь при социализме является господствующей, но не единственной; в сочетании с ней как дополнительная выступает косвенная, товарная, эквивалентная форма экономической связи, т. е. форма движения экономических отношений, связанная с товарно-стоимостным опосредованием этого движения. Ее содержание и место определяется тем, что социалистическое производство необходимо представляет собой особый род товарного производства» [8, с. 387]. Однако между Кронродом, советскими экономистами 1960-х гг. и Преображенским есть некоторая разница. Преображенский рассматривал эти две формы связи или два закона (стоимости и планирования) как естественное условие для переходного периода от капитализма к социализму, Кронрод же полагал, что эти два закона есть объективно необходимый атрибут социалистического общества. Это естественно, ибо в 1960-е гг. никто из советских экономистов не смел усомниться в отсутствии у нас социализма. Только в самых последних работах Я.А. Кронрод писал, что у нас не социализм, а социолитаризм. Сегодня же многие экономисты признают, что социализма в России так и не было.

В СССР в строго научном понимании социализма не было, вопреки мнению некоторых либералов. Либералы почему-то упорно верят словам И.В. Сталина, который первый объявил о построении социализма в нашей стране. Хотя в научной литературе хорошо показано, что социалистического общества у нас так и не было. Вот несколько мнений. Историки пишут: «Как можно признать социалистическим СССР, в котором не было правового государства, никогда не были решены продовольственная и жилищная проблемы, существовало отчуждение работника от средств производства, от участия в управлении хозяйством» [10, с. 24]. Или вот мнение академика Л.И. Абалкина: «Надо ясно представлять себе, что социализма мы не построили и в условиях социалистического общества не жили» [1, с. 22]. Либералы не задумываются над этими вопросами и все валят в одну кучу.

Теория рыночного социализма, которую развивали многие советские экономисты (но далеко не все), пришла на смену теории переходного периода, где доминировали два начала: план и рынок. Эта теория имеет под собой определенные объективные основания. Суть ее можно свести к тому, что по мере обобществления производства чисто рыночные связи уступают место другим по терминологии Кронрода, «непосредственно-плановым». Кроме того, а, может быть, это главное, для модернизации экономически отсталой России была объективно неизбежной очень

существенная роль государства в управлении экономикой. Было необходимо, как говорится, огосударствление экономики. И это огосударствление было не чьей-то ошибкой или гримасой сталинизма, а объективно необходимой мерой осуществления догоняющего развития. Многие страны второго эшелона экономического развития проходили этот этап. И естественно, что в этот период механизм рыночного саморегулирования отодвигался мерами прямого государственного регулирования на задний план или дополнялся «непосредственно-планомерным» регулированием.

Но есть еще и иной аспект этой темы. На мой взгляд, эти две формы связи (рынок и план) отражают потребности не только первоначального этапа становления индустриальной системы в отсталой стране, но и реальности современного экономического мира вообще, и имеют мало связи с социализмом или капитализмом. Если уж говорить с предельной обобщенностью, то наше общество 1960-х гг., скорее всего, должно было в большей мере регулироваться именно рыночной, косвенной связью. Что, собственно говоря, объективно и было. А вот экономически высокоразвитые страны, наоборот, могли иметь и имели в системе своего регулирования большую роль прямой, планомерной связи, чем она была свойственна нам. Приведем в подтверждение этого тезиса лишь одно высказывание заокеанского авторитета, сегодня часто забываемого: «Не социалисты враги рынка, а передовая техника, а также диктуемые ею специализация рабочей силы и производственного процесса и, соответственно, производительность производственного периода и потребности в капитале. В силу этих обстоятельств рыночный механизм начинает отказываться как раз тогда, когда возникает необходимость исключительно высокой надежности, когда существенно необходимым становится планирование» [6, с. 71]. При всем этом можно утверждать, что теория Преображенского о двух началах переходной экономики и кронродовская конструкция двух форм связи хорошо встраивается в современную теорию смешанной экономики.

Жесткое государственное управление экономикой и планирование народного хозяйства — вот основные параметры советской экономической системы. Это была мобилизационная экономика, но иначе в условиях жесткого противостояния двух мировых систем и особенно мировой войны невозможно было сохранить страну и победить врага. При этом плановая система и централизованное управление были основным условием успешного развития науки и военной техники. Можно утверждать, что важнейшим звеном плановой системы и индустриализации в СССР было становление и развитие современной науки, во главе которой стояла Академия наук СССР. Это резко

контрастирует с нынешним положением в стране, когда Академию наук низвели до уровня мелкого подразделения одного из министерств.

Сегодня в стране господствуют рыночные начала при полном отсутствии планирования. Более того, либеральные экономические реформы 1991–1995 гг. нанесли России экономический ущерб, вполне сопоставимый с потерями народного хозяйства от нашествия фашистской Германии и даже сильно превосходящий эти потери. Так, если промышленное производство в 1945 г. сократилось по сравнению с 1940 г. всего лишь на 10%, то в 1995 г. по сравнению с 1990 г. промышленное производство составило 49,7%, т.е. сократилось почти на 50%¹. Тут и напрашивается вопрос: что для экономики России ущербнее: война с фашистской Германией или либеральные экономические реформы, навязанные «Вашингтонским консенсусом» США?

Таким образом, для российской экономики характерно оптимальное сочетание рыночных начал и планового регулирования. Это доказал опыт становления советской экономики, когда в 1920-е гг. СССР продемонстрировал высокие темпы экономического развития. Однако в 1970-е и 1980-е гг. рыночные начала в стране не развивались и темпы развития снизились. В 1990-е гг. плановые начала были административно ликвидированы и развитие экономики прекратилось. Проблема состоит в нахождении оптимального сочетания плана и рынка.

При этом возникает и другой вопрос. Возможно ли, что была иная модель форсированной индустриализации без эксцессов сталинизма? Конечно, индустриализация была объективной необходимостью для страны, и это хорошо понимали многие политические деятели того времени. Здесь надо бы различать период 1920-х гг., когда рыночные начала в экономике сочетались с планированием народного хозяйства, и период с начала 1930-х гг. вплоть до косыгинской реформы 1965 г., когда, по сути, осуществлялась мобилизационная экономика с минимизацией рыночных начал.

Практически более эффективной модели развития в 1920-е гг. в стране не было. Но в эти годы не было форсированной индустриализации. Иное дело, конец 1920-х и начало 1930-х гг., когда создавалась модель мобилизационной экономики. О том, что в России надо проводить индустриализацию и даже ускоренными темпами, признавали почти все руководящие большевики. Расхождения между ними были по вопросу темпов. Так, Наркомфин Г.Я. Сокольников предлагал

¹ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР. 1922-1982. Юбил. стат. ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1982. С. 55; Российский статистический ежегодник. Стат. сб. / Госкомстат России. М.: Логос, 1996. С. 492.

постепенный переход к индустриализации на основе роста благосостояния крестьянства [5]. Ответственный работник Госплана СССР, возражая Сокольникову, писал: «Для нас, работников Госплана, этот "крестплановский" уклон Наркомфина представляется глубоко неправильным и совершенно неприемлемым. Признать вместе с Сокольниковым, что "организованное и плановое" использование сельскохозяйственных ресурсов у нас невозможно, — это равносильно было бы отказу не только от контрольных цифр 1925/26 г., но и от всякой плановой работы в масштабе охвата всего народного хозяйства вообще» [13, с. 157—158]. Победила точка зрения Струмилина, и сталинское окружение выступало за ускоренную индустриализацию, которую и осуществили в начале 1930-х гг.

Главные «пороки» сталинской модели состоят в чрезмерной жесткости проводимой политики, граничащей с преступлениями. Скажем, если бы индустриализацию проводили сторонники Л.Д. Троцкого и «левой оппозиции», жертв и ошибок было бы значительно меньше. К объективным причинам «пороков» сталинской репрессивной модели можно отнести отсталость России в цивилизационном развитии. Это не только грубость и жестокость лично Сталина и его ближайших сподвижников, но общий уровень деловой культуры населения. Чтобы русский мужик, а население в то время было в основном крестьянское, сносно работал на стройке или заводе, он должен был бояться начальника. Материальные стимулы труда были не очень существенными и не имели большого значения, ибо избылиа товаров в магазинах тогда не было и возможности как-то реализовать дополнительный доход были очень ограничены. В то время была хозяйственная, а, следовательно, и политическая диктатура государственной власти. Но надо сказать, что почти все страны второго эшелона экономического развития проходили этап экономической диктатуры. Конечно, форма ее могла быть разной.

К сильным сторонам сталинской модели можно отнести высокую исполнительскую дисциплину. Рядовые работники и хозяйственные руководители боялись ее нарушать. Была создана целая система очень эффективной исполнительной власти. Большую роль при этом играла коммунистическая партия большевиков, которая на всех уровнях быстро и просто, порой очень жестко, решала организационные вопросы. Это была мобилизационная экономика со всеми ее положительными и отрицательными сторонами.

Известно, что экономика СССР в середине 1920-х гг. серьезно отставала от основных индустриальных держав, что создавало угрозу самому существованию СССР. Требовалось не просто увеличить мощности имевшихся в стране сырьевых и промышленных

производств, но преобразовать сам тип экономического развития, сместив центр тяжести экономической политики от традиционного аграрного сектора в индустриальный. Без создания собственного производства машин, станков, тракторов, турбин, двигателей внутреннего сгорания, без повышения агротехнического уровня сельскохозяйственного производства дальнейшее экономическое развитие было просто невозможно.

Индустриализация изменила облик советской экономики. За 1930-е гг. СССР из страны, ввозившей станки и машины, превратился в страну, их производящую. Увеличилась и численность городского населения за это время. Были освоены новые промышленные районы на востоке страны. Возникли целые отрасли индустрии, которых не было в дореволюционной России: авиационная, тракторная, электроэнергетическая, химическая и др. Все это позволило СССР к началу 1940-х гг. превратиться в могучую индустриальную державу, без чего победа в Великой Отечественной войне была бы просто невозможной.

Основное достижение советского периода состоит в том, что Россия из второразрядной страны превратилась во вторую сверхдержаву в мире. Была создана современная индустрия, люди в целом жили вполне благополучно, доступная медицина, бесплатное образование, постепенно решалась жилищная проблема, был расцвет советской культуры, успешно развивалась наука. СССР был вполне respectable и конкурентоспособным социальным государством.

В СССР все люди были более или менее равны, экономическое неравенство было минимальным. Коэффициент Джини был на уровне Скандинавских стран, характерный для социальной экономики, в 1992 г. он равнялся 0,28, а сегодня в России он равен примерно 0,41. Либералы же не любят равенства. Они считают, что равенства не должно быть, ибо, по их мнению, оно не стимулирует рост производительности. Так, Л. Мизес пишет: «В системе неравенства эгоизм побуждает человека экономить и всегда инвестировать свои сбережения так, чтобы наилучшим образом удовлетворять наиболее насущные нужды потребителей. В системе равенства этот мотив исчезает» [11, с. 796]. Сегодня в России неравенство зашкаливает за все разумные пределы. Так, в 2019 г. доля богатства страны, сосредоточенная у 1% наиболее богатых россиян, составила 58,2%. То есть более половины богатства страны принадлежит всего лишь горстке людей, составляющей только 1% населения. В большинстве основных европейских странах концентрация богатства у 1% населения не превышает 30% [2, с. 129]. Итак, неравенство в современной России поражает воображение, а инвестиций как не было, так и нет. Таким образом, как справедливо пишет С.Д. Бодрунов, «Модель

либерального государства — "ночного сторожа" — неадекватна современным, а тем более — завтрашним реалиям» [4, с. 13].

Однако были и провалы советской экономической системы. К неудачам и ошибкам советского периода можно отнести прежде всего неразвитость рыночных начал в экономике, слишком жесткую централизацию управления, отсутствие демократизма и самоуправления на местном уровне. Совершенно необязательно было каждую парикмахерскую создавать как государственную. К сожалению, таких глупостей в советский период было много.

Жесткое государственное управление экономикой и планирование народного хозяйства — вот основные экономические параметры советской экономической системы. Да, это была мобилизационная экономика, но иначе в условиях отсталости невозможно было сохранить страну и выстоять в противостоянии с западными странами. При этом плановая система и централизованное управление были основным условием успешного развития науки и техники.

Говоря еще о плановой системе, нельзя не коснуться очень модной ныне темы — цифровизации экономики. Многие, говоря о цифровизации, имеют ввиду техническое оснащение экономики и экономического управления. Но если говорить более конкретно об этом процессе, то нужно будет признать: цифровая экономика есть плановая экономика. Об этом много говорили наши экономисты еще в 1920-х гг., когда разрывалась система планирования народного хозяйства. Так, Г.М. Крижановский писал, что «зарождается идея контрольных цифр Госплана». Летом 1925 г. Госплан впервые делает попытку построения годового хозяйственного перспективного плана. «Комиссия по контрольным цифрам» становится одной из основных организаций Госплана» [7, с. 425].

Например, В.А. Базаров, будучи ответственным работником Госплана СССР и составляя «контрольные цифры» на 1925/26 г., писал в 1925 г.: «Система контрольных цифр и органически связанная с нею система экономических мероприятий являются планом народного хозяйства» [3, с. 329]. Можно привести мнение и лауреата Нобелевской премии по экономике В. Леонтьева о балансе народного хозяйства из одной его статьи 1925 г.: «Принципиально новым в этом балансе при сравнении его с обычными хозяйственно-статистическими обследованиями, как, например, с американским и английским цензом, является попытка охватить цифрами не только производство, но и распределение общественного продукта» [9, с. 242]. А баланс народного хозяйства — это центральное ядро народнохозяйственного планирования. Таким образом, когда говорят о цифровой экономике, надо думать, что говорят о народнохозяйственном планировании.

■ Список литературы

1. *Абалкин Л.И.* Социализма мы не построили // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор; под ред. М.И. Воейкова. СПб.: Алетейя, 2011.
2. *Анисимова Г.* Обострение социально-экономического неравенства в России // Общество и экономика. 2020. № 9. С. 125–134.
3. *Базаров В.А.* Избранные произведения. Т. 2. М.: Дело РАНХиГС, 2014.
4. *Бодрунов С.Д.* Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд // Экономическое возрождение России. 2019. № 3(61). С. 11–14.
5. *Воейков М.* Логика экономической концепции Г.Я. Сокольниковой // Вопросы экономики. 2008. № 6. С. 141–154.
6. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. С. 71.
7. *Крижановский Г.М.* Избранное. М.: Госполитиздат, 1957.
8. *Кронрод Я.А.* Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. М.: Мысль, 1966.
9. *Леонтьев В.* Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990.
10. *Мерцалов А., Мерцалова Л.* Сталинизм и война. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998.
11. *Мизес Л.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000.
12. *Преображенский Е.А.* Новая экономика (теория и практика), 1922–1928 гг. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2008.
13. *Струмилин С.Г.* Избранные произведения. В 5 т. Т. 2. На плановом фронте. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

А.Е. Городецкий¹

A.E. Gorodetskiy²

СОВЕТСКОЕ МОБИЛИЗАЦИОННО-ЭВАКУАЦИОННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ И ВЫВОДЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ^{3,4}

Soviet Mobilisation and Evacuation Planning During the War Years and Conclusions for Today's World

Освещается роль института государственного планирования в организации и координации общественно-экономических процессов на переломных этапах истории. Обобщен опыт мобилизационно-эвакуационного планирования в предвоенный период, в условиях военной экономики в годы Великой Отечественной войны, а также его роль в восстановлении народного хозяйства в годы первых послевоенных пятилеток. Оценены первые результаты антипандемической и антикризисной политики в 2020–2021 гг. Рассмотрен ряд важных тенденций и черт реформационного поворота, условий и возможностей «постковидного прорыва» и роль в этих процессах государственного стратегического планирования.

Ключевые слова: советское народнохозяйственное планирование, мобилизационная экономика, мобилизационное планирование, эвакуация промышленности на восток, советская экономика в годы войны, третья волна коронавируса, вакцинационная политика, кризисная экономика, восстановление после кризиса, стратегическое планирование, национальные стратегические задачи, государственное управление.

The role of the institution of state planning in the organization and coordination of socio-economic processes at critical stages of history is highlighted. The experience of mobilization and evacuation planning in the pre-war period, in the conditions of the military economy during the Great Patriotic War, as well as its role in the restoration of the national economy in the years of the first post-war five-year plans, is generalized. The first results of the anti-pandemic and anti-crisis policy in 2020–2021 are assessed. A number of important trends and features of the reformation turn, conditions and opportunities for a “post-like breakthrough”, and the role of state strategic planning in these processes are considered.

Keywords: Soviet national economic planning, mobilization economy and mobilization planning, evacuation of Soviet industry to the East, Soviet economy during the war, the third wave of coronavirus, vaccine and vaccine policy, crisis economy, post-crisis recovery, strategic planning, national strategic objectives, public administration.

¹ Городецкий Андрей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития», Институт экономики Российской академии наук.

² Andrey E. Gorodetskiy, Doctor of economics science, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the scientific department “Institutes of Modern Economics and Innovative Development” of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

³ Подготовлено по материалам доклада на конференции «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем» (к 100-летию создания Госплана) (Москва, 25–26 марта 2021 г.).

⁴ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. № 3 (69). С. 53–66.

О советском планировании в критические
и переломные годы
Предвоенный период

Советское народнохозяйственное планирование являлось одним из ключевых институтов государственного, политико-правового, социально-экономического и культурного развития страны. Оно не только обеспечило превращение СССР во вторую сверхдержаву мира, но и сыграло выдающуюся роль в критически важные периоды развития страны. Так, в межвоенный период в исторически сжатые сроки были созданы основы социалистической государственности, принципиально новые производительные силы и производственные отношения, эффективные системы управления, социально-классовая структура, новая социалистическая культура, социально-культурная инфраструктура, более того сформирован новый тип человека и гражданина.

Планирование сыграло выдающуюся роль в обеспечении оборонной мощи страны, в создании самой современной оборонной промышленности (третьего технологического уклада) и формировании мобилизационной инфраструктуры, способной в кратчайшие сроки сформировать условия для функционирования военной экономики в 1930–1940 гг.

Загадки молниеносного эвакуационного
маневра с перемещением промышленности
на восток в первые месяцы 1941 года

В первые месяцы войны самым примечательным событием стало перемещение огромного количества предприятий, организаций, материальных и людских ресурсов из приграничных районов и территорий, находящихся под угрозой захвата, в восточные районы страны. Эта операция была беспрецедентной и воспринималась как чудо среди союзников СССР и в стане его врагов.

В отечественной литературе до сих пор ведется дискуссия о причинах и факторах этого успеха, предопределившего последующий ход войны и окончательную победу Советского Союза. Самое распространенное мнение сводится к тому, что в целом страна оказалась не готова к началу войны, в том числе в силу отсутствия мобилизационных и эвакуационных планов. Успешная и быстрая передислокация промышленности, ресурсов и гражданского населения на восток обычно списывается на величайшее напряжение и оперативные организационные успехи, достигнутые, не считаясь с людскими

и материальными затратами. Такой подход не дает рационального объяснения истоков и причин этого феноменального успеха.

Мобилизационные и эвакуационные планы как органическая часть советского планирования

Вопреки мифам и домыслам послесталинской историографии, либеральной публицистики и диссидентской литературной традиции советские мобилизационная и эвакуационная доктрины разрабатывались с середины 1920-х гг. (А.А. Свечин, М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, А.М. Зайончковский). В них учитывались опыт Российской империи, периода Гражданской войны, зарубежный опыт мобилизационных научных разработок и практики.

Первый эвакуационный план разрабатывался на базе нового Положения о зонах, угрожаемых неприятелем, и сроках их разгрузки и эвакуации, утвержденного СТО 29 апреля 1927 г., и был принят в 1928 г. Он включался в систему экономического планирования, причем это касалось планирования работы народного хозяйства в военное время и непосредственно влияло на разработку перспективных планов развития производительных сил. Сопряжение эвакуационного и перспективного экономического планирования не только закреплялось с помощью нормативных правовых актов, но и обеспечивалось вовлечением всех народнохозяйственных наркоматов и ведомств в работу по составлению эвакуационных планов.

В годы первой и последующих пятилеток эвакуационные планы корректировались и развивались, хотя о последних предвоенных годах информации существенно меньше в связи с усилившимися режимами секретности [2, с. 188–199].

Отметим, что колоссальная роль в научном исследовании и развенчивании расхожих мифов о системе мобилизационно-эвакуационного планирования в СССР накануне войны принадлежит А. А. Мелия [5]. Он убедительно доказал, какой титанический труд в период 1926–1941 гг. был проделан, чтобы страна при всех невероятных трудностях начального периода войны не рассыпалась, не капитулировала, как континентальная Европа, но оказалась готовой к длительной многолетней войне. Войне с противником, обладавшим новейшими вооружениями, победоносным военным опытом, полученным на европейских театрах, консолидировавшим огромный ресурсный, людской, научно-технический и промышленный потенциал поставленной на колени Европы.

Масштабы эвакуации промышленности на восток и ее главные итоги

Война резко изменила задачи советской экономики. Госплан СССР как центральный институт государственного управления и координации оказался на уровне возникших сложнейших задач военной экономики. Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 7 августа 1941 г. № 421 «О порядке размещения эвакуируемых предприятий» на Госплан СССР была возложена задача обеспечения эвакуации и мобилизации промышленности СССР. При размещении эвакуируемых предприятий преимущество было отдано авиационной промышленности, промышленности боеприпасов, вооружения, танков и бронев автомобилей, черной, цветной и специальной металлургии, химии. Была приведена в действие мобилизационно-эвакуационная схема задач, функций, организационных схем производства и логистики, персональной ответственности, инфраструктура которой формировалась с 1928 г. Наркомам предписывалось согласовывать с Госпланом СССР и Советом по эвакуации конечные пункты для вывозимых в тыл предприятий и организацию дублирующих производств.

Уполномоченным ГКО по вопросам выполнения плана производства боеприпасов был назначен Н. А. Вознесенский, а его заместителем — М. З. Сабуров [10].

Особое значение в первые месяцы войны приобрели массовое перебазирование из фронтовых и прифронтовых районов огромного количества ценностей, оборудования и миллионов людей за тысячи километров, в восточные районы страны, и обеспечение в кратчайшие сроки на новом месте выпуска продукции, остро необходимой фронту. По данным ЦСУ СССР, с июля по декабрь 1941 г. из угрожаемых районов было эвакуировано 2593 предприятия, в том числе 1523 крупных предприятия, из которых 1360 (главным образом военных) были эвакуированы в первые три месяца войны. Из Украины было эвакуировано 550 крупных промышленных предприятий, из Белоруссии — 109, Эстонии — 62, Москвы и Московской области — 498, Ленинграда — 92, других районов — 212. Из общего числа эвакуированных крупных предприятий 226 было направлено в Поволжье, 667 — на Урал, 244 — в Западную Сибирь, 78 — в Восточную Сибирь, 308 — в Казахстан и Среднюю Азию. В тыловые районы было вывезено железнодорожным транспортом более 10 млн человек, водным — более 2 млн человек¹.

¹ Цит. по: Новости дня. Эшелоны возмездия. Правдивая история об эвакуации оборудования и производства вглубь России в первые месяцы войны 1941 года. Новости России (expert.ru) <https://expert.ru/expert/2019/18/eshelonyi-vozmездiya/>

За время войны из районов, которым угрожал захват, по железным дорогам проследовало около 1,5 млн вагонов, или 30 тыс. поездов с эвакуированными грузами. Из западных районов было перемещено 2,4 млн голов крупного рогатого скота; 5,1 млн голов овец и коз; 0,2 млн свиней; 0,8 млн лошадей; много сельскохозяйственной техники, зерна и другого продовольствия.

Временная потеря очень важных в экономическом отношении районов и индустриальных центров в первые месяцы войны тяжело отразилась на работе всех отраслей народного хозяйства. Конец 1941 — начало 1942 г. — самый сложный и критический период для советской экономики. Народное хозяйство испытывало острую нехватку рабочей силы, топлива, электроэнергии, сырья, различных материалов. Объем валовой продукции промышленности с июня по декабрь 1941 г. уменьшился в 1,9 раза. Но уже в декабре 1941 г. снижение промышленного производства было приостановлено [1; 8, с. 397]. К середине 1942 г. утраченные мощности военной промышленности удалось не только восстановить, но и увеличить. Советский Союз создал военно-экономическую машину (хозяйство), способную достойно отвечать на вызовы научно-технических инженерных достижений германского рейха, создавая лучшие в мире образцы вооружений — от автоматического оружия до артиллерийских систем, бронетанковой техники, авиации (см. табл. 1).

Коренной перелом в работе промышленности, начавшийся во второй половине 1942 г., был закреплен в 1943 г.; по сравнению с 1940 г. продукция оборонных отраслей увеличилась более чем в два раза. За 1942 г. СССР превзошел фашистскую Германию по производству танков и САУ в 3,9 раза; боевых самолетов — в 1,9; орудий всех видов и калибров — в 3,1; винтовок и карабинов — в 3 раза. Больше было выпущено и боеприпасов. Кульминационным периодом роста военной экономики стал 1944 г., когда в СССР производилось танков и САУ на 20% больше, чем в 1942 г., боевых самолетов — в 1,5 раза больше.

Решающее значение для слаженной работы всех звеньев экономики имело создание прочной базы военно-промышленного производства на востоке страны [9, с. 7—72]¹.

Изменялся удельный вес восточных районов СССР в общесоюзном производстве важнейших видов промышленной продукции, %: железная руда (1941 г. — 28,7, 1942 г. — 96,8); марганцевая руда — соответственно 8,4 и 84,7; чугун — 28,5 и 97,4; сталь — 37,0 и 89,1; прокат черных

¹ Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. Проект «Исторические Материалы» (istmat. info); <http://istmat.info/node/9257>

Таблица 1

**Производство важнейших видов военной техники в СССР
в годы войны, тыс. шт. [9, с. 7–72]**

Вид техники	1941 (июль— декабрь)	1942	1943	1944	1945 (январь — август)	Всего
Винтовки и карабины	1567,1	4049,0	3436,2	2450,0	637,0	12139,3
Пистолеты-пулеметы	89,7	1506,4	2023,6	1970,8	583,4	6173,9
Пулеметы всех видов	106,2	356,1	458,5	439,1	156,0	1515,9
Орудия всех видов и калибров	30,2	127,1	130,3	122,4	72,2	482,2
Танки и САУ	4,8	24,4	24,1	29,0	20,5	102,8
Боевые самолеты	8,2	21,7	29,9	33,2	19,1	112,1
Минометы	42,3	230,0	69,4	7,1	3,0	351,8
Боевые корабли основных классов	35	15	14	4	2	70

металлов — 36,5 и 90,2; кокс — 24,5 и 99,2; уголь — 35,9 и 81,4; нефть, включая газовый конденсат, — 12,2 и 18,3; металлорежущие станки — 15,6 и 56,3; тракторы — 50,8 и 100,0; электроэнергия — 25,5 и 59,3. Доля восточных районов в производственно-военной продукции возросла с 18,5% в июне 1941 г. до 76% в июне 1942 г. [3; 6, с. 263]. Именно плановый характер и высокая организация передислокации промышленности в восточные районы страны позволили уже в 1943 г. начать наращивание производства новейших образцов военной продукции. Оценивая результаты мобилизационно-эвакуационной кампании, мы не должны забывать, что это был не просто вынужденный маневр по перемещению производственных мощностей из зоны военных действий. Это был беспрецедентный структурный сдвиг ресурсного, научно-технического, технологического, отраслевого и территориального характера, по существу — структурная революция, предопределившая почти на 20 лет долгосрочные тренды советской экономики. Война и военно-технологический прогресс дали мощный толчок технологической и структурной революции, а советская плановая система смогла подготовить и направить эти исторические изменения в нужное русло.

Американский публицист и журналист Сульцбергер назвал перебазирующие производительных сил в Советском Союзе в глубокий тыл легендарным. «Этот осуществленный в гигантских масштабах перевод промышленности на Восток, — писал он 20 июня 1942 г. на страницах популярного американского журнала «Лайф», — одна из величайших саг истории. Причем речь идет отнюдь не о спорадическом процессе: перевоз заводов был подготовлен заранее и в день «П» — переезда — планы эвакуации были плавно пущены в ход» [4, с. 7—27; 7, с. 11].

Масштаб ущерба и потерь в ходе Великой Отечественной войны и феномен послевоенного восстановления

Жертвы советского народа, общества во имя Великой Победы исторически беспрецедентны [9, с. 7—72, 129, 132, 133]. Ниже приведен ущерб, причиненный экономике (см. табл. 2).

Потери союзных республик из общих потерь составили, млрд р.: Российской СФСР — 255; Украинской ССР — 285; Белорусской ССР — 75; Латвийской ССР — 20; Литовской ССР — 17; Эстонской ССР — 16; Молдавской ССР — 11.

Во время войны немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и поселков и более 70 тысяч сел и деревень; сожгли и разрушили свыше 6 миллионов зданий и лишили крова около 25 миллионов человек; разрушили 31 850 промышленных предприятий, вывели из строя металлургические заводы, на которых до войны выплавлялось около 60% стали, и шахты, дававшие свыше 60% угля в стране; разрушили 65 тысяч километров железнодорожной колеи и 4100 железнодорожных станций, 36 тысяч почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи; разорили и разграбили десятки тысяч колхозов и совхозов, зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов свиней, 27 миллионов овец и коз. Кроме того, они уничтожили, разгромили 40 тысяч больниц и других лечебных учреждений, 84 тысячи школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, 43 тысячи библиотек общественного пользования [9, с. 125].

По прогнозам зарубежных экспертов и специалистов, на восстановление советской экономики в отсутствие внешних источников экономической поддержки, на фоне разворачивавшейся холодной войны СССР потребуется не меньше 20—30 лет. Однако мобилизационный потенциал советского государства, социалистического строя, системы

Таблица 2

**Национальное имущество СССР, потери имущества в годы Великой Отечественной войны,
млрд р. (в ценах 1941 г.)**

Национальное имущество	Всего по СССР	Было к началу войны		Потери
		В том числе на территории, подвергшейся оккупации	В том числе на территории, подвергшейся оккупации	
Государственные, корпоративные и общественные организации, всего	891,1	345,8		281,8
Основные фонды	680,2	266,6		214,1
Скот	27,6	11,5		9,9
Незаконченное капитальное строительство, сырьё, материалы, топливо и готовая продукция	158,3	56,6		46,7
Сельскохозяйственные продукты	25,0	11,1		11,1
Колхозы, всего	490,5	226,2		181,3
Основные фонды	110,0	49,8		35,9
Скот	116,9	53,3		34,6
Запасы сельхозпродуктов	263,6	123,1		110,8
Население, всего	853,7	437,2		192,1
Жилые здания и производственные постройки	366,6	188,4		52,6
Скот	110,7	62,1		32,9
Многолетние насаждения	9,3	7,1		3,0
Запасы сельхозпродуктов	67,1	54,6		38,0
Домашнее имущество (в оценке по государственным розничным ценам)	300,0	125,0		65,6
ИТОГО	2235,3	1009,2		655,2

государственного планирования, творческий и созидательный потенциал советского народа оказались кратно недооцененными. Уже к 1950 г. уровень роста промышленности составил 173% (по РСФСР — 175%) (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика валовой продукции промышленности, %

Годы	СССР		РСФСР	
	к предыдущему году	к 1940 г.	к предыдущему году	к 1940 г.
1946	83	77	78	83
1947	122	93	120	99
1948	126	118	125	123
1949	120	141	118	146
1950	123	173	120	175

Аналогичными темпами, хотя и с некоторым замедлением по сравнению с промышленностью, развивались сельское хозяйство, другие сферы и отрасли экономики. Показатели восстановления и развития по отдельным позициям выходили за рамки восстановительной пятилетки 1946–1950 гг.

Одновременно советская мобилизационная экономика, наряду со стандартными задачами восстановления и социально-экономического развития (денежная реформа и нормализация денежного обращения, отмена карточной системы, последующее урегулирование цен (поэтапные снижения розничных цен¹, урегулирование системы дотаций, рентабельности, оптовых цен и тарифов в промышленности и на транспорте в (1949–1952 гг.)), запускала стратегические проекты — атомный и космический, которые к середине XX в. превратили СССР во вторую сверхдержаву мира.

Сегодня в условиях ускорившейся ломки экономического и политического миропорядка, обострения геополитической конкуренции и конфликтности, ведущей к новым противостояниям ведущих держав, к еще большей неопределенности мира, обретающего черты многополярности (не менее конфликтной, чем уходящая однополярность), способность государства и общества к сплочению, самоорганизации, мобилизации в чрезвычайных обстоятельствах, к пониманию и предвидению основных векторов развития, разработке стратегий своих

¹ Регулярное послевоенное «сталинское» снижение цен на продукты и промышленные товары проводилось 16 декабря 1947 г., 10 апреля 1948 г., 1 марта 1949 г., 1 марта 1950 г., 1 марта 1951 г., 1 апреля 1952 г., 1 апреля 1953 г. и 1 апреля 1954 г.

действий, планов и программ их реализации выходит на первое место. И в этом ценность советского исторического опыта государственного планирования, в частности мобилизационно-эвакуационного.

«Коронакризис» — принципиально новый вызов безопасности и развитию

Коронакризис выступил как глобальный медико-биологический, экономический и социально-гуманитарный кризис, за горизонтами которого просматривается глубокий цивилизационный кризис.

Пандемия Ковид-19 продолжает преподносить сюрпризы. За первой и второй волнами во всем мире набирает силу третья волна, сопровождаемая появлением новых разновидностей вируса, целым веером побочных последствий как собственно вируса, так и вакцинации. Конечно, продолжение пандемии во многом связывается с появлением новых мутаций вируса. Но надо иметь в виду, что, будучи пионером в разработке противовирусных вакцин, продемонстрировав высокую степень мобилизационной готовности российского здравоохранения в целом и инфекционной службы, наша страна до последнего момента сильно отставала в охвате населения вакцинацией, прежде всего — из-за недооценки гражданами рисков заражения и несоблюдения правил медико-биологической безопасности.

Разработка вакцин — серьезный успех современных био- и медицинских технологий, и здесь Россия (неожиданно для многих) оказалась бесспорным лидером. Вакцина «Спутник V» зарегистрирована 11 августа 2020 г., «ЭпиВакКорона» — 13 октября 2020 г., «КовиВак» — 20 февраля 2021 г. Массовая вакцинация началась 15 января 2021 г.¹

В то же время прогресс в области разработки и применения вакцин стал ареной, ожесточенной информационной, идеологической и политической борьбы ведущих фармакологических компаний за рынки. Более того, «вакцинные войны» становятся частью гибридных войн.

Вместе с тем для России коронакризис стал мощным толчком к социально-экономической и гражданской мобилизации, пробуждению общества, началом выхода из пресловутой стабильности без развития, стагнационного «забытья». Прошедший 2020 г. показал высокую степень организации как медицины, так и власти в разра-

¹ См.: Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе 12 мая 2021 // Новости — Правительство России (government.ru); <http://government.ru/news/42158/>.

ботке антипандемической и антикризисной политики. В экономике кризисное воздействие было минимизировано, а в 2021 г. наметились первые признаки оживления. И хотя масштабы финансовой поддержки российской экономики (порядка 5% ВВП) отстают от европейских, конечный результат оказался более успешным.

Обрабатывающая промышленность пострадала от кризиса, вызванного пандемией коронавируса, заметно меньше европейской. В апреле 2020 г. вся европейская промышленность показала самые низкие результаты за последние 25 лет. В нашей стране этот спад не превысил 8% и уже к июню сократился вдвое. При этом по итогам года рост составил 100,6%, и мы вышли на уровень 2019 г. Индекс промышленного производства составил: $\frac{3}{4}$ в I полугодии 2021 г. по сравнению с I полугодием 2020 г. — 104,4%; $\frac{3}{4}$ в июне 2021 г. по сравнению с июнем 2020 г. — 110,4%; по сравнению с маем 2021 г. — 101,3%. Ряд отраслей в 2020 г. показали устойчивый рост. Среди безусловных лидеров — производство лекарств и медицинских изделий (рост — 123,2%), производство текстильных изделий (108,9%) и химическая промышленность (107,2%).

Рекордные темпы роста по итогам года подтвердил и агропромышленный комплекс (101,5%). Был собран хороший урожай зерновых и масличных; увеличилось производство мяса, молока; выращено больше тепличных овощей и фруктов, в том числе за счет мощной господдержки не только в рамках государственной программы развития сельского хозяйства, но и благодаря пролонгации и отсрочкам кредитных платежей для агробизнеса.

Впервые в современной истории строительная отрасль пережила кризисные явления в экономике практически без потерь. Это произошло благодаря не только соответствующим мерам поддержки, но и новациям в регулировании. За прошлый год существенно упрощены строительные процедуры, уже в первой половине 2021 г. планируется сократить их примерно на треть.

В июне 2021 г. в связи с пересчетом данных за апрель Росстат опубликовал уточненные данные, в соответствии с которыми индекс промышленного производства в целом за апрель составил не 107,2%, а 107,6%, в том числе по обрабатывающим производствам не 114,2%, а 114,9%. На уровне отдельных производств наиболее существенный пересчет наблюдался в производстве прочих транспортных средств — 144,6%, до 134,6% (+10%), а также машин и оборудования — 135,2% вместо 142,7% (-7,5%). По уточненным данным, в промышленном производстве в мае наблюдается ускорение роста. Индекс промышленного производства в мае к соответствующему периоду предшествующего года (далее — СППГ) составил 111,8% (после 107,6% в апре-

ле). В целом за январь—май индекс к СППГ составил 103,2% (в январе—апреле — 101,2%). В обрабатывающих производствах в мае индекс к СППГ составил 111,4% (снизился после 114,9% в апреле). В целом за январь—май индекс к СППГ составил 106,0% (в январе—апреле — 104,6%). В числе лидеров — производство автотранспортных средств, прочих транспортных средств, химических веществ и химических продуктов, а также готовых металлических изделий.

При этом произошло сокращение в металлургическом производстве. За январь—май 2021 г. индекс к СППГ составил 99,0% (примерно 30% от общего снижения обрабатывающих производств с сократившимся выпуском)^{1,2}.

Успехи антипандемической и антикризисной политики связаны с последовательным и упорядоченным использованием и развитием планово-программных рычагов на основе государственного плана восстановления экономики. Государство еще раз подтвердило свою способность осуществить национальную мобилизацию в чрезвычайных условиях многостороннего кризиса.

Продолжение реформ или реформационный поворот?

2020–2021 гг. явились стартом важнейших экономических и институциональных реформ, проводимых Правительством М. Мишустина — А. Белоусова. Они начались с кардинальных изменений в составе Правительства РФ. Далее последовали:

- конституционные реформы, в ходе которых были проголосованы и приняты важнейшие поправки к Конституции РФ, в том числе затрагивающие основы государственной власти (конституционное определение статуса Госсовета; введение в систему пространственной организации экономики, власти и управления статуса «федеральной территория»). Сформирован благоприятный климат для «постковидного» прорыва и реформационного поворота, преодоления пробуксовки и неэффективности докризисных реформ первого десятилетия 2000-х гг.;
- реформа системы институтов развития; она оптимизирована с точки зрения количества институтов, их места в системе государственного управления, непосредственной увязки с системой национальных стратегических задач, сформулированных в указах В. В. Путина.

¹ См.: Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе...

² Там же.

Эта реформа позволила придать определенность и упорядоченность блоку государственного регулирования, составляющему институт государственных корпораций и ту его подсистему, которая должна содействовать развитию передовых и принципиально новых техники и технологий с ориентацией на опережающее развитие и технологическиеклады завтрашнего дня;

- реформа государственного управления. Она ставится в прямую зависимость от Общенационального плана действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения, а также уточненных национальных целей развития. Соответственно, образуется более широкий горизонт планирования и конкретные долгосрочные ориентиры. Для улучшения координации работы министерств и ведомств сформирован Единый план по достижению национальных целей. Впервые разработан объемный стратегический документ, который свяжет в единое целое июльский указ и национальные проекты. Создан Координационный центр для поиска наиболее эффективных и быстрых решений, прежде всего для реализации приоритетных задач и проектов, которые определяет Президент РФ. Такой инструмент помогает получить обратную связь с обществом. Правительство разработало оптимальные решения и единые стандарты организационной модели управления. Государственное управление получило понятную главную цель — эффективное/социальное государство без бюрократизма, необременительное для людей и бизнеса, в котором не надо просить об услугах;
- продолжено выстраивание стратегического контура государственного стратегического планирования, дополнительно принят ряд новых государственных (отраслевых) стратегий, в том числе инфраструктурных (развитие туризма, речного транспорта). Сформулирован новый порядок селективного стимулирования отдельных секторов и видов деятельности на основе так называемой оперативной приоритизации, что повышает роль их деятельности и продукции до статуса национальных целей. Вот краткий перечень важных решений последних двух лет в области отраслевого стратегического планирования, опубликованных на портале Правительства РФ:
 - 1 апреля 2021. Санитарно-эпидемиологическая безопасность. Правительство утвердило план мероприятий в рамках Стратегии развития иммунопрофилактики в России. Работа ведется по поручению президента;
 - 22 марта 2021. Добыча, транспортировка, экспорт газа. Индустрия СПГ. Газификация. Правительство утвердило долгосрочную

программу развития производства СПГ. Распоряжение от 16 марта 2021 г. № 640-р;

- 8 ноября 2020. Станкостроение. Михаил Мишустин утвердил Стратегию развития станкоинструментальной промышленности. Документ рассчитан на следующие 15 лет;
- 14 июня 2020. Отраслевые документы стратегического планирования. Михаил Мишустин утвердил Программу развития угольной промышленности России до 2035 г. Распоряжение от 13 июня 2020 г. № 1582-р;
- 9 июня 2020. Отраслевые документы стратегического планирования. Михаил Мишустин утвердил Стратегию развития обрабатывающей промышленности. Ее реализация даст импульс развитию несырьевого сектора экономики;
- 22 января 2020. Радиоэлектроника. Микроэлектроника. Суперкомпьютерные технологии. Фотоника. Утверждена Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 г. Распоряжение от 17 января 2020 г. № 20-р. Цель Стратегии — создание конкурентоспособной отрасли на основе развития научно-технического и кадрового потенциала, оптимизации и технического перевооружения производственных мощностей, создания и освоения новых промышленных технологий, а также совершенствования нормативно-правовой базы для удовлетворения потребностей в современной электронной продукции.

В целом по информации, представленной в обзоре [11], в конце 2020 г. было подготовлено более 100 инфраструктурных проектов национального уровня для реализации в отраслях и регионах;

- создаются институты финансирования социально-экономического развития. Фонд национального благосостояния непосредственно увязывается с реализацией национальных стратегических задач, связанных с ними национальных стратегических проектов и государственных программ. Перемена в статусе Сбербанка РФ и капитальное усиление роли Правительства РФ как его основного соучредителя значительно расширяет его финансовые возможности в области инвестиционной политики. Правительство до конца года планирует запустить венчурный Фонд фондов (в бюджете на это заложено 14 млрд рублей). Предполагается, что в дальнейшем фонд на 50% будет финансироваться частным бизнесом¹. В 2020 г. запущен модернизированный механизм

¹ Тимур Батыров. Правительство анонсировало запуск Фонда фондов для инвестиций в стартапы. (forbes.ru); <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/411885-pravitelstvo-anonsirovalo-zapusk-fonda-fondov-dlya-investitsiy-v-startapy>

специального инвестиционного контракта (СПИК). В перечень современных технологий, для внедрения которых будут заключаться СПИКи, включено свыше 600 позиций. По ним уже объявлены конкурсы, например, в области технологий производства новых типов сельскохозяйственных тракторов, и первые контракты будут подписаны в следующем месяце. Приняты изменения в законодательство, которые в условиях пандемии освободили регионы от действия многих ограничений по бюджетному процессу; оказана прямая финансовая помощь для компенсации выпадающих доходов региональных бюджетов;

- определен и последовательно реализуется курс на достижение финансового и технологического суверенитета. Он заключается в целенаправленной и долгосрочной деятельности по созданию альтернативы нынешней международной валютной системе, основанной на доминировании и гегемонии доллара и американских финансовых и платежно-расчетных институтов.

Об этом неоднократно на разных авторитетных международных платформах говорил В. В. Путин. Об этом же — против односторонних принудительных мер и за создание широкой международной коалиции — регулярно заявляет глава МИД России С.В. Лавров, отмечая «...необходимость укреплять свою самостоятельность, снижать санкционные риски за счет укрепления технологической самостоятельности, путем перехода к расчетам в национальных и мировых валютах, альтернативных доллару. Нужно отходить от использования контролируемых Западом международных платежных систем».

Этот поворот часто называют моделью государственного капитализма. Это стало почти клише по отношению к курсу М. Мишустина — А. Белоусова — Ю. Борисова. С нашей точки зрения, он, скорее, обнаруживает черты трансформационного поворота, движения к новой цивилизационно-культурной и формационной организации. Это то, что в научной школе/теоретической концепции ВЭО определяется как ноосферная цивилизация и ноономика — господство духа и разума, научной рациональности, стратегического планирования и управления, технологического совершенства, социальной справедливости, солидарности и гармонии в сфере экономики и экономических отношений, а также в других сферах жизни.

В этом убеждает и позиция Правительства РФ, озвученная в выступлении М. Мишустина с Ежегодным отчетом Правительства в Государственной Думе 12 мая 2021. В нем, помимо системного комплекса мер социальной политики в период 2020–2021 гг. по поддержке населения, содержатся такие положения: «...О тех ценностях, которыми мы руководствуемся. Они остаются для нас неизменными:

в центре внимания — человек и его интересы, работать открыто и честно, командой, ориентироваться на результат, который всегда, в любых обстоятельствах, важнее ведомственных границ и лишних формальностей. Считаю, что такой подход во многом и стал решающим фактором, который меняет ситуацию к лучшему»¹.

Достройка здания стратегического контура («венки» государственных стратегий развития и безопасности) и институтов государственного стратегического планирования

Коронакризис подстегнул процессы развития стратегического планирования. Для координации оперативного реагирования Правительством РФ был принят План первоочередных мер по обеспечению устойчивого развития экономики. Это — комплекс оперативных мероприятий для обеспечения стабильного социально-экономического развития. Он концентрируется на поддержке отраслей, оказавшихся в сложной ситуации, но прежде всего — на поддержке людей и обеспечении их товарами первой необходимости.

Основой антикризисной и антипандемической политики стал Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол № 36, раздел VII) № П13-60855 от 2 октября 2020 г.)².

Этот план не является в полном смысле стратегическим. Но он должен целенаправленно организационно и нормативно-методически «доращиваться» до качества государственного стратегического плана с учетом требований законодательства, современного зарубежного опыта, действующих стандартов долгосрочного стратегического прогнозирования и планирования. Два направления этого «доращивания» обоснованы выше. Это, во-первых, развитие стратегического контура планирования как комплекса национальных стратегических задач, государственных стратегий и национальных стратегических проектов/государственных программ развития и безопасности, приоритезация особо важных стратегических секторов и видов деятельности. Во-вторых, это система интеграции национальных стратегических задач в систему государственного управления,

¹ См.: Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе...

² Там же.

механизмов координации и оценки деятельности, мониторинга, контроля и надзора за достижением национальных задач и сформулированных приоритетов. Начало этому положено созданием таких институций, как Единый план по достижению национальных целей и Координационный центр для поиска наиболее эффективных и быстрых решений, прежде всего для реализации приоритетных задач и проектов.

Все это позволяет рассчитывать на лучшее в противостоянии вирусным атакам и купировании последствий многолетней предкризисной стагнации, экономического кризиса 2020 г., безвременья и паралича в системе государственного управления. Тогда мы сможем реализовать стратегические национальные задачи до 2030 г. и, хочется надеяться, вернем утраченные за последние 30 лет позиции одной из ведущих экономических сверхдержав.

■ Список литературы

1. *Бикбов А.* Операция «Эвакуация»: как спасали промышленность СССР в первые месяцы войны // Реальное время (realnoevremya.ru); <https://realnoevremya.ru/articles/5232>
2. *Бокарев Ю. П.* Создание учреждений мобилизационной военной экономики в СССР // Россия и современный мир. 2015. № 4. С. 188–199.
3. *Ивантер А.* Эшелоны возмездия // Эксперт. 2019. 29 апреля. № 18. <https://expert.ru/expert/2019/18/eshelonyi-vozmezdiya/>
4. *Куманев Г. А.* Война и эвакуация в СССР в 1941–1942 годах // Новая и новейшая история. 2006. № 6.
5. *Мелия А. А.* Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. [militera.lib.ru; http://militera.lib.ru/research/melia_aa/index.html](http://militera.lib.ru/research/melia_aa/index.html)
6. Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: сб. статей и воспоминаний; редколлегия: Ю. А. Поляков (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1966.
7. *Прохоров А. П.* Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2002. С. 384.
8. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. / Федер. агентство по образованию; Томский гос. пед. ун-т; [сост.: Л. И. Снегирева, Т. А. Сафонова]. Томск: Изд-во Томского. гос. пед. ун-та, 2005.

9. Великая Отечественная война: юбилейный статистический сборник; редколлегия: председатель А. Е. Суринов, заместитель председателя Г. К. Оксенойт; Росстат. М., 2015. С. 190.
10. *Сугако Л. А.* К вопросу о формировании советской эвакуационной программы в 1941 году // 1941 год в истории Беларуси: к 70-летию начала Великой Отечественной войны: сб. статей Республиканской военно-исторической конференции (Минск, 1 июня 2011 г.).
11. Военная академия Республики Беларусь; под общ. ред. А.А. Киселева. Минск: ВА РБ, 2012. С. 33–39. <http://libr.msu.by/handle/123456789/10853>
12. *Барцева Г.* Национальный перечень перспективных проектов. Как кризис влияет на планы властей и бизнеса? У каких проектов больше шансов в «поствирусной» реальности?: Аналитический обзор / Г. Барцева, М. Фомина, А. Галактионова. InfraOne Research. 2020. С. 80: Национальный перечень перспективных проектов 2020 (infraone.ru); https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2020/nacionalnyj_perechen_perspektivnyh_proektov_2020_infraone_research.pdf

И.И. Елисеева¹

I.I. Eliseeva²

А.В. Портнов³

A.V. Portnov⁴

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА; ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГОСПЛАНА СССР⁵

Labor Productivity, a View through the Prism
of the State Planning Committee of the USSR

В статье раскрываются подходы к производительности труда в советский период с позиций Госплана СССР. Рассматриваются нормативные правовые документы, которые отражают отношение экономического курса тех лет к повышению такой экономической категории, как производительность труда. Подчеркивается значение показателя производительности труда как индикатора эффективности экономической деятельности в экономике любого типа — социалистической или капиталистической. Ретроспективный взгляд на проблему изучения и оценки производительности в очередной раз подчеркивает актуальность исследования ввиду становления цифровой экономики, а также значительных преобразований экономических процессов в современной России.

Ключевые слова: производительность труда, Госплан, инновации, труд, экономическое развитие, цифровая экономика.

The article reveals the approaches to labor productivity in the Soviet period from the standpoint of the State Planning Committee of the USSR. Regulatory documents that reflect the ratio of the economic course of those years to the increase in such an economic category as labor productivity are considered. The article emphasizes the value of the labor productivity indicator as an indicator of the efficiency of economic activity in an economy of any type — socialist or capitalist. A retrospective look at the problem of studying and assessing productivity once again emphasizes the relevance of the study in view of the formation of the digital economy, as well as significant transformations of economic processes in modern Russia.

Keywords: labor productivity, state planning committee of the USSR, innovation, labor, economic development, digital economy.

¹ Елисеева Ирина Ильинична, доктор экономических наук, член-корреспондент Российской академии наук, заведующая кафедрой статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

² Irina I. Eliseeva, Doctor of Econ. Sc., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics.

³ Портнов Александр Вадимович, аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

⁴ Alexander V. Portnov, Post-graduate student of St. Petersburg State University of Economics.

⁵ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. № 3 (69). С. 67–71.

Введение

В период экономической трансформации из внимания экономистов выпала проблема измерения производительности труда и ее динамики. Изучая вопросы, связанные с производительностью труда, невозможно игнорировать многолетний советский опыт, а именно: понимание производительности труда, методы измерения и факторы ее повышения. Объектом исследования является производительность труда. Предмет исследования — подход Госплана СССР к производительности труда. Производительность труда в советское время была одним из основных показателей. Многие научные школы уделяли большое внимание методам измерения производительности труда, факторам и анализу. В период перестройки исчезновение этого показателя как характеристики эффективности использования трудовых ресурсов списывалось на приватизацию и на «турбулентность» в экономике, на то, что это уже дело работодателя, и работодатель сам разберется с работником. Зачастую возникали практики эксплуатации работников, которые не регулировались законодательством. Производительность труда не отражалась в отчетности, соответственно, не контролировалась и не рассматривалась в качестве целевого показателя. Заметим, что и в современной России прослеживается традиция неэффективного использования ресурсов, прежде всего такого ресурса, как рабочая сила.

В Постановлении Госплана СССР № 40, Госстроя СССР № 100, Президиума АН СССР № 33 от 08.09.1969 [1] отмечается, что показатель производительности труда, равно как и показатель фондоотдачи, входит в характеристики экономической эффективности и может измеряться как по товарной, так и по валовой продукции, в том числе и в натуральном выражении. При этом рекомендуется учитывать удельные капитальные вложения, которые будут влиять на производственные мощности и прирост выпуска продукции.

В методических указаниях по разработке пятилетних планов государственной стандартизации и метрологического обеспечения отраслей народного хозяйства и промышленности, утвержденных и введенных в действие постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 27.09.1984 [4], отмечается необходимость роста производительности труда, который должен достигаться за счет введения прогрессивных технологий. Соответствующие показатели должны были определять производительность машин и оборудования, а также их надежность. Снижение трудоемкости и повышение производительности труда планировалось достигать за счет унификации деталей, модулей и комплектующих.

Изучение постановлений Госплана СССР и Госстроя СССР и затем методических указаний, которые появились на их основе, привлекли внимание экономистов. Прежде всего, отмечалось, что производительность труда, равно как и показатель фондоотдачи, входит в характеристики экономической эффективности. Большое значение имели указания по измерению производительности труда не только на основе валовой продукции, но и на основе товарной продукции, а также в натуральном выражении. Развивалась идея, что живой труд соединяется с овеществленным трудом ввиду роста технической оснащенности производств. Поэтому производительность труда должна рассматриваться в контексте идеи Маркса о том, что производительность труда должна пониматься как совокупный результат всех условий и факторов, «делающих полезный труд то более богатым, то более скудным источником продуктов» [2]. Всеобщий интерес вызвало предложение рассчитывать такой интегральный показатель финансовых результатов, как рентабельность путем отношения прибыли к стоимости основных производственных фондов и запаса оборотных средств. Методологические вопросы в то время было не принято раскрывать в документах высших органов государственного управления, к которым относился Госплан СССР. Гораздо позже, в период трансформации отечественной экономики, в 1996 г. Госкомстатом было начато и осуществлено издание Методологических положений по статистике, включавшее пять выпусков. Это издание стимулировало развитие экономической и социальной статистики, статистики цен, измерения теневой экономической деятельности, построения системы национальных счетов.

В другом документе «О мерах по обеспечению дальнейшего роста производительности труда в промышленности и строительстве», утвержденном постановлением ЦК КПСС от 22.12.1996, ставилась задача повышения материального благосостояния за счет роста производительности труда во всех отраслях народного хозяйства [3]. Повышение производительности являлось важным критерием выполнения задач, поставленных XXIII съездом КПСС. Замедление темпов роста производительности труда в промышленном секторе было замечено в период с 1961 по 1965 г., когда темп прироста производительности составил 4,6%, тогда как в 1956–1960 гг. этот показатель составлял 6,5%. Причины понижения темпов роста производительности виделись в систематическом невыполнении заданий по внедрению нового высокоточного, высокопроизводительного оборудования, а также комплексной механизации и автоматизации производств. Данный документ интересен тем, что выявленные там проблемные аспекты производительности труда, такие как потери

рабочего времени, плохая организация производства и несовершенная организация труда, проблемы нормирования трудовых процессов актуальны и сегодня для современной экономики. Повышение производительности предполагалось за счет снижения трудоемкости и внедрения нового оборудования, а также повышения квалификации трудовых ресурсов.

«Косыгинские реформы» дали стимул для нового рывка плановой экономики, для сочетания планирования с расширением самостоятельности предприятий, а также для роста производительности труда. Стратегия экономического развития, конечно, полностью сочеталась с идеей технического перевооружения. Решение задач анализа и обеспечения роста производительности возлагалась на Госплан СССР, причем намеченный перечень мероприятий должен был быть включен в план развития народного хозяйства.

Нормы и нормативы являлись основными в системе планирования народного хозяйства. С точки зрения экономики нормы и нормативы представляют собой некоторые критерии взаимосвязи затрат и результатов деятельности. Согласно работе Л. С. Гребнева, в Госплане нормы устанавливались на потребляемые ресурсы, а нормативы представляли собой отдачу фактора, например производительность труда [5].

Обращение к документам Госплана СССР невольно вызывает параллели с сегодняшним днем, когда мы говорим о цифровизации экономики, то есть о тех процессах, которые будут происходить без участия человека при полной автоматизации. Они, конечно, должны привести к повышению производительности труда, к снижению себестоимости, то есть затрат на производство, соответственно, к удешевлению продукции и ее большему разнообразию. Технически это возможно на основе внедрения технологий, включающих систему 3D. Так что новые технологии, действительно, дают надежду на новый этап в развитии производства и рост производительности труда, интегрирующего живой труд и овеществленный.

Актуальность проблемы измерения производительности труда возрастает в связи с дискуссиями о возможности перехода на четырехдневную рабочую неделю.

Возвращается интерес к территориальному ракурсу измерения производительности труда [6]. При этом главной идеей становится оценка «выравнивающего» эффекта доли занятых в так называемом бюджетном секторе и выявления дифференциации территорий по показателям производительности труда в предпринимательском секторе.

Решение задачи экономического роста возможно лишь при условии резкого повышения производительности труда, при хорошей

технической вооруженности, при хорошей организации производства. Оценка значимости производительности труда была дана на форуме нобелевских лауреатов, который организовывал Жорес Иванович Алферов в 2003 г. связи с 300-летием Санкт-Петербурга. Приехали 22 нобелевских лауреата. Джозеф Хекман, нобелевский лауреат по экономике 2000 г., в своем выступлении подчеркнул: «Производительность — это важнейший фактор любой экономики: социалистической, капиталистической. Производительность — везде и всегда» [7].

Заключение

Целевая установка достижения высоких показателей производительности труда выдвигалась на самом высоком уровне управления, т. е. ЦК КПСС и Госпланом СССР. При этом достижение роста производительности планировалось обеспечить за счет механизации и автоматизации производств реального сектора. Вместе с тем задача измерения производительности труда не была решена в связи с разбалансированностью системы цен в отраслях экономики. Возникают параллели с современным периодом, в котором ожидания экономического роста и повышения производительности труда связываются с повсеместной цифровизацией.

Все более актуальной становится задача бережного отношения к ресурсам — энергетическим, материальным и трудовым, особенно теперь, когда сокращается численность населения, что не может не сказаться на трудовых ресурсах. Так что рост производства может быть обеспечен только технической оснащенностью, внедрением новых технологий, способных поднять производительность труда. Этот показатель может быть включен в индикативное планирование.

Процесс осмысления такой категории, как производительность труда, имеет большую историю и продолжается до сих пор. Предстоит создать новые методологические подходы к измерению производительности труда, отражающие кардинальные изменения в содержании и характере труда в условиях цифровой экономики.

■ Список литературы

1. Постановление Госплана СССР № 40, Госстроя СССР № 100, Президиума АН СССР № 33 от 08.09.1969 «Об утверждении Типовой методики определения экономической эффективности капитальных вложений». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=145572> (дата обращения: 01.03.2021).

2. *Маркс К.* Приложение «Критика политической экономии (черновой набросок 1857–1858 г.)» / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М., 1968.
3. Сборник методических документов по планированию стандартизации. М.: Издательство стандартов, 1986. URL: <https://pdf.standartgost.ru/catalog/Data2/1/4294812/4294812317.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
4. Постановление ЦК КПСС от 22 декабря 1966 г. № 970 «О мерах по обеспечению дальнейшего роста производительности труда в промышленности и строительстве». URL: <http://docs.cntd.ru/document/765705337>
5. *Гребнев Л.С.* Советская экономика: вид из Госплана СССР 1970–1980 г. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/289821309.pdf> (дата обращения: 28.02.2021).
6. *Бурицева Т.А.* Измерители региональной производительности труда. Вопросы статистики. 2021;28(1):18-27. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-18-27> (дата обращения: 01.03.2021).
7. *Елисеева И.И., Дмитриев А.Л.* Встреча с нобелевскими лауреатами по экономике Дж. Хекманом и Л. Клейном // Вопросы статистики. 2003. № 9. С. 37–38

Р.М. Нуреев¹

R.M. Nureev²

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ СОВЕТСКИХ ПЯТИЛЕТОК

Pros and cons of the Soviet five-year plans

Статья посвящена сильным и слабым сторонам советских пятилеток. Показывается, как в условиях форсированной индустриализации и сплошной коллективизации происходит становление административно-плановой экономики. Директивное планирование фактически оказалось возрождением на государственном уровне натуральных форм ведения хозяйства при существенных ограничениях и значительной деформации товарно-денежных отношений. Первоначально планирование осуществлялось на основе отраслевых проектировок и лишь в 1960-1970-е гг. происходит переход к комплексному многовариантному планированию. Плановое хозяйство становится чрезвычайно громоздким и неповоротливым, что приводит к замедлению темпов экономического роста.

Ключевые слова: план, административно-плановая система, пятилетки, экономический рост, монополизация производства, государственный бюрократический социализм.

The article is devoted to the strengths and weaknesses of the Soviet five-year plans. It is shown how in the conditions of forced industrialization and continuous collectivization, the formation of an administrative-planned economy takes place. Directive planning actually turned out to be a revival at the state level of natural forms of economic management with significant restrictions and a significant deformation of commodity-money relations. Initially, planning was carried out on the basis of sectoral designs and only in the 1960s and 1970s there is a transition to complex multivariate planning. The planned economy becomes extremely cumbersome and unwieldy, which leads to a slowdown in economic growth.

Keywords: plan, administrative-planning system, five-year plans, economic growth, monopolization of production, state bureaucratic socialism.

Социализм знаменует переход от антагонистического общества к неантагонистическому, от классового к бесклассовому, от общества, основанного на частной собственности, к обществу, основанному на общей собственности. В этом строительстве нового новым, как

¹ Нуреев Рустем Махмутович, доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Институт экономики Российской академии наук.

² Rustem M. Nureev, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Department of Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

показывает история, является далеко не все. Многое оказывается новым лишь по форме, объективно воспроизводя прошлое, то есть является метафизическим, а не диалектическим отрицанием капитализма. Это наглядно проявляется в переходный к социализму период и особенно в период некапиталистического развития освобожденных стран. Обобщая накопленный опыт строительства нового общества в СССР и ряде других стран, необходимо рассматривать вопрос не только абстрактно-теоретически (замена государственно-монополистического капитализма социализмом), но и конкретно-исторически, учитывая реальный уровень развития производительных сил (доставшуюся от капитализма материально-техническую базу, уровень квалификации рабочей силы, степень сохранения ручного труда и т.д.) и производственных отношений (товарного производства, капитализма и т.д.). Фактически в СССР и ряде других стран было построено общество, которое по природе своей заметно отличается от социалистического идеала. В последние годы советской власти получило распространение его определение как государственного или государственно-бюрократического социализма [8, 9]. И мы будем пользоваться этим термином, хотя он не вполне адекватно характеризует сложившуюся ситуацию. Более того, он порождает иллюзии, что социализм уже был построен, только в определенной государственной форме. Между тем форма эта оказалась отнюдь не внешней по отношению к содержанию. Нельзя не заметить, что многие социально-экономические деформации в СССР в 30–70 гг., в ряде стран народной демократии в 50–70 гг. и особенно в государствах, развивающихся по некапиталистическому пути (Бирма, Гана, Танзания, Кампучия и др.), имели, по существу, «азиатскую» природу. В данном параграфе мы ограничимся анализом лишь советского опыта.

Важную роль в становлении авторитарно-бюрократического строя в СССР сыграл «военный коммунизм». «Военный коммунизм» представлял собой попытку применения в интересах победившего пролетариата отдельных форм государственно-монополистического регулирования в стране «средне-слабого» капитализма. Великая Октябрьская революция создала условия для формального обобществления производства: замены частной собственности на средства производства государственной и ведения производства по общему плану в интересах всего общества. В экстремальных условиях, созданных Первой мировой и Гражданской войнами, стала необходима централизованная продовольственная диктатура. Согласно Декрету о продразверстке, мелкие крестьянские хозяйства должны были сдавать государству так называемые излишки — первоначально то, что превышало 12 пудов зерна на едока, необходимых для

посева и еды. Позднее, правда, к «излишкам» была отнесена и значительная часть необходимого продукта. Наркомпрод осуществлял распределение собранного продовольствия и сельскохозяйственного сырья по губерниям в соответствии с их потребностями (точнее, исходя из ресурсов и информации об этих потребностях).

Второй характерной чертой «военного коммунизма» была милитаризация труда. Объектом мобилизации было все взрослое население страны: мужчины в возрасте от 18 до 40. Детский труд (с 14 лет) использовался как исключение. Женщины, имеющие четырех и более детей, были освобождены от всеобщей трудовой повинности. Мобилизация, подобно призыву в армию, осуществлялась по годам рождения через биржи труда и специальные агентства. Эти учреждения занимались регистрацией и распределением работников в соответствии с указаниями Главкомтруда. Существовала единая тарифная сетка оплаты труда, в соответствии с которой все трудящиеся были разбиты на 35 разрядов. Недостаточный размер трудового пайка и ненадежность снабжения им способствовали широкому развитию дезертирства. На IX съезде РКП(б) Л.Д. Троцкий отмечал, что из 1150 тыс. рабочих, занятых в важнейших отраслях промышленности, 300 тыс. дезертировали [2, с. 93]. Меры борьбы с уклоняющимися от трудовой повинности и дезертирами были достаточно суровы, отражая законы военного времени. Тем не менее процессы эти приостановить не удалось, так как заработная плата, по данным Наркомтруда, обеспечивала лишь 50% физиологического минимума в Москве и только 23% — в других городах [5, с. 172]. Сводит концы с концами рабочим помогал нелегальный рыночный сектор. Дихотомия натуральной в своей основе государственной централизованной экономики и запрещенного партикулярного, рассеянного рынка сложилась уже на заре советской власти, в эпоху «военного коммунизма». Она, как мы увидим позднее, станет характерной чертой государственно-бюрократического социализма.

Политика НЭПа способствовала возрождению рыночных отношений, однако пример «военного коммунизма» не прошел бесследно. Ведь именно в этот период рабочий контроль и учет впервые перерос в систему государственного регулирования производства, произошло создание основ будущей иерархической системы управления. Практика «военного коммунизма» показала чрезвычайные возможности административно-командных методов управления. Их первоначально пропагандировал Л.Д. Троцкий и фактически взял на вооружение И.В. Сталин. В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации происходит формирование административно-командной системы.

В конце 20-х гг. началось чрезмерное (не основанное на реальном уровне обобществления производства) огосударствление экономики. Вытеснение частного сектора осуществлялось не столько экономическими, сколько внеэкономическими мерами. «Чрезвычайные меры становились не исключением, а правилом, способствуя формированию административно-командной системы. Стихийные рыночные механизмы, казалось, слишком медленно создают условия для нового общества. Революционное нетерпение молодого рабочего класса было умело использовано И.В. Сталиным и его ближайшим окружением. Псевдореволюционные призывы, авантюристические обещания построить светлое социалистическое общество всего за несколько лет упорного труда сделали свое дело (табл. 1).

Таблица 1

Темпы прироста промышленной продукции (в %)

	Годы 1-й пятилетки				
	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый
Отправной вариант	21,4	18,8	17,5	18,1	17,4
Оптимальный вариант	21,4	21,5	22,1	23,8	25,2
Годовые планы	21,4	32	45	36	16,5
Фактически	20	22	20,5	14,7	5,5

Источник: (3, с. 84).

В действительности же попытки повысить темпы роста усилили диспропорции в экономике и способствовали падению темпов роста развития и началу омертвления огромных средств в незавершенном производстве (см. табл. 1).

Насилие по отношению к сельскому хозяйству вело к падению валовых сборов и урожайности зерновых и технических культур, к резкому сокращению производства продукции животноводства и поголовья скота (табл. 2).

В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации осуществляется второе (после «военного коммунизма») насильственное свертывание товарно-денежных отношений. Планомерная форма ведения хозяйства отрицает товарную. Однако такое отрицание предполагает, что товарная уже полностью исчерпала свои возможности и заложенные в ней потенции. К сожалению, в конце 20-х гг. это было далеко не так. Фактически свертывание товарно-денежных отношений сопровождалось не только развитием плановой формы, но и частичной натурализацией экономики. Возни-

Таблица 2

Сельскохозяйственное производство в 1-й пятилетке

	1928	1932/33 (по 5-лет. Плану)	1932
Все посевные площади, млн га	113	141,3	134,4
в т.ч. посевные площади зерновых, млн га	92,2	111,4	99,7
Валовой сбор, млн т			
зерновых	73,3	105,8	69,9
хлопка-сырца	0,79	1,91	1,27
сахарной свеклы	10,1		6,6
Урожайность, ц/га			
зерновых	7,9	Повысить на 35%	7
сахарной свеклы	132		43
хлопчатника	8,1		5,9
льноволокна	2,4		2
картофеля	82		71
овощей	132		79
Поголовье скота, млн голов			
лошади	32,1	около 38	21,7
крупный рогатый скот	60,1	80,9	38,3
в т.ч. коровы	29,3	35,5	22,3
свиньи	22	34,8	10,9
овцы	97,3		43,8
Производство			
мясо, млн т	4,9		2,8
молоко, млн т	31		20,6
шерсть, тыс. т	182		69
яйца, млрд шт.	10,8		4,4

Источник: [3, с. 85].

кла такая своеобразная система, которую А.А. Богданов удачно назвал «объединенным натуральным хозяйством» [1, с. 18]. Функции экономического координатора в этой системе объективно должен взять на себя государственный аппарат. Роль его по отношению к обществу неизмеримо возростала, что объективно дает повод для аналогии с азиатским способом производства. Проведение сплошной коллективизации привело к резкому снижению сельскохозяйственного производства (см. табл. 2). Фактически первая пятилетка была более или менее выполнена лишь по одному показателю — размеру посев-

ных площадей зерновых. Все качественные показатели выполнены не были. Особенно большой урон был нанесен животноводству. Поголовье крупного рогатого скота сократилось на треть, а мелкого — в 2 раза. В результате резко сократилось производство мяса, молока и яиц.

Директивное планирование фактически оказалось возрождением (на государственном уровне!) натуральных форм ведения хозяйства при значительном ограничении и существенной деформации рыночных отношений. Естественно, что возникший симбиоз не был простым воспроизведением ни натуральных форм регулирования экономики, типичных для азиатского способа производства, ни рыночных отношений, характерных для простого товарного хозяйства. Иным был уровень экономического развития. Тем не менее не следует забывать, что в переходный период политика приобретает известную самостоятельность, роль субъективного фактора возрастает. До известных пределов она может «абстрагироваться» от экономических закономерностей, диктуемых производственным базисом. Она в определенной мере сама оказывается творцом условий своего существования и воспроизводства. Неудивительно поэтому, что политические авантюристы, игнорирующие существующую в стране материально-техническую базу, могут принимать отнюдь не оптимальные решения и приводить в жизнь далеко не самую эффективную, с экономической точки зрения, политику. Ошибочность принятых программ обнаруживается при этом далеко не сразу (табл. 3).

Новоявленная авторитарная власть находит опору в жестком централизме и мелочном администрировании. Разрушению товарных связей способствовала как внешняя обстановка (капиталистическое окружение), так и внутренняя (необходимость создания собственной тяжелой индустрии как базы оборонной промышленности). Функция контроля и учета за общественным производством трансформируется в функцию организации и планирования развития системы в целом. Государственный аппарат регулирует связи между отдельными ячейками производства, определяет, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени необходимо затратить на удовлетворение той или иной общественной потребности. Не закон стоимости, а планирующие органы государства решают, что, каким образом и в каких размерах производить, кому, когда и где потреблять. С ростом народнохозяйственного организма, однако, эта задача все более и более усложняется, происходит снижение качества составляемых балансов, падение темпов роста.

Для командно-административной системы характерна крайняя негибкость в принятии и исполнении решений. Механизм адаптации

Таблица 3

Выполнение плановых заданий первых пятилеток, %

Экономические показатели	Первая пятилетка (1928-1932 гг.)		Вторая пятилетка (1933-1937 гг.)	
	Официальные оценки	Оценки западных экспертов	Официальные оценки	Оценки западных экспертов
Национальный доход	92	70	96	67
Промышленное производство	101	60-70	103	76-93
Производство промышленных товаров производственного назначения (группа «А»)	128	72	121	97
Производство промышленных товаров народного потребления (группа «Б»)	81	46	85	68
Сельскохозяйственное производство	58	50-52	63-67	66-78
Производительность труда	65	36-42	-	86

Составлено по: [12, с. 266; 14, с. 503; 13, с. 353].

к новым условиям крайне несовершенен, быстрая реакция возможна только в условиях крайней опасности. По существу, управление происходит по принципу, описанному еще в 20-е гг. Л.Н. Крицманом и названному им «ударный нос и неударный хвост». «... К чему сводится наше «ударное» хозяйничанье? — писал Л.Н. Крицман. — Какая-нибудь отрасль труда объявляется ударной. "Все на имярек". Дело идет на лад. Но тут же, как только или еще до того, как с большими усилиями удастся вытащить "ударный" нос, обнаруживается, что увяз "неударный" хвост. Хвост немедленно объявляется ударным, и история начинается сначала» [4, с. 6].

Действительно, первоначально планирование осуществлялось на основе отраслевых проектировок. Определялись задания по важнейшим отраслям тяжелой промышленности (производству чугуна, стали, проката, электроэнергии и т.д.) и для их развития выделялись основные имеющиеся ресурсы. На удовлетворение нужд других отраслей шло то, что оставалось после решения первоочередных задач.

По существу, довоенные и первые послевоенные пятилетки не были полностью сбалансированы и всегда содержали частичные диспропорции (см. табл. 3).

Лишь в 1960—1970 гг. происходит переход к комплексному многовариантному планированию. Однако теперь на передний план выходят новые проблемы, возникшие с ростом масштабов народного хозяйства. В начале 80-х гг. Госплан составлял более 2 тыс. балансов, имевших около 50 тыс. позиций. В стране производилось более 12 млн наименований продуктов труда. В этих условиях балансы приобретают все более обобщенный характер, происходит понижение качества согласования производства и распределения видов продуктов. К этому добавляется противоречие между продуктовой и отраслевой классификацией, которое не решает и межотраслевой баланс. При планировании от достигнутого межотраслевой баланс фактически основывается на нормах затрат предыдущих лет. Отражая устаревшие технические коэффициенты, межотраслевой баланс, составленный Госпланом, оказывается хронически консервативным (табл. 4).

Таблица 4

**Производство некоторых видов промышленной продукции
в натуральном выражении 1975-1989 гг., млн т**

	1975	1980	1985	1989
Нефть, включая газовый конденсат	491	603	595	607
Уголь	701	716	726	740
Сталь	141	148	155	160
Прокат черных металлов	115	118	128	136
Железная руда	235	245	248	241
Цемент	122	125	131	140

Составлено по: [6, с. 156–159, 178; 10, с. 217, 221].

Плановое хозяйство становится чрезвычайно громоздким и неповоротливым. В начале 80-х гг. число ежегодно составляемых плановых показателей оценивалось в огромную величину — 2,7–3,6 млрд, в том числе в центре утверждалось порядка 2,7–3,5 млн [7, с. 49]. Большая часть этих показателей (до 70%) приходилась на распределение материалов и планирование поставок.

Любые технические нововведения, естественно, предполагают изменение ресурсного обеспечения, направления движения новой продукции, установления новых хозяйственных связей. Чем кардинальнее изобретение, тем сильнее логика сложившейся структуры.

Административно-плановая система воспринимает их с большим опозданием и достаточно болезненно, будучи ориентированной фактически на простое воспроизводство. Естественно поэтому, что растет срок службы оборудования, постоянно снижается фондоотдача. Средний срок службы оборудования составлял в отечественной промышленности 26 лет в 1989 г., превышая более чем в 2 раза существовавший официальный норматив. Фондоотдача снизилась с 1,29 в 1980-м г. до 1,03 в 1989 г. [10, с. 165, 200]. Неудивительно, что происходило постоянное снижение темпов среднегодового прироста произведенного национального дохода. Если в 1976—1980 гг. они составляли 4,3%, то в 1981—1985 гг. — 3,2%, а в 1986—1989 гг. — всего лишь 2,7% [10, с. 11]. Однако, если элиминировать ценовой фактор и обратиться к натуральным показателям, то станет ясно, что действительные темпы роста были еще более скромными [11, с. 760—765] (табл. 5).

Таблица 5

**Среднегодовой валовой сбор сельскохозяйственных культур
(во всех категориях хозяйства) в 1976-1989 гг., млн т**

	1976-1980	1981-1985	1986-1989
Зерно	205	180,3	206,9
Хлопок-сырец	8,55	8,31	8,39
Сахарная свекла (фабричная)	88,7	76,4	88,9
Льноволокно, тыс. т	393	377	367
Картофель	82,6	78,4	74,4
Овощи	26,3	29,2	29,2

Составлено по: [10, с. 235].

Это наглядно видно, если проанализировать не стоимостные, а натуральные показатели. Даже официальная статистика не в состоянии была скрыть застой, который царил в основных отраслях промышленности (см. табл. 4). Еще в большей степени это было характерно для сельского хозяйства, где среднегодовой валовой сбор сельскохозяйственных культур колебался в 1970-е — 1980-е гг. вокруг одного и того же уровня (см. табл. 5).

Торможению экономического развития способствовала и монополизация производства.

■ Список литературы

1. *Богданов А., Степанов И.* Курс политической экономии. Т. 1.4. М.-Л.: Госиздат, 1925.
2. Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1960.
3. Коммунист. 1987. № 18.
4. *Крицман Л.* О едином хозяйственном плане. М.: Госиздат, 1921.
5. Кульминация «военного коммунизма» // ЭКО. 1989. № 1.
6. Народное хозяйство в СССР в 1980 г. М.: Финансы и статистика, 1981.
7. *Ноув А.* Чему учит советский опыт, или вопросы без ответов // ЭКО. 1990. № 4.
8. *Радаев В., Аузан А.* Социализм: возможны варианты // Вопросы экономики. 1989. № 9.
9. Социализм: вчера, сегодня, завтра // Экономические науки. 1989. № 9.
10. СССР в цифрах в 1989 году. М., 1990.
11. Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ); под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001.
12. *Jasny N.* Essays on the Soviet Economy. N.Y.: Praeger, 1962.
13. *Nove A.* An Economic History of the USSR. London: Penguin, 1969.
14. *Zaleski E.* Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980.

В.А. Погребинская¹

V.A. Pogrebinskaya²

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В ГОСПЛАНЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА (АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ)

The Theory of planning and forecasting development
in the Gosplan of the 20s of the XX century
(contemporary approach)

В статье рассматривается развитие в XX веке основных методологических основ планирования и прогнозирования: экономико-математического направления и гетелеологии (соединение объективности развития с целеполаганием) в результате достижений культурологического, нарративного и математического анализа.

Ключевые слова: бинарная модель, биография, гетелеология, культурология, нарративный анализ, экономико-математическое моделирование.

The report examines the development in the twentieth century of the main methodological foundations of planning and forecasting: the economic and mathematical direction and geteleology (combining the objectivity of development with goal-setting) as a result of the achievements of cultural, narrative and mathematical analysis.

Keywords. Binary model, biographical analysis, geteleology, cultural studies, narrative analysis, economic and mathematical modeling.

Цель моей статьи — доказать преимущество методов планирования и прогнозирования для их практического использования в разработке методологии современных стратегических программ.

Современная проблема стратегического планирования в России — недостаточная разработанность его методологической основы. В этой связи полезно обратиться к тем методологическим установкам, которые были разработаны в Госплане в 20-е гг. в связи с составлением

¹ Погребинская Вера Александровна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической истории и экономических учений, экономический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

² Vera A. Pogrebinskaya, PhD (Econ.), Department of the History of Economics and History of Economic Thinking, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.

генерального плана развития СССР на 15 лет. Такой план, по сути, мог быть ничем иным, как прогнозом, ввиду длительности планируемого периода. Вначале подобный план рассматривался как пересмотр ГОЭЛРО, т.к. к 1924 г. стали ясны его недостатки. В дальнейшем подобный пересмотр превратился с составлением нового генерального плана. Над его составлением последовательно работало три комиссии Госплана: под председательством П. С. Осадчего (1926–1928), Н.А. Ковалевского (1928–1930), Г.И. Ломова (1931–1933). Научные материалы работы этих комиссий опубликованные и не опубликованные) значительны для теории планирования и прогнозирования.

Пионерным достижением работы Комиссии Н.А. Ковалевского стала первая в мире экономико-математическая модель Фельдмана. В результате предлагались варианты развития, выбор реалистичного должен был осуществляться исходя из цели развития. Цель согласно модели, — повышение народного благосостояния. Заметим, что подобная цель модели была поставлена в период, когда основной задачей провозглашалась индустриализация страны. Важнейшим логическим выводом модели стало понятие ограничителя экономического роста со стороны потребления населения. Пренебрежение этим — ведет к голоду. Пионерным для того времени стал и вывод о том, что рост производительности труда зависит не только от его фондовооруженности, но и от фондоотдачи, т.е. эффективности использования фондов. Другим достижением работы Г.А. Фельдмана в Комиссии стало предложение конкретной пошаговой методики разработки прогноза. И, наконец, был предложен метод сравнения экономик СССР и США, основанный не на простом сопоставлении статистических данных, а с помощью приведения к сравнимой основе структур хозяйств. Подобное сравнение показало более благоприятную для СССР ситуацию, чем при прямом статистическом сопоставлении. А главное, был сделан вывод о том, что в соотношении темпов экономического роста и структуры хозяйства, цель — структура. В практике планирования выводы Комиссии Ковалевского в годы первых пятилеток не были использованы. Но научное развитие идей продолжалось. Показательна в этом смысле история открытий в области экономико-математических исследований, сделанных В. Канторовичем, которые в методологическом смысле, а именно определении оптимального соотношения частей структур, в том числе экономических, по множеству критериев следует считать продолжением работ 20-х гг. XX в. Первая работа Канторовича, опубликованная в 1939 г., «Математические методы организации и планирования производства» [3], описала задачи экономики, поддающиеся открытому им математическому методу линейного программиро-

вания. Эта работа стала результатом того, что в 1938 г., консультируя фанерный трест по проблеме эффективного использования станков, Канторович предложил метод, который в дальнейшем и развил, понимая, что его можно применять и к другим проблемам экономики¹. В 1948 г. группа математиков во главе с Канторовичем была подключена к разработке атомного проекта. В 1975 г. В. Канторович становится первым лауреатом Нобелевской премии по экономике² из СССР за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов и вторым после В. Леонтьева (1973 г.) лауреатом этой премии российского происхождения.

В дальнейшем развитие и применение на практике идей математического направления выросло в экономическую кибернетику, включающую программирование, экономико-математические модели, эконометрику и математическую экономику.

Кроме экономико-математического направления в ходе составления генерального плана был сформулирован гетелеологический подход к планированию и прогнозированию. Термин «гетелеология» (введен мною. — *Погребинская В.А.*) требует расшифровки. В ходе дискуссий по составлению Генерального плана выявилось два направления — генетическое, опирающееся в своих прогнозах на сложившиеся закономерности экономического развития России, и телеологическое, исходящее из приоритета постановки цели роста. Под закономерностями экономического развития понимались в основном закономерности развития рынка. Телеология, как целеполагание, осуществлялась на основе социально-экономической политики. Составители генерального плана исходили из того, что новая экономическая политика (нэп) — долгосрочная перспектива развития СССР. Результатом дискуссии по генетике и телеологии стал вывод В.А. Базарова о взаимопроникновении этих двух подходов: цели могут быть поставлены только на основе понимания закономерностей развития, а изучение закономерностей не может быть бесцельным, т.е. сформулирован подход «гетелеология». Хотя Базаровым он так не назывался.

Что касается гетелеологического направления как метода, соединяющего объективные закономерности с целями развития общества, его судьба сложилась следующим образом. В практике хозяйственного развития России победил телеологический подход. Целью развития практически стали максимальные темпы индустриализации.

¹ И не только экономики. Мало известен факт, что Канторович, исчисляя расположения мин в годы ВОВ, занимался разминированием.

² Совместно с Т. Купмансом.

Торжество телеологического подхода к планированию в его политизированном смысле и отрицание его в мировой науке привело к формулировке концепции «Path-Dependence» (переведено как «Эффект колеи»), означает зависимость от траектории предшествующего развития. Верификация «эффекта колеи» с помощью количественного анализа, принадлежит А. Мэддисону и, безусловно, относится к величайшим научным достижениям второй половины XX века. В России же развитием гетелеологии в понимании взаимосвязи генетики и постановки социально-экономических целей общества следует считать исследования культурологического направления в отечественной науке. К таким исследованиям относятся, прежде всего, работы выдающегося ученого Ю. Лотмана. Ученый, подчеркивая разнообразие российской культуры, отличает ее структурное единство, сочетающее распадение на два различных направления: бинарное и тернарное. Бинарное направление исходит из того, что весь мир делится на положительное и отрицательное, на греховное и святое, на национальное и искусственно привнесенное. Выделение двух полюсов как основного организатора структуры неизбежно приводит к специфическому типу динамики. Этот тип складывается не только как борьба между полюсами зла и добра. Он может реализовываться через предельную степень зла. Если зло может осознаваться как переломный момент, момент необходимый, то «высокое романтическое зло» приобретает дополнительную оправданность. Противоположное бинарному тернарное направление культуры исходит из того, что мир зла и мир добра не имеют однозначной моральной оценки и характеризуются признаками существования.

Тернарное направление в отличие от бинарного построено на движении мысли не от модели к реальности, а от реальности к модели. Преобладание в российской культуре 20-х гг. бинарного направления позволяют понять оправдание советским народом форсированной индустриализации и жертв, с ней связанных. Бинарное и тернарное направления образуют единое целое, и одновременно их столкновение создает необходимое внутреннее разнообразие культуры, обеспечивающее динамику системы как таковой. При этом социальные взрывы, при преобладании бинарной структуры, ведут к разрушительным последствиям, значительно большего масштаба, чем в тернарных структурах. Таковы основные положения теории Лотмана по интересующему нас вопросу. Использование их в современных условиях России необходимо для понимания ограничителей экономической динамики со стороны особенностей российской культуры.

Рост образованности и культурного уровня населения ведет к тому, что формулировка целей экономического развития все больше зави-

сит от индивидуального выбора индивида, который зависит от информированности о процессах, происходящих в экономике. Описание подобных процессов, т.е. нарративная экономика, обладает возможностями манипулирования общественным мнением, которое оказывает обратное действие на экономические процессы. Изучение подобных процессов, как основа прогноза в России, обусловлено критикой влияния СМИ на осознание целей развития в связи с интересами: общественными, государственными, личными и противоречиями между ними. В СССР государство обладало монопольным правом цензора СМИ, что двояко отражалось на содержании нарратива. С одной стороны, в нем рисовалась не столько реальность, сколько идеальная картина, часто переплетающаяся с мифом. С другой стороны, противостояние такому подходу вызвало особенность российской литературы, журналистики, кинематографии, которая выражалась в противостоянии подобного подходу, через раскрытие интересов людей в художественной форме и создавало основу для сравнения их с официально поставленными целями. Зарубежные исследователи (Р. Шиллер, Дж. Акерлоф, Д. Сноуэр, Р. Крэнтон), используя нарративный метод, предлагают объяснения советской действительности с позиций социальных норм и институтов. Такой подход позволил Акерлофу и Сноуэру понять социальные дисфункции, связанные с проведением новой экономической политики (нэпа), реализацией плановой экономики, коллективизацией и раскулачиванием. Современный нарративный анализ, как часть исследования российской «генетики» и ее связи с поставкой целей, предложенный в работах В.Л. Тамбовцева, В.В. Вольчека, Н.В. Евстегнеевой и О.А. Обремко, позволяет сделать полезные выводы для современного прогнозирования и планирования. Они заключаются в следующем.

Значительные изменения в современной информационной базе прогнозирования и планирования привели к «повороту» в сторону сложности и субъективной информации. Это создает основу для нарративного анализа в вариантах реализации прогнозов. Данный вывод, по мнению Тамбовцева, действует в отношении групп индивидов, которые располагают ресурсным потенциалом и могут трактовать нарративные сюжеты в аспекте альтернатив принятия решений [4, с. 30]. Данное положение важно в условиях нарастания значимости прогноза поведения децентрализованных агентов для поведения всей системы в целом. Наиболее эффективным методом в этом направлении, по мнению Тамбовцева, стало агентное моделирование. Суть подобного моделирования в том, что оно позволяет аналитику исследовать влияние поведения децентрализованных агентов на поведение всей

системы в целом. Поведение системы рассматривается как результат деятельности множества агентов, т.е. прогноз «снизу вверх».

С ростом информационного потока влияние нарративной экономики будет нарастать. В то же время развитие культуры и образования ведет к критическому отношению к информации. В этих условиях научная экспертиза информации, и наука в целом, приобретает смысл защиты населения.

На основе исследования работ зарубежных авторов В.В. Вольчик доказательно утверждает, что нарративный анализ позволяет получить «лучшую и более реалистичную картину, объясняющую экономические действия, выборы и другие повторяющиеся взаимодействия акторов» [2, с. 136]. То есть такой анализ объясняет «генетику» общества через конкретное поведение действующих лиц истории. Используя исторические примеры из советского прошлого, Акерлоф и Сноуер разъясняют, почему именно нарративы позволяют лучше понимать и познавать социальные нормы и институты, в частности связанные с проведением новой экономической политики (нэпа), организацией плановой экономики в СССР, коллективизацией, раскулачиванием и сопряженными с этими процессами социальными и экономическими дисфункциями. Изучение нарративов позволяет исследователям понять внутреннюю логику стимулов и мотивов, которые двигали авторами, а также выявить логику и закономерности происходящих в то время процессов [5, р. 66–69]. Нарративный анализ связан с историческим, но и отличается от него. Если история придает смысл опыту прошлого, то нарратив является схемой использования опыта людьми. Подобная схема зависит от понимания событий: коллективного, общественного, личного, которое в свою очередь формируется культурой общества и влиянием на нее средств массовой информации.

Одно из составляющих культуры — отношение к нарушению стабильности развития, которое формируется пониманием предшествующего опыта.

В сознании большинства людей динамичности развития противостоит стабильность. Смена траектории развития связана с нарушением стабильности. Обращает на себя внимание факт, что страны, которым удалось в XX в. сменить траекторию развития, — Япония, Южная Корея, Гонконг, Сингапур и Тайвань, использовали для этого иностранный капитал и внедрение вместе с ним иной культуры, что вызывало недовольство значительной части населения. Победа сторонников изменения «колеи» не была безболезненной. В каких условиях противоборство сторон приводит к победе сторонников смены колеи? При всем разнообразии условий обращает на себя

внимание факт роли личностей в подобной смене: Пак Чонхи в Южной Корее, Ли Кун Ю в Сингапуре, Цзянь Цзинго на Тайване. Они взяли на себя ответственность за смену «колеи» и успешно пытались смягчить трудности, возникающие при этом, максимально сохраняя сложившуюся культуру.

Сравнительный анализ деятельности правителей в странах, преуспевших в выборе «колеи» и, наоборот, проигравших, могло бы стать важным направлением в изучении влияния исторических личностей на экономическую политику¹. В этом ключе для развития гетелеологического подхода важно развитие такой науки, как биографика, в которой рассматриваются взаимовлияния личности и исторического времени. Интересно, что развитие исследований по биографике совпадает с периодом нэпа. Российские исследования данного направления проходили в русле мировых. Разработкой проблем биографики в 1920-е гг. в России занимались Н.А. Рыбников, Г.О. Винокур, И.Т. Филиппов. К 20-м гг. XX в. в мире сформировались две школы: школа изучения элит и статистического изучения масс. Школа статистического изучения масс, используя просопографический метод, рассматривает историческую личность не как изолированного героя, а как члена определенного коллектива (семьи, клана, политической группировки). Например: министры финансов российской Империи, «иностранные специалисты в 1920–30-х годов». В научной литературе последнего времени проблемы биографики, как науки, разработаны в трудах И. Беленького, А.Л. Валиевского, И.Ф. Петровской [1, с. 28]. Подобные исследования помогают понять взаимовлияние личности и исторического времени. В современных условиях развития России, которые характеризуются нарастанием роли агентов планирования, роль личностей в изменении «колеи» будет возрастать. Взаимопроникновения концепций «эффекта колеи» и «биографики» важны для выбора направления в образовании и воспитании управленческого аппарата России. История Госплана свидетельствует о том, что общие черты биографий лучших его руководителей и сотрудников, внесших вклад в развитие теории планирования и прогнозирования, заключались в образованности и высоком уровне профессиональной и общей культуры.

¹ О существовании подобного влияния свидетельствуют и история. Исторический пример — соперничество Англии и Испании. Победа в нем Англии во многом была обеспечена политикой Елизаветы I, которая весь период своего царствования (1558–1603) всячески поощряла развитие мануфактуры и торговли, а также третье сословие, отвечавшее за развитие экономики. Филипп II в Испании (правил в 1556–1598) прославился активным участием в инквизиции, подавлявшей все предпринимательские начинания.

Все, что было сделано в области гетелеологии в XX в. (хотя сам этот термин не употреблялся ранее), свидетельствует о том, что всякая постановка вопроса влияния традиций (эффект колеи) или закономерностей развития, или в целом истории государства на современность, невозможна без органичного вхождения в эти институты постановки целей общества и личностей их реализующих. Об этом свидетельствует и история вопроса, учитывая, что генетический и телеологический подход — часть более общей проблемы, а именно: традиций и новаторства; материальных целей развития и нравственности; целей прогресса и стабильности, которые рассматривались человечеством на протяжении всей его истории. Решение этих вопросов никогда не было и не может быть окончательным.

Выводы

Изучение фундаментальных исследований в области методологии планирования и прогнозирования в Госплане 20-х гг. XX в. показало неисчерпанность их интеллектуального потенциала при недостаточном практическом использовании, связанном с упрощенным пониманием политических установок в развитии общества. Идея гетелеологии, как связи между закономерностями развития с постановкой общественных целей, на протяжении всего XX в. развивалась в общественных науках России: экономической истории, гражданской истории, культурологии. Результатом этих исследований можно считать вывод о взаимодействии и взаимопроникновении трех факторов развития: сложившихся традиций, целевых установок общества и человека

Развитие экономико-математических методов, начавшееся в России в 20-х гг. XX в. в Госплане, показало, что будущее в их применении, как и всего комплекса цифровизации экономики, заключается в соединении с гуманитарным знанием.

Все лучшее, что было сделано в России в области методологии прогнозирования и планирования, осуществлялось людьми высокой общей и профессиональной культуры. Для экономического образования нашего времени урок заключается в том, что оно должно включать предметы, развивающие культуру молодого поколения, основанную на гуманитарных знаниях.

■ Список литературы

1. *Беленький И.Л.* Биографика // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года. В 5 т. Т. 1. М., 1994.
2. *Вольчек В.В.* Нарративная и институциональная экономика // Теория и методология институциональной экономики. 2017. Т. 9. № 4. С. 132—142.
3. *Канторович Л.В.* Математические методы организации и планирования производства. Л.: ЛГУ, 1939. С. 68.
4. *Тамбовцев В.Л.* Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 5—30.
5. *Akerlof G.A., Snower D.J.* (2016). Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58—71 (<http://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>).

А.И. Попов¹

A.I. Popov²

Л.В. Церкасевич³

L.V. Tserkasevich⁴

СООТНОШЕНИЕ ПЛАНОВЫХ И РЫНОЧНЫХ МЕТОДОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ КРУПНОМАСШТАБНЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 100 ЛЕТ

Ratio of Planned and Market Methods of Regulating
the Economy in the Conditions of Implementing
Large-scale Projects in Russia over the Last 100 years

Статья посвящена анализу реализации крупномасштабных хозяйственных проектов, осуществленных в советское время. В работе предложены методологические основы анализа формирования плановой и рыночной модели хозяйствования. Показаны базовые научные идеи реализации плановой экономики. Рассмотрены основные достижения российской экономики, базирующиеся на плане ГОЭЛРО. Разработана система анализа развития отечественной промышленности, базирующаяся на существенных целевых показателях (волновое развитие). На базе использования

The article is devoted to the analysis of the implementation of large-scale economic projects carried out during the Soviet era. The paper proposes a methodological basis for the analysis of the formation of a planned and market model of management. The basic scientific ideas of the planned economy implementation are shown. The main achievements of the Russian economy based on the GOELRO plan are considered. A system for analyzing the development of domestic industry based on essential target indicators (wave development) has been developed. Based on the use of official statistics, the

¹ Попов Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

² Alexander I. Popov, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought at St. Petersburg State University of Economics.

³ Церкасевич Лариса Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

⁴ Larisa V. Tserkasevich, Doctor of Econ. Sc., Professor of the Department of Economics and Finance at St. Petersburg Institute of Economics and Management.

данных официальной статистики показаны достижения отечественной промышленности, основным звеном управления которой была плановая экономика. Выделены негативные институциональные факторы перехода к рыночным методам хозяйствования в новейшее время. Предложены направления совершенствования управления рыночной экономикой.

Ключевые слова: сочетание рыночных и плановых методов хозяйствования, ГОСПЛАН, волновое экономическое развитие России.

achievements of domestic industry are shown, the main link of which was the planned economy. The negative institutional factors of the transition to market methods of management in modern times are highlighted. The directions of improving the management of the market economy are proposed.

Keywords: combination of market and planned management methods, GOSPLAN, wave economic development of Russia.

Методологические основы становления плановых и рыночных методов хозяйствования: индивидуализм и холизм

В настоящее время в экономической теории широкое распространение получили два подхода к исследованию процессов функционирования и развития экономической системы: методологический индивидуализм и методологический холизм. В широком смысле индивидуализм представляет собой нравственный принцип, в основе которого лежат интересы отдельной личности (индивидуума); холизм (от греч. «holos» — целое) был предложен и введен в научный оборот Я.Н. Смэтсом, который в своей работе «Холизм и эволюция» [18, р. 84—117] рассматривал холизм как процесс творческой эволюции, создания новых целостностей.

В качестве фундаментальных положений индивидуализма и холизма в экономической науке, по нашему мнению, заложены философские категории: «эгоизм» и «альтруизм» [13, с. 49—52]. Эгоизм определяет моральную сторону бытия человека, выражает жизненный принцип по отношению к обществу и другим людям. Альтруизм в своей основе содержит принцип общественных интересов над индивидуальными (служение другим людям, готовность жертвовать своими интересами во благо общества).

Двойственность поведения людей обусловлена социальной природой человека. С одной стороны, всем людям присущи индивидуальные стимулы в получении максимума пользы, а также создание наилучших условий собственной жизнедеятельности. С другой стороны, человек живет в определенном социуме с соответствующими традициями и нормами, которые определяют его жизнедеятельность.

Методологический индивидуализм и методологический холизм нами исследуется при обосновании процессов формирования и использования рыночных и плановых методов хозяйствования. Известно, что рыночная (капиталистическая) экономика сформировалась под влиянием классической политической экономии, которая обосновывалась А. Смитом и Д. Рикардо, но законченную форму приобрела в теории равновесия, согласно которой равновесие достигается силами рынка. Плановая модель экономики сложилась в нашей стране на базе марксистской экономической теории. Эти два подхода выступают как альтернативные направления, в которых преобладают либо рыночные, либо административные методы воздействия на социальные и экономические процессы. Слабые стороны индивидуализма наиболее отчетливо проявляются в период выполнения крупных трансформационных преобразований, к числу которых относится модернизация. Индивидуализм в этом случае выступает сдерживающим фактором. Исключение индивидуализма при выборе экономического направления развития позволило консолидировать все имеющиеся ресурсы страны на преодоление технической отсталости и возведение мощной промышленной индустрии образованного общества.

Содержательная сторона рыночной экономики — это формальное равновесие (неравновесие). Зависимость экономической жизни от факторов социальной системы в данном подходе практически не учитывается. В качестве инструмента рынка используются деньги, цены и рыночные операции.

Плановая экономика отражает форму реализации всех сторон существования экономической жизни общества. Согласно марксистской концепции равновесие состоит в соблюдении строго определенных пропорций между разными отраслями, видами и подвидами производства, сторонами экономической жизни общества. В плановой системе в качестве инструмента используется построение межотраслевых балансов в натуральном и стоимостном выражении. Использование межотраслевых балансов позволяет определять количественную и стоимостную структуру товаров с учетом материальной и социальной структуры потребностей в виде взаимосвязи производства и потребления.

Практическая реализация плановых методов хозяйствования в советской России

Впервые обоснование плана реорганизации промышленного производства с целью промышленного подъема страны был задуман В.И. Лениным в апреле 1918 г. в работе «Набросок плана

научно-технических работ», в которой Академии наук было предложено привлечь ученых с целью тщательного изучения состояния производительных сил страны. Результатом деятельности специалистов должен стать план развития экономики страны, основу которого должны составлять следующие факторы [6, с. 228]:

1. Рациональное размещение производительных сил с точки зрения наличия сырьевых ресурсов и снижения потерь труда в ходе стадий последовательной их обработки.

2. Концентрация производственных мощностей в немногих крупнейших предприятиях.

3. Стремление территорий к самообеспечению главнейшими видами сырья.

4. Движущей силой развития экономики должно стать развитие транспорта и применение электричества.

Следует упомянуть, что успешному развитию экономики России в тот период препятствовал ряд факторов, среди которых можно указать следующие:

1. Первая мировая война, которая истощила производственную базу, материальные и трудовые ресурсы страны. Война, развал промышленных предприятий, упадок сельского хозяйства, голод. На всей территории страны происходили голодные бунты. К концу войны Россия потеряла 60% своего народного богатства [14, с. 70].

2. Неграмотность подавляющего большинства населения страны. Перед Первой мировой войной 79% населения России было безграмотным. В то же время в Дании и Швеции безграмотных не было вовсе, в Германии и Швейцарии их насчитывалось 1–2% [14, с. 15]. Это вызвало большой дефицит специалистов, необходимых для развития народного хозяйства.

3. Сельское хозяйство носило явные черты дворянско-помещичьего землевладения. 70% земли принадлежало помещикам. Кроме этого, отсталость землепользования характеризовалась полным отсутствием механизации. В 1910 г. в России насчитывалось 8 млн штук сох и 4 млн плугов, что свидетельствует о ручном способе обработки земли [14, с. 7].

4. Низкая производительность труда в промышленности. Так, в 1908 г. один фабрично-заводской рабочий производил продукции на 1810 рублей в год, тогда как в США уже в 1860 г. один американский рабочий производил продукции на 2960 рублей в год, а в 1910 г. — на 6264 рубля. По величине ВВП на душу населения Россия накануне войны занимала 7-е место в мире [14, с. 14].

Напомним, что в дореволюционный период в России государственные органы также управляли экономикой жесткими админист-

ративными методами, которые приводили к ее низкой эффективности. Более того, государство имело большую долю в экономике, функционировало множество государственных предприятий, обслуживающих нужды царского двора. Кроме того, накануне революции 1917 г. в экономике России государству принадлежали 2/3 железных дорог, большая часть военной и металлургической промышленности, огромные площади земли, в том числе 60 % лесов [16].

План реорганизации экономики страны предполагал постепенный переход к преобладанию социалистической (государственной) формы собственности. В начальный период существовало несколько форм или укладов, результаты деятельности которых необходимо было учитывать при управлении экономикой [7, с. 296]:

- патриархальное натуральное хозяйство;
- мелкотоварное производство, в основном крестьянское;
- частнохозяйственный капитализм;
- государственный капитализм;
- социалистическое производство.

Таким образом, мы видим, что в начале формирования новых экономических отношений допускались и приветствовались различные формы собственности, так как это «возможная и единственно разумная политика» [8, с. 201–204].

Представляет научный интерес, какие формы государственного капитализма предусматривалось использовать, так как этот вопрос продолжает быть актуальным и в современное время. Этих форм было предложено четыре варианта:

- концессия;
- кооперация мелких товаропроизводителей;
- продажа частным лицом товаров, закупленных у государства (с уплатой процентов с продаж) или у частных производителей;
- сдача в аренду частным лицам государственных предприятий, промыслов, участков земли или леса [8, с. 201–204].

О соотношении объемов производства государственных и частных структур свидетельствуют следующие цифры. К 1925 г. товарная доля продукции сельского хозяйства в ценностном выражении составляла 36,3% к общей товарной массе, а доля производства промышленной продукции — 63,7%. В объеме выпуска товаров промышленного производства продукция государственных предприятий составляла 79,3% (4, с. XII). Таким образом, и государственные, и частные структуры были вовлечены в экономику страны.

Здесь следует указать, что институты являются фундаментальными факторами функционирования социальных и экономических систем в долгосрочной перспективе. Поскольку настоящее и будущее

общественного развития неразрывно связаны с прошлым, то формирование институтов должно обладать свойством преемственности, так как в основе управленческих решений лежат конкретные факты прошлого и настоящего [11].

В 1920–1930-е гг. выдающиеся русские ученые Н.Д. Кондратьев и С.Г. Струмилин работают над теоретической базой планирования и прогнозирования. В это время Кондратьевым были сформулированы закономерности циклической динамики, а также разработаны основы социогенетики [5]. Академик Струмилин указывал на главный порок капиталистической системы — отсутствие единой плановой системы [15].

Активный участник дискуссий о сущности планирования, работник Госплана, Струмилин полагал, что «планирование, как и управление в целом, является сплавом науки и искусства, научного предвидения (прогноза) и волевого задания (директивы)» [15].

В это время известный ученый В. Леонтьев пишет свою работу «Баланс народного хозяйства» [10, с. 254–260], методологическая основа которой получила всемирное признание. Много лет спустя, в 1973 г., за этот труд ему была присуждена Нобелевская премия. Заметим, что значительный интерес к этому научному труду возник значительно позже, во второй половине 1950-х гг. В тот период получило широкое распространение использование электронно-вычислительных машин и математических методов в экономике. Это позволило использовать метод «затраты-выпуск», разработанный В. Леонтьевым. На базе новой прогрессивной техники стали разрабатываться межотраслевые балансы, что повлияло на усиление научной базы планирования и прогнозирования экономического развития страны [3, с. 471–490].

Плановая модель хозяйствования в России была обоснована и более подробно описана в 1918 г. В.И. Лениным в работе «Очередные задачи Советской власти» [9, с. 228]. В соответствии с идеями этой работы был принят Декрет об организации Госплана, сформирована единая система плановых органов. Особое внимание было уделено строительству новой материально-технической базы, «движущей силой которой стало развитие транспорта и электричество» [6, с. 228]. Был разработан план ГОЭЛРО, поскольку электрификация всей страны обеспечит развитие производительных сил и дальнейшее развитие страны.

В декабре 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов утвердил развитие плана ГОЭЛРО, который предполагалось выполнить в ближайшие 10–15 лет [9, с. 228]. В соответствии с планом ГОЭЛРО намечалось построить 30 районных электростанций с общей мощностью

в 1 750 тыс. кВт. На базе электрификации предполагалось развернуть огромное развитие промышленности. Основные плановые показатели и фактическое исполнение реализации плана ГОЭЛРО по промышленности представлены в табл. 1.

Консолидация управленческих функций всей экономической системы в послереволюционный период, четкое планирование и контроль исполнения позволили новой республике достичь колоссальных успехов в развитии народного хозяйства за короткий отрезок времени. В России за последние 150 лет можно выделить четыре волны трансформационных преобразований (табл. 2).

Первая волна. Строительство железных дорог. При реализации «рельсовой» модернизации определяющими факторами выбора организационно-экономических методов регулирования были такие характеристики, как территориальная разобщенность смежных производств, масштабы многоотраслевого характера продукции и другие. Практически в процессе реализации этого проекта была вовлечена вся промышленность России. Всеми делами стройки ведали Управление по сооружению Сибирских железных дорог, Инженерный совет Министерства путей сообщения и Мостовая комиссия временного управления казенных железных дорог. Это был своего рода Госплан, который координировал работу по строительству магистрали и разных сооружений. Анализ управления процессами построения железных дорог в России позволяет сделать вывод, что регулирующая роль государства в тот период была преобладающей.

Вторая волна. План ГОЭЛРО — электрификация всей России. При выполнении первого проекта в качестве базового ядра выступало сооружение железных дорог, во втором случае базовой основой модернизации (пионерная продукция) стала электрификация страны.

По подсчетам экономистов того времени, для финансового обеспечения плана требовалось примерно 17 миллиардов золотых рублей. Для покрытия этих расходов 11 миллиардов рассчитывали получить от экспорта, а остальные — из бюджета страны.

В рыночных условиях при распыленности капитала проблему подъема машиностроения, а следовательно, и выполнения плана ГОЭЛРО, вряд ли можно было решить. Выполнение плана было обеспечено не только благодаря «трудовому энтузиазму широких масс, воодушевленных великими преобразованиями» [2, с. 58], но и за счет централизации капитала, четкого планирования, контроля за его исполнением и введения жесткой дисциплины труда. В результате показатели плановых заданий были перевыполнены. В связи с этим можно видеть, что плановый вариант модернизации показал свои несомненные преимущества. В течение 1927–1940 гг.

в Советском Союзе избранная стратегия экономических преобразований с применением плановой системы себя оправдала, включая такую важную проблему, как получение средств для индустриализации. За указанный период в стране было построено около 9 тыс. новых заводов, общий объем промышленной продукции увеличился в 8 раз.

Эффективно используя преимущества плановой системы, правительство СССР создало новую структуру отраслей промышленности, включая отрасли новых технологических укладов, формирующих пионерный сектор экономики (см. табл. 1).

Третья волна. Инновационный прорыв произошел в 1950–1960 гг. В этот период Россия вышла на лидирующие позиции в создании атомной энергетики, освоении космоса, началось серийное производство реактивных самолетов. Успешно развивалось станкостроение, радиоэлектронная промышленность, большая химия, биотехнология. В этот период наблюдалось бурное развитие экономики как по качественным, так и по количественным показателям. В количественном отношении с 1950 по 1970 г. национальный доход увеличился в 5,3 раза, промышленное производство в 6,1 раза, капитальные вложения в 6,4 раза, среднемесячный уровень зарплаты — в 2 раза.

По качественным параметрам высокий научно-технический потенциал советской промышленности никем не оспаривался. В результате экономика России заняла ведущее положение в мире как страна четвертого технологического уклада. По объему финансирования инновационной сферы Советский Союз занял первое место в мире. Инвестиции в НИОКР увеличились более чем в 33 раза — с 1 млрд руб. в 1950 г. до 33,2 млрд руб. в 1987 г. Среднегодовые темпы роста затрат на НИОКР в период 1950–1985 гг. составляли 11% (см. табл. 2).

Четвертая волна. Трансформация плановой системы и построение рыночной модели хозяйственной системы России. Новый курс развития экономики России заключался в использовании «рыночного фундаментализма» и полном отказе от плановых методов хозяйствования. Более того, термин «плановая экономика» стал трактоваться как негативное понятие, которое привело к системному разрушению социально-экономического развития. В результате внедрения рыночных реформ были утрачены базисные основы управляемости народным хозяйством [1, с. 190–203]. Более того, внедрение рыночных методов на базе старых институтов организационно-правового регулирования привело к полному разрыву воспроизводственных взаимосвязей в экономике. В итоге произошел переход от отлаженной, четко функционирующей плановой системы (хотя и несовершенной) к разрушительной «рыночной» экономике, которая приобрела инерционный характер.

Таблица 1

Плановые показатели и фактическое исполнение плана ГОЭЛРО по промышленности

	1913	1920	План ГОЭЛРО	Во сколько раз по плану ГОЭЛРО намечалось увеличение по сравнению с		Фактическое производство	Год, в котором выполнен план ГОЭЛРО
				с 1913	с 1920		
Валовая продукция крупной промышленности (1913=1)	1	0,14	1,8-2	1,8-2	более чем в 13-14 раз	2,5 [3]	1929-1930
Мощность районных электростанций, млн кВт	0,2	0,25 [5]	1,75	9,3	6,9	1,4	1931
Производство электроэнергии, млрд кВт-ч	2,0	0,5 [7]	8,8	4,3	16,9	8,4	1931
Нефть, млн т	10,3	3,9	11,8-16,4	1,1-1,6	3,1-4,3	18,5	1929-1930
Уголь, млн т	29,2	8,7	62,3	2,1	7,1	47,8	1932
Торф, млн т	1,7	1,4	16,4	9,6	12	8,1	1934
Железная руда, млн т	9,2	0,16	19,6	2,1	119	10,7	1934
Чугун, млн т	4,2	0,12	8,2	1,9	71	5,0	1934
Сталь, млн т	4,3	0,19	6,5	1,5	33,5	5,8	1933
Бумага, тыс. т	269,2	30,0	688,5	2,6	23	495,3	1936

Источник: Народное хозяйство СССР за 70 лет. Статистический сб. М.: Финансы и статистика, 1987.

Таблица 2

Периодизация трансформационных преобразований в России

Период модернизации	Наименование модернизации	Время модернизации, годы	Основное содержание модернизации
Первая волна	Рельсовая модернизация	1891–1916	Сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали, возведение сети железных дорог
Вторая волна	План ГОЭЛРО	1921–1941	Государственный план электрификации России, запуск крупных промышленных предприятий
Третья волна	Инновационно-технологический прорыв	1950–1989	Освоение новых наукоемких технологий, ориентированных на использование микроэлектронной техники, освоение космоса
Четвертая волна	Переход на рыночные «рельсы»	1990–2000-е	Трансформация плановой системы и построение рыночной модели хозяйственной системы России. (Разрушение без созидания)

* Периодизация волн дана в авторской трактовке.

Здесь можно указать, что в результате разрушительных процессов наиболее крупные потери понесла обрабатывающая промышленность. Это было обусловлено следующими факторами. Во-первых, произошло массовое снижение объемов производства; во-вторых, понижение технологического уровня создаваемой продукции; в-третьих, дезинтеграция науки, образования и производства и, соответственно, привело к их деградации. Так, фундаментальная наука стала рассматриваться как непроизводительная статья расходов, резко сократилось количество внутрифирменных научно-исследовательских и опытно-конструкторских организаций, что привело к снижению уровня инновационности производства и, соответственно, к конкурентоспособности выпускаемой продукции. Коммерциализация вузовского образования в условиях сокращения бюджетного финансирования, низкая зарплата преподавателей, слабая материальная база сказались на уровне подготовки квалифицированных специалистов. В целях сохранения образовательного учреждения как учебного заведения вузы стали выпускать «суррогатных» специалистов.

Как мы уже отметили выше, важнейшей проблемой трансформации экономической системы в России является отсутствие ответственности экономических, правовых и социальных институтов. Субъекты экономических отношений используют старые, сложившиеся стереотипы поведения, что приводит к низкой эффективности функционирования нового института. Здесь имеется в виду возникновение «институциональной ловушки» [12, с. 11]. По мнению автора этой концепции В.М. Полтеровича, институциональные ловушки являются главной опасностью проведения реформ.

По нашему мнению, полный отказ от использования плановых методов в экономике является необоснованным. Здесь мы можем указать негативный опыт трансформации социальной сферы Швеции с использованием рыночных отношений [17, с. 163—174]. Преобразования стали происходить в течение последних трех десятилетий. Правительство Швеции решило сократить долю государственных расходов на услуги социальной сферы, одновременно повысить их качество. Доля государственного сектора в качестве производителя услуг благосостояния уменьшилась и была дополнена рыночными субъектами. Шведские ученые делают вывод о неэффективности рыночных преобразований в социальной сфере. Например, приватизация школьного образования привела лишь к сегрегации учеников, а усвоение знаний учениками осталось на прежнем уровне. Результатом рыночных реформ в социальной сфере стало увеличение государственных расходов, связанных с «провалами рынка». В дальнейшем предполагается сделать акцент на неприбыльном секторе экономики.

Проведенный анализ соотношения плановых и рыночных методов регулирования экономических отношений при реализации крупномасштабных проектов народного хозяйства, проведенный в данной работе, позволяет сделать следующие выводы.

Анализ специфики развития экономики России в исторической ретроспективе показал, что определяющими факторами выбора метода хозяйствования являются уровень развития производительных сил конкретного региона, наличие природных, финансовых, трудовых ресурсов, развитость транспортной инфраструктуры, а также вектор направленности технического прогресса, детерминирующий развитие тех или иных секторов экономики.

Реализация крупных народнохозяйственных проектов, имеющих ключевое значение для развития страны, может происходить только при плановых методах хозяйствования [1, с. 190—203]. Эти методы позволяют консолидировать финансовые, человеческие, инфраструктурные ресурсы, устанавливать четкое взаимодействие между различными отраслями промышленности, регионами страны, определять плановые параметры и контролировать их исполнение.

Экономическое развитие России с переходом на рыночные методы хозяйствования показало, что новой социально-экономической системой, способной осуществить преобразование централизованного управления, пока не создано. Догматическая приверженность к рыночной системе привела к полному отрицанию опыта индустриализации, накопленного в советский период. В настоящее время центральной проблемой является реиндустриализация экономики России. Базовым положением выступает взаимодействие сфер производства, фундаментальной и прикладной науки, системы образования. Необходимо напомнить, что в советский период интеграция сферы производства и научно-образовательной сферы довольно успешно развивалась.

Изучение динамики развития российской экономики в последние три десятилетия позволяет сделать вывод о том, что реформы, начатые в 1991 г., проводились без учета накопленного в предшествующий период опыта развития народного хозяйства страны. Следует указать, что в советский период наблюдались такие негативные явления, как использование гипертрофированных форм административного регулирования экономических процессов и чрезмерное обобществлением средств производства. Однако масштабы ускоренного развития ряда отраслей промышленности, увеличение производительности труда, бурное развитие фундаментальной науки и многие другие достижения свидетельствуют о позитивном опыте использования планово-государственных методов хозяйствования, которые позволили за короткий период в середине XX в. вывести Россию из состава периферийных в страны-лидеры.

■ Список литературы

1. *Бодрунов С.Д.* План и рынок: Перспективы интеграции // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 216 (№ 2/2019). М.: ВЭО России, 2019.
2. *Владимирский Е.А.* Экономика России в 20 веке (политэкономический успех). СПб.: СПбГАУ, 2000.
3. *Гранберг А.Г.* Василий Леонтьев в мировой и отечественной науке // Экономический журнал. ВШЭ. 2006. № 3.
4. Ковалевский // Плановое хозяйство. 1925. № 12. С. XII.
5. *Кондратьев Н.Д.* Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны. Вологда: Обл. отделение Гос. изд-ва, 1922.
6. *Ленин В.И.* набросок плана научно-технических работ / Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы. 1974.

7. *Ленин В.И.* О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности / Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
8. *Ленин В.И.* О продовольственном налоге / Полное собрание сочинений. В 55 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1970. Т. 9. Март—июнь 1921.
9. *В.И. Ленин.* Очередные задачи Советской власти / Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
10. *Леонтьев В.* Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ // Плановое хозяйство. 1925. № 12.
11. *Норт Дуглас.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: пер. на русский язык А.Н. Нестеренко. М., 1997.
12. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.
13. *Попов А.И., Борисова Е.В.* Формирование плановых и рыночных методов хозяйствования в контексте товарного производства К. Маркса // Проблемы современной экономики. 2018. № 2.
14. Развитие советской экономики; под ред. А.А. Арутюняна и Б.Л. Маркуса. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940.
15. *Струмилин С.Г.* Проблемы планирования в СССР. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1932.
16. *Тимофеева А.А.* История предпринимательства в России: учебное пособие. М.: Флинта, 2011.
17. *Церкасевиц Л.В.* Мифы и реальность шведского «дома для народа» // Современная Европа. 2019. № 2.
18. *Smuts J.C.* Holism and Evolution. New York: The Macmillan Company, 1936.

Ж.Т. Тощенко¹

Z.T. Toshchenko²

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СССР: ИСТОКИ, ОПЫТ, УРОКИ³

Theory and practice of social planning in the USSR: origins, experience, lessons

В статье анализируется процесс возникновения и развития идей социального планирования и их апробация, внедрение и совершенствование в Советском Союзе. Показывается роль начальных опытов реализации социально-экономических программ (план ГОЭЛРО, ликвидация неграмотности), отражение социальных целей в пятилетних планах развития народного хозяйства с конца 1920-х гг. до 1991 г. Особое внимание уделяется анализу такого феноменального явления, как составление и реализация планов социального развития производственных коллективов в 1960–1980-е гг. их постепенное распространение в практику управления в городах, областях (краях, республиках) и как финиш — в планах развития всего советского общества. Автор приходит к выводу, что отказ в новой России от такой формы регулирования социального развития является неоправданным, ошибочным, что показала практика ее развития более чем три десятилетия.

Ключевые слова: планирование социальное, план ГОЭЛРО, ликвидация неграмотности, пятилетние планы развития народного хозяйства, планы социального развития производственных коллективов.

The article analyzes the process of the emergence and development of the ideas of social planning and their approbation, implementation and improvement in the Soviet Union. It shows both the role of the initial experiments in the implementation of socio-economic programs (the GOELRO plan, the elimination of illiteracy) and the reflection of social goals in five-year plans for the development of the national economy from the late 1920s to 1991. Particular attention is paid to the analysis of such a phenomenal event as the drafting and implementation plans for the social development of production collectives in the 1960s-1980s, their gradual dissemination into the practice of management in cities, regions (territories, republics) and, as a finish line, in plans for the development of the entire Soviet society. The author comes to the conclusion that the refusal in the new Russia from this form of regulation of social (development is erroneous, which has been shown by the practice of its development for more than three decades.

Keywords: social planning, GOELRO (State Plan for Electrification of Russia), liquidation of illiteracy, five-year plans for the development of the national economy, plans for the social development of production organizations.

¹ Тощенко Жан Терентьевич, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий кафедрой теории и истории социологии, Российский государственный гуманитарный университет, главный научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук.

² Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Chief Researcher, Institute of Sociology, RAS.

³ Статья подготовлена в рамках реализации проекта РНФ № 18-18-00024.

Современные общества, заботящиеся о будущем, стремятся разрабатывать и претворять в жизнь планы (программы, проекты) обеспечения своего развития. Основной вопрос, который в этой связи возникает, заключается в том, насколько используемые средства и методы реализации поставленной цели коррелируют с основными объективными тенденциями, которые характеризуют направленность развития. Однако до XX в. такая политика не проводилась или осуществлялась стихийно, хотя были отдельные попытки регулировать развитие на определенном уровне, в отдельных секторах или сферах развития экономики. Так, к концу XIX в. прообразы планов стали постепенно применяться в рамках крупных производственных образований — трестах, концернах, фирмах. Но только в новой России, в которой была в 1917 г. провозглашена Советская власть, теория и практика планирования стали не только частью государственной политики, но и были поставлены на научную основу. Поэтому анализ опыта, достижений и просчетов в этой сфере является очень важной научной и не менее важной прикладной задачей, что позволяет сделать далеко идущие выводы.

Остановимся на этом подробнее.

Этапы возникновения и реализации идей социального планирования

Идея планирования по своему происхождению — идея социалистическая. Ее впервые высказали представители утопического социализма — Т. Мор (1478–1535), Т. Кампанелла (1568–1639), А. Сен-Симон (1760–1825), которые сформулировали в различных вариантах предложения, как рационализировать в интересах всех людей не только трудовую, но и повседневную жизнь людей. Среди них Ш. Фурье (1772–1837) предложил оригинальный способ распределения национального дохода в зависимости от капитала, труда и таланта (способностей), который, на наш взгляд, актуален и сегодня: как распределять доход в обществе. Фурье предложил, что этот доход должен разделить на 12 частей. Из них треть, то есть четыре части, связана с вкладом капитала, пять частей — с вложением людей в трудовой процесс (то есть больше, чем капитал). Еще три части — распределять эти доходы в зависимости — от таланта, от творческого потенциала, от рационализаторских предложений, которые человек вносит в процессе своей деятельности. В этой связи возникает вопрос: почему у российских либералов остается только забота об интересах капитала, правда, при славословии в адрес народа? Хотелось также отметить

еще одного утописта — Р. Оуэна (1771—1858), который попытался реализовать эти идеи в реальной жизни, организовав коммуны-производства как в Старом, так и Новом свете, но которые распались, не выдержав конкуренции со стороны капиталистической экономики.

Первой плодотворной попыткой реализации этих идей, включающей в себя многие аспекты планового развития общества, стало принятие двух грандиозных проектов: плана ГОЭЛРО (Государственный план электрификации России) и программы по ликвидации неграмотности. Что касается плана ГОЭЛРО, то он предусматривал решение целого комплекса задач. Он был разработан большой группой ученых во главе с Г.М. Кржижановскими и О.П. Флоренским. С точки зрения экономической за десять лет с 1921 по 1931 г. планировалось довести выработку электроэнергии до 1750 тыс. киловатт (фактически план был перевыполнен — выработка электроэнергии составила 2560 тыс. киловатт, и к 1935 г. СССР занял третье место в мире по ее выработке после США и Германии). С точки зрения социальной его реализация привела к огромным сдвигам: создавалась социальная инфраструктура, появились новые профессии, началась подготовка квалифицированной рабочей силы, состоялись первые шаги по коренному преобразованию быта. Появились новые виды транспорта, оборудования, были разработаны планы создания так называемых социалистических городов, непременным элементом жителей которых была полная электрификация производства и повседневной жизни. Причем этот план был тесно увязан с социалистическими задачами, имеющими четко выраженную социалистическую основу. (Известно выражение В. И. Ленина: «Социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны»). Основные принципы плана ГОЭЛРО стали образцом мирового планирования, а сам план — пионером в области решения актуальных экономических и социальных проблем в масштабе всего общества. Особенно это наглядно проявилось в сравнении с аналогичными попытками, предпринятыми в других странах. Так, план ГОЭЛРО пытались копировать во многих странах. В 1923—1931 гг. появились программы электрификации США (разработчик Фран Баум), Германии (Оскар Миллер), Англии (комиссия Вейера), Франции (Велем и Дюваль), Японии.

Второй план-проект — ликвидация неграмотности — был разработан согласно декрету, подписанному Лениным 26 декабря 1919 г. Этот декрет «О ликвидации неграмотности населения РСФСР» решал колоссальной сложности задачу: из страны, где около 75% населения было неграмотным, — сделать всех граждан людьми, обладающих навыками чтения и письма. На его реализацию были брошены все интеллектуальные силы, организационные возможности новой влас-

ти и значительные финансовые средства. Это была грандиозная эпопея, когда миллионы людей, особенно на селе (Россия в то время была крестьянской страной), садились за парты и овладевали грамотой. К реализации этого плана была привлечена вся интеллигенция и все те, кто владел элементарной грамотностью. Так, в его осуществлении в течение первых 10 лет принимали участие 3 млн человек. Этот подход потребовал массового переобучения, подготовки, повышения квалификации. Об этом ежедневно писали в газетах, снимали фильмы, поощряли и возвышали тех, кто добивался успехов в обучении людей грамоте. Только за первые три года было обучено грамоте 7 млн человек. В течение 10 лет эта программа была в основном выполнена, а государство в 1931 г. объявило о введении всеобщего обязательного начального образования (в дальнейшем, в начале 1950-х гг., стало нормой обязательное семилетнее образование, а в 1960 г. — всеобщее обязательное среднее образование). Реализация этого плана обеспечила не только развитие промышленности, создание новых производств, но и способствовала возникновению новой духовно-культурной атмосферы в обществе, росту уверенности многих людей в своем праве быть Человеком с большой буквы. По образному выражению российского философа и социолога, участника Великой Отечественной войны А.А. Зиновьева: победил германский фашизм вчерашний выпускник средней школы — человек, овладевший знаниями, вдохновленный идеей строительства нового общества и умеющий обращаться с соответствующей техникой, которой снабжала фронт отечественная промышленность.

Реализация этих грандиозных программ способствовало их организационное обеспечение. Советское правительство с первых шагов заявило, что оно будет строить плановое общество, что нужно отказаться от стихийности в развитии. Для этого уже в конце 1917 г. были созданы Высший совет народного хозяйства и его органы на местах. Для реализации плана ГОЭЛРО были созданы Комитет по электрификации и различные его отделы по строительству, эксплуатации и обеспечению работы. Что касается Программы по ликвидации неграмотности, то были созданы не только Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности (ВЧКЛБ), но и ее органы на местах — в губерниях, уездах, волостях.

В 1921 г. было признано, что плановую работу в стране должен возглавить специальный орган по перспективному и текущему планированию. С этой целью был образован Госплан (Государственный плановый комитет), который отвечал за разработку планов развития в стране. Госплан начал с решения животрепещущих вопросов — развития угольной промышленности (стране не хватало энергии

сурсов), а затем металлургических и машиностроительных производств. Причем в эти планы входили уже не только планы выпуска продукции, но и планы подготовки кадров, их обучение, а также создание приемлемых условий работы. Эти первые планы развития производства, которые начали осуществляться в первой половине 1920-х гг., подготовили базу для разработки первых перспективных планов развития народного хозяйства. Как пробный опыт были подготовлены три проекта — на 1925–1928, 1926–1929 и 1927–1930 гг., которые стали основой для первого пятилетнего плана развития народного хозяйства 1928/1929–1932/1933 г., который решал задачу огромной исторической важности — из аграрной страны Россию превратить в индустриально-аграрную державу, была ликвидирована безработица, началось строительство новых учебных заведений и учреждений культуры (кинотеатров, библиотек, клубов, театров). Появились проекты строительства новых градостроительных комплексов, согласно которым разделялись зоны производства, жилья и рекреации. В этом пятилетнем плане наряду с развитием промышленности, сельского хозяйства, транспорта был раздел «Социально-экономические проблемы», в котором планировалось решение проблем образования, культуры, детства, работы с женщинами, быта и т.д.

За этим планом последовал второй, третий, прерванный Второй мировой войной. За годы этих трех пятилеток было проведена ускоренная индустриализация страны, построены 10 тысяч предприятий. В 1946/1950 гг. был реализован пятилетний план восстановления народного хозяйства, а затем и все последующие пятилетки вплоть до 1990 г. Кстати, первый пятилетний план был наиболее полным планом по решению социальных проблем, который не всегда в таком объеме реализовывался в последующие годы, что, на наш взгляд, привело в дальнейшем к сбоям в функционировании общественных отношений в стране. Все это позволило высоко оценить результаты плановой экономики даже таким политическим деятелям, как Черчилль, заявившего, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой. Он признал значимость слов Сталина, сказанных еще в начале 1930-х гг. «Или мы построим за 10 лет индустриальную державу, или нас сомнут» [19].

Стоит особо подчеркнуть, что для разработки и решения проблем планового развития были мобилизованы силы ученых: в эту плеяду вошли такие крупные специалисты в области экономической и социальной мысли, как академик С.Г. Струмилин, профессора Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов. В первых разработках принимал участие и всемирно известный ученый А. Леонтьев, впоследствии эмигрировавший в США и ставший крупнейшим специалистом в разработке плановых показателей.

В этой связи стоит отметить, что аналогов по разработке планов, осуществленных в советской России в 1920-е гг., в мировой практике не было. Уже несколько позднее, в 1930-е гг. термин социальное планирование (social planning) был использован в «Новом курсе» Ф. Рузвельта в качестве пути выхода США из жесточайшего кризиса начала 30-х гг. XX в. Не секрет, что данный феномен в США рожден под влиянием реальной теории и практики планирования экономических и социальных процессов, которые были апробированы в Советской России в 20–30-е гг. XX в. В дальнейшем под влиянием насущных проблем общественного развития, а также успехов по превращению СССР в индустриальную державу в 1940–50-е гг. появились государственные органы планирования во многих европейских странах — Франции, Швеции, Германия, а также в Японии, Китае, Южной Корее и др. Иными словами, планирование становилось достоянием тех государств, которые преследовали не только экономические, но и социальные цели.

Оценивая результаты планового развития, можно утверждать, что своеобразным показателем достижений СССР уже в 1950–1960-е гг. стали поистине фантастические результаты: наша страна стала самой образованной страной в мире, первая в мире построила атомный ледокол, атомную электростанцию, запустила в космос первый искусственный спутник Земли и первого космонавта в истории человечества — Юрия Гагарина. СССР к началу 1970-х гг. стал второй державой по объему валового продукта и добился военного паритета с США.

Принципиально новый этап в развитии социального планирования начался в конце 1950-х — начале 1960-х гг., когда созрели качественно новые условия для следующего этапа развития, потребовавшего привести в соответствие экономические и социальные параметры развития. Характерно, что такая объективная потребность, как учет человеческого фактора производства, стала пробивать себе дорогу снизу, в трудовых коллективах, в производственных организациях. В это время наряду с планами экономического развития стали разрабатываться планы социального развития. Эти первые попытки научной разработки планов социального развития и их реализации в производственных коллективах были осуществлены по инициативе ленинградских ученых и творчески мыслящих руководителей предприятий (примером стало производственное объединение «Светлана») (см. Полозов, 1987). Этот опыт нашел отражение в описании процессов подготовки и разработки планов социального развития конкретных производств [5, 8, 16, 21]. Вслед за распространением планов социального развития в промышленности попытки их составления были предприняты в сельском хозяйстве, где тесно пере-

плетались территориальные и производственные интересы коллективов и живущих в этой местности людей [3, 17].

Эта мощная инициатива снизу постепенно переросла в намерение обеспечить плановость социального развития и на других уровнях социальной организации общества — в городах и регионах, а затем в областях, краях, республиках [1, 9, 13]. Определенное развитие получило социальное планирование в отраслях [12]. Для регулирования этого процесса при поддержке ВЦСПС, Государственного комитета по труду были подготовлены Методические рекомендации по составлению планов социального развития производственных коллективов, городов и отраслей народного хозяйства. Ради справедливости следует сказать, что планы социального развития на всех этих уровнях были, скорее, предметом заботы немногих руководителей, которые не по форме, а по существу занимались социальными проблемами. Но в целом это движение, начатое снизу, привело к тому, что необходимость их подготовки и реализации была признана государственными органами. Это необходимость была зафиксирована в Конституции СССР 1978 г. С тех пор государственные планы развития народного хозяйства стали именоваться планами экономического и социального развития.

В целом можно проследить интересную эволюцию в решении социальных проблем трудовой деятельности человека. В 1930-е гг. в плановых разработках и способах их реализации преобладала направленность на удовлетворение в основном материальных потребностей: совершенствовалась оплата труда, поощрения в виде премий или моральных стимулов, в организации отдыха. В 1940—1950-е гг. стали заботиться в большей мере о профессиональном образовании, о повышении квалификации, о вовлечении в культурную деятельность. На третьем этапе, который наступил уже в 1960—1970-е гг., в круг стимулирования были включены во внимание потребности не только самого работника, но и его семьи, что позволяет говорить о комплексном решении социальных проблем. Эти меры успешно дополняли усилия общественных фондов потребления, что привело к реальному, хотя не бесспорному, социальному равенству, о котором с благодарностью вспоминает большинство россиян.

Сущность социального планирования

Достижения планового развития в СССР позволяют утверждать, что были достаточно четко сформулированы основные положения теоретических и методологических основ социального планирования.

Планирование по своей сути является особым случаем (формой) социального прогнозирования, его последующим воплощением и, как правило, охватывает все многообразие социальных процессов, присущих любому объекту, подвергающемуся методам прямого или косвенного регулирования. При этом степень их научности, обоснованности повышается, если в них отражаются интересы и потребности большинства, которые выступают критерием, показателем жизнеспособности и эффективности осуществляемых преобразований [7, с. 12].

Если же обобщить имеющийся теоретические обобщения и накопленный опыт, то сущностные характеристики социального планирования в Советском Союзе сводились к следующему.

Во-первых, социальное планирование ориентировалось на цели, которые вытекали из объективных тенденций организации жизни людей и предусматривали удовлетворение текущих и перспективных потребностей людей, их согласование между собой, а также меры по активизации созидательной деятельности как самого человека, так и социальных организаций, логика развития которых привела к необходимости воплощения социальных идей, создав предпосылки для свободы выбора и социальной защиты. Создание таких преимуществ, как бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, низкие затраты на оплату жилья и коммунальное обслуживание, обеспечение пенсионным обслуживанием, привело к тому, что население СССР высоко ценило эти гарантии социального благополучия, что особенно стало очевидным после перехода России к рыночным отношениям в 1990-е гг. Показателем этой высокой оценки стал факт голосования 75% советских людей за сохранение СССР в марте 1991 г., несмотря на жесточайший уровень критики политики КПСС и советского правительства.

Во-вторых, решение как общих, так и локальных проблем не может происходить стихийно или «на глазок» — в рамках социального планирования использовались показатели, по которым судили об эффективности достижения поставленной цели. Такими показателями или ориентирами были сроки, а также объемы, уровни, степень достижения намеченных рубежей, которые позволяли осуществить сравнение с предшествующим этапом развития или с аналогичными объектами планирования. В рамках советской системы планирования такими ориентирами стали, с одной стороны, сроки строительства новых предприятий или новых городов, освоения новых месторождений полезных ископаемых, с другой стороны, ориентиры по переходу на новый уровень получения образования (так, в 1960-е гг. обязательным стало получение среднего образования всеми без исключения молодыми людьми).

В-третьих, социальное планирование предусматривало разработку, а затем использование средств достижения поставленных целей — материальных, финансовых, косвенных рычагов в виде льгот или, наоборот, ограничений, и(или) создания условий, при которых наиболее рационально и оптимально развивался бы планируемый социальный процесс. Так, важным средством привлечения трудовых ресурсов на стройки Сибири и Дальнего Востока стали молодежные, комсомольские призывы, которые на добровольной основе переместили миллионы молодых людей, желавших проявить себя и определиться в жизни [11, 19, 20].

И наконец, социальное планирование представляло собой непрерывный процесс познавательной и преобразующей деятельности, которые постоянно взаимно дополняли и обогащали друг друга, что позволяло находить новые резервы, открывать новые возможности для более полной реализации сформулированной цели. Для этой цели создавались научно-исследовательские институты, готовились новые кадры в вузах, собирались научные конференции, проводились обследования. Одновременно осуществлялись многочисленные эксперименты, которые позволяли отобрать новое, рациональное и эффективное. К сожалению, эта деятельность в 1970—1980-е гг. серьезно замедлилась, что немедленно сказалось на снижении эффективности как экономики, так и проблем социальной жизни общества [4].

Итак, можно сделать вывод, что социальное планирование представляло собой научно обоснованное определение целей, показателей, заданий (сроков, темпов, пропорций) развития социальных процессов и основных средств их претворения в жизнь в интересах всего населения.

Однако переход с экстенсивного развития на интенсивный задерживался из-за крупных ошибок и просчетов советского руководства (несмотря на многочисленные попытки реформировать экономику и перестроится в соответствии с новыми требованиями научно-технической и информационной революций в 1960—1970-е гг.). Не была осуществлена смена способов и механизмов планирования и регулирования не только экономики, но и всей общественной жизни. Все это привело к резкому снижению эффективности экономики и социальной жизни в последние годы существования СССР.

Стоит отметить, что долгое время планомерное изменение социальных отношений в СССР выступало в значительной мере как возможность, пределы реализации которой были жестко ограничены достигнутым уровнем развития общественного производства и политическими установками. И если на первых этапах социалистического строительства жесткая организация планирования была оправ-

дана, то в 1970–1980-е гг. постепенно на теорию и практику планирования самым пагубным образом повлияли директивные методы руководства, не желавшие считаться ни с чем, кроме технико-экономических показателей и идеологических указаний. Человеческое начало в планировании постепенно все более и более игнорировалось.

Исторический парадокс состоит в том, что идея плановости, выдвинутая социалистической мыслью, в условиях нашей страны претерпела такие изменения, которые в начале 1990-х гг. в рамках неолиберальной политики послужили аргументом для ее полного отвержения. Однако жизнь очень жестко ставит вопрос о том, что без целенаправленного регулирования социального развития невозможно реализовать общие, в том числе и экономические, цели. Более того, игнорирование планового решения социальных проблем перехода к рынку привело к краху большинство начинаний неолиберальных деятелей России [6].

И жизнь отвергла эту безответственность и в то же время претензию на решение всех без исключения проблем только посредством рыночных отношений. С приходом рынка под флагом борьбы с «социалистическим наследием» в 1990-е гг. в постсоветской России были отвергнуты все без исключения наработки планового решения общественных проблем. Это было особенно безответственно и невразумительно, ибо, следуя западным образцам построения рыночного общества, в то же время отвергался их опыт по плановому решению проблем социального развития, на что, например, обращал внимание известный социолог П. Бергер (1996). В результате не только в экономике, но и в социальной сфере апологеты либеральной экономики вернулись к методам и формам управления XIX в. и даже к эпохе первоначального накопления капитала. К концу 1990-х гг. эти потери стали ощущаться достаточно наглядно. Реакцией на их пагубные последствия стали поиски выхода из кризисного состояния экономики, что породило попытки возрождения идей экономического и социального планирования [10].

Какие уроки нужно извлечь

Напомним, что объектами социального планирования выступают все уровни социальной организации — от общества до конкретного производства.

Что касается общества, то в его рамках перестали разрабатываться перспективные планы его развития во всей совокупности значимых экономических и социальных проблем, которые определяют его

жизненность и устойчивость. Попытка заменить комплексное решение общегосударственных проблем национальными проектами показала, что их реализация не смогла обеспечить ожидаемых результатов, так как они были автономны, слабо или совсем не связаны с друг с другом. Это касается практически всех без исключения национальных проектов как первого, так и второго этапа. И хотя после многих лет забвения и открытого игнорирования советского (да и мирового тоже) опыта планирования, в 2016 г. было принято решение о переходе к перспективному стратегическому планированию, однако в этом направлении не принято никаких достоверных мер по началу работы в этом направлении. Нужно добавить и то, что за весь период существования новой России социальные проблемы не всегда точно определялись. Неумение найти целевые ориентиры, постоянно обновлять их, корректировать и сопоставлять их между собой в значительной мере характеризуют управленческие усилия нынешних руководителей экономической и социальной сфер, когда провозглашаемые цели не состыковывались с реальной практикой [18].

Если рассматривать меры по управлению основными сферами общественной жизни — экономической, социальной, политической, духовно-культурной, то становится очевидным, что решение таких проблем, как условия и содержание труда, профессионально-квалификационная подготовка, престижность сфер приложения труда, структура рабочего и свободного времени, удовлетворение материальных и духовных потребностей, участие в общественной деятельности и т.д. — находится на полном самотеке, или таких отдельных экспериментов, которые нередко проводятся в порядке самостоятельности, зависящей от конкретного руководителя. В результате мы имеем пестрое одеяло мер по развитию таких важнейших областей, как образование, наука, здравоохранение, культура, финансирование которых в разы уменьшились по сравнению с советским периодом, что привело к тому, что с первых мест в мире, которые занимал СССР, новая Россия переместилась по образованию на 35-е место, по здравоохранению — на 123-е место, по науке — на 12-е место по сравнению с индустриально развитыми странами.

На региональном уровне социальное планирование потеряло особую форму целенаправленного регулирования социальных процессов в республике, области (крае) и других административных единицах. Вместо выравнивания уровней социального развития в территориальном разрезе произошел серьезный разрыв в развитии социальной инфраструктуры, в регулировании миграционных потоков, в рациональном использовании трудовых ресурсов, в укреплении этнонациональных отношений, в распределении и потреблении

культурных ценностей. Как показал опыт, главным критерием отсутствия регионального социального планирования стала стихийность в обеспечении благоприятных условий для трудовой и повседневной жизни. В реальной жизни это привело к тому, что качество и уровень жизни людей отдельных территорий различаются в несколько раз по сравнению с так называемыми богатыми регионами.

При анализе особенностей функционирования регионов необходимо иметь в виду, что каждый из названных процессов требует определения его специфических возможностей и способности обеспечить сбалансированное социальное развитие. Поэтому при изучении региональных социальных процессов уточняется, что отличает их от аналогичных процессов в других районах страны. Следует также иметь в виду, что проблемы, стоящие перед республикой или областью, не всегда по своей актуальности совпадают с общегосударственными.

И наконец, есть еще уровень производственных (трудовых) организаций, который предполагает, что, несмотря на существенные различия, в них должны реализовываться различные методы по регулированию их социальной жизни. Однако накопленный опыт свидетельствует, что на уровне трудового коллектива наиболее действенными оказались планы, которые базировались на следующих принципах. На что нужно обращать внимание?

Накопленный опыт свидетельствует, что на этом уровне наиболее действенными оказались планы, которые базировались на следующих принципах. Первый из них может быть выражен следующей формулой: в какой степени работник способен содействовать успешному развитию своей организации и как он сам будет изменяться под влиянием происходящих в ней изменений.

Второй принцип заключается в том, что действенность планов социального развития зависит от условий, которые создаются для работника, конкретных преимуществ, которые он может получить в процессе распределения материальных и духовных благ. Суть вопроса — в обеспечении единства усилий, предпринимаемых в государстве по повышению уровня жизни людей, и возможностей, которыми располагает конкретное производство. Важнейшим аспектом реализации этого принципа является совершенствование заинтересованности людей в конечных результатах труда.

Третий принцип заключается в том, чтобы процесс взаимодействия человека с организацией (а, следовательно, и со всем обществом) не протекал стихийно, а направлялся его осознанной деятельностью, его соучастием в управлении делами общества и производства.

Если говорить о формах и методах социального планирования, нужно сказать о необходимости ориентироваться на новые апроби-

рованные опыты, среди которых особую значимость приобрело использование косвенных рычагов, среди которых стоит выделить индикативное планирование, которое, по убеждению лауреата Нобелевской премии, видного представителя кейнсианства Джеймса Тобина (1918–2002), базируется на взаимно согласуемых планах, которые формируются на основе договоренности государственного (общественного) сектора и частных производителей. Эти планы затем служат в качестве поддерживающих ориентиров для участников соглашения. В этих условиях каждый сектор может развиваться, не опасаясь, что развитие окажется гипертрофированным в силу отставания других участников социально-экономического развития. Эта форма была впервые апробирована после Второй мировой войны на созданном Жаном Моннэ французско-германском Сообществе угля и стали, в рамках которого акционерные (частные) предприятия и государства сотрудничали на базе согласованных и востребованных жизнью планов. И это принесло огромный эффект, который неоднократно подтверждался в течение длительного времени и привел к всемирному признанию заслуг его разработчиков. Этот путь, по мнению Дж.Тобина, мог быть с успехом применен и в постсоветской России. Но инициаторы реформ в России предпочли иное — полностью отказаться от планирования, провозгласив лозунг «рынок отрегулирует все», что имело катастрофические последствия.

Таким образом, опыт социального планирования в СССР свидетельствует, что оно представляло научно-обоснованные количественные и качественные характеристики желаемого состояния социального процесса (или одной из его сторон), полученные на основе учета объективных тенденций и возможностей общества и направленные на максимальное удовлетворение материальных и духовных потребностей людей. Его конкретно-исторический характер заключался в том, что оно отражало возможности и потребности общественного развития на данном этапе и, соответственно, могло (и должно) изменяться в перспективе. В своей основе оно имело четкую количественную и качественную определенность, которая представляла собой величину, характеризующую идеальную (желаемую) цель развития планируемого процесса.

■ Список литературы

1. *Аумов Н.А.* Социальное развитие регионов. М.: Мысль, 1985. С. 220.

2. *Бергер П.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект-пресс, 1996. С. 166.
3. *Великий П.П.* Российское село на пороге XXI века. Саратов: Научная книга, 1995. С. 212.
4. *Волчкова Л.Т.* Планирование социально-экономического развития. Учеб. пос. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 64.
5. *Герчиков В.И.* Социальное планирование и социологическая служба в промышленности. Методология с позиций практики. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1984. С. 255.
6. *Граждан В.Д.* Социология управления. Учебник. М.: КноРус, 2008. С. 333.
7. *Грищенко В.И., Демидова Л.Т., Петров А.Н.* Теоретические основы прогнозирования и планирования. СПб.: СПбУЭФ, 1995. С. 112.
8. *Зайцев А.К.* Социолог на предприятии. Калуга: Упринформпечат. 1993. С. 206.
9. *Зиборова Е.Н.* Город на грани веков. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экономического университета, 2007. С. 272.
10. *Лапин Н.И.* (сост. и отв. ред.). Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь Мир, 2016. С. 356.
11. *Лапин Н.И., Корнеева З.М., Наумова Н.Ф.* Теория и практика социального планирования. М.: Политиздат, 1975. С. 197.
12. *Неймер Ю.Д.* Управление социальным развитием отрасли. М.: Экономика, 1986. С. 191.
13. *Нещадин А.А.* Феномен города: социально-экономический анализ. М.: Изограф, 2001. С. 240.
14. *Полозов В.Р.* Социальное планирование производственных коллективов и отраслей и его роль в ускорении социально-экономического развития страны. Л.: Ленингр. науч. центр, Ин-т соц-экон. пробл. АН СССР, 1987. С. 16.
15. Прогнозирование и планирование в условиях рынка; под ред. Т.Г. Морозовой, А.В. Пикулькина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 279.
16. *Соловьева В., Кашина М., Чичилимов В.* Все о нас и нашем коллективе. Концепция, методы и результаты диагностики образа жизни коллектива тираспольских швейников. Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1980. С. 375.
17. *Старовойт В.И.* История и теория социологического анализа российской агросферы. М.: ИСПИ РАН, 2008. С. 435.
18. Стратегическое планирование; под ред. Э.А. Уткина. М.: ЭКСРС, 1998. С. 440.

19. *Тощенко Ж.Т.* Социальное планирование в СССР. М.: Политиздат, 1981. С. 320.
20. *Тощенко Ж.Т.* Социология управления: учебник. 3-е изд. М.: Юрайт, 2017. С. 303.
21. *Фролов С.Ф.* Социальное планирование на промышленном предприятии. Горький: Волго-Вятское изд-во, 1970. С. 210.

А.Я. Хавкин¹

A.Ya. Khavkin²

УРОКИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ОРГАНИЗАТОРА ПРОМЫШЛЕННОГО РАСЦВЕТА НАШЕЙ СТРАНЫ

Н.К. БАЙБАКОВА

Lessons of the outstanding organizer of the industrial
flourishing of our country N.K.Baibakov

Н.К. Байбаков (06.03.1911–31.03.2008) прошел путь от рядового инженера на нефтяных промыслах Баку до Заместителя председателя Правительства СССР — Председателя Госплана СССР (1965–1985). Валовой национальный доход СССР за это время вырос более чем в 4 раза.

Его выдающиеся ум, эрудицию, организаторские способности, уникальные государственное мышление и человеческие качества ставят его, как выдающегося организатора промышленности страны, в ряд таких знаковых представителей нашего государства в XX в., как В.Г. Шухов (выдающийся инженер) и Г.К. Жуков (выдающийся военачальник).

Николай Константинович Байбаков был эрудитом и чрезвычайно тактичным человеком, имел ясный ум и государственное мышление, его любили друзья и коллеги. Он был выдающимся нефтяником и экономистом. Но прежде всего, он был выдающимся гражданином СССР и России.

Ключевые слова: Госплан СССР, экономист, эрудит.

N.K. Baibakov (06.03.1911–31.03.2008) went from an ordinary engineer in the Baku oil fields to Deputy Prime Minister of the USSR—Chairman of the State Plan of the USSR (1965–1985).

His outstanding intelligence, erudition, organizational skills, unique state thinking and human qualities will make him, as an outstanding organizer of the country's industry, among such iconic representatives of our state in the twentieth century as V.G. Shukhov (outstanding engineer) and G.K. Shchukov (outstanding military commander).

Nikolai Baybakov was an scholar and extremely tactful man, had a clear mind and state thinking, he was loved by friends and colleagues. He was an outstanding oilman and economist. But above all, he was an outstanding citizen of the USSR and Russia.

Keywords: State Plan of the USSR, economist, scholar.

¹ Хавкин Александр Яковлевич, доктор технических наук, профессор, Российский государственный университет нефти и газа (научно-исследовательский университет) имени И.М. Губкина.

² Aleksander Ya. Khavkin, Doctor of Technical Sciences, Professor, Russian State University of Oil and Gas (scientific research university) named after I.M. Gubkin.

6 марта 2021 г. мы отметили 110 лет со дня рождения выдающегося Гражданина нашего Отечества, организатора промышленного расцвета СССР, и особенно нефтегазовой отрасли, многолетнего Председателя Госплана СССР Николая Константиновича Байбакова.

Н.К. Байбаков (06.03.1911—31.03.2008) прошел путь от рядового инженера на нефтяных промыслах Баку до Заместителя председателя Правительства СССР — Председателя Госплана СССР. Н.К. Байбаков — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, награжден 10 орденами СССР и России, рядом медалей СССР, высокими правительственными наградами многих зарубежных стран. Он лауреат премии города Москвы «Легенда века», лауреат главной все-российской премии «Российский Национальный Олимп» — «Человек-эпоха». В марте 2006 г. В.В. Путин вручил ему Орден «За заслуги перед Отечеством» II степени.

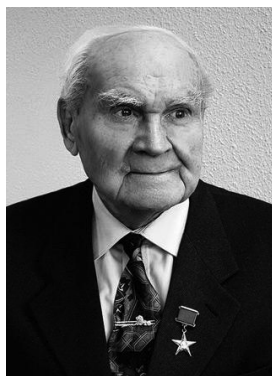
Н.К. Байбаков родился в г. Баку. В 1932 г. окончил Азербайджанский нефтяной институт по специальности «горный инженер». После окончания института работал в Баку инженером, заведующим промыслом «Лениннефть». В 1935—1937 гг. — служба в рядах Красной Армии на Дальнем Востоке. С 1937 г. Н.К. Байбаков снова работал на нефтяных промыслах Баку: начальником промысла, главным инженером, управляющим треста «Лениннефть».

Николай Константинович Байбаков

В феврале 1939 г. Н.К. Байбакова переводят в наркомат тяжелой промышленности на должность Управляющего объединением «Востокнефтедобыча» (г. Куйбышев), открывшего небывалые запасы нефти в Урало-Поволжье. В 1940 г. Н.К. Байбаков назначается заместителем наркома тяжелой промышленности СССР.

Во время Великой Отечественной войны Н.К. Байбаков — уполномоченный Государственного Комитета Оборона СССР по обеспечению фронта и тыла горючим. В 1944—1955 гг. Н.К. Байбаков был Наркомом (Министром) нефтяной промышленности СССР.

В 1955—1957 гг. Н.К. Байбаков работал Председателем Государственной комиссии Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства, в 1957—1958 гг. — председателем Госплана

РСФСР — Первым заместителем председателя Совета Министров РСФСР.

Затем за 5 лет работы председателем совнархоза в Краснодарском крае ему удалось кратно увеличить добычу газа, при этом организовать строительство 13 сахарных заводов при двух ранее имевшихся, подняв производство сахара с 40 тыс. тонн до 1 млн тонн в год.

В 1963—1964 гг. он был председателем Госкомитета по химии, в 1964—1965 гг. — председателем Госкомитета по нефтяной промышленности при Госплане СССР — Министром СССР.

В 1965—1985 гг. Н.К. Байбаков работал Заместителем председателя Совета Министров СССР — Председателем Госплана СССР. Валовой национальный доход СССР за это время вырос более чем в 4 раза.

За десятилетия руководства Н.К. Байбаковым нефтегазовой отраслью и курирования ее в качестве Председателя Госплана СССР добыча нефти возросла более чем в 20 раз (с 30 млн т/год до 620 млн т/год), появилась газовая промышленность. Нефтяники и газовики по праву считают Н.К. Байбакова крупнейшим профессионалом, родоначальником отечественной нефтяной и газовой промышленности, Нефтяником № 1.

Огромна роль Председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова в становлении космической и атомной отраслей, в сельском хозяйстве, в новых зданиях учебных заведений, в спортивных сооружениях.

Три последних года жизни Николая Константиновича Байбакова я имел честь и счастье общаться с ним. О нем я много слышал от своих старших коллег. Но именно общение с ним раскрыло для меня его выдающиеся ум, эрудицию, организаторские способности, уникальные государственное мышление и человеческие качества — то, что ставит его, как выдающегося организатора промышленности страны, в ряд таких знаковых представителей нашего государства в XX в., как В.Г. Шухов (выдающийся инженер) и Г.К. Жуков (выдающийся военачальник).

Наше знакомство состоялось в 2005 г. За время общения с ним я понял, почему Николай Константинович сумел вытащить такую огромную ответственность на всех его высоких постах — четкость профессионала сочеталась в нем с оперативностью руководителя.

В свои более чем 95 лет Николай Константинович все помнил, сохранял интерес к новым научным решениям и нежелание слушать пустые речи. Присутствуя на проводимых Н.К. Байбаковым заседаниях, мне нравилось, как Николай Константинович спрашивал докладчика: «А что Вы предлагаете конкретно?» Это если за первые 3—5 минут не было ясно сути доклада. Если было ясно и важно, то Н.К. Байбаков мог слушать час и более. И современные руководители

производств отчитывались перед ним так же, как если бы и сейчас Николай Константинович являлся Председателем Госплана.

При этом Николаю Константиновичу было важно мнение коллег. А сколько гораздо менее значимых руководителей считают свое мнение самым правильным без оглядки на коллег, и уж тем более тех, кто работает или когда-то работал под их руководством.

Во время Великой Отечественной войны Н.К. Байбаков был уполномоченным Государственного Комитета Оборона СССР по обеспечению фронта и тыла горючим. Когда в 2008 г. показывали по телевизору фильм о Сталинградской битве, то было отмечено, что нашим войскам подвезли горючее и они начали наступление на 2 дня раньше, чем фашистам подвезли горючее для их танков. В этом фильме не был упомянут Н.К. Байбаков, но понятно, кто внес организационный и творческий вклад в этот успех наших войск: из воспоминаний Н.К. Байбакова известно, что горючее из Баку подвозили, переправляя цистерны с горючим через Каспийское море вплавь [1, 2], поскольку правый берег Волги был занят фашистами. Он так и говорил: «Чесали правой рукой левое ухо». Но срывов в поставке горючего в войска за время войны вообще не было никогда.

У Н.К. Байбакова было много наград, но, думаю, что только за этот вклад в победу под Сталинградом Н.К. Байбаков был достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Николай Константинович говорил: «Везде, где бы мне ни приходилось работать, развитие отрасли опиралось на инженеров и научно-технических работников, способных решать все новые и новые задачи развития страны» [3].

В 2006 г., беспокоясь о технологической безопасности страны, Н.К. Байбаков призывал: «Мне кажется необходимым обратить особое внимание на защиту авторских прав ученых на их изобретения и научные результаты, поскольку в современных условиях доля интеллектуальной собственности в стоимости товаров и услуг во многих ситуациях значительно превышает стоимость труда. Например, в космической и компьютерной областях, фармацевтике и, особенно, в нефтегазовой промышленности. ... Способы разработки нефтяных месторождений — это один из важнейших разделов интеллектуальной собственности государства Российского! И что, неужели мы сами будем отказываться защищать наши интеллектуальные права на способы разработки нефтяных месторождений?!» [3].

Н.К. Байбаков внес выдающийся вклад в создание современных и высокоэффективных способов добычи и переработки нефти, методов освоения новых нефтегазовых районов. Его научные труды по комплексному решению проблемы разработки нефтегазовых

месторождений [4, 5] имеют первостепенное научное и большое практическое значение.

Для меня, как и для многих живших в 1970–1980-е гг., Николай Константинович ассоциировался с его должностью Председателя Госплана СССР. А Госплан СССР ассоциировался с огромной неповоротливой машиной. После знакомства с Николаем Константиновичем возникла нестыковка в таком восприятии Госплана СССР с образом его Председателя — я подумал, а мог ли быть Госплан неповоротливым при таком Председателе! И выступление космонавта В.И. Севостьянова на 95-летнем юбилее Николая Константиновича 6 марта 2006 г. лишней раз показало — Николай Константинович проблемы решал весьма оперативно!

Свое видение работы Госплана СССР Николай Константинович изложил в своих воспоминаниях «В экономическом штабе страны», изданных в 2016 г. [6].

Николай Константинович был эрудитом и чрезвычайно тактичным человеком, имел ясный ум и государственное мышление, его любили друзья и коллеги. Он был выдающимся нефтяником и экономистом. Но прежде всего, он был выдающимся Гражданином СССР и России.

Законодательное собрание Краснодарского края приняло решение об увековечивании памяти Н.К. Байбакова, назвав одну из улиц г. Краснодара его именем. В Тюмени есть самолет имени Н.К. Байбакова. Есть теплоход и месторождение имени Н.К. Байбакова. В Баку имя Н.К. Байбакова присвоено школе, в которой учился Николай Константинович.

В Москве улицы Байбакова Н.К. нет. Мы уже обращались в Мэрию г. Москва с предложением об увековечивании имени Н.К. Байбакова в названии одной из улиц недалеко от Губкинского университета. Надеюсь, что в год 110-летнего юбилея со дня рождения выдающегося организатора промышленной стабильности России, мэтра экономического планирования, Мэрия г. Москва примет решение об увековечивании имени Н.К. Байбакова в топонимике г. Москва.

■ Список литературы

1. *Байбаков Н.К.* Дело жизни. Записки нефтяника. М.: Сов. Россия, 1984. С. 352.
2. *Байбаков Н.К.* От Сталина до Ельцина. М.: Нефть и газ, 2005, С. 324.
3. *Байбаков Н.К.* Обеспечение гражданских прав ученых — основа технологической безопасности страны // Гражданские пра-

- ва научных и инженерно-технических работников: правовые и социальные аспекты. Материалы конференции работников РАН и научных организаций России (Центральный Дом ученых РАН, Москва, 10 октября 2006 г.). М.: МРОПР РАН, 2006. С. 7–8.
4. *Байбаков Н.К.* Эффективные методы повышения нефте- и конденсатоотдачи пластов / РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина. Серия: Академические чтения. Вып. 12. М.: Нефть и газ, 1997. С. 35.
 5. *Байбаков Н.К., Гарушев А.Р.* Тепловые методы разработки нефтяных месторождений. М.: Недра, 1988. С. 343.
 6. *Байбаков Н.К.* В экономическом штабе страны // Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. М.: НИЦ Луч, 2016. С. 416.

Д.Б. Эпштейн¹

D.B. Epstein²

ДИРЕКТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СССР: ДОСТОИНСТВА, НЕДОСТАТКИ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, УРОКИ ДЛЯ XXI ВЕКА

Directive planning in the USSR: advantages,
disadvantages, contradictions, lessons for the XXI century

Согласно теории Маркса и Энгельса капиталистическая анархия производства сменяется при социализме планомерным, централизованно управляемым ассоциированным производством. Попытки реализовать эту идею в годы Гражданской войны привели к большим неоправданным жертвам. Период НЭПа продемонстрировал возможности сочетания директивного централизованного планирования и рыночных механизмов. Неуклонное снижение темпов роста экономики СССР с начала 60-х гг. было связано с низкими темпами создания и внедрения достижений научно-технического прогресса. В целом опыт СССР и социалистических стран выявил противоречие между «ясностью», кажущейся предсказуемостью экономических результатов директивного планирования и вытекающего из его тотального применения снижения ответственности производителей за повышение эффективности общественного производства. Эффективные экономики мира уже в XX в. были планово-рыночными, то есть сочетали элементы, институты плана и рынка. Это остается справедливым и для XXI в.

Ключевые слова: директивное планирование, СССР, социализм, экономическая эффективность, НЭП, научно-технический прогресс.

According to the theory of Marx and Engels, the capitalist anarchy of production is replaced under socialism by planned, centrally controlled associated production. Attempts to implement this idea during the Civil War led to large unjustified casualties. The NEP period demonstrated the possibilities of combining directive central planning and market mechanisms. The steady decline in the growth rates of the USSR economy since the beginning of the 60s was associated with the low rates of creation and implementation of scientific and technological progress. On the whole, the experience of the USSR and the socialist countries revealed a contradiction between the “clarity”, the seeming predictability of the economic results of directive planning and the resulting from its total application of reducing the responsibility of producers for increasing the efficiency of social production. The efficient economies of the world already in the twentieth century were planned-market, that is, they combined the elements, institutions of the plan and the market. It remains true for the 21st century as well.

Keywords: directive planning, USSR, socialism, economic efficiency, NEP, scientific and technological progress.

¹ Эпштейн Давид Беркович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук», Институт аграрной экономики и развития сельских территорий.

² David B. Epstein, Professor, Doctor of Economics, Chief Researcher, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Institute of Agricultural Economics and Rural Development.

Согласно теории, разработанной Марксом и Энгельсом, капиталистическая анархия производства сменяется при социализме, по мере уничтожения частной собственности, планомерным, централизованно управляемым ассоциированным производством¹. Это казалось естественным выводом: с «уходом» частной собственности уходят конкуренция, экономическая обособленность производителей, товарно-денежные отношения, деньги. А приходят простые, «прозрачные» и понятные производственные отношения, как «на единой фабрике», «трудовые квитанции», принцип «от каждого по способностям, каждому — по труду»². В середине XIX в. казалось, что руководство этой огромной «фабрики» (национальной экономики) также хорошо будет видеть всех работников и их личный вклад в производство, как видит его руководитель реальной... но все же небольшой фабрики, так как на большой фабрике в XIX в. руководство вряд ли было в состоянии правильно оценить трудовой вклад всех и каждого.

Попытки реализовать эту идею замены рыночных институтов и механизмов планомерным, централизованно управляемым ассоциированным производством с директивным планированием и государственной собственностью предпринимались уже и в годы Гражданской войны в России, так как с частной собственностью в крупной и средней промышленности удалость покончить довольно быстро, а крестьянство вынужденным образом было поставлено на службу обществу с помощью механизмов продрозверстки. Эти попытки позволили победить в Гражданской войне, но они же привели и к большому неоправданному жертвам, и к коллапсу промышленности, большому снижению производства в сельском хозяйстве и даже голоду 1921—1922 гг.³ Отчасти уже тогда проявились достоинства и недостатки директивного централизованного планирования: возможность концентрации государственных ресурсов на важнейших направлениях (достоинство) при вынужденном невнимании к осталь-

¹ «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией» (3, с. 294).

² «Каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай» (2, с. 18).

³ В 1921 г. Ленин признает: «...мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение...Мы говорили тогда гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем поступали» (1, с. 156—157).

ным направлениям и снижении стимулов к эффективному труду у производителей (недостатки).

Период НЭПа продемонстрировал возможности сочетания директивного централизованного планирования (для государственных капиталовложений государственных предприятий в промышленной сфере) и рыночных механизмов стимулирования и экономической самостоятельности для частного сектора. Результатом НЭПа было, как известно, быстрое восстановление промышленности и сельского хозяйства до предвоенного уровня.

Массовое строительство новых предприятий за государственный счет в сочетании с принудительной коллективизацией в начале 30-х гг. вынудили к отказу от принципов НЭПа и переходу преимущественно на методы директивного централизованного планирования. Однако явные негативные последствия игнорирования вопросов стимулирования (прежде всего, огромный перерасход капиталовложений) и низкие темпы роста производительности труда заставили вспомнить о необходимости обособить результаты каждого предприятия и ввести в начале второй пятилетки жесткие принципы хозяйственного расчета. В дальнейшем в СССР получило преимущественное развитие директивное централизованное планирование деятельности предприятий, однако оно всегда дополнялось попытками совершенствования и расширения стимулирующих функций хозяйственного расчета.

Директивное централизованное планирование в СССР дополнялось системой институтов, без которых оно не могло быть реализовано: а) централизованным адресным распределением плановых объемов выручки и централизованных капиталовложений между отраслями, республиками, регионами, предприятиями, б) государственной стабильной системой оптовых цен на множество видов продукции, доводимых до каждого предприятия, в) жестким распределением централизованных капиталовложений между отраслями, республиками, регионами, предприятиями, г) системой фондирования, то есть централизованного планирования для каждого предприятия номенклатуры производства, получателей его продукции и поставщиков всех основных видов материальных ресурсов, д) фиксацией планируемого фонда заработной платы в виде абсолютных цифр или в процентах от достигаемых валовых показателей, что вело на практике к разверстке этих цифр между предприятиями и т.д. Все это существенно повышало жесткость, ригидность и бюрократичность плановой системы, оставляло крайне малое пространство для инициативы работников и коллективов.

Быстрый, но снижающийся рост экономики СССР в 1930–1960-е гг. (табл. 1) был обусловлен во многом высокими темпами перекачки трудовых ресурсов из сельского хозяйства (где было перенаселение) в промышленность и города, в строительство и инфраструктурные отрасли, в социальную сферу (преимущественно городскую). Неуклонное снижение темпов роста с начала 60-х гг. было связано, во-первых, с сокращением перетока рабочей силы в указанные сектора и, во-вторых, с быстрым ростом капиталоемкости прироста производства при низких и снижающихся темпах роста эффективности производства, с низкими темпами создания и внедрения достижений научно-технического прогресса (инноваций — говоря современным языком).

Таблица 1

**Среднегодовые темпы прироста некоторых показателей
экономического развития СССР по пятилеткам, в %**

	1961- 1965	1966- 1970	1971- 1975	1976- 1980	1981- 1985	1986- 1990
Валовой общественный продукт	6,5	7,4	6,3	4,2	3,3	1,8
Произведенный национальный доход	6,5	7,8	5,7	4,3	3,2	1,3
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства	9,6	8,1	8,7	7,4	6,4	4,8
Продукция промышленности	8,6	8,5	7,4	4,4	3,6	2,5
Валовая продукция сельского хозяйства	2,2	3,9	2,5	1,7	1,0	1,9
Ввод в действие основных фондов	6,2	7,3	6,3	3,5	3,1	3,6
Капитальные вложения	5,4	7,3	6,7	3,7	3,7	6,1
Численность рабочих и служащих	4,4	3,2	2,5	1,9	0,9	0,2
Производительность общественного труда	6,1	6,8	4,5	3,3	2,7	1,5
Реальные доходы на душу населения	3,6	5,9	4,4	3,4	2,1	3,4

Источник: Госкомстат СССР.

При попытке существенно повысить роль рыночных механизмов экономика СССР потерпела крах из-за крайне непродуманных, по-

спешных мер, что надолго привило сторонникам левых взглядов боязнь движения в данном направлении, несмотря на ошеломляющие экономические успехи Китая.

В целом опыт СССР и социалистических стран выявил противоречие между «ясностью», кажущейся предсказуемостью экономических результатов директивного планирования и вытекающего из его тотального применения снижения ответственности миллионов производителей за качество экономического роста, и повышением эффективности общественного производства.

Также опыт СССР выявил три основных проявления противоречия директивного централизованного управления интересам общества в повышении эффективности. Первое основное проявление: плановые органы в состоянии включить в план и контролировать выполнение только тех решений и позиций, которые им известны, но создание инноваций и доведение их до стадии массового внедрения требует, как правило, годы, и, следовательно, эти решения не известны планирующим органам при планировании. Поэтому при директивном планировании имеет место ориентация производителей на же уже известные решения, а не стимулирование самостоятельного поиска путей повышения эффективности производства. Отсюда низкие темпы научно-технического прогресса в СССР и других социалистических странах (при отдельных весьма успешных решениях в оборонных отраслях, где конкуренция проектов и коллективов допускалась). Второе основное проявление указанного противоречия централизованного директивного планирования интересам общества состоит в том, что оно вынужденно ориентирует производителей на краткосрочные шаги в повышении экономической эффективности, а также требует от производителей постоянных согласований своих решений с бюрократическими структурами, что еще более замедляет принятие эффективных решений на местах. Наконец, третье основное проявление состоит в том, что централизованное планирование вынуждает производителей выбирать между выполнением заданий по объемным показателям и реальным повышением эффективности. Плановые органы, озабоченные макропропорциями, наиболее сильно контролируют объемные показатели, что вынуждает производителей также ориентироваться на них.

Таким образом, с учетом как позитивного, так и негативного аспектов опыта планирования в СССР, очевидно, что директивное централизованное планирование может в XXI в. сохраняться (и сохраняется) в таких сферах, где оно очевидным образом необходимо, а параметры решений продиктованы предшествующим развитием, например, в сфере распределения госбюджета между регионами

и проработанными инфраструктурными проектами (строительство крупных магистралей и крупных энергетических проектов, развитие новых, апробированных типов вооружения, срочное создание новых производств, финансирование науки и социальной сферы и т.п.). Благодаря директивному планированию в этих сферах и отраслях государство может и должно обеспечивать необходимые макроэкономические пропорции и поддержание высоких темпов роста (чего нет в современной России). Однако в отличие от директивного планирования в СССР, современное планирование предполагает демократическое участие различных партий, организаций гражданского общества, различных социальных слоев в выработке целей и механизмов реализации плана. Этот опыт получает развитие уже на мировом уровне, что демонстрирует практика принятия подавляющим большинством стран Целей устойчивого развития 2030 и отслеживания их достижения ООН.

В прочих сферах директивное планирование уступило место современному индикативному планированию (разработке желательных траекторий развития, информации о них и непременно экономическому регулированию для их реализации) в сочетании с максимальным стимулированием повышения эффективности общественного производства и рыночными механизмами. Однако реализация директивных решений также должна дополняться не только контролем гражданского общества, но и рыночными механизмами, например, через конкурентный подход к выбору поставщиков продукции по госзаданиям и т.п. Эффективные экономики мира уже в XX в. были планомерно-рыночными, то есть сочетали элементы, институты плана и рынка. Это остается справедливым и для XXI в.

■ Список литературы

1. *Ленин В.И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов / Полн. собр. соч. Т. 44. М.: Госполитиздат, 1970.
2. *Маркс К.* Критика Готской программы / Маркс и Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат. 1961.
3. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат. 1961.

Раздел 4

ПЛАНИРОВАНИЕ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Л.Г. Антипенко¹

L.G. Antipenko²

ЗАДАЧА ВОССОЗДАНИЯ КЕПС

В. И. ВЕРНАДСКОГО

The Problem of recreating of the KEPS of V. I. Vernadsky

В сообщении ставится вопрос о воссоздании, в рамках Российской академии наук, Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) В. И. Вернадского. Комиссия сыграла большую роль в развитии народного хозяйства СССР. Первоначально деятельность КЕПС была направлена на решение неотложных оборонных задач Российского государства, затем область ее деятельности была расширена. К ней были привлечены ведущие научные силы страны, стали появляться сборники основных сведений по всем видам сырьевых ресурсов. Вернадский видел источники плодотворной деятельности КЕПС в духовных силах народа. Впоследствии работа Комиссии была отнесена к ведомству Госплана СССР. Теперь же если бы предложение автора по воссозданию КЕПС (в рамках РАН) было реализовано, содержание ее работы должно было бы быть расширено за счет включения в него научно-производственного ресурса времени.

Ключевые слова: производительные силы общества, естественные источники, духовные источники, геополитика, хронополитика, биосфера, ноосфера.

The message raises the question of recreating, within the framework of the Russian Academy of Sciences, the Commission for the Study of the Natural Productive Forces of Russia (KEPS) of V. I. Vernadsky. The commission played an important role in the development of the national economy of the USSR.

Initially, the activities of KEPS were aimed at solving urgent defense tasks of the Russian state, then the scope of its activities was expanded. The leading scientific forces of the country were involved in it, collections of basic information on all types of raw materials began to appear. Vernadsky saw the sources of the fruitful activity of KEPS in the spiritual forces of the people. Subsequently, the work of the Commission was assigned to the department of the USSR State Planning Committee. Now, if the author's proposal to recreate the KEPS (within the framework of the RAS) were implemented, the content of its work would have to be expanded by including the scientific and production resource of time in it.

Keywords: productive forces of society, natural sources, spiritual sources, geopolitics, chronopolitics, biosphere, noosphere.

¹ Антипенко Леонид Григорьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философии естествознания, Институт философии Российской академии наук.

² Leonid G. Antipenko, Senior researcher, PhD RAS Institute of Philosophy.

Инициатива по созданию Комиссии исходила от В. И. Вернадского, который в 1906 г. был избран адъюнктом по минералогии Академии наук, а в 1912 г. — действительным членом Академии. Создана она в 1915 г. в условиях военного времени, когда Россия ощущала острую нехватку стратегически важных видов сырья. Ее роль в изучении природных ресурсов страны и развитии науки и экономики государства огромна. В журнале «Русская мысль» в 1916 г. Вернадский писал: «Эти запасы энергии, с одной стороны, слагаются из той силы, как физической, так и духовной, которая заключается в населении государства. Чем больше оно обладает знаниями, большей трудоспособностью, чем больше простора предоставлено его творчеству, больше свободы для развития личности, меньше трений и тормозов для его деятельности — тем полезнее энергия, вырабатываемая населением, больше, каковы бы ни были те внешние, вне человека, лежащие условия, которые находятся в среде природы, его окружающей. Духовная энергия человека так велика, что не было в истории случая, чтобы она не смогла выработать полезную энергию из-за недостатка природного материала».

Первоначально деятельность КЕПС была направлена, как сказано в аннотации, на решение неотложных оборонных задач Российского государства. Затем сфера ее деятельности была существенно расширена. Постепенно из КЕПС вырос ряд родственных по тематике институтов. В 1930 г. на основе КЕПС и Комиссии экспедиционных исследований АН СССР был создан Совет по изучению производительных сил СССР (СОПС). В дальнейшем работа Комиссии (КЕПС) была отнесена к ведомству Госплана СССР.

За внешними результатами ее деятельности скрывалась, по слову Вернадского, «духовная энергия человека». Имеется в виду идейная, точнее идеально-смысловая, сторона научных исследований, связанных как с работой КЕПС, так и с полномесным учением Вернадского о Земной биосфере. Опыт изучения того, как функционирует и развивается Земная биосфера, привел Вернадского к выводу, что она накапливает в себе запасы свободной энергии, которая, согласно термодинамике, способна превращаться в физическую работу. В результате жизненного процесса, писал Вернадский, в Земной биосфере происходит накопление свободной энергии. «Биосфера в ходе геологического и исторического времени становится все активнее» [1, с. 488].

На то, что в социально-экономической деятельности людей следует равняться на биосферный опыт, одним из первых указал С.А. Подолинский (1850—1941). Он ввел ценностно-энергетический критерий размежевания двух видов человеческого труда — созидательного

и расточительного. Труд, направленный на общественное благодеяние, писал Подолинский, «есть понятие вполне положительное, заключающееся всегда в потреблении механической или психической работы, имеющей непременно результатом увеличение *превратимой* энергии или сохранение от рассеяния такой энергии, которая при своем потреблении будет иметь последствием увеличение запаса энергии» [2, с. 37]. *Превертима* энергия есть не что иное, как то, что Вернадский как раз имел в виду, когда писал о *свободной энергии*. Но Подолинский в своей главной работе «Труд человека и его отношение к распределению энергии» [2], а также в статье «Социализм и единство сил природы» [3] использовал совместно понятия механической (физической) и психической (умственной) работы, не указывая различия между ними. Для Вернадского же вопрос о различии между физической и умственной деятельностью человека имел принципиальное значение, что отразилось на его концепции перехода биосферы в ноосферу.

Наша попытка внести ясность в этот вопрос сводится к тому, чтобы подключить к его решению категорию времени. Ведь теперь в научном и философском сообществе находит признание гипотеза, согласно которой время, временная стихия, является активным фактором и в бытии природы, и в социальном бытии человека. Поясним, что здесь имеется в виду, чтобы затем перейти к постановке и решению предлагаемой задачи.

Каждый (или почти каждый) физик уверенно скажет, что время есть циклический процесс с неотъемлемо присущей ему фазовой характеристикой и фазовыми сдвигами. Но далее возникает затруднение, когда его сравнивают с каким-либо другим, *наблюдаемым*, циклическим процессом. Если взять, скажем, для сравнения электромагнитные волны, используемые для телевизионных и радиопередач, то эти волны несут на себе энергию. Можно ли то же самое сказать о времени? Согласно принципам симметрии, открытым Э. Нетер, закону сохранения импульса и момента количества движения в пространстве соответствуют однородность и изотропность пространства, закону сохранения энергии соответствует однородность времени. Но энергия характеризуется не только своим количеством, но и, с качественной стороны, тем, что принято называть ценностью, о которой судят по параметру энтропии.

Значение этого энтропийного фактора было выявлено, прежде всего, в технике. В книге «Диэлектрики и их техническое применение» Флоренский отмечал, что производить — такова задача техники. Но если мы вспомним, что энергию мы не создаем, когда ее производим, и не уничтожаем — потребляя, то естественно формулировать

основное задание техники одним словом: *направлять* — направлять энергетические процессы. Отсюда следует, что всякое техническое приспособление непременно слагается, во-первых, из частей, энергию потребного вида передающих, и, во-вторых, из частей, удерживающих поток энергии от растекания в пространство, помимо поставленного для нее приемника. «Энергия имеет склонность рассеиваться и уменьшать свою рабочую ценность; задача же техники — бороться с этим произвольным обесценением энергии так, чтобы, получив вид, соответствующий культурной потребности, она сохраняла его с возможно меньшим изменением, пока не будет использована» [4, с. 9].

Выше мы отметили, что понятие однородности времени соотносится с законом сохранения энергии. Поэтому естественно было ожидать, что ценностная, термодинамическая характеристика энергии должна отразиться на течении времени. Оказалось, что в зависимости от того, как и с какими системами, будь то органические или неорганические, взаимодействует время, оно распределяет свое могущество на уничтожение и на созидание. Бог Хронос пожирает своих детей, утверждали античные греки. Но прежде чем заняться пожиранием, он должен был сотворить, чтобы о нем не сказали, что он творит из ничего, как предписано в Ветхом завете. Поэтому есть основание утверждать, что время имеет двойственную структуру, содержит в себе две компоненты: разрушительную (энтропийную) и созидательную (антиэнтропийную, или эктропийную). «Время, — писал Флоренский, — во вне стремящееся, размыкает и уничтожает. Но внутри вобранное, оно подвигает и животворит» [6, с. 128]. Всякий фазовый сдвиг во времени, в том числе и поворот от его прямого течения к обратному, происходит вне времени, т. е. мгновенно.

В книге В. Н. Муравьева (1885–1932) «Овладение временем» мы находим всесторонне разработанную концепцию освоения времени, посвященную, правда, большей частью энтропийно/эктропийной (термодинамической) ипостаси временной стихии. Однако, чтобы открыть эту ее сторону, нужно было применить, по идее Муравьева, человеческий разум. В нем отражается стремление человека преодолеть, во что бы то ни стало, власть смерти. Но на этом пути мы находим две альтернативы. Одна из них — вера в торжество вечности и вместе с тем подчинение, сознательное или бессознательное, слепому процессу времени [5, с. 229–230]. Вторая же альтернатива сводится к тому, что надо перестать надеяться на готовую вечность и начать *делать время*. По всем признакам, писал Муравьев, пора такой человеческой победы приближается. «Слепое неразумное время корчится и трепещет в судорогах своих предсмертных убийств.

А за ним грядет новое, исполненное совершенства разумное время — произведение будущей общемировой культуры» [5, с. 230].

Антиэнтропийное, разумное, по Муравьеву, время есть время, освоенное, преобразованное под воздействием разума человека. А вот здесь-то как раз и раскрывается сущность умственной, разумной, деятельности человека. В отличие от физической работы умственная деятельность не сдвигает с места горы, она рождается и функционирует в рамках фазовой структуры времени. Михаил Бахтин указал на образец фазовой вовлеченности времени в интеллектуальную деятельность на примере установления связи между настоящим и прошлым, включающей возможность изменения прошлого. Он назвал признание такой возможности моментом *бесстрашия в познании*. Ответ на вопрос, что можно и чего нельзя изменить в прошлом, звучит у него так: «Нельзя изменить фактическую *вещную* сторону прошлого, но смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, ибо она незавершима и не совпадает с собой (она свободна). Роль памяти в этом вечном преображении прошлого. Познание — понимание прошлого в его незавершимости (в его несовпадении с самим собою)». Отсюда и «Момент бесстрашия в познании» [1, с. 229].

К этому надо добавить, что установление двусторонней связи с прошлым возможно только посредством общения между личностями с конкретными именами. Так судил об этой связи А. А. Ухтомский (1875—1942), создавший учение о хронотопе [6]. Понятие хронотопа разработано им на основе представления об организме как единице, способной действовать целиком на текущие раздражители [6, с. 128]. В основу его положено представление о пространственно-временном интервале между событиями, описываемыми в терминах специальной теории относительности. Так что с внешней стороны хронотоп совпадает с пространственно-временным интервалом, но у него есть внутренняя, субъектная сторона, позволяющая группировать реальные и потенциальные события вокруг некоторого центрального (доминантного) события. Центральное событие в данном случае соотносится с субъектом как личностью, *Лицом*, по терминологии Ухтомского. (Примером может послужить образец наличия межличностной (дальнодействующей во времени) связи между Н.И. Лобачевским и Евклидом, авторами двух взаимосвязанных вариантов геометрии — гиперболической и параболической.)

В пространственно-временной структуре хронотопа Ухтомский придавал первостепенное значение времени, ставил на первое место *четвертое измерение*. Тем самым он подготовил предпосылки для формирования *хронополитики*. А наше обращение здесь к хронопо-

литике обусловлено тем, что разработанный Вернадским проект КЕПС не может быть абстрагированным от геополитики и хронополитики, особенно если речь о воссоздании Комиссии в новых современных условиях. На специфичное значение четвертого измерения в политике впервые указал Евгений Эдуардович Месснер (1891–1974). Хотя в центре его внимания была политика в обстоятельствах военного времени, но он, судя по всему его творчеству, заслуживает того, чтобы почитаться основателем хронополитики.

В книге «Хочешь мира, победи мятежвойну!» Месснер дал следующую характеристику предстоящей войны, которую теперь мы наблюдаем непосредственно. В минувшую войну, писал он, имея в виду Вторую мировую, линия фронта, разделяющая врагов, была расплывчатой там, где партизаны в тылах той или иной стороны стирали ее. В будущей войне воевать будут не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников, потому что позади окружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический. Так что «воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было с момента зарождения военной авиации, а в четырехмерном, психика воюющих народов является четвертым измерением» [7, с. 146]. Скажем так, что политика по большому счету определяется двумя социальными категориями — категориями Войны и Мира. Ее проекция на трехмерное (Земное) пространство приводит к геополитике, проекция на четвертое измерение приводит к хронополитике.

Теперь, чтобы составить полное представление о проекте КЕПС Вернадского и о воссоздании ее в нынешних условиях, надо теоретически осуществить синтез геополитики, с ее научной частью в прежнем представлении, и хронополитики. На этом пути Вернадский наметил концепцию перехода от биосферы (жизненной оболочки Земли) к ноосфере, к сфере разума, с сохранением тех свойств биосферы, которые делают ее источником свободной энергии и, стало быть, источником жизни.

«Кто разумно смотрит на природу, на того и природа смотрит разумно; то и другое взаимно обуславливают друг друга», — писал когда-то Гегель. В этом гегелевском высказывании сквозит мысль о том, что, живя в условиях Земной биосферы, человек должен уважать ее разумные начала, так же, как и разумные начала Вселенной. Надо иметь в виду генетическое тождество Земной биосферы и ноосферы. Нельзя игнорировать присущие им законы функционирования и развития. Иначе будет плохо тем, кто с этим не считается. Шестого октября 1941 г., когда немецкие захватчики стояли на подступах к Москве и могли рассматривать в подзорные трубы стены Кремля,

Вернадский записал в своем дневнике: «После оставления Киева и взятия Полтавы резко изменилось настроение. Многие не верят известиям: радио — бездарное и часто глупое — о мелочах, когда ждут точных данных — начинают меньше слушать.

Резкое падение уверенности в успешный конец войны. У меня этого нет — я считаю положение Германии безнадежным. А с другой стороны, для меня ноосфера — не фикция, не создание веры, а эмпирическое обобщение» [8, с. 242]. Ноосфера, по Вернадскому, не может и не должна противопоставляться биосфере, так же как ни жизнь, ни эволюция ее форм не могут быть независимыми от биосферы, не могут быть ей противопоставлены как независимо от нее существующие природные сущности. Не может существовать и полноценный искусственный интеллект, если его отключить от природной временной стихии.

■ Список литературы

1. *Вернадский В.И.* Живое вещество и биосфера. М.: Наука, 1994.
2. Мыслители Отечества. Подолинский Сергей Андреевич. М.: Ноосфера, 1991.
3. *Подолинский С.А.* Социализм и единство сил природы: пер. // *La Plebe*. 1881. № 3, 4.
4. *Флоренский П.А.* Диэлектрики и их техническое применение. М., 1924. С. 388.
5. *Муравьев В.Н.* Овладение временем. М.: РОССПЭН, 1998. С. 320.
6. *Ухтомский А.А.* Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. СПб.: Питер, 2002. С. 448.
7. *Месснер Е.Э.* Хочешь мира, победи мятежвойну!! М.: Военный университет, Русский путь, 2005. С. 696, ил. (Российский военный сборник).
8. Владимир Вернадский. Жизнеописание, избранные труды, воспоминания современников, суждения потомков. М.: Современник, 1993.

Л.Е. Варшавский¹

L.E. Varshavsky²

ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ В ПЛАНОВОЙ И РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Problems of Planning Production Capacities in Plan and
Market Economies

В статье рассматриваются методические вопросы, связанные с планированием производственных мощностей. Главное внимание уделяется расчету объемов ввода мощностей, представляющему собой центральный элемент баланса мощностей и всего производственного плана. Показывается, что традиционная прямолинейная схема расчетов, как правило, приводит к нестабильной динамике ввода мощностей. Указывается, в каких случаях допустимо непосредственное использование традиционной схемы расчетов. Рассматриваются модифицированные схемы расчета ввода мощностей, основанные на использовании результатов теории линейно-квадратичных регуляторов.

Ключевые слова: ввод мощностей, нестабильная динамика, линейно-квадратичные регуляторы.

The article deals with methodological issues related to the planning of production capacities. The main focus is on the calculation of capacity input volumes, which is the central element of the capacity balance and the entire production plan. It is shown that the traditional straight-line calculation scheme, as a rule, leads to unstable dynamics of capacity input. It is indicated in which cases the direct use of the traditional calculation scheme is allowed. We consider modified schemes for calculating the input power, based on the use of the theory of linear-quadratic regulators.

Keywords: power input, unstable dynamics, linear-quadratic regulators.

¹ Варшавский Леонид Евгеньевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт, Российская академия наук.

² Varshavsky L.E., Doctor of Economics, Chief Researcher at the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences.

Введение

План развития производственных мощностей является центральным звеном сводного плана развития производственного потенциала фирмы или предприятия. В нашей стране и за рубежом установились близкие представления об определяющем значении планирования мощностей для эффективного развития производства. Это связано с тем, что знание динамики ввода и развития мощностей позволяет оценить необходимые объемы капитальных затрат, строительно-монтажных работ, определить эксплуатационные затраты (операционные издержки), уровень амортизации, установить возможные уровни самофинансирования и долгосрочного привлечения заемного капитала (долговых обязательств).

И у нас, и за рубежом достаточно близка система понятий и показателей, связанных с определением и использованием мощностей. Так, в Методических указаниях к разработке государственных планов экономического и социального развития СССР [4], долгое время служивших главным руководством для плановиков страны, под производственной мощностью предприятия понимается «...максимально возможный годовой (суточный, сменный) выпуск продукции... при полном использовании производственного оборудования и производственных площадей...» Производственная мощность, как правило, определяется в натуральных единицах измерения (особенно в монопродуктовых производствах). В многопродуктовых производствах, наряду с натуральными, используют и стоимостные оценки мощности, что позволяет увязать с мощностью такие показатели, как фондоемкость и фондоотдача. Существуют различные варианты расчета производственной мощности, учитывающие специфику конкретного производства.

Как в централизованно планируемой, так и в рыночной экономике, одной из главных составляющих планов и прогнозов развития производственного потенциала фирм и предприятий являлся и является баланс мощностей. При разработке балансов мощностей необходимо учитывать целесообразность их неполной загрузки из-за случайного, а иногда и совсем непредсказуемого поведения спроса, и цен, необходимости освоения производства новых продуктов и использования новых технологий, открытия доступа к более дешевым ресурсам и новым рынкам. Важную роль при этом играет и необходимость создания резервов мощностей для компенсации задержек во вводе и освоении новых мощностей и мощностей сопряженных производств. В рыночной экономике неполная загрузка мощностей

может быть связана и со стремлением крупных компаний создать барьеры для проникновения на рынок новых конкурентов.

Следует отметить, что осознание необходимости создания резервов мощностей и в условиях централизованного планирования произошло в нашей стране еще в 70–80-е гг. (в электроэнергетике, естественно, намного раньше). В 1980-е гг. вышел ряд постановлений и нормативных актов, обязывавших плановые органы предусматривать в планах создание резервов мощностей [3].

Центральным элементом баланса мощностей и всего производственного плана является расчет объемов ввода мощностей и необходимых производственных инвестиций (капитальных затрат). Ввод мощностей является исходным показателем для определения необходимых объемов производственных инвестиций (капитальных вложений) и строительно-монтажных работ (СМР). Для расчета этих показателей в СССР использовались нормы продолжительности строительства и задела в строительстве предприятий, зданий и сооружений (СНИПы), а также нормативы капитальных вложений и строительно-монтажных работ [5, 7]. С учетом этих норм осуществлялось распределение объемов производственных инвестиций (капитальных вложений) и СМР по периодам строительства объектов (по кварталам, годам).

Исходными данными для расчета показателя объемов ввода мощностей являются планируемые объемы производства с учетом резерва мощностей (прогнозируемые уровни спроса, потребности) и возможный объем выпуска продукции с действующих мощностей. В связи с необходимостью учета процесса освоения мощностей в отечественной практике планирования использовались такие нормативные показатели, как продолжительность и коэффициенты освоения проектной мощности, разработанные Госпланом СССР [6].

При этом в методических материалах Госплана необходимый ввод мощностей предлагалось определять для «...производства той части продукции, которая не может быть получена с действующих мощностей...» при любых способах их модернизации и реконструкции.

Причины нестабильности традиционной схемы расчета динамики ввода мощностей

Формально рекомендации [4], относящиеся к вариантному расчету ввода мощностей, сводятся к следующему. Если объемы ввода мощности m_t и производства продукции с вводимых мощностей y_{dt} связаны соотношением

$$y_{dt} = A_m m_t, \quad (1)$$

где A_m — оператор (рис. 1), то для определения искомой переменной (ввода мощностей m_t) следует решать обратную задачу:

$$m_t = A_m^{-1} y_{dt}, \quad (2)$$

где A_m^{-1} — обратный оператор. Конкретный вид оператора A_m зависит от значений норм продолжительности и коэффициентов освоения мощностей K_r . Так, при неограниченном сроке службы мощностей объемы производства продукции на вводимых мощностях в году t y_{dt} связаны с объемами вводимых мощностей в году $t - \tau$. $m_{t-\tau}$ следующим образом (1), [2, гл. 2]:

$$y_{dt} = A_m m_t = \sum_{\tau=0}^t K_{\tau} m_{t-\tau}, \quad t = 0, 1, 2, \dots, \quad (1a)$$

$$0 < K_{\tau} < K_{\tau+1}, \quad 0 \leq \tau \leq T-1, \quad K_{\tau} = K_{pr}, \quad \tau \geq T, \quad (1b)$$

где K_{τ} — коэффициент освоения проектных мощностей через t лет после их ввода (в процессе освоения мощностей их производительность должна повышаться до проектного уровня), T — продолжительность освоения вводимых мощностей (лет или кварталов), K_{pr} — проектный показатель использования мощностей (в дальнейшем полагается $K_{pr} = 1$).

Для решения этой, как правило, плохо обусловленной обратной задачи (1a) в [2] рекомендуется применять соотношения, вытекающие из (1)

$$m_0 = y_0 / K_0, \quad m_t = (y_t - \sum_{\mu=0}^{t-1} K_{t-\mu} m_{\mu}) / K_0, \quad t = 1, \dots, T_1, \quad (2)$$

где T_1 — продолжительность периода планирования, K_{τ} , $\tau = 0, 1, \dots, T$ — усредненные коэффициенты освоения, y_t — объем производства продукции на вводимых мощностях.

Такие прямые расчеты обычно приводят к нестабильности динамики объемов ввода мощностей (часто возникают расходящиеся колебания искомого показателя) и высокая чувствительность решений к изменениям исходных данных (1), что во многом связано с малым значением коэффициента K_0 , характеризующего неполное использование мощностей в год их ввода. Так, в [6] начальный уровень освоения проектной мощности для предприятий с длительным циклом производства принят в размере 35–60% проектной мощности, а для предприятий с коротким циклом производства — 60–75%. Для перспективного планирования рекомендуемые коэффициенты освоения мощностей установлены исходя из предположения о вводе

мощностей во втором квартале года (см. Приложение 2, табл. 2 в работе [6]). Таким образом, во всех случаях $K_0 < 0.5$.

При этом даже небольшие изменения экзогенной переменной y_{dt} весьма существенно влияют на характер динамики расчетных объемов ввода мощностей (1).

Для иллюстрации обратимся к табл. 1, в основу которой положены данные примера из [4, с.195]. В ней приведены три практически совпадающих варианта производства продукции (отличие состоит лишь в разных уровнях производства в 3-м году планового периода) и необходимые для их осуществления объемы ввода мощностей, рассчитанные согласно (2). Как видно из данных табл. 1, весьма близким вариантам производства соответствуют совершенно разные варианты ввода мощностей, причем расчеты для первого и третьего приводят к расходящимся колебаниям вводов мощностей (см. табл. 1).

Таблица 1

Пример расчета объема вводимых мощностей
($T = 2, K_0 = 0,21, K_1 = 0,80$)

Показатель	Вариант	Годы				
		1	2	3	4	5
Объем производства продукции	1	14,7	73	153,4	240,2	333,9
	2	14,7	63	153	240,2	333,9
	3	14,7	73	154	240,2	333,9
Ввод мощности	1	70	81	88,8	86,9	117,6
	2	70	81	86,9	94,1	99,1
	3	70	81	91,6	76	135,5

В отдельных случаях, например, при повышенных значениях коэффициента освоения мощностей в год их ввода K_0 , колебания вводов мощностей при расчетах в соответствии с (2) со временем уменьшаются. Однако и в этих случаях в начале планового периода имеют место неоправданно резкие скачки объемов вводимых мощностей.

Можно показать, что нестабильность традиционной схемы расчета динамики ввода мощностей связана с локализацией корней характеристического многочлена порядка T , где T — продолжительность периода освоения [2, гл. 2]:

$$f(z) = K_0 z^T + (K_1 - K_0) z^{T-1} + \dots + (K_{T-1} - K_{T-2}) z + 1 - K_{T-1}, \quad (3)$$

все коэффициенты которого положительны. Нестабильная динамика ввода мощностей будет наблюдаться в случае неустойчивого мно-

гочлена $f(z)$, т.е. когда значения корней этого многочлена по модулю превышают 1 (т.е. при $|z| > 1$).

В связи с тем что нормы продолжительности освоения мощностей реальных производств не превышают 30 месяцев, а рекомендуемые в (6) для перспективного планирования коэффициенты освоения достигают проектных уровней не позднее, чем на 4-й год после ввода мощностей, т.е. $T \leq 3$, ограничимся рассмотрением двух частных случаев: $T = 2$ и $T = 3$.

Для $T = 2$ (производительность вводимых мощностей достигает проектного уровня на 3-й год после их ввода, что свойственно процессам с продолжительностью освоения до 18 месяцев [6]), критерий устойчивости двучлена $f(z)$ сводится к двум ограничениям [9]:

$$1 - K_1 < K_0, f(-1) = 1 + 2K_0 - 2K_1 > 0. \quad (4)$$

Случай $T = 3$ (производительность вводимых мощностей достигает проектного уровня на 3-й год после их ввода) охватывает более инерционные процессы с продолжительностью освоения мощностей от 18 до 30 месяцев (6). Критерий устойчивости характеристического многочлена в этом случае сводится к следующим ограничениям, которым должны удовлетворять коэффициенты освоения [9]:

$$1 - K_2 < K_0, f(-1) = 1 - 2K_0 + 2K_1 - 2K_2 < 0, \quad (5)$$

$$(1 - K_2)(1 - K_2 - K_1) < K_0(K_0 + K_1 - 1). \quad (6)$$

Как показывает анализ, в случае $T = 2$ практически при всех рекомендуемых в [4] для перспективного планирования графиках освоения мощностей соблюдается $f(-1) < 0$. Так, при $K_0 = 0,35$, $K_1 = 0,91$, $T = 2$ имеем $f(-1) = -0,12 < 0$. Кроме того, в силу положительности коэффициентов характеристического полинома (3) при $T = 2$ корни полинома всегда отрицательны или имеют отрицательные действительные части, что приводит к колебательной динамике ввода мощностей. Поэтому расчеты ввода мощностей в соответствии с традиционной схемой для этого случая, как правило, должны приводить к расходящимся колебаниям искомой переменной.

При $T = 3$ многим рекомендуемым для перспективного планирования коэффициентам освоения также в большинстве случаев соответствуют неустойчивые характеристические полиномы (3). Обычно нарушается второе из условий (5), т.е. $f(-1) > 0$. Например, при $K_0 = 0,26$, $K_1 = 0,66$, $K_2 = 0,89$, $T = 3$ значение $f(-1) = +0,02 > 0$. В ряде случаев $f(-1) = 0$ (в частности, при $K_0 = 0,35$, $K_1 = 0,80$, $K_2 = 0,95$), т.е. система с характеристическим полиномом (3) находится на грани устойчивости. Кроме того, почти для всех рекомендуемых графиков освоения выполняется критерий Вышнеградского:

$$(K_1 - K_0)(K_2 - K_1) > K_0(1 - K_2), \quad (7)$$

гарантирующий, что все корни характеристических многочленов 3-го порядка отрицательны или имеют отрицательные действительные части, что также может приводить к колебательной динамике объемов ввода мощностей.

Именно с неустойчивостью характеристических полиномов $f(z)$, соответствующих рекомендуемым для перспективного планирования коэффициентам освоения и отрицательностью их корней (или действительных частей корней), связано возникновение резких колебаний объемов вводимых мощностей при проведении расчетов в соответствии с традиционной вычислительной схемой [2]. Отметим, что даже увеличение до чрезмерно высокого уровня коэффициента освоения мощностей в год их ввода не может в необходимой мере компенсировать возникающие колебания.

Можно показать, что непосредственное использование традиционной схемы расчетов допустимо, если [2]:

- ввод мощностей приурочен к началу года;
- ввод мощностей осуществляется по пятилетиям;
- предполагаются высокие темпы роста спроса на продукцию (это характерно для новой продукции, находящейся на стадии начала жизненного цикла);
- допустима подгонка потребных объемов продукции и коэффициентов освоения мощностей.

Таким образом, разработка устойчивых методов расчета ввода производственных мощностей, позволяющих устранить эту особенность, является актуальной задачей как в условиях централизованного планирования, так и в рыночной экономике. Однако в методических материалах Госплана этот факт долгое время игнорировался. Интерес к этой проблеме возник к началу 1990-х гг., однако после перехода к рыночным отношениям и прекращения существования Госплана он пропал.

Для устранения недостатков традиционной схемы расчета ввода мощностей автором, начиная с 1980-х гг., были предложены модифицированные схемы расчетов ввода мощностей на основе алгоритмов прогнозирующего управления и результатов теории линейно-квадратичных регуляторов [1, 2], обеспечивающие устойчивость расчетов, низкую чувствительность результатов к малым изменениям исходных данных и хорошее совпадение расчетного и заданного уровней производства. Отдельные варианты этих схем могут быть просто реализованы и в широко используемых в плановой практике программных продуктах (например, в электронных таблицах *Excel* и др.).

Методы расчета объемов ввода мощностей на основе теории линейно-квадратичных регуляторов

Наиболее универсальный подход к расчету объемов ввода мощностей состоит в использовании методов теории линейно-квадратичных регуляторов. Этот подход обеспечивает подавление неоправданных колебаний объемов ввода мощностей за счет некоторого, весьма незначительного, отклонения объемов производства от желаемых, а также низкую чувствительность результатов к малым изменениям исходных данных (объемов потребности в продукции, коэффициентов освоения).

Суть данного подхода состоит в определении искомой переменной (объемов ввода мощностей) в результате решения оптимизационной задачи с критерием [1, 2]:

$$J = \frac{1}{2} [S^*(y_{dT+1} - y_{T+1})^2 + \sum_{t=1}^{T^*} (y_{dt} - y_t)^2 + rm_t^2] \text{ @ } \min_{m_t}, \quad (8)$$

при ограничении (2), где y_{dt} — желаемые объемы производства продукции (спроса) в году t ; m_t — искомая переменная (объем вводимых мощностей); T^* — период оптимизации, совпадающий с периодом планирования или превышающий его, $S^* > 0$ и $r > 0$ — подбираемые параметры (в [8] подобные методы решения обратных задач названы методами регуляризации).

Параметр r играет роль коэффициента штрафа за нестабильность динамики ввода мощностей. Очевидно, чем выше значение r , тем выше плата за нестабильность динамики ввода мощностей rm_t^2 и, следовательно, тем более плавно должна изменяться искомая переменная в результате решения оптимизационной задачи. Плавность вводов мощностей будет, конечно, достигнута ценой более заметных отклонений соответствующих им объемов производства продукции y_t от желаемых. Поэтому значение параметра r не должно быть слишком высоким.

Введение другого параметра S^* позволяет смягчить так называемый концевой эффект, проявляющийся в снижении уровня искомой переменной к концу периода оптимизации. Вместе с тем «концевой эффект» может быть компенсирован и путем увеличения периода оптимизации на 5–10 лет относительно планового и экстраполяции на соответствующий срок желаемых уровней производства (при этом можно положить $S^* = 0$).

Можно использовать несколько методов расчета объема вводимых мощностей, вытекающих из теории линейно-квадратичных регуляторов, в частности основанные на [1, 2]:

- решении рекуррентных матричных векторно-матричных уравнений Риккати;
- использовании разностных уравнений, выводимых из соответствующих матричных и векторно-матричных уравнений;
- решении задач квадратичной оптимизации с использованием электронных таблиц.

В табл. 2 приведены результаты сглаживания объемов вводимых мощностей, необходимых для обеспечения желаемых объемов производства на 10-летний период, определенные путем оптимизации (8) и основанные на решении уравнений Риккати при $r = 0,1$ и $S^* = 0$. С целью смягчения «концевого эффекта» период оптимизации T^* в (8) увеличен до 15 лет, причем принято, что с 11-го по 15-й год желаемые объемы производства остаются на постоянном уровне, равном 804 усл. ед.

Как видно из табл. 2, рассчитанные объемы вводимых мощностей характеризуются достаточно плавной динамикой. Начиная с 5-го года периода планирования, расчетные уровни вводимых мощностей практически совпадают с объемами приростов производства продукции. Относительное отклонение объемов производства, соответствующих рассчитанным объемам вводимых мощностей, от желаемых уровней максимально в первый год 10-летия (2,3%) и уменьшается после 4-го года до 0,05–0,51% (см. табл. 2).

Теория линейно-квадратичных регуляторов создает основу для использования методов математического программирования, реализованных в широко используемых в плановой практике программных продуктах (*Excel* и др.). Простота интерфейса и доступность различных вариантов *Excel* позволяет широкому кругу пользователей вместо решения матричных уравнений получать решение задачи определения объемов ввода мощностей с помощью электронных таблиц.

В табл. 3 представлены результаты расчетов объемов ввода мощностей путем решения задачи квадратичной оптимизации (8) в среде *Excel*, применительно к нормативной модели освоения мощностей (2) с коэффициентами освоения $K_0 = 0,21$, $K_1 = 0,8$, $K_t = 1$, $t^3 T$ (табл. 3).

Данные табл. 3 свидетельствуют о достаточно высокой точности расчетов и о плавности динамики искомой переменной.

Таким образом, подход, основанный на использовании теории линейно-квадратичных регуляторов, позволяет стабилизировать динамику ввода мощностей при обеспечении близости расчетных и потребных уровней производства. Он может быть использован

Таблица 2

Результаты расчета ввода мощностей, основанного на решении уравнений Риккати
 $(T=2, K_0=0,21, K_1=0,8)$.

Годы	Объем производства продукции, не обеспеченный действующими мощностями (усл. ед.)		Ошибка, %	Необходимый объем ввода мощностей (усл. ед.)	
	желаемый	расчетный		расчет в соответствии с (8), (2)	традиционная схема
1	15,0	14,7	2,34	71,6	70,0
2	74,1	73,0	1,51	79,9	81,0
3	153,9	153,4	0,35	87,3	88,8
4	241,1	240,2	0,39	93,7	86,9
5	333,7	333,9	-0,05	94,5	117,6
6	427,9	428,0	-0,03	93,5	35,0
7	522,0	522,0	0,01	95,6	237,2
8	617,0	616,0	0,17	94,8	-252,1
9	706,5	710,0	-0,49	68,6	930,1
10	771,1	775,0	-0,51	24,4	-2063,5

Таблица 3

**Результаты решения задачи квадратичного
программирования (8), (2) в среде Excel**

Годы	Объем производства продукции, не обеспеченный действующими мощностями (усл. ед.)	Ошибка, %	Необходимый объем ввода мощностей (усл. ед.)
1	14,7	0,35	70,2
2	73	0,40	81,4
3	153,4	-0,23	84,2
4	240,2	0,36	104,9
5	333,9	-0,34	61,7
6	400	0,07	48,3
7	450	-0,08	40,4
8	490	0,06	34,0
9	520	-0,17	3,0
10	530	0,14	14,7

в плановой практике для решения широкого круга задач стабилизации динамики экономических показателей, в частности, при расчете объемов производственных инвестиций (капитальных вложений) и др. показателей.

Вместе с тем следует отметить, что предлагавшаяся в методических материалах Госплана традиционная схема расчета ввода мощностей [4, с. 185–196], даже в исправленном варианте, целесообразна при планировании развития производств за счет ввода объектов относительно невысокой единичной мощности. Проекты создания объектов с малым периодом окупаемости и небольших объемах капитальных вложений, как правило, реализовывались в 1990-х и начале 2000-х гг. в российской экономике. В условиях 4-й промышленной революции, вызванной форсированным распространением информационно-коммуникационных технологий, повышается вероятность локализации производства из-за его удешевления в результате автоматизации, что в свою очередь также может привести к возрастанию числа более мелких предприятий, приближенных к потребителю, и к более быстрой и эффективной адаптации производства к спросу.

Выводы

Подход к определению объемов ввода мощностей, основанный на результатах теории линейно-квадратичных регуляторов, гарантирует плавность динамики искомым показателей при плавном характере изменения экзогенных показателей. Его реализация основана на использовании простых алгоритмов расчета.

Рассмотренный подход может быть использован в плановой практике для решения широкого круга задач стабилизации динамики экономических показателей.

Актуальность использования устойчивых методов решения обратных задач расчета ввода мощностей определяется в настоящее время ориентированностью как промышленности страны, так и сферы услуг, на реализацию небольших проектов с малыми сроками окупаемости.

■ Список литературы

1. *Варшавский Л.Е.* Модели и методы расчета динамики ввода производственных мощностей // Экономика и математические методы. 1987. Т. XXIII. Вып. 3. С. 456–467.
2. *Варшавский Л.Е.* Исследование инвестиционных стратегий фирм на рынках капиталов- и наукоемкой продукции (производственные мощности, цены, технологические изменения). М.: ЦЭМИ РАН, 2003. С. 354.
3. *Ильин О.А.* Инвестиции и производственные мощности. М.: Экономика, 1987.
4. Методические указания к разработке государственных планов экономического и социального развития СССР. М.: Экономика, 1980.
5. Нормативы капитальных вложений. М.: Экономика, 1990.
6. Нормы продолжительности и уровни освоения проектных мощностей и экономических показателей вводимых в действие предприятий, объектов. М.: Экономика, 1985.
7. Нормы продолжительности строительства и задела в строительстве предприятий, зданий и сооружений. СНиП 1.04.03.85. М.: Стройиздат, 1987.
8. *Тихонов А.Н., Арсенин В.Я.* Методы решения некорректных задач. М.: Наука, 1974.
9. *Jury E.I.* Theory and Applications of the Z – Transform Method. John Wiley, NY, 1964.

А.Н. Гаврилов¹

A.N. Gavrillov²

А.А. Семенов³

A.A. Semenov⁴

ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ С АКЦЕНТОМ НА РАЗВИТИЕ ГЛАВНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ КАК ЗАЛОГ УСПЕШНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (ОПЫТ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ)

Centralized regulation with an emphasis
on the development of the main productive force
as the key to successful economic development
(the experience of the last century)

Централизованное экономическое регулирование и система образования рассматриваются в статье в качестве факторов, в решающей мере определяющих успех экономической политики. Уделяется внимание идеологическим и историческим предпосылкам такого подхода, приводятся примеры из отечественной и зарубежной истории, подтверждающие правильность занятой теоретической позиции. В заключение авторы подчеркивают актуальность акцента на ускоренное развитие человеческого знания в условиях современной экономики.

Ключевые слова: история экономической политики, факторы хозяйственного роста, система образования, человеческий капитал, рынок труда.

Centralized economic regulation and the education system are considered in the article as factors that decisively determine the success of economic policy. Attention is paid to the ideological and historical prerequisites of such an approach, examples from domestic and foreign history are given, confirming the correctness of the theoretical position taken. In conclusion, the authors emphasize the relevance of the emphasis on the accelerated development of human knowledge in a modern economy.

Keywords: history of economic policy, factors of economic growth, education system, human capital, labor market.

¹ Гаврилов Алексей Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

² Alexey N. Gavrillov, Candidate of Economic Sciences, associate Professor, Associate Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics.

³ Семенов Андрей Александрович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

⁴ Andrey A. Semenov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics.

Учение о необходимости комплексного и расширенного толкования факторов народнохозяйственного роста впервые было разработано Фридрихом Листом, а затем оно получает углубленную интерпретацию в работах ведущих авторов немецкой исторической школы. Исследователи, принадлежавшие к этому направлению, указывали, что практически все значимые социальные институты не только зависят от хозяйственной базы общества, но и сами оказывают на нее конкретное влияние. При этом по мере прогресса цивилизации все большее значение приобретают факторы формирования многосторонне развитой гражданской личности, творчески одаренного работника, служащего, солдата. Чем дальше, тем больше успехи государственного строительства будут определяться успехами в образовательной сфере.

Германское государство прислушивалось к мнению своих профессоров. С середины XIX в. немецкая образовательная система, чье успешное реформирование было заложено еще В. Гумбольдтом, становится эталоном для всего европейского мира. И результаты не заставили себя ждать. Известно, что после решающей победы в битве при Садове географ Оскар Пешель признал главным героем удачной кампании прусского учителя, приобщившего будущих солдат к дисциплине, давшего им широту кругозора, воспитавшего в них патриотизм, инициативность и любовь к профессии (часто эту мысль приписывают Бисмарку). Отметим от себя, что не менее позитивное влияние успехи в образовательной сфере оказали и на рабочих.

Представители исторической школы доказывали, что в успешном формировании производителя как развитой личности, обладающей достаточным образованием, здоровьем, уверенностью в завтрашнем дне, заинтересована вся нация, включая и предпринимателей. Но обеспечить условия для такого развития могут только совместные действия государства и профсоюзов. Частные предприниматели слишком заиклены на сиюминутных выгодах, всячески стремятся избежать дополнительных издержек, связанных с обучением и отдыхом работников, и не могут поэтому быть инициаторами прогрессивных изменений в сфере труда. Нельзя отдать на откуп частной инициативе и развитие стратегически важных отраслей, а также внешнеэкономические отношения.

В России труды германских теоретиков активно изучались. Такие выдающиеся государственные деятели, как Н.Х. Бунге и С.Ю. Витте, читали курсы лекций об исторической школе и посвящали ей свои труды. Правительство старалось придерживаться листовской стратегии «воспитательного протекционизма» во внешнеэкономической стратегии, а экономическая роль государства была у нас не менее

значима, чем в Германии. При этом неуклонно росли расходы на образование и увеличивалась их доля в сводном бюджете.

Существенное нарастание степени «этатизации» российской экономики произошло в условиях нарастания военной угрозы перед Первой мировой войной. Уже в предвоенные годы Военное министерство убедилось в неэффективности работы многих оборонных предприятий, находившихся в частной собственности. В особенности это относилось к заводам, которыми владели и управляли иностранцы. Интересы чистогана вошли в противоречие с потребностями защиты страны. Безбожно завышались закупочные цены, нарушалась структура военных заказов, не соблюдались сроки поставок.

Работа закипела в полную силу лишь после развертывания боевых действий, после того как армейские должностные лица, такие как начальник Главного артиллерийского управления генерал-лейтенант А.А. Маниковский, взяли управление военными заводами в свои руки. Стало быстро расти производство снарядов, пушек, взрывчатых веществ. Развернулось строительство новых предприятий, которые возглавили отозванные с фронта боевые офицеры. За короткий срок производство основных видов боевой техники и стрелкового вооружения многократно возросло [2, с. 645]. К концу 1916 г. нужды фронта в основных предметах армейского снабжения были полностью удовлетворены.

Важны были и социальные последствия проведенной военными организационной перестройки. Последняя продемонстрировала, что «надкапиталистическая инициатива» может быть весьма успешным элементом промышленного управления, по крайней мере в экстремальных условиях, когда показатели прибыли и рентабельности уже не могут и не должны довести производителей. Естественным образом возникал вопрос: а нельзя ли расширить сферу использования апробированных методов огосударствления, распространить эти методы на все ведущие отрасли народного хозяйства [3, с. 340].

В последующие десятилетия XX в., вплоть до его последней декады, хозяйственная роль государства была у нас очень высока. Неплохими всегда оставались и темпы экономического роста. Активные усилия прилагались для развития образования. Лозунг эпохи индустриализации — «Кадры решают все» — говорит сам за себя, а в пятидесятые годы наши образовательные учреждения уже не уступали лучшим заграничным образцам. Но в последние десятилетия предыдущего столетия мы уже сталкиваемся с эрозией, переросшей в конечном счете в масштабное разрушение производительных сил.

Что касается зарубежного опыта, мы можем констатировать относительное снижение роли германского примера в последовавший

за Первой мировой войной период. Правда, в 30-е и 40-е гг. здесь имелись определенные успехи в области централизованного хозяйственного регулирования, но их нельзя признать значительными на фоне советских достижений в данную эпоху. Что же касается немецкого образования, то здесь вначале мы видим упадок, обусловленный бедностью, войной и идеологической катастрофой, а затем, с середины XX столетия, — засилье американских программ обучения.

Безусловными лидерами капиталистического мира по темпам экономического развития в этот период становятся США и Япония. Успехам США, как мы знаем, способствовал механизм централизованной эксплуатации глобальных ресурсов, а достижения Японии в решающей мере были обусловлены эффективностью государственных программ отраслевого развития. Характерно, что обе страны в подходе к улучшению кадрового потенциала опирались на теорию человеческого капитала, предусматривающую примат факторов образования в достижении высоких темпов экономического роста.

Все исследования, направленные на выявление эффективности вложений в человеческий фактор через образование, указывали на ее рост по мере увеличения сроков обучения, причем рентабельность ассигнований на человеческий капитал (определявшаяся в основе как отношение актуализированного повышения среднего уровня дохода к расходам на образование) намного превосходила прибыльность вложений в физический капитал. Эти выводы послужили теоретическим обоснованием для беспрецедентного расширения сферы просвещения и подготовки кадров в развитых капиталистических странах. Затраты на образование стали восприниматься общественным мнением уже не как статья непроизводительного потребления, а как одна из наиболее эффективных форм инвестиций.

Даже критика школы человеческого капитала косвенно способствовала острению внимания общественности на поиске факторов повышения эффективности трудового потенциала и совершенствованию методов научного поиска в этом направлении. Многие возражения сторонников так называемой теории фильтра, настаивающих на непродуктивности инвестиций в образование и их малой сопряженности с профессиональными успехами индивида, преодолевались развитием учения о делении человеческого капитала на «общий» (перемещаемый) и «специфический» (неперемещаемый). Общий человеческий капитал может быть использован применительно к широкому спектру специальностей и рабочих мест (знание законодательства, основ информатики, иностранного языка...), а специфический увеличивает производительность труда лишь в ограниченном хозяйственном пространстве (знание клиентуры предприятия, особенностей региона,

достоинств и недостатков членов трудового коллектива и работников администрации...). Общий человеческий капитал накапливается в основном в молодости, в период пребывания в учебных заведениях, а специфический в период трудовой активности.

В 1988 г. вышла в свет вызвавшая значительный научный резонанс работа Дж. Минсера и И. Хигучи, в которой сравнивались временная структура заработков и географическая мобильность рабочей силы в США и Японии [6]. Исследование подтверждало вытекающие из теории человеческого капитала предположения: быстрый и устойчивый рост заработной платы наблюдался там, где были велики затраты на профобучение и где этот рост сопровождался еще большим увеличением производительности труда; дополнительные вложения фирм в подготовку рабочих кадров увеличивали угол наклона кривой заработков относительно временной оси (т.е. с ростом стажа заработной платы возрастали быстрее), а географическая мобильность рабочей силы при этом, наоборот, снижалась, как и должно происходить при инвестировании в специфический («неперемещаемый») человеческий капитал.

В работе констатировалось, что в Японии реальные заработки растут по мере увеличения стажа значительно быстрее, чем в Америке. При прочих равных условиях, один дополнительный год работы способствует увеличению заработной платы японского рабочего на 4,2%, а в Соединенных Штатах соответствующий показатель равен 1,2% [6, p. 105]. Анализируя этот разрыв, авторы отмечали, что для его объяснения недостаточно указаний на культурные особенности стран и на привязанность японского рабочего к своей фирме. В межвоенный период и вплоть до 50-х гг. текучесть на японских заводах была выше, чем в США. Только установление нового инвестиционного климата, вызвавшее массивные вложения японских компаний в рабочую силу, «прикрепили» ее к предприятиям. Национально-исторические традиции могли лишь усилить эту тенденцию. Быстрая инкорпорация достижений технического прогресса японскими фирмами диктовала необходимость более интенсивной профессиональной адаптации промышленных рабочих и обуславливала сокращение сроков периодичности их переквалификации. И в дальнейшем издержки по профобразованию на японских заводах примерно втрое превосходили американские [7, p. 158].

Отличается и качественная сторона производственного обучения в Японии. Оно ориентировано почти исключительно на приобретение знаний «ad hoc» (то есть буквально «пригодных для данного случая»). Это имеет историческую обусловленность в генезисе японского капитализма, который отмечен печатью острой нехватки ква-

лиффицированных производственных кадров и их высокой географической мобильностью.

Опираясь на внутренние источники экономической мобилизации, широко используя иностранные капиталы, западные методы производства и высокотехнологичные товары, японские фирмы сумели быстро модернизировать национальную производственную базу и выйти на международные рынки со своей собственной продукцией. Причем среди последней постоянно рос процент изделий с высокой долей добавленной стоимости. Все это позволило позднее японскому экономисту Канаме Акамацу разработать для азиатских стран концепцию эффективного догоняющего развития, получившую поэтическое названия «стаи летящих гусей».

Как указывал автор, его концепция представляет собой современную модификацию теории «воспитательного протекционизма» Ф. Листа. Суть этой концепции заключается в следующем. Вначале страна, находящаяся на невысоком уровне индустриального развития, начинает ввозить качественные продукты потребления из более развитых регионов. По мере формирования и расширения спроса на новые товары растет производство изделий-аналогов отечественными предприятиями (примеры, взятые из опыта развития текстильной промышленности Японии). Для этого за рубежом закупаются техника, лицензии и, возможно, какие-то полуфабрикаты. Через какое-то время начинается вывоз этих товаров за рубеж.

Рост экспорта увеличивает денежные накопления отрасли и расширяет рынок новых средств производства внутри страны. Это создает возможность для государства и отечественных фирм вновь инициировать процесс импортозамещения. Его благоприятное развитие снижает себестоимость экспортных товаров и создает за рубежом спрос уже и на отечественное оборудование. Начинается переброска капиталов и рабочей силы в высокотехнологичные производства, так как продукция, производимая на последних, более рентабельна. При этом низкотехнологичные звенья производства выносятся за рубеж, где на предыдущем этапе уже был сформирован спрос на отечественную продукцию. И в этих зарубежных странах история повторяется снова.

Акамацу разработал свою концепцию еще в 1930-е гг., но популярной она стала лишь в шестидесятые, после того, как была изложена в «Журнале развивающихся экономик» [5]. Это была эпоха, когда Япония вышла на уровень второй по масштабам рыночной экономики мира, а группа быстро набирающих силу азиатских стран (Сингапур, Тайвань, Гонконг и Южная Корея) решительно встала на рельсы капиталистического развития, признав приоритетными

целями своей экономической политики поощрение рыночной конкуренции и частного предпринимательства. Хозяйственный динамизм этих стран был столь впечатляющим, что скоро их стали называть «малыми азиатскими драконами», имея в виду под «большим драконом» Японию. Начав с модернизации и расширения производства в секторе с низкой долей добавленной стоимости (ткани, спортивные товары, обувь), «малые драконы» затем последовательно добились впечатляющих успехов и в высокотехнологичных отраслях (автомобильная промышленность, электроника, судостроение). Даже азиатский финансовый кризис 1997 г. лишь ненадолго (буквально на полтора-два года) затормозил положительную динамику хозяйственного роста в рассматриваемой группе государств. Из кризиса 2008 г. они также вышли довольно успешно, с гораздо меньшими потерями, чем крупные капиталистические страны.

Начало XXI в. знаменовалось определенным «размыванием» традиционной модели азиатского капитализма. Под влиянием глобализации и настойчивых рекомендаций западных партнеров «драконы» и «тигры» вынуждены были смягчить политику государственного регулирования, внедрить институт независимых директоров в составе правлений крупных компаний, пойти на значительное повышение «гибкости» условий занятости. Фатальное влияние на темпы промышленного роста Японии, а также на ее лидерское положение в технологически передовых отраслях имело соглашение в отеле «Плаза» 1985 г., резко снизившее конкурентоспособность товаров этой страны на мировом рынке. Вместе с тем и США не стали неоспоримым лидером в области промышленной модернизации. Главной причиной торможения темпов обновления их индустриального аппарата стал массовый перенос предприятий в страны с дешевой рабочей силой.

Описанные нами бригады новаторов, столь очевидно продемонстрировавшие потенциал преимуществ, связанных с целенаправленным развитием неперемещаемого человеческого капитала, утратили роль определяющего фактора экономического успеха. В последней четверти XX в. лишь в области цифровизации наблюдалась существенная и крупномасштабная техническая перестройка и ее организационное содержание практически никак не корреспондирует с природой технологических прорывов середины минувшего столетия. Но думается, что если бы даже промышленная модернизация продолжалась в прежнем русле и прежними темпами, а США и Япония сохранили за собой роль ее флагманов, им пришлось бы пересмотреть свою стратегию по развитию главной производительной силы. Технологическое обновление в условиях жесткой конкурентной борьбы приводит к появлению все новых товаров-заменителей, производство

которых требует использования кадров с принципиально иной квалификацией. Предсказать конкретную природу этой квалификации заранее нельзя, поэтому в выигрыше оказываются страны, способные организовать систему достаточно широкого, «гумбольдтовского», образования. Лишь многопрофильные творчески ориентированные работники могут дать адекватный ответ на быстромменяющиеся вызовы современности.

Важно обратить внимание и на то обстоятельство, что в современном мире существенно изменился характер рынка наемного труда, где, по словам президента давосского экономического форума Клауса Шваба, доминирующей парадигмой стала «серия транзакций между работником и компанией, а не прочные взаимоотношения» [4, с. 40]. Такая ситуация создает в области промышленной организации новые вызовы и угрозы, в частности, возникает опасность возникновения зоны «нерегулируемого виртуального каторжного труда» [4, с. 41]. По мнению Шваба, существенно ослабить негативные тенденции могут лишь системные преобразования существующей в развитых странах экономической модели, которую должен заменить новый общественный порядок — капитализм заинтересованных сторон (stakeholder capitalism), опирающийся на примат экологических, социальных и «справедливых» управленческих соображений (ESG).

Критерии новой системы принятия решений остаются, мягко говоря, размытыми, и характерно, что Шваб и его единомышленники мыслят успех намечаемой ими масштабной социальной перестройки (the Great Reset) лишь при условии выведения ее на глобальные рельсы, то есть фактически ориентируются на сохранение однополярного мира. Однако мы являемся свидетелями роста новых, самостоятельных центров силы в планетарном масштабе. Ведущей промышленной державой стал Китай, умело сочетающий эффективную систему госкапитализма с элементами частновладельческого акционирования. В России существенно возросли стратегическая роль и материальная база госсектора, существенный акцент делается на централизованное продвижение и расширение импортозамещающих производств.

В последние два десятилетия в нашей стране было немало сделано и для укрепления оборонной мощи государства, для развития экономической инфраструктуры. Но для формирования «экономики знаний» — этого безусловного приоритета XXI в. — сделано далеко недостаточно. Между тем отставание в этой области недопустимо и требует не только опережающего, но комплексного подхода, в силу того что «ускоренное развитие человеческого знания будет вынуждать общество приноравливать скорость своего духовно-общественного развития к темпам развития технологического» [1, с. 326].

■ Список литературы

1. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
2. *Маниковский А.А.* Боевое снабжение Русской армии в Мировую войну. М.: Гос. воен. изд., 1937. С. 718.
3. *Солоневич И.Л.* Россия и революция. М.: ФондИв, 2007. С. 398.
4. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 230.
5. *Kaname Akamatsu.* A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // Journal of Developing Economies, 1962.
6. *Mincer J. and Higuchi Y.* Wage Structures and Labor Turnover in the United States and Japan // Journal of the Japanese and International Economies. 1988. № 2.
7. *Sollogoub M.* L`approche en termes du capital humain // Travail et Emploi. 1992. № 4.

М.Б. Конашев¹

M.B. Konashev²

ЭВОЛЮЦИЯ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ

Evolution of Planned Economy and Evolutionary Theory

Очевидные и неоспоримые провалы «рыночной» экономики постсоветской России и других стран вновь сделали актуальным вопрос об эффективности плановой экономики, а также о возможности и пределах ее сочетаемости с «рыночной» экономикой. Обращение к эволюционной теории может помочь найти адекватные ответы на этот и другие вопросы. Согласно эволюционной теории нет и не может быть абсолютно успешных адаптационных решений в процессе эволюции, будь то эволюция биологическая или эволюция экономики. Однажды найденные успешные эволюционные решения естественным и необходимым образом воспроизводятся в новом качестве и в новой форме на последующих стадиях эволюции. Плановая экономика является таким эволюционным решением.

Ключевые слова: плановая экономика, рыночная экономика, эволюция, эволюционная теория.

The question of the effectiveness of the planned economy, as well as the possibility and limits of its compatibility with the "market" economy, is relevant again because of the obvious and undeniable failures of the "market" economy in post-Soviet Russia and other countries. Evolutionary theory can help find adequate answers to this and other questions. According to evolutionary theory, there are no, and there can be no, an absolutely successful solutions of the problem of adaptation in the process of evolution, whether it is biological evolution or economic evolution. Once found successful evolutionary solutions are naturally and necessary reproduced in a new quality and in a new form in the subsequent stages of evolution, and the planned economy is such evolutionary solution.

Keywords: planned economy, market economy, evolution, evolutionary theory.

Любая экономика эволюционирует, и ни так называемая рыночная экономика, ни плановая экономика, в частности советская, не исключение. Длительное время еще в период существования СССР, а затем в постсоветской России, особенно в СМИ, действительные

¹ Конашев Михаил Борисович, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук.

² Mikhail B. Konashev, Doctor of Philos. Sc., Associate Professor, Chief Researcher at St. Petersburg Branch of the Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences.

и мнимые достоинства первой ее адептами всячески превозносились и преувеличивались, а преимущества и подлинные успехи второй всячески преуменьшались и замалчивались. Тем не менее в ряде научных публикаций, в т.ч. современных, было показано, что советская плановая экономика не только не уступала современной ей «рыночной», т.е. капиталистической, но и в целом превосходила ее, особенно на восходящих и наиболее удачных фазах своей эволюции [10, 11]. Очевидные и неоспоримые провалы «рыночной» экономики постсоветской России и других стран, в особенности в последние годы, вновь сделали актуальным вопрос об эффективности плановой экономики, ее потенциале, а также о возможности и допустимости, и, если это так, об оптимальной ее сочетаемости с «рыночной», о пределах, формах и степени этой сочетаемости. Необходима и возможна ли плановая экономика в современной России и какая именно? Может и должна ли она полностью или частично заменить «рыночную»? При каких экономических, социальных и политических, в том числе геополитических условиях, такая замена может произойти? Какие при этом могут возникнуть и, более того, неизбежны проблемы и риски? Какие шаги могут быть сделаны и должны быть сделаны на пути преобразования «рыночной» экономики в плановую, и в какой последовательности? Наконец, каковы условия и есть ли гарантия успеха поиска и нахождения наилучшего решения из вероятных конкретных вариантов соединения плановой и «рыночной» экономики?

Обращение к эволюционной теории может помочь найти адекватные ответы на эти и другие вопросы, хотя она является лишь частной эволюционной теорией, а именно, теорией частной, биологической эволюции. Одним из ее наиболее важных принципов является принцип относительности или «оппортунистичности», сформулированный советско-американским генетиком и эволюционистом Ф.Г. Добржанским, в книге, написанной совместно с французским генетиком Э. Безигером «Эссе об эволюции» [12]. Согласно этому принципу нет и не может быть абсолютно успешных адаптационных решений в ходе эволюции, будь то эволюция биологическая или эволюция экономики. В то же время единожды найденные успешные эволюционные решения или открытия естественным и необходимым образом воспроизводятся в новом качестве и в новой форме на последующих стадиях эволюции. Плановая экономика объективно как раз является таким эволюционным открытием.

Противопоставление «рыночной» и плановой экономик, в особенности абсолютное, помимо определенного научного значения, в первую очередь политэкономического, имело и имеет очевидный идеологический характер, в определенной мере и в определенном

историческом смысле являясь наследием эпохи Холодной войны. Так называемая критика плановой экономики, т.е. абсолютно негативные ее оценки, господствует в российских и зарубежных СМИ. Соответственно эта «критика» делается прямо или опосредованно по политическому заказу конкретного социального субъекта, всем хорошо известного. Политкорректно его часто именуют выгодополучателем.

Особо отметим, что эти оценки являются открытой или слегка прикрытой фальсификацией. В качестве подтверждения бесспорных и неопровержимых достижений плановой экономики в ходе ее эволюции приведем некоторые данные о развитии «плановой», т.е. социалистической, экономики в сравнении с «рыночной», т.е. капиталистической, экономикой в прошлом и настоящем.

Плановая экономика СССР

Большую часть своего существования экономика СССР успешно развивалась, несколько десятилетий превосходя темпы развития экономик США и других ведущих капиталистических стран (табл. 1–8). Это относится как к периоду ее становления, так и последующего развития [1; 5, с. 697–698; 6, с. 91; 7, с. 445–446; 9] (см. табл. 1).

Темпы экономического роста СССР в 1966–1985 гг. характеризуются двумя показателями, т.к. в советской статистике учитывался национальный доход, включающий только отрасли материального производства, а в западной статистике и у ЦРУ — ВВП. Величина экономического роста, близкая к истинной, вероятно, находится между этими показателями [11].

Плановая экономика Чехословакии

Показательно также развитие экономики Чехословакии. По данным самих чешских экономистов в 1920-е гг. максимальный темп развития экономики буржуазной Чехословакии достиг 5,2%. В 1950 — первой половине 1960-х гг. он составил более 6%. В так называемый трансформационный период, с 1990 г. по 2014 г., когда проводилась трансформация социалистической экономики в капиталистическую, ВВП Чехии изменялся следующим образом: 1990 г. — -1,2%, 1991 г. — -9,7%, 1992 г. — -2,3%, 1993 г. — 1,1%, 1994 г. — 2,4%, 1995 г. — 6,2%, 1996 г. — 4,3%, 1997 г. — -0,7%, 1998 г. — -0,3%, 1999 г. — 1,4%, 2000 г. — 4,3%, 2001 г. — 3,1%, 2002 г. — 1,6%,

Таблица 1

**Темпы роста национального дохода СССР, США, Англии и Франции
(в сопоставимых ценах; в процентах к 1913 г.)**

Годы	СССР	США	Англия [2]	Франция
I. Весь объем национального дохода				
1913	100	100	100	100
1917	75	104	86	78
1928	119	134	105	125
1929	138	150	112	138
1932	217	93	112	121
1937	459	146	128	117
1940	611	164	145	102
1950	1 003	265	165	137
1960	2 674	359	206	207
II. Национальный доход на душу населения				
1913	100	100	100	100
1917	73	98	91	86
1928	109	108	105	127
1929	124	120	111	140
1932	188	72	110	122
1937	386	110	123	117
1940	448	121	137	105.
1950	775	170	149	136
1960	1 738	194	179	191

Таблица 2

**Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции СССР
и США (в процентах)**

	СССР	США
За 43 года (1918-1960 гг.)	10,1	3,3
в том числе:		
за 12 лет (1918-1929 гг.)	6,9	3,1
за 11 лет (1930-1940 гг.)	16,5	1,2
за 16 лет (1945-1960 гг.)	10,6	1,8
из них за последние 7 лет (1954-1960 гг.)	11,1	2,5

Таблица 3

**Соотношение объемов совокупного общественного продукта,
промышленного и сельскохозяйственного производства
и национального дохода СССР и США**

	По общему уровню	В расчете на душу населения
Соотношение объемов совокупного общественного продукта в 1960 г. [1]	СССР составляет примерно 60% от США	СССР составляет несколько более 50% от США
Соотношение объемов промышленного производства:		
1913 г.	Дореволюционная Россия — меньше США в 8 раз.	Дореволюционная Россия — меньше США в 13-14 раз
1960 г.	СССР составляет примерно 60% от США	СССР составляет несколько более 50% от США
Соотношение объемов сельскохозяйственного производства в среднем за 1958-1960 гг.	СССР составляет 75-80% от США	СССР составляет около 70% от США
Соотношение объемов национального дохода в 1960 г.	СССР составляет примерно 60% от США	СССР составляет несколько более 50% от США

Таблица 4

**Динамика ВВП в развитых странах мира за 1950-1960-е годы,
в % к началу периода, принятому за 100%**

Страны	1951-1955 гг.	1956-1960 гг.	1951-1960 гг.
СССР	162	151	244
США	124	107	133
Великобритания	115	110	127
Франция	124	127	158
ФРГ	154	141	217
Япония	143	177	253

Таблица 5

**Среднегодовые темпы экономического роста в СССР
в 1966-1985 гг. (в %)**

	1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985
Индекс национального дохода	4,1	3,2	1,0	0,6
Индекс ВВП [2]	5,0	3,1	2,2	1,8

Таблица 6

**Душевое потребление важнейших продовольственных
и непродовольственных товаров кратковременного пользования
в СССР за 1965-1985 гг.**

	1965	1975	1985
1. Мясо и сало, кг	44	56,7	61,4
2. Молоко и молочные продукты (в пересчете на молоко), кг	260	316	323
3. Яйца, шт.	132	216	260
4. Рыба и рыбопродукты, кг	12,9	16,8	17,7
5. Сахар, кг	35,3	40,9	42,0
6. Фрукты и ягоды, кг		39	46
7. Ткани, м ²	27,1	32,5	37,1
8. Верхний трикотаж, шт.	1,0	2,0	2,1
9. Бельевой трикотаж, шт.	3,5	4,4	4,7
10. Чулочно-носочные изделия, шт.	5,5	6,1	7,2
11. Обувь, шт.	2,0	3,2	3,2

Таблица 7

**Обеспеченность населения предметами длительного пользования
в расчете на 1000 человек населения (на конец года, шт.)**

	1965	1975	1985
1. Часы всех видов	885	1319	1580
2. Радиоприемники и радиолы	165	230	289
3. Телевизоры	68	215	293
4. Фотоаппараты	67	77	102
5. Пылесосы	18	52	117
6. Холодильники	29	178	275
7. Стиральные машины	59	189	205
8. Легковые автомобили	6	16	45

2003 г. — 3,6%, 2004 г. — 4,9%, 2005 г. — 6,4%, 2006 г. — 6,9%, 2007 г. — 5,5%, 2008 г. — 2,7%, 2009 г. — -4,8%, 2010 г. — 2,3%, 2011 г. — 2,0%, 2012 г. — -0,8%, 2013 г. — -0,7%, 2014 г. — 2,1% [4, с. 23].

В 1960-е гг. темп развития экономики на Западе был значительно ниже чехословацкого: в США — 3,1%, ФРГ — 3,4%, Франции — 4,4%, Великобритании — 2,2% [8, с. 297]. В 1970-е гг. темпы развития экономики ЧССР падали: среднегодовой темп роста национального дохода в 1971–1975 гг. составил 5,7%, в 1976–1980 гг. — 3,7%

Таблица 8

Динамика темпов роста ВВП СССР и стран-лидеров, %, 1971-1990 гг.

Год	СССР	США	Китай	Япония	Германия	Франция
1971	105.3	108.6	107.7	112.9	115.8	112.3
1972	113.2	110.1	114.3	132.6	119.8	122.6
1973	119.8	111.8	121.4	135.8	133.1	129.9
1974	99.8	108.5	104.4	111.1	111.7	108
1975	111.2	109.2	112.7	108.7	110.2	126.2
1976	100.4	111.5	94.4	112.3	105.9	103.1
1977	107.1	111.3	113.2	123.1	115.5	110.4
1978	113.8	113	125.1	140.6	123.4	123.5
1979	107.4	111.8	122.9	104	119	121
1980	104.2	108.8	116.7	104.8	107.9	114
1981	96.5	112.1	95.8	110.5	84.2	87.7
1982	105.8	104	100.3	93	97	95
1983	103.4	108.6	106.8	109	99.2	95.7
1984	94.5	111.2	100.6	106.3	94.1	94.9
1985	97.4	107.3	97.5	106.9	101	104
1986	92.9	105.7	98.4	148.1	142.9	139.8
1987	94	106.2	108.6	121.2	124	120.9
1988	97.4	107.7	125.2	121.3	108	109
1989	99.1	107.5	111.4	100.1	99.9	100.6
1990	100.8	105.8	87.8	102.9	126.6	123.5

[3, с. 13]. В 1981–1985 гг. среднегодовой прирост в промышленности составил 2,8% при 2,6 по пятилетнему плану, а в сельском хозяйстве 1,8% при 1,1 по пятилетнему плану [3, с. 16]. Однако темпы не планировались высокими и были перевыполнены. Кроме того, в эти годы, ...с 1971 г. по 1986 г. объем национального дохода и промышленного производства почти удвоился, сельское хозяйство увеличило производство более чем на 1/3» [3, с. 3]. Валовой национальный продукт (ВНП) в расчете на душу населения также вырос в два раза, с 2863 долл. в 1960 г. до 5820 в 1980 г., а к середине 1980-х гг. «экономический уровень ЧССР превышал среднемировой более чем в 3 раза, по объему промышленного производства в расчете на жителя — в 5 раз» [3, с. 36]. В то же время падение показателей в 1970–1980-е гг. было еще большим в странах Запада.

Плановая экономика Китая

Возможно, наиболее показательным является развитие экономики КНР. С 1978 по 2016 г. среднегодовой рост Китая составил 9,7%, что больше, чем в любой другой стране за аналогичный период [2, с. 3255]. Начиная с 1980 г. китайская экономика растет в среднем на 15% в год. К концу 1990-х гг. темпы экономического роста замедлились до 8% годовых, но со вступлением КНР во Всемирную торговую организацию в 2001 г. приток прямых иностранных инвестиций и расширение экспорта привели к новому ускорению. Несмотря на глобальный экономический кризис 2008 г. темпы роста экономики Китая после некоторого снижения в течении почти шесть лет увеличились до ежегодных 6,9%, что значительно превышает официально провозглашенную цель, которая заключалась в достижении примерно 6,5%, и по прогнозу сохранятся на уровне 6,0%. В КНР наблюдается ежегодный рост номинального ВВП. За последние пять лет этот показатель увеличился на 24,7% (табл. 9), и, по прогнозам экспертов, эта тенденция усилится. Причем каждый год основные экономические показатели изменяются однонаправленно, а острые кризисные ситуации не наблюдаются и не ожидаются [2, с. 3256—3257]. В 2018 г. экономика КНР занимала первое место в мире по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности.

Таблица 9

Эволюция экономики Китая

Показатели	Годы								
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 (прогноз)
Номинальный ВВП (млрд долл.)	9,66	10,54	11,23	11,22	12,02	13,91	15,22	16,61	18,04
Темп роста реального ВВП, в %	7,8	7,3	6,9	6,7	6,9	6,6	6,4	6,3	6,0

Таким образом, в целом Китай, несмотря на ряд сложных проблем внутри страны и в отношениях с некоторыми странами, прежде всего с США, сохраняет высокие темпы устойчивого экономического роста, продолжает проведение крупномасштабных структурных и иных плановых экономических преобразований.

Настоящее и вероятное будущее плановой экономики

Подчеркнем, что негативные стороны и последствия «рыночной экономики» либо вовсе замалчиваются, либо преподносятся как естественные и, более того, благотворные «болезни роста», а сама возможность и необходимость любых плановых элементов отрицается «с порога» или априори. Но плановые элементы почти всегда были и есть в рыночной экономике, они нарастали и будут нарастать в процессе ее эволюции. И, наоборот, рыночные элементы были, есть и долгое время будут сохраняться в любой плановой экономике. Как в рыночной, так и в плановой экономике существует динамический, эволюционирующий баланс тех и других. В целом в первой он подчинен частному интересу, во второй — общему. Естественно, что частный интерес связан с частной собственностью, а общественный интерес — с общественной собственностью. При этом как первая, так и вторая проходят свои закономерные стадии развития сначала в ходе эволюции «рыночной» экономики, а затем в ходе эволюции плановой экономики.

Вызовы, с которыми уже сталкивается Россия, и которые, скорее всего, будут только увеличиваться количественно и усложняться качественно в будущем, требуют нахождения адекватной им модели экономического развития страны в ближайшей перспективе и в последующие десятилетия. Можно предположить, что в такой модели плановая часть закономерно составит не просто главное, а ведущее место. Разработка этой модели потребует должного переосмысления опыта плановой экономики Советского Союза, восточноевропейских стран, Кубы, Вьетнама и Китая, извлечения уроков как из ее положительных, так и отрицательных сторон, из противоречий ее развития.

В свою очередь, преобразование нынешней «рыночной» экономики в новую плановую экономику, очевидно, потребует и преобразования значительной части частной собственности в общественную, что сопряжено с определенными проблемами как экономического, так и социального, политического и даже культурного характера, рядом потенциальных внутренних и внешних угроз. Тем не менее при осознании необходимости такого преобразования, при просчитанном взвешенном подходе и настойчивости, а также своевременном купировании формирующихся точек напряжения в соответствующих областях, эти проблемы могут быть быстро решены, а естественные или искусственно создаваемые препятствия на пути такого преобразования преодолены.

В то же время с высокой степенью вероятности можно также утверждать, что отказ от преобразования чисто «рыночной», к тому же крайне неолиберальной экономики, в новую плановую экономику, конвергентную или гибридную планово-рыночную на начальном этапе ее эволюции, обойдется стране и ее гражданам нарастанием намного более опасных проблем и в принципе неразрешимых в рамках «рыночной» экономики противоречий. Экономическая, социальная и политическая цена такого отказа уже сейчас велика и с каждым годом оттягивания перехода к плановой экономике и в конечном счете безуспешных попыток сохранения существующего статус-кво становится лишь более высокой.

Напротив, управляемый эволюционный переход от чисто «рыночной» к новой плановой экономике является, также с высокой степенью вероятности, единственным способом, хотя и весьма сложным, разрешения накопившихся проблем и последующего действительного прогресса страны. Эволюция плановой экономики предполагает господство и развитие общего интереса и все большее подчинение ему частного, а также постепенной, но неравномерной замене частного интереса индивидуальным, личностным, и в конечном счете синтез общего и индивидуального интересов. Результат и последствия этого синтеза в настоящее время едва ли можно предугадать.

■ Список литературы

1. Валовый внутренний продукт (ВВП) СССР, 1970–1990 гг. // http://www.be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_ussr.html#t1
2. *Влазнева С.А., Мишина Н.А., Крапчина Л.Н., Котова Л.Г.* Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 10. С. 3253–3267.
3. *Даньшина В.Н.* Экономика Чехословакии в 80-е годы: структура и эффективность. М.: Наука, 1988. С. 115.
4. *Дрыночкин А.В.* Экономика Чехии и Словакии. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 144.
5. Народное хозяйство СССР в 1967 г. М.: Финансы и статистика, 1968.
6. Народное хозяйство СССР, 1922–1982 гг. М.: Финансы и статистика, 1982. С. 623.
7. Народное хозяйство СССР в 1985 году. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 654.
8. *Платошкин Н.Н.* Весна и осень чехословацкого социализма: Чехословакия в 1938–1968 гг. Ч. 2: Осень чехословацкого социализма, 1948–1968 гг. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 565.

9. Развитие экономики СССР и социалистических стран в целом в сопоставлении с экономикой капиталистических стран // <http://istmat.info/node/387>
10. Ханин Г.И. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые // Свободная мысль-XXI. 2002. № 5. С. 72–89. <http://www.noogen.su/hanin.htm>
11. Ханин Г.И. Советская экономика в 1966–1987 гг. // <http://www.pandia.ru/text/77/210/84976.php>
12. *Dobzhansky Th. et Boesiger Ernst.* Essais sur l'évolution. Paris: Masson, 1968. x. P. 183.

Н.П. Молчанова¹

N.P. Molchanova²

ДОСТОИНСТВА И НЕСОВЕРШЕНСТВА ДИРЕКТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Advantages and disadvantages of directive planning

В работе рассматриваются актуальные вопросы, острота которых обусловлена необходимостью достижения высоких темпов экономического роста. Установлено ключевое место планирования в составе функциональных элементов управления национальным хозяйством. Обоснована роль планирования как высоко востребованного инструмента для реализации комплекса задач, обеспечивающих согласованную работу отраслей материального производства и социальной сферы. Подготовлены рекомендации, предусматривающие актуализацию принципов и методов планирования применительно к современным рыночным условиям хозяйствования. Доказана своевременность более широкого применения методологии планирования в практической работе и неукоснительного соблюдения установленных в обществе законоположений и норм, строгое следование которым составляет основу успеха в руководстве экономической деятельностью.

Ключевые слова: планирование, рынок, экономический рост, общественные потребности, экономические субъекты.

In this work, topical issues, the acuteness of which is due to the need to achieve high rates of economic growth, are considered. The key place of planning in the composition of the functional elements of national economy management has been established. The role of planning as a highly demanded tool for the implementation of a set of tasks that ensure the coordinated work of the branches of material production and the social sphere is justified. Recommendations providing for the updating of the principles and methods of planning in relation to the modern market conditions of management have been prepared. The timeliness of wider application of planning methodology in practical work and strict observance of statutory provisions and norms established in society, strict adherence to which forms the basis of success in the management of economic activity has been proven.

Keywords: planning, market, the economic growth, social needs, economic entities.

¹ Молчанова Наталья Петровна, доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента общественных финансов Финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

² Natalya P. Molchanova, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Department of Public Finance, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена остротой вопросов, которые предстоит решить российской экономике для достижения предусмотренных указами Президента Российской Федерации темпов экономического роста. Планирование традиционно входит в состав функций государства и эволюционирует вместе с развитием экономики. Плановая деятельность характерна для разных уровней управления: федерального, регионального, муниципального. На современном этапе экономического развития планированием своей деятельности занимаются юридические и физические лица. Органы государственного и муниципального управления подготавливают концептуальные и стратегические документы, рассчитанные на долгосрочную перспективу. Правительство Российской Федерации разрабатывает планы действий на кратко- и среднесрочный периоды. Финансовые органы (Министерство финансов Российской Федерации, Министерства финансов субъектов Российской Федерации) разрабатывают применительно к соответствующему уровню управления бюджеты — финансовые планы, которые имеют силу Закона и по своей сути являются образцами директивных (обязательных для исполнения) документов.

Менеджмент хозяйствующих субъектов (коммерческих и некоммерческих предприятий и организаций) большое внимание уделяет плановой работе. Домохозяйства планируют свою жизнедеятельность в рамках жизненного цикла. В Советском Союзе был накоплен уникальный по своим масштабам и значению для всего мирового сообщества опыт. Однако вследствие целого ряда причин, в числе которых — переход от административно-командных отношений, характерных для плановой экономики к рыночным основам хозяйствования, появление наряду с государственной других форм собственности, их постепенное утверждение и превалирование в общественной системе, а также целого ряда других обстоятельств и оснований, — планирование в настоящее время используется далеко не в полной мере в процессе организации экономических отношений. Это наносит определенный, весьма ощутимый ущерб для деятельности экономических субъектов и замедляет движение национального хозяйства вперед, к достижению высоких устойчивых темпов роста ВВП в согласовании с позитивной динамикой других макроэкономических показателей.

Теория планирования. Методология и методы

Достижения и недостатки планирования целесообразно рассматривать в историческом контексте. В нашей стране за 70 лет существования СССР накоплен бесценный опыт применения дирек-

тивного планирования. Наука о планировании прошла ряд этапов своего развития: от момента зарождения в 1920-х гг. и первых пятилеток, периода Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства до семилетнего (1958–1965 гг.) и последующих пятилетних планов экономического и социального развития страны. Уже позднее, в начале 1980-х гг., в деятельности хозяйствующих субъектов нашла применение практика индикативного планирования для решения бизнес-задач, решения проблем повышения эффективности производства и достижения высоких конечных результатов. К сожалению, в советский период значительно меньше внимания уделялось планированию жизнедеятельности семей (домохозяйств).

Современные электронные библиотечные системы и библиотечные фонды располагают научными трудами, методологическими разработками по вопросам планирования многоотраслевого народного хозяйства СССР в общегосударственном масштабе и, что особенно важно, в отраслевом и территориальном разрезах. Развитие методологии планирования не прекращалось, и вместе с развитием программно-целевого подхода в середине 1970-х гг. появились и получили развитие новые инструменты управления, планирования деятельности отраслей и территорий. При Госплане СССР функционировал Научно-исследовательский экономический институт (НИЭИ), а при Госплане РСФСР — Центральный экономический научно-исследовательский институт (ЦЭНИИ). Эти научные учреждения проводили актуальные научные исследования, использовали программно-целевой подход, первыми применяли прогрессивные научные разработки на практике. Преподавание дисциплины «Планирование народного хозяйства СССР», а затем «Планирование экономического и социального развития СССР» велось во всех экономических вузах, а также для студентов, обучающихся на экономических специальностях в технических вузах.

Научные основы директивного планирования заложены отечественными учеными, и в этом состоит весомый вклад российской (советской) научной мысли в мировую экономическую историю и теоретико-методологическое наследие. Нужно заметить, что исследования по отдельным аспектам планирования экономического и социального развития продолжались и после образования нового Российского государства, в 1990-х гг., но уже применительно к новым для нашей страны, рыночным условиям хозяйствования. В 1994 г. НИЭИ был реформирован в Институт макроэкономических исследований (ИМЭИ) при Минэкономике России (позднее — Минэкономразвития России). В 2016 г. деятельность ФБНУ «ИМЭИ»

была реорганизована в форме присоединения к Всероссийской академии внешней торговли.

Теория планирования — это часть экономической науки, сформировавшаяся на основе мировых достижений экономической мысли, базирующаяся на постулатах диалектического и исторического материализма, политической экономии, общей теории управления, учитывающая теоретические и методологические положения отраслевых экономических наук, социально-экономической статистики, кибернетики, математического моделирования социально-экономических процессов. Теория планирования определяет содержание общегосударственного планирования как систему принятия решений о предстоящем социально-экономическом развитии, средствах реализации экономической политики, размещении производительных сил, ее внешнеэкономических связях [3, с. 36–37].

Теория планирования создавалась во взаимодействии с изучением накопленного опыта. Вместе с научными принципами формировались подходы к применению теоретических постулатов в практике хозяйствования. Истоки директивного планирования приходится на 1920–1930-е гг., когда разрабатывался план ГОЭЛРО, реализовывались первые пятилетки. Это было время трудовых свершений, но одновременно и жесткой дисциплины, строгого следования разработанным показателям и заданиям планов, последовательного соблюдения принципов их составления и исполнения. В целом для советского периода развития экономической науки характерно директивное планирование.

Директивное планирование — это процесс разработки планов, имеющих силу юридического закона, и комплекс мер по обеспечению их осуществления. В качестве особенностей директивного планирования можно назвать адресный характер и чрезмерную детализацию плановых заданий, обязательность их выполнения, строгую координацию действий всех участников воспроизводственного процесса, высокую ответственность руководителей за успех порученного дела, жесткий контроль сроков исполнения установленных заданий. Широкую известность получил один из принципов управления, который гласил: «Обсуждение сообща, а ответственность единолична», в нем подчеркивается высокая личная ответственность руководителя за успех порученного дела, своевременность принятия мер и результаты выполняемых решений.

В этой связи нужно отметить: ряд исследователей полагают, что указанные характерные стороны директивного планирования целесообразно отнести к его достоинствам, а другие, в противовес данной позиции, склонны считать их недостатками. Однако следует признать:

недостаточное внимание именно к данным аспектам плановой работы в настоящее время создает определенные, порой весьма существенные сложности, которые могут проявляться на различных уровнях иерархии социально-экономической системы, негативно влиять на успех управленческой деятельности, эффективность и результативность функционирования национальной экономики в целом.

До конца 1980-х гг. директивное планирование было основной формой организации плановой работы в СССР и ряде социалистических стран Восточной Европы, применялось на различных уровнях управления. Вместе с тем по мере роста масштабов экономики и усложнения хозяйственных связей (как внутри-, так и межгосударственных) директивное планирование себя во много исчерпало. Переход государств к рыночной экономике инициировал перенос акцента исследований на изучение зарубежных экономических теорий и практик работы хозяйствующих субъектов в условиях неопределенности и макроэкономической нестабильности.

Несмотря на это, сохраняют свою актуальность и продолжают развиваться характерные для директивного планирования принципы и методы организации плановой работы, востребованные хозяйственной практикой. В числе основополагающих принципов планирования следует подчеркнуть именно те, которые сохраняют свою значимость до настоящего времени. Это принципы научности, социальной направленности и приоритета общественных потребностей, повышения эффективности общественного производства, пропорциональности и сбалансированности, выбора приоритетов («ведущих звеньев»), согласования краткосрочных и долгосрочных целей и задач. Не теряют своей роли и присущие науке о планировании методы: балансовый, нормативный, программно-целевой, экономико-математические. Более того, в новой России эти методы получают дополнительные стимулы для развития, поскольку вся управленческая деятельность базируется на документах концептуального и программного характера. В законодательстве определена совокупность инструментов, которыми следует руководствоваться в процессе управленческой деятельности на различных уровнях управления [4]. Однако на практике наблюдается определенное отставание в реализации положений документарной базы. Ученые указывают на существенные проблемы и предлагают рекомендации по улучшению работы и наведению порядка в области стратегического планирования. Российскими исследователями дискутируется вопрос о том, что трехуровневая бюджетная система страны есть институт, инструмент и ресурсный источник стратегического планирования; обосновывается гипотеза, согласно которой «достижение оптимальной структуры бюджетной

системы создаст условия для включения субнациональных органов в исполнение национальных проектов» [2, с. 124]. Соответственно, в системе государственного управления разработка концепций, стратегических планов, программ различного уровня и назначения возможна только с использованием всего потенциала средств экономической науки, и прежде всего — теории планирования.

Заключение

Выход России на передовые рубежи и новый этап развития связан с преодолением накопившихся проблем: нужно «восстановить собственный потенциал генерирования и применения новейших технологий, для чего не обойтись без создания индустриальной базы, опирающейся на передовые достижения научной и инженерно-конструкторской мысли. ... И тут никак не обойтись без активной государственной политики, нацеленной на реиндустриализацию, исправление глубоких перекосов в структуре экономики, на интеграцию производства, науки и образования, на развитие человека ...» [1, с. 298]. В решении перечня поставленных задач весьма ответственная роль по праву принадлежит планированию, улучшению организации плановой деятельности. Следует согласиться с мнением о том, что «наиболее осязаемым и прагматичным предметом стратегического планирования следует признать институциональное строительство, перманентное и скурпулезное воспроизводство ограничивающих и стимулирующих свойств институтов при доминировании последних» [2, с. 144].

Настало время предпринять определенные усилия для систематизации накопленного багажа знаний по теоретико-методологическим и организационным вопросам плановой работы и их осмысления, распространения в новых экономических условиях. Для этого сейчас имеются все возможности. Распространение цифровизации создает беспрецедентные новации для быстрой и эффективной передачи знаний самым разным поколениям работников, уделяя приоритетное внимание образованию молодежи. Изучение накопленных наукой планирования методологических основ (принципов, методов, методик, технологий, логики работы) нужно передавать уже начиная со школьных программ. А далее — реализовывать синтезированные поколениями ученых и практиков знания в вузовских программах, планах повышения квалификации, особенно работников руководящего звена. Планирование — естественная деятельность человека как «существа разумного» (лат. *Homo sapiens*), и для реализации данной задачи в нашей стране создаются условия и имеется совокупность как потенциальных, так и реальных возможностей.

■ Список литературы

1. *Бодрунов С.Д.* Ноономика: монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
2. *Морозов О.В., Васильев М.А., Бирюков А.Г.* Стратегическое планирование в Российской Федерации: теория, практика, методология // Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова. 2019. № 6 (108). С. 124–148. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2413-2829-2019-6-124-148>.
3. *Черныш Е.А., Молчанова Н.П., Новикова А.А., Салтанова Т.А.* Прогнозирование и планирование в условиях рынка: учеб. пособие. М.: ПРИОР, 2000. С. 176.
4. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

Е.Е. Можяев¹

E.E. Mozhaev²

Ю.Н. Егоров³

Yu.N. Egorov⁴

И.В. Васильева⁵

I.V. Vasilieva⁶

Н.К. БАЙБАКОВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ЭКОНОМИСТ (К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

N. K. Baibakov is an Outstanding Economist (on the 110th
Anniversary of his Birth)

Статья посвящена жизни и деятельности легендарной личности Николая Константиновича Байбакова. Николай Константинович прошел большой трудовой путь от инженера-нефтяника до заместителя Председателя Правительства СССР. Фигура Николая Константиновича Байбакова является уникальной. Он стал членом правительства при Сталине, а вышел в отставку при Горбачеве. При этом он 22 года возглавлял штаб по управлению советской экономикой — Госплан СССР, где проявил себя как выдающийся экономист. С его

The article is devoted to the life and work of the legendary personality Nikolai Konstantinovich Baibakov. Nikolai Konstantinovich went through a long career from an oil engineer to Deputy Prime Minister of the USSR. The figure of Nikolai Konstantinovich Baibakov is unique. He became a member of the government under Stalin, and retired under Gorbachev. At the same time, for 22 years he headed the headquarters for the management of the Soviet economy — the State Planning Committee of the USSR, where he proved to be an outstanding economist. His name is associat-

¹ Можяев Евгений Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, Национальный научно-исследовательский институт ресурсосбережения и энергоэффективности.

² Evgeny E. Mozhaev, Doctor of Econ. Sc., Professor, Scientific Director of the National Research Institute of Resource Saving and Energy Efficiency.

³ Егоров Юрий Николаевич, кандидат технических наук, доцент, проректор по учебной и научной работе, Российская инженерная академия менеджмента и агробизнеса.

⁴ Yuri N. Egorov, Candidate of Techn. Sci., Associate Professor, Vice-Rector for Academic and Scientific Work of the Russian Engineering Academy of Management and Agribusiness.

⁵ Васильева Инна Владимировна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, Российский государственный аграрный заочный университет.

⁶ Inna V. Vasilieva, Doctor of Econ. Sc., Associate Professor, Professor of the Department of Management of the Russian State Agrarian Correspondence University.

именем связаны крупные народнохозяйственные достижения в развитии топливно-энергетического комплекса страны, промышленности, сельского хозяйства. Почти четверть века он определял стратегию и ориентиры социально-экономического развития СССР.

Ключевые слова: Байбаков, Госплан, нефтяная промышленность, экономика, планирование.

ed with major national economic achievements in the development of the country's fuel and energy complex, industry, and agriculture. For almost a quarter of a century, he determined the strategy and guidelines for the socio-economic development of the USSR.

Keywords: Baibakov, the state planning commission, the petroleum industry, economics, planning.

О Николае Константиновиче написано много, но часть материалов содержит ошибочные данные или не отражает всей грандиозности данной личности. В рамках статьи мы не претендуем на подробное описание жизни Н.К. Байбакова, оценку результатов его деятельности и их влияния на народное хозяйство СССР, но полагаем нужным в преддверии его юбилея в краткой форме изложить основные вехи его жизненного пути.

Николай Константинович Байбаков родился 7 марта (по старому стилю 22 февраля) 1911 г. в селении Балаханы (в ряде источников неверно указано селении Сабунчи или город Баку) Бакинской губернии в семье кузнеца нефтяной компании «Братья Нобель» Константина Васильевича Байбака (1868—1943) и Марии Михайловны Байбак (1874—1946). Родители Николая Константиновича были родом из Западной Белоруссии. Семья была большая. Всего у Константина Васильевича и Марьи Михайловны родилось 12 детей, однако пятеро умерли в младенчестве. Николай был младшим сыном.

В 1928 г. он поступил в Азербайджанский политехнический институт (в ряде источников неверно указан Азербайджанский нефтяной институт).

Студенческая юность Николая Байбакова совпала с годами первой пятилетки. Тогда в основном завершилось техническое перевооружение нефтяной промышленности — первой из всех отраслей Союза, когда десятки предприятий страны сумели изготовить новейшее по мировым стандартам оборудование для нефтепромыслов.

Николай Байбаков окончил институт (1932) по специальности «горный инженер по нефтепромыслам» и стал работать инженером на нефтепромыслах Баку.

Хотя в анкетах Н.К. Байбакова всегда значилось, что инженером Ленинского промысла он числился с 1 января 1932 г., на самом деле уже с середины 1931 г. он исполнял работу инженера на промысле, только потом, получив диплом, был оформлен на службу уже официально [8].

Жизнь Николая Константиновича в те годы была ясна и пряма. И все-таки появилась в ней тревожная тень. Она вдруг надвинулась зловещим словом «вредительство». За «вредительство» в одночасье сняли с работы и отдали под суд управляющего трестом «Лениннефть» А.И. Крылова. Та же судьба постигла и многих других специалистов. На их место приходили новые люди, но и они быстро попадали «под подозрение» при первых же неурядицах на производстве. Верные друзья под большим секретом осторожно сообщили Байбакову, что он, тогда уже заведующий промыслом, тоже подозревается. Да еще, к несчастью, на промысле случились две аварии: из-за непригодности подъемного оборудования в скважины упали насосно-компрессорные трубы. Чтобы избежать преследования по доносу, он пошел служить в Красную Армию [5]. С октября 1935 г. служил на Дальнем Востоке (красноармеец, затем лейтенант в артиллерийском полку).

С января 1937 — старший инженер, с июля 1937 — главный инженер, с марта 1938 — управляющий трестом «Лениннефть» (Баку).

Вскоре после выступления на Всесоюзном совещании нефтяников в марте 1938, посвященного путям увеличения добычи нефти и проходившего под председательством Л.М. Кагановича, его карьера получила новый импульс. В выступлении он рассказал об опыте работы своего коллектива, о борьбе с обводнением скважин, внедрении новой техники, что значительно увеличило добычу нефти. Дебиты скважин увеличились, но вместе с ними возросла и обводненность продукции: верхние «кирмакинские» воды разрушали тампонажный цемент и попадали в продуктивные пласты. Николай Байбаков предлагает метод «вторичных заливок»: воду «закрывали» цементом, подаваемым под большим давлением. Этот метод получил его имя, но не был запатентован и в мировой практике известен под другим названием.

В дальнейшем Николай Константинович обращает внимание на метод беструбной эксплуатации, когда вместо остродефицитных насосно-компрессорных труб для подъема нефти используются обсадные колонны. В 1933 г. выходит его брошюра «Беструбная насосная эксплуатация» [2].

В 1938 г. приказом наркома топливной промышленности Л.М. Кагановича Н.К. Байбаков был назначен начальником недавно созданного объединения «Востокнефтедобыча» в Куйбышеве.

Волей судьбы он проработал в «Востокнефтедобыче» всего лишь около года. В 1939 г. в Наркомате топливной промышленности было образовано Главное управление по добыче нефти в восточных районах страны. И это было вполне разумно, так как при сильной централизации управления экономикой все важнейшие вопросы и,

конечно, «Второго Баку» решались в Москве. Но опять ненадолго: в 1940 г. его утвердили заместителем наркома топливной промышленности под «железным» началом Л.М. Кагановича.

Впервые Н.К. Байбакову довелось встретиться с **И.В. Сталиным** в 1940 г. на совещании в Кремле, где обсуждались неотложные вопросы нефтяной отрасли. Ему было поручено сделать сообщение об обеспечении народного хозяйства и армии горючим в связи с нарастанием опасности войны.

В 1940 г. Наркомат топливной промышленности был разделен на два наркомата: один ведал нефтью, другой углем.

Наркомом нефтяной промышленности стал И.К. Седин, до этого работавший секретарем Ивановского обкома партии. Н.К. Байбаков получил пост его заместителя. В октябре того же года Седин доложил по телефону Сталину о том, что его задание выполнено — добыто 100 тысяч тонн нефти.

В период Великой Отечественной войны он отвечал за обеспечение горючим воинских частей и предприятий.

С первых часов войны наркомату нужно было срочно развернуть широкую работу по организованному набору добровольцев в нефтяную промышленность, разумеется только для тех, кто получил освобождение от призыва в действующую армию. А это в основном подработки, женщины, пенсионеры — десятки тысяч. К счастью, нефтяники уже имели богатый опыт самого ускоренного и массового обучения. Задача облегчалась еще и тем, что в первых рядах шли действительно добровольцы, движимые высоким чувством долга перед страной.

Н.К. Байбаков писал: «В трагическом 1941 году советская нефтяная промышленность не только устояла, но и сумела шагнуть вперед. Так, нефтяники Баку, тогда главного нефтедобывающего района СССР, с честью выполнили все государственные задания 1941 г. и дали в первый год войны фронту и Родине 23,5 миллиона тонн нефти — показатель небывалый за всю историю нефтяного Баку» [7].

В 1941 г. Байбаков участвовал в создании нефтепровода в блокадный Ленинград по дну Ладожского озера, который спас город, обеспечив его и Ленинградский фронт нефтепродуктами. **В 1942 г.**, когда фашисты прорвали советский фронт под Ростовом и непосредственно подошли к нефтепромыслам Майкопа и Грозного, его назначают уполномоченный Государственного комитета обороны по уничтожению нефтяных объектов на Кавказе.

Главное задание Комитета Обороны было выполнено. На Кубани враг так и не получил ни одной капли горючего. Впоследствии стало известно, что в Германии уже было создано акционерное об-

шество «Немецкая нефть на Кавказе». Однако почти за полгода немецкой оккупации Кубани прибывшим сюда из Германии специалистам по нефтедобыче не удалось восстановить ни одной скважины. Немецкие танки и самолеты остались на скудном пайке.

Как первый заместитель наркома Н.К. Байбаков был назначен представителем ГКО по перебазированию большого количества нефтяников и техники кавказских районов на Восток. С этой задачей он справился блестяще. Всего за три месяца почти 9 тысяч бакинских нефтяников, большинство с семьями организованно выехали в восточные районы. На колесах оказался почти весь цвет нефтяной промышленности Азербайджана. «Второй Баку» постепенно набирал силу.

Вот лишь некоторые эпизоды грандиозной «битвы за нефть».

В невероятно короткие сроки был проложен нефтепровод Аст-рахань-Саратов, для которого частично были использованы трубы и насосные станции из демонтированного трубопровода Баку-Батуми. И построен он был в напряженные дни Сталинградской битвы.

Весной 1942 г., когда Ленинград оказался отрезанным от Большой земли, по льду и дну Ладоги всего за 50 дней был проложен 28-километровый бензопровод, пропускавший до 400 тонн горючего в сутки. Он обеспечивал топливом и Ленинградский фронт, и город.

В 1942–1943 гг. была решена и невероятно трудная задача обеспечения природным газом оборонных заводов Поволжья. За счет эвакуации предприятия из западных районов страны был создан промышленный центр Безымянка вблизи Куйбышева, где сосредоточились наши авиационные заводы. Для их обеспечения топливом в короткие сроки был проложен трубопровод от Бугурусланских месторождений до Безымянки, в район, дававший огромное количество военной техники, в том числе и знаменитые штурмовики.

В конце 1942 г. впервые большая группа нефтяников была награждена орденами и медалями. Н.К. Байбаков был отмечен орденом Ленина. Исход великой победоносной для Красной Армии Сталинградской битвы поставил точку и в грозной эпопее битвы за нефть. Открылся, наконец, свободный доступ по Волге для бакинской нефти.

Первые серьезные попытки обратить внимание на газ относятся к периоду Великой Отечественной войны. Как и другие страны, СССР стал проявлять повышенный интерес ко всем возможным видам топлива, рассматривать варианты замещения или дополнения нефти и угля другими сырьевыми источниками, финансировать и реализовывать различные исследовательские программы. Примечательно, что именно в годы войны газовая промышленность получила первый самостоятельный орган управления. Однако как по названию, так и по функциям он носил явный отпечаток войны. В 1943 г. было

создано Главное управление газовой промышленности и искусственного жидкого топлива сначала при Совнаркоме, а затем при Совете Министров СССР (Главгазтоппром), которое занималось не только добычей природного газа, но и разрабатывало вопросы производства искусственного жидкого топлива — в то время идея крайне популярная, но впоследствии по экономическим соображениям не получившая дальнейшего развития [3].

В 1944 г. Байбакова, в возрасте 33 лет, назначают Наркомом нефтяной промышленности СССР. За годы работы Байбакова в советском правительстве добыча нефти увеличилась почти в 20 раз.

С марта 1946 он стал министром нефтяной промышленности южных и западных районов СССР. С декабря 1948 Николай Константинович — министр нефтяной промышленности СССР. В этот период благодаря разработке крупнейших месторождений Урало-Поволжья (прежде всего, Ромашкинского в Татарстане) добыча нефти в СССР начала быстро расти. Под руководством Байбакова были внедрены многие передовые технологические процессы по повышению нефтеотдачи пластов [4].

Так, в тяжелейшие для страны 1944–1946 гг. в кратчайшие сроки был построен газопровод Саратов — Москва, доставивший столице газ Елшанского и других саратовских месторождений, открытых в 1940-е гг. Значение этого события трудно переоценить: ведь это был первый дальний, то есть магистральный, газопровод в нашей стране (его длина составляла 747 километров). За его строительством следило высшее руководство страны. Уже летом 1947 г. газопровод заработал на проектную мощность, и трудностей больше не возникало. Первый магистральный газопровод был введен в эксплуатацию, а группа наиболее отличившихся специалистов удостоена Сталинской премии. Министр Н.К. Байбаков решительно взялся за дело. Прежде всего, серьезные усилия были направлены на поиск и разведку запасов. Так, в первой половине 1950-х гг. были открыты крупные месторождения природного газа, прежде всего, на Украине (Бильче-Волицкое, Шебелинское, Спиваковское, Рудковское, Косовское, Кадобненское, Солоховское, Свиднецкое), в Краснодарском и Ставропольском краях (Ново-Дмитриевское, Калужское, Анастасиевско-Троицкое, Ширванское, Каневское, Челбассовское), в Средней Азии (Сеталан-Тепе, Караул-Базар-Сарыташ, Газли, Джаркак и Ташкудук), в результате чего в оценке количества запасов газа произошли коренные изменения [12]. Стало ясно, что у страны есть крупные районы, где сосредоточены ощутимые запасы газа, за счет которых можно развивать газовую отрасль. Коренным образом переломил он и ситуацию в газовой индустрии. Ей был дан мощнейший

импульс, приведший впоследствии к созданию могучей самостоятельной отрасли. Огромная подготовительная работа, которую начал Байбаков, сделала возможным осуществление смелых замыслов руководства страны по массовому строительству жилья для населения. Благодаря наличию газа сложились современные стандарты быта миллионов советских людей.

На рубеже 1940–1950-х гг. были введены в строй крупнейшие комбинаты для производства синтетического топлива в Ангарске, Салавате и Новочеркаске. Продолжались восстановление и модернизация разрушенных войной старых месторождений Северного Кавказа. Новый импульс получило развитие и «Второго Баку».

Все это привело к тому, что к 1955 г. объем добытой нефти составил 70 миллионов тонн. Национальный доход страны вырос к этому времени в 2,8 раза, объем промышленной продукции — в 3,2 раза, розничный товарооборот возрос в 1,8 раза.

С мая 1955 г. Николай Байбаков — председатель Государственной комиссии Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства.

В новой должности Н.К. Байбаков должен был теперь отвечать за разработку плана шестой пятилетки, иметь дело со всем народно-хозяйственным механизмом страны, Николаю Константиновичу в эти дни приходилось спать по 4–5 часов в сутки, расписывать и планировать каждый час, одновременно и работать, используя свой прежний опыт, и учиться, в том числе на опыте прежнего руководителя Госплана **Н.А. Вознесенского**.

В феврале 1956 г. Госплан подготовил свой первый доклад об итогах рассмотрения предложений трудящихся по проекту директив шестой пятилетки, предложений, поступивших в ЦК партии, Совет Министров, Госплан и в редакции газет. Приходили тысячи предложений, проектов, замечаний, касающихся нужд и забот простых людей. В частности, были предложения о повышении заработной платы низкооплачиваемым работникам, о сокращении рабочего дня, увеличении пенсий. Все ценное и нужное старались учесть. Так создавался и дорабатывался первый пятилетний план под руководством Н.К. Байбакова.

Спустя три месяца после вступления Н.К. Байбакова в должность Председателя Госплана СССР Н.С. Хрушев поручил ему разработать генеральный план реконструкции железнодорожного транспорта СССР. Нужно было за три пятилетки перейти полностью по всей стране с паровозной тяги на электровозную и тепловозную. Реализация такого плана позволила в несколько раз повысить КПД железнодорожных перевозок [1, с. 22–28].

Столь масштабная задача потребовала от работников Госплана предельного напряжения сил, широты действий и больших знаний. Проект был разработан. Вскоре он был утвержден на заседании ЦК.

В 1956 г. Н.С. Хрущев объявил о создании совнархозов и ликвидации министерств, мотивируя это необходимостью децентрализации управления, обеспечения большей самостоятельности республик и областей страны.

Николай Константинович критически относился к поспешной замене отраслевого управления экономикой на территориальное (ликвидации отраслевых министерств и созданию совнархозов). Николай Константинович Байбаков, посмел открыто возражать по принципиальному вопросу.

Накопившиеся противоречия между руководством Госплана и Н.С. Хрущевым по поводу создания совнархозов привели в конечном итоге к тому, что Н.К. Байбаков попал в «опалу» и в мае 1958 г. был понижен в должности и назначен руководителем Краснодарского, а затем укрупненного Северо-Кавказский совнархоза.

К концу 1965 г. — последнего года семилетки — Госплан СССР был восстановлен как единый государственный орган, ведущий работу по трем главным направлениям: разработка предложений по перестройке системы управления, возврат к отраслевой структуре; выработка совершенной системы планирования и стимулирования производства; составление проекта восьмого пятилетнего плана [11].

В 1965 г. Н.К. Байбаков вновь назначают Председателем Госплана СССР и Заместителем Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина.

В связи с ликвидацией совнархозов и созданием министерств перестраивалась и структура Госплана. С именем Байбакова связано не только восстановление старой структуры Госплана. При его активном участии в стране в 1965 г. проводилась экономическая реформа. Было признано, что основными недостатками сложившейся хозяйственной системы являются слабое развитие инициативы предприятий, формальный характер хозрасчета, малая заинтересованность работников в эффективности своего труда, недостаточное использование экономических рычагов планирования [9].

Несмотря на в целом прохладное отношение к реформе части членов Политбюро, ряд мероприятий, проведенных в то время, имел большое значение: существенно возросли права предприятий, сократилось число плановых показателей, стал учитываться фактор роста прибыли, повысилась материальная заинтересованность в результатах труда за счет введения годовых премий и общего увеличения премий из фонда поощрения, формируемого из прибыли.

Положительные результаты реформы были почти сразу «налицо» и восьмой пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1966–1970 гг.) был существенно перевыполнен. Впоследствии ее назвали «золотой пятилеткой».

Перестройка системы планирования и экономического стимулирования в 1966–1967 гг. оказала положительное влияние на развитие экономики в целом, что обеспечило успешное завершение восьмой пятилетки. Она стала самой динамичной не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Экономические показатели следующей, девятой, пятилетки оказались скромнее. Однако в этот период началось интенсивное освоение восточных районов страны, развивались такие крупные хозяйственные комплексы, как Западно-Сибирский, Саянский. Началось освоение Дальнего Востока, строительство БАМа. К концу пятилетки положение в экономике еще более осложнилось, особенно в сельском хозяйстве из-за трехлетней засухи (1972, 1974, 1975 г.).

Учитывая складывающуюся обстановку, Госплан во главе с Н.К. Байбаковым подготовил специальный доклад, где давались объективный анализ состояния экономики, перспективы ее развития. Шло неуклонное нарастание зависимости от импорта многих товаров, в том числе стратегических [6].

Однако Политбюро не прислушалось к доводам Николая Константиновича.

Невыполнение планов ввода в действие производственных мощностей отразилось на развитии базовых отраслей и более всего тяжелой промышленности.

Ограниченность ресурсов для нужд народного хозяйства в немалой степени была связана с капитальными расходами на оборону. Нужно было ликвидировать диспаритет с США по ядерным вооружениям, что требовало колоссальных затрат.

Непринятие вовремя действенных мер привело к дальнейшему развитию отрицательных процессов [10].

Оттого, что из-за засухи объем сельскохозяйственного производства в пятилетке снизился на 12 миллиардов рублей, мы стали закупать зерно, мясо и другое продовольствие за границей. Значительно увеличился импорт готовых товаров из стран — членов СЭВ, конечно же, за счет снижения импорта новой техники и ряда видов дефицитной продукции.

И тем не менее за 1960–1985 гг. внешнеторговый оборот страны вырос с 10 до 148,5 миллиардов рублей, то есть увеличился почти в 15 раз.

Н.К. Байбаков уделял большое внимание внешней торговле. Так, в 1973 г., когда начался резкий рост цен на наши основные экспорт-

ные товары (нефть, нефтепродукты и природный газ) на совещании руководителей Госплана, Министерства внешней торговли и отраслевых министерств было решено направить в первую очередь дополнительно свободно конвертируемую валюту на закупку западного комплектного оборудования для создания новых производств. Большая часть этих средств была выделена на строительство КАМАЗа.

Назову лишь главнейшие предприятия, которые начали работать на импортном оборудовании: Волжский автомобильный завод, Ижевский автомобильный завод, завод по производству оборудования для атомных станций «Атоммаш».

В нефтяной и газовой промышленности — газокompрессорное оборудование для газопровода Уренгой-Помары-Ужгород.

За счет строительства новых и реконструкции действующих предприятий с использованием закупленного оборудования производство минеральных удобрений выросло с 1960 по 1985 г. с 3,3 миллионов до 33 миллионов тонн.

В 1985 г. Байбаков уходит в отставку с должности Председателя Госплана, но продолжает заниматься активной научной деятельностью: главный научный сотрудник Института проблем нефти и газа РАН, председатель нефтегазовой секции Научного совета по комплексным проблемам энергетики при Президиуме РАН.

Своеобразный итог работе Н.К. Байбакова подвела Маргарет Тэтчер, выступая в ноябре 1991 г. в Американском нефтяном институте, она заявила: «Советский Союз был страной, представлявшей серьезную угрозу для Западного мира. Благодаря плановой политике, СССР удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста ВВП у него был примерно в два раза выше, чем в наших странах. У СССР были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков».

■ Список литературы

1. *Арефьев А.Н., Можжев Е.Е.* Стимулирование повышения энергетической эффективности реального сектора экономики России // Представительная власть — XXI век. 2018. № 4. С. 22—28.
2. *Байбаков Н.К.* Беструбная насосная эксплуатация. Баку, 1933. С. 20.
3. *Байбаков Н.К.* Рождение новой отрасли // Советская Кубань. 28 января 1960 г.
4. *Байбаков Н.К.* Дело жизни. Записки нефтяника. М., 1984. С. 350.
5. *Байбаков Н.К.* Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 317.

6. *Байбаков Н.К.* Из трудовой биографии // Нефтегазовый комплекс в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1995. С. 95.
7. *Байбаков Н.К.* Нефтяной фронт. М.: Газойлпресс-сервис, 1995. С. 40.
8. *Байбаков Н.К.* Моя родина — Азербайджан. М.: Газойлпресс, 2001. С. 158.
9. *Байбаков Н.К.* Из записок зампреда // Феномен Косыгина. М., 2004. С. 308.
10. *Байбаков Н.К.* От Сталина до Ельцина. М.: Издательство РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2005. С. 142.
11. *Косыгин А.Н.* Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства // Доклад на сентябрьском (1965 года) Пленуме ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1965.
12. Приоритеты энергетической эффективности в АПК: моногр. / А.П. Любимов, В.Г. Шафиров, А.К. Марков, Н.С. Сердюк, Е.Е. Можаяев. М.: РАКО АПК, 2019. С. 304.

А.В. Сафронов¹

A.V. Safronov²

КОНКУРЕНТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСПЛАНА СССР И АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКОНОМИСТОВ В 1960-Е –1970-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Competitive Interaction of the State Planning Committee
of the USSR and Academic Economists in the 1960–1970s
of the XX Century: Causes and Consequences

Рассмотрены причины и последствия соперничества Госплана СССР и академических экономистов в позднесоветский период. Показано, что в условиях отсутствия институциональных механизмов вовлечения академических экономистов в процесс работы над совершенствованием методологии народнохозяйственного планирования часть институций Академии наук СССР (в первую очередь Центральный экономико-математический институт) попытались сами создать такие механизмы путем публичных выступлений по темам планирования. Их активность вынуждала Госплан реагировать и также включаться в дискуссию, но одновременно создавала среди плановиков предвзятость к предложениям ученых.

Ключевые слова: Госплан, ЦЭМИ, институциональная конкуренция, плановая экономика.

The research is focused on the rivalry between the State Planning Committee of the USSR and academic economists in the late Soviet period (1960s-1970s). There was a lack of institutional mechanisms for involving academic economists in the process of improving the methodology of national economic planning that time. Some of the institutions of the USSR Academy of Sciences (primarily the Central Economics and Mathematics Institute) tried to create such mechanisms themselves through different public activities such as book publishing, newspaper articles and personal presentations on topics related to the planning methodology. Their activity forced the State Planning Committee to react and also be included in the discussion, but at the same time created a bias among the planners towards the proposals of scientists.

Keywords: Gosplan, CEMI, institutional competition, planned economy.

¹ Сафронов Алексей Васильевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник лаборатории актуальной истории, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

² Alexey V. Safronov, Candidate of Economics Science, Researcher at Laboratory of Contemporary History, RANEPa.

Госплан СССР был одним из ключевых элементов плановой экономики, однако, несмотря на то, что прошло 100 лет с момента его создания и 30 лет с момента расформирования, его деятельность, реальная роль и возможности в проведении экономической политики остаются недоисследованными. Относительно лучше изучено планирование в сталинскую эпоху, которая (эпоха) неизменно привлекает повышенное внимание исследователей, а послевоенные годы и особенно период «длинных семидесятых» пока изучен слабее. Между тем именно тогда возникли явные тенденции к замедлению экономического роста, ставшие предпосылкой перестройки.

В частности, до недавнего времени исследователями специально не рассматривался вопрос о практиках взаимодействия Госплана СССР с экономистами, работавшими в системе Академии наук СССР, т.е. вопрос о том, в какой степени академические экономисты имели возможность влиять на выработку экономической политики.

В настоящей статье освещены отдельные результаты выполнявшегося в рамках гранта РФФИ¹ исследования, задачей которого как раз и было восполнить этот пробел.

Рабочей гипотезой исследования предполагалось, что академические экономисты совместно с работниками Госплана СССР составляли первоначальный проект народнохозяйственного плана, который можно было бы считать «научно обоснованным», после чего этот проект подвергался политическим интервенциям со стороны директивных органов (партии и правительства) и лоббистских групп (представителей министерств и союзных республик).

Уже через несколько недель работы в архивах преимущественно фонд Госплана в Российском государственном архиве экономики, РГАЭ) стало ясно, что эта гипотеза не оправдалась.

Госплан СССР в рассматриваемый период (1960-е — 1970-е гг.) разрабатывал проекты народнохозяйственных планов (годовых и пятилетних) практически без привлечения академических экономистов. Проекты планов разрабатывались отраслевыми отделами Госплана, сводились сводным отделом, конфликты и нестыковки выносились на коллегия, но вся эта работа была внутренней. Исключением служили записки Научно-исследовательского экономического института (НИЭИ), который был подведомственной Госплану СССР организацией, однако и они имели статус «для сведения». Экономические институты, входившие в систему Академии наук СССР (Институт

¹ Грант № 19-010-00680 «Исследование институциональных механизмов взаимодействия науки и управления экономикой в СССР (середина 1950-х — конец 1980-х гг.) в контексте развития системы стратегического планирования в государственном секторе экономики РФ».

экономики, Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ), новосибирский Институт экономики и организации промышленного производства и др.), системно в экономической работе Госплана СССР не участвовали. Таким образом, наблюдался явный отрыв теории от практики.

Для поиска причин этого помимо материалов к заседаниям коллегии Госплана СССР были использованы подшивки журнала Госплана СССР «Плановое хозяйство» за соответствующие годы, а также взята серия интервью с Владимиром Викторовичем Коссовым. Период работы В.В. Коссова в Госплане СССР (1966–1981 гг.) практически совпадает со временем руководства страной Л.И. Брежневым. Занимая В.В. Коссовым должность (заместитель начальника сводного отдела, член коллегии Госплана СССР) и академический бэкграунд делают его уникальным источником информации о практиках работы Госплана СССР в позднесоветский период. Кроме того, использовались материалы из личного фонда Н.П. Лебединского, который в те годы занимал должность директора Главного вычислительного центра Госплана СССР (ГВЦ Госплана) и одновременно заместителя председателя Госплана СССР.

Более пристальное изучение протоколов заседаний коллегии Госплана СССР и материалов к ним выявило, что вероятной причиной слабых рабочих контактов Госплана СССР с экономическими институтами являлись настойчивые попытки академических экономистов, в первую очередь ЦЭМИ, оспорить теоретическое лидерство Госплана СССР в вопросах методологии планирования, которым Госплан СССР активно сопротивлялся.

В материалах заседаний коллегии отразились неоднократные обсуждения руководством Госплана СССР проблем, которые создает им Академия наук, когда высказывается по вопросам планирования, не согласовав свою позицию с Госпланом. Это касалось практически всех ключевых теоретических вопросов того времени: методология планирования как таковая, вопрос применения в планировании экономико-математических методов и вычислительной техники, использование межотраслевого баланса (МОБ), роль прогнозирования в плановой работе, подходы к составлению долгосрочных планов.

Достаточно отметить, что первые послевоенные официальные «Методические указания к составлению государственного плана развития народного хозяйства СССР» [3], увидевшие свет в 1969 г., появились лишь как ответ на вышедшую годом ранее методику «Основные положения оптимального планирования развития и размещения производства» — коллективный труд ЦЭМИ, ИЭиОПП, и Совета по изучению производительных сил (СОПС).

Раздражение Госплана активностью указанных институций было настолько сильным, что в 1971 г. вопрос был вынесен на коллегию Госплана. Заседание коллегии № 8, состоявшееся 25 мая, было посвящено в том числе обсуждению болезненной темы «Об упорядочении рассмотрения в Госплане СССР и публикации Методических указаний по планированию народного хозяйства и отдельных его отраслей»¹. Судя по списку авторов материалов к этому заседанию, инициатива рассмотреть вопрос методологии на коллегии принадлежала зампреду Госплана СССР А. В. Бачурину.

Нужно отметить, что годом ранее в передовой одиннадцатого выпуска «Планового хозяйства» за 1969 г. Бачурин уже выступал с резкой критикой ЦЭМИ и разработанной в его стенах системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ). Бачурин писал: «нельзя признать правильной попытку нахождения единого критерия оптимальности народнохозяйственных планов для всех этапов развития социалистической экономики. <...> Было бы неправильным игнорировать накопленный опыт по применению научных методов планирования, как это, например, делают некоторые сторонники «теории оптимального функционирования социалистической экономики» <...> степень удовлетворения потребности как критерий оптимальности не выражает собой всю сумму факторов, которые определяют повышение эффективности социалистического производства и направления его развития» [2, с. 3—18]. И делал вывод, что Н. П. Федоренко с соавторами предлагают в качестве движущих сил развития методы рыночной экономики, так как планы, максимизирующие прибыль исполнителей, должны выполняться сами собой. Таким образом, к описываемому заседанию коллегии Госплана 1971 г. неприязнь Бачурина к Федоренко уже имела давнюю историю.

В материалах к заседанию указывалось, что изданные в 1968 г. ЦЭМИ, ИЭиОПП и СОПСом «Основные положения...» подаются ими как материал для практического использования плановыми органами. Авторы материалов к заседанию коллегии не скрывали своего негативного отношения к этому: «Такую практику следует признать явно неправильной, поскольку научно-исследовательские институты по своему положению не призваны издавать методики, предназначенные для применения при разработке планов без согласования с Госпланом СССР»². Особое возмущение у Госплана вызывало участие в публикации СОПСа, который был подведомственной Госплану организацией, и сотрудников Госплана Обломского,

¹ РГАЭ Ф. 4352 Оп. 66 Д. 4383.

² РГАЭ Ф. 4352 Оп. 66 Д. 4385 Л. 6.

Коссова и Чернявского. В докладной записке отмечалось, что СОПС «обязан был предварительно докладывать Госплану СССР столь принципиальные вопросы и лишь после рассмотрения и согласия Госплана СССР выступать с рекомендациями по этим вопросам для плановых органов»¹.

В.В. Коссов несколько лет проработал в ЦЭМИ и перешел в Госплан СССР в 1966 г. во многом из-за надежды получить квартиру. Однако партком Госплана требовал от него написать статью против директора ЦЭМИ Н. П. Федоренко, своего бывшего руководителя. Коссов отказывался, из-за чего получение квартиры растянулось на несколько лет [6, с. 3].

Коссов в Госплане начал работать в Отделе по внедрению экономико-математических методов в планирование народного хозяйства под руководством начальника отдела Якова Антоновича Обломского. Авторы докладной записки с возмущением писали, что они оба участвуют в совместных с ЦЭМИ публикациях вместо того, чтобы разрабатывать методические материалы силами отдела: «Отдел по внедрению... не организовал должным образом разработку общей типовой методики плановых расчетов развития и размещения производства по отраслям промышленности с применением экономико-математических методов с учетом проведенного опыта, и эта работа была передовверена ЦЭМИ и другим научным организациям»².

Досталось и другим «госплановским» научным институтам: НИЭИ и НИИПИН. В материалах к коллегии указывалось, что эти институты «по существу, не занимаются разработкой методических вопросов применения экономико-математических методов в практике планирования народного хозяйства, в связи с чем эта работа выполняется главным образом ЦЭМИ без должного участия отделов Госплана СССР и его научно-исследовательских институтов»³.

Фактически этим признавалось, что ЦЭМИ перехватил инициативу благодаря тому, что Госплан соответствующее направление работы запустил. Для выправления ситуации предлагалось усилить методическую работу в отделах Госплана СССР, утвердить четкий порядок введения в действие любых методических рекомендаций, обязать работников Госплана и подведомственные институты согласовывать свое участие в подготовке методических рекомендаций другими ведомствами с отделами Госплана.

¹ РГАЭ Ф. 4352 Оп. 66 Д. 4385 Л. 6.

² РГАЭ Ф. 4352 Оп. 66 Д. 4385 Л. 7.

³ Там же.

Аналогичным образом работы по прогнозированию и долгосрочному планированию начались в Госплане СССР лишь после появления в печати публикаций сотрудников академических институтов на эти темы.

Ситуация с долгосрочными планами и прогнозами развивалась следующим образом: в 1969 и в 1970 г. Госплан вносил в Правительство предложения о начале работ над долгосрочным планом на перспективу до 1990 г. При этом он опирался на директивы XXIV съезда КПСС, в которых содержалось поручение начать соответствующую деятельность. Президиум Совмина на тот момент решил, что к работам над долгосрочным планом надо приступать не ранее, чем закончатся работы по составлению плана девятой пятилетки¹. Однако, как указывалось в записке зампреда Госплана СССР М.Г. Первухина Н.К. Байбакову 18 ноября 1970 г., то, что Госплан не получил «добро» на разработку этой темы, не останавливает многочисленных сотрудников академических институтов, которые выступают со своими проектировками развития народного хозяйства так, будто бы эти проектировки уже рассмотрены и одобрены Госпланом. В частности, писал Первухин, академик Н. В. Мельников, возглавлявший комиссию по изучению производительных сил и природных ресурсов при Президиуме АН СССР разработал прогноз развития производительных сил до 2000 г. и представил его на целом ряде совещаний и конференций Академии наук. Прогноз этот с Госпланом СССР никак не согласовывался².

Первухин писал: «Такие сепаратные выступления Академии наук СССР по вопросам долгосрочных прогнозов развития народного хозяйства вряд ли являются правильными»³. Он жаловался, что Академия наук СССР втягивает большой круг специалистов в разработку долгосрочного прогноза до 2000 г., хотя решения директивных органов начать эту работу еще не принято, и писал, что нужно разрабатывать этот прогноз по единой программе так, как это было с планом ГОЭЛРО. Для чего предлагал провести совещание с Госкомитетом по науке и технике и Академией наук и определить на нем порядок совместной работы над долгосрочным прогнозом.

Пятью месяцами ранее, 9 июня 1970 г., Первухин писал Байбакову, что ГКНТ разработал генеральные схемы развития лесной и деревообрабатывающей промышленности, а также комплексного использования и охраны водных ресурсов до 2000 г. Он указывал, что

¹ РГАЭ Ф. 4352 Оп. 66 Д. 4385 Л. 224.

² РГАЭ Ф. 4352 Оп. 66 Д. 4385 Л. 225.

³ РГАЭ Ф. 4352 Оп. 66 Д. 4385 Л. 226.

подобные схемы должны базироваться на общей гипотезе развития народного хозяйства до 2000 г., которой не существует в природе, и над которой ни одна организация не работает¹.

Можно предположить, что, если бы не эти «сепаратные» выступления Академии наук, Госплан СССР, ориентируясь на решение Совмина, начал бы заниматься долгосрочными прогнозами гораздо позднее.

Такое конкурентное взаимодействие можно было бы считать плодотворным, если бы Госплан СССР интегрировал идеи академических экономистов, а не вел свою работу в противовес им.

С другой стороны, и ученые зачастую выступали с недостаточно продуманными предложениями. В.В. Коссов, который до Госплана работал в ЦЭМИ, прямо указывал, что директор ЦЭМИ Н.П. Федоренко был больше озабочен критикой существующей системы планирования, чем позитивными предложениями [6, с. 2].

При этом сложилась деликатная ситуация, когда Госплан СССР не мог полностью игнорировать ЦЭМИ, так как был вынужден привлекать его для внедрения экономико-математических методов для решения «частных» задач планирования, особенно при создании Автоматизированной системы плановых расчетов (АСПР), за которую отвечал ГВЦ Госплана. ЦЭМИ пользовался этим, стараясь от частных задач перейти к новой философии планирования (Система комплексного планирования, СКП, позднее трансформировавшаяся в СОФЭ).

По мнению В.В. Коссова, еще одной причиной, по которой Госплан СССР не мог просто игнорировать претензии ЦЭМИ на теоретическое лидерство, была объективно назревшая потребность в изменении подходов к планированию, вызванная провозглашением цели всемерного роста благосостояния советских граждан, что для планового хозяйства означало исчезновение принципа «ведущего звена». Это требовало переходить к планированию структуры потребления на основе вероятностных моделей.

Своего пика идейное противостояние достигло в 1973 г., когда в «Плановом хозяйстве» вышла серия статей с обвинениями сотрудников ЦЭМИ в антимарксизме. Ответом ЦЭМИ стала заметка некоего И. Соловьева «Странная позиция» в «Правде» с требованием прекратить травлю [5, с. 2].

Подобная отповедь в «Правде» ставила весь журнал под угрозу оргвыводов, но «Плановое хозяйство» не собиралось сдавать позиции, а предложило устроить открытую дискуссию с приверженцами СОФЭ

¹ РГАЭ Ф. 4352 Оп. 66 Д. 4385 Л. 241.

и СКП с целью «выявить правильное направление в плановой науке»¹. Дискуссия проходила на редколлегии журнала «Плановое хозяйство» 28 июня 1973 г. и превратилась в «смотр сторонников» в этой теоретической (и административной, что не проговаривалось, но явно подразумевалось обеими сторонами) битве [1, с. 152–157].

По итогам этого «смотра» Госплан СССР принял решение... проигнорировать статью в «Правде» и продолжить критиковать ЦЭМИ.

Эта конкуренция могла бы считаться плодотворной, если бы не объективная потребность в совместной работе. В 1972 г. наконец было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 августа 1972 г. № 594 «О разработке долгосрочного перспективного и пятилетнего (на 1976–1980 гг.) планов развития народного хозяйства СССР», в соответствии с которым Академией наук СССР и Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике были начаты работы по Комплексной программе научно-технического прогресса и его социально-экономическим последствиям на 1976–1990 гг. (КП НТП).

Эта программа должна была стать основой для составления Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976–1990 гг., за которые отвечал уже Госплан СССР. Однако Госплан СССР, как следует из материалов коллегий за 1973 г., воспринял КП НТП исключительно критически и сделал все возможное, чтобы проигнорировать ее при составлении Основных направлений. Аналогичная история повторилась со второй и последующими версиями КП НТП, которые готовились каждые 5 лет. После того как второй вариант КП НТП, который должен был охватить период 1981–2000 гг., также лег под сукно, академик А.И. Анчишкин, который в ЦЭМИ отвечал за сводный раздел КП НТП, даже принял решение перейти на работу в Госплан, чтобы продвинуть ее реализацию, и, ничего не добившись и заработав инфаркт, был вынужден через год вернуться обратно в ЦЭМИ [4, с. 105, 117].

Таким образом, к шестидесятым годам не был сформирован институциональный механизм участия академических экономистов в практической плановой работе. При этом зарождение советского варианта общества массового потребления объективно требовало изменения подходов к планированию. Попытка ряда академических институтов, в первую очередь ЦЭМИ, явочным порядком изменить статус-кво привела к идейному противостоянию, которое, с одной стороны, обогатило практику работы Госплана новыми подходами (использование экономико-математических моделей, применение

¹ РГАЭ. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 27. Л. 21–22.

долгосрочного прогнозирования), но с другой — предельно затруднило совместную работу над долгосрочной программой социально-экономического развития, что внесло свой вклад в нарастание негативных явлений, приведших, в конце концов, к кризису, закончившемуся распадом страны.

Этот пример показывает важность наличия институционального механизма, который бы обеспечивал участие академических экономистов в выработке экономической политики.

■ Список литературы

1. Актуальные проблемы планирования // Плановое хозяйство. 1973. № 10. С. 152—157.
2. *Бачурин А.В.* В.И. Ленин и современные проблемы планирования народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1969. № 11. С. 3—18.
3. Методические указания к составлению государственного плана развития народного хозяйства СССР. М.: Экономика, 1969. С. 781.
4. Очерки о жизни и научной деятельности академика А.И. Анчишкина. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 288.
5. *Соловьев И.* Странная позиция // Правда. 04.06.1973. № 155.
6. Стенограмма интервью автору В. В. Коссова 25 июля 2019 г. https://yadi.sk/i/Upf_W6NDwuDJSQ

Б.Л. Соколов¹

B.L. Sokolov²

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСПЛАНА СССР В ПОБЕДЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

On the Role of the State Planning Committee
of the USSR in the Victory in the Great Patriotic War

В статье рассмотрен ряд аспектов участия Государственной плановой комиссии при Совете Народных Комиссаров СССР в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. Ключевые темы, затронутые в статье:

Предпосылки успешных военных действий, заложенные рациональной организацией планирования оборонной промышленности СССР еще в предвоенные годы.

Роль и место Госплана СССР в обеспечении эвакуации промышленности в начальный период войны.

Роль Госплана СССР в организации научных исследований, необходимых для обороны.

Роль Госплана СССР в организации восстановления и развития экономики страны. Деятельность Госплана СССР в период решающих побед в Великой Отечественной войне.

Роль Госплана СССР в разработке перспектив послевоенного экономического развития Советского государства.

На основе анализа как широко известных, так и недавно опубликованных источников предложен ряд выводов для адекватной оценки вклада Госплана СССР в Победу советского народа.

Ключевые слова: СССР, Госплан, Великая Отечественная война.

The article considers a number of aspects of the participation of the State Planning Commission under the Council of People's Commissars of the USSR in the Great Patriotic War of 1941-1945.

Key topics covered in the article:

The prerequisites for successful military operations laid down by the rational organization of the planning of the defense industry of the USSR in the pre-war years.

The role and place of the State Planning Committee of the USSR in ensuring the evacuation of industry in the initial period of the war.

The role of the State Planning Committee of the USSR in the organization of scientific research necessary for defense.

The role of the State Planning Committee of the USSR in organizing the restoration and development of the country's economy.

The activities of the State Planning Committee of the USSR during the decisive victories in the Great Patriotic War.

The role of the State Planning Committee of the USSR in developing the prospects for the post-war economic development of the Soviet state.

Based on the analysis of both well-known and recently published sources, a number of conclusions are proposed for an adequate assessment of the contribution of the USSR State Planning Committee to the Victory of the Soviet people.

Keywords: USSR, Gosplan, Great Patriotic War.

¹ Соколов Борис Леонидович, руководитель управления по ЗАО г. Москвы, Московский городской отдел «Российского военно-исторического общества» (РВИО).

² Boris L. Sokolov, Head of the Department for the Western Administrative District of Moscow, Moscow City Branch of the «Russian Military Historical Society» (RVIO).

Тема вклада в Великую Победу работников Государственной плановой комиссии при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР, как тогда официально именовался Госплан, изучена пока далеко не полностью. Специальных работ практически нет, документов и воспоминаний опубликовано немного. Зачастую при упоминании деятельности Госплана в годы войны акцент делается на организации массовой эвакуации промышленных предприятий из западных районов Советского Союза и развертывании их работы в восточных районах.

В статье в тезисной форме будет показано, что роль Госплана во время войны и, соответственно, его вклад в Победу значительно масштабнее.

Прежде всего, следует отметить, что к началу Великой Отечественной войны система планирования народного хозяйства подошла уже достаточно совершенной. Залогом будущей эффективности в годы войны стали принципы и методы планирования, отработанные в 20-х — 30-х гг. При этом следует помнить, что народнохозяйственное планирование осуществлял не только Госплан. В единую систему в той или иной мере были вовлечены отраслевые наркоматы, общесоюзные и региональные партийные и советские органы власти.

Третий пятилетний план на 1938—1942 гг., гораздо более совершенный, чем его предшественники, предусматривал дальнейшую индустриализацию Советского Союза: сооружение Куйбышевского, Соликамского и Ангарского гидроузлов, строительство новых авиационных и сталелитейных предприятий, дальнейшую реконструкцию железнодорожного транспорта, развертывание топливной и металлургической индустрии на Севере, расширение производства предметов потребления. Однако сразу после начала Второй мировой войны в сентябре 1939 г. в него стали вноситься корректировки, нацеленные на форсированное повышение обороноспособности государства.

В докладе на XVIII партийной конференции (февраль 1941 г.) талантливый экономист и организатор, заместитель Председателя СНК СССР и председатель Госплана СССР Николай Алексеевич Вознесенский подчеркивал: «Советский Союз принимает меры к тому, чтобы вооружать свое народное хозяйство передовой техникой и вообще держать страну в состоянии должной готовности».

10 марта 1941 г. Вознесенский был назначен на более высокую должность первого заместителя председателя Совнаркома СССР, сохранив, впрочем, свое активное участие в работе Госплана, а председателем Государственной плановой комиссии стал Максим Захарович Сабуров, жизнь и деятельность которого, несмотря на яркость и большие заслуги перед страной, изучена пока очень слабо.

Таблица 1 наглядно демонстрирует мощный рывок в производстве ключевых видов вооружения и боеприпасов, осуществленный за два предвоенных года.

Таблица 1

**Промышленные поставки вооружения, военной техники
и боеприпасов в Вооруженные Силы СССР (1938—1941 гг.) [17, с. 105]**

Наименование вооружения, военной техники и боеприпасов (шт.)	1938 г.	1939 г.	1940 г.	январь—июнь 1941 г.
Артиллерийские орудия	12 340	17 066	15 096	7913
Минометы	1 188	4 070	37 867	10 480
Винтовки	1 124 700	1 396 700	1 395 000	792 000
Пулеметы всех систем	52 600	73 600	52 200	Нет данных
Самолеты	5 469	10 362	10 565	5 958
Танки	2 271	2 986	2 790	1 672
Боеприпасы (всего), в том числе:	13 036 000	20 198 000	32 682 000	18 821 000
Артиллерийские	12 434 000	16 838 000	14 561 000	10 861 000
Мины	602 000	3 360 000	18 121 000	7 960 000

Данные являются аргументом в пользу точки зрения, что будущий «тыл» был готов к войне лучше будущего «фронта».

Начало войны и перестройка народнохозяйственного планирования

По воспоминаниям Народного комиссара авиационной промышленности Алексея Шагурина, 22 июня «Вознесенский... предлагает приехать к нему в 9 часов на совещание по разработке мобилизационных мероприятий... Ровно в девять я был в Госплане. В кабинете председателя собрались его заместители и наркомы. И в обычных условиях человек сдержанный, в этот час Н. А. Вознесенский был особенно сосредоточен... Николай Алексеевич начал свое выступление внешне спокойно. Война, сказал он, предстоит тяжелая. Нужна быстрая и всеобщая мобилизация всех наших ресурсов. Перед наркоматами оборонной промышленности стоит задача изыскать заменители остродефицитных материалов, а также материалов и изделий, которые до сегодняшнего дня мы получали из-за границы. Он предложил срочно, в течение суток, разработать план максимального увеличения производства вооружения для армии, учитывая, что мобилизационные планы, подготовленные заранее, всем известны» (18, <http://militera.lib.ru/memo/russian/shahurin/05.html>).

В структуре военного управления экономикой СССР Госплан стал подведомственен Государственному Комитету Оборона (ГКО), созданному 30 июня 1941 г. под председательством И. В. Сталина, как чрезвычайному органу, сосредоточившему всю полноту власти в стране. ГКО осуществлял непосредственное руководство планированием: утверждал народно-хозяйственные планы и контролировал их выполнение. Непосредственное руководство решающими отраслями советской военной экономики осуществляли промышленные наркоматы (народные комиссариаты, впоследствии — министерства). Они сыграли большую роль в борьбе за подъем всех отраслей народного хозяйства, добиваясь не только увеличения выпуска продукции и наращивания мощностей предприятий, но и совершенствования организации производства, внедрения прогрессивной технологии, научной организации труда.

При этом все основные вопросы руководства военным производством ГКО решал с участием представителей соответствующих наркоматов и Госплана СССР.

Госплан СССР в годы войны планировал производство продукции не по наркоматам и союзным республикам, а непосредственно адресовал плановые задания предприятиям. Количество централизован-

но распределяемых видов продукции в ходе войны удвоилось. Уже с августа 1943 г. в Госплане велась систематическая работа по составлению перспективных планов восстановления и развития хозяйства, пострадавших от оккупации районов.

На основе постановлений и указаний ЦК партии и ГКО специализированные отделы Госплана — отделы вооружения, боеприпасов, судостроения, авиационной и танковой промышленности — разрабатывали программы выпуска военной продукции всеми предприятиями страны, независимо от их ведомственной подчиненности, контролировали состояние материально-технического обеспечения военного производства. Госплан ежедневно получал от промышленных наркоматов сводки о выполнении заданий ГКО. Для оперативной связи с производством в 25 экономических районах страны были направлены представители Госплана.

В начальный период войны функционирование советской военной экономики осуществлялось на базе краткосрочных оперативных военно-хозяйственных планов. Первым хозяйственным планом военного времени стал мобилизационный план на III квартал 1941 г., принятый ЦК ВКП (б) и Советским правительством в начале войны. Его целью было сосредоточение хозяйственных ресурсов на развитии военной промышленности и военного хозяйства в целом. 16 августа 1941 г. был утвержден военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. [7, с. 45] по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Он наметил развертывание основной военно-промышленной базы Советского Союза на востоке страны. Для производства продукции комплектно в плане предусматривалось использование как основных, так и смежных предприятий.

В дальнейшем военная экономика СССР развивалась на основе годовых, квартальных и месячных военно-хозяйственных планов, которые разрабатывались наркоматами, Госпланом СССР и утверждались ГКО, ведущие военные заводы работали по суточным графикам.

Все более важную роль в возрождении промышленности освобожденных районов играл институт уполномоченных ГКО, СНК СССР и Госплана СССР. Уполномоченные Госплана назначались практически во все области и края. В их обязанности входила подготовка совместно с местными партийными и советскими органами, а также с представителями отраслевых наркоматов проектов планов восстановления промышленности, контроль их выполнения и координация деятельности участвующих организаций.

В структуре Госплана были созданы отделы, курировавшие различные виды вооружений, например: боеприпасы, авиация, танки и самоходные орудия, военное и военно-морское снабжение.

Дальнейшее развитие получило централизованное планирование выпуска вооружений и оперативное регулирование материально-технического снабжения. Период планирования сократился до месяца и квартала, а по некоторым видам вооружений и ресурсов — до дней или пятнадцатидневков.

Госплан разрабатывал как общие планы производства, так и детальные планы по каждому заводу, виду военной техники и порядку материально-технического обеспечения. За время войны было проведено 105 переписей материалов и оборудования.

Роль и место Госплана СССР в обеспечении эвакуации промышленности

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР был образован Совет по эвакуации. Его возглавил кандидат в члены Политбюро, первый секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник. В состав Совета вошли заместитель председателя СНК СССР А.Н. Косыгин, заместитель наркома обороны СССР Б.М. Шапошников, председатель исполкома Ленсовета П.С. Попков и др. Совет по эвакуации работал в тесном контакте с наркоматами, при которых были созданы отделы по эвакуации. Им был определен порядок вывоза и размещения людских контингентов и наиболее ценного имущества.

В сентябре при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения, аппарат которого в центре и на местах на 1 января 1942 г. насчитывал 2757 человек. Наряду с Советом по эвакуации в октябре — декабре 1941 г. действовал также Комитет по эвакуации под председательством А.И. Микояна. Комитет руководил эвакуацией оборудования, запасов сырья и продовольствия. Размещение эвакуированных предприятий и организаций проводилось совместно с органами власти и управления на местах.

Постановлением ГКО от 7 августа 1941 г. № 421 «О порядке размещения эвакуируемых предприятий» на Госплан СССР возложена задача обеспечения эвакуации и мобилизации промышленности СССР. Особое внимание обращалось на то, чтобы при размещении эвакуируемых предприятий преимущество было отдано авиационной промышленности, промышленности боеприпасов, вооружения, танков и броневозов, черной, цветной и специальной металлургии, химии. Наркомам предписывалось согласовывать с Госпланом СССР и Советом по эвакуации конечные пункты для вывозимых в тыл предприятий и организацию дублирующих производств. Уполномоченным ГКО по вопросам выполнения промышленностью

плана производства боеприпасов был назначен Н.А. Вознесенский, его заместителем — М.З. Сабуров. За июль — ноябрь 1941 г. на восток страны было перебазировано более 1 500 промышленных предприятий и 7,5 миллионов человек — рабочих, инженеров, техников и других специалистов. Эвакуация промышленных предприятий осуществлялась в восточные районы РСФСР, а также в южные республики страны — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан.

Сам Госплан СССР был эвакуирован в город Куйбышев (Самара).

8 декабря 1942 г. председателем Госплана вновь был назначен Н.А. Вознесенский. М.З. Сабуров в годы войны занимал должности заместителя Председателя СНК СССР и первого заместителя Председателя Госплана.

Роль Госплана СССР в организации научных исследований, необходимых для обороны

Незадолго до начала войны СНК СССР было принято постановление от 27.01.1940 № 134 «О создании Совета научно-технической экспертизы при Госплане Союза ССР» (вместе с Решением Госплана Союза ССР об организации Совета научно-технической экспертизы).

Совет, возглавляемый крупнейшими учеными, разрабатывал планы комплексных научно-исследовательских работ с привлечением научно-исследовательских институтов.

Также на основе выработанных наркоматами предложений Совет научно-технической экспертизы Госплана разрабатывал технические планы.

Спектр направлений научно-технического планирования был максимально широк. Так, Председатель Совета научно-технической экспертизы академик А.А. Байков, разработал проект возрождения рельсопрокатной промышленности, на базе восстановления производства рельсов на заводах имени Петровского, Азовсталь, имени Орджоникидзе, имени Дзержинского.

Роль Госплана СССР в организации восстановления и развития экономики страны

В апреле 1942 г., когда Советский Союз потерял на оккупированных территориях и от бомбардировок значительную часть энерго мощностей, Госпланом была проведена разработка специального плана распределения турбин и котлов по электростанциям страны.

В 1943 г. при Совнаркомом СССР был создан Комитет по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от фашистской оккупации, а при Госплане СССР — Управления по восстановлению хозяйства в освобожденных районах [2, с. 704].

Несмотря на небывалые военные испытания, не прекращалась работа Госплана по перспективному планированию развития экономических районов и отраслей народного хозяйства. В связи с интенсивным развитием экономики Урала, Западной Сибири и Поволжья на основе аналитических проработок совершенствовалось административно-территориальное деление восточных районов РСФСР. В 1943 г. из состава Новосибирской области была выделена Кемеровская область. На базе нескольких районов Челябинской области был образован новый промышленный и сельскохозяйственный район — Курганская область. В Поволжье из состава Куйбышевской области была выделена Ульяновская область с интенсивно развивающимися отраслями промышленности. Госплан СССР развернул работу по перспективному планированию развития отраслей народного хозяйства и экономических районов.

Деятельность Госплана СССР в период решающих побед в Великой Отечественной войне

В целях дальнейшего наращивания военного производства и улучшения качественных показателей вооружения и боевой техники ГКО и СНК СССР приняли ряд постановлений и распоряжений, направленных на восстановление и дальнейшее развитие топливно-энергетического комплекса, угольной, нефтяной промышленности, электроэнергетики, черной, цветной металлургии, машиностроения. СНК СССР поручил Госплану СССР проанализировать материальные балансы 1944—1945 гг. и изыскать дополнительные фонды на материалы, оборудование, продовольственные и промышленные товары, а также рассмотреть возможности выделения дополнительной рабочей силы для выполнения поставленных задач. По наиболее сложным экономическим проблемам Госплан представлял заключения по проектам постановлений ГКО, подготовленным наркоматами и ведомствами. Так, в 1944 г. СНК СССР давал поручения Госплану СССР подготовить заключения о мероприятиях по обеспечению бесперебойной работы промышленности, увеличению производства боевой техники и вооружения, свинца, меди и цинка, вольфрамовых и молибденовых концентратов, плану добычи

золота и платины, восстановлению и пуску промышленных предприятий на освобожденных территориях и т.д. [3, с. 198].

По мере освобождения Советской армией оккупированных территорий Советского Союза и Восточной Европы происходило возвращение на родину военнопленных и гражданского населения, угнанных нацистами. Эффективное использование их в народном хозяйстве существенно способствовало ускорению победы над врагом. Для обеспечения полного учета и рационального использования этих трудовых ресурсов 15 ноября 1944 г. было издано распоряжение СНК СССР о репатриантах. Уполномоченный СНК по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран два раза в месяц представлял в Госплан СССР сведения о количестве граждан СССР, возвращающихся на родину, с указанием степени трудоспособности, возраста, пола, а также районов, куда они направлялись.

Отдельный комплекс задач по выполнению постановлений и распоряжений ГКО и СНК направлен на восстановление и дальнейшее укрепление топливно-энергетического комплекса, развитие угольной, нефтяной промышленности, электроэнергетики, черной, цветной металлургии и машиностроения. Для их решения Госплан СССР проводил в 1944–1945 гг. анализ материальных балансов и изыскание дополнительных фондов на материалы, оборудование, продовольственные и промышленные товары, а также изыскание резервов дополнительной рабочей силы, в том числе посредством учета репатрируемых граждан СССР, насильственно угнанных нацистами. По наиболее сложным экономическим проблемам Госплан представлял заключения по проектам постановлений ГКО, подготовленным различными наркоматами и ведомствами.

В 1944 г. Госплан выполнял отдельные поручения СНК по подготовке заключений о мероприятиях по обеспечению бесперебойной работы промышленности, увеличению производства боевой техники и вооружения, свинца, меди и цинка, вольфрамовых и молибденовых концентратов, плану добычи золота и платины, восстановлению и пуску промышленных предприятий на освобожденных территориях.

Роль Госплана СССР в разработке перспектив послевоенного экономического развития Советского государства

Во второй половине 1943 г. Госплан СССР приступил к разработке перспективного плана восстановления и развития народного хозяйства освобожденных районов на 1943–1947 гг. К маю 1944 г. вместе с совнаркомом союзных республик и отраслевыми

наркоматами сотрудники Госплана подготовили первый вариант плана восстановления и развития народного хозяйства на 1945 г., а в начале 1945 г. он был представлен в СНК СССР и ЦК ВКП(б). После рассмотрения и доработки план был утвержден 25 марта.

После быстрого разгрома в ходе Манчжурской операции войск милитаристской Японии перевод военной экономики Советского Союза в мирное русло стал проводиться еще более динамично, и уже 19 августа 1945 г. в газете «Правда» было опубликовано сообщение, что ЦК ВКП(б) и СНК СССР поручили Госплану составить пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.

Заключение

Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в годы Великой Отечественной, помимо традиционной деятельности по планированию пропорций развития народного хозяйства посредством материально-стоимостных балансов, Госплан СССР выполнял целый ряд масштабнейших макроэкономических задач:

- перемещение в сжатые сроки на значительные расстояния огромных производительных сил;
- размещение перемещенных производительных сил на новых территориях с немедленным включением в производственные цепочки;
- изыскание народнохозяйственных резервов трудовых ресурсов;
- изыскание народнохозяйственных резервов сырьевых ресурсов;
- совершенствование административно территориального деления территории СССР;
- внедрение в производство в промышленных масштабах передовых научно-технических достижений;
- восстановление освобожденных территорий;
- вовлечение в народное хозяйство освобожденного населения;
- комплексное перспективное развитие страны на послевоенный период.

Необходима углубленная детальная разработка означенных направлений в исторической науке.

■ Список литературы

1. *Быстрова И.В.* Перестройка промышленности в СССР в 1941–1945 гг. Опыт военной мобилизации // Новые исторические перспективы. 2018. № 1 (10).
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. М.: Кучково поле, 2012.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7 // Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013.
4. *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948.
5. Институт уполномоченных Госплана СССР на Урале в годы Великой Отечественной войны (по материалам Челябинской области). ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала».
6. <http://www.chelmuseum.ru/nauka/nauchnye-publikatsii/institut-upolnomochennykh-gosplana-sssr-na-urale-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-po-materialam-ch/> (дата обращения: 07.04.2021).
7. История социалистической экономики СССР. В 7 т. М.: Наука, 1976–1980. Т. 4 Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны.
8. *Маркова А.Н.* Экономические факторы Победы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 7.
9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг.; сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1968.
10. *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001.
11. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: Росспэн, 1996.
12. *Южаков В. П.* Мобилизационные процессы в промышленности накануне и в годы Великой Отечественной войны (на примере предприятий Тюменской области) *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 147–155.
13. Плановое хозяйство. Ежемесячный журнал Госплана СССР. № 1, 1944 год.
14. Плановое хозяйство. Ежемесячный журнал Госплана СССР. № 2, 1944 год.

15. Плановое хозяйство. Ежемесячный журнал Госплана СССР. № 3, 1944 год.
16. Плановое хозяйство. Ежемесячный журнал Госплана СССР. № 1, 1945 год.
17. Плановое хозяйство. Ежемесячный журнал Госплана СССР. № 2, 1945 год.
18. Плановое хозяйство. Ежемесячный журнал Госплана СССР. № 3, 1945 год.
19. *Шепова Н.Я.* Был ли готов СССР к ведению Великой Отечественной войны? // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2(17). С. 96–108.
20. *Шахурин А.И.* Крылья победы. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1990.

Е.А. Суслопарова¹

E.A. Susloparova²

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ БРИТАНСКИХ ЛЕЙБОРИСТОВ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА XX ВЕКА

The Problem of Economic Planning in the Programme
Documents of the British Laborites: a Historical
Retrospective of the XX century

Статья посвящена отношению лейбористской партии Великобритании к проблеме экономического планирования. Автор останавливается на ряде важных партийных документов как первой, так и второй половины XX века, в которых находили освещенные вопросы национализации промышленности, планирования и государственного управления экономикой. В статье прослеживается эволюция лейбористского отношения к планированию, попытки реализовать на практике эту идею в период нахождения у власти. Особое внимание уделено принятию лейбористским правительством Г. Вильсона Плана национального экономического развития в 1965 г., предполагавшего 25% рост промышленного производства к 1970 г.

Ключевые слова: Великобритания, лейбористская партия, лейбористские программные документы, лейбористская идеология, управление экономикой, планирование, национализация.

The article deals with the attitude of the British Labour party to the problem of economic planning. The author traces the number of important party documents of the first and the second half of the XX century, which covered the questions of industrial nationalization, planning and state economic management. The article studies the evolution of Labour attitude towards planning, the attempts to put into practice this idea when the party was in power. The special attention is paid to the adoption of the National Economic Plan in 1965, which would embody a 25% increase in national output by 1970.

Keywords: Great Britain, Labour party, Labour programmes, Labour ideology, economic management, planning, nationalization.

¹ Суслопарова Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

² Elena A. Susloparova, Candidate of history science, Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.

Среди ведущих британских политических партий лейбористы традиционно считались сторонниками наибольшего вовлечения государства в регулирование социально-экономических процессов в стране. Лейбористская партия, возникшая на рубеже XIX–XX вв., с ранних лет своей истории была привержена политике национализации промышленности. Еще до начала Первой мировой войны на ее ежегодных конференциях принимались резолюции в поддержку национализации угольной отрасли, железнодорожного транспорта и ряда других сфер хозяйства. В 1918 г. в Уставе партии появился знаменитый 4 пункт, провозглашавший одной из главных целей лейбористов достижение общественной собственности на средства производства¹.

В период между двумя мировыми войнами лейбористская партия в той или иной мере продолжила пропагандировать политику национализации, однако так и не получила возможность реализовать ее у власти. Два первых лейбористских кабинета (1924 г. и 1929–1931 гг.) не располагали абсолютным большинством голосов в палате общин и были ограничены в своей реформаторской деятельности. Две другие ведущие британские партии — консерваторы и либералы — не были сторонниками национализации. Только с 1945 г., добившись абсолютного большинства голосов в палате общин в результате победы на парламентских выборах, лейбористская партия во главе с К. Эттли приступила к масштабной передаче в собственность государства электроэнергетики, железнодорожного транспорта, угольной, газовой отраслей промышленности и ряда других. В результате в Великобритании была сформирована модель смешанной экономики, предполагающая наличие достаточно мощного государственного сектора. Лейбористские идеологи 1940-х гг. рассматривали такого рода реформы как важнейший этап на пути построения в стране так называемого демократического социализма².

Несмотря на давнюю приверженность идее национализации, лозунги планирования экономического развития стали отчетливо прослеживаться в лейбористских программных документах лишь начиная с 1930-х гг. Так, например, в официальной партийной программе 1934 г. «За социализм и мир» было открыто сказано о важности перехода страны к централизованному «социалистическому экономическому планированию»³. Идея планирования находила

¹ Report of the 17-th Annual Conference of the Labour Party. L., 1918. P. 140.

² На эту тему см., например: Durbin E. The Politics of Democratic Socialism: An Essay on Social Policy. L., 1940.

³ For Socialism and Peace. The Labour Party's Programme of Action. L., 1934. P. 5.

отражение в 1930-е гг. и на страницах публицистических работ лейбористских пропагандистов. На этом фоне опыт планового развития советской экономики вызывал у британских социал-демократов пристальный интерес.

Ряду представителей партии довелось в 1930-е гг. побывать в СССР и своими глазами увидеть форсированные темпы советской индустриализации во время первой пятилетки (1928–1932 гг.) Лейбористы были поражены масштабом возведения Днепровской гидроэлектростанции, работой «Ростсельмаша», Ленинградского металлического завода, созданием огромных по площади совхозов на юге СССР. Партийные активисты отмечали невероятную интенсивность работы советских промышленных предприятий, а также обращали внимание на особый настрой советских людей, готовых к немалым жертвам и лишениям во имя выполнения плановых показателей¹. Энтузиазм строителей нового советского общества подчеркивала в своем докладе и представительная британская рабочая делегация, приехавшая в СССР еще в 1927 г.² Тем не менее модель социалистического планового развития, опробованная в СССР, хотя и поражала воображение британских современников, вызывала у многих из них скепсис и настороженность в силу специфики политического режима.

В период Второй мировой войны проблема планирования нашла дальнейшее отражение на страницах лейбористских программных документов. Знаковым событием стало появление в 1942 г. официального партийного доклада «Старый мир и новое общество». В этой программе лейбористская партия настаивала на незамедлительном переходе после Второй мировой войны к обновленной модели экономического развития под контролем государства. Это подразумевало как обширную национализацию, так и создание целой системы государственных социальных гарантий и хозяйственного планирования³.

В то же время лейбористские кабинеты 1945–1951 гг., несмотря на довольно масштабную национализацию, так и не смогли создать после Второй мировой войны убедительную модель планового развития британской экономики. Во-первых, это было связано с тем, что призывы к планированию, неоднократно звучавшие в предшествующих программных документах партии, носили в целом довольно обтекаемый характер. Во-вторых, во второй половине 1940-х гг.

¹ Bevan A., Strachey J., Strauss G. What We Saw in Russia. L., 1931. P. 8–18.

² Soviet Russia Today. Report of the British Workers' Delegation, 1927. L., 1927. P. 17–18.

³ The Old World and the New Society. British Labour on Reconstruction in War and Peace. N.Y., 1943. P. 16–18.

лейбористы осуществили лишь частичную национализацию промышленности. Огромная часть британской экономики по-прежнему оставалась в руках частного бизнеса, по сути неподотчетного государству. Политика же дальнейшего углубления и расширения национализации для многих лейбористов оказалась в последующие 1950-е гг. категорически неприемлема.

Эта особенность трансформации партийной идеологии 1950-х гг., отход от приверженности огосударствлению, была отмечена в истории термином «ревизионизм». Один из ведущих лейбористских идеологов «ревизионистского» направления Э. Кросленд в известной работе 1956 г. «Будущее социализма» утверждал, что старый капитализм, против которого выступали отцы-основатели партии, в середине XX века эволюционировал в нечто новое. Вопиющие социальные контрасты, антагонизм рабочих и предпринимателей оказались нивелированы. Кросленд открыто заявил, что политика огосударствления промышленного капитала более не являлась условием перехода к социалистическому обществу, тем самым он отверг идею о том, что строительство социализма неизбежно влечет расширение национализации¹. Одновременно им была поставлена под сомнение необходимость всестороннего государственного экономического планирования. Со своей стороны Кросленд был склонен уделять значительное внимание таким вопросам, как благосостояние граждан, социальная мобильность, равенство в доступе к хорошему образованию. Отражением «ревизионистского» этапа истории лейбористской партии стала партийная программа 1957 г. «Промышленность и общество», со всей очевидностью свидетельствовавшая об отказе партии от широкомасштабной национализации новых отраслей промышленности². Документ предполагал переход в собственность государства в основном лишь отдельных компаний и предприятий.

Лишь с приходом к власти в 1960-е гг. лейбористских кабинетов Г. Вильсона идея государственного планирования вышла на новый виток развития. В 1965 г. Великобритания приняла Национальный план развития экономики, разработанный под руководством министерства экономического развития во главе с Дж. Брауном. Согласно плану рост производства к 1970 г. должен был составить 25 %³. Следует отметить, что заметный интерес к проблеме усиления государственного централизованного контроля над экономикой стали проявлять еще консерваторы во главе с Г. Макмилланом в начале 1960-х гг.

¹ Crosland C.A.R. The Future of Socialism. L., 1956. P. 496–497.

² Industry and Society. L., 1957.

³ Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 1965. Vol. 718. Col. 1051.

Так, например, в 1962 г. правительство Макмиллана учредило *Национальный совет экономического развития*. Его генеральным директором был назначен Р. Шон, экономическим директором — Д. Макдугэлл¹. Совет должен был заниматься вопросами увеличения производства, разрабатывать проекты достижения этой цели. При Совете также была создана *Комиссия по национальным доходам* для контроля над заработной платой с целью сдерживания инфляции.

На британцев оказал определенное влияние опыт государственного планирования, успешно применявшийся по другую сторону Ла-Манша. Вскоре после Второй мировой войны во Франции был принят 5-летний план Монне (по имени его главного инициатора Ж. Монне), направленный на модернизацию национальной экономики. В последующие годы французская система планирования получила дальнейшее развитие, хотя и носила главным образом не обязательный, а рекомендательный характер. Предприятия, находившиеся в государственной собственности, были обязаны следовать плановым «индикаторам». В то же время во Франции была достаточно хорошо разработана система поощрения частных фирм, готовых выполнять государственные плановые показатели.

Лейбористская «пятилетка», принятая в 1965 г., также представлялась поначалу весьма амбициозным проектом. Приход к руководству партией Г. Вильсона в 1960-е гг. в научной литературе называют «технократическим уклоном»². Во многом это была попытка вырваться за рамки болезненного внутрипартийного спора 1950-х гг. между «ревизионистами» и левым крылом лейбористов относительно того, является ли масштабная национализация обязательным компонентом строительства в Великобритании нового более справедливого общества. Как было сказано выше, «ревизионисты» эту идею отвергали, левые партийные активисты, напротив, были сторонниками дальнейшей политики огосударствления. Выполнение плановых показателей предполагалось достичь к 1970 г. прежде всего за счет форсирования темпов научно-технической революции и развития наукоемких отраслей. Предполагаемая политика, по замыслу Г. Вильсона, должна была примирить между собой правое и левое крыло партии. С одной стороны, она не предполагала дальнейшей широкой национализации. С другой стороны, в угоду левому крылу все же выводила на новый качественный уровень идею вмешательства государства в хозяйственные процессы в стране путем

¹ Morgan K.O. *The People's Peace. British History, 1945-1989*. Oxford, 1990. P. 211.

² Перегудов С.П. Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании. М., 1975. С. 126.

создания новых структур — министерства экономического развития и министерства технологии. Наряду с этим лейбористский проект 1960-х гг. предполагал усиление вмешательства государства в экономику через создаваемые им многочисленные региональные плановые управления.

«Первая ласточка» этих идей была отмечена еще в официальной партийной программе «Вехи 1960-х», принятой в период руководства лейбористами Х. Гейтскеллом в 1961 г.¹ Этот документ поднимал тему научно-технической революции и необходимости использования ее потенциала для достижения масштабного социального прогресса. Тем не менее с приходом Г. Вильсона данная тема обрела гораздо более яркое звучание в лейбористской пропаганде. В своих многочисленных речах и публицистических работах первой половины 1960-х гг. Вильсон подчеркивал приверженность партии «демократическому экономическому планированию»². Он также признавал, что появление в 1962 г. упомянутого выше Национального совета экономического развития стало заметным шагом вперед в консервативной концепции экономического управления, однако обращал внимание, что это «гораздо меньше» в сравнении с тем, что готовы предложить стране лейбористы³.

В 1963 г. партия во главе с Г. Вильсоном приняла новую программу под заголовком «Лейборизм и научная революция»⁴. Представляя документ ежегодной лейбористской конференции 1963 г., Вильсон особо подчеркнул, что в социалистической партии «нет места луддитам»⁵ и призвал коллег использовать растущие возможности автоматизации производства с целью повышения социального благосостояния нации. С его точки зрения, расширение автоматизации необходимо было сочетать с продуманным государственным экономическим планированием.

Тем не менее, придя к власти в 1964 г., лейбористы столкнулись в итоге с огромным дефицитом платежного баланса в размере 800 млн фунтов, доставшимся в наследство от консерваторов. В условиях опасности роста инфляции кабинет Вильсона побоялся сразу же девальвировать национальную валюту. Вместо этого правительство

¹ Signposts for the Sixties: A Statement of Labour Party Home Policy to be Submitted by the National Executive Committee to the 60-th Annual Conference at Blackpool, 2-6 October, 1961. L., 1961.

² Wilson H. The Relevance of British Socialism. L., 1964. P. 29.

³ Ibid. P. 31.

⁴ Labour and the Scientific Revolution. A Statement of Policy Approved by the Annual Conference of the Labour Party. L., 1963.

⁵ Report of the 62-nd Annual Conference of the Labour Party. L., 1963. P. 134.

было вынуждено осуществлять дорогостоящие меры по стабилизации финансовой системы. В результате на протяжении второй половины 1960-х гг. широко разрекламированный План национального развития так и не был выполнен. С точки зрения некоторых экономистов современников, затягивание с девальвацией фунта вплоть до 1967 г. существенно снизило какие-либо шансы на выполнение плановых показателей¹.

Последующие 1970-е гг. были отмечены в Великобритании серьезным ухудшением экономической конъюнктуры. На фоне экономических и структурных кризисов середины 1970-х гг. Великобритания окончательно превратилась в «больного человека» Европы, существенно отставая в темпах развития от передовых западных государств. Это отодвинуло идею форсированного планового развития британского хозяйства на задний план. Утвердившиеся у власти в 1980-е г. неконсерваторы во главе с М. Тэтчер взяли курс на возрождение национальной экономики за счет сокращения государственного вмешательства в промышленную сферу, поощрения рыночного механизма и частного предпринимательства. Подобный курс, несмотря на закрепившийся за ним исторический термин неоконсерватизм, на практике означал экономический неолиберализм.

Тем не менее в рядах лейбористов на рубеже 1970-х — 1980-х гг. оставалось немало сторонников левого реформаторства и дальнего поощрения социалистического планирования. Ярким свидетельством этому стала официальная партийная программа 1982 г., принятая в период руководства партией М. Футом². На парламентских выборах 1983 г. лейбористы вновь обещали электорату занятия подготовкой очередного 5-летнего плана национального развития, развивая региональное плановое управление с учетом пожеланий местных жителей, а также вернуть в государственную собственность то, что уже было к тому времени распродано в частные руки консервативным правительством³. Избирательная кампания 1983 г. закончилась катастрофическим поражением лейбористов.

Во второй половине 1980-х гг. была отмечена тенденция постепенного смещения лейбористской партии с левого фланга в сторону центра. Кульминацией этого процесса стал проект «нового лейборизма», провозглашенный Т. Блэром в середине 1990-х гг., и победа

¹ Beech M., Hickson K. Labour Thinkers. The Intellectual Roots of Labour from Tawney to Gordon Brown. L., N.Y., 2007. P. 148.

² Labour's Programme 1982. L., 1982.

³ Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997. Ed. by I. Dale. L., N.Y., 2000. P. 245-246.

партии на парламентских выборах 1997 г. Добившись еще в 1995 г. пересмотра 4 пункта Устава партии, многие годы хотя бы формально символизировавшего собой ее приверженность политике обобществления собственности, Т. Блэр решительно взялся за реформирование лейбористской идеологии. В предвыборном манифесте 1997 г. «новые лейбористы» открыто заявляли о том, что их политика конца 1990-х гг. не могла следовать ни в русле их же собственного курса второй половины 1940-х гг., ни в русле 1960-х гг. Партия особо подчеркивала, что не намерена была перечеркивать реформы консервативных правительств Тэтчер 1980-х гг. в сфере промышленных отношений и предпринимательства¹. В этих условиях проблема централизованного экономического планирования была фактически снята с повестки дня, поскольку не совпадала со стремлением лейбористов заручиться поддержкой предпринимательских слоев и избавиться от старых коллективистских лозунгов.

В заключение необходимо отметить, что вопросы планирования на протяжении многих десятилетий вызывали пристальный интерес у партийных активистов и публицистов. Лейбористы также проявляли определенное внимание к опыту планового индустриального развития СССР и европейских государств с рыночной экономикой, прежде всего Франции. Несмотря на то что отчетливые призывы к социалистическому экономическому планированию звучали в партийных документах еще с 1930-х гг., кульминация интереса и внимания партии к этой проблеме была отмечена, пожалуй, в середине 1960-х гг., в период нахождения у власти лейбористских правительств Г. Вильсона. Тем не менее смелая и оптимистичная партийная риторика не совпала с реальными результатами реализации Национального плана развития экономики, принятого в Великобритании в 1965 г. В последующие годы лейбористы неоднократно продолжали апеллировать к идее как централизованного общенационального, так и регионального планирования, однако в конечном счете к концу XX в. эти лозунги практически исчезли из их программных документах, уступив место более осторожной и умеренной риторике с тем, чтобы не оттолкнуть от себя представителей крупного и среднего бизнеса.

¹ Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997. Ed. by I. Dale. L., N.Y., 2000. P. 347, 356.

■ Список литературы

1. *Перегудов С.П.* Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании. М., 1975.
2. *Beech M., Hickson K.* Labour Thinkers. The Intellectual Roots of Labour from Tawney to Gordon Brown. L., N.Y., 2007.
3. *Bevan A., Strachey J., Strauss G.* What We Saw in Russia. L., 1931.
4. *Crosland C.A.R.* The Future of Socialism. L., 1956.
5. *Durbin E.* The Politics of Democratic Socialism: An Essay on Social Policy. L., 1940.
6. For Socialism and Peace. The Labour Party's Programme of Action. L., 1934.
7. Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 1965. Vol. 718.
8. Industry and Society. L., 1957.
9. Labour and the Scientific Revolution. A Statement of Policy Approved by the Annual Conference of the Labour Party. L., 1963.
10. Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997. Ed. by I. Dale. L., N.Y., 2000.
11. Labour's Programme 1982. L., 1982.
12. *Morgan K.O.* The People's Peace. British History, 1945-1989. Oxford, 1990.
13. Report of the 17-th Annual Conference of the Labour Party. L., 1918.
14. Report of the 62-nd Annual Conference of the Labour Party. L., 1963.
15. Signposts for the Sixties: A Statement of Labour Party Home Policy to be Submitted by the National Executive Committee to the 60-th Annual Conference at Blackpool, 2-6 October, 1961. L., 1961.
16. Soviet Russia Today. Report of the British Workers' Delegation, 1927. L., 1927.
17. The Old World and the New Society. British Labour on Reconstruction in War and Peace. N.Y., 1943.
18. *Wilson H.* The Relevance of British Socialism. L., 1964.

К.А. Хубиев¹

K.A. Khubiev²

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

Planning and planned economy in theory and practice

В статье рассмотрены теоретические основы планирования: планомерность, плановое хозяйство; теоретические и методологические основы превращения планомерности во всеобщую форму хозяйства; функциональные уровни планомерности. Отражены заслуги планирования и планового хозяйства национального и цивилизационного уровня. Особое внимание уделено потенциалу планомерности в решении проблем и угроз, связанных с перспективами новой технологической революции.

Ключевые слова: план, планомерность, плановое хозяйство, исходное отношение, всеобщая форма, безработица.

The article discusses the theoretical foundations of planning: planning, planned economy; theoretical and methodological foundations for the transformation of planning into a general form of economy; functional levels of planning. The merits of planning and planned economy of the national and civilizational level are reflected. Particular attention is paid to the potential of planning in solving problems and threats associated with the prospects of a new technological revolution.

Keywords: plan, planning, planned economy, initial attitude, general form, unemployment.

Некоторые великие изобретения человечества имеют судьбу волнообразного проявления. Их историческая и цивилизационная ценность проявляется и осознается по мере развития экономики и общества. Так было со многими изобретениями: бумаги, колеса, денег и т.п.

Планирование начинается с времен, когда творения человеческие сперва приобретают идеальные формы и создаются в голове человека прежде, чем воплотятся в практическую реальность. Но планирование не следует путать с проектом, который может стать составной частью планирования. Проекты строительства храмовых, ирригационных и иных сооружений могут иметь идеальные образы и даже

¹ Хубиев Кайсын Азретович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

² Kaysyn A. Khubiev, Doctor of Economics, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.

символически оформлены в виде чертежей и описаний. Но план содержательно шире. Он включает в себя и состав ресурсов для создания объекта, последовательность работ, используемые технологии.

С развитием экономики развивается и планирование. Предпринимательская и вообще хозяйственная деятельность не может обойтись без планирования. Работа по заранее составленному плану предпочтительнее и эффективнее способа деятельности методом проб и ошибок. Современное внутрифирменное планирование с использованием ИТ-технологий поднялось на высокий концептуальный, проектный, и детализированный уровень: охватывает пространство продуктовых рынков, учитывает макроэкономическую ситуацию. Содержательно и пространственно планирование в рамках фирмы развернулось в масштабах и на уровне всей национальной экономики и даже за ее пределами в сетевых, транснациональных компаниях.

Развитие внутрифирменного планирования освоено наукой и практикой. Совершенно другой уровень задач научного и практического плана возникает при переходе на уровень национальной экономики, на уровень народнохозяйственного планирования. Возникает вопрос: почему? Кажется, что это только плавное количественное продвижение от более низкого к более высокому уровню. Затруднения, возникающие для определения теоретического содержания планирования на народнохозяйственном уровне, связаны с методологическими проблемами и функциями, скрывающимися за практическим планированием.

За планированием, проявляющим себя как практическая деятельность, скрывается планомерность как исходная и всеобщая форма системы экономических отношений, и плановая форма ведения хозяйства в рамках всей национальной экономики. В этой связи наука различала неполную планомерность, которая складывалась в рамках отдельных компаний и даже в их взаимоотношениях и планомерность полную, которая охватывает всю экономику. Это не только пространственно-количественные различия. Под ними расположен пласт трансформаций в фундаментальных(основных) социально экономических отношениях.

Металогический подход к развертыванию планомерности во всеобщую форму хозяйства сродни с превращением товара из исходной формы, «экономической клеточки» во всеобщую форму и предполагает коренную трансформацию в основном отношении способа производства. Для этого должно измениться отношение работника к ресурсам. Он должен быть от них отделен, отчужден, и сам он должен превратиться в товар (точнее, его рабочая сила, способность к труду). Это не просто количественное приращение товарной массы

за счет рабочей силы. Это переворот в основном отношении, связанном с соединением работника с условиями производства (ресурсами) на одном полюсе и их концентрацией на другом. Два экономических субъекта приобретают принципиально разную социально-экономическую определенность. На одном полюсе экономическая власть, на другом — экономическая зависимость. Отсюда вытекает характер присвоения результатов производства. С превращением в товар рабочей силы происходит формационный тектонический сдвиг в общественном развитии. Собственно, с этого начинается социально-экономическое устройство общества, называемое капитализмом. Превращение товара во всеобщую форму сопровождается возникновением нового способа производства, над которым надстраиваются остальные элементы капиталистической цивилизации с системой других отношений (правовых, политических ...) и с его системой ценностей (индивидуализм, коммерциализм и др.).

Превращение планомерности во всеобщую форму тоже не чисто количественное расширение. Должен произойти переворот в основном отношении. Должен появиться новый субъект планирования, представляющий всю национальную экономику. Для этого должна произойти качественная трансформация основного отношения. Трудящийся должен быть возвращен к возможности воссоединения с ресурсами (условиями производства). То есть необходимо преодолеть их отчуждение, которое составило основу капитализма. Конечно, каждый отдельный работник не может быть субъектом планомерности. Должен быть единый субъект, представляющий все сообщество. Таковым выступает новый субъект, представленный правительством и его органами. Здесь необходимо отметить возникновение нового противоречия для нового способа производства. Всеобщее не может гармонично отразить интересы многообразия особенного и единичного что является объективной основой как гармоничного совпадения всеобщего особенного и единичного, так и противоречия между ними. Более того, всеобщее может оторваться в свое особенное. И тем не менее возникновение нового субъекта составляет основу для всеобщей формы планомерности, а на ее основе и народнохозяйственного планирования.

Регрессивное возвращение России к капитализму потребовало нового этапа отчуждения на одном полюсе и присвоения уже накопленного богатства на другом полюсе. Работники без ресурсов остались наемными работником, а на другом полюсе образовались олигархи в одном поколении¹.

¹ Российские деловые люди Алишер Усманов, Роман Абрамович и Михаил Фридман вошли в список самых богатых налоговых резидентов Англии, заняв с 8-й по десятую строчки

Возвращение к планированию на народнохозяйственном уровне в любых формах требует научного подхода, поскольку оно не появляется по субъективному положению. Оно вызревает из объективных предпосылок и экономической необходимости. В советский период по этим вопросам была сформирована определенная теория. Содержанием планомерности на глубинном уровне характера труда является ее непосредственно-общественная форма, в отличие от частного его характера в товарном производстве.

Теоретически следует отличать планомерность и плановое хозяйство, различие этих двух понятий не очень очевидно, судя по литературе, даже среди сторонников школы, где развивались эти идеи. Плановое хозяйство, в отличие от планомерности, охватывает более конкретный уровень функционирования экономики, и основное его свойство — это особая непосредственная связь производства и потребления в пространстве национальной экономики по всей номенклатуре благ. Плановое хозяйство объединяет экономику в систему на ее функциональном уровне. Это система связей между производством и потреблением отлична от товарной тем, что если в товарной форме эта связь формируется через цепочки стихийно рыночных контрактов и отношений, то в плановом хозяйстве эта связь производства и потребления формируется непосредственно. Заранее определены потоки ресурсов, их назначение, технология применения и конечный результат. Плановое хозяйство имело возможность формировать структуру всей национальной экономики, что продемонстрировало историческое преимущество планового хозяйства, о чем будет сказано ниже.

Непосредственно общественная связь многочисленных благ в своем движении от производства до потребления образует сложнейшую систему, а для практики планирования это очень сложный процесс, требующий соответствующей технологии и материальной базы.

Развитие современных цифровых технологий, создание сверхмощных компьютеров составляет материальную базу для возрождения планирования. Планирование не вытекает прямо из планомерности, а вот из планового хозяйства планирование выводится как определенная конкретная форма функционирования экономики,

в ежегодном рейтинге английской газеты Times. Их состояние оценили в 18,66 миллиарда фунтов (24,258 миллиарда долларов). Абрамовичу среди прочего принадлежат 62,74 процента кипрской компании Lanebrook, которая контролирует вертикально интегрированный металлургический и горнодобывающий холдинг Evraz. Его состояние оценивается в 11,339 миллиарда фунтов стерлингов, либо 14,73 миллиардов долларов. <https://ftimes.ru/234370-za-chto-rossijskie-oligarxi-lyubyat-london.html>

реализующая особую форму связи производства и потребления. В рамках практики планирования разрабатывались межотраслевые балансы, значение которых значительно шире, чем собственно директивное планирование. Факт появления или исчезновения директивной формы планирования не означает, что исчезли межотраслевые балансы и другие важнейшие инструменты планирования. Они успешно разрабатывались и применялись в разных странах.

Цифровая технологическая революция создает новую материальную основу для возрождения планирования и планового хозяйства и не обязательно в форме директивного планирования, но и в других формах.

Отсутствие Госплана и его плановой работы не означает, что исчезли функции планирования. Оно существует на корпоративном уровне, на товарных рынках и межотраслевом пространстве. Наконец, в систему рыночной экономики настойчиво пробивается стратегическое планирование. Появление мощных и сверхмощных компьютеров образуют материальную основу для решения расчетных задач в рамках огромных массивов информации.

Планирование, как и многие великие изобретения человечества, имеет перспективу своего возрождения и развития, о чем говорят его великие заслуги. Мы остановимся лишь на некоторых из них, которые, как нам представляется, исторически недооценены или незаслуженно забыты.

На основе народнохозяйственной планомерности разрабатывались и выполнялись пятилетние планы. Сегодня трудно поверить в реальность результатов первой пятилетки по производимой продукции. В качестве примера рассмотрим производство металла¹. Еще более впечатляющими были созданные объекты и новые отрасли².

¹ С 1929 по 1935 г. СССР в 3 раза увеличил объем выплавки чугуна. Для сравнения у США для достижения аналогичного показателя ушло 18 лет (1881–1899), а у Германии — 19 (1882–1907). Здесь нужно учитывать, что Советский Союз проводил индустриализацию, когда другие страны ее давно уже прошли и мы могли использовать накопленный другими опыт. Например, те же данные по выплавке чугуна мы берем начиная с 1929 г. Стартовый отрезок в США и Германии был в 1881–1882 гг. То есть мы отставали от западных стран примерно на 47–50 лет. В результате к этому и сводилась основная задача пятилетки — за короткое время «догнать и перегнать», используя имеющийся мировой опыт. И первая пятилетка советского правительства заложила фундамент для этого.

² Результаты модернизации экономики СССР в первую пятилетку (1929–1934): МЕТАЛЛУРГИЯ. Магнитогорский металлургический завод им. Сталина. Кузнецкий металлургический завод им. Сталина. Керченский металлургический завод им. Войкова. Домны № 4, 5 и 8 Макеевского завода им. Томского. Домна № 6 Сталинского металлургического завода. Домна № 7 металлургического завода им. Дзержинского. Домны № 5 и 3 металлургического завода им. Рыкова. Домна № 3 Косогорского завода им. Дзержинского. Мартеновский цех Таганрогского завода им. Андреева. Трубный завод (манесмановский) в Мариуполе. Салдинский мостовой завод, Челябинский завод ферросплавов. МАШИНОСТРОЕНИЕ: Сталинградский тракторный завод им. Дзержинского. Харьковский тракторный завод им. Орджоникидзе. Челябинский тракторный завод (пуск в первой половине 1933 г.).

У планирования и планового хозяйства есть заслуги не только перед отечеством, но и заслуги цивилизационного уровня. Под накатом сил вермахта в первой половине прошлого века пала вся рыночно-капиталистическая Европа. В столь ширококомасштабной и затяжной Второй мировой войне сражались не только вооруженные силы, но и экономики. Плановая экономика продемонстрировала всему миру свои возможности. Помимо снабжения Советской Армии горючим, продовольствием, боеприпасами, вооружением, плановая экономика в это же время смогла передислоцировать в восточные регионы более 1500 предприятий из европейской части, эвакуировано более 10 миллионов человек. Плановая экономика спасла не только родину своего происхождения, но и всю европейскую цивилизацию. Если бы не она, мир был бы другим, жил бы он по законам фашизма. Какое будущее ждало народы и государства, хорошо известно. Но исторические заслуги плановой экономики, по нашему убеждению, недооценены.

В заключение приведем актуальное востребование плановой экономики перед угрозой рисков новой четвертой промышленной революции. Речь пойдет о занятости работающего населения, которому грозит массовая структурная, технологическая и абсолютная безработица.

Клаус Шваб, основатель и президент всемирного экономического форума в Женеве, провел сравнительный анализ трех крупнейших компаний, принадлежащих двум промышленным революциям, по критериям: капитализации, дохода и занятости. В 90-е гг. совокупная капитализация трех крупнейших компаний Детройта (промышленная Америка) составляла 36 млрд долл. с выручкой 250 млрд и числом персонала до 1,2 млн чел. А в 2014 г. совокупная рыночная капитализация трех крупнейших компаний Кремниевой долины («цифро-

Московский автозавод им. Сталина. Горьковский автозавод им. Молотова. Московский шарикоподшипниковый завод им. Кагановича. Московский станкостроительный завод. Московский завод «Фрезер». Московский завод «Калибр». Горьковский фрезерный завод. Уральский завод тяжелого машиностроения. Краматорский завод тяжелого машиностроения (пуск в первой половине 1933 г.). Ростовский сельмаш им. Сталина. Запорожский завод комбайнов. Саратовский завод комбайнов. Горловский завод врубовых машин. Харьковский турбинный завод. Луганский паровозостроительный завод. ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ: ДнепроГЭС. Каширская ГЭС. Ленинградская станция «Красный Октябрь». Горьковская ГРЭС. Зуевская ГРЭС. Штеровская ГРЭС. Харьковская ГРЭС. Ивановская ГРЭС. Челябинская ГРЭС. Магнитогорская ЦЭС. Кузнецкая ТЭЦ. Березниковская ТЭЦ. ДзороГЭС. Осиновская ГРЭС. Сталинградская ГРЭС. Саратовская ГРЭС. Самарская ГРЭС. Невдубстрой. АртемГРЭС.

И это без учета нефтяной, химической, резинотехнической, легкой и пищевой промышленности, транспорта и др. отраслей. Результаты впечатляют и поражают, особенно если учесть, что в следующую пятилетку создавались целые отрасли машиностроения, было запущено московское метро и т.д. На фоне нынешнего провала в два десятилетия свершенное с 1918 по 1938 гг. после тотальной разрухи в Первую мировую и гражданскую войны выглядят как фантастика.

вая экономика») составлял более 1 трлн долл. (в четыре раза больше) с суммой прибыли в 247 млрд (почти в семь раз больше), но с числом сотрудников почти в десять раз меньше [6, с. 19—20]. Масштабы развертывания четвертой промышленной революции оцениваются на уровне 10% экономики в самых развитых странах. Какие социальные потрясения ждут страны, где по мере широкого развертывания новой НТР занятость сократится не в 10, а хотя бы в 2 раза? Ведутся исследования относительно профессий, которые находятся в зоне риска вытеснения новыми технологиями.

Рассмотрим более подробно угрозы роста технологической безработицы. Рост концентрации и централизации капитала на новой технологической основе образует базу для обострения конкурентной борьбы национальных экономик за рабочие места и занятость. Разные страны реагируют на данные тенденции введением фрагментов неполной рабочей недели, неполного рабочего дня. В России известна инициатива Д. Медведева о сокращенной рабочей неделе. Этими процессами объясняется и один из «феноменов» Трампа, который стремился расширить занятость и подстраховаться от технологической безработицы в национальной экономике США разными методами: привлечение зарубежного предпринимательства резидентов на национальную основу, протекционизм, торговые войны, преодоление экологических ограничений, масштабные зарубежные заказы, фискальные льготы и т.д. Даже за санкциями США, обращенными против России, явно просматривается борьба за рабочие места посредством расширения присутствия США на рынке энергоносителей Европы. Такова же подспудная логика торговых войн США с Китаем, другими странами.

Сокращению рабочего дня и сохранению занятости способствовало установление 8-часового рабочего дня в России в 1917 г. Сокращение рабочего дня на одну треть «поглотило» угрозу отвело массовую безработицу, которая была неизбежной после второй и третьей промышленных революций. Если предположить долгосрочную трендовую логику технологического прогресса, сокращение рабочего дня явится способом «амортизации» новой угрозы технологической, структурной безработицы.

С одной стороны, будет происходить неумолимое вытеснение живого труда овеществленным трудом, вытеснение умственного труда искусственным интеллектом. По оценкам, до 80% прогресса технологии будет связано с развитием ИТ. Уже к концу прошлого века сложилась ситуация, когда время, расходуемое на производство и обмен информацией, превышает время, расходуемое на промышленную продукцию. Еще в 1999 г. в Германии оборот в сфере ИТ превысил оборот в автомобильной промышленности [2, с. 7].

Противоречивость проявляется и в том, что те же процессы технологической революции создают условия для новых форм занятости. К ним относятся: удаленная занятость, электронная иммиграция (Electronic immigration). На многих малых и средних предприятиях до 90% работают на дому [1, с. 7].

В качестве «новой волны» цифровой революции рассматривается форма превращения наемных работников в самостоятельных субъектов (Freelans).

Итак, наблюдаются противоречивые процессы, порождаемые новой НТР. С одной стороны, нарастают угрозы масштабной технологической безработицы. С другой стороны, на той же основе возникают условия для новых форм занятости, в том числе и с вытеснением наемной формы труда, о чем подробнее речь пойдет ниже. Закон диалектического противоречия находит здесь свое особенное проявление

В противоречивом процессе тенденция абсолютного сокращения количества рабочих мест проявляется все отчетливее. Нынешняя НТР создает меньше рабочих мест в новых отраслях, чем предыдущие революции. По оценке Программы Оксфорд-Мартин по технологии и занятости, только 0,5% трудовых ресурсов США заняты в отраслях, не существовавших в начале века; менее 8% новых рабочих мест было создано в 80-е гг. прошлого века и 4,5% новых рабочих мест в 90-е гг. [3, с. 51]. Очевидна тенденция сокращения новых рабочих мест.

Более ста лет назад рабочий день длился 12 час. Возникновение новой социально-экономической системы позволило решить проблему технологической безработицы, связанной с двумя предшествующими технологическими революциями, сокращением рабочего дня на одну треть. Пути решения нынешних угроз не столь очевидны.

С позиций капитала занятые работники — это один из внешних ресурсов, а их зарплата — это издержки. Сокращение затрат на заработную плату выгодно и соответствует целевой функции капитала, который не имеет внутренних механизмов и стимулов решения проблем занятости, порожденных новой НТР. Поэтому, в частности, возникают необычные предложения, в том числе и экзотические: ввести налог на роботов и иную технику, вытесняющих людей; признать роботов субъектом правовых(трудовых) отношений и т.п. В вариантах решения одной из острейших проблем становятся рыночная и плановая альтернативы. В варианте рыночной альтернативы от новой НТР выигрывает капитал, теряет большинство общества.

Альтернатива плановой экономики: сокращение рабочего дня, рост и стабилизация занятости. Плановая экономика позволяет ре-

гулировать занятость и потоки доходов с тем, чтобы выгоды от НТР распространялись на большинство общества.

Справедливая для большинства альтернатива решения социальных проблем новой НТР возможна на основе плановой экономики.

Исторические заслуги плановой экономики перед историей очевидны. Но в ней содержится потенциал решения проблем и вызовов, которыми будет сопровождаться новая научно-технологическая революция.

■ Список литературы

1. *Дениел Пинк*. «Нация свободных агентов — будущее работы на самого себя». Grand Central Publishing, 2001.
2. Нг-Политэкономия. 1999. № 14, 5 Октября. С. 7.
3. *Шваб Клаус*. Четвертая промышленная революция. М., 2017.

Г.Г. Чибриков¹

G.G. Chibrikov²

ПЛАНОМЕРНОСТЬ И КОНКУРЕНЦИЯ: ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Planning and competition: conflicting effects

К. Маркс исследовал частнохозяйственный капитализм XIX в. В.И. Ленин анализирует капитализм XX в., когда появился государственный капитализм и государственно-монополистический капитализм. В результате возникла планомерность и появилась возможность преодолеть конкуренцию и рынок. В СССР планомерность была абсолютизирована. Экономисты XXI в. профессора А.В. Бузгалин и А.И. Колганов предложили два подпространства координации. Одно — регулируемое рыночное. Второе — плано-рыночное. Это означает, что планомерность сочетается с рынком. Авторы тем самым предлагают модель, отличающуюся как от неолиберальной, так и от абсолютизирующей экономику от рынка.

Ключевые слова: планомерность, рынок, конкуренция, два подпространства регулирования, система оптимального функционирования экономики.

K. Marx studied private-economic capitalism of the XIX century. V. I. Lenin analyzes the capitalism of the twentieth century, when state capitalism and state-monopoly capitalism appeared. As a result, there was a systematic approach and an opportunity to overcome competition and the market. In the USSR, planning was absolutized. The economists of the XX-1st century, Professors A.V. Buzgalin and A. I. Kolganov, proposed two subspaces of coordination. One-regulated market. The second one is planned and market-oriented. This means that planning is combined with the market. The authors thus propose a model that differs both from the neoliberal one and from the one that absolutizes the economy from the market.

Keywords: planning, market, competition, two subspaces of regulation, system of optimal functioning of the economy.

Макроэкономические аспекты государственных финансов, макроэкономическая политика и общие перспективы развития

В.И. Ленин анализирует капитализм XX в., когда появился государственный капитализм и государственно-монополистический капитализм. В результате возникла планомерность и появилась возможность преодолеть конкуренцию и рынок. Особое значение имеет вывод о том, что «именно это соединение противоречащих друг

¹ Чибриков Георгий Георгиевич, доктор экономических наук, профессор.

² Georgy G. Chibrikov, PhD, Professor.

другу «начал» — конкуренции и монополии — существенно для империализма, именно оно и подготавливает крах, т.е. социалистическую революцию» [4]. Такая постановка вопроса создает впечатление, что социалистическая революция призвана разрешить указанное противоречие путем устранения конкуренции (рынка). Обращает внимание постановка вопроса о народном хозяйстве, организованном как почта. В нем отсутствует рынок. Выводы В.И. Ленина определили развитие планомерной модели развития российской экономики и отторжение рыночных отношений.

Неслучайно, что НЭП был введен в 1921 г., спустя 4 года после Октябрьской революции. Руководство государства полагало, что возможен непосредственный переход к социализму. Возможно, если бы Ленин был жив, он бы использовал государственный капитализм для развития экономики России. В его последних работах никаких указаний на этот счет не содержится. Выводы В.И. Ленина определили развитие планомерной модели развития российской экономики и отторжение рыночных отношений.

Система оптимального функционирования экономики (СОФЭ) впервые подвергла критике абсолютизацию планомерности. Возникли предложения о необходимости использования некоторых элементов рыночной системы и развития «горизонтальных» товарно-денежных (т.е. фактически рыночных) взаимоотношений между предприятиями. СОФЭ получила противоречивую оценку в обществе. С другой стороны, она представлялась в качестве возможного варианта будущего экономического механизма страны. Особое значение в ее разработке придавалось принципу оптимальности. Хотя высказывались сомнения, что реально просчитать аспекты, детали экономического процесса невозможно. Сторонников СОФЭ обвиняли за стремление к учету ограниченности ресурсов и принятию экономических решений, за требование стоимостной оценки считавшихся «бесплатными» природных ресурсов.

Идея использования рыночных отношений получила даже поддержку со стороны правительства страны. Экономическая реформа 1965 г. СССР, проводимая в рамках Золотой Пятилетки 1966—1970 гг. — продолжила ранее начатую политику частичной децентрализации управления предприятиями и «расширение самостоятельности» путем введения для последних показателя прибыльности, большей свободы в распоряжении прибылью, освобождение или смягчение ряда плановых показателей, установленных Госпланом, а также личное стимулирование труда работников [2]. К сожалению, реформа оказалась не в состоянии улучшить состояние экономики России.

Плановая экономика с директивным планированием появиться не может. Она уничтожает рынок. Без рынка и план окажется неэффективным. Поэтому индикативное планирование, основанное на стимулировании, должно преобладать в экономике.

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов полагают самым значительным недостатком советской экономики — ее дефицитность. «К числу негативных в первую очередь следует отнести всесторонний дефицит (причем не только потребительских благ и услуг, но и многих средств производства) и итоговое вырождение, способствовавшее коллапсу всей системы «реального социализма» [1, с. 21]. В действительности главной проблемой было отсутствие рынка и конкуренции, а дефицитность была производной от них. К этому следует добавить, что дефицитность относится не только к товарам, но и уровню денежных доходов населения.

Плановая экономика в СССР сыграла позитивную роль в осуществлении индустриализации, организации военного хозяйства в 1941—45 гг., развитии нефтяной и газовой промышленности. Но она не смогла обеспечить достижение уровня производительности труда, превышающего его при капитализме. Плановая экономика оказалась не в состоянии преодолеть чрезмерную зависимость страны от добычи сырья нефти и газа. Ей не удалось создать станкостроение в стране.

В докладе А.В. Бузгалина и А.И. Колганова предложены два подпространства координации. Одно — регулируемое рыночное. Второе — планово-рыночное. Специфика первого в том, что там царят законы рынка, которые лишь «поддерживаются» и несколько ограничиваются обществом. Последнего — в том, что там сознательно регулируется не рынок, а социально-экономическое развитие. И различие здесь не только в словах: второе подпространство имеет другие, нежели чисто рыночные, (1) цели и критерии прогресса; (2) иных (преимущественно не рыночных по своей природе и мотивации) субъектов регулирования; (3) и иные объекты воздействия — технологические, производственные, социальные, а не только рыночные параметры [1, с. 48—49].

Это означает, что планомерность сочетается с рынком. Авторы тем самым предлагают пойти дальше по сравнению с неолиберальной моделью регулирования рынка.

Механизмы капиталистического рынка не способны привести его к состоянию равновесия. Равновесия, которое характеризовалось бы устойчивостью, стабильными ценами и полной занятостью. А если учесть, что научно-технические революции возникают стихийно и непредсказуемо, задача планирования крайне усложняется. Воспоминания не помогут.

Воспоминание о будущем — что же следует вспомнить? На конференции в Санкт-Петербурге в декабре 2020 г. «Генезис ноономики, НТП, диффузия собственности, социализация общества» выдвигалась идея о переходе к некоммерческой экономике. Современная технологическая революция создает возможности преодоления действия закона стоимости [2].

Однако в реальности планирование будет взаимодействовать с конкуренцией и рынком. Конкуренция имеет специфику. Э. Чемберлин синтезировал два начала: монополию и конкуренцию. Планирование встретится с монополистической конкуренцией [7]. Дж. Робинсон охарактеризовала современную конкуренцию как несовершенную. Планирование деятельности олигополий вряд ли возможно директивно.

Механизмы капиталистического рынка не способны привести его к состоянию равновесия, которое характеризовалось бы устойчивостью, стабильными ценами и полной занятостью. А если учесть, что научно-технические революции возникают стихийно и непредсказуемо, задача планирования крайне усложняется. Воспоминания не помогут.

■ Список литературы

1. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Планирование в экономике XXI века; творчески используя наследие СССР (К столетию Госплана СССР). 2021.
2. Генезис ноономики, НТП, диффузия собственности, социализация общества. Декабрь 2020.
3. Госплан СССР — воспоминание о будущем.
4. *Ленин В.И.* Государство и революция. Соч. Т. 25. С. 398.
5. *Ленин В.И.* Государство и революция. Соч. Т. 25. С. 39.
6. *Ленин В.И.* Седьмая (апрельская) всероссийская конференция РСДРП(б). Т. 24. С. 276.
7. *Чемберлин Э.Х.* Теория монополистической конкуренции (1933): рус. пер. 1959.

С.В. Челак¹

S.V. Chelak²

Л.В. Тарасова³

L.V. Tarasova⁴

ИДЕЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ И РЕАЛИЗАЦИЯ ЕЕ В НАШЕЙ СТРАНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

The Idea of Centralized Economic Planning and its
Implementation in our Country: History and Modernity

В статье рассмотрены этапы, значимые события и основные направления, связанные с централизованным процессом планирования. Рассмотрены вопросы использования в жизни страны инструментов как краткосрочного, так и долгосрочного планирования. Описана система индикативного и селективного планирования. Показано, что государственное планирование сегодня приобретает особое значение. В статье описывается система стратегического планирования в современной России. На основе нормативных правовых источников стратегического планирования рассмотрена система плановых документов, включающая государственные прогнозы и программы стратегического планирования.

Ключевые слова: планирование, государственное регулирование, саморегулирование рыночной экономики, индикативное планирование, селективное планирование, пропорциональность и планомерность.

The article discusses the stages, significant events and main directions associated with the centralized planning process. The issues of using both short-term and long-term planning tools in the life of the country are considered. The system of indicative and selective planning is described. It is shown that state planning today is of particular importance. The article describes the system of strategic planning in modern Russia. Based on the regulatory and legal sources of strategic planning, the system of planning documents, including state forecasts and strategic planning programs, is considered.

Keywords: planning, state regulation, self-regulation of the market economy, indicative planning, selective planning, proportionality and planning.

¹ Челак Светлана Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

² Svetlana V. Chelak, PhD in Economics, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics.

³ Тарасова Людмила Васильевна, старший преподаватель, Санкт-Петербургская Академия постдипломного педагогического образования.

⁴ Lyudmila V. Tarasova, Senior Lecturer, St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education.

Прошло почти два десятилетия со времени основополагающих рыночных преобразований и отказа от наследия советской эпохи, но и сегодня проблема государственного централизованного планирования занимает важное место в современном мире. Сегодняшние условия работы связаны с необходимостью использования инструментов краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного планирования, об этом пишут в своих работах ученые, представители власти, исследователи. Рассматривая инструменты развития практики индустриально-развитых стран, можно увидеть, что часто происходит использование приемов и методов стратегического планирования, которые позволяют достигнуть намеченных результатов и добиться поставленных целей.

В 90-х гг. прошлого столетия произошел отказ от наработанного в советский период времени стратегического планирования, это в свою очередь пагубно сказалось на развитии новой системы хозяйствования и привело к экономическому кризису.

Советскую систему государственного планирования можно разделить на определенные этапы. Рассматривая в динамике систему советского планирования, надо отметить, что она имела пятилетний отрезок времени, у каждого пятилетнего периода были свои достоинства и недостатки. Все отрезки времени конкретизировали цели и задачи государственного планирования. В свою очередь, каждый пятилетний план имел свои отличительные особенности, свойственные его периоду развития, и носил отличительную для своего времени экономическую задачу. Стоящие на каждом этапе задачи базировались на достижениях науки и техники, учитывали назревшие потребности материальной жизни общества. Цель каждого пятилетнего плана преследовала повышение эффективности общественного производства, ускорение темпов научно-технического прогресса.

За пятилетний период времени возможно завершить профессиональный цикл подготовки молодых специалистов с высшим образованием, осуществить в практической деятельности прикладные и фундаментальные исследования. В свою очередь, пятилетние планы конкретизировались, уточнялись в годовых народнохозяйственных планах, строились на законах планомерного развития народным хозяйством.

Инструменты и принципы пятилетнего планирования были позаимствованы такими странами, как Австрия, Аргентина, Италия, Мексика, Франция, Южная Корея, Япония и др., не говоря уже о странах «мировой социалистической системы», воспринявших все основные элементы советской системы управления народным хозяйством.

Каждый период пятилетнего плана отражал свои особенности, базировался на требованиях закона планомерного развития и экономического закона распределения по труду.

Если рассматривать процесс централизованного планирования, то можно выделить несколько значимых этапов (табл. 1).

Главным преимуществом экономики планового типа можно считать ее способность к эффективному распределению ресурсов народного хозяйства, благодаря чему успешно решались национальные задачи и реализовывались крупные проекты. Наша страна, благодаря использованию плановой системы хозяйствования, превратилась из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную страну; смогла планомерно подготавливать квалифицированный кадровый состав для различных отраслей промышленности; выстоять в период Великой Отечественной войны и реализовать целый ряд космических программ.

К недостаткам использования инструментов советского планирования можно отнести хронические диспропорции в распределении ВВП, в целях интересов политического управления государством уделялось большое внимание разворачиванию военно-промышленного комплекса; а межотраслевые диспропорции привели к бедственному положению сельского хозяйства; в конце 80-х гг. быстрыми темпами развилась «теневая» экономика.

У истоков разработки советской системы планирования стояли главным образом революционные деятели: В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, Г.М. Кржижановский, В.В. Куйбышев, С.К. Орджоникидзе, Л.Д. Троцкий, Г.Я. Сокольников и другие авторы.

Большой вклад в систему планирования теории народного хозяйства, теории государственного регулирования, теории оптимального и стратегического планирования внесли такие авторы, как Н.А. Вознесенский, который заложил основы методологии и теории экономики интенсивного типа; Д.Ю. Миропольский, который теоретически осмыслил и писал понятие плана и планомерности. В систему развития методологии планирования и применения экономико-математических методов внесли вклад и такие ученые, как Л.В. Канторович, В.В. Новожилов и другие отечественные ученые.

Л.В. Канторович в своих трудах рассмотрел принципы оптимизации организации и планирования отечественного производства, заложил фундамент теории оптимального планирования, затронул модели оценки морального старения оборудования, а также вопросы разработки производственных программ.

Рассматривая современные условия деятельности в России, касающиеся планирования, надо остановиться на законе о стратегиче-

Этапы централизованной системы планирования

Даты этапов планирования	Значимые события	Основные направления планирования
декабрь 1917 г.	создается первый государственный орган централизованного руководства на народном хозяйством страны	начинается разработка годовых планов с разбивкой по отраслям, а также происходит планирование производства отдельных видов продукции.
1920 г.	создается комиссия с участием ученых, разрабатывается первый перспективный план на 10–15 лет – план ГОЭЛРО. План носит комплексный характер.	разработана стратегия электрификации страны, в которой закладываются первые методологические принципы планирования, приводится анализ экономического положения страны (в целом и по регионам).
февраль 1926 г.	съезд Президиумов государственных планов республик	начало разработки этапов долгосрочного, краткосрочного и текущего планирования. Происходит разработка генерального плана реконструкции народного хозяйства; затем составление пятилетнего плана и разработка текущих планов.
1928–1932 гг.	намечен первый пятилетний план	разрабатываются социально-экономические и территориальные аспекты плана, учитывающие всю совокупность внутренних и внешних условий жизни страны. Разрабатывается производственная программа, которая охватила 50 отраслей промышленности, основывалась на экономическом законе распределения по труду.
1941–1945 гг. Великая Отечественная война	планы разрабатывались наркоматами, Госпланом СССР	планы носят оперативный характер, происходит мобилизация всех ресурсов для победы, в экстремальных условиях решаются стратегические задачи
1946–1950 гг.	четвёртый пятилетний план	восстановление и развитие народного хозяйства СССР: конверсия военной промышленности; восстановление объемов производства в гражданских отраслях, а также осуществление крупных проектов в машиностроении, строительстве, в ядерной сфере деятельности.

Продолжение табл. 1

Даты этапов планирования	Значимые события	Основные направления планирования
50 годы прошлого столетия	развитие научно-технической революции	стабильная внешняя окружающая среда, создание новой концепции управления качеством. В этот период экономика развивается рекордными темпами; начинают применяться методы централизованного директивного планирования, долгосрочное планирование приостановлено.
Смерть И.В. Сталина	было свергнуто несколько крупных проектов, которые могли превратить СССР в передовую цивилизацию	наступает эрозия системы централизованного планирования, система планирования становится неэффективна в условиях быстрого научно-технического развития из-за того, что инициатива на местах требует многочисленных согласований; происходят первые попытки реформ планирования с использованием рыночных механизмов.
1957 г.	правление Н.С. Хрущева – ослабление централизации в планировании; кардинальная реформа управления в стране	происходит резкий переход на территориальный принцип управления, а также уменьшение количества планируемых показателей значительно увеличивается роль территориальных принципов управления.
конец 1964 г.	восстановление отраслевой системы управления хозяйством, Л.И. Брежнев возглавил ЦК партии. Приняты постановления «Об улучшении управления промышленностью» и «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования»	поощряется материальный интерес как стимул общественного производства; значительно расширяется система планирования в методологическом аспекте; происходит переход на хозрасчет, учитывающая местные инициативы; резко возрастает число плановых показателей; в связи со сложившимися обстоятельствами начинают применяться математические методы в системе планирования для решения задач по оптимизации плана.

Продолжение табл. 1

Даты этапов планирования	Значимые события	Основные направления планирования
1979 г.	<p>выходит постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»</p>	<p>происходило расширение применения норм и нормативов при формировании планов: было предложено исчислять экономический рост не по «валовой», а по «чистой» (нормативной) продукции, также предложено определять рост производительности труда по «чистой» (нормативной) продукции. Нормативы также предлагалось использовать при определении фонд заработной платы (норматив на рубль продукции по показателю, применяемому для измерения производительности труда). В этот период намечалось усиление роли пятилетних планов. Государственные планы были нацелены на использование целевых комплексных научно-технических, экономических и социальных программ, а также программ развития отдельных регионов и территориально-производственных комплексов.</p>
1983 г.	<p>выходит Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 659 от 14 июля 1983 г. «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы»</p>	<p>происходит расширение прав предприятий в области планирования труда и заработной платы; возникает необходимость повышения производительности труда и эффективности использования основных фондов, поэтому происходит расширение прав предприятий в области технического перевооружения за счет собственных средств. Расширяется самостоятельность промышленных предприятий, оценочным показателем работы предприятия становится реализация продукции</p>

Окончание табл. 1

Даты этапов планирования	Значимые события	Основные направления планирования
1987 г.	разработан сборник документов «О коренной перестройке управления экономикой»	ставится задача коренной перестройки общественного строя; рассматриваются вопросы перехода от административных методов планирования к экономическим методам. Пленум ЦК КПСС утвердил основные направления перестройки управления экономикой: улучшение работы плановых органов, рассмотрение научной обоснованности планов. Деятельности предприятий основывается на принципах полного хозрасчета и самофинансирования.
1988 г.	принят закон «О кооперации в СССР»	появление огромного числа различных кооперативов: происходит равноправное взаимодействие государственного и кооперативного секторов социалистической экономики; появляется понятие «государственный заказ»; появляются контрольные цифры-ориентир, которые определялись на основе нормативных значений.
1990 г.	принят «Закон о собственности в СССР», «Закон о предприятиях в СССР»	происходит попытка разгосударствления производства через собственность трудового коллектива; происходит разрушение системы взаиморасчетов и взаимопоставок между СССР и «Братскими» странами Восточной Европы. В этот период появились новые организационные формы функционирования предприятий: индивидуальные, семейных, коллективных, акционерных, производственных кооперативов и т.д.

ском планировании, который был принят в 2014 г. В законе рассматривается деятельность участников стратегического планирования по прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития России, субъектов федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности страны, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития.

Сегодня, как никогда остро, перед учеными, экономистами, управленцами, практиками, юристами в России стоят вопросы, связанные с планированием развития экономики нашей страны. В России существует необходимость создания новой системы стратегического планирования. Дискуссия, связанная с теоретическими вопросами планирования, в нашей стране ведется уже давно. Большая часть специалистов-практиков основной недостаток современного планирования видит в отсутствии единой системы макроэкономического планирования. Эта система должна базироваться на универсальной методологии стратегического планирования, в которой все виды планирования были бы увязаны друг с другом.

В современном мире государственное планирование осуществляется с помощью трех основных форм прогнозирования: рациональный прогноз, инструмент выработки социально-экономической политики и индикативный план [3, с. 105]. Первая форма предполагает составление условного прогноза на будущее без всяких мероприятий по реализации этого прогноза; вторая форма есть своего рода модель, на которой отрабатывается взаимозависимость между целями и средствами экономической политики; третья форма представляет собой подобие общенационального документа, принятого благодаря компромиссу между всеми субъектами экономики, в том числе и государства. Именно последняя форма представляет особый интерес, так как является новым и перспективным для России направлением в системе планирования и прогнозирования.

Рассмотрим понятие индикативного планирования и его проявления в зарубежных странах и в России [2, с. 26]:

- ❑ индикативное планирование — это макропланирование при самостоятельности предприятий (Китай);
- ❑ индикативное планирование — это ориентирование частных предприятий на выполнение задач, формулируемых государством (Япония);
- ❑ индикативное планирование — это механизм координации действий и интересов государства и других субъектов экономики (Франция);

- индикативный план содержит обязательные задания для государства и госсектора (Россия).

Понятие индикативного планирования относится к той категории понятий, которые довольно сложно раскрыть, чтобы не упустить чего-то важного и весомого. В самом общем виде индикативное планирование можно представить как совокупность процедур координации процессов макропланирования, мезопланирования и микропланирования. Макропланирование осуществляется на уровне государства, мезопланирование – на уровне региональных и местных властей, а микропланирование присуще предприятиям.

Согласно подходу XX в., индикативное планирование – это сочетание макропланирования и самостоятельности предприятий. С приходом XXI в. понимание данного планирования трансформировалось и формулируется как ориентирование частных организаций на выполнение задач, которые ставит государство. В этом случае основной функцией индикативного планирования является информационно-ориентирующая. И в соответствии с самым новым подходом такое планирование представляет собой механизм, заключающийся в координации действий и интересов как государства, так и других субъектов экономики.

Индикативный план включает формулировки среднесрочных целей развития экономики, прогнозные показатели и тенденции, концептуальные алгоритмы преобразования структурных пропорций. Ключевые разделы плана касаются экономического роста, инвестиций, финансовых потоков, сбалансированности экономики, инфляции и конкуренции. В большинстве случаев стратегические задачи выражаются в конкретных плановых заданиях. Главное содержание плана составляет определение роли государства, в том числе: а) определение основных задач государства в области экономики на плановый период; б) детализацию этих задач применительно к инвестированию и перераспределению государственных доходов с указанием источников финансирования капиталовложений и соответствующих государственных мероприятий.

Сущность индикативного планирования можно определить как механизм координации интересов и деятельности государственных и негосударственных субъектов управления экономикой. Оно сочетает госрегулирование с рыночным и нерыночным саморегулированием экономики и основано на разработке системы показателей (индикаторов) социально-экономического развития. С индикативным планированием связано множество проблем: технологических, финансовых, региональных, демографических, социальных, политических, идеологических и т. д. Поскольку индикативный план – это

прогноз на будущее, для его составления чрезвычайно важно понимать тенденции вхождения мира и России в будущую цивилизацию.

Сегодня угроза стремительного распространения коронавируса оказывает огромное воздействие на бизнес и инвестиционное сообщество по всему миру. Пандемия COVID-19 подвергает глобальные цепочки поставок большому риску, может привести к значительной потере доходов компаний и негативно повлиять на мировую экономику. Это может негативно отразиться на индикативном планировании, так как предвидеть и прогнозировать сегодня довольно сложно. Кроме вышеизложенного, существуют проблемы, оговоренные на 14 Международном форуме по промышленной безопасности: уровень износа основных средств в энергостроительной отрасли находится в пределах 70%, в лесной отрасли основные фонды изношены на 40%. Износ фондов ЖКХ превысил 60%. Системы канализации в России в среднем изношены на 65%. Системы электросетей имеют физический износ в среднем 58%, металлургическая промышленность — 65% [5, с. 213].

Сегодня российские ученые предлагают различные подходы к организации планирования. Так, например, А. Бузгалин и А. Колганов рассматривают селективное планирование, системным качеством которого является определение обществом целей, основных «правил игры» в части регулирования экономики, а государство утверждает эти правила на выбранный период. Условие — рыночно-капиталистическая экономика. Ученые так определяют масштаб селективного планирования: меньше, чем «советский» план, и принципиально больше, чем индикативный план [1, с. 65].

Академик В.М. Полтерович рассматривает «индикативное планирование» как механизм инициации и отбора крупных проектов, а также мощный инструмент улучшения условий ведения бизнеса — укрепления доверия, снижения неопределенности, увеличения горизонта принятия решений и согласования интересов [4, с. 48].

Прямой задачей плана в сегодняшних условиях должна выступать координация использования государственных ресурсов, не претендующих на прямое определение решений хозяйствующих субъектов частного сектора. Планирование должно строиться на принципах консультирования и согласования и включает участие на равноправных началах представителей различных «групповых интересов»: госслужащих, предпринимателей, профсоюзов, союзов потребителей и др. План должен рождаться в результате многоступенчатых итераций, и в его реализации должны быть заинтересованы все участники. Это процесс диалога и согласования, направленный на объединение различных партнеров с экспертами для совместного выявления про-

блем в различных областях и по возможности для предложения конкретных решений. Планирование выполняет, таким образом, информационные функции и влияет на поведение экономических агентов.

■ Список литературы

1. *Бузгалин А., Колганов А.* Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике 21 века // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 63–80.
2. *Ветрова А.Н.* Общегосударственное планирование рыночной экономики: зарубежный опыт // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 3. С. 25–27.
3. *Волкова А.А.* Теоретические аспекты и опыт индикативного планирования социально-экономического развития // Управление консалтинг. 2014. № 4 (64). С. 101–109.
4. *Полтерович В.М.* Стратегия социально-экономического развития. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47). С. 34–56.
5. *Самойлова Л.К.* Структурные элементы системы обеспечения экономической безопасности государства // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 1. С. 211–214.

Раздел 5

ПЛАНИРОВАНИЕ: ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ XXI ВЕКА

В.В. Ворожихин¹

V.V. Vorozhikhin²

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ ЭКОСИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИЕЙ БЛАГОПРИЯТНОГО БУДУЩЕГО СТРАНЫ

Introduction to the Problems of Creating an Ecosystem
Architecture for Managing the Implementation
of a Favorable Future for the Country

В статье рассматриваются новые подходы к формированию конкурентоспособной системы управления развитием и безопасностью страны в условиях индустриальной и цифровой революции, всемирного поиска новой экономической модели и социальной организации общества. Проанализированы текущие тренды развития, состояние экономической науки, возможные подходы к описанию современного мира — мира сложных систем, возможные подходы к формированию управления сложными системами на основе данных. Обоснована необходимость проведения комплексных исследований для управленческих решений. Сформированы представления о современной мультисетевой организационной структуре и формировании новой архитектуры, пригодные для управления новой экономической моделью развития и безопасности страны.

Ключевые слова: цифровая и индустриальная революции, возможности и риски развития, трансформация рынков, глобальные экосистемы, новая экономическая модель, управление на основе данных, архитектура экосистемы управления.

The article discusses new approaches to the formation of a competitive management system for the development and security of the country in the context of the industrial and digital revolution, the worldwide search for a new economic model and social organization of society. Analyzed the current development trends, the state of economic science, possible approaches to describing the modern world — the world of complex systems, possible approaches to the formation of management of complex systems based on data. The necessity of conducting complex research for management decisions has been substantiated. The ideas about the modern multi-network organizational structure and the formation of a new architecture, suitable for managing the new economic model of the country's development and security, have been formed.

Keywords: digital and industrial revolution, development opportunities and risks, transformation of markets, global ecosystems, new economic model, data-driven management, management ecosystem architecture.

¹ Ворожихин Владимир Вальтерович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова.

² Vladimir V. Vorozhikhin, Candidate of economics science, Leading Researcher at Plekhanov Russian University of Economics.

О современном мире и новых трендах его развития

Мы — все человечество — живем неправильно, а наше общество несовершенно — и для установления этого факта не нужны глубокие стратегические исследования: мы покупаем излишние, ненужные и негодные продукты, которые выбрасываем, губим природу. Огромное количество людей занято службой в аппаратах принуждения, распространением наркотиков и сектантских учений, мошенничеством по производству поддельных товаров и услуг ненадлежащего качества. Наши элиты утратили высокоморальный облик эпохи дворян и не заняты ни просветительской деятельностью, ни созданием разумного-доброего-вечного. Современные элиты определяются как группы лиц, способных оказывать влияние на принимаемые решения, целями их деятельности становятся личное влияние, нажива и защита интересов кланов элит. Наиболее влиятельные элиты многие годы заняты поглощением всех существующих выгод научно-технологического развития, достижением мирового господства и ограничением численности населения планеты.

Кризис либерализма и капитализма сегодня признан во всем мире: «люди любых политических взглядов могут об этом говорить, потому что они видят в мире и неоконсерватизм, и правый поворот, и разрыв между элитами и народом, и различные политические кризисы» [1].

Конечно, человечеству пока удалось выжить в условиях существования ОМП, «Больших вызовов» и глобальных кризисов, но количество новых проблем, для которых непригодны решения из прошлого, быстро растет во всех сферах — от экологии до культуры.

Современный мир в период пандемии существенно ускорил свое продвижение в цифровое будущее. Дистанционным стало образование, происходит трансформация бизнес-моделей. При этом выгодополучателями от внедрения цифровых технологий стали крупнейшие компании — в допандемический период 70% бизнес-организаций развитых стран не смогли получить доходы от цифровизации их бизнеса. Современная экономика стала трансграничной, как и информационные системы, а глубина проникновения достигла уровня персоналий.

Отличительной особенностью современного этапа мирового развития является значимый рост возможностей развития, сопряженный с ростом кризисных явлений и рисков. Традиционные подходы управления, экономики, управления рисками и обеспечения безопасности становятся принципиально неэффективными. Мир находится в поиске новых социально-экономических моделей.

О кризисе экономической теории экономисты говорят практически с момента становления экономики как научной дисциплины. Современный мир стал сложным и многосвязным. Экономика стала многоуровневой и многомерной, развитие которой сопряжено с непрерывно появляющимися новыми рисками. К 2021 г. экономисты рассматривают более 10 уровней экономики: мира, мировых регионов и интеграционных объединений, стран, макрорегионов, регионов, отраслей, муниципальных образований, предприятий, малых предприятий и групп, домохозяйств, экономку персоналий.

Цифровая революция ставит новые проблемы, которые не существовали в прошлом.

Мир сложных систем не позволяет использовать традиционные статистические модели и модели «черного ящика», в которых не отражается структура экономики: каждый из экономических уровней и даже крупных агентов становится активным субъектом, имеющим собственные интересы и принимающим собственные решения, в том числе о доступности информации о нем.

Потеря структуры ведет к потере прогностической способности — другими словами, экономика откатывается на позиции преднауки. Цифровая революция, в рамках которой компьютер (робот, ИИ) превращается из инструмента в партнера, ведет к дальнейшему увеличению сложности экономических представлений и связности уровней экономики.

Традиционная экономическая наука, не успевая за переменами и пытаясь спрятаться за турбулентностью, в новых условиях откатывается на позиции преднауки. Еще одним свидетельством возврата на этап преднауки становится затруднение с интерпретацией результатов модельных расчетов.

Наш мир уже превратился в сложную человеко-компьютерную систему, сохраняющую локальные научно-технологические, социально-экономические, ценностно-культурные и иные особенности. Многие традиционные механизмы, например принцип декомпозиции, становятся неработоспособными — необходимы иные принципы описания сложного мира, не теряющие множество связей между сущностями.

Пока мы не в состоянии выделить вклад управленческих воздействий из тренда развития, наше управление сложно признать научно обоснованным. Разнообразие, выражаемое в гамме названий (администрирование, менеджмент, говерненс, управление), требует упорядочивания и учета динамики применяемых подходов и технологий. Соотношение сложности системы управления и объекта управления, соотношение управления и самоуправления, субъект-субъектный

подход к управлению сложными системами не разработаны. Важнейшим нерешенным вопросом является уровень реализации управленческих воздействий. У Медведева он достигал временами 4%. Свои позиции утрачивает и подход стратегического планирования с последовательным управленческим циклом. Необходимостью становится переход к многоконтурному стратегическому управлению, которое требует актуализации, корректировки пересмотра всех управленческих процессов совместно и одновременно при обнаружении невязки в любом из контуров управления.

Современный аппарат не годится для описания сложного, многомерного, многоуровневого и многосвязного мира. В непрерывной динамике находится вся система определений, задающая программы исследований, структура мироустройства, формирующая видение, критерии оценки, требующие соответствующей корректировки систем показателей для мониторинга изменений.

С современных позиций возможность отделить технологическую сферу от социальной связана с неудачными ограничениями, при этом теряются важные связи и взаимовлияния этих сфер. Роль социального восприятия политик и доверия непрерывно возрастает. Исчезли расстояния и границы, языковые барьеры; плотность коммуникаций, сложность связности и разнообразие непрерывно растут при выборе решений на каждом уровне социетальных систем.

Сегодня проблемы в экономике и управлении определяются не качеством линий связи, компьютеров, наборами данных — возникает вопрос о научной, аналитической готовности человечества к управлению сложным миром больших систем.

Современная парадигма стратегического планирования умирает. Слишком сложным стал мир для традиционных описаний и управленческих подходов, слишком много рисков и неопределенностей, непрерывных трансформаций оказывают разрушающее влияние на простые и понятные подходы прогнозирования и управления. Исследования становятся важнейшим инструментом принятия сложных управленческих решений в мире сложных систем.

Современная трансформация мироустройства охватывает все сферы деятельности человека, а экономическая в современных условиях пока откатывается на позиции преднауки, деятельность 400 тыс. экономистов и 2 млн управленцев России, опирающаяся на устаревшие мифы времен индустриального периода развития, оказывается сомнительной, а отстающая экономической безопасности превращается в формирование системы экономической опасности.

Смещенность экономических оценок затрагивает основательность научно-технического развития и формирования стратегий развития

и безопасности. Необходимо незамедлительное завершение исследований для формирования инструмента управления сложными системами и создания конкурентоспособной экономики России.

Попытки использования традиционных подходов в условиях роста глубины трансграничных влияний до уровня персоналий обречены на неуспех: идет борьба за доверие персоналий.

Новые подходы к формированию систем управления на основе данных

Дж. Байден во Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности отметил [2]: «Я считаю, что мы находимся в разгаре исторической и фундаментальной дискуссии о будущем направлении нашего мира. ... Мы должны доказать, что наша модель не пережиток истории; это единственный лучший способ реализовать обещание нашего будущего».

К. Шваб на Давосском форуме 2020 г. предлагает вернуться к капитализму заинтересованных сторон — системы, в которой корпорации ориентированы на обслуживание интересов всех своих заинтересованных сторон. Среди основных заинтересованных сторон — клиенты, поставщики, сотрудники, акционеры и местные сообщества. В рамках этой системы цель компании состоит в создании долгосрочной стоимости, а не в максимизации прибыли и повышении акционерной стоимости за счет других групп заинтересованных сторон [3]. Сторонники капитализма заинтересованных сторон, такие как экономист Джозеф Стиглиц, в противовес другому лауреату Нобелевской премии, Милтону Фридману, считают, что он должен заменить приоритет акционеров как принцип корпоративного управления [4]. В августе 2019 г. круглый стол деловых кругов опубликовал новое Заявление о целях корпорации, в котором говорится, что все его компании-члены разделяют фундаментальные обязательства перед всеми своими заинтересованными сторонами. Профессор Клаус Шваб, основатель и исполнительный председатель ВЭФ и давний сторонник теории заинтересованных сторон, считает, что «Люди восстают против экономических "элит", которые, по их мнению, предали их...» ВЭФ обновил свой Давосский манифест, свод принципов, лежащих в основе мероприятия, впервые за более чем 40 лет. Теперь он прямо заявляет наверху: «цель компании — вовлечь всех заинтересованных лиц в совместное и устойчивое создание стоимости» и говорит, что компании должны не допускать коррупции, защищать права человека и платить свою справедливую долю налогов.

Анализируя постпандемическую ситуацию, специалисты WEF и Deloitte совместно приходят к выводу о том, что «Возможности новой четвертой промышленной революции технологии, развернутые надлежащим образом, должны использоваться в качестве основы для переосмысления того, как нам работать в новом контексте: каким путем государственные службы, образование и здравоохранение взаимодействуют с бизнесом и обеспечивают ценности для его клиентов» [5].

Японские специалисты, анализируя перспективы развития цифровых технологий, разработали концепцию Общества 5.0 [6], к реализации одного из направлений его развития, связанного с созданием человеко-ориентированной экономики [7], уже приступила Республика Казахстан [8].

Поиск путей создания систем управления на основе использования данных, а в последние годы — Больших данных, осуществляется странами и крупными экономическими агентами достаточно давно. Большие Данные позволяют достичь большей эффективности регулирования, в том числе при поддержке создания и отбора проектов.

Система социального кредитования [9] (социального доверия, социального рейтинга) Китая является важной частью видения Си Цзиньпина перспективной системы управления на основе данных. Система социального кредитования — очень гибкий инструмент, который можно быстро применить для решения новых вопросов и создания новых организационных, социальных, экономических и управляющих систем.

Платой за гибкость системы становится фрагментация: меняющееся поле регулирования описывается тысячами документов, но нет четкого определения «кредита», и существуют существенные региональные различия в стандартах реализации и оценки.

Частный технологический сектор по-прежнему исключен из развития официальной системы социального кредитования. Но платежные и потребительские платформы, такие как Sesame Credit от Alibaba, создали свои собственные инициативы по рейтингу доверия.

Социальная Кредитная Система (Social Credit System — SoCS) Китая — один из краеугольных камней поисков китайского государства эффективного управления на основе данных. Первый этап ее строительства 2014–2020 гг. завершен, второй этап ее строительства развернется в рамках 14-й пятилетки в 2021–2025 гг. Создание системы отражает стремление Си к более современному и эффективному правлению и его развитие останется приоритетом в ближайшие годы.

Государственное участие будет и дальше наращиваться, оптимизироваться и интегрировать деятельность по цифровому мониторингу и наблюдению.

Экосистема управления цифровыми экосистемами и глобальной экономикой

Однако для сложного мира нужны более сложные решения. Неэффективными становятся привычные организационные формы иерархии и рынка, на смену которым приходит мультисеть, охватывающая все пространство знаний от глобальных до персональных.

Мультисеть — система сетей, объединяющая по интересам (целям) более высокого уровня множество локальных сетей, в которых элементы могут интегрироваться по локальным интересам. В результате деятельность разных сетей может быть разнонаправленной, но работающей на общую цель высокого порядка. Основа генезиса мультисети — национальная сеть университетов. Университеты в современных условиях обречены на конкурентное партнерство.

В рамках данной статьи мы рассматриваем следующие предлагаемые мультисети:

- ❑ глобальных знаний и международных обменов знаниями, позиционирования на глобальных рынках образовательных услуг и в цепочках глобальных ценностей и добавленной стоимости, формируемых в рамках глобальных структурных бизнес-процессов;
- ❑ национальную сеть университетов с учетом существующих видов университетов, к которым относятся федеральные университеты (10), национальные исследовательские университеты (29), опорные университеты (51), а также вузы остальных организационных форм — всего 724 единицы;
- ❑ исследований, интегрирующих научные лаборатории фундаментальных и прикладных исследований (ЛФИ и ЛПИ), вычислительные и живые лаборатории (ВЛ и ЖЛ);
- ❑ поддержки исследований и реформ, интегрирующих центры управления знаний (ЦУЗ), интеллектуальные репозитории (ИР), многофункциональные культурные центры (МФКЦ), центры непрерывного инклюзивного образования (ЦНИО).

Мультисети позволяют сформировать пространство современных супердисциплинарных (меж-, транс, кросс-, мультидисциплинарных) знаний, используя компьютерные сети и вычислительные лаборатории интегрированной человеко-компьютерной системы (ЧКС).

Комплексная оценка эффективности — многовекторная, многоуровневая и мультисетевая оценка последствий трансформации сложной системы, учитывающая непосредственные и внешние эффекты трансформации системы, изменение потенциалов ее элементов и подсистем и позиционирования в глобальных цепочках знаний, информации, стоимости и ценности.

Сегодня с учетом супердисциплинарности можно выстроить новую систему классификации исследований, восстанавливающих целостность научного знания на основе ранее выполненных исследований. Необходимостью становится проведение повторных, сетевых, непрерывных и трансформационных исследований, а также исследований будущего.

Исследования становятся основанием формирования системы управления на основе данных (вычислимого управления), которое, в соответствии с парадигмой трансформационной оценки Д. Мертенс, должно отражать общие мировоззренческие основы критериев оценки, аксиологические, онтологические, гносеологические и методологические основания формирования критериев оценки.

Потребителем знаний становятся управленческие структуры, поскольку исследования для подготовки, принятия и реализации решений требуют своей специфики, отражая научно обоснованные ответы на вопросы существования альтернатив и создания соответствующих сценариев, принципов выбора лучших сценариев с учетом рисков, выбора и реализации систем мероприятий по формированию ядра трансформации, выделения ресурсов и управления реализующимися рисками.

Новой задачей системы управления становится не только распределение благ и доходов, но также распределение возможностей развития и рисков. Риски новых технологий, ложных знаний и неверного использования знаний приводят к экономической нестабильности, новым формам информационной и социальной дискриминации, углублению неравенства, экологическим проблемам.

Предлагаемая архитектура экосистемы управления развитием и безопасностью позволяет отказаться от упрощенных средовых подходов, при которых регулирование нарушает интересы определенных социальных групп. Мультисетевой подход позволяет власти выстроить персонифицированное взаимодействие с населением страны, формируя поиск и поддержку взаимовыгодных проектов и условий их реализации с учетом личных ценностей и интересов для гражданина и государства.

■ Список литературы

1. Кризис либерализма. URL:<https://www.svoboda.org/a/28764923.html> (дата обращения: 17.05.2021).
2. Interim National Security Strategic Guidance, The White House, Washington, Mar 2021, P. 24.

3. What is stakeholder capitalism? <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/klaus-schwab-on-what-is-stakeholder-capitalism-history-relevance/>
4. *Joseph E. Stiglitz* Is Stakeholder Capitalism Really Back? //project syndicate, 27/08/2019. URL <https://www.project-syndicate.org/commentary/how-sincere-is-business-roundtable-embrace-of-stakeholder-capitalism-by-joseph-e-stiglitz-2019-08?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 17.05.2021).
5. Global Technology Governance Report 2021: Harnessing Fourth Industrial Revolution Technologies in a COVID-19 World, WEF In Collaboration with Deloitte, Insight Report, December 2020, P. 67.
6. The 5th Science and Technology Basic Plan, Government of Japan, January 22, 2016, P. 74.
7. Future Services & Societal Systems in Society 5.0. Held on Monday, November 7, 2016, CRDS-FY2016-WR-13: Center for Research and Development Strategy, Japan Science and Technology Agency, P. 226.
8. Концепция развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года (утв. Указом Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 г. № 522).
9. Katja Drinhausen and Vincent Brussee China's social credit system in 2021, Merics China Monitor, March 3, 2021, P. 25.

Д.В. Диденко¹

D.V. Didenko²

ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ОПЫТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НАУКИ И ГОСУДАРСТВА В ПРОЦЕССАХ ПЛАНИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ^{3*}

Approaches to the Analysis of Interaction between
Academic Research and Political Power in Processes
of Planning under Market Economy Environment

Подходы к анализу взаимодействий представителей научно-экспертных сообществ и государственных властей в процессах планирования национальной экономики определяются на основе теоретической литературы, страновых и компаративных исследований, официальных электронных ресурсов государственных, научных и экспертных организаций ряда зарубежных стран с рыночной экономикой. Приводятся страновые примеры институционализированных практик, в рамках которых происходили соответствующие взаимодействия. Предложены классификация субъектов и критерии эффективности их взаимодействий. В развитие исследовательской программы ставятся задачи для дальнейшей разработки.

Ключевые слова: экономика развития, институциональная экономика, политическая экономика знаний, мозговые центры, бюрократия.

The approaches to the analysis of interactions between representatives of academic and expert communities, and government authorities in the processes of national economy planning are defined on the basis of the theoretical literature, country and comparative studies, official electronic resources of government, academic and expert organizations of a number of countries with market economies. Relevant country cases of institutionalized practices are presented, within which such interactions have taken place in the field. Classification of the subjects and criteria of their interaction effectiveness are proposed. As a development of the research program, the tasks are set for further investigation.

Keywords: development economics, institutional economics, political economy of knowledge, think tanks, bureaucracy.

¹ Диденко Дмитрий Валерьевич, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

² Dmitry V. Didenko, Doctor of Economics Science, Candidate of history science, Leading Researcher, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00680 «Исследование институциональных механизмов взаимодействия науки и управления экономикой в СССР (середина 1950-х — конец 1980-х гг.) в контексте развития системы стратегического планирования в государственном секторе экономики РФ».

Формирование системы стратегического планирования в Российской Федерации в условиях преобладания рыночного сектора экономики определяет актуальность изучения соответствующего опыта зарубежных стран. Среди них выбраны те, в которых (особенно в период после Второй мировой войны) широко использовались инструменты индикативного планирования, планирования развития, программного управления национальной экономикой.

В парадигме экономики развития планирование может рассматриваться как ключевой инструмент реализации стратегий догоняющего развития отдельных стран, средство преодоления институциональных «ловушек отсталости». В классической парадигме речь идет о ранних стадиях индустриализации, однако отставание от лидеров может возникать и на более поздних этапах индустриального развития в результате неблагоприятных эффектов системных экономических кризисов, провалов государственной политики, военных конфликтов и социальных потрясений.

В свете институциональной экономики планирование реализуется через сосредоточение принятия решений о распределении ограниченных ресурсов в едином центре в целях сокращения транзакционных издержек, связанных с конфликтами интересов, конкуренцией и неполнотой информации у множества экономических агентов [3, с. 217].

Формулируя подходы к анализу взаимодействий представителей научно-экспертного сообщества и государственной власти в процессах планирования, мы опираемся на работы [8, 7], содержащие политико-экономический анализ роли сообществ ученых и экспертов в формировании государственной политики в условиях определенных «интеллектуальных режимов». В более ранних работах [11, 10] введен один из ключевых используемых нами концептов — «государство развития».

Поскольку среди сторонников планирования консенсусным является понимание того, что в его основе должны лежать научные подходы, методы и рекомендации, для принятия таких решений соответствующим управленческим структурам требуется поддержка со стороны научного и экспертного знания. С этой целью внутри государственных структур формируются исследовательские подразделения, научные и экспертные советы. Но по мере усложнения национальной экономики и управленческих процессов такая поддержка все больше осуществляется за счет аутсорсинга специализированных, обладающих доверием и в той или иной степени аффилированных с государством научно-исследовательских, экспертно-аналитических структур («мозговых центров», также называемых «фабриками мысли»).

Таким образом, ученые и эксперты становятся субъектами политического рынка. В то же время из неонинституциональной теории политических рынков [1, 2] следует, что субъекты принятия политических решений могут в той или иной мере игнорировать научно обоснованные рекомендации, направленные на максимизацию общественного благосостояния, а проводимая ими экономическая политика не соответствует критериям оптимальности.

Важнейшие критерии результативности и эффективности взаимодействий институтов, обеспечивающих реализацию указанных выше целей и задач, могут быть сформулированы следующим образом:

- рост валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения и индекса человеческого развития (ИЧР) как ключевых индикаторов экономического и социального развития в относительном выражении (сокращение разрыва с лидером, среднемировым уровнем);
- сохранение устойчивости институциональной системы;
- способность институциональной системы к эволюции.

Взаимодействие представителей научного сообщества и государственной власти в процессе индикативного планирования, планирования развития, программного управления национальной экономикой в референтных странах оказалось более эффективным, чем в СССР. Об этом, в частности, свидетельствует относительная динамика ключевых показателей их экономического и социального развития (рис. 1, 2).

Приводимые ниже примеры институтов, в рамках которых происходили соответствующие взаимодействия, демонстрируют признаки результативности и эффективности по другим критериям.

Из стран Западной Европы во Франции индикативное планирование в системе инструментов «дирижистской» экономической политики применялось наиболее последовательно и длительно. К середине 1960-х гг. установилась практика, при которой на стадии разработки плана подключался совещательный орган с широким представительством групп интересов, среди которых были и ученые; разработанный проект поступал на рассмотрение консультативных советов также с участием ученых. Крупным этапом было внедрение эконометрического моделирования в 1971–1975 гг., заказчиком которого выступал государственный орган планирования, исполнителем — государственная научно-исследовательская структура. Важными направлениями ее деятельности выступали обеспечение систематизированности прогнозов и анализ эффектов экономической политики.

Я. Тинберген (первый лауреат Нобелевской премии по экономике, 1969 г.) в 1945–1955 гг. организовал в Нидерландах работу Цент-

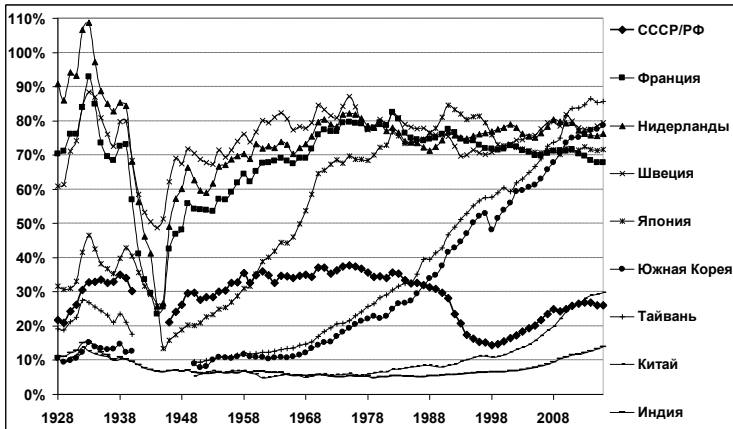

Рис. 1. ВВП на душу населения стран выборки относительно США.
Источник: [14]; по ППС 1990 г.

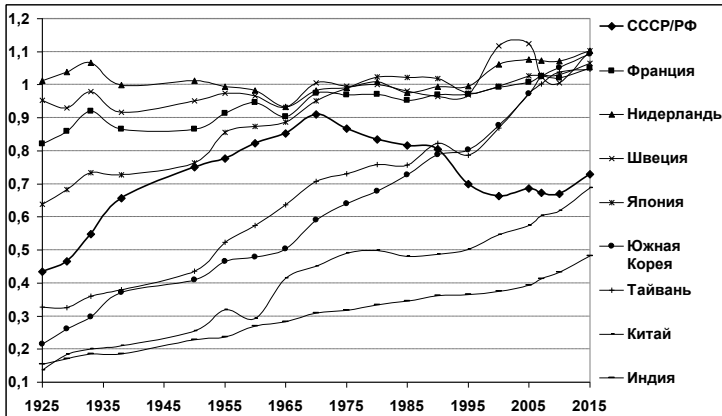

Рис. 2. ИЧР стран выборки относительно США.
Источник: [21]; по историческому ИЧР

рального бюро по планированию. Прогнозы этого «мозгового центра» при Министерстве экономики приобретали нормативную силу, ограничивая бюджетные полномочия Министерства финансов [6, р. 20]. Эти прогнозы были основаны на разработанных Я. Гин-бергеном динамических моделях макроэкономической политики

в условиях бизнес-циклов [9, р. 318–321]. Этот «мозговой центр» по-прежнему разрабатывает прогнозы, которые являются основой для принятия решений в области фискальной политики [19].

Г. Мюрдаль (лауреат Нобелевской премии 1974 г.) на протяжении значительной части своей жизни выступал одновременно в роли публичного интеллектуала и политика, проектировавшего в Швеции национальную модель государства всеобщего благосостояния: в 1930-е г. сочетая парламентскую и академическую карьеры, в 1945–1947 гг. являясь министром торговли страны, в 1947–1957 гг. — исполнительным секретарем Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН) [18]. На этом посту он способствовал распространению характерной для 1930–1960-х гг. глобальной тенденции планирования экономики с национального на международный уровень.

Среди стран Восточной Азии важнейшим фактором успешного догоняющего развития Японии отмечается создание эффективного «государства развития», основная роль в котором отводилась ведомственной бюрократии (в веберовском понимании), формируемой и функционирующей по меритократическим принципам [11]. В этой системе государственного управления функционировала широкая и устойчивая сеть консультативных советов с участием ученых. В литературе указывалось, что спрос со стороны властных структур определялся не столько потребностью в их специфически научных компетенциях, сколько в использовании эффектов доверия со стороны широких слоев общества: известные ученые выполняли функции «витрины» и «связей с общественностью» [22, р. 91–109]. Во многом это является следствием высокого социального статуса научного знания, которое рассматривается как беспристрастное выражение интересов всего общества, а не отдельных групп. В то же время важным инструментом влияния этих ученых на формирование экономической политики являлись их неформальные рекомендации в отношении принятия на работу и продвижения по службе младшего исследовательского персонала [22, р. 98–100].

В Южной Корее были созданы полномочные органы, разработавшие и контролировавшие выполнение 7 пятилетних планов «государства развития» (1962–1992 гг.). В первую очередь это Комитет по экономическому планированию, с 1961 г. координировавший работу министерств финансово-экономического блока [5, р. 99–100]. Конкурировавшим институтом являлся секретный Совет по планированию тяжелой и химической промышленности при президенте (1973 г.). Выбор технологий для развития этих отраслей осуществлялся плановиками в более тесном взаимодействии с предпринимателями, чем с экономистами и инженерами [10, р. 76–90, 94–97].

В 1971 г. был создан Корейский институт развития, занявший центральное место среди исследовательских центров (17). Его руководитель назначался президентом Республики по представлению руководителя Комитета по экономическому планированию. Этот центр служил источником экспертизы и рекомендаций в сфере экономической политики путем привлечения к работе преимущественно корейцев, обладавших иностранными дипломами, и оплаты ученых на уровне мировых стандартов. К концу 1970-х — началу 1980-х гг. ведомства стали создавать собственные исследовательские и аналитические подразделения, во многом зарезервировав за собой отраслевую часть [5, р. 101–103].

В Китае для начального периода перехода от директивного планирования к планированию развития было характерно усиление полномочий центрального планового органа и укрепление технологического и институционального качества плановой системы, которое оценивалось как низкое в дореформенный период [10, р. 157–159, 165].

В процессе подготовки и утверждения пятилетних планов, который занимает более 2 лет, происходит несколько кругов обсуждения с участием разных заинтересованных сторон (в том числе исследовательских организаций, отдельных ученых) [10, р. 633–634].

Кроме того, в последние десятилетия в Китае наблюдаются процессы институционализации системы исследовательских центров для формирования экономической политики [13]. Их сотрудники становятся советниками высшего государственного руководства, начиная с Цзян Цзэмина. Публичные интеллектуалы, особенно получившие ученые степени за рубежом, рассматриваются как почти равные партнеры, кандидаты на посты в правительственных структурах [13, р. 3]. При этом партийно-государственные деятели стремятся получить академические позиции до и после ухода со своих постов.

В Тайване ключевые ведомства (Совет по экономическому планированию и развитию, Министерство экономики) отчасти унаследовали экспертизу ученых и специалистов материковой Китайской Республики (до 1949 г.), среди которых доминировали инженеры, а не экономисты [12]. В формировании промышленной политики экономистам принадлежала большая роль, но денежно-кредитной — меньшая [10, р. 38, 60]. Для Тайваня в большей степени, чем для Южной Кореи, была характерна повышенная роль американских экспертов и ученых по сравнению с местными специалистами [10, р. 135–137].

В Индии Комиссия по планированию, которую возглавлял премьер Дж. Неру, в 1950-е гг. стала министерством с мегаполномочиями, привлекавшим к работе ученых и экспертов в составе специального комитета. Значительная роль в формировании экономической

политики принадлежала Комитету по научным и промышленным исследованиям [15].

Крупный ученый-математик П.Ч. Махаланобис стал основателем и директором Индийского статистического института, функционировавшего как «мозговой центр» разработки планов развития национальной экономики. В 1955–1967 гг. он также входил в руководство Комиссии по планированию. В основу разработки второго пятилетнего плана Индии (1956–1961 гг.) он положил двухсекторную модель роста на основе повышения нормы накопления (аналогичную модели Г.А. Фельдмана [4], обосновывавшую ускоренную индустриализацию СССР). Положив начало применению в планировании компьютеров, импортированных из Западной Европы, США и СССР, П.Ч. Махаланобис отстаивал приоритет гражданских целей перед военными [16].

С проведением прорывных реформ в 1990-е гг. существенно модифицировалась роль Комиссии по планированию, преобразованной с 2015 г. в Национальный институт трансформации Индии (NITI Aayog): в последнее время усилились ее функции «мозгового центра» отраслевой экспертизы [20].

Таким образом, во всех рассматриваемых странах системы планирования показали способность к реформированию, избежав демонтажа или хаотичного распада. В значительной степени решив задачи восстановительного роста и догоняющего развития, государственные институты планирования были существенным образом модифицированы за счет усиления функций центров прикладных научных исследований, стратегического анализа и отраслевой экспертизы для поддержки принятия решений в сфере экономической политики.

На основе приведенных примеров институциональных взаимодействий можно указать следующих его основных субъектов.

Со стороны научного сообщества:

- отдельные выдающиеся известные ученые;
- ученые в роли высших государственных служащих и советников при высшей ведомственной бюрократии;
- университеты;
- профессиональные организации научного сообщества;
- организованные исследовательские группы при государственных структурах;
- экспертные и консультативные советы при государственных структурах;
- исследовательские и экспертные подразделения в государственных структурах.

Со стороны государственной власти:

- высшее политическое руководство;

- ❑ высшая экономическая бюрократия;
- ❑ высшая ведомственная бюрократия (руководство ведомств);
- ❑ экономическая бюрократия среднего звена (государственных и зависимых от него корпораций).

В развитие данной исследовательской программы важной представляется разработка следующих задач:

- ❑ уточнение единой классификации субъектов институциональных взаимодействий, которая была бы релевантной для указанных референтных стран, СССР и современной РФ;
- ❑ сопоставление описанных примеров с аналогичными институтами в СССР (в первую очередь в организации перспективного планирования и долгосрочного прогнозирования развития экономики);
- ❑ обобщение и типологизация правил и практик взаимодействия в сфере выработки, принятия и реализации рекомендаций по проведению экономической политики;
- ❑ формализация моделей описанных институциональных взаимодействий, в том числе страновых.

Их решение имеет принципиальную важность в контексте поиска ответа на основной актуальный вопрос: какие институты индикативного и директивного планирования могли бы оказаться работоспособными в условиях современной России.

■ Список литературы

1. *Афонцев С.А.* От исследований к рекомендациям: политико-экономический алгоритм // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 3. С. 192–198.
2. *Афонцев С.А.* Политические рынки и экономическая политика. М.: КомКнига, 2010.
3. *Диденко Д.В.* Опыт государственного стратегического планирования в СССР в теоретических и эмпирических исследованиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 211–228.
4. *Фельдман Г.А.* К теории темпов народного дохода // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 146–170; № 12. С. 151–178.
5. *Aymes J.F.L.* Formation and Evolution of the Knowledge Regime and the Development Process in Korea // Korean Studies. 2014. Vol. 38. P. 91–123.
6. *Bos F.* The Dutch Fiscal Framework: History, Current Practice and the Role of the Central Planning Bureau // OECD Journal on Budgeting. 2008. Vol. 8. № 1. P. 7–48. <https://www.oecd.org/governance/budgeting/41823725.pdf>.

7. *Campbell J.L., Pedersen O.K.* Policy ideas, knowledge regimes and comparative political economy // *Socio-Economic Review*. 2015. Vol. 13. № 4. P. 679–701. <https://doi.org/10.1093/ser/mwv004>.
8. *Campbell J.L., Pedersen O.K.* The National Origins of Policy Ideas: Knowledge Regimes in the United States, France, Germany and Denmark. Princeton: Princeton University Press, 2014.
9. *De Wolff P., van der Linden J.T.J.M. Jan Tinbergen: A quantitative Economist* // *Review of Social Economy*. 1988. Vol. 46. № 3. P. 312–325.
10. *Developmental States and Markets in East Asia: An Introduction* // *Developmental States in East Asia* / Ed. by G. White. Houndmills — London: Macmillan Press, 1988.
11. *Johnson C.* MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. — Stanford (CA): Stanford University Press, 1982.
12. *Kirby W.C.* Continuity and Change in Modern China: Economic Planning on the Mainland and on Taiwan, 1943–1958 // *The Australian Journal of Chinese Affairs*. 1990. № 24. P. 124–136.
13. *Li C.* China's New Think Tanks: Where Officials, Entrepreneurs, and Scholars Interact // *China Leadership Monitor*. 2009. № 29. <https://www.hoover.org/sites/default/files/uploads/documents/CLM29CL.pdf>.
14. Maddison Project Database, version 2018. Bolt J., Inklaar R., de Jong H., van Zanden J.L. Rebasing 'Maddison': New income comparisons and the shape of long-run economic development. Maddison Project Working Paper 10. <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2018>.
15. *Maiti S.* Council of Scientific and Industrial Research, and National Planning, 1947–1958 // *Proceedings of the Indian History Congress*. 2013. Vol. 74. P. 1019–1024. <https://www.jstor.org/stable/44158908>.
16. *Menon N.* 'Fancy Calculating Machine': Computers and planning in independent India // *Modern Asian Studies*. 2018. Vol. 52. № 2. P. 421–457. <https://doi.org/10.1017/S0026749X16000135>.
17. *Mo J.* Think Tanks and Good Governance: The KDI Story // *HGCY Working Paper N 05-04*. 2005. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.802384>.
18. *Myrdal G.* Lecture to the memory of Alfred Nobel, March 17, 1975. <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1974/myrdal/biographical>.
19. Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis (CPB). <http://www.cpb.nl/en/about-cpb>.
20. NITI Aayog: Overview. <https://niti.gov.in/content/overview>.
21. Prados de la Escosura L. World Human Development: 1870–2007 // *Review of Income and Wealth*. 2015. Vol. 61. № 2. P. 220–247. <https://doi.org/10.1111/roiw.12104> (данные: <http://espacioinvestiga.com/inicio-hihd/>, доступ через: <http://www.frdelpino.es/>).
22. *Tsurutani T.* Academics in Japan's Advisory Council System: The Ambiguity and Danger in their Role // *Administration & Society*. 1986. Vol. 18. № 1. P. 91–109.

Н.Д. Елецкий¹

N.D. Eletsky²

А.Д. Чистяков³

A.D. Chistyakov⁴

ПЛАНИРОВАНИЕ ЛОКАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КЛАСТЕРОВ МАКРОРЕГИОНА: МОДИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ И ФУНКЦИЙ

Цифровая трансформация современной экономики в сочетании с нарастающей дефицитностью традиционных видов ресурсов ведет к модификации задач и механизмов планирования территориально-отраслевой структуры макрорегионов. Представлена нечеткая модель многоатрибутного выбора, позволяющая при планировании локации производственных кластеров осуществлять их ранжирование с учетом как производственно-экономических, так и социально-политических аспектов. Предлагаемый формализованный инструментарий нечеткого моделирования многоатрибутного выбора, учитывающего социальные и политические факторы, может способствовать повышению степени научной обоснованности проектов и планов территориального развития, преодолению или смягчению ошибок локации, обусловленных субъективистскими решениями.

Ключевые слова: планирование, макрорегион, производственные кластеры, многофакторность, моделирование, теория нечетких множеств, многоатрибутный выбор.

The digital transformation of the modern economy, combined with the increasing scarcity of traditional types of resources, leads to a modification of the tasks and mechanisms by the planning of the territorial and sectoral structure of macroregions. A fuzzy model of multi-attribute selection is presented, which allows for the planning of the location of production clusters to rank them taking into account both the production-economic, and socio-political aspects. The proposed formalized tools for fuzzy modeling of multi-attribute choice, taking into account social and political factors, can help to increase the degree of scientific validity of projects and plans for territorial development, to overcome or mitigate location errors caused by subjective decisions.

Keywords: planning, macroregion, production clusters, multi-factorization, modeling, fuzzy set theory, multi-attribute choice.

¹ Елецкий Николай Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор, Академия философии хозяйства.

² Nikolay D. Eletsky, Doctor of Econ. Sc., Professor, Academy of Philosophy of Economy.

³ Чистяков Андрей Дмитриевич, доктор технических наук, профессор, Донской государственный технический университет.

⁴ Andrey D. Chistyakov, Doctor of Tech. Sc., Professor, Don State Technical University.

Развитие современных производительных сил характеризуется эффектом своеобразного «сжатия» экономического пространства, ростом концентрированности и интенсификации пространственных параметров производства. Этот эффект усиливается в условиях перехода к цифровой экономике, особенно в аспектах формирования системы бесконтактных экономических взаимодействий и дистанционного образа жизни [3]. В этих условиях возрастает значимость совершенствования макрорегионального пространственного структурирования производственной системы (причем применительно как к межгосударственным, так и, для крупных стран, внутригосударственным макрорегионам). Повышение степени научной обоснованности экономического управления в аспекте макрорегионального планирования требует сегодня дополнения традиционного спектра планово-управленческих методов и подходов инструментарием формализованных моделей, отражающих, наряду с экономическими, влияние социальных и политических факторов. Эта проблема существует и применительно к отдельным регионам (под которыми, в соответствии с действующим российским законодательством, понимаются, как правило, отдельные субъекты Федерации), но на макрорегиональном уровне социально-пространственная неоднородность и, соответственно, значимость политических и иных неэкономических факторов планирования проявляется более наглядно.

Для долгосрочного макрорегионального планирования развития территориально-отраслевой структуры производственной системы тенденции перехода к бесконтактной экономике в перспективе будут сопряжены с возможностями существенной модификации принципов и механизмов кластерной организации хозяйственных комплексов, и прежде всего — с преодолением тяготения кластерных центров к урбанизированным агломерациям. В частности, формируются условия для замедления дальнейшей сверхконцентрации населения в мегаполисах. Заслуживает внимания, например, опыт Белгородской области, где разработана программа «500/10000», в соответствии с которой планируется создание 500 предприятий в сельской местности с привлечением 10000 занятых. Необходимость и актуальность программы обосновывается тем, что «современные реалии... позволяют сделать вывод, что “бесконтактная экономика” — это не будущее, а настоящее... Будет деурбанизация, начнется более интенсивное развитие малых и средних городов. И один из уроков, который должны извлечь сегодня, — это готовность быстро переориентироваться. И конечно, модернизировать программу развития малого и среднего предпринимательства, сделать уклон в сторону производственных предприятий» [1]. Предпосылки для возникновения по-

добного рода тенденций неоднократно отмечались и в других странах — в качестве типичного примера можно привести решение властей города Натчез (штат Миссисипи, США) предоставлять в рамках программы «Shift South» единовременную помощь в размере 2,5 тыс. долл. и последующее ежемесячное пособие в 300 долл. в течение года всем желающим переселиться в этот город при условии наличия дистанционной занятости за пределами штата. Как заявил мэр Д. Гибсон, город, стоимость жизни в котором значительно ниже, чем в среднем по стране, рад предложить «такие стимулы для удаленных сотрудников... Люди устали от больших городов, высокой стоимости жизни и долгих поездок на работу» [9]. Как в региональном, так и в общегосударственном и международном масштабах данная проблема, помимо экономических, имеет очевидные социальные аспекты, связанные со смягчением демографических диспропорций, преодолением негативных следствий неоднородности экономического пространства и разрывов в уровне социального развития территорий и регионов.

Конкретизация принципов разработки модели планирования локации производственных кластеров макрорегиона обусловлена тем, что локация производственных кластеров, кроме производственно-экономических факторов, рассчитываемых по обобщенным показателям (таким, как совокупный спрос, ресурсообеспеченность, наличие логистической и информационной инфраструктуры, экология и т.п.), должна учитывать еще целый ряд очень важных, но плохо формализуемых показателей, характеризующих демографические и социально-политические аспекты развития выбираемых мест локации. В число таких аспектов входят политика поддержки развития депрессивных регионов и политика управления качеством жизни населения регионов. В современной теории и практике экономического управления относительно более разработанными являются вопросы планирования формирования и размещения промышленных кластеров, однако по мере перехода к новым технологическим укладам и формирования неэкономике, все более актуальными становятся вопросы размещения межотраслевых и инновационных кластеров, а также акцентировки социальных функций планирования.

Обоснование планирования локации производственных кластеров, обеспечивающих развитие бесконтактной экономики макрорегиона, предлагается формализовать посредством нечеткой модели многоатрибутного выбора, позволяющей ранжировать локации кластеров с учетом и производственно-экономических, и социально-политических аспектов этих локаций [2, 4, 7, 14]. Для реализации системы многоатрибутного принятия решений формируется конеч-

ное множество альтернатив локализации производственных кластеров (по отраслям и доминирующим технологиям), опирающееся на территориально-административное деление макрорегиона. Модель позволяет одновременно ранжировать альтернативы планирования формирования отраслевых кластеров и технологических кластеров, построенных на принципах доминирующих технологий. Это еще и возможность сопоставить принципы формирования кластеров по конечной продукции, традиционный в рамках «старой» отраслевой экономики, или по доминирующей технологии, при которой кластер обслуживает несколько, смежных, и не только, отраслевых производственных цепочек.

Наиболее весомые, очевидные факторы локации производственных кластеров (отраслевых, продуктовых и/или технологических, с доминирующей технологией, технологическим переделом) это:

- 1) экономическая гравитация (привлекательность) субъекта для производственного кластера;
- 2) наличие/развитие отраслевых/технологических прецедентов в экономике области, субъекта региона;
- 3) ресурсообеспеченность субъекта/области макрорегиона;
- 4) экологическое «напряжение» в области, субъекте региона;
- 5) социально-политическая компонента локации производственного кластера.

Под экономической гравитацией (привлекательностью) в данной работе понимается экономическая интерпретация традиционной физической гравитационной модели (У. Айзард, Я. Тинберген др. [5, с. 10–12]). В упрощенном и обобщенном виде их идеи, трактуемые как методологический инструмент анализа экономических взаимодействий, могут быть отражены посредством следующей формализации:

$$F_{ij} = k \frac{M_{ij} \times M_{iD}}{D_{ij}^n}, \quad (1)$$

где F_{ij} — оценка «экономической гравитации» локации i -го кластера в j -м субъекте макрорегиона, M_{ij} — оценка спроса на продукт/результат деятельности кластера в j -м субъекте локации, M_{iD} — оценка спроса на продукт/результат деятельности кластера i в приведенном логистическом радиусе D_{ij} , при локации кластера в j -м субъекте. Приведенный логистический радиус D_{ij} оценивается как среднее расстояние между j -м субъектом локации i -го промышленного кластера и соседними субъектами потребителями продукта/результата деятельности этого кластера; n и k — корректирующие коэффициенты.

Очевидно, что понятие «массы локации» и «оценки спроса» характеризуется высокой степенью абстракции и предполагает после-

дующую конкретизацию посредством выявления физической и стоимостной экономической «массы» и спроса, что, в свою очередь, требует определения степени товарности хозяйства и, соответственно, показателей валового продукта. Регионы с низкой степенью товарности обладают и столь же низкой экономической гравитацией относительно внешнего мира даже при значительных физических объемах валового продукта. Следующая ступень конкретизации — показатель величины экспортной квоты, т.е. доли валового продукта, идущей на экспорт. При незначительности этой величины даже высокотоварное внутреннее производство будет характеризоваться относительно невысокими показателями внешней экономической гравитации. Этим определяется теоретическая и практическая значимость категории «торгуемые товары» и необходимость выявления соотношения между торгуемыми и неторгуемыми товарами в структуре валового продукта региона и страны.

Под наличием/развитием отраслевых/технологических прецедентов в экономике субъекта региона, области понимается характеристика уровня освоения этим субъектом продукции присущей i -му отраслевому кластеру/ технологическому кластеру. В качестве показателя U_{ij} освоения продукции/технологии i -го кластера в j -м субъекте макрорегиона предлагается использовать отношение достигнутых объемов производства продукции V_{ij} к суммарному предложению V_i такой продукции в макрорегионе:

$$U_{ij} = \frac{V_{ij}}{V_i}. \quad (2)$$

Под ресурсообеспеченностью субъекта/области макрорегиона будем понимать обобщенный показатель R_{ij} (аддитивную свертку характеристик) наличия/ доступности ресурсов для j -го субъекта макрорегиона. Ресурсообеспеченность будем оценивать по обеспеченности энергетическими ресурсами — $R1_{ij}$, сырьевыми ресурсами — $R2_{ij}$, транспортной инфраструктурой — $R3_{ij}$, информационной инфраструктурой — $R4_{ij}$, человеческим капиталом — $R5_{ij}$.

$$R_{ij} = \omega r1_i R1_{ij} + \omega r2_i R2_{ij} + \omega r3_i R3_{ij} + \omega r4_i R4_{ij} + \omega r5_i R5_{ij}, \quad (3)$$

где $r1_i - r5_i$ — весомости соответствующих ($a = 1 - 5$) ресурсов для i -го кластера, $\sum_1^5 \omega r_{ai} = 1$.

Весомости r_i — экспертные оценки значимости ресурсов, формируются с учетом прецедентов ресурсообеспечения кластеров аналогичных i -му в мире. Оценки $R1_{ij} - R5_{ij}$, в свою очередь, являются свертками показателей составляющих данный ресурс. Например,

энергетическая обеспеченность $R1_{ij}$ складывается из генерирующих мощностей и развития энергоснабжающих сетей, обобщенная обеспеченность сырьевыми ресурсами $R2_{ij}$ складывается из обеспеченности ключевыми для i -го кластера частными ресурсами, показатели развития транспортной инфраструктуры $R3_{ij}$ складывается из показателей развития в субъекте/регионе автомобильных дорог, железнодорожного, воздушного, водного транспорта и т.д.

В качестве оценки обеспеченности человеческим капиталом $R5_{ij}$ принят Индекс человеческого развития j -го субъекта (ИЧР j).

Индекс человеческого развития j -го субъекта (ИЧР j) макрорегиона зависит от трех следующих показателей: Индекса ожидаемой продолжительности жизни LEj , Индекса образования Ej и Индекса дохода населения IIj [13].

Индекс ожидаемой продолжительности жизни LEj , рассчитывается

$$LEj = \frac{\bar{L}_j - 20}{85 - 20}, \quad (4)$$

где Lj — статистическая продолжительность жизни в субъекте макрорегиона.

Индекс образования Ej для j -го субъекта макрорегиона рассчитывается

$$Ej = \frac{MYSj + EYSj}{2}, \quad (5)$$

где $MYSj$ — индекс средней продолжительности обучения рассчитывается

$$MYSj = \frac{mysj}{15}, \quad (6)$$

$EYSj$ — индекс ожидаемой продолжительности обучения, еще продолжающих свое образование,

$$EYSj = \frac{eysj}{18}, \quad (7)$$

где $mysj$ — средняя продолжительность обучения населения в j -м субъекте макрорегиона в годах, $eysj$ — ожидаемая продолжительность обучения населения, еще получающего образование в j -м субъекте макрорегиона, в годах.

Индекс дохода IIj в j -м субъекте макрорегиона рассчитывается

$$IIj = \frac{\ln(GNj) - \ln(100)}{\ln(75000) - \ln(100)}, \quad (8)$$

где GNj — ВНД на душу населения по ППС в долларах США.

ИЧР_{*j*} в *j*-м субъекте макрорегиона является средним геометрическим этих трех индексов:

$$ИЧР_j = \sqrt[3]{LE_j \times E_j \times П_j}. \quad (9)$$

Экологическое «напряжение» в области, субъекте региона оценивается показателем экологической напряженности KN_j ,

$$KN_j = 10^{-3} \frac{(\frac{П_{Aj}}{ПЗА} + П_{Пj} + П_{Шj}) V_{Bj}}{E_{cj}} P_{Hj}, \quad (10)$$

где $П_{Aj}$ — комплексный показатель состояния атмосферного воздуха; $ПЗА$ — интегральный показатель потенциала загрязнения атмосферного воздуха; $П_{Пj}$ — комплексный показатель уровня загрязнения почв; $П_{Шj}$ — показатель шумового загрязнения территории; V_{Bj} — показатель удельного веса воздействующих объектов; P_{Hj} — коэффициент плотности населения; E_{cj} — показатель средоохранной и средовоспроизводящей емкости территории.

В качестве достаточно простого комплексного показателя, который может укрупненно охарактеризовать эколого-экономическую ситуацию в регионе, также можно использовать коэффициент антропогенного давления, рассчитываемый исходя из потребления энергии на единицу рассматриваемой территории. Показатель антропогенного давления KN_j^a в регионе *j* рассчитывается по формуле

$$KN_j^a = \frac{E_j / S_j}{\frac{1}{J} \sum_{j=1}^J E_j / S_j}, \quad (11)$$

где E_j — потребление энергии в регионе *j*, ПДж/год; S_j — площадь региона *j*, млн га; J — число регионов в макрорегионе.

Социально-политическая компонента SP_{ij} локации *i*-го производственного кластера в *j*-м субъекте макрорегиона оценивается как выпуклая комбинация оценок \mathcal{E}_{ij} — важности экономического развития субъекта, D_{ij} — важности демографического развития в *j*-м субъекте макрорегиона, $КЖ_{ij}$ — важности улучшения качества жизни в *j*-м субъекте макрорегиона. Каждая из этих оценок определяется экспертным методом. В нашем случае будет принимать значения от 0 до 10.

$$SP_{ij} = \mathcal{E}_{ij} \omega_{\mathcal{E}ij} + D_{ij} \omega_{Dij} + КЖ_{ij} \omega_{Кij}, \quad (12)$$

где: $\omega_{\mathcal{E}ij}$, ω_{Dij} , $\omega_{Кij}$ — соответственно экспертные оценки экономической, демографической и качественной значимости размещения *i*-го

производственного кластера в j -м субъекте макрорегиона; $\omega_{Эij} + \omega_{Дij} + \omega_{Кij} = 1$.

При реализации системы многоатрибутного принятия решений было сформировано конечное множество J альтернатив локализации логистических центров, опирающееся на территориально-административное деление макрорегиона.

В рамках разработанной модели, для реализации многоатрибутного выбора, вместо оценок значений факторов локации (экономической гравитации F_{ij} ; развития отраслевых технологий U_{ij} ; ресурсообеспеченности R_{ij} ; экологической напряженности KN_j ; социально-политической компоненты локации SP_{ij}) для каждого j -го субъекта, $j \in J$, будем рассчитывать условные показатели их степени принадлежности $\mu_x(j)$, при $x = \{F_{ij}, U_{ij}, R_{ij}, KN_j, SP_{ij}\}$.

$$\mu_{Fij}(j) = \frac{Fij}{SUP^j(Fij)}. \quad (13)$$

$$\mu_{Uij}(j) = \frac{Uij}{SUP^j(Uij)}. \quad (14)$$

$$\mu_{Rij}(j) = \frac{Rij}{SUP^j(Rij)}. \quad (15)$$

$$\mu_{KNj}(j) = \frac{KNj}{INF^j(KNj)}. \quad (16)$$

$$\mu_{SPij}(j) = \frac{SPij}{SUP^j(SPij)}. \quad (17)$$

Рейтинг RR_{ij} локации i -го производственного кластера в j -м субъекте макрорегиона рассчитывается как выпуклая комбинация степени принадлежности $\mu_x(j)$, при $x = \{F_{ij}, U_{ij}, R_{ij}, KN_j, SP_{ij}\}$ значений факторов локации этого субъекта:

$$RR_{ij} = \mu_{Fij}(j)\omega_F + \mu_{Uij}(j)\omega_U + \mu_{Rij}(j)\omega_R + \mu_{KNj}(j)\omega_{KN} + \mu_{SPij}(j)\omega_{SP}, \quad (18)$$

$$\omega_F + \omega_U + \omega_R + \omega_{KN} + \omega_{SP} = 1, \quad (19)$$

где ω_F — экспертная оценка весомости экономической гравитации при выборе локации кластеров; ω_U — экспертная оценка весомости развития технологии при выборе локации кластеров; ω_R — экспертная оценка весомости ресурсообеспеченности субъекта макрорегиона при выборе локации кластеров; ω_{KN} — экспертная оценка весомости экологической напряженности в субъекте при выборе локации кластеров; ω_{SP} — экспертная оценка весомости социально-политической компоненты при выборе локации кластеров.

Потенциал практического применения предлагаемой модели обусловлен тем, что разработанный алгоритм применим к методам

кластеризации как традиционных, так и новейших отраслей, возникающих в макрорегионах на базе цифровых технологий. Цифровизация, способствуя преодолению некоторых из ранее существовавших проблем неоднородности экономического пространства, способна вместе с тем породить новые формы «цифрового» неравенства и противоречий [6]; она не означает также исчезновения импульсов кластерного структурирования производственных систем. В этом контексте формализованный инструментарий нечеткого моделирования многоатрибутного выбора, позволяющий учитывать социальные и политические факторы при ранжировании локации производственных кластеров, приобретает особое значение в условиях «бесконтактной» трансформации экономических взаимосвязей.

Особую практическую актуальность и значимость модель имеет в контексте задач «Стратегии пространственного развития Российской Федерации» [8] и деятельности реализующих эту стратегию институтов общегосударственного экономического и социального управления, а также действующих в субъектах РФ Департаментов планирования территориального развития. Повышение степени научной обоснованности проектов и планов территориального развития, в том числе локации производственных кластеров в макрорегионах посредством инструментария формализованных моделей, является также необходимым условием преодоления или смягчения ошибок локации, обусловленных субъективистскими решениями, их недостаточной продуманностью и пророчанностью, а тем более — давлением лоббистских структур, отражающих частные или местнические интересы, но в то же время ведущих к неоправданному экономическим потерям и росту социально-политической напряженности.

■ Список литературы

1. *Абрамов О.* Бесконтактная экономика — это не будущее, а настоящее. — <https://chr.rbc.ru/chr/interview/01/06/2020/5ed504b9a7947573177857e>
2. *Беллман Р., Заде Л.А.* Принятие решений в расплывчатых условиях // Вопросы анализа и процедуры принятия решений. М.: Мир, 1976. С. 172–215.
3. *Бодрунов С.Д.* К вопросу о ноономике // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 4–8.
4. *Галбадрах А., Елецкий Н.Д., Чистяков А.Д.* Нечеткая модель локации логистических центров внешнеэкономической деятельности (на примере Монголии) // Экономика и менеджмент систем управления. 2019. № 3.1 (33). С.123–129.

5. *Тинберген Я.* Предложения по поводу международной экономической политики // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика; под ред. А. П. Киреева. М.: ГУ ВШЭ, 2006. С. 475—487.
6. *Уженцева А.* Индустрия будущего. Обойдется ли она без человека? https://aif.ru/techno/technology/industriya_budushchego_oboydyotsya_li_ona_bez_cheloveka
7. *Чистяков А.Д., Елецкий Н.Д.* Теория нечетких множеств в системе методологического инструментария экономики неопределенностей // Экономика и предпринимательство. 2015. Т. 9. № 5. Ч. 2. С. 110—116.
8. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf>
9. *Gerken M.* (2021). This Mississippi city will pay you a monthly stipend and relocation costs to move there. <https://edition.cnn.com/2021/02/08/us/natchez-mississippi-city-shift-south-trnd/index.html>.
10. *Isard W.* (1954). Location Theory and Trade Theory: Short-Run Analysis // Quarterly Journal of Economics. Vol. 68. № 2. P. 305—320.
11. *Koster H. and van Ommeren J.* (2019). Place-based Policies and the Housing Market (Tinbergen Institute Discussion Paper) // Review of Economics and Statistics. 101(3), 400—414. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2898887>.
12. *Rose A. and Smith T.* (2014), Special Issue in Memory of Walter Isard // International Regional Science Review. 37(1), 4—8. https://www.researchgate.net/publication/274339569_International_Regional_Science_Review_Special_Issue_in_Memory_of_Walter_Isard. doi: 10.1177/0160017613478576.
13. United Nations Development Programme. Human Development Report. NY: Palgrave Macmillan, 2014. P. 160—163. ISBN 978-5-7777-0641-6/.
14. *Zadeh L.* Computing With Words. Principal Concepts and Ideas. Berlin: Springer, 2012. P. 263.

Н.В. Катаргин¹

N.V. Katargin²

ОПТИМИЗАЦИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕГИОНЕ НА ОСНОВЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Optimization of investment planning in a region based on
population quality indicators

Предлагается модель, позволяющая распределять бюджет на основе качества населения, которое можно оценить на основе готовых данных, имеющихся в органах здравоохранения, образования, МВД, военкоматах, а также соцопросов. Значение имеют не только сами показатели, но и их изменение во времени. Предполагаем логистическую зависимость параметров от затрат, которая оценивается методом наименьших квадратов. Целевую функцию строим как комбинацию этих параметров: линейную или мультипликативную, максимизируем при наличии бюджетного ограничения. В модели учитываются риски, существующие проектам, и максимизируется показатель польза/риск. Демонстрационные расчеты проведены в среде Excel и использованием сервиса "Поиск решения" (Solver).

Ключевые слова: проекты, инвестиции, качество населения, модель Стоуна, логистическая функция, МНК, оптимизация, риски, Solver Excel.

Proposes a model that allows you to distribute the budget on the basis of the quality of the population, which can be estimated on the ready-made data available in the health authorities, education, police, military enlistment offices, as well as opinion polls. Not only the indicators themselves are important, but also their change over time. We assume the logistic dependence of the parameters on the costs, which is estimated by the Least Squares Method. We construct the target function as a combination of these parameters: linear or multiplicative models, the target function should be maximized in the presence of a budget constraint. The model takes into account the risks inherent in the projects and maximizes the benefit/risk indicator. Demonstration calculations were carried out in Excel and using the service Solver.

Keywords: projects, investments, population quality, Stone model, logistic function, Least Squares Method, optimization, risks, Solver Excel.

¹ Катаргин Николай Викторович, кандидат физико-математических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

² Nikolai V. Katargin, Phd in Physics&Mathematics, Associate Professor, Financial University under the Government of Russian Federation.

Президент России В.В. Путин неоднократно указывал, что главная задача органов власти — повышение качества жизни людей, выполнение социальных обязательств государства. На встрече с губернаторами 20 сентября 2017 г., речи на инаугурации в 2018 г. и в выступлении на Давосском экономическом форуме 27 января 2021 г. он напомнил: благосостояние жителей будет главным критерием оценки работы руководителей. В настоящее время эффективность управления регионом и городом оценивают по привлеченным инвестициям, произведенным затратам и по количеству введенных в строй объектов (ВВП). Такой подход не позволяет оптимизировать финансовую политику в регионе, так как не учитывает социально значимые показатели, отражающие качество жизни в регионе. В данной работе предлагается модель, позволяющая распределять бюджет на основе не качества жизни, которое объективно оценить довольно сложно, а качества населения, которое можно оценить на основе готовых данных, имеющихся в органах здравоохранения (заболеваемость, рождаемость), образования (ЕГЭ), МВД (преступность), военкоматах (количество здоровых призывников), а также соцопросов. Значение имеют не только сами показатели, но и их изменение во времени.

Развитие региона предполагает эффективное распределение средств между различными проектами при наличии бюджетных ограничений. При оценке вклада проекта в качество населения региона мы будем учитывать его полезность (в относительных единицах, через функцию полезности), определяемую экспертным путем. Полезность мы будем считать основным показателем в рейтинговой оценке проекта. Проект важен не сам по себе, а важно его воздействие на социально значимые параметры региона: уровни образования, заболеваемости, смертности, рождаемости, преступности, социальной напряженности и т.д.

Предположим, что в портфеле может находиться от 2 до N проектов и имеются группы экспертов, которые могут оценить относительную полезность каждого проекта в зависимости от затрачиваемых на него средств и его воздействие на социально значимые параметры региона. В тех случаях, когда можно измерить эффект от инвестиций, полезность будет измеряться в соответствующих единицах, взятых из таблиц статистической отчетности. В тех случаях, когда непосредственное измерение полезности затруднительно, мы будем оценивать порядковую полезность, вводя соответствующую шкалу сравнения полезностей.

Общая схема оптимального распределения средств при наличии бюджетного ограничения приведена на рис. 1.

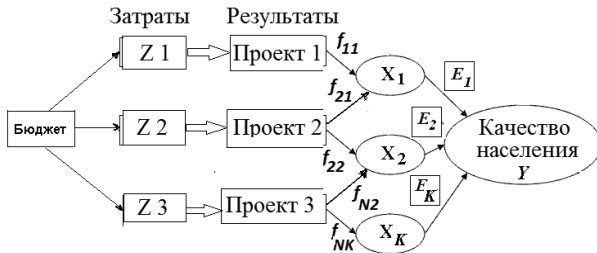

Рис. 1. Общая схема оптимального распределения средств

Здесь: I_i — i -й проект (внедрение новых технологий, модернизация транспортной системы, ремонт больниц, премии учителям, улучшение экологии и др.), $Z(I_i)$ — затраты на i -й проект, $i = 1, \dots, N$; X_k — статистический показатель или экспертная оценка социально значимого параметра региона (уровни образования, заболеваемости, смертности, рождаемости, преступности, социальной напряженности и т.д., преобразованные, чтобы с ростом показателя увеличивался Y); E_k — эксперты k -й группы; $k = 1, \dots, K$.

Построение функции полезности отдельного проекта и его влияние на показатели региона реализуется экспертными методами. Общую полезность Y , полученную в результате бюджетных затрат, можно оценить как сумму показателей:

$$Y = \sum a_k X_k \quad k = 1, 2, \dots, K. \quad (1)$$

Можно предложить социально-экономико-математическую модель, аналогичную модели Стоуна для формирования потребительской корзины:

$$Y = \prod (X_k - X_{\min k})^{a_k} \quad k = 1, 2, \dots, K. \quad (2)$$

$$X_k = \prod f_{ik}(Z_1, Z_2, \dots, Z_N) \quad k = 1, 2, \dots, K.$$

$$Z_1 + Z_2 + \dots + Z_N = \text{бюджет}, \quad (3)$$

где Y — результирующий показатель, характеризующий качество жизни в регионе; X_k — статистические показатели: уровни образования, заболеваемости, смертности, рождаемости, преступности, социальной напряженности и т.д., преобразованные, чтобы с ростом показателя увеличивался Y ; целесообразно включить в модели (1) и (2) приращения ΔX_k , чтобы оценивать динамику развития региона; $X_{\min k}$ — критические значения показателей; a_k — значимости показателей (эластичности), устанавливаемые экспертами; можно обойтись без них, тогда это будет модель не Стоуна, а Нэша;

Z_1, Z_2, \dots, Z_N — затраты, влияющие на статистические показатели; $f_{ik}(Z_1, Z_2, \dots, Z_N)$ — функции, описывающие влияние затрат на статистические показатели, построенные на основе экспертных оценок и экономико-математического моделирования. Можно использовать логистическую функцию

$$X_k = \prod_{i=1}^N f_{ik} = \prod_{i=1}^N \frac{A_{ik}}{1 + \exp(-d_{ik} - b_{ik}Z_i)},$$

но мы используем интеграл функции нормального распределения Гаусса.

Выражения (1) и (2) представляют собой целевые функции, которые надо максимизировать; возможно строить модель как их комбинацию. Выражение (3) представляет собой бюджетное ограничение.

Таким образом, нахождение оптимального распределения ресурсов на реализацию отдельных проектов мы свели к решению задачи математического программирования. Модель позволит оптимизировать затраты по разным статьям с точки зрения достижения максимального результата Y при ограниченности бюджета.

Рассмотрим условный пример оптимального распределения бюджета региона между проектами трех видов. Объем финансирования по соответствующим инновациям может меняться от 1 до 7 млрд руб., т.е. бюджет составляет 7 млрд руб. В приведенном примере мы предполагаем, что каждый проект влияет только на один показатель, то есть $i=k$:

$$X_k = \frac{A_i}{1 + \exp(-d_i - b_i Z_i)}.$$

Бюджетное ограничение записывается в виде:

$$Z_1 + Z_2 + Z_3 = 7.$$

Логистические функции полезности (линии), построенные по экспертным данным (черные фигуры), представлены на рис. 2. По оси абсцисс отложены ресурсы (деньги Z), необходимые для проекта, по оси ординат — его полезность X (см. рис. 2).

Аналитические выражения получены методом наименьших квадратов с помощью функции *Поиск решения* MS Excel. Вместо логистической функции мы используем интеграл функции нормального распределения Гаусса, которая имеется в наборе функций Excel в разделе «Статистические». Параметры функции — математическое ожидание (среднее значение) M , стандартное отклонение S и амплитуда A . В приведенном примере формула

$$=НОРМ.РАСП(\$C7;G\$2;G\$3;1)*G\$4$$

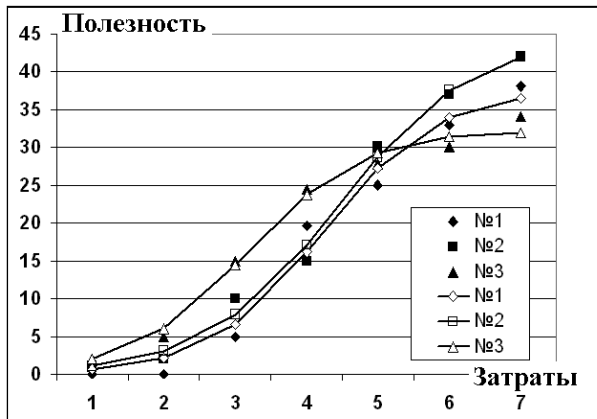

Рис. 2. Исходные данные и функции полезности проектов

помещается в ячейку G7. Обратите внимание на фиксацию столбца Z и строк коэффициентов M, S, A. Применяется технология МНК с *Поиском решения*: задаются приблизительные значения M, S, A, по ним вычисляются оцененные полезности $X1^{\wedge}$, $X2^{\wedge}$, $X3^{\wedge}$, квадраты остатков $e1^{\wedge 2}$, $e2^{\wedge 2}$, $e3^{\wedge 2}$ и их сумма, которая является минимизируемой целевой функцией. Изменяемые ячейки — коэффициенты, ограничений нет (см. табл. 1).

Процедура оптимизации затрат на проекты представлена в табл. 2. Были выбраны следующие константы для проектов. Минимумы: Проект1 — 1, Проект2 — 1, Проект3 — 2. Показатели эффективности (эластичности): 0,25; 0,4; 0,35. Приблизительные Z вводятся в строку 17 (опорный план), значения X вычислены в строке 19. В ячейку G19 введена формула

$$=НОРМ.РАСП(G\$17;G\$2;G\$3;1)*G\$4$$

В строке 20 реализуются формулы $(X - X_{min})^a$, эффективность администрации Y равна их произведению. Максимизируя Y в ячейке K20 при бюджетном ограничении (3), мы использовали *Поиск решения* для получения искомых значений Z_i . В результате были получены следующие значения для мультипликативной модели (2): $Z_1 = 2,41$; $Z_2 = 2,58$; $Z_3 = 2,01$ (см. табл. 2).

Методика усовершенствована на основе оценки рисков принимаемых решений по реализации проектов. Риск потерь по отдельному проекту вычисляется как произведение баллов (строка 22) на за-

Таблица 1

Настройка параметров интегралов функций Гаусса

	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L
2				M	4,15	4,43	3,20		Target	
3				S	1,27	1,57	1,38		Sum e ²	47,02
4				A	36,33	44,31	32,23			
5										
6	Z	X1	X2	X3	X1 ²	X2 ²	X3 ²	e1 ²	e2 ²	e3 ²
7	1	0	1	2	0,25	0,64	1,79	0,06	0,13	0,04
8	2	0	2	5	1,67	2,70	6,21	2,80	0,49	1,47
9	3	5	10	15	6,70	8,04	14,28	2,88	3,82	0,52
10	4	20	15	24	16,52	17,41	23,19	12,13	5,81	0,66
11	5	25	30	28	27,21	28,48	29,14	4,88	2,30	1,30
12	6	33	37	30	33,69	37,32	31,55	0,48	0,10	2,39
13	7	37	42	34	35,88	42,08	32,13	1,26	0,01	3,48

Таблица 2

Оптимизация затрат на проекты

	F	G	H	I	J	K
15	min	1	1	2		Sum
16	alpha	0,25	0,4	0,35		1
17	Z	2,72	2,11	2,17		7,00
18	X	1,20	1,24	2,56		5,00
19						
20	(X-min)^a	1,39	1,35	1,80	Y	3,38
21					Y/Risk	0,34
22	Risk	1	4	2	Risk	9,88
23	Risk*Z	2,72	8,46	4,33		Sum
24	^2	7,40	71,53	18,75		97,68

траты (строка 17, результат в 23), а суммарный риск как корень из дисперсии суммы этих (независимых) величин

$$Риск = \sqrt{\sum_{i=1}^N (R_i Z(I_i))^2}$$

в ячейке K22. Максимизируется величина $Y/Риск$ в ячейке K21.

Например, эксперты оценили в баллах риски проектов: $R_1 = 1$; $R_2 = 4$; $R_3 = 2$ (строка 22). Результаты расчетов для мультипликативной модели (2):

$$Z_1 = 2,72; Z_2 = 2,11; Z_3 = 2,16.$$

Развитие данной методики может привести к весьма интересным и полезным результатам как в научном плане, так и в практическом — для повышения качества планирования развития региона.

Т.Е. Каткова¹

T.E. Katkova²

А.И. Смирнова³

A.I. Smirnova⁴

ПРАКТИКА И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛЕСНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Practices and Ways to Improve Forest Planning

Статья посвящена тенденциям и проблемам лесного планирования. Цель работы — анализ практики плановой деятельности в СССР на примере лесного комплекса и разработка путей совершенствования лесного планирования. Исследование основано на системном подходе к проблемам, определяемым целью работы, с использованием методов исторического анализа, сравнения, современных концепций устойчивого управления лесами. Новизна исследования: выявлены тенденции и проблемы лесного планирования, обусловленные национальной системой управления и лесным законодательством России, разработаны направления совершенствования лесного планирования. Рассмотрены кадровые

The article deals with trends and problems of forest planning. The purpose of the work is to analyze the practice of planned activities in the USSR on the example of a forest complex and to develop ways to improve forest planning. The study is based on a systematic approach to problems defined by the purpose of the work, using methods of historical analysis, comparison, modern concepts of sustainable forest management. Novelty of the study: trends and problems of forest planning due to the national management system and forest legislation of Russia have been identified, directions for improving forest planning have been developed. The personnel problems of forest complex and ways of their solution are considered. Evidence-based devel

¹ Каткова Татьяна Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры лесной политики, экономики и управления, Институт лесного бизнеса и инноватики (структурное подразделение), Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова.

² Tatyana E. Katkova, Candidate of economics science, Associate professor, Associate Professor of the Department of Forest Policy, Economics and Management of the Institute of Forest Business and Innovation (structural subdivision) at Kirov St. Petersburg State Forestry University.

³ Смирнова Альбина Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры лесной политики, экономики и управления, Институт лесного бизнеса и инноватики (структурное подразделение), Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова.

⁴ Albina I. Smirnova, Candidate of economics science, Associate professor, Associate Professor of the Department of Forest Policy, Economics and Management of the Institute of Forest Business and Innovation (structural subdivision) at Kirov St. Petersburg State Forestry University.

проблемы лесного комплекса и пути их решения. Научно обоснованные разработки могут быть использованы в управлении лесами, в том числе для составления планов и программ в лесном комплексе.

Ключевые слова: государственное управление лесами, лесные отношения, нормативная технологическая карта, система лесного планирования.

opment can be used in forest management, including for forest planning and programming.

Keywords: state forest management, forest relations, regulatory process chart, forest planning system.

Преимущества плановой системы СССР и забытые уроки рассмотрены на примере отечественного лесного комплекса. В период разработки Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года все большее звучание приобретает необходимость возрождения лесной науки, поскольку практически прекратили свою деятельность основные отраслевые институты (Центральный научно исследовательский институт механизации и энергетики лесной промышленности (ЦНИИМЭ), Центральный научно исследовательский институт механической обработки древесины (ЦНИИМОД), Центральный научно исследовательский институт лесного хозяйства (ЦНИИЛХ), Научно-исследовательский и проектный институт экономики, организации управления производством и информации по лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности (НИПИЭИлеспром) и другие, всего около пятнадцати), в результате чего упадок отраслевой науки сказывается на многих сторонах деятельности как лесного хозяйства, так и лесной промышленности [1, с. 20; 4, с. 21; 10, с. 1; 11, с. 191]. Прежде всего, это отразилось на системе планирования, которая подверглась значительному разрушению на начальном этапе перехода к рыночным отношениям (1992—1994 гг.) [1, с. 21; 10, с. 1] и, по истечении более двадцати пяти лет, практически не восстановилась.

Цель исследования заключается в анализе практики плановой деятельности в СССР на примере лесного комплекса и разработке путей совершенствования лесного планирования.

Исследование основано на системном подходе к проблемам, определяемым целью работы, с использованием методов исторического анализа, сравнения, современных концепций устойчивого управления лесами.

В период планово-регулируемой экономики (до 1991 г. включительно) в России, как и в других бывших республиках СССР, был

накоплен богатый опыт планирования народного хозяйства, его отраслей, объединений, предприятий и их подразделений. На каждом предприятии система планирования была представлена пятилетними и годовыми планами, комплексно отражающими все стороны деятельности предприятия и пути его развития.

Методическая помощь осуществлялась изданием Типовых методик по разработке пятилетних [13, с. 43] и годовых [14, с. 56] планов, детализация и конкретизация общих указаний осуществлялась в Отраслевых методиках [3, с. 14; 7, с. 120; 8, с. 78].

Разработка пятилетнего плана на предприятии была нацелена на неуклонное повышение эффективности его производства путем внедрения мероприятий по новой технике, научным методам организации труда, совершенствованию планирования и управления производством. В большинстве случаев на предприятиях постоянно разрабатывались и внедрялись проекты реконструкции и расширения производственных площадей, технического перевооружения производства и др. В пятилетнем плане должны были отражаться все эти проекты, должен был быть обоснован эффект от их внедрения и сроки внедрения. Таким образом обеспечивалось постоянное и всестороннее развитие предприятия.

Годовой план предприятия представлял собой комплексную развернутую программу производственно-хозяйственной деятельности предприятия и призван был обеспечивать всестороннее повышение эффективности производства в плановом году и создавать условия для ее повышения в последующие периоды.

Оперативные планы разрабатывались прежде всего для цехов, участков, конкретных исполнителей на рабочих местах, они являлись продолжением и развитием годового плана предприятия. В целом по предприятию доходы окажутся выше расходов лишь в том случае, если принципы бережливости, экономного использования ресурсов будут соблюдаться работниками каждого цеха, участка, на каждом рабочем месте. Достичь этого можно только всеобъемлющим и непрерывным оперативным планированием, поэтому этим вопросам уделялось постоянное внимание [9, с. 237; 6 с. 256]. Так, при планировании мероприятий по техническому развитию предприятий широко использовались разработанные в ЦНИИМЭ пособия: «Положение о техническом обслуживании и ремонте машин и оборудования лесозаготовительной промышленности», «Методика определения экономической эффективности использования в лесозаготовительной промышленности и на лесосплаве новой техники, изобретений и рационализаторских предложений» (1979 г.). Однако из-за указанных выше причин они не перерабатывались и не переиздавались,

в результате их можно использовать только частично при планировании показателей по устаревшим видам машин и оборудования. Эти пособия требуют доработки путем включения нормативов по новым видам и маркам машин и оборудования, а также их следует адаптировать к рыночным условиям.

Несколько в лучшем положении находятся Методические рекомендации (инструкция) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса. НИПИЭИлеспрому представилась возможность привести ее в соответствие с рыночными требованиями и переиздать.

Однако накопленный опыт планирования не был адаптирован к рыночным условиям, новый механизм не был создан, что привело к полному разрушению системы планирования отечественной лесной промышленности.

Практика планирования лесного хозяйства также не отвечает рыночным условиям, ее проблемы порождены прежде всего действующим законодательством и экономической организацией лесного хозяйства. Согласно «Лесному кодексу Российской Федерации» от 04.12.2006 № 200-ФЗ лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности, при этом большая часть функций по управлению лесами передана органам государственной власти субъектов Российской Федерации в области лесных отношений.

Система современного лесного планирования может быть рассмотрена на трех уровнях (табл. 1).

Планирование в современном лесном хозяйстве, как и в плано-регулируемом периоде, осуществляется на десятилетний период. Очередной Лесной план субъекта Российской Федерации разрабатывался на период с 2019 г. по 2028 г. При этом с экономической точки зрения качество данного плана ухудшилось по сравнению с предыдущим, поскольку в нем преобладают в основном объемные показатели и отсутствуют затраты на проведение лесохозяйственных мероприятий, в итоге нет ясности с объемами и источниками финансирования. Причиной этому явилось отсутствие научно обоснованной базы планирования. В практике планирования сложилось правило: за базовый уровень принимать фактически сложившуюся систему показателей за аналогичный период, предшествующий плано-регулируемому. Если при разработке Лесного плана субъекта Российской Федерации на 2009–2018 гг. за базовые затраты на выполнение лесохозяйственных мероприятий принимались отчетные данные по бывшим лесхозам, довольно близкие нормативному уровню, то при разработке Лесного плана субъекта Российской Федерации

Таблица 1

Система современного лесного планирования

Уровень планирования	Характеристика
Федеральный уровень	<p>Государственная программа Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» [2].</p> <p>Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года [12].</p>
Региональный уровень	<p>Лесной план субъекта Российской Федерации:</p> <p>— в лесном плане субъекта Российской Федерации определяются цели и задачи лесного планирования, а также мероприятия по осуществлению планируемого освоения лесов и зоны такого освоения [5, с. 98].</p>
Локальный уровень	<p>Лесохозяйственный регламент:</p> <p>— использование, охрана, защита, воспроизводство лесов, расположенных в границах лесничества, осуществляются в соответствии с лесохозяйственным регламентом лесничества;</p> <p>— лесохозяйственные регламенты обязательны для исполнения гражданами, юридическими лицами, осуществляющими использование, охрану, защиту, воспроизводство лесов в границах лесничества [5, с. 98–99].</p> <p>Проект освоения лесов:</p> <p>— лица, которым лесные участки предоставлены в постоянное (бессрочное) пользование или в аренду, а также лица, использующие леса на основании сервитута или установленного в целях, предусмотренных статьей 39.37 Земельного кодекса Российской Федерации, публичного сервитута, составляют проект освоения лесов в соответствии со статьей 12 Лесного кодекса РФ [5, с. 100].</p> <p>Проект лесовосстановления:</p> <p>— лица, на которых в соответствии с Лесным кодексом РФ возложена обязанность по выполнению работ по лесовосстановлению, составляют проект лесовосстановления [5, с. 100].</p> <p>Проект лесоразведения:</p> <p>— лица, на которых в соответствии с Лесным кодексом РФ возложена обязанность по выполнению работ по лесоразведению, составляют проект лесоразведения [15, с. 101].</p>

Источник: составлено авторами по материалам [2, 5, 12].

2019–2028 гг. такой информацией лесохозяйственные организации не располагали. Это было связано с реформой управления лесным хозяйством, когда в 2007–2008 гг. были ликвидированы лесхозы, а выполнение лесохозяйственных мероприятий было передано ле-

сопользователям без обоснования источников финансирования. В результате лесохозяйственные мероприятия выполнялись с минимальными затратами в ущерб качеству, поэтому они далеки от нормативного уровня и не могли быть приняты за базовый уровень.

Помимо этого проблема состоит и в сборе достоверной информации. Отсутствие единого методического подхода к планированию и учету технико-экономических показателей лесохозяйственных производств и операций приводит прежде всего к их несопоставимости и невозможности агрегирования.

Аналогичные проблемы и у лесопользователей: отсутствуют методические рекомендации по текущему и перспективному планированию лесопромышленной деятельности в условиях рыночных отношений. Это практически единственный вид использования лесов, переведенный на «рыночные рельсы» и приносящий лесной доход. Внедрению рыночного механизма в другие виды использования лесов органы государственного управления лесами не уделяют должного внимания. За двадцатисемилетний период практически не было принято ни одного прогрессивного решения, зато была полностью разрушена многолетняя хорошо отлаженная система управления лесным хозяйством. Однако опыт США, Канады, Финляндии показывает, что оптимальное сочетание государственного и частного партнерства в управлении лесами экономически выгодно и государству, и частному бизнесу.

Анализ действующей практики лесного планирования и уроки прошлого позволяют сделать вывод о необходимости создания научно-методического центра по экономическому развитию и планированию лесного хозяйства России, при этом должен осуществляться комплексный подход как к лесохозяйственным мероприятиям, так и к развитию лесопромышленных производств.

Основой экономической деятельности и планирования такого центра должен стать нормативный метод, когда объемы планируемых мероприятий подтверждаются нормативными затратами на их выполнение. В лесоэкономической науке такие нормативы предложено обосновывать путем разработки нормативных технологических карт (НТК), методика разработки и практика применения которых хорошо изучена и изложена в трудах ученых лесоэкономистов ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова» [11, с. 143–145].

Помимо указанных проблем планирования, в настоящее время в лесном секторе России остро стоит вопрос обеспечения кадрами: ощущается недостаток в отраслевых экономистах и бухгалтерях. Разрешить эту проблему в ближайшем будущем не представляется

возможным, поскольку в лесотехнических университетах практически прекратилась подготовка отраслевых специалистов по экономике и бухгалтерскому учету на бюджетной основе. Так, до 2015 г. СПбГЛТУ и некоторые другие лесотехнические вузы вели подготовку инженеров-экономистов и бухгалтеров с пятилетним сроком обучения, в учебных программах которых уделялось много времени для изучения отраслевых особенностей в планировании, экономической организации и анализе деятельности лесопромышленных и лесохозяйственных производств, в применении компьютерных технологий в экономических расчетах и программировании, что позволяло таким специалистам быстро адаптироваться на предприятиях и внедрять передовые методы планирования и экономической деятельности с использованием современных компьютерных программ.

С 2015 г. лесотехнические вузы перешли на подготовку бакалавров по направлению «Экономика» преимущественно на платной основе, что привело к резкому сокращению количества обучающихся, таким путем решить кадровую проблему не представляется возможным. Получив диплом на платной основе, такой специалист не поедет работать в лесные районы и не будет подлежать обязательному распределению, если таковое будет введено. Стимулы по привлечению таких специалистов для работы на лесные предприятия отсутствуют. Очевидно, следует вернуться к подготовке специалистов на бюджетной основе и к прежней практике подготовки специалистов по направлению предприятий с выплатой им повышенной стипендии от предприятий и возвратом для работы на предприятия.

Решить кадровую проблему путем привлечения бакалавров по направлению «Экономика», выпускающих общеэкономическими вузами, проблематично, причины те же: отсутствие стимулов и незнание отраслевых особенностей.

Следует рассмотреть и такую возможность: при лесотехнических университетах организовать подготовку из бакалавров специалистов, как на бюджетной основе с обязательным распределением в лесные предприятия, так и на платной основе — для рекомендованных предприятиями.

Не менее важная проблема стоит с подготовкой отраслевых бухгалтеров, подготовка которых в лесотехнических вузах была оправдана, огульное их сокращение принесло вред лесным предприятиям. Дело в том, что крупных лесозаготовительных предприятий, имеющих экономические службы, в России мало, всего 7% [1, с. 21], большинство мелких предприятий не имеет экономистов, их функции выполняет бухгалтер, значит, он должен располагать знаниями по отраслевой экономике и планированию, которые он может приобрести

только в лесотехнических вузах. Поэтому для решения кадровой проблемы необходимо восстановить и усовершенствовать систему обучения отраслевых специалистов.

Проведенное исследование показало, что в настоящее время необходимо совершенствовать систему лесного планирования, при этом целесообразно использовать опыт СССР в сфере планирования как народного хозяйства в целом, так и отраслей, предприятий и их структурных подразделений. Совершенствование планирования и управления невозможно без решения кадровой проблемы путем восстановления и усовершенствования системы обучения отраслевых специалистов.

■ Список литературы

1. *Лигель Т.* При переходе на рыночные отношения больше всего пострадала лесозаготовки // ЛесПромИнформ. 2017. № 7 (129). С. 20–23.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» [утверждена постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 318 (ред. от 31.03.2021)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 3. С. 365.
3. Дополнительные методические рекомендации к разработке государственного плана экономического и социального развития отраслей лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР на 1986–1999 годы. М.: Минлесбумпром СССР, 1985. С. 337.
4. *Иртуганов Т.* Меры по развитию лесопромышленного комплекса // ЛесПромИнформ. 2017. № 8 (130). С. 20–23.
5. Лесной кодекс Российской Федерации (в ред. от 09.03.2021): принят Государственной Думой 08.11.2006 № 200-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299.
6. Методические рекомендации (инструкция) по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции лесопромышленного комплекса. М.: МГУЛ, 2006. С. 256.
7. *Мошонкин Н.П.* Техпромфинплан и анализ хозяйственной деятельности леспромпхозов. М.: Лесная промышленность, 1969. С. 287.
8. Организация и оперативное управление на предприятиях лесной промышленности и лесного хозяйства / Е.М. Чинченко, В.И. Сиротов, В.Л. Цывин, В.А. Ильин, А.И. Смирнова. Лесная промышленность, 1989. С. 352.
9. Положение о техническом обслуживании и ремонте машин и оборудования лесозаготовительной промышленности. Химки: ЦНИИМЭ, 1990. С. 237.

10. *Петров А.П.* Стратегическое планирование: ликбез для непрофессионалов в лесном деле. URL: <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?f=9&t=25283#p205708>.
11. *Петров В.Н.* Организация, планирование и управление в лесном хозяйстве. М.: Наука, 2010. С. 416.
12. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года [утверждена распоряжением Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377162.
13. Типовая методика разработки пятилетнего плана производственного объединения (комбината), предприятия. М.: Экономика, 1969. С. 445.
14. Типовая методика разработки техпромфинплана производственного объединения (комбината), предприятия. М.: Экономика, 1979. С. 443.

В.В. Козлов¹

V.V. Kozlov²

РАЗВИТИЕ ПЛАНИРОВАНИЯ В СООТВЕТСТВИИ СО СТУПЕНЯМИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Development of planning in accordance
with the stages of social development

В работе в исторической ретроспективе раскрыто развитие наиболее распространенных методологий планирования деятельности организаций, отраслей и государств с опорой на современные представления о взаимобусловленном развитии организаций, создаваемых людьми, с изменениями мировоззрения этих людей, а также на Всеобщую теорию систем. Показано, что неправомерно противопоставление плановой экономики рыночной, только рыночная экономика предполагает применение других методов планирования, кроме линейных. Описаны этапы интеллектуального развития людей на пути перехода к Новому индустриальному обществу Второго поколения (НИО.2) и возможный сценарий перехода к этому. Акцентируется внимание на проблеме духовного развития людей.

Ключевые слова: планирование, Всеобщая теория систем, парадигма мышления, уровни сознания, ноономика, индустриальное общество второго поколения (НИО.2), духовное развитие.

In this work, in historical retrospect, the stages of development and use of the main methods of planning the activities of organizations, industries and states are revealed. The study uses modern ideas about the mutually dependent development of organizations created by people, with changes in the worldview of these people, as well as knowledge from the General Theory of Systems. It is shown that it is wrong to oppose the planned economy to the market economy, only the market economy involves the use of other planning methods, not just linear ones. The article describes the stages and features of planning the intellectual development of people on the way to transition to a New industrial society of the Second generation (NIO.2) and a possible scenario for moving to this. Attention is focused on the problem of spiritual development of people.

Keywords: Planning, General systems theory, paradigm of thinking, levels of consciousness, noonomics, industrial society of the second generation (NIO.2), spiritual development.

¹ Козлов Вячеслав Васильевич, доктор экономических наук, профессор, профессор, Российский государственный аграрный университет-МСХА имени К.А. Тимирязева.

² Vyacheslav V. Kozlov, Doctor of Economics, Professor, professor of the Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Moscow State Agricultural Academy.

«**Планирование** — это процесс обдумывания действий, необходимых для достижения желаемой цели, то есть будущей деятельности по достижению желаемых результатов. Этот процесс обдумывания включает в себя создание и реализацию плана, и в основе обдумывания психологические аспекты, которые требуют концептуальных навыков. <...> Таким образом, планирование является фундаментальным свойством интеллектуального поведения» [6].

Первые представления о планировании действий людей известны нам с VI в., как стратегии ведения войска, во времена, когда основным двигателем общественного развития была сила. Однако при ведении боевых действий требовалось не только стратегическое мышление, но и материальная оснащенность войска. Развиваются производства, и люди полностью овладевают концепцией линейного времени и нормами группового поведения, что стало основой развития методологии **линейного планирования**. Передовые слои населения развивающихся государств осваивают соответствующее этому мировоззрение, которое Ф. Лалу обозначает Янтарной парадигмой мышления (основывается на трудах К. Грейвза, Д. Бека, К. Уилбера и многих других ученых) и показывает: у людей сформировались связанные с этим четкие представления о дизайне организаций с линейными связями руководства-подчинения.

На пороге XX в. в ходе интенсивного развития производств на основе свободы и защищенности частной собственности в свободных рыночных отношениях ярко проявляется конкуренция. Свобода предпринимательства в ряде развивающихся стран защищается принятием антимонопольного законодательства. Силой побороть конкурента запрещается и надо учиться анализировать различные варианты своего поведения в усложняющейся внешней среде, надо искать варианты выживания. Ф. Лалу пишет: «Цель жизни — обогнать, преуспеть в социально приемлемых формах, сыграть как можно лучше теми картами, которые тебе даны» [2, с. 38]. Такое мышление он обозначает «Оранжевыми», и этим же цветом обозначил организации с более гибкой структурой и функциональными руководителями. В планировании разрабатывается методология **сценарного подхода**. Этот подход зародился раньше в среде картежников и широко использовался разведками в Первой мировой войне. Управленцы умело его приспособили к своим нуждам и с помощью ученых создали соответствующие методы планирования.

Рост производительности труда в обрабатывающей промышленности в первые десятилетия XX в. обусловил стремительный экономический рост в ряде западных стран. Экономика США очень развивалась в Первую мировую войну, в том числе благодаря продаже во-

енных товаров в Европу. Стали очевидны все провалы свободного рынка. Борьба с безудержной алчностью привела, в дополнение к антимонопольному законодательству, к созданию Управления по контролю продуктов питания и лекарств (FDA), контроля за финансовыми операциями и другим решениям. Кризисы перепроизводства и провалы в развитии отдельных территорий привели к созданию методов индикативного планирования по созданию благоприятной среды для развития бизнесов и методов целевого планирования развития территорий, созданию действенных механизмов организационно-экономического воздействия на самостоятельные экономические субъекты.

Индикативное планирование рекомендательного характера обеспечило информирование бизнесов и других экономических субъектов о целях и средствах государственной экономической политики, возможных траекториях экономического развития и многом другом. Оно использует исключительно небольшой перечень показателей, важнейших для рыночного развития: бюджетная обеспеченность, инфляция, безработица, уровень жизни, уровень образования населения и возможности его развития и т.п. Также показываются материальные возможности государства в поддержке бизнесов, играющих значимую роль, в первую очередь аграриев.

Действует множество региональных **целевых программ**, например широко известная программа развития долины реки Теннесси — самой депрессивной местности США 30-х гг. прошлого века.

Индикативное и программно-целевое планирование стали ответом на требования развития рыночных отношений и их государственного регулирования.

В России, прервавшей в 1917 г. переход страны к рыночным отношениям, найден свой вариант обеспечения развития. Важно, что развития догоняющего, при реализации которого в большинстве своем не надо тратить средства и время на поиск новых решений и обеспечивать максимально возможное раскрепощение инициативы. Поэтому оно осуществлялось в условиях вертикально организованного административного управления экономикой всей страны как единой мега-системой. Методология **линейного планирования**, отработанная в рамках больших организаций, переносится на уровень страны в целом и совершенствуется. Появляется Госплан, юбилей которого мы отмечаем, и становится ключевым органом в этой системе управления. Разрастается до организации с многочисленным штатом специалистов, которой вынужден планировать «даже гвозди для Владивостока». В развитие такого линейного планирования внес значимый вклад советский математик и экономист Л.В. Канторович, создав теорию оптимального распределения ресурсов, и в 1975 г. стал лауреатом пре-

мии по экономике памяти Альфреда Нобеля. Поэтому у многих из нас сложилось твердое убеждение, что в СССР действовала плановая экономика в противовес рыночной экономике Запада, в то время как разумнее считать ее административно-командной экономикой. На необходимом уровне планирование велось в рыночной экономике.

В середине XX в. интенсивно развивается Всеобщая теория систем (General systems theory). Конечно, приятно отметить, что сегодня получила признание работа начала века нашего соотечественника: А.А. Богданов (Малиновский) «Тектология». С позиций этой теории организация представляется в виде системы, которая должна вписываться во внешнюю среду, и для этого должна иметь в себе хотя бы одну отрицательную обратную связь. Современный исследователь Николас Луман отмечает, что любая социально-экономическая система реагирует на внешние факторы, пробует новые варианты своего выживания, если складывается не очень благоприятная ситуация. Пробуя эти варианты, отбирает не всегда лучшие решения, но обязательно такое, которое должно позволить ей наиболее простым способом стабилизировать свою деятельность в новых условиях, то есть выживать в новых условиях. Этап приспособления завершается и наступает некоторая стабилизация на следующий жизненный цикл системы. Эти выводы Н. Лумана приводит в своем обобщающем труде по психологии Джордж Ритцер и уточняет, что при этом «... многие факторы могут комбинироваться сложным образом, создавая иногда неожиданное будущее из-за нелинейности обратной связи» [3, с. 226].

Необходимость своего позиционирования и непрерывного отследижения ситуации в конкурентной борьбе и появлении научных представлений о поведении организации в рыночной экономике, привели к созданию методологии **стратегического планирования** на основе методов SWOT и PEST-анализа. Это стало заметным явлением в корпорациях 60-х гг. прошлого века.

Чуть позже появляется метод **динамических сценариев**, в котором системные представления приводят к созданию правдоподобных сюжетных линий — и можно уже проследить причинно-следственные связи между факторами и теми результатами, на которые можно выйти.

Оранжевое мышление достигает максимума в своем развитии в странах с наиболее развитой рыночной экономикой.

Сегодня в России, как мы видим, с трудом приживается индикативное государственное планирование. Мы очень привыкли планировать и отчитываться многочисленными объемными показателями, да и сами по себе рыночные отношения у нас еще не столь развиты. Программно-целевое планирование мы стали широко использовать, но вперемежку с укоренившимися в нас за долгие годы прежней экономики множест-

венными «натуральными» показателями. Мы приняли форму этого планирования, а вот с сущностью не все получается. А.Л. Кудрин, будучи министром финансов России, очень хорошо подметил, что все наши ведомственные государственные программы (в том числе программа развития сельского хозяйства) получаются фактически росписью бюджетного финансирования. Иное не могло получиться в отсутствии развитой конкуренции и сохранения Янтарного мышления, «... которое характеризуется убежденностью в том, что существует только один правильный путь» [2, с. 34]. Многие из нас еще продолжают размышлять о необходимости возрождения Госплана.

К 1980-м гг. в рыночной экономике наиболее развитых стран мира уже подошли практически к исчерпанию возможностей Оранжевого мышления и соответствующего дизайна организаций. Люди начинают мыслить проектами, и жить проектами. Во всех инновационных фирмах реализуются матричные структуры. Административное руководство сдает свои позиции проектному лидерству. Ф. Лалу подчеркивает: «Если Оранжевая парадигма превозносит главу организации, принимающего судьбоносные решения, то Зеленая парадигма мышления настаивает на том, что лидеры организаций служат для тех, для кого они лидеры» [2, с. 47].

Плюралистическая Зеленая парадигма мышления входит в деятельность людей. Известный современный американский философ Кен Уилбер представляет сущностные основы этого мышления следующим образом: «Теперь имеет значение не то, что справедливо и правильно для меня, для моего племени, моей мифологии, моей религии, а то, что справедливо и правильно для всех людей независимо от расы, пола, касты или вероисповедания» [4, с. 243].

Это мышление, конечно, не ново. Мы знаем, что оно было присуще отдельным личностям в XVIII и в XIX в. Например, почти все ведущие университеты США входят в «Лигу плюща» — лигу знаменитых частных университетов. Среди них самые знаменитые Гарвардский, Корнельский и Стэндфордский университеты. Их создали более ста лет назад представители духовенства, бизнесмены, сенаторы и тогда бесплатно учили молодежь.

В настоящее время часть всемирно известных исследователей интерпретирует развитие общества с опорой на развитие парадигм мышления. Получается, что одни народы в целом не так давно полностью преодолели Красное мышление, в основе которого сила, и освоились в Янтарном мышлении. А другие народы уже вошли в Зеленое мышление и интенсивно развиваются, обозначая конуры нового общества, которое, по мнению известного экономиста и организатора Давосского экономического форума Клауса Шваба, уже близко к переходу от капитализма к талантизму.

Этапы развития преобладающего мышления разных обществ в мире журнал *Harvard Business Review* предложил интерпретировать на основе идей Ф. Лалу в форме инфографика, приведенного на рис. 1.

Переход к Зеленой парадигме мышления меняет многое в деятельности людей и их организаций. Например, в патронажной службе *Buurtzorg* (Нидерланды) с почти 7000 медработников реализована холократия без среднего звена управленцев. О долгосрочном планировании количества визитов к пациентам, объеме работ команд медработников и каждого из них нет речи, а в прежних условиях они были основой планирования. Кроме высшего руководства фирмы, нет других начальников и нет больше необходимости совершать насколько возможно больше посещений пациентов, быстрее исполнять те или иные процедуры. Сегодня работники сами оперативно планируют визиты в зависимости от складывающейся ситуации у пациентов, распределяют их между собой, по договоренности перераспределяют между одинаковыми командами работающих на одной территории. А долгосрочно планируется только штат работников и развитие персонала. Медсестра из этой организации, в частности, так охарактеризовала новое: «Мы привыкли работать в крупных организациях и шутить насчет идиотов из администрации с их идиотскими распоряжениями. Теперь мы все делаем сами, и жаловаться приходится только себе» [2, с. 95].

Произошел кардинальный переход к естественно ответственно-му человеку, к развитию человеческого потенциала нового общекультурного уровня. Методы и формы линейного и смешанного (матричного) руководства-подчинения в дизайне организации заменяются сетевыми, горизонтальными отношениями, опирающимися на договоренности. Произошли изменения в планировании деятельности таких органических (живых) организаций к формам и методам, позволяющим максимизировать гибкость процессов в разработке, принятии и реализации управленческих решений.

По этому поводу известный гуру в менеджменте Питер Друкер заметил: «Культура организации ест стратегию на завтрак».

Что же дальше?

В Европе имеется большой конгломерат *Airbus*. Это не одна фирма, как *Boeing*. И если *Boeing* формирует у себя всю прибыль и может ее использовать на свое инновационное развитие, то в *Airbus* вся выручка с каждого проданного самолета распределяется среди фирм — участников его создания из Великобритании, Германии, Дании и других стран. Самолет только собирается в Тулузе (Франция). У этого конгломерата в конце XX в. проявилась проблема обеспече-

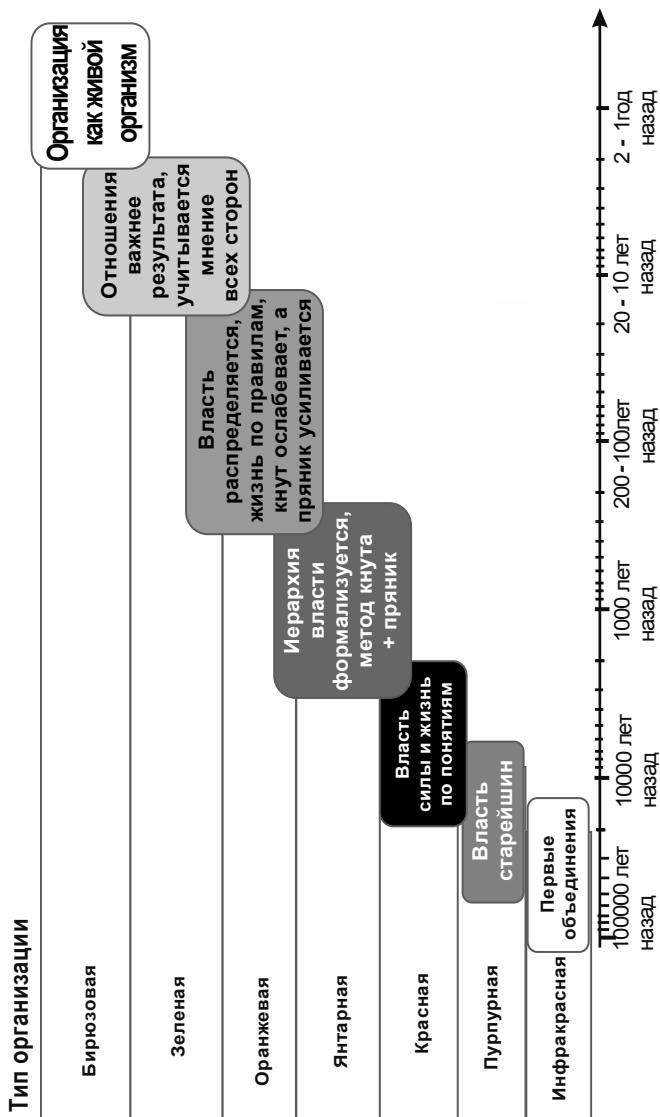

Рис. 1. Ступени развития человечества (по Ф. Лалу) с точки зрения познания, морали и психологии; изобретения новых способов сотрудничества, новых моделей организации совместного поведения и деятельности.
 Источник: <http://hbr-russia.ru/upravlenie/operatsionnoe-upravlenie/p17021/#ixzz3xiftOjeN>

ния инновационного развития самолетостроения, и они нашли вариант решения проблемы — создали методологию технологической платформы как объединения бизнесов, науки, образования, многих государств и финансовых структур вокруг общего видения будущего авиастроения, и не только его. Разрабатывается методология межгосударственных рамочных программ, в которых нет четко обозначенных целей. Объединяются ресурсы и представляется общее видение, и в любой стране ученые и технологи, объединения ученых и практиков могут предлагать новые решения, в том числе не только для авиации. Очень много разработок по фюзеляжам на основе композитных материалов было использовано в Siemens при создании современных железнодорожных составов. Успех этой программы позволил перейти к широкому использованию методологии рамочных программ во многих сферах европейской экономики.

Ф. Лалу пытается раскрыть представления о следующей ступени общественного развития $\frac{3}{4}$ Бирюзовой парадигме мышления и, соответственно, Бирюзовых организациях: «...великие парадоксы жизни, которые мы начинаем по-настоящему понимать, только достигнув Бирюзовой стадии развития сознания: свобода и ответственность, одиночество и единение, забота о себе и забота о других. <...> Прекратить отождествлять себя со своим эго $\frac{3}{4}$ еще один шаг к освобождению» [2, с. 68—69]. То есть он ведет речь об общем уровне культуры людей, при котором большинство материальных ориентиров, особенно подчеркивающих индивидуальную значимость людей (дворцы, яхты), отойдут на задний план или вообще исчезнут. При этом не отрицается необходимость обеспечения людей благами достойной жизни.

Как отмечает Сергей Бодрунов в своей работе «Ноономика», в первую очередь мы должны отказаться от всех излишних благ, сегодня навязываемых производителями зачастую через рекламу. Ориентирует на необходимость движения к другому обществу с более высоким уровнем культуры. Показывает, что в противном случае мы не сможем реализовать переход к Новому индустриальному обществу Второго поколения (НИО.2) [1, с. 109, 177]. Речь идет о достижении высокого уровня духовности, самоограничений в материальном потреблении за пределами необходимого для качественной жизни, а не о примитивном подчинении личных интересов людей интересам общества, что нам навязывала вчерашняя коммунистическая идеология. Это означает, как считает К. Уилбер, что забота человека о себе, должна быть неразрывно связана с заботой о других.

Соответственно, в планировании будущего нашего общества следует ориентироваться на достижение Бирюзового мышления, а поэтапный путь к этому будет заключаться в переходах от тех стадий

развития, на которых находятся сейчас народы разных стран, через соответствующее обучение людей новому поведению. Дании, Норвегии, Швейцарии, Швеции и еще некоторым странам остаются 1–2 перехода, а таким странам как Россия — практически четыре перехода, из которых наиболее сложным видится ближайший переход к инклюзивной модели государства и освоению в полной мере Оранжевого мышления!

Таким образом, определившись с индикативными целями будущего и необходимостью поэтапного, обязательно последовательно движения в освоении парадигм мышления, мы можем вести речь о методологии международных и государственных рамочных программ или иной более совершенной организации и планирования глобального развития наук, политики, организационных технологий и развития мышления людей, создания условий для движения людей к Новому индустриальному обществу Второго поколения (НИО.2), в котором главными действующими лицами будут люди с Бирюзовой парадигмой мышления.

При этом ключевой, как считает К. Уилберг, является проблема духовности, и «...эта проблема будет продолжать причинять вред развитым и "цивилизованным" странам, пока эта самая важная из всех проблем не будет признана, а затем выражена так, чтобы мы могли начать над ней работать» [5, с. 439].

■ Список литературы

1. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.
2. *Лалу Ф.* Открывая организации будущего: пер. с англ. В. Кулябиной; научн. ред. Е. Голуб. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
3. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории: пер. с англ. А. Бойков, А. Лисицына. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. С. 688. ил. (Серия «Мастера психологии»).
4. *Уилбер, К.* Краткая история всего. Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2000.
5. *Уилбер К.* Теория всего. Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности. ООО «Издательский дом «ПОСТУМ», 2017.
6. Planning // Свободная энциклопедия «Wikipedia». <https://en.wikipedia.org/wiki/Planning>.

С.В. Кочетков¹

S.V. Kochetkov²

О.В. Кочеткова³

O.V. Kochetkova⁴

ПЛАНИРОВАНИЕ — ПРОГРАММНАЯ ЦЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Planning is the programmatic purpose of economic policy

Статья посвящена вопросам планирования науки и техники. Подчеркивается, что интеграция науки и производства — это ключевой путь повышения уровня планирования. Доказана объективная необходимость и представлено основное содержание планирования научно-технического развития. Планирование исследовано от наращивания ресурсов к их рациональному использованию. Обосновано, что планирование научно-технологического развития хозяйственной системы выступает в качестве инструмента структурной перестройки экономики. Базируясь на этом, предложена модель новой экономической политики нашей страны. В заключении сформулированы практические рекомендации по использованию планирования развития науки и техники в российской экономике.

Ключевые слова: планирование, наука, техника, программа, научно-технологическое развитие, экономическая политика.

The article is devoted to the issues for planning of science and technics. It is emphasized that the integration of science and industry is a crucial way to improve the level of planning. The objective necessity is proved and the main content of the planning of scientific and technical development is presented. Planning is investigated from increasing of the resources to their rational use. It has been substantiated that the planning of scientific and technological development of the economic system acts as a tool for restructuring the economy. Based on this, a model of the new economic policy of our country has been proposed. In the conclusion, practical recommendations are formulated for the use of planning for development of science and technics in the Russian economy.

Keywords: a planning, the science, the technics, a program, the scientific and technological development, an economic policy.

¹ Кочетков Сергей Вячеславович, доктор экономических наук, советник государственной гражданской службы Российской Федерации I класса, член Санкт-Петербургской региональной общественной организации Общероссийской общественной организации, «Вольное экономическое общество России».

² Sergei V. Kochetkov, Doctor of Sciences in Economics, The Counsellor at the State Civilian Service of the Russian Federation of the First Class St. Petersburg regional public organization of the All-Russian public organization The Free Economic Society of Russia.

³ Кочеткова Олеся Вячеславовна, кандидат экономических наук, независимый ученый-экономист.

⁴ Olesia V. Kochetkova, A Candidate of Sciences in Economics An Independent Scientist and Economist.

Введение

Развитие общества опирается именно на материальный фундамент экономики, на преобразования в производительных силах и в системе производственных отношений [3]. При реализации целей и задач создания нового хозяйственного механизма в современных условиях первостепенное внимание должно уделяться развитию материального производства, его техническому перевооружению, обновлению системы и методов хозяйствования. Предстоит существенно повысить эффективность производства, привести в действие интенсивные факторы экономического роста (научные исследования), осуществить кардинальную реформу управления экономикой [1, 2]. Связать воедино все эти процессы и призвано планирование.

Интеграция науки и производства — ключевой путь повышения уровня планирования

В современных условиях инновационного развития, интенсивного увеличения объема научной и научно-технической информации, быстрой сменяемости и обновления знаний особое значение приобретает новая экономическая политика, суть которой заключается в интеграции науки и производства. Экономическая политика должна быть нацелена на:

- ❑ создание благоприятных условий для динамического прогресса всех отраслей хозяйственной системы на всех уровнях (от предприятий и их объединений, отраслей, регионов и экономических районов и заканчивая экономикой в целом);
- ❑ концентрацию кадров, материальных и финансовых ресурсов для первостепенного развития наиболее перспективных направлений науки, призванных ускорить достижения намеченных экономических и социальных целей.

В этой связи в хозяйственной системе интеграция науки и производства:

- ❑ определяет основные направления развития науки и техники, меры по повышению эффективности научных исследований, по внедрению полученных результатов в производство;
- ❑ организует контроль за ходом внедрения научно-технической информации;
- ❑ координирует разработку межотраслевых проблем;
- ❑ обеспечивает научно-техническое сотрудничество между странами в рамках международных хозяйственных систем.

Важными задачами интеграции науки и производства являются также оценка уровня развития науки и техники по отраслям хозяйственной системы, контроль за выполнением научных исследований по основным направлениям науки и техники; изучение и популяризация передового опыта по созданию современной техники в нашей стране и за рубежом. Также организация научных исследований должна осуществлять методическое руководство этими процессами.

Для решения научных и научно-технических вопросов в хозяйственной системе должны создаваться научные советы по важнейшим комплексным и межотраслевым проблемам, выполняющие роль научно-консультационных центров. В их состав должны входить ведущие ученые страны, работающие в том числе и в высшей школе.

Таким образом, создается новый институт развития — планирование. При этом задачи интеграции науки и производства должны состоять в следующем.

Планирование: объективная необходимость и основное содержание

Одним из условий интенсификации производства, повышения его эффективности и тем самым перевода экономики на путь инновационного развития является совершенствование методов планирования научно-технического прогресса.

С каждым годом возрастает значение науки. В современной экономике и в науке нужно повышать качество работы и производительность труда. Все более актуальными становятся повышение «отдачи» научных учреждений, ускорение внедрения научных разработок в производство. В ближайшей перспективе еще более возрастает роль научно-технологического развития в решении экономических и социальных вопросов. Все это определяет необходимость значительного улучшения планирования науки и техники, а также организации научных исследований в хозяйственной системе и управления ими.

С развитием науки в ней усиливаются интеграционные процессы. Возникают новые науки, синтезирующие отдельные направления исследований, повышается роль фундаментальных исследований в развитии прикладных наук, в росте технического уровня производства и качества продукции. В этих условиях планирование отдельных, в том числе и крупных, научно-технических разработок без их увязки и комплексного подхода к ним не может дать необходимого эффекта. Возникает потребность в составлении комплексных прогнозов и программ развития науки и техники. Это первоочередное требова-

ние к улучшению планирования науки и техники на современном этапе.

Планирование развития науки и техники в хозяйственной системе предусматривает разработку комплексных программ научно-технологического развития и программ по важнейшим научно-техническим проблемам, определяемым основными направлениями развития науки и техники, необходимыми для этого ресурсами. Эти программы служат основой для составления перспективных планов развития хозяйственных систем. Они базируются на прогнозах развития отдельных наук и видов техники, а также результатов внедрения научно-технических достижений в производство. Тем самым выявляются основные тенденции развития науки и техники, определяются главные научно-технические достижения, которые нужно учитывать в перспективных планах развития науки и техники и всей хозяйственной системы.

Комплексная программа научно-технического развития хозяйственной системы должна составляться на основе обобщения прогнозных исследований и научных разработок академической науки, отраслевых центров и высших учебных заведений.

В таких планах особое значение имеет решение следующих важнейших проблем развития науки и техники:

- ❑ создание и широкое внедрение принципиально новых орудий труда; ускорение процесса обновления производственных фондов, прежде всего на действующих предприятиях, для получения наибольшего прироста продукции при относительно меньших капитальных вложениях;
- ❑ ускоренное развитие машиностроения для внедрения достижений технического прогресса во все отрасли хозяйственной системы;
- ❑ увеличение производства машин и агрегатов большой единичной мощности, создание системы машин для комплексного оснащения процессов производства, конструирование и производство машин для выполнения принципиально новых рабочих процессов;
- ❑ обеспечение опережающего развития межотраслевого производственного комплекса, ускорения технического прогресса и роста производительности труда во всей хозяйственной системе, улучшения условий труда и быта;
- ❑ разработка научно-технических проблем, связанных с увеличением производства новых прогрессивных материалов и улучшением их структуры;
- ❑ усиление роли научно-технического прогресса в повышении качества жизни населения регионов хозяйственной системы.

Для повышения роли комплексных программ научно-технологического развития хозяйственной системы в обосновании перспективных и текущих планов ее развития требуется их периодически уточнять, с тем чтобы постоянно иметь долгосрочную перспективу развития науки и техники. Эти программы составляют органическую составную часть текущего и долгосрочного планирования, дают ориентиры, без которых нельзя эффективно управлять экономикой.

Значение такой организации научных исследований в хозяйственной системе в форме составления комплексных программ научно-технического развития состоит не только в определении направлений развития науки и техники и, следовательно, исходных позиций для планирования темпов роста и совершенствования структуры производства, но и в выявлении экономических и социальных последствий развития науки и техники.

В этой связи совершенствование планирования и управления наукой и техникой является в то же время одной из предпосылок разработки научно обоснованной комплексной программы повышения качества жизни и всестороннего развития населения.

Необходимо помнить, что эти программы, как и прогнозы по различным направлениям развития науки и техники, служат исходным материалом для составления перспективных планов не только развития науки и техники, но и всей хозяйственной системы. При составлении планов ее развития большое внимание следует уделять разработке программ решения крупных научно-технических проблем отраслевого и межотраслевого значения. Среди них видное место должны занимать программы создания системы машин. В этих планах нужно устанавливать задания по разработке новых технологических процессов, а также по повышению технического уровня выпускаемой продукции.

Такая система планов включает:

- план развития науки и техники в хозяйственной системе, предусматривающий разработку и внедрение межотраслевых, наиболее крупных научных и технических проблем;
- план развития науки и техники отрасли и региона;
- план научно-технических работ объединений и предприятий.

Планирование развития науки и техники в хозяйственной системе должно основываться на единой научно-технической политике, межотраслевом подходе к обоснованию и реализации достижений науки и техники, рациональном отборе наиболее прогрессивных направлений развития науки и техники с учетом их экономических и социальных последствий, что является ее важным преимуществом на современном этапе экономического развития.

От наращивания ресурсов — к их рациональному использованию

В настоящее время, когда первостепенное значение имеют интенсивные факторы роста экономики, требуется разработка таких планов, в которых все показатели развития хозяйственной системы основывались бы на широком внедрении научно-технических достижений в производство.

В этой связи план развития науки и техники должен быть исходным для разработки всех других разделов и показателей плана развития хозяйственных систем любого уровня сложности (предприятие, объединение предприятий, отрасль, регион, экономический район, экономика в целом). Его следует составлять с некоторым опережением, что позволяет полнее учитывать влияние научно-технического прогресса на эффективность производства и совершенствование его структуры. В этих условиях постановка научных исследований в хозяйственных системах должна основываться на следующих принципах, которые предполагают:

- ❑ оптимальное сочетание централизованного (в масштабе хозяйственной системы) планирования развития науки и техники с широкой инициативой научно-исследовательских организаций, объединений и предприятий в области разработки и реализации планов научных исследований и внедрения новой техники;
 - ❑ непрерывность планирования на базе сочетания разработки долгосрочных комплексных программ научно-технического развития с разработкой планов на средне- и краткосрочный периоды;
 - ❑ соблюдение комплексности планирования, ориентации на конечные результаты и взаимоувязка межотраслевых научно-технических проблем при их решении по ресурсам, срокам выполнения и исполнителям;
 - ❑ тщательное и всестороннее обоснование экономической эффективности и технико-экономической прогрессивности намечаемых к реализации научно-технических разработок и достижений;
 - ❑ определение наиболее эффективных и прогрессивных направлений науки и техники на современном этапе развития экономики.
- Основными разделами отраслевого плана развития науки и техники являются [4, с. 176–177]:

- 1) научно-технические программы;
- 2) план научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- 3) план освоения новых видов продукции, включая изготовление и испытание опытных образцов и их серий;

- 4) план внедрения прогрессивных технологических процессов;
- 5) план основных заданий по научно-техническим проблемам, решаемым в сотрудничестве с зарубежными странами;
- 6) план стандартизации важнейших видов продукции и метрологическое обеспечение отрасли;
- 7) план основных показателей технико-экономического уровня производства и выпускаемой продукции;
- 8) план подготовки научных и научно-педагогических кадров;
- 9) план финансирования научно-исследовательских работ;
- 10) план экономической эффективности научно-технических мероприятий.

В целях увязки плана развития науки и техники с другими разделами плана развития хозяйственной системы он составляется по форме, приведенной в табл. 1.

Таблица 1

План развития науки и техники хозяйственной системы

Мероприятия	Сроки внедрения	Стоимость по смете, тыс. руб.	Экономический эффект от внедрения в планируемом периоде
		Всего	В том числе на планируемый период
...			
Выпуск новых видов продукции			Снижение трудоемкости
Внедрение прогрессивной технологии			Относительное уменьшение численности работников
...			Экономия от снижения себестоимости
...			Прирост производственной мощности в соответствующих единицах
Итого			Годовой экономический эффект
			Срок окупаемости капитальных вложений

Проблема увязки планов развития науки и техники с планами производства — одна из центральных проблем планирования. Ее решение требует четкой координации плановой работы на уровне хозяйственной системы, комплексного планирования науки и производства.

Вместе с тем необходимо принимать меры к тому, чтобы при разработке планов развития объединений и предприятий показатели их деятельности не ухудшались в случаях расширения выпуска новой техники. Известно, что при увеличении выпуска новых видов продукции темпы роста производства и производительности труда могут снижаться.

В некоторых случаях предприятия, выпускающие осволенную или даже устаревшую продукцию, оказываются в преимущественном положении по сравнению с предприятиями, которые увеличивают выпуск новых, прогрессивных изделий. Это противоречие преодолевается в первую очередь с помощью плана. При составлении планов необходимо полнее увязывать задания по новой технике с другими показателями. В ряде случаев надо предусматривать снижение темпов роста выпуска осволенной продукции и повышение удельного веса новых изделий. Эти тенденции следует учитывать и в планировании стоимостных показателей, а также при установлении цен.

На основе отраслевого плана развития науки и техники формируются задания по внедрению в производство важнейших достижений научно-технологического развития объединениям и предприятиям отрасли. Планы развития объединений и предприятий различаются между собой степенью детализации разработки, а также масштабами воздействия на производственный потенциал и результаты их деятельности.

Планирование как инструмент структурной перестройки экономики

На современном этапе планирование научно-технологического развития хозяйственных систем должно опираться на следующие основные направления.

Вместо планирования отдельных научных разработок и мероприятий по улучшению техники и технологии производства необходимо составлять перспективные планы научно-технического развития, основанные на долгосрочных научных прогнозах и комплексных программах развития науки и техники. При этом речь идет о разработке системы программ. В планах отраслей, регионов, объединений и предприятий следует предусматривать программы и показатели, определяющие направления развития науки и техники, повышение

технического уровня производства, создание и промышленное освоение комплексов, серий и видов оборудования, машин и механизмов.

Рост масштабов научно-технологического развития требует включения в перспективные планы программ создания и освоения важнейших видов оборудования, машин и механизмов, а также программ внедрения в производство системы машин для совершенствования производственных процессов. В то же время большое значение имеют задания по серийному производству системы машин, а также выделение головного предприятия, ответственного за создание, освоение и промышленное производство такой системы.

Перспективные планы развития науки и техники должны координировать деятельность отраслей, объединений и предприятий, а также научно-исследовательских организаций в создании, освоении, производстве и внедрении системы новых машин или других объектов новой техники. При этом важно не только согласование в плане объема работ по созданию и внедрению новой техники, но и своевременное обеспечение научных организаций, предприятий оборудованием, материальными и финансовыми ресурсами.

Более четкое определение задач и назначения отдельных видов планов научно-технического развития, а также прав и ответственности объединений и предприятий в этом вопросе.

Первостепенное значение имеет совершенствование методов составления долгосрочного плана развития науки и техники с распределением заданий (решение наиболее крупных научно-технических проблем или направления развития науки и техники) по планируемым периодам. В текущих и перспективных планах развития науки и техники хозяйственной системы должна быть предусмотрена разработка межотраслевых и важнейших отраслевых научно-технических проблем. В планы включаются также задания по основным направлениям научно-технического развития.

Обоснованность планов развития науки и техники хозяйственных систем во многом предreshается качеством научных прогнозов и комплексных программ научно-технического прогресса, что, в свою очередь, зависит от правильной координации деятельности научных организаций, объединений и предприятий по разработке проблем научно-технического прогнозирования и планирования.

Немаловажное значение имеет также своевременное и качественное составление отраслевых и территориальных планов развития науки и техники. За разработку и выполнение этих планов и прогнозов развития науки и техники должны нести ответственность головные объединения и предприятия на уровне хозяйственной системы.

В связи с повышением роли долгосрочных планов в развитии хозяйственных систем и сбалансированности экономики возрастает также значение перспективных планов развития науки и техники с распределением заданий по годам. В таких планах развития науки и техники предусматривается разработка важнейших межотраслевых и отраслевых проблем. Видное место в них занимают задания по разработке, освоению и внедрению в производство системы машин, оборудования и новых технологических процессов, а также важнейшие задания по повышению технического уровня производства. Долгосрочные планы по отраслям и регионам предусматривают повышение технического уровня производства и выпускаемой продукции. В годовых планах конкретизируются и уточняются задания долгосрочных планов с учетом их выполнения.

Улучшение системы показателей плана с учетом требований развития науки и техники и повышения эффективности производства.

Прежде всего, возрастают требования к показателям технического уровня и качества продукции, а также эффективности новой техники. В конечном итоге научно-технологическое развитие находит свое выражение в увеличении выпуска новой продукции с высокими технико-экономическими показателями, в расширении производства продукции высокого качества, удовлетворяющей потребностям хозяйственной системы. Это значит, что необходимо стремиться к расширению выпуска новой продукции, которая по своим технико-экономическим показателям превосходит имеющиеся в мировом хозяйстве достижения. В планах должны также предусматриваться сроки снятия с производства морально устаревшей продукции.

Модель новой экономической политики

Одной из задач плана развития науки и техники является установление заданий по разработке и освоению высокоэффективных машин и оборудования, создаваемых на основе или с использованием изобретений. Эти задания могут предусматриваться как в плане науки и техники хозяйственной системы, так и в планах отраслей, региональных планах развития, а также объединений и предприятий. При этом большое значение имеет своевременная передача изобретений, имеющих межотраслевой характер, в смежные отрасли.

В планах объединений и предприятий следует применять показатель, характеризующий изменение удельного веса продукции высшей категории качества в общем объеме реализуемых изделий. Определять необходимо также продукцию, снимаемую с производства.

Конечно, применение этих показателей — не единственный метод планирования качества продукции. Возможны и иные пути, в том числе отражение качества в системе натуральных показателей.

В ряде случаев научно-техническое развитие связывают только с разработкой, освоением и производством новых видов продукции. Расширение выпуска новой эффективной техники, новых видов сырья, материалов и др. — это, конечно, главная проблема научно-технического развития. Однако оно зависит также от улучшения технико-экономических параметров освоенной продукции, совершенствования структуры производства. Решение этой проблемы тесно связано с планированием выпуска продукции в натуральном выражении.

Среди утверждаемых заданий по выпуску важнейших видов продукции в натуральном выражении следует предусматривать:

- продукцию высшей категории качества;
- наименование и количество редких изделий производственного назначения;
- продукцию и комплектующие изделия, обеспечивающие увеличение выпуска прогрессивных видов продукции на других предприятиях или в объединениях;
- продукцию для экспорта.

В усилении роли натуральных показателей качества продукции большое значение имеет расширение практики планирования производства по заказам потребителей и оценки результатов деятельности предприятий в зависимости от поставок продукции в соответствии с хозяйственными договорами. В этом случае возрастает воздействие потребителей на качество изделий и повышается ответственность предприятий-поставщиков за выпуск продукции в необходимой номенклатуре.

В этих условиях интеграция науки и производства позволяет решить следующие проблемы:

- приближение научно-исследовательских организаций к производству в целях более быстрого внедрения научно-технических достижений. Эту задачу можно решить путем создания научно-производственных и других объединений, сближающих науку и производство;
- устранение параллельных функций в работе научных организаций и конструкторских подразделений предприятий;
- сосредоточение научных кадров, оборудования и финансовых ресурсов на важнейших направлениях фундаментальных и прикладных научных исследований;
- усиление координации деятельности научных организаций, разрабатывающих крупные научно-технические проблемы;

- внедрение экономических методов в управление наукой и оценку результатов деятельности научных организаций для повышения эффективности исследований.

В этой связи, на наш взгляд, разработка единого плана науки и производства выступит ничем иным, как механизмом формирования новой экономической структуры нашей страны.

Заключение

Особое значение для развития науки и техники в рамках хозяйственной системы имеет образование научно-производственных объединений, призванных теснее связать между собой научно-технические разработки, экспериментальные работы и внедрение результатов научно-технических достижений в производство.

Во главе таких объединений должны стоять крупные научно-исследовательские организации. Они активно привлекают конструкторов и проектировщиков, технологов и производственников к участию в совместной разработке научных и технических проблем. Исследователи уже на ранней стадии работы учитывают конкретные условия производства, а работники предприятий задолго до завершения разработки предъявляют исследователям и конструкторам соответствующие требования и ведут подготовку к внедрению продукции.

Главным выводом следует считать то, что для устойчивого развития нашей экономики представляется крайне необходимым восстановление и использование планирования как важнейшего фактора создания и обеспечения нового качества ее роста.

■ Список литературы

1. *Кочетков С.В., Трифонова Н.В.* Планирование развития международной хозяйственной системы: учебник; под общ. ред. д-ра экон. наук С.В. Кочеткова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 307.
2. Методологические проблемы перспективного планирования; под ред. В.Ю. Будаева. М.: Экономика, 1978. С. 207.
3. Советская экономика: новое качество роста: учеб. пособие; под ред. Л.И. Абалкина. М.: Политиздат, 1988. С. 350.
4. Экономика промышленности СССР [Для экон. вузов и фак. / В.С. Маврищев, В.И. Выборнов, Ф.П. Висюлин и др.]; под ред. В.С. Маврищева. 2-е изд., перераб. и доп. Мн.: Вышэйш. шк., 1984. С. 575.

И.В. Манахова¹

I.V. Manakhova²

К.С. Лузгина³

K.S. Luzgina⁴

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Strategic Planning to Ensure Economic Security

В статье обосновано, что для управления экономической безопасностью страны важно осуществить переход к стратегическому планированию. Необходимо формирование научного направления, которое формируется на стыке теории развития и общей теории безопасности. В ходе исследования рассмотрены Стратегия национальной безопасности РФ, Стратегия экономической безопасности РФ, представлены подходы к планированию. На основе оценки расходов бюджетной системы исследовано влияние стратегического планирования на экономическую безопасность. Обоснован вывод, что для повышения надежности системы стратегического планирования следует внедрить обязательную экспертизу показателей экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, стратегия, планирование.

The article reveals that for the management of the country's economic security, it is important to make the transition to strategic planning. It is necessary to form a scientific direction, which is formed at the junction of the theory of development and the general theory of safety. In the course of the study, the Strategy of National Security of the Russian Federation, the Strategy of Economic Security of the Russian Federation are considered, approaches to planning are presented. Based on the assessment of the expenditures of the budgetary system, the influence of strategic planning on economic security has been investigated. The conclusion is substantiated that in order to increase the reliability of the strategic planning system, a mandatory examination of economic security should be introduced.

Keywords: economic security, strategy, planning.

¹ Манахова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

² Irina V. Manakhova, Doctor of Economics Science, Professor, Professor of the Department of Political Economy at Lomonosov Moscow State University.

³ Лузгина Ксения Сергеевна, аспирант, Московский государственный гуманитарно-экономический университет.

⁴ Ksenia S. Luzgina, Postgraduate student at Moscow State University for the Humanities and Economics.

Экономическая безопасность государства является одним из приоритетных направлений национальной безопасности России, включает защиту основополагающих интересов государства, направлена на достижение стратегических целей в экономике.

История свидетельствует, что лидирующие позиции в мировой экономике занимали прежде всего страны, имеющие эффективную национальную стратегию. Ухудшение геополитического положения России в 90-е гг. стало результатом не только чисто экономических обстоятельств, но и недооценки стратегических вызовов конкурирующих стран.

Переход к стратегическому планированию не является возвратом к планированию в советский период. В прошлое время происходило планирование объемов для осуществления производства в натуральном выражении на пятилетний период. Стратегическое планирование подразумевает новую форму управления в условиях рыночной экономики, имеет отличительные особенности, уникальный механизм.

Под стратегией понимают обобщенный, недетализированный план, охватывающий длительный период времени, способ достижения сложной цели. Основная задача стратегии — эффективно использовать располагаемые ресурсы для достижения поставленной цели (в условиях ограниченности ресурсов стратегия особенно необходима для поэтапной реализации плана). При решении промежуточных, тактических задач происходит достижение основной цели. Фундаментальной идеей стратегии являются ее целевые установки и глубина стратегических мотивов, которые должны отражать ценности общества, быть морально-нравственными и реалистичными в достижении.

В разработке стратегии лежит планирование. Стратегическое планирование предполагает создание плана мероприятий, имеющих взаимосвязь по исполнителям (пространственная составляющая) и по срокам (временная составляющая), а также реализующих стратегические задачи.

Планирование в России имеет долгую историю, которая связана со специфичностью ее экономической системы. Д.А. Ермилина считает, что «первым этапом планирования в СССР было создание отраслевых годовых планов. В результате основное место в долгосрочном планировании заняли пятилетние планы, но всегда присутствовало желание создавать планы с большей продолжительностью периода планирования. Горизонт долгосрочного планирования определялся 15-летним сроком. Объективная основа этого периода связана с ограниченными возможностями инструментов и методов для надежного анализа и оценки перспектив социально-экономическо-

го развития, с увеличением периода планирования более чем 15–20 лет, надежность стратегий резко падает. Планы советского периода были представлены в виде основных направлений социально-экономического развития по общим совокупным показателям и поэтому, в определенной степени, являлись планово-прогнозными, прообразами индикативных планов» [3, с. 5].

Первые специалисты государственного планового комитета Совета Министров СССР являются людьми, известными по всему миру, которые заложили базу стратегического планирования. Председатель Госплана СССР (1937–1949 гг.) академик Н.А. Вознесенский, первый председатель Госплана СССР Г.М. Сорокина, а также И.Т. Александров, В.Р. Вильямс, И.М. Губкин, Д.Н. Прянишников, С.Г. Струмилин, М.А. Шателян являются российскими основателями планирования в советский период [4, с. 443].

Второй период развития стратегического планирования связан с военным периодом. Для решения возникающих экономических проблем глобального масштаба в годы Великой Отечественной войны необходимо было четкое научно-обоснованное планирование. Данный период послужил катализатором для ускоренного развития научной мысли в области планирования. Наиболее важные изменения происходили в институциональной структуре экономического управления, это было связано с началом работы Государственного комитета обороны в 1941 г. Под его руководством осуществлялось распределение всех ресурсов.

После окончания Второй мировой войны активно реализовывались программы по восстановлению экономики. В указанный период активно применяется централизованное планирование, метод, который эффективно использовался в период войны. В то же время советские ученые искали возможные пути для решения проблем преодоления экономических трудностей, которые возникали в ходе организационной перестройки плановой экономики. Тогда были сделаны первые попытки применения математических приемов для решения задач оптимального планирования.

Отмена централизованного и всеобъемлющего планирования произошла в 1991 г., что связано с упразднением Государственного планового комитета СССР. Произошла замена на регулятивное (индикативное) планирование. С. Глазьев отмечает, что переход от баланса к программно-целевой технологии планирования, соответствующей технологии рыночного планирования, необходим и важен для России.

Кратко этапы развития стратегического планирования в России представлены на рис. 1. На первом этапе принимаются годовые,

а после пятилетние отраслевые планы распределения в СССР. Второй этап связан с военным периодом и необходимостью распределения всех ресурсов с помощью единого центра. На третьем — начинают применяться математические методы, которые позволяют сделать прогнозы на будущее с помощью более точных моделей. В настоящий момент Россия находится на четвертом этапе развития стратегического планирования, который связан с принятием программно-целевых документов (см. рис. 1).

Рис. 1. Этапы становления стратегического планирования в России

Таким образом, пройдя все этапы, стратегическое планирование в России обрело мощный фундамент научной разработанности и практического применения, что позволяет в настоящий момент разрабатывать, принимать и реализовывать стратегические программы развития и обеспечения безопасности.

Разработка стратегии исходит из осознанных фундаментальных интересов государства, общества и личности. Этот процесс является одним из звеньев в системе органически связанных между собой последовательных этапов и направлений социально-экономического развития личности, общества и государства и поэтапно выглядит определенным образом [1, с. 67].

На первом этапе создается концептуальная и нормативно-правовая база, разрабатывается концепция. Разработка осуществляется при участии высших органов власти с привлечением ведущих научно-исследовательских учреждений страны на длительную перспективу, она может включать ряд основных направлений: государственно-правовое, социальное, экономическое, внешнеполитическое, оборонное, федеральное (внутреннее), экологическое, информационное и др. В основе разработки концепции лежит планирование. Существует два основных подхода к планированию, которые представлены на рис. 2.

Под «генетическим» планированием предполагалось перемещение в будущее (экстраполяция) тенденций текущего периода. «Теологическое» планирование основано на достижении определенных плановых показателей с поэтапной разбивкой и определением размеров инвестиций и материально-технической базы.

Рис. 2. Методы планирования

На втором этапе необходимо формирование доктрины России, которая состоит из основополагающих доктринальных документов, как военная, экономическая, социальная, экологическая и др. Министерства и ведомства разрабатывают ее при поддержке комитетов и комиссий парламента с участием научно-исследовательских учреждений.

На третьем этапе на основе сформулированной доктрины определяется стратегия, то есть линия поведения институтов государства, отвечающая на методологический вопрос: как, какими силами и средствами решать стратегические вопросы в ближайшем будущем.

Четвертый этап включает в себя различные планы, приказы, директивы, распоряжения и прочие нормативные правовые акты кратковременного действия, а также более конкретные документы, которые являются программами действия различных ведомств.

Отечественный и зарубежный опыт разработки материалов стратегического характера показывает, что их необходимо рационально структурировать. В самом общем виде документ должен иметь следующие составные части:

- ❑ преамбулу, где следует отметить актуальность и цель создания разрабатываемого документа, а также охарактеризовать сложившуюся ситуацию;
- ❑ исходные положения (концепт), в которых необходимо сформулировать планируемые интересы, а также возможные угрозы и вызовы;
- ❑ методологию (каркас), которым должна стать система механизмов для достижения развития России, а ее целями — получение полной и достоверной информации всеми субъектами;
- ❑ технологию (модель обеспечения), в которой отражается совокупность целевых программ и создается система оперативного

управления их выполнением путем обоснования, обеспечения, контроля и поддержания выбранных показателей;

- заключительные положения, где формулируются общие рекомендации и обозначаются перспективы развития России.

Таким образом, стратегия разрабатывается следующим образом: создается нормативная база, формируется доктрина, подготавливается стратегия, принимаются детализирующие документы. Для эффективного функционирования стратегия должна иметь обязательные части, такие как преамбула, концепт, каркас, модель обеспечения и заключительные положения.

Е.Н. Ведута отмечает, что «различные цели стратегий и возможности их реализации определяют принципиальные различия систем стратегического планирования. Исходя из необходимости разработки и реализации стратегического плана, определяются параметры экономической политики, в том числе требуемые институциональные преобразования страны» [2, с. 12]. Применение определенных методов стратегического планирования в конкретный период времени, а также допустимый уровень вмешательства государства в экономику заложены в приоритетных целях страны.

Стратегическое планирование в РФ — это деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В современной России реализуется комплекс документов стратегического планирования, которые принимаются в рамках различных фаз управления. Основным документом стратегического планирования, принятым для обеспечения безопасности страны, является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. В основу данной Стратегии положено фундаментальное методологическое положение о взаимосвязи и взаимозависимости устойчивого социально-экономического развития государства и обеспечения национальной безопасности. 31 декабря 2015 г. Указом Президента РФ № 683 утверждена Стратегия национальной безопасности РФ [13], которая является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты РФ, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности РФ и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу.

Стратегия национальной безопасности РФ разработана на основополагающих началах взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности РФ и социально-экономического развития страны. Она призвана содействовать развитию национальной экономики, повышению качества жизни населения России, укреплению политической стабильности в обществе, обеспечению обороны страны, безопасности государства и общества, повышению конкурентоспособности и международного престижа России. К несомненным достоинствам Стратегии национальной безопасности РФ относится то обстоятельство, что процессы обеспечения национальной безопасности рассматриваются сквозь призму устойчивого развития и глобальных процессов, происходящих в мире.

Данная стратегия содержит, прежде всего, следующие основные положения: Стратегия — это система взглядов, направленных на обеспечение безопасности в России личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз во всех сферах жизни. Стратегия национальной безопасности РФ отражает важнейшие направления государственной политики России.

Стратегия национальной безопасности России устанавливает приоритеты и ориентиры для координации других нормативных актов. Стратегия — это не прогноз, а направленность долгосрочного развития независимо от изменений внешних и внутренних условий. Стратегия исходит не из адаптации страны к существующим условиям, а из целевой модели ее будущего развития, основанной на стабильной (инвариантной) системе целевых показателей постепенного развития [1, с. 87].

Особое внимание в Стратегии национальной безопасности уделено вопросам экономической безопасности страны. К стратегическим целям обеспечения безопасности страны относят: «экономическое развитие страны, обеспечение экономической безопасности и создание условий для повышения уровня и качества жизни граждан, переход экономики на новый уровень технологического развития, становление России одной из ведущих стран по объему валового внутреннего продукта, которая способна эффективно противостоять внутренним и внешним угрозам» [13].

В настоящей момент действует Стратегия экономической безопасности до 2030 г. [12], утвержденная Указом Президента от 13 мая 2017 г. № 208, которая включает пять разделов:

I. Общие положения. Принципиально важно, что в этом разделе определено, что «Стратегия экономической безопасности РФ разработана в целях реализации стратегических национальных приоритетов РФ» [12]. Без обеспечения экономической безопасности практически

невозможно решить ни одну из задач, стоящих перед государством, как во внутригосударственном, так и в международном плане [15, с. 72].

II. Вызовы и угрозы экономической безопасности. В данном разделе отражено состояние экономики современной России, факторы, негативно влияющие на ее социально-экономическое развитие, а именно геополитическая нестабильность, неустойчивость развития мировой экономики и т.д. В Стратегии экономической безопасности РФ сформулированы вызовы и угрозы экономической безопасности, которые в обязательном порядке должны учитываться при разработке документов стратегического планирования в сфере социально-экономического развития РФ.

III. Цели, основные направления и задачи государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. В этом разделе сформулированы «цели, направления государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности, а также задачи, касающиеся обеспечения устойчивого роста реального сектора экономики, устойчивого развития национальной финансовой системы, обеспечения безопасности экономической деятельности, развития человеческого потенциала и др.» [12].

IV. Оценка состояния экономической безопасности

В этом разделе важны следующие принципиальные положения:

- ❑ представлены 40 показателей состояния экономической безопасности;
- ❑ обозначен орган, осуществляющий мониторинг и оценку состояния экономической безопасности;
- ❑ отражена информационно-аналитическая поддержка.

V. Этапы и основные механизмы реализации стратегии экономической безопасности РФ. Реализация данной стратегии происходит в два этапа. На первом этапе (до 2019 г.) разрабатывались и реализовались меры организационного, нормативно-правового и методического характера в целях обеспечения экономической безопасности, совершенствовался механизм мониторинга и оценки ее состояния. На втором этапе (до 2030 г.) будут выполняться меры по нейтрализации вызовов и угроз экономической безопасности.

Стратегия экономической безопасности РФ — это документ стратегического планирования, предназначенный для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, определенных в Стратегии национальной безопасности. Объектами экономической безопасности России являются жизненно важные экономические интересы личности, общества и государства (экономика страны в целом и ее регионов, конкретные рынки, отдельные юридические и физические лица) [7, с. 39].

Для детального рассмотрения и изучения влияния стратегического планирования необходимо рассмотреть и провести сравнительный анализ показателей экономической безопасности до принятия Стратегии экономической безопасности и в настоящий момент. Для этого следует проранжировать риски экономической безопасности страны и сравнить их.

Законодатель закрепил под понятием «риск в области экономической безопасности» возможность нанесения ущерба, который способен при определенных условиях привести к возникновению угрозы экономической безопасности» [12]. Риск связан с неопределенностью результатов будущего, возможностью наступления отрицательных результатов и событий, которые влияют на функционирование государства.

Расчет уровня экономической безопасности является объективным, так как осуществляется экспертом, а также носит вероятностный характер из-за неясности будущего и невозможности просчета негативных последствий, которые могут реализоваться, например, из-за объективных факторов или вследствие принятия управленческих решений. Для минимизации ущерба, причиняемого в случае перерастания рисков в угрозы, необходимо учитывать кризисные ситуации в социально-экономическом плане.

Для оценки влияния стратегического планирования на экономическую безопасность России необходимо дать им количественную характеристику. Для этого следует произвести оценку уровня экономической безопасности, которая осуществляется путем сравнения фактических параметров с количественными показателями пороговых значений экономической безопасности. Данные показатели являются величинами, отражающими стратегические интересы страны в области экономики. При превышении фактических параметров пороговых значений происходит нарушение экономической безопасности страны, создаются угрозы ее национальным интересам. Пороговые значения безопасности были разработаны в России ИЭ РАН в 1998 г. и уточнялись в 2008 г. и в 2010 г. в связи с изменением экономической ситуации, а значит, и национальных интересов в области экономики [8, с. 34]. Однако указанные пороговые показатели не были официально приняты или утверждены, не нашли отражение в нормативных правовых актах РФ и поэтому используются в основном в научных материалах.

Для ранжирования рисков экономической безопасности рассмотрим индикаторы устойчивости федерального бюджета, так как именно проводимая экономическая политика государства задает направления развития всего общества и должна способствовать обеспечению экономической безопасности.

Индикаторы устойчивости федерального бюджета и их пороговые значения [11, с. 107]:

1. Отношение дефицита государственного бюджета к ВВП:

$$\frac{|BD|}{GBR} 100\% \leq 3\%, \quad (1)$$

где BD — дефицит федерального бюджета; GDP — валовой внутренний продукт.

2. Отношение государственного долга к ВВП:

$$\frac{GD}{GDP} 100\% \leq 60\%, \quad (2)$$

где GD — государственный долг; GDP — ВВП.

3. Отношение внешнего долга к ВВП;

$$\frac{GD_e}{GDP} 100\% \leq 30\%, \quad (3)$$

где GD_e — внешний долг; GDP — ВВП.

4. Отношение внутреннего долга к ВВП:

$$\frac{GD_i}{GDP} 100\% \leq 30\%, \quad (4)$$

где GD_i — внутренний долг; GDP — ВВП.

5. Отношение расходов на обслуживание государственного долга по отношению к общим расходам федерального бюджета:

$$\frac{BE_{GD}}{BE} 100\% \leq 20\%, \quad (5)$$

где BE_{GD} — расходы на обслуживание государственного долга в федеральном бюджете; BE — общий объем расходов федерального бюджета.

Рассчитаем по приведенным формулам состояние экономической безопасности России за 2007–2019 гг. (см. табл. 1).

В первом столбце обозначен номер формулы, по которой производился расчет. Отношение дефицита государственного бюджета к ВВП (1) в 2007, 2008, 2011, 2018 и 2019 гг. не рассчитывался, так как в данные периоды федеральный бюджет России был профицитным. Отношение государственного долга к ВВП (2) складывается из показателей внешнего (3) и внутреннего (4) долга к ВВП. Отношение расходов на обслуживание государственного долга по отношению к общим расходам федерального бюджета (5) отражает долю расходов по обеспечению долга в общих расходах федерального бюджета.

Таблица 1

Индикаторы устойчивости федерального бюджета, %

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	x	x	6,0	3,9	x	0,1	0,4	0,4	2,4	3,4	1,4	x	x
2	27,4	30,6	42,7	35,2	28,5	30,8	34,8	40,3	53,5	47,7	43,3	36,1	39,7
3	24,2	27,5	38,8	30,7	23,6	24,7	28,0	33,1	44,8	39,2	34,6	27,7	31,3
4	3,2	3,1	3,9	4,5	4,9	6,1	6,8	7,2	8,7	8,5	8,7	8,4	8,4
5	3,1	2,6	2,3	2,4	2,4	2,5	2,7	2,8	3,3	3,8	4,3	4,8	4,0

Примечание: рассчитано на основании данных Министерства финансов Российской Федерации (5) и Федеральной службы государственной статистики (14).

Большинство индикаторов бюджетной безопасности имеют различную размерность, а следовательно, получение оценки экономической безопасности непосредственно из фактических значений индикаторов затруднительно. Для получения объективной оценки уровня экономической безопасности требуется преобразовать значения в определенную систему [11, с. 46]. Для этого необходимо:

Во-первых, провести нормировку показателей, в результате которой показатели примут безразмерный вид, удобный для их сравнения и анализа:

$$y = \begin{cases} 2^{(1-\frac{x}{a})/\ln\frac{10}{3}}, & \text{если } \frac{x}{a} < 1; \\ 2^{-\log_{10}/3 \frac{x}{a}}, & \text{если } \frac{x}{a} \geq 1, \end{cases} \quad (6)$$

где x — реальное значение индикатора, a — его пороговое значение [9, с. 43].

С помощью логарифмических показателей возможно изучение изменений показателей внутри сектора, а степенная зависимость предоставляет возможность для отброса незначительных элементов при существенном превышении индикаторами своих пороговых значений.

Приведем по формуле 6 индикаторы устойчивости федерального бюджета к единой размерности (см. табл. 2).

В первом столбце указаны индикаторы устойчивости федерального бюджета по номеру формулы, в которой они представлены. Отношение дефицита государственного бюджета к ВВП в 2007, 2008, 2011, 2018 и 2019 гг. не рассчитаны, так как в указанные периоды

Таблица 2

Нормировка показателей устойчивости федерального бюджета

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	х	х	0,67	0,86	х	1,76	1,63	1,64	1,13	0,92	1,35	х	х
2	1,37	1,33	1,18	1,27	1,35	1,32	1,27	1,21	1,06	1,13	1,17	1,26	1,22
3	1,12	1,05	0,86	0,99	1,13	1,11	1,04	0,94	0,79	0,86	0,92	1,05	0,98
4	1,67	1,67	1,65	1,63	1,62	1,58	1,56	1,55	1,50	1,51	1,51	1,51	1,51
5	1,62	1,65	1,66	1,66	1,66	1,66	1,65	1,64	1,62	1,59	1,57	1,55	1,58

Примечание: рассчитано автором на основании табл. 1 по формуле 6.

бюджет был профицитным. Цветом выделены показатели, значение которых меньше единицы, следовательно, возникает риск для экономической безопасности страны.

Далее необходимо провести агрегирование информации. Для ранжирования рисков экономической безопасности предлагается использовать пять основных «зон риска», представленных на рис. 3:

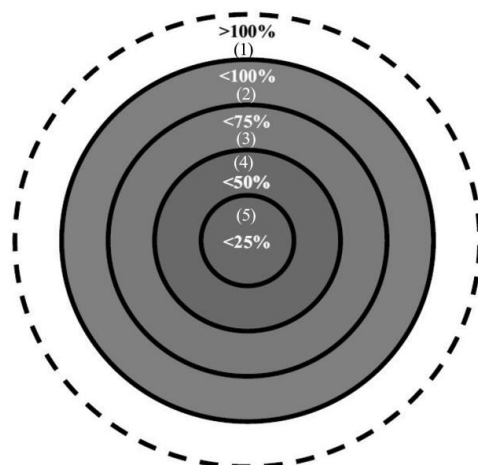

Рис. 3. Ранжирование рисков экономической безопасности

(1) — зона стабильности. Данная зона при выполнении комплекса определенных превентивных мер служит гарантом обеспечения высокого уровня бюджетной безопасности;

(2) — зона умеренного риска. Данная зона является достаточно типичной для целого ряда индикаторов и, как правило, не представляет значительных угроз;

(3) — зона значительного риска. Данная зона свидетельствует о нежелательности сложившегося положения, определяет необходимость анализа тенденций изменения соответствующих индексов;

(4) — зона критического риска. Данная зона свидетельствует о развитии кризисных явлений и требует стратегических решений для постоянного выхода в более безопасную зону;

(5) — зона катастрофического риска. Данная зона является наиболее опасной и свидетельствует о наличии реальной угрозы бюджетной безопасности и требует немедленного вмешательства со стороны государства.

Значения из табл. 2 приведем в процентное соотношение. В периоды, когда бюджет являлся профицитным присвоим максимальное значение безопасности, так как не создавалась угроза дефицита бюджета. Для наглядности сравнения показателей экономической безопасности по годам построим лепестковую диаграмму (см. рис. 4).

Рассматриваемые индикаторы в основном находятся в «зоне стабильности», то есть обеспечивается высокий уровень экономической безопасности России. За исследуемый период в «зоне критического риска» был только один индикатор — отношение дефицита государственного бюджета к ВВП в 2009 г., что соответствовало кризисной ситуации в экономике и требовало стратегического решения для постепенного выхода в более безопасный режим функционирования, что и наблюдалось в 2010 г., когда индекс размещался в «зона значительного риска», с последующим переходом в «зону стабильности» на пять лет. Однако в 2016 г. произошло обратное перемещение в «зону умеренного риска».

Отношение государственного долга к ВВП за весь период находилось в «зоне стабильности», но происходили колебания, что в значительной степени связано с изменениями внешнего долга. Отношение внешнего долга к ВВП в периоды кризиса (2009–2010 гг. и 2014–2017 гг.) располагалось в «зоне умеренного риска», что связано с девальвацией национальной валюты. Отношение внутреннего долга к ВВП и отношение расходов на обслуживание государственного долга по отношению к общим расходам федерального бюджета потеряли свою значимость для мониторинга экономической безопасности, так как на протяжении многих лет параметры значительно превышали пороговые показатели и находились в «зоне стабильности».

Риски экономической безопасности носят вероятностный характер, при определенных условиях они могут привести к возникновению

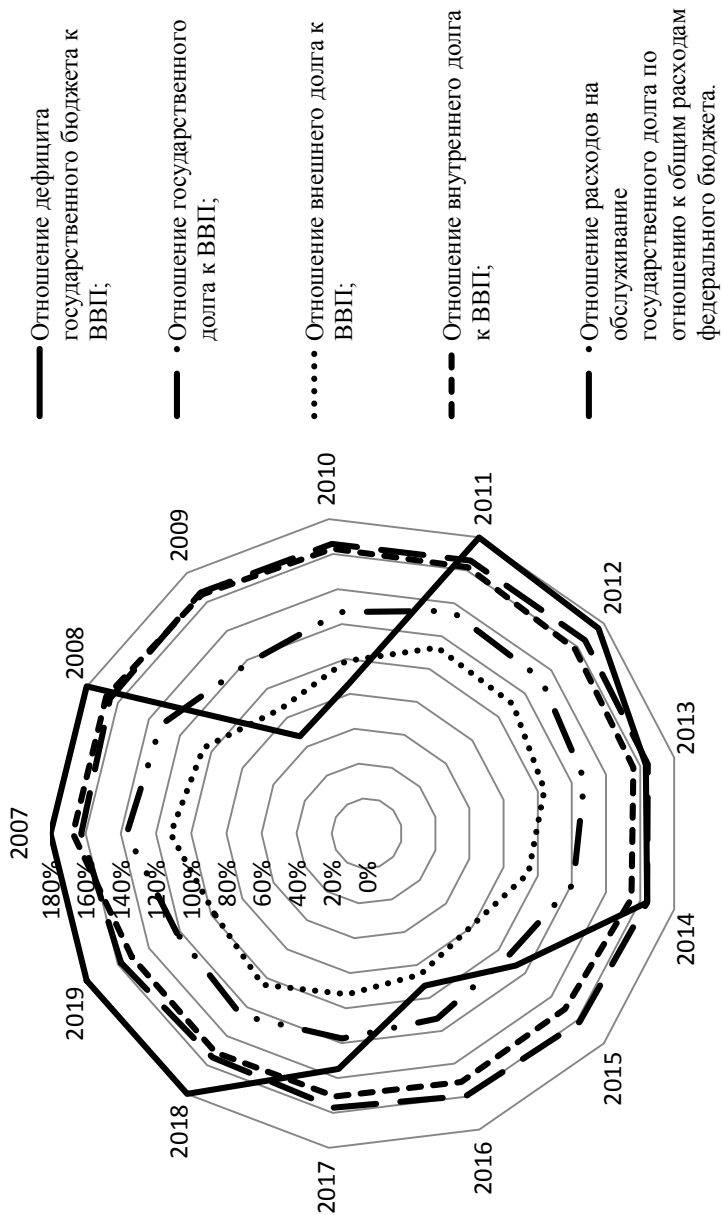

Рис. 4. Ранжирование рисков экономической безопасности России

угрозы экономической безопасности, которая характеризуется большей степенью опасности. Обеспечение экономической безопасности предполагает выявление, оценку и их минимизацию рисков. Е.С. Митяков и С.Н. Митяков указывают, что «для проведения мониторинга экономической безопасности целесообразно использовать инструмент пороговых значений. При превышении единицы риск реализации угрозы практически стремится к нулю, а соответствующий индикатор в системе мониторинга факторов, угрожающих бюджетной безопасности, теряет свою актуальность. С другой стороны, чем меньше значение, тем более значительным является риск, и тем больше вероятность нанесения ущерба национальным интересам России в экономической сфере» [6, с. 50]. Национальная экономическая безопасность обеспечивается при нахождении фактических значений в допущенных рамках пороговых значений. Индикаторы устойчивости федерального бюджета отражают наиболее полно и емко проводимую экономическую политику. Рассмотренные риски находятся преимущественно в «зоне стабильности», то есть обеспечивается высокий уровень экономической безопасности России.

Стратегия экономической безопасности России была принята в 2017 г. Для оценки влияния стратегического планирования на экономическую безопасность сравним показатели устойчивости федерального бюджета в 2017 и 2019 гг. В 2017 г. дефицит бюджета составил 1331,1 млрд рублей. Доля в ВВП составила 1,4% (см. табл. 1), что не составляет угрозы для экономической безопасности России и находится в «зоне стабильности». В 2019 г. бюджет был профицитным, что отражает положительную динамику после принятия Стратегии экономической безопасности России.

Государственный долг в 2017 г. составил 39 846,6 млрд рублей, а в 2019 г. — 43 325,7 млрд рублей. Хотя государственный долг и увеличился к 2019 г., но его доля в ВВП страны уменьшилась, так как ВВП увеличился практически на пятую часть. Следовательно, отношение государственного долга к ВВП тоже уменьшилось. Показатели 2017, и 2019 г. находятся в стабильности и не создают угрозу экономической безопасности страны.

Государственный внешний долг в 2017 г. составил 31 843,1 млрд рублей, в 2019 г. — 34 149,31 млрд рублей, увеличение произошло на 7%. Отношения внешнего долга к ВВП в 2017 и 2019 гг. превышают пороговое значение, установленное на уровне 30%, в 2017 г. составили 34,6%, а в 2019 — 31,3%. Данные значения расположены в зоне умеренного риска. В 2018 г. внешний долг равен 34 149,31 млрд рублей и по отношению к ВВП не создавал угрозу экономической безопасности страны, находясь в зоне стабильности. Государственный

внутренний долг в России составляет малую долю ВВП и за весь рассматриваемый период не превышает 9% (см. табл. 1). В 2017 г. отношение внутреннего долга к ВВП составило 8,7%, а в 2019 — 8,4%, что отражает положительное влияние стратегического планирования. Данные показатели находятся в зоне стабильности.

Отношение расходов на обслуживание государственного долга по отношению к общим расходам федерального бюджета также находится в зоне стабильности. В 2017 г. расходы на обслуживание государственного долга в федеральном бюджете составили 709,2 млрд рублей, а в 2019 — 730,8 млрд рублей, соответственно, экономическая безопасность тоже повышалась.

С целью усиления значимости стратегического планирования для обеспечения экономической безопасности России необходимо проводить аудит безопасности, предложенный В.К. Сенчаговым. Аудит безопасности предполагает экспертизу принятых стратегий с точки зрения достижения разработанных направлений развития, с позиций достижения социально-экономического развития и обеспечения безопасного функционирования государства и общества. Для этого необходима разработка мер, способствующих нейтрализации угроз национальным интересам: во-первых, следует разработать соответствующее обеспечение (нормативно-правовое, научное, организационное, институциональное); во-вторых, внедрить в систему государственного управления для независимой оценки реализуемых мероприятий, принимаемых в рамках стратегий.

В.К. Сенчагов утверждает, что «нельзя сказать, что проблема аудита безопасности в том или ином виде не решается в практике государственного регулирования, однако эти решения, как правило, носят случайный характер и растворяются в ряде оценок эффективности и результативности принимаемых решений законодательной власти и правительства. За акцентом на финансовых проблемах и частично на других (социальных, технологических) обеспечение национальных интересов, особенно в стратегическом плане, отодвигается на задний план. Необходимо формирование стратегии экономической безопасности, которая предусматривает определение лишь общих направлений и действий без детализации. Такая стратегия, с одной стороны, расширяет «слепую зону», но, с другой — является более гибкой и позволяет приспосабливаться к изменяющейся обстановке. Жесткое следование стратегии лишает систему гибкости, поэтому стратегия должна намечать лишь общее направление, в то время как каждая конкретная ситуация должна рассматриваться и решаться отдельно, но в рамках целей и задач стратегии» [10, с. 37].

Таким образом, должна быть обеспечена возможность оценки достижения целей принятых стратегий, с использованием качественных и количественных целевых показателей, критериев и методов их оценки. В качестве приложения к стратегиям следует разрабатывать планы действия соответствующих органов исполнительной власти по обеспечению выполнения намеченных планов обеспечения экономической безопасности с указанием сроков и ответственных лиц.

Стратегическое планирование в России имеет большую историю, что позволяет на современном этапе опираться на опыт предыдущих поколений. Разработан и действует целый комплекс документов стратегического планирования, которые разрабатываются в рамках различные управленческой функций (целеполагания, планирования, прогнозирования и др.).

Для достижения целей, указанных в принятых в стратегии экономической безопасности России, необходим аудит безопасности, который позволит своевременно реагировать на возникающие угрозы и вызовы, нейтрализовать их. Чтобы определить новую стратегию России, направленную на обеспечение экономической безопасности страны, необходим соответствующий уровень экономических знаний при разработке экономической стратегии и осуществлении политики страны. При этом следует помнить, что законы экономического развития имеют объективный характер, в то время как управляющие органы страны самостоятельно определяют вид стратегического планирования, способы ее реализации, механизмы, что имеет субъективный характер, и следовательно, может создавать угрозы или способствовать укреплению экономической безопасности страны. Для принятия правильных управленческих решений следует подлинно определить и оценить сложившуюся ситуацию, рассчитать уровень экономической безопасности. Если экономические знания будут неточными, произойдет необоснованный выбор вида стратегического планирования, в результате чего снизится уровень экономической безопасности, а принятие управленческих решений станет все более субъективным. В последующем его субъективная реализация станет воспринимается как объективная и будет являться отправной точкой в решении практических вопросов без научного анализа и обоснования соответствия действий государства требованиям объективных законов экономического развития.

■ Список литературы

1. *Бабурин С.Н., Дзалиев М.И., Урсул А.Д.* Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты: монография. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 512.
2. *Ведута Е.Н.* Стратегия и экономическая политика государства: учебное пособие. 2-е изд., доп. и испр. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. С. 320.
3. *Ермилина Д.А.* Стратегическое планирование в России: история и современность // Проблемы рыночной экономики. 2016. № 1. С. 4–10.
4. Концептуальные подходы к формированию архитектуры документов стратегического планирования в России / О.О. Смирнова, Л.К. Бочарова, Л.А. Беляевская-Плотник, Ю.Н. Богданова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10. № 4. С. 440–456.
5. Министерство финансов Российской Федерации: Официальный сайт . URL: <https://www.minfin.ru/ru/> (дата обращения: 25.01.2021).
6. *Митяков Е.С., Митяков С.Н.* Оценка рисков в задачах мониторинга угроз экономической безопасности // Труды НГТУ им. П.Е. Алексеева. 2018. № 1. С. 44–51.
7. *Пролетенкова С.Е., Быков Б.А.* Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: анализ, эффективность, перспективы // Административное право и процесс. 2019. № 8. С. 36–39.
8. *Сенчагов В.К.* Бюджет России: развитие и обеспечение экономической безопасности: монография; под ред. д-ра экон. наук, проф. В.К. Сенчагова. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. С. 384.
9. *Сенчагов В.К., Митяков С.Н.* Использование индексного метода для оценки уровня экономической безопасности // Вестник Академии экономической безопасности СВД России. 2011. № 5. С. 41–50.
10. *Сенчагов В.К.* Экономическая безопасность России. Общий курс. - 5-е изд. М.: БИНОМ. ЛЗ, 2015. С. 818.
11. *Сушкова И.А.* Актуальные проблемы обеспечения финансовой безопасности России // Экономическая безопасность России: вызовы XXI века. Саратов. 2018. С. 102–115.
12. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
13. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

14. Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистика. 1999–2019. <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 25.01.2021).
15. Экономическая безопасность: учебник для студентов, обучающихся по специальности 38.05.01 Экономическая безопасность; под ред. д-ра экон. наук, проф. И.В. Манаховой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2019. С. 304.

Л.В. Решетова¹

L.V. Reshetova²

ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ФОРМА ФИНАНСОВОЙ КООРДИНАЦИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА

Planning as a Form of Financial Coordination
of Reproduction

В статье рассматривается планирование как форма координации, установления взаимозависимости при формировании воспроизводственных связей.

Отмечается, что индикативное планирование, связанное с косвенными мерами государственного регулирования, не достаточно для реализации общественных целей. Необходимо осуществить научно-обоснованное планирование с элементами директивного и индикативного воздействия. Альтернативой планомерной координации воспроизводственных связей является рыночная координация. Однако включение России в рыночную среду ведет к закреплению сырьевой специализации в международном разделении труда, что противоречит концепции экономической безопасности. Объективная тенденция к обобществлению производства проявляется в монополизации мировой экономики через финансовализацию. Это отражается в опережающем росте финансового сектора по сравнению с реальным сектором, в его преимуществах в получении и накоплении прибыли, следовательно, в перетягивании в своем направлении ресурсов.

Предполагается сформировать три контура денежного оборота в России: внешний валютный поток; контур наличного, потребительского денежного обращения; контур инвестиционного денежного оборота.

The article discusses planning as a form of coordination, establishing interdependence in the formation of reproductive ties.

It is noted that indicative planning associated with indirect measures of state regulation is not enough for the implementation of public goals.

It is necessary to carry out evidence-based planning with elements of directive and indicative influence.

An alternative to the planned coordination of reproduction links is market coordination. However, the inclusion of Russia in the market environment leads to the consolidation of raw materials specialization in the international division of labor, which contradicts the concept of economic security.

The objective tendency to socialize production is manifested in the monopolization of the world economy through financialization. This is reflected in the outstripping growth of the financial sector in comparison with the real sector, in its advantages in obtaining and accumulating profits, therefore, in pulling resources in its direction.

It is supposed to form three contours of money turnover in Russia: external currency flow; contour of cash, consumer money circulation; the contour of the investment money turnover. Along with this proposal of an independent three-circuit monetary system for organizing the investment process in Russia and related

¹ Решетова Лиля Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент, Ульяновский государственный университет.

² Lilya V. Reshetova, Candidate of Econ. Sc., Associate Professor, Associate Professor at Ulyanovsk State University.

Наряду с данным предложением независимой трехконтурной денежно-расчетной системы для организации инвестиционного процесса в России и сопряженных государствах можно рассмотреть создание государственной и автоматизированной системы денежного обращения. Создание такой системы возможно на основе преобразования Казначейства в банковскую структуру со специализацией других банков на сберегательные, банки коммерческого кредита, инвестиционные и лизинговые для осуществления ими необходимых депозитно-кредитных операций.

Ключевые слова: научно-обоснованное планирование, директивное планирование, индикативное планирование трехконтурной денежно-расчетной системы, казначейство, инвестиционный процесс.

states, one can consider the creation of a state and automated system of monetary circulation. The creation of such a system is possible on the basis of the transformation of the Treasury into a banking structure with the specialization of other banks in savings banks, commercial credit banks, investment and leasing banks to carry out the necessary deposit and credit operations.

Keywords: evidence-based planning, directive planning, indicative planning of a three-circuit monetary system, treasury, investment process.

Рассмотрим планирование как форму координации, установления взаимозависимости при формировании воспроизводственных связей.

В экономической литературе идеи и методики планирования изложены очень подробно [2]. Проблема заключается в том, что на практике в России эти идеи не реализуются.

Прежде всего, это связано с невозможностью директивного воздействия на экономических агентов, представляющих негосударственные формы собственности. Действительно, в ходе приватизационной кампании вместе с упразднением государственной формы собственности во многих стратегических сферах экономики была разрушена производственно-технологическая интеграция. Высшее звено этой интеграции — отраслевая наука была фактически уничтожена. Оставшиеся звенья встроились в глобальные или международные производственные цепочки. Большая часть средних и крупных компаний России зарегистрирована за рубежом.

В настоящее время уровень инновационной активности так же, как и доля нашей страны в мировой торговле высокотехнологической продукцией остаются на крайне низком уровне. В системе государственного управления нет обратных связей, ориентирующих экономику на освоение новых технологий.

Директивное планирование в условиях преобладания частной собственности практически невозможно. В сложившейся открытой экономике, в ситуации, когда процесс воспроизводства предполагает включение иностранных производителей в производственный

цикл, объективно возникает взаимосвязь отечественных и зарубежных производителей. Частные фирмы, и особенно зарубежные, могут не подчиняться директивным указаниям.

Индикативное планирование, связанное с косвенными мерами государственного регулирования, недостаточно для реализации общественных целей.

Поэтому необходимо осуществить научно-обоснованное планирование с элементами директивного и индикативного воздействия.

Альтернативой планомерной координации воспроизводственных связей является рыночная координация. Включение России в рыночную среду ведет к закреплению сырьевой специализации в международном разделении труда, что противоречит концепции экономической безопасности.

Рыночные законы приводят к обострению экономических и социальных проблем, таких как войны за ресурсы и рынки сбыта, загрязнение окружающей среды, разделение общества на слои, касты и др.

Однако даже в рыночных странах очевидны ограничения рыночной координации производства. Чем выше уровень разделения труда, тем выше риски разрушения цепочек создания стоимости для самих корпораций. Какое-либо событие, например введение режима пандемии или санкций, может разорвать сложившиеся интеграционные связи.

Объективная тенденция к обобществлению производства проявляется в монополизации мировой экономики через финансиализацию. Это отражается в опережающем росте финансового сектора по сравнению с реальным сектором, в его преимуществах в получении и накоплении прибыли, следовательно, в перетягивании в своем направлении ресурсов.

В настоящее время наблюдается изменение роли финансовых учреждений, прежде всего банков, превращение их в центры координации как финансовых, так и товарных потоков. Создается новая форма координации между звеньями разделения труда в виде платформ с разнообразными «сервисами» на базе банков, например Сбера. Конечный продукт создают распределенные безликие агенты, поддерживающие цифровую онлайн-связь между собой, а также с поставщиками и потребителями. Создается обязательная связность — сеть.

Возможно, что в цифровом мире смогут продавать только те субъекты, которые сочетаются с другими участниками экономической цепочки, а кредит можно будет получить только после выгрузки всех коммерческих данных о своем предприятии в общее информационное облако.

С учетом необратимости перехода к цифровой экономике следует рассмотреть возможности использования цифровых технологий

в интересах развития России. Такой возможностью является переход к научно-обоснованному планированию.

Планирование может обеспечить инвестиционную и инновационную активность, если плановое задание будет подкреплено расчетно-денежными операциями, независимыми от денежно-кредитной политики МВФ.

Рассмотрим формирование денежно-расчетной системы, соответствующей общенациональным целям, в частности реализации инвестиционного процесса, и плановым инструментам их достижения.

Необходимо создание независимой от доллара США платежно-расчетной инфраструктуры, включающей в себя несколько контуров денежного обращения.

Ее реализация должна предотвратить перелив вновь созданной стоимости из сферы производства в сферу финансовых спекуляций, а также присвоение США инвестиционной и эмиссионной ренты.

Функционирование двухконтурных денежных систем известно в экономической практике. Были реализованы европейская модель социальной рыночной экономики, модель индустриализации стран СЭВ, модель советской экономики.

В некотором смысле положительный опыт функционирования двухконтурной денежной системы продемонстрировал Европейский платежный союз (1950–1958) и механизм расчетов в переводных рублях (1964–1991) [4].

В настоящее время в научных кругах обсуждается предложение ряда экономистов о построении резервного инвестиционного контура двухконтурной национальной валютно-финансовой системы с созданием товарно-материального резервного фонда с использованием индекса товарных цен [3].

На проходившем в г. Санкт-Петербурге 6 декабря 2018 г. заседании Высшего Евразийского экономического совета Президент Российской Федерации В.В. Путин предложил проработать вопрос о создании в ЕАЭС общей расчетной инфраструктуры с использованием современных финансовых технологий.

Можно предложить реализацию проекта трансграничных расчетов с использованием трехконтурной денежной системы.

Предполагаем три контура денежного оборота в России:

- внешний валютный поток;
- контур наличного, потребительского, денежного обращения;
- контур инвестиционного денежного оборота.

1) Внешний валютный поток.

Для отказа от системы финансового глобализма, основанной на долларе, и перехода к обновленной денежно-расчетной системе

есть предложение способствовать формированию международной универсальной денежной системы (УДС) [1]. Такая система должна обладать следующими свойствами:

1. Система эмиссии должна быть политически нейтральной и нечувствительной к давлению со стороны как отдельно взятой страны, так и финансово-политических групп.

2. Денежная единица — Универсальная торговая единица (УТЕ) должна обладать стабильной покупательной способностью в долгосрочной перспективе.

3. УТЕ должна быть более надежным и стабильным средством резервирования, чем любая из национальных валют, а стабильность национальной валюты должна определяться постоянством ее курса по отношению к УТЕ.

4. Система взаиморасчетов (обращения денежной единицы УТЕ) должна обеспечить любому субъекту экономики в мире независимый доступ к своему счету и возможность безопасных взаиморасчетов с любым контрагентом.

Создается коллективный эмитент — «Ассоциация хозяйствующих субъектов» из разных стран, обладающих значительными материальными активами, под обеспечение которых и выпускается валюта. Правила не позволяют ни одному из Эмитентов вводить в УДС очередную сумму эмиссии без обременения под ее обеспечение ликвидного материального актива и без консенсуса между абсолютным большинством Эмитентов.

Поскольку Эмитенты находятся в разных странах, имеющих разные, порой противоположные, геополитические интересы, они будут заинтересованы в достоверной ликвидности обеспечительных активов друг друга. При этом обеспечительный актив обременяется в пользу объединенного Фонда ликвидности системы, находящегося в международной нейтральной юрисдикции.

Такое обстоятельство обеспечивает денежной единице беспрецедентную стабильность, а ее курс, к другим валютам и в любой долгосрочной перспективе, будет всегда расти темпами, превышающими рост инфляции в каждой из национальных валют.

Политическую нейтральность и способ выпуска валюты под материальные активы дает беспрецедентный потенциал для развития международной торговли, инвестиционных механизмов, и главное, обеспечивает финансовый суверенитет странам, включившимся в процесс, в т.ч. и России.

2) Контур наличного, потребительского, денежного обращения.

В настоящее время потребительский контур от коммерческих банков до доходов населения контролирует ответственный за цифро-

визацию в РФ банк «Сбер». Здесь используются в качестве технологий платежные карты, системы распознавания, платежи по QR кодам. Такой контур опирается на американскую IT-компанию Microsoft.

Представляется возможным дать право гражданам конвертировать рубли в УТЕ в цифровой форме.

3) Контур инвестиционного денежного оборота.

Сейчас инвестиционный контур от Банка России и казначейства до коммерческих банков и получателей бюджетных денег контролируется финансовыми институтами и технологически опирается на китайскую IT-компанию Huawei. Строится такой контур как «коллективный искусственный интеллект».

В сфере производства средств производства деньги должны выполнять функции учета, распределения и контроля ресурсов (материальных фондов) в экономике. Масштаб инвестиционных активов должен постоянно расширяться с учетом целей развития нужных государству секторов экономики.

Рассмотрим ситуации, когда необходимо создание определенного продукта или инновации в определенном сегменте.

Государство дает кредит фирме, через уполномоченный банк или казначейство в расчетных деньгах. После продажи продукта кредит возвращается.

Государство дает ассигнования как грант на будущие исследования. Если при этом создается новая технология, то она будет передана на определенных условиях контрагентам в рамках «кругового финансирования» [5] (см. схему 1).

Если новая технология создана не будет, то ассигнования могут учитываться как расходы на исследования. Величина подобных расходов устанавливается в расчете на потенциального инноватора, подобно ваучеру, и не может превышать определенной величины. На этом этапе могут возникать дополнительные расчетные средства, «монетизирующие» стоимость будущего продукта.

С принятием в РФ Закона «О цифровых активах» появилась возможность создавать сеть юридических лиц по артельному принципу и формировать внутренний, эндогенный денежный контур.

Также по аналогии можно указать на создание внутренних механизмов формирования расчетно-денежной массы, эндогенных денег через сеть блокчейн или другой расчетной системы, создающей учетные единицы богатства как расчетно-денежные инструменты.

Обращение денег в безналичных (электронных) национальных валютах внутри «воспроизводственного контура» позволяет монетизировать предпринимательские, инноваторские, способности, будущее потребление.

Схема 1. Круговое финансирование

Тем самым создается соответствующий спрос для инновационного — предпринимательского и потребительского — продукта.

Наряду с данным предложением независимой трехконтурной денежно-расчетной системы для организации инвестиционного процесса в России и сопряженных государствах можно рассмотреть создание государственной и автоматизированной системы денежного обращения на основе Казначейства. Создание такой системы возможно на основе преобразования Казначейства в банковскую структуру со специализацией других банков на сберегательные, банки коммерческого кредита, инвестиционные и лизинговые для осуществления ими необходимых депозитно-кредитных операций [6].

Передача расчетно-платежных операций из банковской сферы в систему Казначейства позволит получать первичные данные по статистике в постоянном режиме по многим параметрам. При прохождении всех расчетов через расчетно-платежную систему можно получить данные по каждому товару в ассортиментном разрезе и по цене с учетом объемов продаж, которые будут суммироваться в автоматическом режиме. Так появятся точные данные не только по инфляции и динамике продаж, но и по социальному статусу покупателей. Это позволит органам управления и бизнесу формировать обоснованные планы по выпуску продукции и политике цен.

Также через Казначейство можно будет фиксировать бюджетные параметры: налоговые поступления, расходы.

Прохождение через казначейскую систему всех денежных операций граждан позволит получать в режиме онлайн те сведения, которые необходимы для корректировки социальной политики. Использование блокчейн-технологии уточнит статистику, поскольку внесение поправок или искажений станет технически невозможным.

Государственная расчетно-денежная система в представленном здесь виде обеспечит низкую инфляцию, поскольку баланс между потреблением и накоплением будет соблюдаться автоматически. Величина кредита автоматически будет определяться данными по отложенному спросу.

Казначейство, как главный регулятор денежного обращения, сможет как увеличивать денежную массу, если требуются дополнительные инвестиции для инновационного развития (путем кредитной эмиссии), так и стерилизовать излишние в обороте деньги.

Создание взаимосвязанных инвестиционных счетов позволит получить кредиты развивающимся предприятиям, по крайней мере те суммы, которые имеются на инвестиционных счетах других предприятий. Также кредиты или ассигнования могут быть выданы государством из бюджета развития.

Ставки по депозитам и кредитованию в таком случае могут быть чисто расчетными и будут устанавливаться лишь для компенсации операционных услуг. Ссудный процент перестанет быть основным препятствием развития экономики и тормозом для инвестиций.

Для такой системы следует перестроить и организационную структуру цифровой экономики. В настоящее время существует конгломерат из нескольких тысяч расчетных узлов банков, МФО, страховых компаний, бирж и платежных систем. Нет общего интерфейса, обеспечивающего связь всех банков и других расчетно-платежных организаций между собой в единую сеть. Согласно перспективной технологии расчетов выполнение всех расчетно-платежных операций как между частными, так и юридическими лицами должна осуществлять одна организация. Это могут быть Центробанк или Казначейство, поскольку именно через них в основном реализуется государственное регулирование денежного обращения [6]. Такой главный регулятор денежного обращения в стране учитывает налоги, формируется бюджет, средства которого направляются в обратном порядке адресно до всех бюджетополучателей, минуя коммерческие банки.

Предлагаемая структура представляет самый широкий простор для блокчейн-технологий [7]. Для осуществления расчетов по экспортно-импортным операциям ВЭБ и ВТБ необходимо подчинить Казначейству, чтобы были учтены и все расчетно-платежные операции по международной торговле этих банков.

Указанные банки могли бы устанавливать курсы валют на основе обеспечения паритетных и равноправных отношений в торговле между Россией и другими странами.

Все расчеты должны осуществляться в рублях, так как предприятия и организации лишаются права открывать валютные счета как в подразделениях Казначейства, так и в коммерческо-инвестиционных банках, а следовательно, не смогут и выводить средства за рубеж — все их экспортно-импортные операции будут идти через ВТБ или ВЭБ. Предполагаются ограничения владения валютой для граждан. Весь денежный оборот страны в таком случае будет полностью централизован, а наличный будет сведен к рыночно-индивидуальному.

Деньги физических и юридических лиц можно сконцентрировать в банках в фондах накоплений для финансирования развития народного хозяйства. Эти деньги будут использоваться соответствующими банками для кредитования предприятий и граждан. При этом заемщик, получив кредит, все расходы будет осуществлять через Казначейство, что позволит контролировать их целевое использование. А что касается бюджетного финансирования исполнения госзаказа, то для предприятия или организации, получивших его, будет открываться кре-

дитная линия, откуда будут перечисляться средства контрагентов и подрядчиков, что полностью исключит возможность откатов.

Цифровая экономика, выстроенная таким образом повысит собираемость налогов, положит конец коррупции как явлению, снизит уровень экономических преступлений. Данная денежно-расчетная система может стать плановым координатором инвестиционного развития, так как исчезнет торможение экономики коррупцией, высокими процентными ставками и дефицитом инвестиций. Валютные спекуляции станут невозможными в принципе, то есть стремительная девальвация рубля, которая произошла в конце 2014 г., никогда не повторится. Обменный курс будет устанавливаться при осуществлении конкретных торговых операций, не централизованно, а дискретно.

Таким образом, предлагается преобразование Казначейства в банковскую систему, в которой будут централизованно выполняться все расчетно-платежные операции на безналичной основе для предприятий и граждан, а банки специализированы по видам выполняемых операций.

Итак, в настоящее время денежные потоки могут стимулировать инвестиции, а значит, и формировать потоки товаров, могут выстраивать производственные интеграционные связи. Так, финансовая, кредитно-банковская система в значительной мере управляет экономикой, координирует воспроизводственную структуру, тем самым становится инструментом планирования.

Альтернативой обычных мировых денег — долларов и некоторых других валют — стали электронные деньги, в частности криптовалюты, созданные по технологии блокчейна. Преимущество электронных денег представляется в том, что они могут выполнять функции учета и контроля материальных потоков, которые сами и продуцируют. Можно выдвинуть гипотезу, что оборот криптовалюты является промежуточным звеном между денежно-кредитным и планомерным управлением.

Итак, в экономической теории есть существенные предложения, касающиеся использования финансовых механизмов для планирования и координации воспроизводственного процесса.

■ Список литературы

1. *Биццев. X.* https://www.youtube.com/watch?v=JzFQrd96Wms&ab_channel=08Channel
2. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Планирование в экономике XXI века: творчески используя наследие СССР (к 100-летию Госплана СССР). Доклад на Международной научной конференции «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о бу-

- душем (к 100-летию Госплана СССР)», 25–26 марта 2021 г. М., 2021. С. 74.
3. *Водянова В.В., Глазунова В.В., Заичкин Н.И., Иванова М.А., Минченков М.А.* Индекс CRB как образ состояния рынков сырьевых товаров // *Сила систем.* М., 2017. С. 52–60.
 4. *Кузнецов А.В.* Институциональные барьеры конкуренции валют в мировой валютной системе // *Финансы и кредит.* М., 2019. С. 2341–2358.
 5. *Решетова Л.В.* Координация воспроизводственного процесса и модернизация России. Ульяновск, 2020.
 6. *Скобликов Е.А.* Закон приоритета государственного регулирования обращения // *Экономист.* 2016. № 6.
 7. *Скоморохов Р.* Как Россия уверенно побеждает санкции с точностью до наоборот. URL: <https://topwar.ru/132848-kak-rossiya-uverenno-pobe>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

Раздел 1

ПЛАНИРОВАНИЕ В 21 ВЕКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ

Бодрунов Сергей Дмитриевич

Современная стратегия развития требует поворота к планированию	9
---	---

Аганбегян Абел Гезевич

О необходимости планирования в новой России	19
--	----

Белоусов Дмитрий Рэмович

Планирование в новом веке: задачи, возможности, системные ограничения	40
--	----

Бузгалин Александр Владимирович,

Колганов Андрей Иванович

Прошлое и будущее планирования:
практики и теория (столетию Госплана
посвящается) 47

Глазьев Сергей Юрьевич

Стратегическое планирование
как интегративный элемент в системе
управления развитием 73

Клейнер Георгий Борисович

Системно-ориентирное планирование:
Россия, XXI век 81

Котц Дэвид М.

Экономическое планирование и рыночное
распределение в экономике XXI века 94

Ленчук Елена Борисовна

Стратегическое планирование как инструмент
ускорения социально-экономического
развития России 105

Миропольский Дмитрий Юрьевич

Балансировка объемов как принцип
функционирования плана 112

Пороховский Анатолий Александрович

План и рынок: брак по расчету 119

Раздел 2
ПЛАНИРОВАНИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ

Белоусова Наталия Ивановна

О методологии синтетического планирования
в сферах естественных монополий в условиях
рыночной трансформации 131

Доржиева Валентина Васильевна

Стратегическое планирование
как инструмент обеспечения формирования
и развития нового индустриального общества
второго поколения 140

Лемещенко Петр Сергеевич

Институциональное планирование
как специфическая форма хозяйствования 149

Расторгуев Валерий Николаевич

Политическое и экономическое планирование:
взаимосвязь и синхронизация, временные
горизонты и риски 166

Рудык Эмиль Николаевич

Возрождение директивно-договорного
планирования в России XXI века – императив
модернизации отечественной экономики
в условиях современных геополитических
вызовов. 176

***Толкачев Сергей Александрович,
Тепляков Артем Юрьевич,
Нормова Юлия Валерьевна***

Планирование и промышленная политика
в эпоху перехода к НИО 2.0 185

Раздел 3

ПЛАНИРОВАНИЕ: УРОКИ СССР

Амосов Александр Ильич

Сравнительный анализ и уроки практики
планирования в СССР и в США 201

Вайнгорт Владимир Леонтьевич

Уроки советского формализованного
планирования в симбиозе с латентным
перераспределением ресурсов и необходимость
планирования человеческого развития
в постиндустриальной экономике 213

Варшавский Александр Евгеньевич

Необходимость восстановления системы
индикативного планирования —
использования опыта разработки Комплексной
программы научно-технического прогресса 220

Воейков Михаил Илларионович

План и рынок 100 лет назад и сегодня 230

Городецкий Андрей Евгеньевич

Советское мобилизационно-эвакуационное
планирование в годы войны и выводы
для современности 239

***Елисеева Ирина Ильинична,
Портнов Александр Вадимович***

Производительность труда; взгляд через
призму Госплана СССР 257

Нуреев Рустем Махмутович

Плюсы и минусы советских пятилеток. 263

Погребинская Вера Александровна

Развитие теории планирования
и прогнозирования в Госплане 20-х годов
XX века (актуальные подходы). 273

***Попов Александр Иванович,
Церкаевич Лариса Владимировна***

Соотношение плановых и рыночных
методов регулирования экономики
в условиях реализации крупномасштабных
проектов в России за последние 100 лет 282

Тощенко Жан Терентьевич

Теория и практика социального планирования
в СССР: истоки, опыт, уроки 295

Хавкин Александр Яковлевич

Уроки выдающегося организатора
промышленного расцвета нашей страны
Н.К. Байбакова 310

Эпштейн Давид Беркович

Директивное планирование в СССР:
достоинства, недостатки, противоречия,
уроки для XXI века 316

Раздел 4

ПЛАНИРОВАНИЕ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Антипенко Леонид Григорьевич

Задача воссоздания КЕПС В.И. Вернадского 325

Варшавский Леонид Евгеньевич

Проблемы планирования производственных мощностей в плановой и рыночной экономике 332

Гаврилов Алексей Николаевич,***Семенов Андрей Александрович***

Централизованное регулирование с акцентом на развитие главной производительной силы как залог успешного экономического развития (опыт прошлого столетия) 344

Конашев Михаил Борисович

Эволюция плановой экономики и эволюционная теория. 353

Молчанова Наталья Петровна

Достоинства и несовершенства директивного планирования 364

Можяев Евгений Евгеньевич,***Егоров Юрий Николаевич,******Васильева Инна Владимировна***

Н.К. Байбаков — выдающийся экономист (к 110-летию со дня рождения) 371

Сафронов Алексей Васильевич

- Конкурентное взаимодействие
Госплана СССР и академических
экономистов в 1960-е – 1970-е годы XX века:
причины и последствия. 382

Соколов Борис Леонидович

- К вопросу о роли Госплана СССР в победе
в Великой Отечественной войне 391

Суслопарова Елена Алексеевна

- Проблема экономического планирования
в программных документах британских
лейбористов: историческая
ретроспектива XX века 403

Хубиев Кайсын Азретович

- Планирование и плановое хозяйство
в теории и на практике 412

Чибриков Георгий Георгиевич

- Планомерность и конкуренция:
противоречивое взаимодействие 421

***Челак Светлана Васильевна,
Тарасова Людмила Васильевна***

- Идея централизованного планирования
экономики и реализация ее в нашей стране:
история и современность 425

Раздел 5
ПЛАНИРОВАНИЕ:
ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В ЭКОНОМИКЕ XXI ВЕКА

Ворожжихин Владимир Вальтерович

Введение в проблемы создания архитектуры
экосистемы управления реализацией
благоприятного будущего страны 439

Диденко Дмитрий Валерьевич

Подходы к анализу опыта взаимодействий
науки и государства в процессах планирования
в условиях рыночной экономики 448

Елецкий Николай Дмитриевич,

Чистяков Андрей Дмитриевич

Планирование локации производственных
кластеров макрорегиона: модификация
методов и функций. 457

Катаргин Николай Викторович

Оптимизация планирования инвестиций
в регионе на основе показателей
качества населения. 467

Каткова Татьяна Евгеньевна,

Смирнова Альбина Ивановна

Практика и пути совершенствования
лесного планирования. 474

Козлов Вячеслав Васильевич

Развитие планирования в соответствии
со ступенями общественного развития 483

***Кочетков Сергей Вячеславович,
Кочеткова Олеся Вячеславовна***

Планирование — программная цель
экономической политики 492

***Манахова Ирина Викторовна,
Лузгина Ксения Сергеевна***

Стратегическое планирование в целях
обеспечения экономической безопасности 504

Решетова Лиля Владимировна

Планирование как форма финансовой
координации воспроизводства 523

Научное издание

ПЛАНИРОВАНИЕ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Подписано в печать 20.10.2021. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура *Newton*
Усл. печ. л. 34. Тираж 500 экз.
Заказ № 00000

ООО «Центркаталог»
123317 г. Москва, пер. Стрельбищенский, д. 30, стр. 1А-п.4, офис 429
Тел.: +7(926)000-33-92; +7(925)217-28-14
E-mail: zk-izdat@yandex.ru <https://zk-izdat.ru>

Для заметок
